МЭТР
МИРОВОЙ
ФАНТАСТИКИ

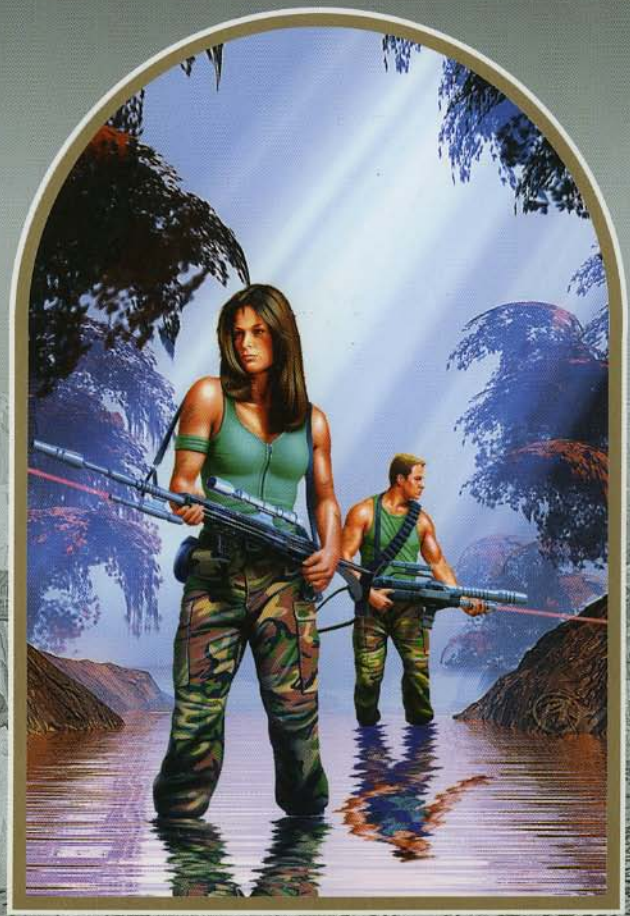
Гарри
ГАРРИСОН

Мир смерти

ЗОЛОТОЙ
ФОНД
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА

Эксмо

Гарри
ГАРРИСОН



Мир смерти

Гарри

ГАРРИСОН

Мир смерти

Гарри
ГАРРИСОН

Неукротимая планета

•

Специалист по этике

•

Мир смерти

•

Линкор в нафталине

•

Планета проклятых

•

Планета, с которой не возвращаются

МОСКВА
ЭКСМО
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гарри

ГАРРИСОН

Мир смерти

МОСКВА
ЭКСМО
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 20

HARRY HARRISON

DEATHWORLD
Copyright © 1960 by Harry Harrison

THE ETHICAL ENGINEER
Copyright © 1964 by Harry Harrison

DEATHWORLD 3
Copyright © 1968 by Harry Harrison

THE MOTHBALLED SPACESHIP
Copyright © 1973 by Harry Harrison

PLANET OF THE DAMNED
Copyright © 1962 by Harry Harrison

PLANET OF NO RETURN
Copyright © 1981 by Harry Harrison

Оформление серии художника *А. Саукова*

Гаррисон Г.

Г 20 Мир смерти: Фантастические произведения/Пер. с англ. — М.: Эксмо, 2007. — 704 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-09066-2

В эту книгу вошли произведения из двух знаменитых циклов — «Мир смерти» и «Планета проклятых». Их герои, ловкий галактический мошенник Язон динАльт и Брайон Брандт — легендарный чемпион в двадцатиборье, человек с уникальными способностями, вынуждены выполнять практически невыполнимые задачи на суровых планетах, патологически враждебных всему земному. Но, невзирая ни на какие препятствия, с оружием в руках доказывают они свое священное право на самое дорогое, что есть у человека, — жизнь.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. Л. Жданов, В. Быстров, А. Захаренков, П. Киракозов, Н. Васильева, П. Жуков, 2005
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-09066-2

Неукротимая планета

Посвящается Джону У. Кемпбеллу, без чьей помощи никогда не была бы написана эта книга, как и изрядная доля современной фантастики.

Глава 1

Трубопровод пневмопочты тихо выдохнул в приемную чашку патрон размером с карандаш. Сигнальный звонок тренькнул и смолк. Язон динАльт уставился на безобидный патрон так, словно это была бомба с часовым механизмом.

Тут какой-то подвох... Он почувствовал, как внутри все напряглось. В чашке лежал не официальный бюллетень и не извещение от гостиничной администрации, а запечатанное личное письмо. Но ведь он никого не знает на этой планете, еще и восьми часов не прошло, как он прибыл сюда на космическом корабле. У него даже имя новое — он сменил его в предпоследнем космопорту, — значит, никакого личного письма быть не должно. А между тем вот оно, лежит в чашке.

Он сорвал ногтем печать и снял крышку. Искаженный записью металлический голос нельзя было опознать:

«Керк Пирр хотел бы встретиться с Язоном динАльтом. Жду в вестибюле».

Явный подвох, и, однако, никуда не денешься. Хоть бы оказалось, что это какой-нибудь безвредный тип. Скажем, коммивояжер. Или что его с кем-то спутали. Все же Язон спрятал под подушкой пистолет, сняв его с предохранителя: мало ли что может случиться... После чего передал дежурному администратору, чтобы гостя направили в его номер. Когда дверь отворилась, Язон полулежал на краю кушетки и прихлебывал какой-то напиток из высокого стакана.

«Бывший борец», — подумал Язон, глядя на вошедшего в номер седого богатыря. Так вот он какой, Керк Пирр. Не человек — скала, сплошные литые мышцы. Строгий серый костюм напоминал форменную одежду. К правому предплечью пристегнута шершавая потертая кобура, из которой холодно смотрело дуло пистолета.

— Ты — динАльт, игрок! — произнес незнакомец без тени учтивости. — У меня к тебе предложение.

Глядя на него поверх стакана, Язон проигрывал в уме возможные варианты. Это либо полиция, либо конкуренты, а

он предпочел бы не иметь дела ни с теми, ни с другими. И во всяком случае, надо побольше разузнать, прежде чем ввязываться в какие-либо сделки.

— Простите, приятель, — Язон улыбнулся, — но вы ошиблись дверью. Я бы рад вам помочь, да только от моей игры больше выгадывают казино, чем я. Так что...

— Не будем играть в кошки-мышки, — перебил его властный, рокочущий голос Керка. — Ты динАльт, и ты же Боухилл. Если тебе этого мало, могу назвать планету Мэхаут, казино «Туманность» и кучу других. У меня есть предложение, от которого мы оба выиграем, так что лучше выслушай меня.

Язон продолжал улыбаться, словно речь шла не о нем, но весь напружинился. Этот мускулистый незнакомец знает вещи, которых ему знать не положено... Пора менять тему разговора.

— А у вас недурной пистолет, — сказал Язон. — Да только вид пистолетов действует мне на нервы. Я буду вам признателен, если вы его снимете.

Керк хмуро скосился на кобуру, как будто только сейчас ее заметил.

— Я никогда его не снимаю, — буркнул он с оттенком недовольства.

Прощупывание кончилось. Пора брать руль в свои руки, если он хочет выйти живым из этой переделки. Язон наклонился вперед, чтобы поставить стакан на стол, в это же время его правая рука как бы невзначай очутилась под подушкой. Пальцы нащупали рукоятку пистолета.

— Боюсь, что я буду вынужден настоять на своем. А то мне всегда как-то не по себе в обществе вооруженных людей.

Говоря это, Язон выхватил свой пистолет. Его рука двигалась мягко и быстро.

С таким же успехом он мог изображать замедленное кино. Керк Пирр стоял будто монолит, глядя, как пистолет появляется из-под подушки и поворачивается в его сторону. Он оставался безучастным до последней секунды. Но дальше он действовал молниеносно. Только что его пистолет был в кобуре — и вот уже смотрит прямо в лоб Язону. Тяжелое, грозное оружие, дуло рябое от частого пользования.

Язон понимал, что ему не жить, если он поднимет свой пистолет еще хоть на дюйм. И он осторожно опустил руку, браня себя за то, что дал порыву взять верх над рассудком.

Керк вернул свое оружие в кобуру так же играючи, как выхватил его.

— Ну, хватит шутки шутить, — сказал Керк. — Займемся делом.

Язон протянул руку за стаканом и отпил добрый глоток для успокоения нервов. Он умел обращаться с оружием, быстрая реакция не раз спасала ему жизнь, а тут ему впервые утерли нос. Больше всего его злило то, как легко, походя, это было сделано.

— Никаких дел, — произнес он ледяным тоном. — Я прилетел на Кассилию отдыхать, у меня отпуск.

— Не будем морочить друг другу голову, динАльт, — нетерпеливо сказал Керк. — За всю жизнь ты и дня не занимался честным трудом. Ты профессиональный игрок, потому я и пришел к тебе.

Язон подавил ярость и швырнул пистолет на другой конец кушетки, чтобы не было соблазна покончить жизнь самоубийством. А он-то был уверен, что его никто не знает на Кассилии, приготовился взять большой куш в игорном доме... Ладно, потом разберемся. У этого атлета явно все продумано. Пусть прокладывает курс, и посмотрим, что он замыслил.

— Хорошо, что вам угодно?

Керк опустился в кресло, которое жалобно скрипнуло от такого груза, достал из кармана конверт, вскрыл его и бросил на стол пачку мерцающих галактических банкнотов. Язон взглянул на них и сразу выпрямился.

— Фальшивки? — спросил он, поднося один банкнот к свету.

— Самые настоящие, — заверил его Керк. — Сам получал их в банке. Двадцать семь штук — двадцать семь миллионов кредов. Мне нужно, чтобы ты играл на эти деньги в казино сегодня вечером. И нужно, чтобы ты выиграл.

Билеты и впрямь выглядели настоящими, к тому же можно было свериться в банке. Язон задумчиво перебирал их, глядя на своего собеседника.

— Не знаю ваших намерений, — сказал он. — Но учтите, что я ничего не могу гарантировать. Да, я играю, однако не всегда выигрываю.

— Ты играешь — и выигрываешь, когда очень хочешь выиграть, — отчеканил Керк. — Мы постарались удостовериться в том, прежде чем я обратился к тебе.

— Если вы хотите сказать, что я жульничаю...

Язон вовремя спохватился и взял себя в руки. Кажется, сейчас возмущаться вредно для здоровья...

А Керк, игнорируя нарастающий гнев Язона, продолжал ровным голосом:

— Хорошо, пусть это, по-твоему, не жульничество, а мне, по правде говоря, все равно. По мне, так хоть тузы в рукавах, хоть электромагниты в ботинках, лишь бы выигрыш был твой. Я пришел сюда не мораль с этикой обсуждать. У меня деловое предложение. Эти деньги дались нам тяжелым трудом, но все равно их слишком мало. Нам нужно три миллиарда кредов, ни больше ни меньше. Единственный способ их добыть — игра. Ставка — вот эти самые двадцать семь миллионов.

— А я что получу? — сухо спросил Язон, как будто в этом фантастическом предложении была хоть толика смысла.

— Все, что сверх трех миллиардов, можешь оставить себе. По-моему, это вполне справедливо. Сам ничем не рискуешь, а выиграешь — можешь обеспечить себя на всю жизнь.

— А если я проиграю?

Керк на миг задумался, мысль о проигрыше явно была ему не по вкусу.

— Да, это верно, ты можешь и проиграть. Я об этом не подумал... — Решение последовало сейчас же: — Что ж, проиграешь так проиграешь, приходится рисковать. Только боюсь, что тогда мне придется убить тебя. Во имя тех, кто отдал жизнь, чтобы добыть эти двадцать семь миллионов. — Он сказал это спокойно, без тени злобы, не угрожая, а констатируя факт.

Язон вскочил с кушетки, снова наполнил свой стакан, налил и Керку, который кивнул в знак благодарности, и нервно заходил по комнате. Ему не сиделось, слова Керка разозлили его, и в то же время так трудно было устоять против соблазна. На заядлого игрока такие речи действовали, как вид наркотика на наркомана.

Вдруг он остановился, поняв, что в душе давно уже все решил. Проигрыш, выигрыш, жизнь, смерть — да разве можно отказаться, когда речь идет о таких деньгах! Язон круто повернулся и направил указательный палец на атлета в кресле:

— Я согласен. Да вы, наверно, с первой минуты знали, что я соглашусь. Но с одним условием. Я хочу знать, кто вы

такой и кто эти люди, о которых вы все время говорите. И откуда деньги... Они краденые?

Керк осушил стакан и отодвинул его в сторону.

— Краденые? Ничего похожего. Эти деньги — плод двух лет упорного труда в рудниках и обогатительных цехах. Руда добыта на Пирре и продана здесь, на Кассилии. Проверить это ничего не стоит. Я сам ее продал. Я посланник Пирра на этой планете. — Он улыбнулся и продолжал: — Впрочем, не придавай слишком большого значения этому титулу. Я числюсь посланником еще на пяти-шести планетах. Это очень сподручно, когда занимаешься бизнесом.

Язон поглядел на седовласого богатыря в поношенной одежде военного покроя и решил воздержаться от смеха. Ему доводилось слышать удивительные вещи про пограничные планеты, и не исключено, что каждое слово было правдой. Правда, про Пирр он никогда не слыхал, но это ничего не значит. Только в обитаемой части Вселенной больше тридцати тысяч планет.

— Я проверю ваши слова, — сказал Язон. — Если все подтвердится, мы поладим. Свяжитесь со мной завтра...

— Нет, — отрубил Керк. — Деньги должны быть выиграны сегодня. Я уже выписал чек на эти двадцать семь миллионов, и деньги надо внести завтра утром, не то процент подскочит до Плеяд. Мы связаны сроком.

С каждой минутой затея пиррянина казалась Язону все более сумасшедшей и все более увлекательной. Он поглядел на часы. До вечера далеко, есть время проверить, говорит ли Керк правду или лжет.

— Ладно, пусть сегодня, — сказал он. — Но мне понадобится один из этих кредитных билетов для проверки.

Керк встал:

— Бери их все, мы встретимся снова только после твоего выигрыша. Конечно, я буду в игорном доме, но не показывай виду, что знаком со мной. Лучше, чтобы они не знали, откуда у тебя деньги и сколько их.

Секунду спустя он уже был за дверью — после рукопожатия, от которого у Язона осталось такое чувство, словно его рука побывала в железных тисках. Деньги... Держа их веером, будто карты, Язон смотрел на коричневые билеты с золотым тиснением и не верил своим глазам. Двадцать семь миллионов кредов. Что мешает ему сейчас попросту выйти с ними в эту дверь и исчезнуть? Ничто. Если не считать его гордости.

Керк Пирр, человек, фамилия которого совпадает с названием его родной планеты, — последний дурак во всей Вселенной. Или... Или он не дурак. Судя по тому, как протекала их беседа, второе вернее.

«Он знает, что я предпочту играть на деньги, а не красть их», — подумал Язон и усмехнулся.

Потом он засунул в кобуру на поясе свой пистолет, положил деньги в карман и вышел из номера.

Глава 2

Электронный кассир в банке озадаченно звякнул при виде миллионной кредитки и включил световое табло, предлагающее клиенту пройти к вице-директору Уэйну. Вице-директор, скользкий тип с вкрадчивыми манерами, вытаращил глаза и слегка побледнел, когда Язон предъявил ему пачку кредиток.

— Вы... желаете поместить эти деньги в нашем банке? — спросил он, машинально поглаживая пальцами билеты.

— Не сегодня, — ответил Язон. — Мне вернули долг. Будьте любезны, проверьте их. И разменяйте — мне нужно пятьсот билетов по тысяче кредов.

Оба его внутренних кармана были очень плотно набиты, когда он покидал банк. Проверка подтвердила подлинность банкнотов, и теперь Язон чувствовал себя ходячим монетным двором. Первый раз в жизни ему было не по себе от обладания крупной суммой. Он остановил проходящее гелитакси и направился прямо в казино. Там он будет в безопасности, во всяком случае, на время.

Казино «Кассилия» служило игорным центром для ближайшего звездного скопления. Язон попал сюда впервые, но он хорошо знал этот род заведений. Почти все свои зрелые годы он провел в таких же игорных домах разных галактик. Только оформление различается, а суть одна. На виду — игра и публичные развлечения, за кулисами — все то, чего не выставляют напоказ. Теоретически выигрыши не ограничивались, однако это правило действовало лишь до какого-то предела. Стоило кассе казино понести ощутимую потерю, как честная игра кончалась, и с этой минуты удачливому клиенту следовало глядеть в оба. Со всем этим Язон динАльт сталкивался тысячу раз, и сейчас он был в меру насторожен.

Ресторан был почти пуст, и метрдотель поспешил навстречу посетителю, костюм которого свидетельствовал о приличном доходе. Худощавый и темноволосый, Язон держался решительно и уверенно, его можно было скорее принять за представителя состоятельной династии, чем за профессионального игрока. Он придавал немалое значение этому образу и старался не выходить из него.

Кухня производила хорошее впечатление, а винный погреб оказался превосходным. В ожидании супа Язон подошел к бармену, и у них состоялся квалифицированный и увлекательный диалог, после чего он воздал должное трапезе.

Язон не торопился, и, пока ел, просторное помещение ресторана наполнялось людьми. После обеда он выкурил сигару и посмотрел эстрадную программу. И когда он наконец перешел в игорные залы, там уже кипела жизнь.

Язон медленно совершил первый круг, оставил несколько тысяч тут, несколько тысяч там, не придавая значения исходу. Сейчас ему важнее всего было проверить свое чутье. Похоже, что игра ведется честно, столы — без подвохов. Конечно, подстроить что-нибудь недолго. Обычно в этом нет нужды, казино получают достаточный барыш.

За одним из столов он заметил Керка, но тот даже не оглянулся. Посланник Пирра играл по маленькой в семерку, проигрывал и обнаруживал явные признаки нетерпения. Очевидно, ждал, когда же сообщник поведет игру всерьез. Язон улыбнулся и не спеша пошел дальше.

Как обычно, Язон занял место за столом, где шла игра в кости. Самый верный способ выигрывать по малой. «А если сегодня на меня накатит, очищу всю кассу этого казино!» Он думал о своем секрете, благодаря которому никогда не оставался в проигрыше. А время от времени даже загребал большой куш и уносил ноги, не дожидаясь, когда его перехватят наемные головорезы.

Подошла его очередь, он выбросил восемь. Ставки были невысокие, и Язон не очень налегал, только следил, чтобы не было семи. Выполнив свою задачу, он отвалился, и кость перешла к соседу.

Сидя и машинально делая небольшие ставки, пока кость шла по кругу, Язон размышлял о своем свойстве: «Странно, сколько лет над этим бьются, а мы до сих пор так мало знаем про психокинез. Научились натаскивать людей — самую

малость, развивать врожденные способности — чуть-чуть. И все».

Язон чувствовал себя в ударе, миллионы, оттопыривавшие его карман, сыграли роль импульса, который иногда помогал ему зажечься. Прикрыв глаза, он взял кости и мысленно погладил рисунок, образованный ямками. В следующую секунду они выскочили из его руки на стол, и он увидел семь.

Есть!

Такого подъема он не ощущал много лет. А все эти миллионы кредов! Окружающее воспринималось предельно четко и ясно, кости беспрекословно слушались. Он знал с точностью до десятки, сколько денег в бумажниках у других игроков, мысленным взором видел все карты на руках у картежников за другими столами.

И Язон медленно, осторожно начал повышать ставки.

С костями все шло как по маслу, они катились и останавливались по его желанию, словно ученые собачки. Язон не торопился, сосредоточил внимание на психологии игроков и крупье. Почти два часа ушло у него на то, чтобы довести выигрыш до семи миллионов кредов. Тут он перехватил сигнал дежурного, который сообщил дирекции, что казино грозит крупный проигрыш. Выждав, когда этот тип с колючими глазами вернулся к столику, Язон подул на кости, поставил все свои фишки и одним махом просадил их. Крупье облегченно улыбнулся, лицо дежурного посветлело, а Керк — Язон заметил это уголком глаза — побагровел.

Бледный, вспотевший Язон чуть дрожащей рукой полез во внутренний карман и достал конверт с новенькими кредитками. Распечатал его и бросил на стол два билета.

— Предлагаю не ограничивать ставок, — сказал он просящим голосом. — Дайте мне шанс отыграться.

Дежурный, с трудом сдерживая улыбку, переглянулся с крупье, который быстро кивнул ему. Дескать, попался простак, надо его обчистить. Весь вечер лазил в бумажник, а теперь вот распечатал конверт, рассчитывает вернуть проигрыш. Толстый конверт, и, наверно, деньги не его. Разумеется, их это меньше всего заботило. Не все ли равно, откуда деньги. Игра возобновилась, и представители казино позволили себе расслабиться.

Это было как раз то, чего добивался Язон. Надо хорошенько завести их, пока они не смекнули, что в конечном итоге казино может остаться с носом. Потому что тогда они,

как говорится, пустят в ход тяжелую артиллерию, а эту минуту хотелось бы отодвинуть возможно дальше. Каждый выигрыш будет даваться ему с большим трудом, а психокинетический огонек может погаснуть так же внезапно, как вспыхнул. С ним это уже бывало.

Теперь поединок шел только между Язоном и казино, остальные игроки превратились в статистов. Зрители плотной стеной обступили столик. Сперва выигрыши чередовались с проигрышами, потом он взял подряд несколько крупных ставок — и гора золотых фишек стала быстро расти. Он прикинул, что дело идет уже к миллиарду. Кости по-прежнему слушались, но Язон весь взмок от напряжения. Он поставил все фишки и протянул руку за костями. Однако крупье опередил его своей лопаточкой.

• — Казино требует сменить кости, — твердо сказал он.

Язон выпрямился и вытер руки платком, радуясь передышке. Уже третий раз казино меняло кости, пытаясь оборвать полосу его удачи. Правила допускали это. Дежурный с колючими глазами снова раскрыл свой бумажник и не глядя вытащил пару костей. Сорвав целлофановую обертку, он бросил их через стол Язону. Выпало семь очков, и Язон улыбнулся.

Но когда он взял кости в руки, улыбка медленно сошла с его лица. Кости были прозрачные, абсолютно гладкие, одинаково тяжелые со всех сторон. И тем не менее с подвохом.

Кружочки на пяти гранях каждой кости были сделаны из какого-то сплава, вероятно, со свинцом. На шестой грани сплав был с железом. Кости будут катиться как положено, пока не попадут в магнитное поле. А ведь всю поверхность стола под сукном можно превратить в магнит... И он ни за что не заметил бы обмана, если бы не внутреннее зрение. Но что же теперь делать?

Медленно встряхивая кости, Язон окинул стол взглядом. Ага, вот то, что ему нужно. На металлической кромке стола стояла магнитная пепельница. Он перестал трясти кости, испытующе поглядел на них, быстро взял пепельницу и опустил ее донышком себе на ладонь.

Когда он снова поднял пепельницу, окружающие дружно ахнули. Кости прилипли к ней шестерками вниз.

— Вы это называете хорошими костями? — спросил Язон.

Рука дежурного метнулась к боковому карману. Один Язон видел, что произошло в следующую секунду. Его глаза

были прикованы к этой руке, и сам он уже взялся за свой пистолет. Но тут из-за чьей-то спины вынырнула могучая лапища, которая могла принадлежать только одному человеку. Большой и указательный пальцы на миг сомкнулись клешней вокруг запястья дежурного и тотчас отпрянули. Дежурный пронзительно вскрикнул и вытянул руку вперед — сломанная кисть висела будто перчатка.

С таким фланговым прикрытием Язон спокойно мог продолжать игру.

— Прежние кости, если не возражаете, — сдержанно произнес он.

Огорошенный крупье повиновался. Язон быстро встряхнул кости и бросил их. Они еще не коснулись стола, когда он вдруг поймал себя на том, что не может ими управлять. Наитие кончилось.

Грани костей мелькали перед глазами, наконец остановились. Семь очков.

Принимая выигранные фишки, Язон подсчитал сумму. Чуть меньше двух миллиардов кредов. Столько они получат, если он прекратит игру теперь. Но Керку нужно три. Ничего, обойдется. Он хотел уже встать, когда поймал взгляд Керка и увидел, как тот отрицательно мотнул головой.

— Ладно, — устало произнес Язон. — Еще один раз.

Он подул на кости, потер их о манжету и спросил себя, кой черт его сюда занес. Судьба миллиардов кредов решается парой игральных костей. Это же годовой доход какой-нибудь из планет поменьше. Не будь государство главным пайщиком казино, такие ставки были бы невозможны. Он долго тряс кости, тщетно стараясь восстановить свою власть над ними, наконец бросил.

Вся прочая деятельность в казино прекратилась, люди стояли на столах и стульях, устремив взгляд туда, где играл Язон. Царила мертвая тишина. Кости звучно ударились о стол и покатились по сукну.

Пятерка и единица. Теперь все зависит от следующих попыток. Язон сгреб кости, прошептал над ними древние ругательства, приносящие счастье, и бросил снова.

Только на пятый раз выпало шесть.

Толпа вздохнула вместе с ним, со всех сторон загудели голоса. Сейчас бы расслабиться, перевести дух, но Язон знал, что это исключено. Мало выиграть деньги — надо еще унести их. Причем так, чтобы не вызвать подозрений. Он остановил

проходившего мимо официанта с полным подносом напитков и сунул ему в карман стокредовую бумажку.

— Я угощаю! — крикнул он, забирая поднос.

Болельщики мигом разобрали бокалы, и Язон принялся складывать на поднос фишки. Кажется, не уместятся... В эту минуту рядом с ним появился Керк с другим подносом.

— Я с удовольствием помогу вам, сударь, если позволите, — сказал он.

Язон поощрительно улыбнулся. Только теперь он смог по-настоящему рассмотреть Керка в его новом качестве. Пиррянин был одет в свободный вечерний костюм из легкой ткани пурпурного цвета, причем он явно подложил впереди что-то изображающее животик. Длинные мешковатые рукава усиливали впечатление тучности, скрывая могучие мышцы Керка. Нехитрая, но действенная маскировка.

Осторожно неся тяжелые подносы, они пробились между рядами возбужденных завсегдатаев к окошечку кассы. Их ожидал сам управляющий с вымученной улыбкой на лице. Но и эта улыбка исчезла, когда он подсчитал фишки.

— Вы не могли бы прийти завтра? Боюсь, у нас сейчас нет в наличии такой суммы.

— В чем дело? — закричал Керк. — Вздумали увильнуть? Небось меня обчистить вам ничто не помешало! Нет уж, рассчитывайтесь!

Его поддержали болельщики, которых всегда радовал проигрыш казино. Язон быстро нашел решение.

— Ладно, я согласен уступить, — громко сказал он. — Давайте наличными сколько можете, на остальное выпишите чек.

Выхода не было, и под бдительным надзором злорадствующей публики управляющий набил кредитками конверт, затем выписал чек. Язон быстро пробежал его глазами, после чего, зажав под мышкой конверт, направился следом за Керком к двери.

В главном зале, набитом посетителями, никто их не тронул, но у выхода из казино дорогу им преградили двое.

— Минуточку, — начал один из них.

Больше он ничего не успел сказать. Керк, не замедляя шага, продолжал идти вперед, а оба незнакомца отлетели в стороны, будто кегли. В следующую секунду Керк и Язон были уже на улице и быстро шагали по мостовой.

— На стоянку, — сказал Керк. — У меня там машина.

Завернув за угол, они увидели мчащийся прямо на них автомобиль. Прежде чем Язон успел выхватить пистолет, Керк шагнул вперед. Его рука взметнулась вверх, и знакомое Язону грозное оружие, прорвав рукав, буквально прыгнуло ему в ладонь. Первый же выстрел убил шофера, автомобиль вильнул в сторону и врезался в дом. Два пассажира упали замертво возле дверец, обронив свои пистолеты на землю.

Больше им никто не мешал. Керк на полной скорости погнал свою машину прочь от казино. Ветер трепал разорванный рукав костюма, обнажая кобуру с пистолетом.

— Слушай, когда будет такая возможность, — заговорил наконец Язон, — объясни мне этот фокус с пистолетом.

— Когда будет такая возможность, — ответил Керк, сворачивая в туннель, ведущий в город.

Глава 3

Дом, у которого они остановились, явно принадлежал какому-то знатному кассилийцу. Пока они ехали, Язон успел пересчитать выигрыш и отложить свою долю — почти шестнадцать миллионов кредов. Прямо сказка... Когда они вышли из машины, он отдал Керку его деньги и чек.

— Вот твои три миллиарда, — сказал он. — И не думай, что они мне легко дались.

— Могло быть хуже, — услышал он в ответ.

— Сир Элл уже лег спать, — прохрипел репродуктор над дверью. — Пожалуйста, приходите утром. Прием только по предварительной зап...

Фраза оборвалась на полуслове, когда Керк высадил дверь, легонько надавив на нее ладонью.

Входя, Язон посмотрел на искореженный замок и снова подивился своему партнеру: «Сила... нет, это не просто сила... это как стихия. Похоже, его ничто не может остановить».

Его это злило и то в же время интриговало. Он сказал себе, что не отступится, пока не разузнает побольше про Керка и его планету. И про тех, кто умер ради денег, на которые он сегодня играл.

Сир Элл был человек в летах, лысеющий и сердитый. И отнюдь не привычный к тому, чтобы нарушали его покой.

Впрочем, он тотчас перестал брюзжать, едва Керк бросил на стол деньги.

— Погрузка корабля закончена, Элл? Вот, получай, теперь мы в расчете.

С минуту Элл только молча щупал кредитки, потом наконец ответил:

— Корабль... а, да, конечно. Мы сразу начали погрузку, когда поступил аванс. Извините... но это как-то необычно. Мы такие сделки наличными не оформляем.

— А я предпочитаю деньги на бочку, — ответил Керк. — Авансовый чек я аннулировал, вот тут все полностью. Как насчет расписки?

Элл машинально написал расписку, потом вдруг опомнился. Крепко сжимая ее в руке, он озабоченно посмотрел на разложенные перед ним на столе три миллиарда.

— Погодите... Я не могу взять их сейчас, вам придется прийти еще раз завтра утром прямо в банк. Все как положено, — решительно заключил он.

Керк протянул руку и выдернул бумажку из пальцев Элла.

— Благодарю за расписку, — сказал он. — Завтра утром меня здесь уже не будет, лучше поладим так. А если вы боитесь за деньги, советую вызвать кого-нибудь из заводской охраны или из частной полиции. Все-таки спокойнее.

Когда они выходили через взломанную дверь, Элл лихорадочно набирал номера на пульте своего визифона.

Прежде чем Язон открыл рот, Керк уже ответил на его очередной вопрос:

— Надо думать, ты не прочь пожить подольше, чтобы иметь возможность истратить денежки, которые выиграл. Так что я заказал два места на межпланетном корабле. — Керк глянул на часы и продолжал: — Вылет через два часа, у нас еще куча времени. Я проголодался, поищем ресторан. Надеюсь, у тебя в гостинице не осталось ничего такого, за чем стоило бы возвращаться. Это может оказаться затруднительно.

— Ничего такого, за что стоило бы жизнь отдать, — ответил Язон. — Так где мы поужинаем? У меня к тебе есть несколько вопросов.

Спускаясь до грузового яруса, они покружили по туннелям, пока не убедились, что их никто не преследует. Наконец Керк загнал машину в какой-то темный тупик, здесь они ее и оставили.

— Мы легко добудем другую, — сказал Керк. — А эта у них, наверно, уже на примете. Пошли, вернемся на сквозную магистраль, я заметил там ресторан по пути сюда.

На стоянке темнели могучие силуэты наземных грузовозов. Язон и Керк пробрались между колесами в рост человека и вошли в шумный душный ресторан. Сидевшие за столиками водители и рабочие утренних смен не обратили на них никакого внимания; они высмотрели тихий закуток и набрали заказ на круглом диске.

Керк отрезал от солидной порции мяса хороший кусок и бодро сунул его себе в рот.

— Ну, задавай вопросы, — сказал он. — Теперь я готов отвечать.

— За какой корабль ты рассчитывался? Что это за груз, из-за которого я рисковал своей головой?

— Мне показалось, что ты рисковал из-за денег, — парировал Керк. — Но можешь не беспокоиться, речь идет о добром деле. От этого груза зависит жизнь целого мира. Оружие, боеприпасы, мины, взрывчатка и все такое прочее.

Язон чуть не подавился:

— Контрабанда оружия? Ты что, небольшую войну финансируешь? А еще толкуешь о жизни — это с таким-то грузом! Только не говори мне, что он предназначен для мирных целей. Кого вы убиваете?

Добродушие покинуло лицо седого богатыря; теперь оно выражало хорошо знакомую Язону непреклонность.

— Что ж, выражение «мирные цели» вполне подходит. По существу, мы только к этому и стремимся — жить в мире. И мы убиваем не «кого», а «что».

Язон сердито отодвинул тарелку:

— Ты говоришь загадками. Я не вижу никакого смысла в твоих словах.

— Смысл есть. Правда, только на одной планете во всей Вселенной. Что ты знаешь о Пирре?

— Ровным счетом ничего.

Взгляд Керка стал отсутствующим, было очевидно, что его мысли унеслись куда-то очень далеко. Затем он продолжал:

— Пирр и человек — несовместимые вещи. И однако люди живут на нем уже около трехсот лет. Средняя продолжительность жизни у нас там — шестнадцать лет. Конечно, большинство взрослых живет дольше, но на средней цифре

сказывается высокая детская смертность. Это совсем не гуманоидный мир. Сила тяжести вдвое больше нормальной. Температура за день колеблется от арктической до тропической. Климат... его надо испытать на себе, чтобы представить. Во всей галактике не найдешь ничего подобного.

— Как ты меня напугал, — невозмутимо сказал Язон. — Какая у вас газовая оболочка? Метан? Хлор? Бывал я на таких планетах...

Керк ударил кулаком по столу. Тарелки подскочили, ножки стола жалобно скрипнули.

— Лабораторные реакции! — рявкнул он. — Куда как эффектно в химическом кабинете, но ты попробуй представить себе целую планету с такими газами! Одно галактическое мгновение, и вся мерзость связана в безобидных стальных соединениях. Атмосфера может быть ядовитой для кислородного организма, а в остальном не опаснее разбавленного пива. Если хочешь знать, для планеты только одно сочетание является чистым ядом. Побольше аш-два-о, самого универсального растворителя на свете, плюс свободный кислород...

— Вода и кислород? — перебил его Язон. — Ты подразумеваешь Землю? Или что-нибудь вроде Кассилии? Это же абсурд.

— Ничего подобного. Ты сам родился в такой среде, оттого она и кажется тебе естественной и нормальной. Ты привык, что металлы должны окисляться, а берега разрушаться, привык, что грозы мешают радиосвязи. Обычная история для водно-кислородных миров. Да только на Пирре все это возведено в энную степень. Ось планеты наклонена под углом около сорока градусов, и колебания температур в году огромные. Это одна из главных причин, почему все время изменяется ледяной покров. И получаются такие перемены погоды, что никакими словами не описать.

— Если это все, — сказал Язон, — я не понимаю...

— Все? Это только начало. Моря и океаны — вот тебе еще разрушительный фактор, даже два. Во-первых, испарения, которые поддерживают мощные ветры, во-вторых, чудовищные приливы. Два спутника Пирра, Самас и Бессос, когда их притяжение складывается, могут нагнать приливную волну высотой до тридцати метров. Кто не видел, как такая волна захлестывает действующий вулкан, тот вообще еще ничего не видел. Нас привели на Пирр тяжелые элементы, и по милости этих же элементов планета напоминает кипящий котел.

Если взять ее ближайшее звездное окружение, в нем было не меньше тринадцати сверхновых, и, конечно, на большинстве из этих планет можно найти тяжелые элементы. И в придачу — не пригодную для дыхания газовую оболочку. Чтобы по-настоящему, всерьез вести горные работы и добывать руду, нужно постоянное, вполне самостоятельное поселение. Вот почему мы остановились на Пирре, где радиоактивные элементы образуют ядро планеты и покрыты оболочкой из более легких элементов. Это обеспечило пригодную для человека атмосферу, но, с другой стороны, не прекращается вулканическая деятельность, ведь расплавленная плазма прорывается на поверхность.

Язон молча слушал, пытаясь представить себе жизнь на планете, которая, можно сказать, непрерывно сражалась сама с собой.

— Но самое приятное я приберег на десерт, — сказал Керк с мрачным юмором. — Теперь, когда ты получил представление о среде, вообрази, какие организмы в ней обитают. Сомневаюсь, чтобы на других планетах нашелся хотя бы один вид, который проживет там больше минуты. На Пирре что растения, что животные — это же чистые гангстеры. Они без конца сражаются с родной планетой и друг с другом. Сотни тысяч лет генетического отбора создали такие штуки, что электронную вычислительную машину жуть возьмет. Бронированные, ядовитые, сплошные когти и щупальца. Это относится ко всему, что ходит, летает или просто сидит на месте. Видел ты когда-нибудь растение с зубами? Растение, которое кусается? Думаю, что и не захочешь увидеть. Потому что для этого надо попасть на Пирр, а там едва ты успеешь выйти из корабля, как можно заказывать гроб. Мне и то придется пройти переподготовку, прежде чем выходить из космопорта. Борьба за существование заставляет организмы непрерывно конкурировать и изменяться. Умереть в этой борьбе куда как просто, а вот способов убить столько, что всех и не перечислишь.

Казалось, широкие плечи Керка поникли под тяжестью забот. Наконец он встряхнулся, как бы сбрасывая это бремя, и снова принялся за ужин. Собирая хлебом подливку, он поделился вслух своими мыслями:

— Логически у нас вроде бы нет причин оставаться на Пирре и вести войну, которой не видно конца. Конечно, если не считать того, что Пирр — наша родина.

Керк проглотил последний кусок хлеба с подливкой и заключил, указывая вилкой на Язона:

— Скажи спасибо, что ты не пиррянин и никогда не увидишь Пирр.

— Вот тут-то ты и ошибся, — возразил Язон, стараясь говорить возможно хладнокровнее. — Дело в том, что я полечу с тобой.

Глава 4

— Не болтай вздора, — сказал Керк, заказывая вторую порцию жаркого. — Есть куда более простые способы покончить с собой. Ты забываешь, что стал миллионером. С твоими деньгами ты можешь до конца жизни предаваться отдыху на курортных планетах. Пирр — планета смерти, а не достопримечательность для пресыщенных туристов. Я не могу позволить тебе лететь со мной туда.

Игроки, не умеющие владеть собой, долго не живут. Язон основательно разозлился. Но внешне это проявлялось, так сказать, со знаком «минус»: его лицо было совершенно бесстрастным, голос — предельно спокойным.

— Не учи меня, что мне можно, а чего нельзя, Керк Пирр. Ты сильный человек и ловкий стрелок, но это еще не дает тебе права распоряжаться мной. В крайнем случае ты можешь помешать мне лететь на твоем корабле. Но что мне стоит найти другой способ? И нечего изображать меня туристом, ведь ты не знаешь, какие соображения влекут меня на Пирр.

Язон не стал объяснять, что это за соображения. Во-первых, он еще сам в них не до конца разобрался, во-вторых, ему не хотелось раскрывать душу. Чем больше он путешествовал, тем меньше разницы видел. Старые цивилизованные планеты все на одно лицо, сплошная скука. Пограничные миры — однообразный примитив, что-то вроде временных лагерей в лесу. Нельзя сказать, чтобы все галактики ему опостылели. Просто он исчерпал их возможности, а себя еще не исчерпал. До знакомства с Керком Язон не встречал никого, кто превзошел бы его самого или мог хотя бы равняться с ним. Это было вовсе не самомнение, а голый факт. И вот он стоит перед новым фактом: похоже, что есть целый народ, который превосходит его. Язон знал, что не сможет спать спокойно,

пока не побывает там и не убедится в этом своими глазами. Даже если это будет стоить ему жизни.

Но разве скажешь об этом Керку? Он лучше поймет другие аргументы.

— Вот ты не хочешь пускать меня на Пирр, — сказал Язон. — А ты сперва подумай. Я не буду говорить о том, что ты мне обязан, потому что я выиграл нужные тебе деньги. Но ты подумай о следующем разе. Сейчас тебе понадобилась уйма всякого оружия, может, и снова понадобится. Так не лучше ли иметь под рукой испытанного и верного товарища, чем изобретать какой-нибудь новый ход, который еще может подвести?

Керк задумчиво уписывал вторую порцию мяса.

— Что ж, в этом есть смысл. По правде говоря, мне это в голову не пришло. Такой уж изъян у нас, жителей Пирра, — мало думаем о будущем. День прожить — и то задача. Проблемы решаем, когда возникнут, далеко вперед не заглядываем. Можешь лететь со мной. Авось еще будешь жив, когда нам понадобишься. Как посланник Пирра на этой и других планетах, официально приглашаю тебя. Все расходы за наш счет. При условии, что ты неукоснительно будешь выполнять все наши указания по поводу твоей личной безопасности.

— Условия приняты, — сказал Язон. И спросил себя, отчего это он с такой радостью подписывает свой смертный приговор.

Керк расправлялся уже с третьей порцией десерта, когда его часы тихонько зажужжали. Он немедленно отбросил вилку и встал.

— Пора, — сказал он. — Нам надо выдерживать график.

Язон тоже встал из-за стола, тем временем Керк сунул в автомат положенное количество монет в уплату за ужин. Загорелась надпись «Уплачено», и они быстро вышли из ресторана.

Язон ничуть не удивился, когда за углом они ступили на межъярусный эскалатор. Он уже сообразил, что после казино каждый их шаг был рассчитан заранее. Можно не сомневаться, что объявлена тревога и их разыскивают по всей планете. Тем не менее пока не видно никаких признаков преследования. Язону и прежде доводилось спасаться от блюстителей закона, опережая их, что называется, на один ход, но впервые его при этом вел за ручку кто-то другой. Он улыбнулся собственной покорности. Столько лет сражался в одиночку, что теперь даже приятно кому-то подчиняться.

— Живей, — буркнул Керк, снова взглянув на часы, и побежал вверх по эскалатору так, что только поспевай.

Они пробежали пять пролетов, ни встречных, ни догоняющих не было, наконец Керк угомонился и предоставил эскалатору выполнить всю работу.

Язон был доволен своей физической формой. Правда, такое быстрое восхождение после бессонной ночи сделало свое, он взмок и тяжело дышал. А Керку хоть бы что — лоб сухой, дышит ровно...

На втором автоярусе Керк сошел с медленно ползущей лестницы и жестом позвал Язона за собой. В ту самую секунду, когда они очутились на улице, прямо перед ними около тротуара остановилась машина. Здравый смысл подсказал Язону, что хвататься за пистолет не надо. Открылась дверца, водитель вышел. Керк молча вручил ему полоску бумаги и сел за руль. Язон едва успел вскочить в кабину, как машина рванула с места. Вся процедура отняла не больше трех секунд.

В тусклом свете Язон не смог как следует присмотреться к шоферу, однако он и без того узнал его. Нет, они никогда не встречались прежде, но после знакомства с Керком Язон где угодно определил бы пиррянина по атлетической фигуре.

— Ты дал ему расписку Элла? — спросил он.

— Точно. Можно быть спокойным за корабль и груз. Они будут достаточно далеко, пока кассилийцы проследят путь чека от казино до Элла. А теперь позаботимся о себе. Я объясню тебе все подробно, чтобы ты потом не дал маху. Слушай внимательно, и если будут вопросы, задашь их, когда я кончу говорить.

Это было сказано так категорично, что Язон безропотно подчинился. Хотя про себя не без улыбки подумал о том, как быстро Керк отнес его в разряд сосунков.

Они свернули, вливаясь в поток транспорта, направляющийся к космодрому. Керк легко вел машину и объяснял:

— В городе объявлен розыск, но мы опережаем противника. Я уверен, что кассилийцы не захотят портить себе марку на всю Вселенную и не станут перекрывать дороги. Но космодром, конечно, уже кишит их людьми. Если деньги уйдут с планеты, их уже не вернешь, они это знают. И когда мы пойдем напролом, они будут уверены, что деньги еще при нас. Тогда корабль с боеприпасами уйдет без всяких помех.

Язон слегка опешил:

— Это как же, ты хочешь, чтобы мы, как говорится, приняли огонь на себя и прикрыли вылет транспортного корабля?

— Можно и так выразиться. Но ведь нам все равно надо убираться отсюда, так почему не превратить наше бегство в дымовую завесу? А теперь помолчи, пока я не закончу, понял? Еще раз перебьешь, я тебя высажу.

Язон в этом ничуть не сомневался. Внимательно и молча он выслушал, как Керк повторил все сначала и заключил:

— Служебный въезд, наверно, будет открыт. И за каждой машиной будут наблюдать агенты в штатском. Может быть, нам даже удастся проникнуть на территорию неузнанными, в чем я сильно сомневаюсь. Это не важно. Мы проедем через ворота прямо к стартовой площадке. У нас билеты на «Гордость Дархана», за две минуты до взлета он сигналит и отцепляет трап. Мы занимаем свои места, и корабль тут же взлетает.

— Это все очень здорово, — сказал Язон. — А что в это время делает охрана?

— Стреляет в нас и друг в друга. А мы воспользуемся неразберихой — и в корабль.

Нельзя сказать, чтобы его ответ успокоил Язона. Ну да ладно...

— Хорошо, допустим, мы пробрались на корабль. А что помешает им задержать старт, пока нас не вытащат и не поставят к стенке?

Керк на миг оторвал глаза от дороги, чтобы бросить на него презрительный взгляд.

— Я же сказал тебе, что корабль называется «Гордость Дархана». Если бы ты знал хоть что-нибудь об этой планетной системе, тебе сразу все было бы ясно. Кассилия и Дархан — так сказать, планеты-сестры, и они во всем соперничают между собой. Лет двести назад, даже меньше, они схватились так, что обеим чуть конец не пришел. Теперь между ними вооруженный до зубов нейтралитет, и ни одна из сторон не смеет его нарушать. Как только мы ступим на борт корабля, мы окажемся на дарханской территории. Соглашения о выдаче у них нет. И как бы ни хотелось Кассилии нас заполучить, все же не настолько, чтобы затевать новую войну.

Дальше объяснять было некогда, Керк вывел машину из общего потока и свернул на эстакаду с объявлением «Для служебных машин». Под резким светом фонарей у ворот, к

которым они приближались, Язон почувствовал себя обнаженным.

Ворота были закрыты.

С другой стороны появилась встречная машина, и Керк сбавил ход. Один из охранников что-то сказал водителю, потом сделал знак дежурному, и створки ворот стали раскрываться внутрь. В ту же секунду Керк выжал до отказа акселератор.

Все произошло молниеносно. Турбина взвыла, покрышки взвизгнули, и машина с ходу распахнула ворота. Язон успел заметить ошеломленные лица охранников; в следующую секунду оба они юркнули за угол будки. Вдогонку машине грянуло несколько выстрелов, но пули просвистели далеко в стороне.

Ведя одной рукой, Керк другой достал из-под приборной доски пистолет — копию чудовища, которое лежало в его кобуре.

— Держи взамен своего, — сказал он. — Пули реактивные. Грому от них... Не старайся в кого-нибудь попасть, это я беру на себя. Просто попугай их немного, чтобы держались подальше. Вот так.

Он быстро выстрелил в боковое окошко и бросил пистолет Язону чуть ли не раньше, чем пуля поразила цель. Пустой грузовик взлетел на воздух, обрушив на соседние машины град обломков и заставив водителей броситься врассыпную.

Кошмарный рейд через сумасшедший дом... Керк гнал машину с явным презрением к смерти. Преследующие машины заносило на отчаянных виражах. Едва ли не все стартовое поле Керк и Язон прошли на двух колесах, оставляя за собой дымящийся хаос.

И вот уже погоня далеко позади, а впереди — только стройный шпиль «Гордости Дархана».

Посланец соперничающей планеты, само собой разумеется, был окружен крепкой проволочной изгородью. Закрытые ворота охранялись солдатами, которые уже изготовились к стрельбе. Но они напрасно ждали. Керк погнал машину прямо на ограду.

— Береги лицо! — крикнул он.

Язон закрыл руками голову в ту самую секунду, когда они врезались в изгородь.

Пронзительно заскрежетал металл, проволока прогнулась и опутала машину, но все же устояла. Язона сорвало с сиденья и бросило на приборную доску; хорошо, что амортизато-

ры смягчили удар. Когда Керк выломал дверцу, Язон уже решил, что путешествие окончено. Должно быть, Керк увидел его закатившиеся глаза, потому что он, не говоря ни слова, выдернул Язона из кабины и толкнул на изуродованный капот.

— Лезь через проволоку и бегом к кораблю! — заорал он и для полной ясности сам показал пример.

Просто непостижимо, как этот тяжеловес мог развить такую скорость. Он мчался будто атакующий танк. Язон тряхнул головой, разгоняя мглу, и тоже набрал приличный ход, однако он был только на полпути к кораблю, когда Керк вскочил на трап. Рабочие уже отцепили трап, но озадаченно остановились, когда плечистый атлет затопал по ступенькам.

На верхней площадке Керк повернулся и начал стрелять по солдатам, которые ворвались в распахнутые ворота. Те сразу залегли и открыли ответный огонь, сосредоточив почти все свое внимание на Керке.

Бегущему Язону казалось, что он видит замедленное кино. Керк спокойно отстреливался, стоя под градом пуль. Люк корабля свободен, ничего не стоит укрыться, но Керк продолжал прикрывать Язона.

— Спасибо, — выдохнул Язон, одолевая последние ступеньки и обессиленно ныряя в люк.

— Добро пожаловать! — сказал Керк, входя следом и помахивая в воздухе пистолетом, словно он остужал его.

Хмурый офицер, который стоял в сторонке, чтобы его не задела шальная пуля, смерил их взглядом и пробурчал:

— Ну и как это все надо понимать?

Керк поплевал на палец, потрогал ствол пистолета и вернул его в кобуру.

— Мы законопослушные граждане другой планетной системы, ничего преступного не совершили. Но эти кассилийцы — дикари какие-то, цивилизованному человеку с ними просто невозможно иметь дело. И мы решили улететь на Дархан, вот наши билеты. Насколько я понимаю, мы теперь находимся на суверенной территории Дархана?

Последнее было сказано специально для кассилийского офицера, который в эту минуту появился на верхней площадке трапа и выхватил свое оружие. Его можно было понять. Два разыскиваемых преступника ускользали от него. И к тому же на дарханском корабле! Ярость ударила ему в голову, и он прицелился.

— А ну, выходи, сволочи! Сбежать думали, да не тут-то было! Руки вверх, и пошли, не то живо на тот свет отправлю...

Время остановилось, и казалось, этому мгновению никогда не будет конца. Керк и Язон неподвижно глядели на направленный на них пистолет.

Дарханский офицер шагнул в сторону, и оружие кассилийца дернулось было следом за ним, но тут же снова нацелилось на беглецов. Дарханец сделал только один шаг, но этого было довольно, чтобы он очутился рядом с вмонтированной в переборку красной коробкой. Быстрым движением руки он отворил крышку и поднес большой палец к расположенной внутри кнопке. Губы дарханца растянулись в улыбке, больше напоминающей оскал. Он принял решение, подсказанное ему бесцеремонностью кассилийского офицера.

— Один выстрел на дарханской территории, и я нажму эту кнопку! — крикнул он. — Вы знаете, что это за кнопка, на ваших кораблях стоят точно такие же. Малейший враждебный акт против корабля — и кнопка будет нажата. Через секунду из реактора будут вынуты все регулирующие стержни, корабль взлетит на воздух — и половина вашего паршивого города вместе с ним. — Его улыбка, словно высеченная в камне, не оставляла никакого сомнения в том, что он выполнит свою угрозу. — Ну, стреляйте, чтобы я мог нажать кнопочку!

Завыла стартовая сирена, сердито замигала команда капитана: «Закрыть люк». Еще секунду четыре человека смотрели друг на друга, будто персонажи из жестокой драмы. Наконец кассилиец, взвыв от бессильной злобы, повернулся и побежал вниз по трапу.

— Все пассажиры на борту. Сорок пять секунд до старта. Очистить площадку! — прозвучал голос дарханца.

Одновременно он закрыл коробку и запер крышку. Керк и Язон едва успели лечь на перегрузочные ложа, как «Гордость Дархана» оторвался от платформы.

Глава 5

Как только корабль вышел на орбиту, капитан пригласил Язона и Керка. Керк взял слово и рассказал начистоту о том, что произошло ночью. Он умолчал только о том, что Язон профессиональный игрок. Нарисовал очаровательный по-

ртрет двух удачливых иностранцев, у которых злые кассилийцы задумали отнять честно выигранные деньги.

Его рассказ превосходно согласовался с представлением капитана о Кассилии. Кончилось тем, что командир корабля вынес благодарность своему офицеру за правильные действия и принялся готовить пространный доклад начальству. А Керку и Язону он пожелал всякого успеха и предложил им чувствовать себя на борту как дома.

Перелет до Дархана длился недолго, Язон не успел даже выспаться. Так как у Керка с Язоном не было никакого багажа, они первыми прошли через таможню. Выходя из здания, они увидели, как поодаль приземляется другой корабль. Керк остановился, наблюдая посадку, и Язон последовал его примеру. Корабль был серый, изборожденный рубцами. Обводы, как у транспортника, но пушек не меньше, чем у крейсера.

— Это, конечно, твой, — заметил Язон.

Керк кивнул и направился к транспортному кораблю. Когда они подошли, открылся люк, однако никто не стоял в проеме, только автоматический трап со стуком дотянулся до земли. Грузный Керк живо вспорхнул по нему, и Язон угрюмо вскарабкался следом, говоря себе, что эти ребята с Пирра, пожалуй, переигрывают. Простота простотой, но все же...

Впрочем, усвоить пиррянские нравы было несложно. И Язон уже не удивился, когда увидел, что и внутри корабля посла ожидал такой же прием. Никого. Керк сам задраил люк, и под звуки стартовой сирены они устроились на ложах. Взревели рабочие двигатели, и на Язона навалилась перегрузка.

Он ждал, когда же она кончится, а она становилась все сильнее, выжимая воздух из легких, ослепляя его. Язон закричал, но из-за гула в ушах не расслышал собственного голоса. Обморок избавил его от дальнейших мук.

Когда он пришел в себя, на корабле уже царила невесомость. Он продолжал лежать с закрытыми глазами, ощущая, как боль постепенно отпускает его. Вдруг совсем рядом раздался голос Керка:

— Это я виноват, Мета. Надо было предупредить тебя, что у нас на борту непривычный пассажир. А то ты всегда рвешь с места, так что кости трещат.

— У него как будто все кости целы... Но что он тут делает? — Язон слегка удивился, услышав, что говорит девушка. Впрочем, не настолько, чтобы поднять налитые болью веки.

— Летит на Пирр. Я, понятно, старался его отговорить —

не вышло, уперся. Жаль, конечно, ведь я вроде в долгу перед ним. Это он добыл деньги для нас.

— Это ужасно, — сказала девушка.

«Что тут ужасного? — спросил себя Язон. — Не понимаю».

— Лучше бы он остался на Дархане, — продолжала она. — Он симпатичный. Досадно, что ему придется умереть.

Тут Язон не выдержал. Сделав над собой усилие, он открыл сперва один глаз, затем другой. Голос принадлежал девушке лет двадцати — двадцати двух. Она стояла рядом с ложем и смотрела вниз, на Язона. У нее было красивое лицо.

Он раскрыл глаза еще шире, когда разобрал, что она не просто, а очень красива — особой красотой, которой Язон никогда не встречал на центральных планетах. Он привык к другим женщинам: бледная кожа, покатые плечи, серые лица, раскрашенные гримом. Продукт многовекового искусственного отбора с акцентом анемичности; такое развитие оказалось возможным после того, как медицина научилась сохранять жизнь обреченным с точки зрения эволюции типам.

Эта девушка во всех отношениях была прямой противоположностью им. Она представляла собой продукт борьбы за существование на Пирре. Высокая гравитация, снабдившая мужчин могучей мускулатурой, налила силой и женские мышцы. Упругая фигура богини, бронзовая кожа, безупречный овал лица. Коротко подстриженные волосы обрамляли голову золотым венцом. Неженственной была лишь пристегнутая к предплечью массивная кобура. Увидев, что Язон открыл глаза, она улыбнулась ему. Белизна ее безупречных зубов вполне оправдала его ожидания.

— Я — Мета, пилот этого корабля. А вы, как я понимаю...

— Язон динАльт. Ну и взлет у вас, Мета!

— Извините. Честное слово, — рассмеялась она. — Но у того, кто родился на нашей планете, своего рода иммунитет к перегрузкам. К тому же синергическая траектория сберегает горючее...

Керк хмыкнул:

— Ладно, Мета, пошли посмотришь груз. Там есть такие новинки, сразу закроем все бреши в Периметре.

— Пошли скорей! — Она чуть не захлопала в ладоши от радости. — Я заглянула в спецификацию, это же просто прелесть.

«Совсем как школьница, которой подарили новое платье. Или коробку конфет. Надо же радоваться так... бомбам и ог-

неметам!» Язон криво усмехнулся и со скрипом поднялся на ноги. Керк и Мета уже вышли, и он, морщась от боли, протиснулся в дверь следом за ними.

Язон не сразу отыскал трюм. Корабль был большой, а команды не видно. Наконец он в одной из ярко освещенных кают обнаружил спящего человека. Это был водитель, который передал им машину на Кассилии. Он тотчас открыл глаза, словно и не спал крепким сном за секунду до этого.

— Как пройти в грузовой отсек? — спросил Язон.

Пиррянин ответил, закрыл глаза и снова уснул, прежде чем Язон успел поблагодарить.

Керк и Мета уже успели вскрыть несколько ящиков и буквально захлебывались от восторга, рассматривая смертоносный груз. Мета держала в руках канистру с распылителем; заметив Язона, она повернулась к нему:

— Вы только поглядите на эту штуку! Этот порошок, которым она заряжена, — его хоть ешь, ничего не будет. А все формы растительной жизни он убивает мгновенно... — Она запнулась, видя, что Язон отнюдь не разделяет ее ликования. — Простите. Я как-то забыла, что вы не пиррянин. Вам не совсем понятно, о чем речь?

Он не успел ответить, как включилась система оповещения и чей-то голос позвал Мету.

— Переход на новую программу, — сказала она. — Идемте со мной на мостик, я займусь уравнениями, а заодно поговорим. Я ведь, кроме Пирра, почти нигде и не бывала, у меня к вам тысяча вопросов.

На мостике Мета сменила вахтенного офицера и принялась готовить данные для ОХР — особого ходового режима. Как-то странно было видеть среди электронной аппаратуры ее плотную, но гибкую фигурку в облегающем скафандре. Но с работой она явно справлялась.

— Мета, а вы не молоды, чтобы водить межзвездный корабль?

— Я? — Она призадумалась. — Правду говоря, я не знаю, какой возраст положен для пилотов. Скоро три года, как я вожу корабль, а мне почти двадцать. Это мало для космонавта?

Язон открыл рот и рассмеялся:

— Должно быть, все зависит от того, с какой ты планеты. Кое-где вам было бы непросто получить свидетельство. Но на Пирре, разумеется, все иначе. Там вы, наверно, уже в старушках ходите?

— Это вы, конечно, шутите, — спокойно сказала Мета, набирая очередную цифру. — Я видела старушек на некоторых планетах. Морщинистые, с седыми волосами. Не знаю, сколько им было лет, я спросила одну, но она не захотела говорить. Во всяком случае, она была намного старше любого жителя Пирра, у нас таких лиц не увидишь.

— Я не это хотел сказать. — Язон искал нужное слово. — Не старая, конечно, а взрослая, в зрелом возрасте.

— У нас все взрослые. Вернее, как перестают нуждаться в присмотре, так и взрослые. Это значит, лет с шести. Мой первый ребенок уже взрослый, и второй был бы взрослым, если бы не умер. Так что я уж точно взрослая.

Коротко и ясно. Для нее, а у Язона слова Меты, за которыми он угадывал необычную обстановку со своими понятиями и нормами, вызвали полную сумятицу в голове.

Мета закончила перфорацию программы, дождалась, когда машина начала выдавать ленту с данными для нового курса, и опять повернулась к Язону:

— Я рада, что вы летите с нами, жаль только, что на Пирр. Но у нас еще будет много времени поговорить, а мне столько всего хочется узнать! Про другие планеты. И почему тамошние люди так себя ведут. Совсем не так, как наши. У нас мне понятны поступки каждого человека.

Перфолента на секунду отвлекла внимание Меты, но тут же она опять перевела взгляд на Язона.

— Расскажите о своей планете.

Язон мысленно перебрал басни, которыми обычно потчевал посторонних, и все забраковал. Какой смысл врать девушке, которой решительно все равно — холоп ты или аристократ? Для нее в галактике есть только два рода людей: пирряне и все остальные. Впервые с тех пор, как Язон бежал с Поргорсторсаанда, он решил сказать правду о своем происхождении.

— Моя планета? Самый нудный и паскудный медвежий угол во всей Вселенной. Кто не был там, тот не может себе представить, что значит загнивающий аграрный мир с сословным делением, весьма довольный своим бесцветным существованием. Никаких перемен, больше того — никто их не хочет! Мой отец был фермером, и я тоже стал бы фермером, если бы послушался старших. Они даже мысли не допускали о том, что я могу заняться чем-то другим. А все мои мечты и желания шли вразрез с установленными порядками. Читать я научился только в пятнадцать лет, да и то по книге, которую украл в приви-

легированной школе. Дальше так и пошло. К девятнадцати годам, когда я удрал «зайцем» на корабле с другой планеты, не было того закона, который я не успел нарушить. И с каким удовольствием я их нарушал! Покинуть родную планету для меня было все равно что вырваться из тюрьмы на волю.

Мета покачала головой:

— Просто не могу себе представить такого мира. Знаю только, что мне бы там не понравилось.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Язон. — Ну вот, вырвался я в космос — без профессии, не приученный ни к какому делу, то тут, то там приткнешься... В наш технологический век я никак не мог найти себе места. Конечно, можно было пойти на военную службу, но уж очень я не люблю, когда мной командуют. А тут я заметил, что мне везет в азартных играх, так мало-помалу и втянулся. Люди-то везде одни и те же, так что я всюду неплохо устраиваюсь.

— Я понимаю, что вы подразумеваете, когда говорите, что люди везде одни и те же. И все-таки они такие разные... Я не очень толково объясняю, да? Я хочу сказать, что дома я всегда знаю, как человек поступит и почему. И на других планетах тоже люди ведут себя, в общем, одинаково, как вы и говорите, но мне трудно бывает их понять. Ну вот, например... Когда мы куда-нибудь прилетаем, мне нравится пробовать местную пищу, и, если есть время, я иду в бар или, скажем, в ресторан. Их всегда можно найти около каждого космодрома. И каждый раз у меня какие-нибудь неприятности с мужчинами. Они непременно хотят угостить меня вином, подержать за руку.

— Что ж, в таких заведениях одинокая девушка должна быть готова к тому, чтобы стать предметом внимания со стороны мужчин.

— Это я понимаю, — сказала Мета. — Мне непонятно другое: почему они не слушают, когда я говорю, что не хочу знакомиться, и прошу отойти от меня. Они только смеются в ответ и продолжают приставать. Но я нашла одно безошибочное средство. Я говорю такому человеку, что сломаю ему руку, если он не оставит меня в покое.

— И это помогает? — спросил Язон.

— Конечно, нет. Но когда в самом деле сломаешь ему руку, он наконец отстает. И уже тогда другие ко мне не подходят. А главное, все это беспокойство зря, потому что еда чаще всего отвратительная.

Язон воздержался от смеха. Тем более что эта девушка в

самом деле была способна сломать руку любому из тех висельников, которых хватает в каждом космопорту. В ней странным образом сочетались простодушие и сила, ничего подобного он еще не встречал. И Язон больше прежнего утвердился в своем стремлении побывать на планете, рождающей таких людей, как Керк и Мета.

— Расскажите мне про Пирр, — попросил он. — Почему вы с Керком так уверены, что я упаду замертво, как только мы приземлимся? В чем дело?

Ее лицо сразу посуровело.

— Этого я не сумею рассказать. Вы должны сами убедиться. Я поняла это после того, как побывала на других планетах. Пирр не похож ни на что во всей галактике. И что бы я ни говорила, вы не поверите, пока не будет поздно. Обещайте мне одну вещь.

— Нет, — ответил Язон. — Во всяком случае, я должен сперва услышать, в чем дело.

— Оставайтесь на корабле, когда мы сядем. На борту вам ничего не грозит, а я через несколько недель опять повезу груз.

— Отсиживаться в корабле? И не подумаю.

Язон понимал, что предложение Меты обоснованно, но ее менторство вызывало в нем протест.

Мета молча закончила расчет особого ходового режима. Между ними возникло напряжение, которое исключало дальнейший диалог.

Язон увидел ее только на следующий день, да и то совершенно случайно. Войдя в астронавигационную рубку, он обнаружил, что она стоит там и смотрит через прозрачный купол в мерцающую искрами черноту. До сих пор Язон видел Мету только в форме, теперь она стояла в мягком одеянии из облегающей тело блестящей ткани.

Она улыбнулась ему:

— До чего звезды хороши! Посмотрите.

Язон подошел к ней и поднял голову вверх. Причудливые небесные узоры при особом ходовом режиме были ему хорошо знакомы и все-таки волновали душу. Тем более теперь. Присутствие Меты создавало совершенно особую атмосферу в темной рубке. Ее запрокинутая голова касалась его плеча, волосы заслонили часть неба и ласкали его обоняние своим запахом.

Руки Язона непроизвольно обняли ее и ощутили тепло

плотного тела под тонкой тканью. Судя по тому, что Мета накрыла его пальцы своими ладонями, она не была возмущена.

— Ты улыбаешься, — сказала она. — Ты тоже любишь звезды?

— Очень люблю, — ответил он. — Но... мне вспомнился твой рассказ. Ты не сломаешь мне руку, Мета?

— Конечно, нет, — серьезно произнесла она, потом улыбнулась ему. — Ты мне нравишься, Язон. Хотя ты не пиррянин, ты мне очень нравишься. И я устала от одиночества.

Она посмотрела на него в упор, и он поцеловал ее. Мета ответила на его поцелуй без напускной стыдливости.

— Моя каюта тут рядом, — сказала она.

Глава 6

С того дня они редко разлучались. Когда Мета несла вахту, Язон приносил ей еду на мостик, и они разговаривали. К тому, что он успел узнать о ее планете, мало что добавилось; по молчаливому соглашению они не касались больше этой темы. Зато он много рассказывал о местах, где бывал, о людях, которых встречал. Она была благодарной слушательницей, и время летело быстро. Им было хорошо вместе. Словом, перелет проходил чудесно.

И вот он подошел к концу.

На борту было четырнадцать человек, но Язон ни разу не видел больше двоих-троих одновременно. Люди работали по строгому графику. Свободные от вахты были поглощены делами и не стремились к общению. Лишь после того, как корабль с особого ходового режима перешел на обычный и динамики системы оповещения рявкнули «сбор», все собрались вместе.

Керк отдавал распоряжения, касающиеся посадки, звучали вопросы и ответы. Это был чисто технический разговор, и Язон не очень прислушивался. Зато он внимательно присматривался к поведению пиррян. Они теперь и говорили и двигались порывисто, словно солдаты, готовящиеся к бою.

Впервые ему бросилось в глаза, как они схожи между собой. Сходство выражалось не во внешности и не в подобии действий, а в их движениях и реакциях. Сейчас они напоминали больших кошек, выслеживающих добычу. Упругая походка, постоянная готовность к прыжку, глаза беспокойно рыскают, мышцы напряжены...

После совещания Язон попытался заговорить с Метой, но ее словно подменили. Она отвечала односложно, и он никак не мог поймать ее взгляда. Ей было не до него, да и у него не было к ней никаких существенных дел, и Мета пошла к выходу. Язон протянул было руку, чтобы задержать ее, но передумал. Еще будет время поговорить. Один Керк проявил к нему внимание, это выразилось в том, что он приказал Язону занять место на амортизирующем ложе.

Посадки у Меты оказались похлеще взлетов. Во всяком случае, когда она садилась на Пирре. Неожиданные ускорения дергали Язона во все стороны. Потом началось свободное падение, и казалось, ему не будет конца. Что-то тяжелое било по корпусу, сотрясая весь корабль. Это больше походило на битву, чем на посадку. Язон даже слегка встревожился.

Самый миг приземления он пропустил. Пиррянские два g он воспринял как торможение, и только стихающий вой двигателей убедил его, что перелет закончен. С непривычки ему пришлось поднатужиться, чтобы расстегнуть ремни и сесть.

А вообще-то двойное тяготение оказалось не таким уж страшным. Во всяком случае, на первых порах. Словно несешь груз, равный твоему собственному весу. Подойдя к двери, Язон поднял руку — она была вдвое тяжелее обычного. Он вышел в проход и побрел к главному люку.

Здесь уже собралась вся команда. Двое выкатывали из ближайшего отсека какие-то прозрачные цилиндры. По глухому звону и по тому, как тяжело катились цилиндры, Язон понял, что они металлические. Но для чего они? Пустые вместилища около метра в поперечнике, длиной больше человеческого роста. Один конец сплошной, на другом — запирающаяся крышка. Смысл конструкции стал ясен Язону лишь после того, как Керк повернул запорное колесо и откинул крышку одного цилиндра.

— Полезай. Закроем, потом тебя вынесут.

— Спасибо, не стоит, — возразил Язон. — У меня нет никакого желания являться на твою планету в виде сосиски в консервной банке.

— Не говори вздора, — оборвал его Керк. — Нас всех вынесут в таких цилиндрах. Мы слишком долго отсутствовали, чтобы выходить на Пирр без переподготовки.

Язону стало как-то неловко, когда он увидел, как все за-

бираются в контейнеры. Подойдя к ближайшему цилиндру, он влез в него ногами вперед, закрыл за собой крышку и затянул центральный винт, так что края плотно прижали упругую прокладку. Когда концентрация углекислоты в контейнере возросла, загудел регенератор воздуха.

Керк последним занял место в контейнере. Сперва он проверил крышки на остальных цилиндрах и толкнул рубильник, отключающий блокировку переходной камеры. Как только начало выравниваться давление, он быстро нырнул в оставшийся контейнер. Медленно отворились оба люка, и в корабль просочился дневной свет, приглушенный завесой дождя.

Дальше последовало сплошное разочарование. Язон так волновался, так готовился — а для чего? Долго тянулось томительное ожидание, наконец подъехал маленький грузовик, и водитель перенес цилиндры в кузов, будто неодушевленный груз. Язону не повезло, он очутился в самом низу, так что ровным счетом ничего не видел, когда грузовик покинул космодром.

Первого представителя пиррянской фауны Язон увидел, только когда цилиндры были выгружены в помещении с металлическими стенами.

Водитель грузовика уже закрывал толстую наружную дверь, вдруг что-то ворвалось внутрь и с лета ударилось о стену. Язон уловил какое-то движение, а когда пригляделся, непонятная штука упала прямо на него. Он невольно подался назад, забыв о предохраняющем его металле. Упавшая сверху тварь вцепилась в стенку контейнера, и Язону представился случай рассмотреть ее как следует. Зрелище было настолько кошмарное, что он не поверил собственным глазам. Квинтэссенция смерти... Голова — сплошная пасть с острейшими зубами в несколько рядов. Кожистые крылья окаймлены когтями; на царапающих металл конечностях — еще более длинные когти.

Язону стало жутко, когда он увидел, как эти когти оставляют борозды на поверхности цилиндра. А в тех местах, куда попала слюна с зубов чудовища, прозрачный металл мутнел и крошился.

Разум говорил ему, что эти царапины — пустяк для толстых стенок контейнера. Но слепой страх заставил Язона сжаться в комок, словно в этом было спасение.

Только после того, как крылатая тварь начала как бы таять, он догадался, что это за помещение. На цилиндры со

всех сторон полились струи пенящейся жидкости, пока совсем не затопили их. Зубы пиррянского зверя в последний раз царапнули металл, затем его смыло и куда-то унесло. Пенящаяся жидкость ушла в отверстие в полу, но за первым душем последовал второй, а потом и третий.

Пока длилась эта обработка, Язон старался унять овладевшее им смятение. Что с ним такое происходит? Конечно, чудовище жуткое, и все-таки непонятно, как оно могло внушить ему такой ужас через оболочку надежно закрытого контейнера. Реакция Язона никак не соизмерялась с вызвавшей ее причиной. Даже теперь, когда зверь был уничтожен и исчез с его глаз, Язону стоило огромных усилий усмирить свои нервы и заставить себя дышать ровно.

Мимо прошла Мета, и Язон понял, что процедура окончена. Он открыл свой цилиндр и выбрался на волю. Все остальные уже ушли, остался только какой-то незнакомец с орлиным носом, который явно ждал его.

— Меня звать Бруччо, я заведую адаптационной клиникой. Керк сказал мне, кто ты такой. Зря ты сюда прилетел. Пошли, сделаем анализ крови.

— Вот это мне по душе, — отозвался Язон. — Узнаю пиррянское гостеприимство.

Бруччо только фыркнул в ответ и протопал к двери. Шагая за ним по пустому коридору, Язон вошел в лабораторию, сверкающую стерильной чистотой.

Двойное тяготение угнетало его, ложась тяжелым грузом на ноющие мышцы. И пока Бруччо исследовал его кровь, Язон воспользовался случаем немного отдохнуть. Он успел даже вздремнуть, но тут вернулся Бруччо с пузырьками и шприцами.

— Поразительно, — объявил пиррянин. — Ни одного антитела в крови, которое могло бы пригодиться тебе здесь. Ничего, у меня тут есть отличный набор антигенов, от них ты денек будешь чувствовать себя как в аду. Снимай-ка рубашку.

— Вам часто приходится это делать? — спросил Язон. — Накачивать дрянью инопланетчиков, чтобы они могли насладиться здешними прелестями?

Бруччо воткнул в него иглу чуть не до кости.

— Нет, не часто. Последний раз это было несколько лет назад. Прилетели с полдюжины ученых из какого-то института, сказали, что готовы заплатить, только бы им разрешили

изучать местную фауну и флору. Мы не стали отказывать, нам валюта нужна.

Язон почувствовал, что от уколов у него уже кружится голова.

— И сколько из них осталось в живых? — невнятно пробормотал он.

— Один. Мы вовремя отправили его обратно. А деньги, понятное дело, взяли вперед.

Язон принял было это за остроту, но вспомнил, что пирряне не больно-то расположены к юмору. Если хотя бы половина того, что ему говорили Мета и Керк, верна, то соотношение один к шести вовсе не так уж плохо.

В соседней комнате стояла кровать, и Бруччо помог Язону дойти до нее. Чувствуя себя так, словно его накачали наркотиками — вероятно, так оно и было, — Язон уснул.

Ему снился сон. Страх и ненависть. Страх и ненависть пополам захлестнули его жаркой волной. Если это сон, лучше больше никогда не спать. Если это явь, лучше умереть. Он силился отогнать видение, а оно только сильнее затягивало его. Страх без начала и без конца, и никакого спасения от страха...

Когда Язон пришел в себя, он не помнил подробностей кошмара, осталось лишь чувство страха. Он взмок от пота, каждая мышца болела. Не иначе это уколы виноваты, сказал он себе. Да еще двойное тяготение. И все-таки его не покидал привкус страха.

Дверь отворилась, Бруччо просунул голову внутрь и окинул взглядом Язона:

— Я уже думал, ты загнулся. Целые сутки спишь. Ладно, не вставай, сейчас принесу тебе кое-что для бодрости.

«Кое-что для бодрости» заключалось в еще одном шприце и стакане какой-то мерзкой на вид жидкости. Она утолила жажду Язона, зато он сразу почувствовал жуткий голод.

— Есть хочешь? — спросил Бруччо. — Можешь не отвечать, и так знаю. Я подстегнул твой обмен, чтобы ты побыстрее наращивал мышцы. Единственный способ поладить с тяготением. Так что в ближайшие дни у тебя будет зверский аппетит.

Бруччо тоже решил поесть, и Язон воспользовался случаем задать несколько вопросов:

— Когда я смогу взглянуть поближе на вашу замечательную планету? До сих пор мое путешествие было не более увлекательно, чем тюремная отсидка.

— Отдыхай и навались на еду. Раньше чем через три-четыре месяца ты не выйдешь. Если тебя вообще выпустят.

У Язона отвалилась нижняя челюсть.

— Может, ты объяснишь мне почему?

— Конечно. Тебе надо пройти тот же курс обучения, который проходят у нас дети. Они тратят на это шесть лет. Правда, это первые шесть лет их жизни. А ты взрослый и, казалось бы, можешь справиться куда быстрее. Но ведь у них еще есть наследственность. Словом, ты выйдешь отсюда не раньше, чем получишь полную подготовку.

Бруччо управился с едой и теперь перенес внимание на голые руки Язона, глядя на них с явным отвращением.

— Прежде всего снабдим тебя пистолетом, — сказал он. — Меня мутит, когда я вижу человека без кобуры.

Сам он не расставался с пистолетом даже внутри надежно изолированного от окружающей среды здания.

— Пистолеты подгоняются к владельцу, так что от чужого оружия тебе не будет никакого проку, — объяснил он. — Сейчас ты поймешь, в чем дело.

Они вышли в коридор, и Бруччо провел Язона на оружейный склад, набитый орудиями убийства.

— Сунь-ка руку сюда, вот в эту штуку, — сказал пиррянин. — Займемся подгонкой.

«Штука» представляла собой какую-то коробку с пистолетной рукояткой на боку. Язон взялся за рукоятку — металлический хомут схватил его за локоть; Бруччо зафиксировал штифтами положение руки со всех сторон и записал показания приборов. Сверяясь с полученными данными, он быстро собрал кобуру и пистолет из частей, разложенных по ящикам. Когда Язон пристегнул кобуру к предплечью и взял в руку пистолет, он увидел, что они соединены гибким проводком. Рукоятка пистолета пришлась ему точно по руке.

— Тут заключен весь секрет силовой кобуры. — Бруччо коснулся провода пальцем. — Пока пистолет в деле, провод висит свободно. А как только тебе надо вернуть его в кобуру...

Бруччо что-то сделал, провод превратился в твердый прут, пистолет выскочил из руки Язона и повис в воздухе.

— Смотри дальше.

Увлекаемый проводом пистолет нырнул в кобуру.

— А когда надо выхватить пистолет, происходит все то же самое, только в обратном порядке.

— Здорово! — сказал Язон. — Но все-таки с чего надо начинать? Посвистеть или там еще что-нибудь?

— Нет, он не звуком управляется. — Бруччо даже не улыбнулся. — Тут все потоньше и поточнее. Ну-ка попробуй представить себе, что ты сжимаешь левой рукой рукоятку пистолета... Так, теперь согни указательный палец. Замечаешь, как напряглись сухожилия в запястье? Ну вот, на твоем правом запястье помещены чувствительные датчики. Но они реагируют только на сочетание импульсов, которое означает «рука готова принять пистолет». Постепенно вырабатывается полный автоматизм. Только подумал о пистолете, а он уже у тебя в руке. Не нужен больше — возвращается в кобуру.

Язон напряг правую руку и согнул указательный палец. В ту же секунду что-то больно ударило его по ладони и грянул выстрел. Рука держала пистолет, из дула вился дымок.

— Понятно, пока человек не освоится со своим оружием, мы заряжаем холостыми. А вообще пистолет всегда должен быть заряжен. Видишь, предохранителя нет. Скобы тоже. Поэтому выстрел следует сразу, если заранее согнуть указательный палец.

Язон никогда еще не имел дела с таким грозным оружием. И таким непослушным. Борясь с непривычной силой тяжести, от которой болели мышцы, он начал упражняться с дьявольским изобретением. Пистолет упрямо возвращался в кобуру, не дожидаясь, когда он нажмет курок. Но еще хуже было то, что пистолет слишком быстро выскакивал из кобуры и нещадно бил его по пальцам, если он не успевал их правильно согнуть. Тем не менее Язон упорно продолжал тренироваться, пока рука не превратилась в распухшую подушку.

Со временем он овладеет этой техникой, но уже теперь ему стало ясно, почему пирряне никогда не снимают пистолета. Это было бы все равно что расстаться с частью тела.

Пистолет проскакивал из кобуры в руку так быстро, что Язон не мог уследить за ним глазом. Во всяком случае, быстрее, чем срабатывал нейронный импульс, заставляющий пальцы сгибаться. Как будто тебя вооружили молнией: прицелился пальцем — ба-бах!

Бруччо ушел, предоставив ему упражняться. В конце концов избитая рука забастовала, тогда Язон прекратил это занятие и направился в отведенную ему комнату. В коридоре он заметил знакомую фигуру.

— Мета! Постой! Мне надо с тобой поговорить. — Она

нехотя повернулась, и он прибавил шагу, насколько ему позволяли два g. Эта Мета была совсем не похожа на девушку, которую Язон знал по кораблю. На ногах — высокие, по колено, сапоги, тело защищено каким-то мешковатым комбинезоном из металлизированной ткани. Стройную талию искажал пояс с флягами. Да и сама она держалась отчужденно.

— Я соскучился по тебе, — сказал Язон. — Мне было невдомек, что ты находишься в этом же здании.

Он хотел взять ее за руку, но Мета отступила.

— Что тебе надо? — спросила она.

— Как что надо! — Он рассердился. — Я же Язон, ты что, забыла меня? Мы с тобой друзья. А друзья могут поговорить просто так, не потому, что им что-то надо.

— Что было на корабле, не распространяется на Пирр. — Ей не терпелось уйти. — Я закончила переподготовку и приступаю к работе. А ты останешься здесь, так что мы с тобой не будем встречаться.

— Сказала бы уж напрямик: мол, останешься здесь с другими детьми... И не спеши ты так, сперва разберемся...

Забывшись, Язон вытянул руку, чтобы задержать Мету. И не успел опомниться, как очутился на полу. Плечо — сплошной синяк. А Меты след простыл.

Бормоча себе под нос нехорошие слова, Язон побрел в свою комнату, плюхнулся на твердокаменную постель и стал вспоминать, что его привело на эту планету. Сопоставив свои мотивы с тем, что он обрел пока на Пирре — непрерывная пытка двойным тяготением, порожденные ею кошмары, презрительное отношение пиррян ко всем инопланетчикам без разбора, — Язон поймал себя на растущей жалости к самому себе. Что ж, по пиррянским меркам, он и впрямь беспомощный и жалкий. Чтобы эти люди изменили свое отношение к нему, надо самому основательно перемениться.

Совершенно разбитый, он погрузился в тяжелый сон, и тут ему не давали покоя жуткие видения.

Глава 7

Он проснулся утром с дикой головной болью и с таким ощущением, будто за всю ночь глаз не сомкнул. Принимая стимуляторы, доза которых была скрупулезно рассчитана

Бруччо, Язон снова попытался разобраться, чем же все-таки вызваны кошмары, отравляющие его сон.

— Ешь живей, — сказал Бруччо, когда они встретились за завтраком. — Я не могу больше заниматься с тобой особо. Будешь обучаться в группе по общей программе. Ко мне обращайся только в тех случаях, когда возникнет какая-нибудь серьезная проблема, которой инструктор не сможет разрешить.

Группы, как и следовало ожидать, были составлены из маленьких детей с суровыми лицами. Эти плотные и весьма прямолинейные в своем поведении крепыши были типичными пиррянами. Но дети есть дети, и вид взрослого за партой их сильно веселил. Самому Язону, когда он с багровым лицом втискивался на маленькую скамейку, было вовсе не весело.

Сходство с обычной школой не шло дальше конфигурации классных помещений. Ученики, даже самые маленькие, ходили с пистолетами. Все было нацелено на выживание. В этой школе признавалась только стопроцентная успеваемость, и учащийся переходил к следующему разделу лишь после того, как полностью усваивал предыдущий. Обычных школьных предметов здесь не преподавали. Видимо, ими занимались после того, как ребенок оканчивал первую ступень и становился вполне самостоятельным. Очень трезвый и очень логичный подход. Кстати, определения «трезвый» и «логичный» годились для характеристики пиррянского подхода в любой области.

Почти вся первая половина дня ушла на знакомство с аптечкой, которую носили на поясе. Она состояла из анализаторов, их прижимали к ранам, и, если рана была заражена ядом или инфекцией, автоматически впрыскивалось лекарство. Просто в обращении, зато невероятно сложно по конструкции. А так как каждый пиррянин должен был сам следить за своим снаряжением (некого винить, кроме себя, если откажет!), полагалось знать устройство всех приспособлений и уметь их ремонтировать. Язон справился с заданием лучше, чем его малолетние соученики, хотя это стоило ему немалых физических усилий.

Во второй половине дня он впервые познакомился с тренажером. Инструктировал его двенадцатилетний паренек, в бесстрастном голосе которого угадывалось презрение к этому мягкотелому инопланетчику.

— Все тренажеры воспроизводят обстановку на планете и отражают происходящие на ней перемены. Они различаются

по степени опасности для жизни. Вы начнете, разумеется, с тренажера для самых маленьких...

— Что вы, что вы, — пробормотал Язон. — Такая честь.

Инструктор продолжал, не обращая внимания на его слова:

— ...самых маленьких, так сказать ползунков. С виду все как на самом деле, но модель, конечно, дезактивирована.

Слово «тренажер» не совсем подходило к тому, что увидел Язон, войдя через дверь с тяжелыми створками. В огромный зал словно перенесли часть внешнего мира. Очень даже просто забыть, что небо и солнце — искусственные, и вообразить себе, что он наконец-то на воле. И с виду совсем ничего угрожающего, разве что темные тучи на горизонте, чреватые пиррянской грозой.

— Пройдите кругом и осмотритесь, — говорил инструктор. — Когда прикоснетесь рукой к какому-нибудь предмету, услышите его характеристику. Показываю...

Мальчик нагнулся над покрывающей землю шелковистой травой и тронул пальцем стебель. Тотчас голос из скрытых репродукторов пророкотал:

— Ядовитая трава. Не снимать обуви.

Язон опустился на колени и присмотрелся. Травинка заканчивалась блестящим твердым крючком. С легким содроганием он понял, что вся трава такая. Зеленый газон был ковром смерти. Выпрямляясь, Язон заметил под широким листом другого растения что-то диковинное. Там прижалась к земле странная чешуйчатая тварь с заостренной головкой, переходящей в длинный шип.

— Что за диво в моем саду? — спросил Язон. — Это называется товарищ детских игр для милых крошек?

Он повернулся и обнаружил, что его никто не слушает. Инструктор исчез. Язон пожал плечами и погладил чешуйчатое чудовище.

— Рогонос, — сообщил механический голос. — Одежда и обувь не защищают. Убей его.

Послышался резкий хлопок, и запрограммированный на звук холостого выстрела рогонос упал на бок.

— Кажется, у меня что-то начинает получаться, — с удовольствием отметил Язон.

«Убей его», — командовал Бруччо, когда обучал Язона пользоваться пистолетом. И команда закрепилась в подсознании, судя по тому, что Язон сейчас выстрелил прежде, чем осмыслил свои действия. Его уважение к пиррянской методике обучения сразу возросло.

Несколько далеко не приятных часов бродил он по этому необычному детскому парку. Повсюду таилась смерть, и бестелесный голос неизменно твердил краткую и выразительную команду. И он учился убивать, чтобы не быть убитым. До сих пор Язон и не подозревал, что насильственная смерть может выступить в таком количестве отвратительных обличий. Все здесь, от самого крохотного насекомого до самого высокого растения, представляло смертельную опасность для человека.

В этой специализации было даже что-то противоестественное. Почему планета Пирр так непримиримо относится к человеку? Не забыть спросить об этом Бруччо... А пока поищем хоть какой-нибудь организм, который не желает отправить его на тот свет.

Язон тщетно искал. Правда, ему в конце концов удалось найти предмет, не ответивший зловещей командой на прикосновение руки. Это был большой камень, торчащий из ядовитой травы. Язон сел на него с чувством симпатии к неорганической материи и подобрал ноги... Оазис мира... Прошло несколько минут, обессиленные двойной гравитацией мышцы начали отходить.

— Едкая плесень! Не прикасаться!

Голос прозвучал с удвоенной силой, и Язон вскочил на ноги словно ужаленный. Пистолет уже был в руке и искал цель. Только наклонившись над камнем, Язон понял, в чем дело. Камень покрылся пятнами серой пленки, которых раньше не было.

— Ах ты, дрянь коварная! — крикнул Язон, обращаясь к тренажеру. — Сколько раз уже ты сгонял с этого камня малюток, которые думали, что наконец-то можно посидеть и отдохнуть!

Его возмущало такое изощренное коварство, и в то же время он понимал, что оно оправданно. Пирряне с малых лет узнавали, что на этой планете для человека нет безопасности, кроме той, которой он сам себя обеспечит.

Так Язон, изучая Пирр, узнавал что-то новое и о пиррянах.

Глава 8

Дни складывались в недели, и Язон понемногу начал гордиться тем, как лихо косит всяких врагов. Он уже знал всю фауну и флору детской комнаты, и его перевели на тренажер, где звери не сидели на месте, а вяло атаковали. Пистолет

Язона безошибочно поражал их. Даже неинтересно. Однообразие классных занятий тоже ему наскучило.

Двойное тяготение по-прежнему воспринималось как тяжелое бремя, но вообще-то мышцы явно приспособились. Теперь он после занятий уже не валился без сил на кровать. Зато кошмары стали еще хуже. В конце концов он обратился к Бруччо и получил снотворное, которое хотя и не избавило его от жутких снов, но умерило их интенсивность, так что, проснувшись, он почти не помнил их.

Когда Язон как следует освоил всю защитную технику, которой пользовались пирряне, дошла очередь до тренажера, предельно приближенного к действительности. Разница заключалась только в степени поражения. Яд насекомых вызывал не мгновенную смерть, а всего лишь сильную опухоль и боль. Животные могли нанести болезненные раны, но конечностей не отрывали. Словом, волосок, отделявший курсанта от смерти на этом тренажере, был достаточно тонок.

Язон ходил по этой имитации густых, необозримых джунглей вместе с пятилетними мальчуганами. В их недетской суровости было что-то забавное и в то же время удручающее. В комнатах они еще могли смеяться, но каждый из них твердо знал, что на воле будет не до смеха. Умение выжить определяло общественное положение и социальную ценность человека. В этом смысле общество на Пирре делилось, условно говоря, на черных и белых. Хочешь утвердиться в собственных глазах и в глазах окружающих, умей за себя постоять. Это было важно для выживания народа в целом, но сильно ограничивало развитие личности. Из детей вырастали безликие убийцы, готовые сеять смерть на каждом шагу.

Закончив курс, кто-то уходил, на его место приходил другой. Прошло некоторое время, прежде чем Язон сообразил, что из тех, с кем он начинал обучение, уже никого не осталось. В тот же день он пошел к начальнику адаптационного центра.

— Бруччо, — сказал он, — долго еще вы собираетесь держать меня в этом детском тире?

— Тебя никто не держит, — ответил Бруччо в обычном для него брюзгливом тоне. — Ты пробудешь здесь ровно столько, сколько нужно, чтобы тебя можно было выпускать.

— Мне почему-то сдается, что эта минута никогда не наступит. Я уже могу с закрытыми глазами разобрать и собрать любое из ваших окаянных изобретений. Я бью из этой пушки

без промаха. Если мне велят, могу хоть сейчас сесть и написать толстую книгу «Флора и фауна планеты Пирр и как ее истреблять». Может быть, я еще не достиг того же уровня, что мои шестилетние приятели. Но что-то подсказывает мне, что я достиг своего потолка. Ну как, верно?

Бруччо сделал неловкую попытку уклониться от прямого ответа:

— Понимаешь, ну, ведь ты нездешний, так что...

— Ладно, брось, — ехидно сказал Язон. — Куда тебе, прямодушному старому пиррянину, тягаться во лжи с представителем более слабой расы, которая в этом деле собаку съела. Я и сам понимаю, что двойное тяготение всегда будет меня сковывать и что у меня, кроме того, есть куча других врожденных дефектов. Все это так, и не об этом речь. А о том, даст мне что-нибудь дальнейшая тренировка или мои возможности в этом смысле исчерпаны.

Бруччо покрылся испариной:

— Со временем, конечно, будут сдвиги...

— Хитрец! — Язон поводил пальцем из стороны в сторону. — Говори — да или нет. Тренировка может дать мне еще что-то?

— Нет. — Бруччо хмуро смотрел на Язона, который не замедлил окончательно припереть его к стенке.

— И что же отсюда следует? Я заведомо не буду прогрессировать и все-таки торчу здесь. Это не случайно. Значит, тебе приказано не выпускать меня. И, судя по тому немногому, что я успел узнать об этой планете, приказ исходит от Керка. Верно?

— Он это для тебя же делает, — объяснил Бруччо. — Хочет, чтобы ты жив остался.

— Ну вот, все выяснилось, — сказал Язон. — И хватит об этом. Я прилетел сюда не затем, чтобы упражняться в стрельбе по роботам вместе с вашими чадами. Будь любезен показать мне, где тут выход. Или сперва должен быть выпускной вечер? Речи, вручение значков, торжественный ритуал...

— Ничего подобного, — отрезал Бруччо. — Вообще я не понимаю, как взрослый человек вроде тебя может нести такой вздор. Никаких вечеров не будет. А будет зачет в последнем тренажере. Он связан с внешней средой, так что это даже не искусственный тренажер, а частица планеты. Только самые опасные формы органической жизни исключены. Да и то некоторые иногда ухитряются проникать...

— Когда? — выпалил Язон.

— Завтра утром. Сперва постарайся хорошенько выспаться. Тебе это пригодится.

И все-таки совсем без ритуала не обошлось. Когда Язон утром вошел в кабинет Бруччо, тот метнул ему через стол тяжелую обойму.

— Настоящие патроны. Могу заверить тебя, что они тебе пригодятся. Отныне твой пистолет всегда должен быть заряжен.

Вместе они дошли до переходной камеры, и Язон впервые за весь срок учебы увидел по-настоящему запертую дверь. Пока Бруччо раскручивал тяжелые болты, к ним подошел, прихрамывая, хмурый мальчуган лет восьми с перевязанной ногой.

— Его зовут Гриф, — сказал Бруччо. — С этой минуты он будет тебя всюду сопровождать.

— Персональный телохранитель? — осведомился Язон, глядя на коренастого коротышку, который был ему по пояс.

— Называй как хочешь. — Бруччо отворил дверь. — Гриф столкнулся с птицей-пилой и на время потерял трудоспособность. И ты ведь сам признал, что тебе никогда не сравняться с настоящим пиррянином, так что помощь тебе будет кстати.

— Бруччо, ты добряк, — сказал Язон, наклоняясь, чтобы поздороваться с мальчуганом.

У восьмилетнего телохранителя оказалась железная рука.

Вдвоем они вошли в переходную камеру, Бруччо запер за ними внутреннюю дверь, и тотчас автоматически начала открываться наружная. В ту же секунду пистолет Грифа выстрелил дважды, и, выходя на просторы Пирра, они переступили через дымящееся тело какого-то пиррянского зверя. Символическое начало, сказал себе Язон. А нехорошо вышло: во-первых, он был совсем не готов к атаке, во-вторых, не может даже опознать обугленные останки... Он напряг зрение, надеясь, что в следующий раз выстрелит первым.

Увы. Тех немногих зверей, которые им попадались, первым замечал мальчуган. В конце концов Язон до того разозлился, что расстрелял какое-то зловещее с виду колючее растение. Но он напрасно рассчитывал, что Гриф пройдет мимо его мишени и не проверит ее.

— Это растение нам не угрожало, — сказал мальчик. — Глупо тратить попусту боеприпасы.

День прошел без серьезных осложнений. Язон даже слег-

ка разочаровался, да к тому же промок от частых ливней. Если Гриф и умел поддержать разговор, он это ловко скрывал. Следующий день прошел точно так же. На третий день появился Бруччо.

— Не хочется тебя огорчать, — сказал он, смерив взглядом Язона, — но боюсь, выше этого уровня тебе все равно уже не подняться. Меняй носовой фильтр каждый день. Внимательно проверяй обувь и одежду, чтобы не было никаких дыр. Перезарядка аптечки полагается раз в неделю.

— Помни про носовой платок и не выходи без галош, — добавил Язон. — Еще что?

Бруччо хотел что-то добавить, но передумал:

— Больше ничего. Пора уже самому все знать. Будь начеку. И... желаю успеха.

Несколько неожиданно для Язона он присовокупил к этим словам крепкое рукопожатие.

Как только в руке восстановилось кровообращение, Язон вышел вместе с Грифом на волю через главные ворота.

Глава 9

Как ни реалистичны были тренажеры, встреча с Пирром ошеломила Язона. Нет, на первый взгляд все то же. Ядовитая трава под ногами... Хаотичный полет шипокрыла, тут же подстреленного Грифом... Но все это как-то растворилось в буйном клокотании стихий.

Дождь лил буквально как из ведра; с неба падали не обособленные капли, а сплошная пелена воды. Ветер рвал эту пелену и хлестал его струями по лицу. Язон протер глаза и с трудом различил на горизонте два вулканических конуса, извергающих дым и пламя. Это пекло отбрасывало зловещий отсвет на тучи, которые стремительно проносились над вулканами.

Что-то пробарабанило по его шлему и отскочило на землю. Язон нагнулся и поднял градину толщиной с большой палец. Другие градины принялись больно дубасить его по спине и шее; он живо выпрямился.

Буря кончилась так же быстро, как разразилась. Жгучее солнце растопило градины, над улицей закурились струйки пара. Язон взмок от пота в своей защитной одежде. Но не

прошли и одного квартала, как снова хлынул ливень, и Язон ощутил озноб.

Гриф знай себе шагал, не обращая внимания ни на погоду, ни на вулканы, сотрясающие землю своей яростью. Язон заставлял себя не думать о неудобствах и не отставать от мальчика.

Более унылую прогулку трудно было придумать. Сквозь завесу дождя виднелись очертания приземистых мрачных зданий, половина которых к тому же была разрушена. Язон и Гриф шли по пешеходной дорожке посредине улицы. Время от времени то с одной, то с другой стороны проносились бронетранспортеры. Язон недоумевал, почему пешеходам отведена середина, пока Гриф не подстрелил какую-то тварь, которая бросилась на них из развалин. Понятно: просвет по бокам служит для страховки... На Язона вдруг навалилась дикая усталость.

— Надо думать, о такси здесь нечего и мечтать, — сказал он.

Гриф озадаченно посмотрел на него. Было очевидно, что он впервые слышит слово «такси». Тем не менее он пошел потише, приноравливаясь к тяжелой поступи гостя. Через полчаса Язон уже утолил свое любопытство.

— Гриф, что-то этот город не блещет. Надеюсь, другие города у вас в лучшем состоянии?

— Не блещет? Не знаю, что вы этим хотите сказать, но других городов у нас нет. Есть лагеря там, где руду добывают. Но городов нет.

Странно. Язону всегда представлялось, что на Пирре несколько городов. Он вдруг подумал, что еще очень мало знает об этой планете! Как прибыл сюда, все его время было поглощено этими курсами. У него накопилась тьма вопросов, но с ними надо обращаться к кому-то другому, только не к этому угрюмому малолетнему телохранителю. К тому же есть человек, который лучше кого-либо сможет его просветить.

— Ты знаешь Керка? — спросил он мальчика. — Насколько я понимаю, он ваш посланник на целой куче планет, но его фамилия...

— Кто же не знает Керка. Но он занят, вам незачем с ним встречаться.

Язон погрозил ему пальцем:

— Твоя забота — охранять мое тело. А душу оставь в покое. Давай условимся: я задаю тон, а ты поешь. Идет?

Очередная буря обрушила на них градины величиной с

кулак и заставила искать укрытие. Когда она унялась, Гриф нехотя повел Язона в центр. Они зашли в относительно высокое здание. Здесь людей было больше, и некоторые из них даже на миг отрывались от дела, чтобы взглянуть на Язона. Одолев два лестничных пролета, он увидел дверь с надписью: «Координация и снабжение».

— Керк сидит здесь? — спросил Язон.

— Конечно, — ответил мальчик. — Он начальник управления.

— Отлично. Теперь ступай выпей лимонада или перекуси где-нибудь и возвращайся часа через два. Думаю, Керк не хуже тебя присмотрит за мной.

Мальчик постоял в нерешительности, потом зашагал вниз по лестнице. Язон вытер лоб и толкнул дверь.

Он увидел канцелярию, в которой находилось несколько пиррян. Никто из них не обратил внимания на Язона и не поинтересовался, какое у него дело. Раз человек пришел, у него есть на то причина. Никому не пришло бы в голову выспрашивать, что ему нужно. Язон не был приучен к таким порядкам и не сразу сообразил, что здесь ему не будут докучать пустыми формальностями. В дальнем конце комнаты была еще одна дверь. Он добрел до нее, открыл и обнаружил Керка, который сидел за конторкой, заваленной бумагами.

— А я все жду, когда же ты появишься, — сказал пиррянин вместо приветствия.

— Давно пришел бы, если бы ты не препятствовал, — ответил Язон, тяжело опускаясь на стул. — Наконец до меня дошло, что я могу всю жизнь проторчать в этих ваших яслях для убийц, если не приму срочные меры. И вот я здесь, у тебя.

— Насмотрелся на Пирр и готов возвращаться в «цивилизованные» миры?

— Представь себе — нет. И мне уже порядком надоело слушать, как все советуют мне улететь. Я начинаю подозревать, что ты и твои пирряне стараетесь что-то скрыть.

Керк улыбнулся:

— Что нам скрывать? Вряд ли найдется другая планета, где жизнь текла бы так просто и прямолинейно.

— В таком случае ты, конечно, не откажешься ответить мне на несколько откровенных вопросов о Пирре?

Керк явно хотел что-то возразить, но вместо этого рассмеялся:

— Сдаюсь. Куда мне с тобой спорить. Ну, что тебе хочется узнать?

Язон тщетно попытался сесть поудобнее на твердом стуле.

— Сколько жителей на твоей планете? — спросил он.

Керк помялся, потом ответил:

— Около тридцати тысяч. Немного для планеты, которая уже давно обитаема, но причина достаточно ясна.

— Хорошо, население тридцать тысяч. Ну а какую площадь вы контролируете? Знаешь, я удивился, когда узнал, что этот город с его защитными стенами, которые вы называете Периметром, единственный на всей планете. Рудники не в счет, они только придатки города. Так вот, можно ли сказать, что контролируемая вами территория растет? Или же, наоборот, она сокращается?

Керк призадумался, машинально вертя в руках кусок стальной трубы, который взял со стола. При этом его пальцы гнули сталь, как резину.

— На это трудно так сразу ответить, — наконец произнес он. — Наверное, где-то есть такие данные, хотя я не знаю, где именно. Тут столько факторов...

— Ладно, оставим пока этот вопрос, — уступил Язон. — Я задам другой, пожалуй, более принципиальный. Можно ли сказать, что население Пирра медленно, из года в год, сокращается?

Труба с резким звоном ударилась о стену. Керк вдруг очутился прямо перед Язоном, его руки были угрожающе вытянуты вперед, лицо побагровело от ярости.

— Никогда не повторяй этих слов, понял? Чтобы я больше не слышал этого от тебя!

Стараясь выглядеть невозмутимым, Язон продолжал:

— Не сердись, Керк, я ведь не хотел тебя злить. — Он говорил медленно, тщательно подбирал слова, понимая, что жизнь его висит на волоске. — Не забывай, что я на вашей стороне. С тобой я могу говорить начистоту, потому что ты повидал гораздо больше тех пиррян, которые никогда не покидали родной планеты. Ты умеешь дискутировать, ты знаешь, что слова — только символы. Что можно отлично разговаривать и не выходить из себя из-за слов...

Керк опустил руки и сделал шаг назад. Потом отвернулся, налил себе стакан и выпил его, стоя спиной к Язону.

Лицо Язона покрылось испариной, и жара была лишь отчасти повинна в этом.

— Извини... сорвался. — Керк тяжело сел. — Это со мной редко бывает. Работаю на износ — вот нервы и не выдержали.

Вопрос, который вызвал его вспышку, остался без ответа.

— Со всяким бывает, — сказал Язон. — А что было с моими нервами при первой встрече с Пирром? Лучше не говорить. Могу только признать, что ты был прав во всем, что говорил об этой планете. Самое жуткое место во вселенной. Здесь могут выжить только урожденные пирряне. Правда, после обучения я кое-как могу постоять за себя. Ты, очевидно, знаешь, что у меня восьмилетний телохранитель. Уже это говорит о том, чего я стою здесь.

Приступ ярости прошел, и Керк полностью овладел собой. Он задумчиво прищурился:

— А ты меня удивил, честное слово. Вот уж никогда не думал, что ты хоть в чем-то способен признать чужое превосходство. Разве ты не за этим сюда летел? Чтобы доказать, что ты ни в чем не уступишь местному уроженцу?

— Один — ноль в твою пользу, — признался Язон. — Я не думал, что это так бросается в глаза. И меня радует, что душа у тебя не такая каменная, как мышцы. Ничего не скажешь, ты верно назвал главную причину, которая привела меня сюда. Добавь еще любопытство.

По лицу Керка было видно, что он слегка озадачен ходом собственных мыслей.

— Ты прилетел сюда, чтобы доказать, что не уступишь коренным пиррянам, — продолжал он. — А сам теперь признаешь, что восьмилетний мальчик владеет пистолетом лучше тебя. Это как-то не вяжется с моим представлением о тебе. Ты даром ничего не уступишь... Ну так в чем же ты все-таки видишь свое врожденное превосходство? — Как ни старался Керк говорить ровно, в голосе его угадывалось напряжение.

Язон ответил не сразу.

— Ладно, скажу, — произнес он наконец. — Только не отрывай мне за это голову. Я делаю ставку на то, что твой цивилизованный разум способен управлять твоими рефлексами. Потому что сейчас речь пойдет о таких вещах, которые на Пирре явно под большим запретом. Для ваших людей я слабак, потому что прилетел извне. Но ты-то должен понимать, что в этом заключается и моя сила. Я вижу то, что вы не видите из-за давней привычки. Ну, знаешь, как о человеке говорят, что он за деревьями не видит леса.

Керк кивнул, и Язон продолжал:

— Теперь разовьем эту аналогию. Когда я вышел из космического корабля, то видел, так сказать, только лес. И мне бросились в глаза некоторые факты. Думаю, что и вам они известны, но вы тщательно подавляете в себе эти мысли. Это для вас своего рода табу. Сейчас я выскажу вслух самое главное, о чем вы даже думать боитесь. Надеюсь, ты достаточно хорошо владеешь собой и я останусь жив...

Реакция Керка выразилась лишь в том, что его могучие руки крепче стиснули подлокотники. Язон говорил негромко, но его слова проникали в мозг так же легко и гладко, как новый ланцет.

— По-моему, люди проигрывают битву на Пирре. После сотен лет оккупации этот город остается единственным на планете, да и то половина домов заброшена. Очевидно, раньше жителей было больше. Трюк, который мы выкинули, чтобы добыть оружие, он трюк и есть. Могло и сорваться. А что тогда было бы с городом? Вы тут ходите по краю пропасти и не хотите этого признать.

Все мышцы Керка напряглись, он будто окаменел, на лице блестели бисеринки пота. Чуть перегни — взорвется... Язон лихорадочно соображал, как разрядить атмосферу.

— Не подумай, что мне приятно говорить тебе эти вещи. Но ведь ты все это давно знаешь. Знаешь, да не хочешь признавать. Не хочешь признавать, что вся эта бойня не имеет смысла. Если численность населения неуклонно сокращается, ваша битва — попросту жестокий вид коллективного самоубийства. Вы могли бы покинуть эту планету, но это значит признать свое поражение. А я не сомневаюсь, что пирряне предпочтут поражению смерть.

Керк привстал, и Язон тоже поднялся, повышая голос, чтобы его слова доходили до собеседника сквозь пелену гнева.

— Я пытаюсь вам помочь, неужели ты не понимаешь? Брось ты этот самообман, он тебе не к лицу. Сейчас ты скорее готов убить меня, чем сознаться себе, что битва уже проиграна. Это даже не настоящая война, вы, так сказать, отсекаете один за другим пораженные пальцы и думаете таким способом спасти обреченный организм. Конечный итог может быть только один — проигрыш. Вы никак не хотите этого

признать. Вот почему тебе легче убить меня, чем слушать, когда я затрагиваю неприкосновенные темы.

Керк стоял над Язоном словно башня, готовая вот-вот обрушиться на голову святотатца. Только сила убеждения Язона сдерживала его.

— Когда-то надо же научиться мыслить реально. А то ты видишь все только войну да войну. Но ведь можно докопаться до ее причин и покончить с ней раз и навсегда!

Смысл слов Язона дошел наконец до сознания Керка и погасил его ярость. Пиррянин опустился на стул, у него было какое-то растерянное лицо.

— Что ты подразумеваешь, черт тебя дери? Говоришь, будто какой-то паршивый корчевщик!

Язон не стал спрашивать, что значит «корчевщик», но слово запомнил.

— Ты несешь околесицу, — продолжал Керк. — Нас окружает враждебный мир, с ним надо сражаться, и все тут. А причины конфликта в самой природе вещей.

— Ничего подобного, — возразил Язон. — Посуди сам. Стоит кому-то из вас на какой-то срок оставить планету, как потом надо проходить переподготовку. Получить инструктаж — что в ваше отсутствие изменилось к худшему. Это, так сказать, линейная прогрессия. Но если в проекции на будущее всегда получается ухудшение, значит, в прошлом дело обстояло лучше. Теоретически — я не знаю, конечно, подтвердится ли это фактами, — если вернуться достаточно далеко в прошлое, можно дойти до такого времени, когда люди совсем не воевали с Пирром.

Керк явно не знал, что говорить, он только сидел и слушал, пока Язон набирал очки своей неотразимой логикой.

— Я могу привести доводы в пользу моей гипотезы. По-моему, даже ты должен признать, что я, хоть и не могу бороться на равных с пиррянскими тварями, кое-что в них смыслю. Ну так вот, всех представителей здешней флоры и фауны, которых я видел, объединяет одна черта. Они нефункциональны. Ни одно оружие из своего чудовищного арсенала они не применяют друг против друга. Их яды безвредны для пиррянских организмов. Они смертоносны только для «гомо сапиенс». Но ведь это абсурд. За триста лет, что человек обитает на этой планете, местные организмы не могли естественно развиваться по такому пути.

— Но ведь это произошло! — крикнул Керк.

— Да, произошло, — спокойно подтвердил Язон. — А значит, есть какие-то причины, какие-то силы. Как они действуют, я себе не представляю. Но что-то заставило пиррянские организмы, так сказать, объявить войну. И мне хотелось бы выяснить, что именно. Какие организмы доминировали на планете, когда здесь высадились ваши предки?

— Откуда мне знать, — ответил Керк. — Уж не хочешь ли ты сказать, что на Пирре, кроме человека, есть другие мыслящие существа? Которые организуют сопротивление нам?

— Я этого не говорил, ты сам пришел к такому выводу. Значит, до тебя дошла суть моих рассуждений. Не знаю, что именно вызвало такой поворот, но мне хотелось бы узнать. И посмотреть, нельзя ли повернуть колесо назад. Конечно, я ничего определенного не обещаю. Но согласись, что разобраться в этом стоит.

Керк расхаживал по комнате, ударяя себя кулаком по ладони, и казалось, все здание вздрагивает от его тяжелой поступи. Душу его раздирали противоречия. Новые идеи сражались со старыми убеждениями. Все это было так неожиданно. И так убедительно.

Не спрашивая, Язон взял флягу и налил себе холодной воды, потом сел в изнеможении. Что-то пробило защитный экран открытого окна и ворвалось в комнату. Не останавливаясь, даже не отдавая себе отчета в своих действиях, Керк одним выстрелом уложил крылатую тварь.

Его размышление длилось недолго. Привыкший быстро действовать, плечистый пиррянин и решал быстро. Он остановился и пристально посмотрел на Язона:

— Я не могу сказать, что ты меня убедил, но сейчас мне нечем опровергнуть твои доводы. Значит, будем пока считать их верными. Итак, что ты собираешься предпринять? Что ты можешь сделать?

Он сделал ударение на слове «можешь».

Язон начал перечислять, загибая пальцы:

— Во-первых, мне нужно место, где бы я мог жить и работать, хорошо защищенное место. Чтобы я мог заниматься этим делом, а не тратить всю энергию только на то, чтобы выжить. Во-вторых, мне нужен человек, который помогал бы мне и в то же время был моим телохранителем. Хорошо бы, кто-нибудь посмышленее, чем мой теперешний сторож. Мне кажется, лучше всех для этого подходит Мета.

— Мета? — удивился Керк. — Она космонавт и оператор защитных экранов, что она тут может сделать?

— Очень много. Она знакома с другими мирами и способна — в какой-то мере — взглянуть на вещи под другим углом зрения. И она знает о Пирре не меньше любого другого взрослого пиррянина, так что сможет ответить мне на любой вопрос. — Язон улыбнулся и добавил: — Наконец, она симпатичная девушка, мне приятно ее общество.

Керк фыркнул:

— Я все ждал, назовешь ли ты эту причину. Но остальные доводы достаточно веские, так что не буду спорить. Подберу замену для Меты и вызову ее сюда. В городе найдется достаточно надежных зданий, выбирай любое.

Керк переговорил с одним из своих помощников, потом отдал по визифону необходимые распоряжения. Язон с интересом следил за всей этой процедурой.

— Извини, что спрашиваю, — сказал он наконец. — Ты что, здешний диктатор? Стоит тебе щелкнуть пальцами, и все прыгают.

— Пожалуй, так может показаться, — согласился Керк. — Но это только видимость. На Пирре нет абсолютного властелина, но и демократической системы тоже нет. Населения-то у нас едва на хорошую дивизию наберется. Каждый выполняет ту работу, для которой он лучше всего годен. Каждая отрасль деятельности подчинена управлению, во главе управления стоит самый квалифицированный человек. Я руковожу координацией и снабжением, у нас очень широкое поле деятельности. Мы, так сказать, стыкуем между собой все управления и ведем дела с другими планетами.

Вошла Мета и обратилась к Керку, не глядя на Язона:

— Меня сняли с вахты и послали сюда. В чем дело? Расписание изменилось?

— Если хочешь — да, — ответил Керк. — С этой минуты ты освобождаешься от всех своих прежних обязанностей и приписываешься к новому управлению, которое будет заниматься исследованием и расследованием. Возглавлять управление будет вот этот задохлик.

— Что такое? Чувство юмора? — сказал Язон. — Первый случай на Пирре. Поздравляю, еще не все надежды потеряны.

Мета быстро перевела взгляд с одного на другого.

— Не понимаю. Не может быть. Новое управление — зачем? — Она заметно нервничала.

— Извини, — ответил Керк. — Не обижайся на меня. Я просто хотел, чтобы ты чувствовала себя проще. Но, по сути, все так и есть. Похоже, что Язон может оказать серьезную услугу Пирру. Ты согласна ему помочь?

Мета уже овладела собой. И слегка рассердилась:

— Я должна? Это приказ? Ты знаешь, у меня хватает работы. И уж тебе-то известно, что она будет поважнее всего, что может придумать какой-то инопланетчик. Он никогда не поймет...

— Да. Это приказ, — оборвал ее Керк.

Мета вспыхнула.

— Может быть, я объясню, — вступил Язон. — Тем более что это моя затея. Но сперва выполни мою просьбу. Вынь обойму из пистолета и отдай ее Керку, хорошо?

На лице Меты отразилось недоверие, но Керк кивком подтвердил свое согласие.

— Это всего на несколько минут, Мета, — сказал он. — Я ведь вооружен, так что тебе тут ничего не грозит. Я догадываюсь, о чем пойдет речь, и думаю, что он прав. По себе убедился...

Мета неохотно рассталась с обоймой и вынула патрон из ствола. Лишь после этого Язон приступил к объяснению:

— У меня есть гипотеза по поводу пиррянских организмов, и боюсь, эта гипотеза может поколебать кое-какие иллюзии. Прежде всего, надо признать тот факт, что ваш народ постепенно проигрывает войну и в конце концов всех ждет полное истребление...

Он не договорил: пистолет Меты смотрел ему прямо в лоб, и ее палец яростно щелкал курком. Лицо девушки выражало предельное отвращение и ненависть. Какие ужасные вещи он говорит! Что война, которой они целиком себя посвятили, уже проиграна!..

Керк обнял ее за плечи и усадил на стул, пока она не натворила чего похуже. Прошло несколько минут, прежде чем Мета успокоилась настолько, что могла продолжать слушать Язона. Не так-то легко человеку видеть, как рушится система представлений, которые он впитал за много лет. Только тот факт, что она побывала на других планетах и что-то повидала, помогал ей сдерживать себя.

И все-таки глаза Меты еще сверкали бешенством, когда Язон кончил излагать ей то, что уже говорил Керку. Она вся

напряглась, и казалось, лишь руки Керка не дают ей броситься на Язона.

— Понятно, с одного раза это трудно переварить, — заключил Язон. — Скажем проще. Мне кажется, мы можем установить причину такой лютой ненависти к человеку. Может быть, наш запах виноват. И мы придумаем настой из пиррянских жуков — натерся и выходи, ничего не бойся. Пока что мы не знаем ответа. Но как бы то ни было, этот вопрос нужно расследовать. Керк со мной согласен.

Мета посмотрела на Керка, он кивнул. Плечи ее поникли, она сдалась.

— Я... нет, я не могу сказать, что согласна с тобой, — прошептала она. — Я даже не все поняла. Но я помогу тебе. Если Керк считает, что так надо.

— Да, считаю, — подтвердил он. — Ну как, можно вернуть тебе обойму? Больше не будешь стрелять в Язона?

— Я вела себя глупо, — сухо произнесла Мета, перезаряжая свое оружие. — Зачем мне пистолет? Если понадобится убить его, я могу сделать это голыми руками.

— Я тоже тебя люблю, — улыбнулся Язон. — Ну, пошли... Ты готова?

— Конечно. — Она убрала со лба локон. — Сперва найдем место, где ты сможешь жить. Это я беру на себя. А работа нового управления — это уже твое дело.

Глава 10

Они спустились по лестнице, не говоря ни слова. Выйдя на улицу, Мета с каким-то изощренным злорадством разнесла выстрелом птицу, которая им совсем не угрожала. Язон решил не корить ее за напрасную трату боеприпасов. Пусть лучше стреляет по птицам, чем по нему.

В здании одного из вычислительных центров нашлись свободные помещения. Все здания такого рода наглухо запирались, чтобы никакие твари случайно не добрались до тонкой аппаратуры. Мета пошла искать койку, а Язон, напрягая все силы, перетащил из пустующей канцелярии в облюбованную им комнату конторку, стол и стулья. Когда Мета вернулась с надувным матрацем, он сразу плюхнулся на него и облегченно вздохнул. Она скривила губы, глядя на такое явное проявление немощи.

— Тебе придется привыкать, — сказал он. — Я собираюсь

работать по преимуществу в горизонтальном положении. Ты будешь моей сильной правой рукой. А теперь, Правая Рука, раздобыла бы ты чего-нибудь поесть. Кстати, есть я тоже предпочитаю в упомянутой позе.

Мета возмущенно фыркнула и вышла. Пока она ходила за едой, Язон задумчиво пожевал конец ручки, потом не спеша сделал кое-какие записи. Управившись с безвкусной трапезой, он приступил к делу.

— Мета, ты не знаешь, где хранятся исторические архивы? Всякая там информация о первой поре освоения Пирра.

— Я никогда не слышала о таких вещах. Не знаю даже...

— Что-то где-то должно быть, — настаивал он. — Это теперь все время и все силы вашего общества обращены на борьбу за существование, но ведь не всегда было так. Уверен, что прежде люди вели какие-то записи, регистрировали события. Где будем искать? Есть у вас какая-нибудь библиотека?

— Конечно, — ответила она. — Есть прекрасная техническая библиотека. Но я уверена, что там нет ничего подобного.

Язон поднялся, стараясь не охать.

— Ладно, я уж как-нибудь разберусь. Показывай дорогу.

...Библиотека была полностью автоматизирована. Индекс-проектор позволял быстро находить шифр нужного текста. Лента поступала на стол выдачи через полминуты после того, как читатель набирал номер. Использованные записи опускались в приемное гнездо и автоматически возвращались на место. Весь механизм работал безотказно.

— Великолепно, — заключил Язон, отрываясь от проектора. — Образец технического совершенства. Да только здесь нет ничего для нас. Сплошные выдержки из справочников и учебников.

— А что еще может быть в библиотеке? — Мета была искренне удивлена.

Язон начал было объяснять, но передумал.

— Ладно, об этом после, — сказал он. — Сейчас не время. Сейчас нам нужно отыскать какую-нибудь нить. Могут быть в библиотеке ленты или, скажем, печатные книги, которые не внесены в индекс?

— Не думаю, но мы можем спросить Поли. Он заведует библиотекой и живет где-то здесь же. Регистрирует новые поступления, следит за аппаратурой.

Единственная дверь, ведущая в задние комнаты, была заперта, и, сколько Язон ни стучал, никто не отзывался.

— Если он жив, сейчас покажется, — сказал Язон и нажал кнопку неисправности на пульте управления.

Это подействовало. Не прошло и пяти минут, как дверь отворилась — и появился Поли.

Обычно смерть не мешкала на Пирре. Стоило человеку утратить хотя бы часть подвижности из-за каких-нибудь ранений, как вездесущие враги быстро довершали дело. Поли был исключением из правила. Противник, который некогда добрался до него, потрудился на совесть. Нижней части лица у Поли практически не осталось. Изуродованная левая рука бездействовала. Ноги были так искалечены, что он с трудом передвигался. Но он сохранил одну руку и зрение и мог работать в библиотеке, заменяя полноценного человека.

Никто не знал, сколько лет этот калека елозил по библиотечным коридорам. Несмотря на муку, которой были полны его красные, слезящиеся глаза, он продолжал жить. Жить и стариться: такого старика Язон еще не видел на Пирре.

Поли доковылял до пульта и отключил вызвавший его сигнал тревоги. Язон принялся объяснять, в чем дело, но старик никак не реагировал. Когда он извлек откуда-то из складок своей одежды слуховой аппарат, Язон понял, что библиотекарь ко всему еще и глух. Он повторил, зачем пришел. Поли кивнул и написал на дощечке ответ: «Старые книги есть. Хранятся в подвалах».

Большую часть здания занимали библиотечные автоматы. Язон и Мета проследовали вдоль них за старым библиотекарем до запертой двери в дальнем конце главного зала. Поли указал на дверь. Пока Мета и Язон сражались с проржавевшими засовами, он написал на дощечке: «Много лет не открывали. Крысы».

Рефлекс сработал безотказно: тотчас в руках у Язона и Меты появились пистолеты.

Язон один завершил поединок с дверью. Оба пиррянина в это время стояли наготове — и слава богу: он ни за что не управился бы в одиночку с волной нечисти, которая хлынула в проем.

Ему самому не пришлось отворять створку. Скрип засовов явно привлек всех хищных тварей, расплодившихся в подвале. Едва Язон снял последний засов и нажал ручку, как дверь распахнули с той стороны.

Откройте ворота в ад и посмотрите, что оттуда полезет... Стоя плечом к плечу, Мета и Поли вели огонь по омерзительному месиву; Язон отскочил в сторону и добивал уцелевших тварей. Казалось, этой бойне не будет конца.

Прошло немало минут, прежде чем последнее когтистое чудовище совершило свой предсмертный прыжок. Мета и Поли продолжали стоять и ждать с горящими глазами. Они упивались возможностью сеять смерть. А Язона мутило после этого немого свирепого штурма, отражая который оба пиррянина сами уподобились свирепым бестиям. На щеке у Меты была глубокая царапина — след когтя. Сама она никак не реагировала на рану, тогда Язон выхватил аптечку и направился к ней в обход груды отвратительных тел. Что-то зашевелилось у его ног, и в ту же секунду грянул выстрел. Подойдя к девушке, он прижал к царапине анализатор. Аппарат щелкнул, и Мета дернулась. Лишь когда ее уколола игла с противоядием, до нее дошло, что делает Язон.

— Спасибо, я и не заметила. Их было так много, и они вырвались так стремительно.

У Поли был с собой сильный фонарь. С молчаливого согласия пиррянина, Язон вооружился фонарем; старик, хотя и искалеченный, лучше управлялся с пистолетом. Они начали медленно пробираться вниз по ступенькам, заваленным всяким хламом.

— Ну и вонь! — Язон скривился. — Если бы не фильтры в ноздрях, наверно, один запах убил бы меня.

Что-то мелькнуло в луче света, выстрел подсек какую-то тварь в прыжке. Крысы давно обжили подвал и не хотели мириться с вторжением.

Спустившись в подвал, они посмотрели по сторонам. Да, тут, несомненно, хранились книги и магнитозаписи. Когда-то. Потому что после многолетней систематической обработки острыми зубами от них ничего не осталось.

— Хорошо вы храните свои старые книги, — негодующе произнес Язон. — Только не приходите ко мне и не просите что-нибудь почитать.

— Это были бесполезные книги, — холодно заметила Мета. — Иначе их хранили бы как положено, в библиотеке наверху.

Язон мрачно переходил из помещения в помещение. Ничего стоящего... Одни лишь клочки да обрывки. И такие разрозненные, что собирать бесполезно, ничего связного не со-

ставишь. Носком бронированного башмака он сердито пнул кучу мусора. Мелькнуло что-то вроде ржавого металла.

— Ну-ка, подержи!

Он передал фонарь Мете и, позабыв об опасности, принялся разгребать мусор. Показался плоский металлический ящик с буквенным замком.

— Это же бортовой журнал! — удивленно воскликнула Мета.

— Я так и подумал, — отозвался Язон. — И если ты не ошиблась, может оказаться, что мы трудились не зря.

Глава 11

Они заперли наглухо подвал и отнесли металлический ящик в контору Язона. Обрызгали его дезинфицирующим раствором и только потом приступили к осмотру. Мета первая заметила выгравированные на крышке буквы.

— «М.Т. Поллукс Виктори»... Это, должно быть, название корабля. Но я не вижу, какого класса корабль. И что означают буквы «М.Т.»?

— «Межзвездный транспорт», — объяснил Язон, принимаясь за замок. — Я только слышал о них, а видеть не пришлось. Их строили во время последней волны галактической экспансии. Собственно, это были всего лишь огромные металлические контейнеры. Их собирали в космосе, загружали людей, аппаратуру, снаряжение и буксировали к той или иной планетной системе. Разовые ракеты и те же буксиры тормозили «М.Т.» для посадки. Транспорт оставался на планете. Корпус был готовым источником металла, поселенцы могли сразу же приступать к созиданию нового мира. Ведь транспорты были гигантские. Каждый вез не меньше пятидесяти тысяч человек.

Произнеся эту фразу, Язон вдруг сообразил, что из нее вытекает. Он взглянул на побледневшее лицо Меты. Да, да... Теперь на Пирре меньше людей, чем было, когда создавалась колония.

А ведь население, если не ограничивать рождаемость, обычно растет в геометрической прогрессии. Язон вспомнил привычку Меты чуть что хвататься за пистолет и поспешил добавить:

— Но мы не знаем точно, сколько народу было на этом

корабле. Не знаем даже, в самом ли деле это журнал корабля, который доставил первых поселенцев. Ты не придумаешь, чем открыть эту штуку? А то крышка совсем проржавела.

Мета выместила свою ярость на ящике. Под нажимом ее пальцев край крышки подался, она нажала еще сильнее, металл заскрипел, ржавые петли лопнули, крышка слетела, и на стол со стуком упала тяжелая книга. Надпись на обложке положила конец всем сомнениям.

«Бортовой журнал «М.Т. Поллукс Виктори». Маршрут Сетани — Пирр. На борту 55 тысяч переселенцев».

Тут уж не поспоришь... Сжав кулаки, Мета через плечо Язона читала записи на пожелтевших, хрупких листах. Он быстро пролистал первые страницы, на которых рассказывалось о приготовлениях к рейсу и о перелете до Пирра. Наконец он дошел до посадки и стал читать внимательнее, взволнованный словами, дошедшими до них из глубины веков.

— Вот! — крикнул Язон. — Доказательство того, что мы идем по верному следу. Даже тебе придется это признать. Читай, вот здесь.

— «...второй день, как ушли буксировщики, и мы полностью предоставлены сами себе. Колонисты еще не освоились на новом месте, хотя каждый вечер проводятся специальные беседы. Да можно ли упрекать людей, которые жили в подземных городах Сетани и видели солнце от силы раз в год. Здесь солнца хватает, а такого ветра я не встречал нигде, хотя побывал на сотне планет. Может быть, я допустил ошибку при разработке плана, и надо было настоять на вывозе людей с какой-нибудь из аграрных планет? Людей, привычных к вольному воздуху? Эти горожане с Сетани дождя боятся. Правда, на своей планете они росли при полуторной силе тяжести, так что им легче привыкнуть к здешней двойной. Этот фактор сыграл решающую роль. Как бы то ни было, теперь поздно переигрывать. И с этими бесконечными ливнями, снегом, градом, ураганами тоже ничего не поделаешь. Надо скорее пускать рудники, продавать металл и строить закрытые города.

Все на этой злополучной планете против нас — все, кроме животных. Правда, в первые дни появилось несколько крупных хищников, но часовые быстро с ними расправились. Остальные звери нас не беспокоят. И на том спасибо! Они ведут такую жестокую борьбу за существование, что я еще не

видел более устрашающих тварей. Даже самые маленькие грызуны, длиной с ладонь, вооружены не хуже танка...»

— Не верю ни одному слову, — вдруг сказала Мета. — Это написано не про Пирр...

Она не договорила: Язон молча ткнул пальцем в надпись на обложке.

Он стал листать дальше, пробегая страницы глазами. Одно предложение заставило его задержаться, и Язон прочел вслух, ведя пальцем вдоль строчек:

— «...все больше осложнений. Во-первых, Хар Пало выдвинул гипотезу, будто злаки растут так хорошо потому, что почва теплая от близости магмы. Даже если это так, что мы можем сделать? Мы должны сами себя всем обеспечивать, если хотим выжить. А тут еще новость. Похоже, что лесной пожар гонит в нашу сторону животных, с какими мы раньше не встречались. Звери, насекомые, даже птицы нападают на людей. (Обратить внимание Хара: проверить, не связано ли это с сезонными миграциями.) Уже четырнадцать человек погибли от ран и отравления. Надо будет строго-настрого приказать всем постоянно пользоваться репеллентами от насекомых. А для защиты от крупных животных придется, пожалуй, обнести лагерь защитной стеной».

— Отсюда все и пошло, — сказал Язон. — Что ж, теперь мы хоть знаем, в чем дело. Конечно, от этого нам будет не легче справиться с Пирром. И здешние звери не станут менее опасными, оттого что мы узнали, что в прошлом они лучше ладили с людьми. Пока что мы, можно сказать, только докопались до сути. Что-то воздействовало на миролюбивые организмы, распалило их и превратило всю планету в сплошной капкан для людей. Теперь надо выяснить, что же это было.

Глава 12

Дальнейшее чтение ничего существенного не добавило. В журнале содержались дополнительные данные об исконной фауне и флоре, об их опасности для людей, о первых мерах защиты. Сведения, интересные в историческом плане, но практической пользы от них никакой. Капитану явно не приходило в голову, что пиррянские организмы изменяются, он думал, что колонисты открывают все новые виды. Ему так и не довелось пересмотреть свои взгляды. Последняя запись,

сделанная меньше чем через два месяца после первого конфликта, была очень короткой. И писала уже другая рука:

«Капитан Курковски умер сегодня после укуса ядовитым насекомым. Все сожалеют о его гибели».

Причину такой нелюбви планеты к человеку еще предстояло выяснить.

— Надо показать эту книгу Керку, — сказал Язон. — Он, наверно, знает, что было потом. Можно на чем-нибудь доехать или мы пойдем в ратушу пешком?

— Пешком, конечно, — ответила Мета.

— Тогда ты неси книгу. При двух g мне трудновато быть джентльменом.

В ту самую минуту, когда они вошли в канцелярию Керка, из визифона вырвался пронзительный крик. Язон не сразу разобрал, что это не голос человека, а механический сигнал.

— Что случилось? — спросил он.

Керк выскочил из своей канцелярии и ринулся к выходу. Остальные сотрудники последовали за ним. Мета в замешательстве посмотрела на дверь, потом на Язона.

— В чем дело? Ты можешь мне ответить? — Он дернул ее за руку.

— Секторальная тревога. Периметр прорван. Все должны явиться к месту прорыва, кроме часовых на других участках Периметра.

— Ну так иди, — сказал Язон. — За меня не беспокойся. Как-нибудь перебьюсь. — Его слова подействовали как спусковой крючок. Он еще не договорил, а Мета с пистолетом в руке уже исчезла за дверью. Язон устало опустился на стул в безлюдной канцелярии.

Неестественная тишина в здании начала действовать ему на нервы, тогда он пододвинулся вместе со стулом к визифону, повернул переключатель, и аппарат буквально взорвался красками и звуками. Поначалу Язон ничего не мог разобрать. Какой-то хаос лиц и голосов... Аппарат был многоканальный, военного образца. На экран поступало изображение сразу с нескольких камер, и было видно, где ряды голов, где смазанный фон. И так как головы говорили одновременно, понять что-либо было невозможно.

Рассмотрев все ручки и немного поэкспериментировав с ними, Язон понял принцип действия аппарата. Хотя видеосигналы всех передающих станций одновременно поступали на экран, звуковые каналы поддавались настройке. Две, три

или больше станций могли соединяться в сети, участники которых разговаривали между собой, не теряя при этом связи и с другими.

Звук автоматически привязывался к изображению. Когда кто-то говорил, его изображение окрашивалось в пунцовый цвет. Оперируя методом проб и ошибок, Язон выделил интересующие его звуковые каналы и попробовал разобраться в ходе баталии.

Он быстро уразумел, что бой идет нешуточный. Каким-то образом — каким именно, из отрывочных реплик нельзя было понять, — оборонительный пояс был прорван, и теперь аварийные отряды заделывали брешь. Судя по всему, руководил операцией Керк; во всяком случае, только у него был циркулярный передатчик, позволяющий включаться в любую сеть. Время от времени звучали его команды; тогда мозаика маленьких лиц как бы таяла, вытесняемая большим, во весь экран, изображением Керка.

— Всем постам направить двадцать пять процентов личного состава на участок двенадцать.

Снова появились маленькие лица, нестройный гул голосов усилился, то одно, то другое лицо загоралось пунцовым огнем.

— ...очистить первый ярус, радиус кислотных бомб недостаточен.

— Если останемся здесь, будем отрезаны, на западном фланге нас уже обходят. Просим подкреплений.

— Брось, Мерв... Это без толку!

— ...напалм уже на исходе. Какие будут приказания?

— Транспортер еще здесь, живо на склад, там найдете...

Из всего речевого сумбура только две последние реплики прозвучали осмысленно для Язона. Он помнил надписи у входа в здание и знал, что оба первых этажа заняты под склад боеприпасов. «Кажется, мой выход», — сказал он себе.

Сидеть и смотреть сложа руки было невыносимо. Тем более когда шла такая отчаянная схватка. Язон не переоценивал своих возможностей, однако не сомневался, что и его пистолет будет не лишним.

Когда он дотащился до первого этажа, на улице у грузовой платформы уже стоял турбомобиль. Два пиррянина поспешно выкатывали со склада бочки с напалмом, нисколько не думая о собственной безопасности. Язон не отважился нырнуть в этот водоворот катящегося металла. Он смекнул,

что от него будет гораздо больше проку, если он возьмется кантовать тяжелые бочки в кузове. Пирряне восприняли его помощь как нечто само собой разумеющееся.

Ворочать свинцовые бочки, борясь с двойным тяготением, — адский труд... Кровь стучала в висках, глаза застлала багровая мгла. Язон работал вслепую и, что дело сделано, понял лишь после того, как транспортер вдруг рванулся вперед и его бросило на дно кузова. Он остался лежать между бочками, тяжело дыша. Водитель гнал тяжелую машину полным ходом, и Язона мотало во все стороны. К тому времени, когда они достигли зоны боя и круто затормозили, в глазах у него немного прояснилось, но отдышаться он еще не успел.

Его взгляду представился сплошной сумбур. Стрельба, языки пламени, со всех сторон бегущие мужчины и женщины. Напалм сгрузили без его участия, и транспортер тотчас укатил за новой партией. Прислонившись к стене полуразрушенного здания, Язон попробовал разобраться, что к чему. Это было невозможно. Кругом кишели какие-то мелкие твари, он убил двух, которые пытались его атаковать. В остальном ход битвы оставался для него непонятным.

Рядом с собой он увидел пиррянина с бледным от боли и напряжения лицом. Правая рука его с зияющей рваной раной, которую кто-то обработал специальным раствором, безвольно повисла. В левой руке он держал пистолет с обрывком провода. Язон подумал, что раненый ищет, кто бы мог его перевязать. Он ошибся.

Стиснув пистолет зубами, пиррянин захватил здоровой рукой бочку с напалмом и повалил ее набок. Потом снова взял в руку пистолет и стал катить бочку по земле ногами. Она плохо поддавалась, но раненый не хотел выходить из боя.

Язон протиснулся к нему между снующими людьми и наклонился над бочкой.

— Дай-ка я буду катить, — сказал он. — А ты прикрывай меня пистолетом.

Пиррянин вытер рукой пот со лба и присмотрелся к Язону. Казалось, он его узнал. Во всяком случае, он улыбнулся; правда, улыбка была безрадостная, больше похожая на гримасу боли.

— Ладно, кати, я еще могу стрелять. Два полчеловека вместе — пожалуй, выйдет боец.

Язон уже сражался с бочкой, и ему было не до того, чтобы обижаться.

Улица впереди была разворочена взрывом. Двое трудились на дне воронки, углубляя ее лопатами. Язон не понимал, зачем это нужно. В ту самую минуту, когда он подкатил бочку к яме, оба пиррянина выскочили из нее и открыли огонь, целясь вниз. Один из стреляющих оказался совсем юной девушкой лет одиннадцати-двенадцати.

— Спасибо Периметру! — выдохнула она. — Давайте напалм. Одно из новых чудовищ пробивается на участок тринадцать, мы только что его обнаружили.

Говоря, она развернула бочку, сшибла пробку, и студенистое вещество потекло в яму. Не дожидаясь, когда все вытечет, девушка столкнула бочку в воронку. Ее товарищ сорвал с пояса осветительную ракету и швырнул следом.

— Назад, живо! — крикнул он. — Они не любят тепла.

Это было очень мягко сказано. Напалм вспыхнул, вверх взметнулись языки коптящего пламени, заклубился дым. Земля под ногами Язона заколыхалась, среди огня возникло что-то длинное, черное и изогнулось в воздухе у них над головой. Окруженное пеклом чудовище как-то странно дергалось. Оно было огромное, толщиной не меньше двух метров, а о длине можно было догадываться по тому, как дыбился и трескался асфальт на полсотни метров по обе стороны воронки. Пламя не укротило его, только придало еще больше ярости. Петля за петлей оно появлялось из-под земли. Следуя примеру других, Язон начал стрелять по извивающемуся телу, но пули не производили никакого видимого действия.

Со всех сторон прибывало подкрепление, люди несли разное оружие, но всего эффективнее оказались минометы и огнеметы.

— Освободить участок, открываем массированный огонь! Отходи!

Голос прозвучал так громко, что у Язона зазвенело в ушах. Он повернулся и увидел Керка, который привел транспортеры с оружием. На спине у пиррянина висел рупор, микрофон торчал перед ртом. Подчиняясь команде, толпа бросилась в сторону.

Язон растерялся. Освободить участок? Какой участок? Он рванулся было к Керку, но вдруг увидел, что все бегут в противоположную сторону. Да как бегут!

Язон остался в одиночестве посреди улицы, чувствуя себя совсем беззащитным. Все остальные исчезли. Нет, не все. Раненый, которому он помог справиться с бочкой, приближался, размахивая здоровой рукой. Язон не мог разобрать, что он говорит. Машины тронулись с места. Язон понял, что надо пошевеливаться, и сделал несколько шагов. Поздно. Земля вспучилась сразу со всех сторон, из трещин выбиралась наружу невиданная тварь. Спасение было впереди, но на пути к нему изогнулась в воздухе облепленная землей серая арка.

Иногда секунды кажутся вечностью. Субъективное время вдруг бесконечно растягивается. Сейчас был как раз такой случай. Язон застыл на месте. Даже дым в небе словно окаменел. Прямо перед собой Язон отчетливо видел странную петлю — часть чужеродного организма. Видел все до мельчайших подробностей.

Толстое тело, серое и шероховатое, будто старое дерево. С множеством извивающихся по-змеиному длинных белесых отростков. С виду растение, а двигается как животное... И оно лопается, трескается! Это было самое ужасное. Появились какие-то трещины, отверстия. Словно разинутые пасти, они изрыгали полчища мертвенно-белых тварей, которые издавали пронзительный визг на грани слышимых частот. Он увидел страшные челюсти со множеством острейших клыков.

Ужас встречи с неведомым сковал руки и ноги Язона. Он приготовился умереть. Керк орал ему что-то громовым голосом в мегафон, по атакующему чудовищу непрерывно стреляли, а Язон стоял словно в забытьи.

Вдруг чье-то твердое как камень плечо сильно толкнуло его вперед. Это был раненый пиррянин, он все еще рассчитывал выручить Язона. Держа пистолет зубами, он здоровой рукой потащил Язона за собой. Прямо на чудовище. Стрельба на время прекратилась. Другие пирряне поняли его замысел.

Под изогнувшейся в воздухе петлей образовался большой просвет. Пиррянин уперся как следует ногами, весь напрягся, рывком оторвал Язона от земли и буквально швырнул его в проход под живой аркой. Извивающиеся щупальца обожгли лицо Язона, в следующую секунду он уже катился по земле по ту сторону петли. Раненый пиррянин прыгнул следом за ним.

Он опоздал. Обстановка позволяла спастись только одному. И пиррянин, вместо того чтобы использовать этот единственный шанс, протолкнул Язона. Щупальца, которые задели Язона, передали сигнал в мозг чудовища, оно опустилось и накрыло пиррянина. Он пропал из виду, весь облепленный

белесыми тварями. Но пистолет-автомат продолжал стрелять еще долго после того, как человек заведомо был мертв.

Язон встал на четвереньки и пополз. Несколько клыкастых бестий бросились к нему, но были подстрелены. Он этого не видел. Чьи-то сильные руки грубо поставили его на ноги и дернули. Он ударился о борт транспортера и увидел разъяренное лицо Керка. Могучая пятерня схватила его за грудь, оторвала от земли и безжалостно встряхнула, словно кучу тряпья. Язону оставалось лишь молча терпеть и ждать, чем это кончится.

Керк не убил Язона, только отшвырнул его в сторону. Кто-то другой подобрал его и забросил в кузов. Он еще был в сознании, когда машина рванулась с места, но у него не было сил двигаться. Ничего, сейчас все пройдет, и он сядет. Он просто устал немного, вот и все... Здесь течение его мыслей оборвалось.

Глава 13

— Совсем как в давние времена, — приветствовал Язон входящего в комнату Бруччо.

Пиррянин молча подал Язону и другим раненым еду и вышел.

— Спасибо! — крикнул ему вдогонку Язон.

Шутка, улыбка, все как положено. Вот только губы словно чужие. Как будто их налепили — и они говорят и улыбаются сами по себе. И внутри все онемело. Мышцы не слушались, а перед глазами стояла одна и та же картина: живая арка, которая обрушивалась на однорукого пиррянина и оплетала его миллионами жгучих щупалец.

Язон представлял себя на месте погибшего. Ведь по справедливости он должен был там остаться... Он машинально очистил тарелку.

Эта мысль преследовала его с того самого утра, когда он пришел в сознание. Это он должен был умереть там, на перепаханной битвой улице. Он должен был расплатиться жизнью за то, что возомнил, будто может помочь чем-то сражающимся пиррянам. А он только путался под ногами и мешал. Если бы не Язон, сейчас здесь лечился бы тот раненый пиррянин. Он занимает чужое место.

Место человека, который отдал свою жизнь за Язона.

Человека, которого он даже не знал по имени.

В еду было подмешано какое-то снотворное. Тампоны высасывали саднящую боль из ожогов на лице, там, где его полоснули щупальца. Когда Язон проснулся опять, он мог уже мыслить более здраво.

Другой человек умер, чтобы он мог жить. От этого никуда не уйдешь. При всем желании погибшего не вернешь к жизни. Значит, надо сделать так, чтобы его смерть была не напрасной. В той мере, в какой вообще смерть человека может считаться оправданной... Ну вот, опять о том же! Хватит.

Язон знал, что он должен делать. Теперь его поиск приобретает еще большее значение. Если он решит загадку этого свирепого мира, он вернет тем самым часть своего долга.

Язон сел, тотчас голова закружилась так, что он машинально ухватился за край кровати. Прошло несколько минут, прежде чем головокружение унялось. Остальные раненые даже не смотрели на него, когда он медленно, кривясь от боли, начал одеваться. Вошел Бруччо, увидел, чем он занят, и молча вышел.

Одевание затянулось надолго, наконец он управился. Когда Язон вышел из комнаты, за дверью его ожидал Керк.

— Керк, я хочу тебе сказать...

— Не говори мне ничего! — Голос Керка громом раскатился по коридору. — Говорить буду я. Ты выслушаешь меня, и на этом разговор будет окончен. Мы не желаем больше видеть тебя на Пирре, Язон динАльт, мы не нуждаемся ни в тебе, ни в твоих премудрых суждениях постороннего. Один раз тебе с твоим лживым языком удалось меня убедить. Я помог тебе за счет более важных дел. Я должен был раньше сообразить, куда заведет твоя пресловутая логика. Теперь я увидел это воочию. Велф умер, чтобы ты мог жить. А он стоил двоих таких, как ты.

— Велф? Его звали Велф? — неловко спросил Язон. — Я не знал...

— Ты не знал. — Зубы Керка обнажились в презрительной гримасе. — Ты даже не знал его имени, а он умер, чтобы ты мог и дальше влачить свое жалкое существование.

Керк сплюнул, словно ему попала в рот какая-то дрянь, и зашагал к выходу. Потом вспомнил что-то и повернулся к Язону.

— Ты будешь здесь, в изоляторе, пока не придет корабль. Через две недели ты покинешь эту планету и никогда больше

не вернешься. А если вернешься, я убью тебя на месте. С большим удовольствием.

Он вошел в переходную комнату.

— Постой! — крикнул Язон. — Так нельзя... Ты еще не видел того, что я нашел. Спроси Мету...

Дверь захлопнулась, и Керк исчез.

Черт знает что. Бессильное отчаяние сменилось яростью. С ним обращаются как с несмышленым ребенком, ни во что не ставят важное открытие, которое он сделал.

Язон обернулся и увидел Бруччо.

— Ты слышал? — спросил он.

— Да. И я с ним полностью согласен. Считай еще, что тебе повезло.

— Повезло! — Язон окончательно рассвирепел. — В том, что ко мне относятся, как к малолетнему недоумку, что моих усилий не принимают всерьез...

— А я говорю: повезло, — перебил его Бруччо. — У Керка из всех сыновей только Велф и остался. Керк возлагал на него большие надежды, готовил его себе в преемники.

Бруччо повернулся, чтобы уйти, но Язон окликнул его:

— Погоди. Мне очень горько, что Велф погиб. Независимо от того, что ты мне сейчас сказал. Но теперь мне понятно, почему Керку не терпится меня выпроводить. Вместе с материалами, которые я нашел. Бортовой журнал...

— Знаю, видел его. Мета приносила. Очень интересный исторический документ.

— И это все, что ты можешь о нем сказать? Исторический документ... А суть перемены, которая произошла с планетой, до тебя не дошла?

— Дошла, — сухо ответил Бруччо. — Но я не вижу, при чем тут сегодняшний день. Прошлого не переделать, а мы боремся в настоящем, и все наши силы уходят на эту борьбу.

Все, все впустую, прямо хоть вой... Куда ни повернись, сплошное безразличие.

— Ты же умный человек, Бруччо, и однако видишь не дальше собственного носа. Наверно, с этим ничего не поделаешь. Ты и все остальные пирряне — супермены на земную мерку. Свирепые, беспощадные, несокрушимые, с молниеносной реакцией. Живучие, как кошки. Из вас получились бы бесподобные техасские рейнджеры, канадские конные патрули, разведчики болот Венеры — любые из мифических героев далекого прошлого. И, по-моему, именно там ваше

место, в прошлом. На Пирре человек находится в условиях, которые требуют максимума от его мышц и рефлексов. Но ведь это тупик. Мозг вывел человека из пещер и открыл ему путь к звездам. Если опять впереди мозга поставить мышцы, мы вернемся к пещерному уровню. В самом деле, кто вы, пирряне, если не племя троглодитов, которые бьют зверей по голове каменными топорами? Вы когда-нибудь задумывались над тем, для чего вы тут живете? Что делаете? Куда идете? — Язон остановился, чтобы перевести дух.

Бруччо задумчиво потер подбородок.

— Пещеры? — повторил он. — Где ты видел у нас пещеры и каменные топоры? Я тебя совсем не понимаю.

Можно ли тут сердиться, раздражаться? Язон открыл рот, хотел ответить, но вместо этого рассмеялся. Это был невеселый смех. Он устал спорить с этими пиррянами. Все как об стену горох. Они мыслят только в настоящем. Прошлое и будущее для них неизменно и непознаваемо, а потому не представляет никакого интереса.

— Как идет бой на Периметре? — спросил он, переводя разговор на другое.

— Окончен. Во всяком случае, подходит к концу.

И Бруччо принялся с жаром показывать стереофотографии врага, не замечая, что Язон с трудом подавляет отвращение.

— Это был самый серьезный прорыв за много лет, но мы вовремя его засекли. Жутко подумать, что было бы, опоздай мы на неделю-другую.

— А что это за твари? — спросил Язон. — Какие-нибудь гигантские змеи?

— Не говори вздора, — фыркнул Бруччо и постучал ногтем по снимку. — Корни. Только и всего. Сильно видоизмененные, конечно, но все равно корни. Задумали пробраться под Периметром, такого глубокого подкопа еще никогда не было. Сами-то по себе они не опасны, подвижность очень маленькая. Обруби такой корень — долго не проживет. А вся опасность в том, что они служили как ходы для штурма. Каждый корень внутри испещрен ходами, в них живут два или три вида животных, своего рода симбиоз. Теперь, когда мы в них разобрались, будем начеку. А вот если бы они подрыли весь Периметр и атаковали сразу со всех сторон, тогда нам пришлось бы худо.

Предельные условия. Жизнь на краю вулкана, грозящего

всех истребить. Пирряне рады каждому прожитому дню. Видно, их уже не переделаешь. Язон не стал продолжать разговор. Забрав в комнате Бруччо бортовой журнал «Поллукс Виктори», он отнес его к себе. Соседи по палате не замечали его. Он лег и открыл журнал на первой странице.

Два дня Язон не выходил из палаты. Раненые быстро поправлялись, он остался один и внимательно читал страницу за страницей, пока не изучил во всех подробностях историю освоения Пирра. Кипа заметок и выписок быстро росла. Он вычертил карту первоначального поселения и наложил ее на самую последнюю. Ничего похожего...

Да, это тупик. Сравнение карт неумолимо подтверждало то, о чем он догадывался. Все детали местности и рельефа были описаны в журнале очень точно. Город, несомненно, переместился со времени первоначальной высадки колонистов. Где-то это фиксировалось, но все данные должны были попасть в библиотеку, а этот источник он уже исчерпал. И больше негде искать.

Дождь хлестал по стеклу над его головой, сверкали молнии. Незримые вулканы опять проснулись, и от их глухого подземного ворчания содрогался пол.

Плечи Язона поникли под тяжким грузом поражения, пасмурное небо казалось еще более хмурым.

Глава 14

Весь следующий день Язон пролежал на койке, уныло глядя в потолок и пытаясь переварить мысль о своем проигрыше. Приказ Керка не выходить из изолятора связывал его по рукам и ногам. Ему казалось, что лишь несколько шагов отделяют его от ответа. Но как сделать эти шаги?

Его хандры хватило ровно на один день. Язон не видел в позиции, занятой Керком, ни капли логики, одни эмоции. Мысль об этом неотступно преследовала его. Жизнь давно научила Язона относиться с недоверием к суждениям, основанным на эмоциях. Он ни в чем не мог согласиться с Керком — значит, надо использовать оставшиеся десять дней, чтобы решить проблему. Пусть даже для этого придется нарушить приказ Керка.

Он с жаром взялся опять за свой блокнот. Первые источники информации исчерпаны, но должны быть другие.

Грызя ручку и упорно размышляя, Язон перебирал возможные варианты. Любая идея, даже самая безумная, заслуживала внимания. Исписав блокнот, он вычеркнул чересчур трудоемкие и заведомо неосуществимые ходы. Такие, как обращение к внепланетным историческим архивам. Речь идет о сугубо пиррянской проблеме, либо она будет решена на Пирре, либо так и останется нерешенной.

В конце концов он остановился на двух вариантах. Первый — старые документы, записки или дневники, которые могли сохраниться в личном владении у кого-нибудь из пиррян. Второй — изустные предания, передававшиеся из поколения в поколение. Вариант номер один казался ему наиболее реальным, и Язон тотчас приступил к делу. Тщательно проверив свою аптечку и пистолет, он пошел к Бруччо.

— Что нового смертельного появилось на свете за то время, что я тут сижу? — спросил он.

Бруччо воззрился на него:

— Тебе нельзя выходить, Керк запретил.

— Он велел тебе следить, чтобы я повиновался? — холодно осведомился Язон. Бруччо потер подбородок и насупил брови. Поразмыслив, он пожал плечами:

— Да нет, я тебя не сторожу. И ни к чему это мне. Я понимаю так, что это ваше с Керком личное дело — ну так и разбирайтесь сами. Уходи, когда тебе вздумается. И постарайся, чтобы где-нибудь тихо прикончили, для нас будет одной заботой меньше.

— И я тебя так же люблю, — отозвался Язон. — Теперь рассказывай про фауну.

Единственной новой мутацией, требовавшей дополнительных мер защиты, была серо-голубая ящерица, которая с убийственной меткостью плевалась ядом, поражающим нервную систему. Смерть наступала через несколько секунд после того, как яд попадал на кожу. Эту ящерицу ни в коем случае нельзя было подпускать близко.

Одного часа упражнений на тренажере оказалось достаточно, чтобы у Язона выработался нужный рефлекс. Никем не замеченный, он покинул здание изолятора и побрел по пыльным улицам к ближайшим казармам, сверяясь с планом города. Было душно, царила тишина, нарушаемая лишь далеким рокотом да изредка его собственными выстрелами.

Внутри толстостенных бараков было прохладно, и Язон тяжело опустился на скамейку. Когда пот на лице высох и

сердце забилось ровнее, он вошел в комнату отдыха и приступил к опросу.

Дознание не затянулось. Никто из пиррян не хранил старинных предметов; сама мысль об этом казалась им нелепой. После двадцатого отрицательного ответа Язон понял, что ничего не добьется.

Значит, остаются изустные предания. Но и тут опрос ничего не дал. К тому же пиррянам надоели его приставания, и они начали ворчать. Лучше остановиться вовремя, пока он еще цел...

Заведующий пищеблоком угостил его обедом, который на вкус напоминал древесные опилки и размазню из пластика. Язон быстро управился с едой и задумался над пустым подносом. Он упорно гнал от себя мысль, что снова забрел в тупик. От кого можно получить толковый ответ? Все, с кем он здесь говорил, очень уж молоды. Какое им дело до преданий старины. Это чисто стариковское хобби, требующее особого интереса и терпения. Но на Пирре нет стариков.

А впрочем, есть одно исключение: библиотекарь Поли. В самом деле. Человек, который имеет дело с документами и книгами, мог сберечь что-нибудь старинное. На худой конец, он может помнить что-то из прочитанного. Не очень надежная нить, но ее надо проверить.

Путь до библиотеки едва не доконал Язона. Ливни сделали дорожное покрытие совсем скользким, а сумрачное освещение мешало видеть, что делается кругом. Какая-то тварь сумела подобраться вплотную и основательно царапнула его, прежде чем он ее подстрелил. От противоядия у него помутилось в глазах, и он потерял довольно много крови, пока наложил повязку. До библиотеки он добрался совсем усталый и злой.

Поли копался во внутренностях одной из библиотечных машин и оторвался от работы только после того, как Язон тронул его за плечо. Включив слуховой аппарат, старый инвалид приготовился слушать.

— У вас есть старые бумаги или письма, которые вы храните для себя лично?

Пиррянин отрицательно покачал головой.

— А как насчет преданий — может, вы в молодости слышали какие-нибудь рассказы о древних делах, о подвигах?

Снова отрицательный жест.

О чем бы Язон ни спросил, Поли только качал головой.

Наконец старый пиррянин раздраженно показал на ожидавшую его работу.

— Да-да, я знаю, вам надо работать. Но это очень важно.

Поли сердито мотнул головой и поднял руку, намереваясь выключить слуховой аппарат. Язон лихорадочно старался придумать такой вопрос, который мог бы вызвать более позитивную реакцию. В мозгу вертелось какое-то слово, которое он однажды слышал и, так сказать, заложил в память, чтобы потом выяснить его значение. Слышал от Керка... Есть! Заветное слово вынырнуло из подсознания.

— Минуточку, Поли, только еще один вопрос. Что такое «корчевщик»? Вы когда-нибудь видели «корчевщика»? Чем они занимаются? Где их можно увидеть?

Он не договорил. Поли развернулся и со всего размаху ударил Язона по лицу здоровой рукой так, что едва не раздробил ему челюсть. Язон отлетел в сторону и словно в тумане увидел, как старый калека идет, ковыляя, к нему. Уцелевшая часть лица библиотекаря была искажена яростью, изувеченное горло издавало какие-то клекочущие звуки.

Тут уж было не до объяснений. Со всей скоростью, какую только он мог развить при двойном тяготении, Язон направился к двери. Рукопашная схватка с пиррянином, будь то малорослый юнец или старый инвалид, не сулила ничего хорошего.

Дождь успел смениться снегом, и Язон зашлепал по слякоти, потирая ноющую скулу и осмысливая единственный факт, которым он располагал. «Корчевщик» — явно ключ, но к чему? И куда теперь обратиться за информацией? Из всех пиррян только с Керком у него получался путный разговор, но с ним больше не поговоришь. Остается Мета. Надо немедленно повидаться с ней. Но тут им вдруг овладела такая слабость, что он через силу добрел обратно до учебного центра.

Утром он чуть свет позавтракал и снова отправился в город. Всего неделя осталась в запасе... Проклиная два g, пресекающие все его попытки идти быстро, Язон дотащился до здания диспетчерской службы, узнал, что Мета вот-вот должна вернуться с ночного дежурства на Периметре, и отправился в ее казарму. Когда Мета вошла, он лежал на ее койке.

— Уходи, — бесстрастно сказала она. — Или тебя надо вышвырнуть?

— Терпение. — Он сел. — Я просто прилег отдохнуть,

пока ждал тебя. У меня к тебе один-единственный вопрос. Ответь мне на него, и я сразу уйду.

— Какой еще вопрос? — Мета нетерпеливо постукивала по полу каблуком, но Язон уловил нотку любопытства в ее голосе.

Он еще раз тщательно продумал все, потом заговорил:

— Только постарайся воздержаться от стрельбы. Ты знаешь меня как болтливого инопланетчика, я уже говорил при тебе ужасные вещи, и ты не стреляла в меня. Сейчас ты услышишь еще одну ужасную вещь. Пожалуйста, подтверди свое превосходство над другими обитателями галактики, держи себя в руках и не разлагай меня на атомы.

В ответ она только еще раз стукнула каблуком. Язон собрался с духом и выпалил:

— Что такое «корчевщик»?

На миг Мета словно окаменела. Потом с отвращением посмотрела на него.

— Ты умеешь находить самые омерзительные предметы для разговора.

— Возможно, — согласился он. — Но это не ответ на мой вопрос.

— Это... В общем, это одна из тех вещей, о которых люди не говорят.

— Я говорю.

— А я нет! Это самая отвратительная вещь на свете, больше я ничего не скажу. Потолкуй с Кранноном, а с меня хватит.

Говоря, Мета схватила его за руку и выволокла в тамбур. В следующую секунду дверь захлопнулась за его спиной. Язон сердито буркнул себе под нос: «Атлетка», — но гнев улетучился, как только он сообразил, что Мета, хотела она того или нет, дала ему в руки ключ. Теперь надо выяснить, кто такой или что такое Краннон.

В диспетчерской Язон узнал, кто такой Краннон, а также где и в какую смену он работает. Идти туда было недалеко, и Язон скоро очутился перед большим кубическим строением без окон. У каждого из надежно запертых входов висело по вывеске с одним только словом: «Продовольствие». Чтобы попасть внутрь здания, Язону пришлось пройти через несколько тесных автоматических камер, где он подвергся ультразвуковой, ультрафиолетовой и антисептической обработке. Затем его почистили вращающиеся щетки и последовательно

окатили три различных душа. Несколько более влажный и несравненно более чистый, он был наконец допущен в центральное помещение. Здесь люди и роботы перекладывали ящики, и Язон спросил одного из пиррян, где можно видеть Краннона. Пиррянин холодно смерил Язона взглядом, плюнул на его башмаки и только потом ответил.

Краннон — коренастый и весьма мрачный мужчина в залатанном комбинезоне — работал один в просторной кладовой. При виде Язона он перестал ворочать тюки и сел. Угрюмые складки на его лице, казалось, стали еще глубже, когда Язон принялся объяснять, зачем пришел. Разговор о пиррянской старине нагнал на него тоску, и он откровенно зевал. Наконец Язон закончил. Однако он тщетно ждал ответа, Краннон только молча продолжал зевать.

В конце концов Язон не выдержал:

— Ну так как, у вас есть старые книги, документы, записки или что-нибудь в этом роде?

— Ты обратился по адресу, инопланетчик, — услышал он. — От разговора со мной тебе будут сплошные неприятности.

— Это почему же?

— Почему? — Язон увидел, что лицо Краннона может выражать не только уныние. — Я тебе скажу почему! Однажды я допустил промашку, только одну, и был наказан за это пожизненным приговором. На всю жизнь — понятно тебе? Я один, все время один. Корчевщики и те надо мной начальники.

Язон постарался не выдать своего ликования.

— Корчевщики? А кто это такие — корчевщики?

От такого чудовищного вопроса Краннон даже онемел. Неужели есть на свете человек, который не слышал про корчевщиков? Что-то похожее на радость потеснило тоску в его душе, когда он понял, что наконец-то обрел чуткого слушателя, с которым можно поделиться своей бедой.

— Корчевщики — предатели, иначе их не назовешь. Предатели рода человеческого, я бы их всех перебил, была бы моя воля. Живут в джунглях. А что они с животными делают...

— Вы хотите сказать, что это люди? Такие же пирряне, как вы сами? — перебил его Язон.

— Нет, сударь, не такие же, как я. И не повторяй этой ошибки, если тебе жизнь дорога. Допустим, я один раз задремал на посту, за что и должен теперь делать эту работу. Но отсюда еще не следует, что она мне по душе. Или что они мне

по душе. От них смердит, да-да, смердит, и, если бы они не давали нам продовольствие, их завтра же прикончили бы всех до одного. Вот работенка, за которую я взялся бы с великой радостью!

— Но, если они поставляют вам продовольствие, вы должны давать им что-то взамен?

— Меновой товар — бусы, ножи и все такое прочее. Мне их сюда привозят в коробках, мое дело только доставить эти коробки по адресу.

— Как вы это делаете?

— Отвожу в условное место на бронетранспортере. Потом еду туда снова и забираю продовольствие, которое они оставляют.

— Можно мне в следующий раз поехать с вами?

Краннон немного поразмыслил, прежде чем ответить.

— Что ж, валяй поезжай, если природа обделила тебя умишком. Пособишь мне с погрузкой. Сейчас урожай еще не собран, так что следующий рейс через восемь дней...

— Но ведь это будет после того, как улетит корабль. Слишком поздно. А раньше вы не можете поехать?

— Не лезь ко мне со своими проблемами, сударь, — пробурчал Краннон, вставая. — Через восемь дней, и никаких перемен ради твоей милости.

Язон понял, что от этого человека ему большего за один раз не добиться. Он уже собрался уходить, но затем обернулся.

— Еще один вопрос. Как выглядят эти дикари? Эти корчевщики?

— Откуда мне знать! — рявкнул Краннон. — Я с ними торгую, а не целуюсь. Попадись мне хоть один, я пристрелил бы его на месте.

Он несколько раз согнул и разогнул пальцы, заставляя пистолет выскакивать из кобуры. Язон предпочел тихо удалиться.

Растянувшись на койке, чтобы мышцы отдохнули от перегрузки, он ломал голову над тем, как убедить Краннона перенести срок. Его надо подкупить. Но чем? В этом мире, где валюта не котируется, его миллионы кредов ничего не значат. Глаза Язона остановились на стенном шкафу, в котором висела его старая одежда... Кажется, придумал!

На другой день — еще одним днем меньше! — он спозаранок пришел в здание продовольственного склада. Краннон даже не обернулся на звук его шагов.

— Хотите получить эту штуку? — Язон протянул изгою плоский золотой футляр с крупным алмазом посередине.

Краннон хмыкнул и повертел футляр в руках.

— Игрушка, — сказал он. — Какой от нее прок?

— А вы нажмите кнопку, появится огонь.

Над дырочкой в крышке вырос язычок пламени. Краннон вернул футляр Язону.

— На кой мне такой огонек? Оставь себе.

— Погодите, — сказал Язон. — Это не все. Если надавить на этот камень посередине, выскочит... вот видите? — У него на ладони очутился черный шарик величиной с ноготь. — Граната, из чистого ультранита. Сдави ее хорошенько, потом брось, и будет такой взрыв, что начисто разнесет дом вроде этого.

Краннон снова взял золотой футляр. На грозное оружие он смотрел чуть ли не с улыбкой, словно ребенок на конфетку.

— Футляр и бомбы будут ваши, если вы перенесете очередной рейс на завтра и возьмете меня с собой, — поспешил объявить Язон.

— Будь здесь ровно в пять утра, — ответил Краннон. — Мы выедем рано.

Глава 15

Рокоча гусеницами, бронетранспортер подкатил к воротам Периметра и остановился. Краннон сделал рукой знак часовым и опустил металлический щит перед ветровым стеклом. Ворота распахнулись, и транспортер — по сути дела, это был тяжелый танк — медленно пополз вперед. За первыми воротами были вторые, они открылись только после того, как сомкнулись внутренние створки. Язон смотрел в перископ, как отворяются наружные ворота. Автоматические огнеметы поливали пламенем проход, пока транспортер не подошел вплотную. Широкая полоса выжженной земли окаймляла Периметр; дальше начинались джунгли. Язон непроизвольно съежился на сиденье.

Растения и животные, которых он до тех пор знал лишь по образцам, здесь окружали его со всех сторон, образуя сплошную массу, кишащую всякой живностью. Воздух наполнился неистовым гулом, что-то непрерывно царапало броню, стучало по ней. Краннон усмехнулся и включил кон-

такт, подающий электрический ток на защитную решетку. Царапанье умолкало по мере того, как звери своими телами замыкали цепь на заземленный корпус.

Транспортер продирался сквозь джунгли на самой малой скорости. Лицо Краннона будто срослось с перископом. Он молча управлял машиной. С каждой милей транспортер шел все лучше; наконец водитель убрал перископ и поднял щит. По-прежнему их грозно обступал густой лес, но это было совсем не то, что возле Периметра, вдоль которого, казалось, сосредоточилась главная смертоносная мощь планеты Пирр. «Почему? — спросил себя Язон. — Откуда эта исступленная ненависть направленного действия?»

Мотор стих, Краннон встал и потянулся.

— Приехали, — сказал он. — Давай выгружать.

Транспортер стоял на голой скале с такими крутыми и гладкими склонами, что на них не держалась никакая растительность. Краннон открыл грузовые отсеки, и они принялись сгружать клети и ящики. Когда работа была закончена, Язон обессиленно привалился к груде ящиков.

— Полезай в кабину, едем обратно, — приказал Краннон.

— Вы поезжайте, а я останусь.

Краннон холодно посмотрел на него:

— Лезь в машину, или я убью тебя. Здесь нельзя оставаться. Во-первых, ты и часа один не проживешь. А главное — попадешь в руки корчевщиков. Они тебя сразу прикончат, но не в этом беда. А в том, что у тебя есть снаряжение, которое не должно попасть в их руки. Только корчевщика с пистолетом нам не хватает!

Пока пиррянин говорил, Язон лихорадочно продумывал следующий ход. Вся его надежда была на то, что Краннон смекает не так быстро, как реагирует.

Язон уставился на деревья, точно что-то заметил среди ветвей. Краннон, продолжая говорить, автоматически последовал его примеру. И как только в руке Язона оказался пистолет, Краннон тотчас выхватил свое оружие.

— Вон там! На макушке! — крикнул Язон, стреляя наугад в зеленый хаос.

Краннон тоже открыл огонь. В ту же секунду Язон отпрянул назад, сжался в комок и покатился вниз по склону. Выстрелы заглушили звук его движений, и, прежде чем Краннон успел повернуться, Язон уже скрылся в зарослях. Кусты хлестали его прутьями, но они же тормозили падение, и в конце

концов он остановился. Пули, посланные вдогонку Краннoном, не достигли цели.

Лежа в кустах, исцарапанный, запыхавшийся, Язон слышал, как Краннон честит его последними словами. Топая по скале, взбешенный пиррянин продолжал стрелять наугад, однако спускаться в заросли не стал. В конце концов он сдался и сел в кабину. Мотор взревел, гусеницы звякнули и заскребли по камню, и транспортер пошел обратно через джунгли. Некоторое время были слышны рокот и треск, потом все стихло.

Язон остался один.

До этой минуты он даже не представлял себе, что можно чувствовать себя таким одиноким. Машина исчезла, а кругом — смерть и ничего, кроме смерти. Он с трудом подавил в себе желание броситься вдогонку за бронетранспортером. Что сделано, то сделано, возврата нет.

Риск немалый, но другого способа связаться с корчевщиками не было. Пусть они дикари, но ведь люди же. Ведут меновую торговлю с цивилизованными пиррянами — значит, не так уж безнадежно одичали. Он должен установить контакт, должен как-то поладить с ними. И выяснить, как они ухитряются жить без опаски в этом безумном мире.

Будь у него другой способ решить проблему, он предпочел бы его; роль героя-мученика Язону вовсе не улыбалась. Но Керк и назначенный им срок не оставляли ему выбора. Надо было возможно скорее устанавливать контакт, и он не видел другого пути.

Где сейчас находятся дикари? Скоро ли появятся? Попробуй угадай. Не будь лес таким опасным, он мог бы укрыться и выждать подходящий момент для встречи с корчевщиками. Ведь если они застанут его около ящиков, то с присущим пиррянам рефлексом могут сразу отправить его на тот свет.

Волоча ноги, Язон добрел до высоких деревьев. Что-то шевельнулось среди ветвей и тут же пропало. Он поглядел на ближайшее дерево. Окружающие толстый ствол растения не производили впечатления ядовитых, и Язон вошел в лес. Вроде бы ничего угрожающего кругом. Странно... Он прислонился к шершавому стволу, собираясь с силами.

Что-то мягкое накрыло его голову, руки и ноги точно сковало железом, и чем сильнее он отбивался, тем крепче

становилась хватка. Кровь стучала в висках, легкие готовы были взорваться.

Наконец он прекратил сопротивление, и сразу же хватка ослабла. Поняв, что на него напал не зверь, Язон слегка воспрял духом. Он ничего не знал о корчевщиках, но рассчитывал на то, что человеческое в них возьмет верх.

Он был крепко связан, кобуру с пистолетом у него забрали. Без оружия Язон чувствовал себя словно голый. Все те же могучие руки снова схватили его и бросили ничком на что-то мягкое и теплое. Это «что-то» явно было каким-то крупным животным, и Язона опять обуял ужас, ведь все пиррянские животные были смертельными врагами человека.

Когда животное тронулось с места, унося его на себе, на смену страху пришло огромное облегчение. Выходит, корчевщики сумели наладить своего рода сотрудничество по меньшей мере с одним представителем местной фауны. Если он выяснит, как это оказалось возможно, и сумеет сообщить секрет жителям города, все его труды и мытарства окупятся. Пожалуй, даже смерть Велфа будет оправданна, если удастся умерить, а то и вовсе прекратить многовековую войну.

Туго связанные конечности сначала отчаянно болели, потом потеряли чувствительность, а они все ехали и ехали куда-то. Язон потерял всякое представление о времени. Дождь промочил его насквозь, потом он ощутил, как жгучее солнце принялось подсушивать его одежду.

Наконец тряска прекратилась, Язона стащили со спины животного и бросили на землю. Чувствительность вернулась к развязанным рукам, и острая боль пронизала мышцы, когда он попробовал шевельнуться. Как только руки стали слушаться, он поднял их и сдернул с головы мешок, сшитый из какого-то густого меха. Ослепленный ярким светом, он жадно хватал ртом чистый воздух.

Отдышавшись немного, Язон огляделся вокруг. Он лежал на полу из неоструганных досок; через дверной проем прямо в лицо ему светило заходящее солнце. Весь склон холма до самого леса занимало вспаханное поле. Царивший внутри хижины полумрак не позволял рассмотреть подробностей обстановки.

Что-то заслонило свет, на пороге выросла высокая фигура. В первую секунду Язону почудилось, что это зверь, потом он увидел лицо человека с длинными волосами и густой бородой. Человек был одет в шкуры, даже чулки на ногах были

меховые. Поглаживая рукой подвешенный к поясу топор, он пристально смотрел на пленника.

— Кто ты? Чего тебе надо? — вдруг спросил бородач.

Язон помешкал с ответом — как бы этот дикарь не оказался таким же вспыльчивым, как горожане.

— Меня зовут Язон. Я пришел с миром. Я хочу быть вашим другом...

— Ложь! — Бородач взялся за топор. — Врешь, жестянщик! Я видел, как ты прятался. Хотел меня убить. Но раньше я убью тебя.

Он потрогал мозолистым пальцем лезвие топора и замахнулся.

— Погодите! — отчаянно воскликнул Язон. — Вы не поняли.

Топор качнулся вниз.

— Я инопланетчик и...

Топор вонзился в дерево возле уха Язона с такой силой, что даже пол вздрогнул. Бородач передумал в последнюю секунду. Схватив Язона за грудь, он подтянул его к себе, их лица соприкоснулись.

— Правда? Инопланетчик?

Не дожидаясь ответа, он разжал пальцы, и Язон упал на доски. Дикарь перескочил через него и шагнул куда-то в глубину хижины.

— Надо доложить Ресу, — сказал он, возясь с чем-то у стены.

Загорелся свет. Язон ошарашенно вытаращил глаза. Одетый в шкуры косматый дикарь включил связное устройство. Грубые, грязные пальцы быстро настроили аппарат и набрали номер.

Глава 16

Вздор какой-то... В уме Язона вид волосатого варвара никак не вязался с электронной аппаратурой. Кого он вызывает? Если есть одно связное устройство, должно быть по меньшей мере еще одно. Кто такой Рес?

Усилием воли Язон укротил беспорядочный бег мыслей. Перед ним оказалось нечто совсем неожиданное, непредвиденное. Ничего — все на свете поддается объяснению, надо только разобраться в фактах.

Закрыв глаза, чтобы не мешали пробивающиеся сквозь

макушки деревьев лучи солнца, Язон попробовал анализировать факты. Их можно было разделить на две группы: то, что он видел сам, и то, что узнал от жителей города. Вторая категория нуждалась в проверке и сопоставлении с наблюдаемым. Может статься, что многие, если не все, факты этого рода окажутся ложными.

— Вставай, — вторгся в его мысли голос бородача. — Поехали.

Затекшие ноги не держали Язона. Бородач презрительно фыркнул, поднял его и прислонил к наружной стене. Потом он куда-то исчез, и Язон, держась за корявые бревна, воспользовался случаем хорошенько осмотреться.

Впервые после побега из родного дома он очутился на ферме. Другая планета со своей экологией, но все равно сходство бросалось в глаза. Перед лачугой простерлось недавно засеянное поле. Видно, что здесь потрудился искусный пахарь. Аккуратные борозды равномерно огибали склон. Рядом с жилым строением стояло другое, то ли амбар, то ли конюшня.

За спиной Язона послышалось чье-то фырканье. Он резко обернулся и окаменел; рука сжимала несуществующий пистолет, палец дергал курок, которого не было.

Перед ним стоял какой-то зверь, неприметно вышедший из леса. Длиной около двух метров, шесть толстых ног с когтистыми лапами, тусклая черно-желтая шерсть, только череп и лопатки выстланы налегающими друг на друга роговыми пластинками. Зверь был так близко, что Язон хорошо все разглядел.

Он приготовился умереть.

Раскрылась жабья пасть, обнажая два ряда зубов, похожих на пилы.

— Ко мне, Фило, — позвал вышедший из сарая бородач и щелкнул пальцами.

Шестиногая тварь пробежала мимо огорошенного Язона и потерлась головой о ногу пиррянина.

— Хороший, хороший песик, — приговаривал тот, почесывая лопатку зверя около последней пластины.

Язон увидел, что бородач вывел двух оседланных и взнузданных верховых животных. Садясь на своего «коня», он обратил внимание на его гладкие, лоснящиеся бока и длинные ноги. Хозяин крепко привязал ступни Язона к стременам, и они тронулись в путь, сопровождаемые лысой тварью.

— Хорошая собачка! — сказал Язон, и вдруг на него напал беспричинный смех.

Бородач оглянулся и хмуро смотрел на него, пока он не угомонился.

Когда они въехали в джунгли, уже стемнело. Под густым лесным пологом ничего не было видно, тем более без фонарей, но животные явно знали дорогу. Кругом что-то шуршало, звучали пронзительные крики, однако Язон не испытывал особой тревоги. То ли ему передалась уверенность его провожатого, то ли успокоительно действовало присутствие «пса», которого он скорее ощущал, чем видел.

Путь не был очень трудный, но долгий; плавная трусца животного и усталость сделали свое, и Язон задремал, просыпаясь каждый раз, когда сильно клевал носом. В конце концов он приспособился спать, сидя прямо. Так прошло несколько часов. Вдруг Язон, в сотый раз открыв глаза, увидел впереди освещенный квадрат. Путешествие окончилось.

Когда его освободили от стремян, он, морщась от боли, с великим трудом слез на землю. Онемевшие ноги подкосились, и он едва не упал. Открылась дверь, Язон вошел в дом. Когда его глаза привыкли к свету, он разглядел кровать и лежащего на ней человека.

— Подойдите сюда и сядьте.

Голос был громкий, властный, привыкший повелевать, а тело, закрытое до пояса одеялом, принадлежало инвалиду. Болезненно бледная кожа в красных узелках дряблыми складками облегала костяк. Вот уж поистине кожа да кости...

— Не очень красивое зрелище, — сказал человек на кровати, — но я уже привык. — Он продолжал совсем другим тоном: — Накса сообщил, что вы инопланетчик. Это верно?

Язон кивнул. Живые мощи сразу взбодрились. Голова больного оторвалась от подушки, обрамленные красными веками глаза впились в Язона.

— Мое имя Рес, я... корчевщик. Вы мне поможете?

Язона озадачило волнение, с которым были произнесены эти, казалось бы, такие простые слова. Тем не менее он не задумываясь ответил:

— Конечно, я помогу вам, чем смогу. Только бы это не было во вред другим. А что вы хотите?

Больной уже опустил голову обратно на подушку, но глаза его горели по-прежнему.

— Не беспокойтесь, я никому не желаю вреда, — заверил

он. — Напротив. Как видите, у меня болезнь, против которой все наши средства бессильны. Мне осталось жить несколько дней. Но я видел... у горожан... какое-то приспособление... они прикладывают его к ранам и укусам. У вас нет с собой такого аппарата?

— Вы, очевидно, говорите про аптечку. — Язон нажал кнопку на поясе, и аптечка оказалась у него в руке. — Вот. Это устройство определяет и излечивает большинство...

— Вы не могли бы испробовать его на мне? — нетерпеливо перебил Рес.

— Извините. Я должен был сразу сообразить.

Язон подошел к Ресу и прижал аппарат к воспаленному участку кожи на его груди. Вспыхнул контрольный огонек, вниз пошел тонкий штифт анализатора. Как только он возвратился на место, аппарат зажужжал, потом трижды щелкнул: три иглы поочередно вошли в тело. Наконец огонек погас.

— И все? — спросил Рес, глядя, как Язон пристегивает аптечку к поясу.

Язон кивнул и увидел влажные дорожки на щеках больного. Рес поймал его взгляд и сердито смахнул рукой слезы.

— Стоит заболеть, — проворчал он, — и твое тело, все твои органы чувств тебя предают. Я с детства не плакал, и сейчас мне не себя жаль, а тысячи людей, умерших только потому, что у нас нет этой маленькой штучки, с которой вы так запросто обращаетесь.

— Неужели у вас нет своих лекарств и врачей?

— Знахари и колдуны. — Рес сделал рукой выразительный жест, в который вложил все свое презрение к этим людям. — Честных тружеников сбивает с толку то, что шептуны обычно помогают им лучше всех настоев.

Разговор утомил Реса. Он вдруг умолк и закрыл глаза. Уколы уже начали действовать, и красные пятна на груди посветлели.

Язон осматривал комнату, надеясь найти какие-нибудь ключи к загадке этого народа.

Пол и стены из плотно подогнанных досок. Ни краски, ни резьбы, простые, грубые доски, как и должно быть у дикарей. А впрочем, точно ли они грубые? Какая сочная фактура у этого дерева, кажется, что оно светится изнутри... Язон нагнулся и увидел, что доски натерли воском, чтобы выявить узор. Чьих это рук дело — дикарей или людей с тонким вкусом, которые стремились облагородить простейший материал? И выглядит куда красивее, чем комнаты горожан с их унылой краской и стальными заклепками. Недаром говорят, что простота венчает оба конца на шкале артистизма... Непросвещенный абориген облекает простую идею в бесхитростную форму и творит красоту. А искушенный критик отвергает чрезмерную изощренность и красивость ради чистой подлинности незатейливого искусства. Какой конец шкалы сейчас перед ним?

Ему говорили, что эти люди — дикари. Они носят одежду из шкур, и речь у них — во всяком случае, у Наксы — грубая. Рес косвенно признался, что его народ предпочитает лекарям шептунов. Но как совместить это со связными устройствами? И с люминесцентным потолком, который заливает всю комнату мягким светом?

Рес открыл глаза и уставился на Язона так, как будто видел его впервые.

— Кто вы? — спросил он. — И зачем вы пришли к нам?

Холодная угроза, прозвучавшая в его голосе, не удивила Язона. Городские пирряне ненавидели корчевщиков, и это чувство, несомненно, было обоюдным. Об этом ему сказал еще топор Наксы... Кстати, вот и Накса стоит, держа руку на том самом топоре. Язон прекрасно понимал, что, пока эти люди не услышали от него удовлетворительного ответа, жизнь его под угрозой.

Но и правды говорить нельзя. Стоит им заподозрить, что он шпионит в пользу горожан, и на этом все кончится. Как же выяснить, каким образом они ухитряются выживать в джунглях?

Решение пришло тут же, он повернулся к больному и ответил, стараясь говорить возможно спокойнее:

— Меня зовут Язон динАльт, я эколог, так что, сами понимаете, у меня были основания выбрать эту планету...

— Что такое эколог? — перебил его Рес.

По тону вопроса нельзя было понять, спрашивает ли он всерьез или расставляет сети. Если перед этим они разговаривали непринужденно, то теперь Язон уловил в его словах недоверие.

— Проще говоря, это отрасль биологии, которая изучает взаимоотношения живых организмов со средой. Как действуют на организм климат и другие факторы и как организмы влияют друг на друга и на среду.

Поскольку этим исчерпывалось все, что Язон знал об экологии, он не стал задерживаться на этом предмете.

— Я много слышал о вашей планете и наконец решил сам с ней познакомиться. Поработал в городе, но понял, что этого мало. Люди там считают меня помешанным, но я все же добился того, что меня повезли в лес.

— Когда и как они должны вас забрать? — быстро спросил Рес.

— Мы об этом не договаривались. Они твердили, что меня сразу убьют, что я ни за что не вернусь. Никак не хотели отпускать меня одного, и мне пришлось убежать.

Судя по безрадостной улыбке Реса, ответ Язона как будто удовлетворил его.

— Типично для этих жестянщиков. Они шагу не шагнут за свои стены без бронированной машины с амбар величиной. А что они рассказывали про нас?

Язон ответил не сразу, понимая, как важно сейчас не промахнуться.

— Что ж, может быть, мне снесут голову этим топором, но лучше я скажу правду. Вам следует знать, что они о вас думают. Мне описывали вас как грязных, невежественных дикарей, говорили, что от вас смердит и что вы общаетесь с животными. Что они вам дают бусы и ножи в обмен на продовольствие...

Оба пиррянина громко расхохотались. Правда, Реса хватило ненадолго, но Накса буквально закатился смехом и справился с собой только после того, как плеснул себе на голову холодной водой из высушенной тыквы.

— Охотно верю, — сказал Рес. — Глупость в их духе. Эти люди совсем не знают мира, в котором живут. Надеюсь, остальное, что они говорили, тоже правда. Но все равно вы желанный гость. Я уже убедился, что вы инопланетчик. Ни один из жестянщиков пальцем не пошевельнул бы, чтобы меня спасти. Вы первый инопланетчик, с которым встречается мой народ, поэтому мы вам вдвойне рады. Мы готовы помочь вам всем, чем только можем. Моя рука — ваша рука.

Последние слова прозвучали как ритуальная формула, и Накса поощрительно кивнул, когда Язон повторил их. И ведь это была не пустая фраза. Он знал, что на Пирре без взаимопомощи не выжить и что эти люди сплоченно противостоят окружающим их смертельным опасностям. Может быть, после ритуала и на него распространится защитная сфера?

— Ладно, хватит на сегодня, — подвел итог Рес. — Эта пятнистая немочь измотала меня, а ваше лекарство превратило меня в кисель. Оставайтесь здесь, Язон. Одеяло найдется. Правда, кровати пока нет.

До сих пор душевный подъем помогал Язону справляться с двумя g. Но теперь его как-то вдруг сразила усталость, накопленная за этот долгий день. Он отказался от еды, завернулся в одеяло и забылся.

Глава 17

Каждая клеточка его тела, придавленная двойным тяготением к твердому деревянному полу, ныла. Веки слиплись, во рту был какой-то налет с отвратительным вкусом. Он с трудом сел и подавил стон, когда хрустнули суставы.

— Добрый день, Язон, — приветствовал его с кровати Рес. — Не верь я так в лекарства, я бы сказал, что ваша машина исцелила меня за одну ночь волшебством.

Сразу было видно, что он идет на поправку. Воспаленные пятна на коже пропали, глаза освободились от горячечного блеска. Он сидел, опираясь на подушки, и смотрел, как под лучами солнца тает на поле ночной град.

— Там в шкафу вы найдете мясо, — продолжал Рес. — А для питья есть вода и виск, что больше нравится.

Виск оказался прозрачным напитком чрезвычайной крепости, от которого у Язона сразу прояснилось в голове и слегка зазвенело в ушах. А окорок нежнейшего копчения неизмеримо превосходил вкусом все, что он ел с тех пор, как покинул Кассилию. То и другое возродили веру Язона в жизнь и будущее. Он глубоко вздохнул, поставил стакан и осмотрелся вокруг.

Усталость прошла, ничто не угрожало его жизни, и мысли Язона снова обратились к волнующей его проблеме. Что же это за люди, на самом деле? И как они ухитрились выжить среди джунглей, где человека на каждом шагу подстерегает смерть? В городе ему говорили, что они дикари. Но вот на стене вполне исправное связное устройство. Около двери висит арбалет, стреляющий металлическими стрелами фабричного производства; на черенках даже видно клеймо. Информация, вот что ему надо. А для начала хотя бы отчасти развеять туман дезинформации.

— Рес, вы рассмеялись, когда я сказал, что в городе меня уверяли, будто дают вам безделушки за продовольствие. А что вы получаете от них на самом деле?

— Все, до известных пределов. Разные фабричные изделия, в том числе электронику для наших связных устройств. Нержавеющие сплавы, которые мы сами не можем производить, атомно-электрические преобразователи, которые работают на любых радиоактивных элементах. И так далее. В общем, что попросим, то и получаем, если только это изделие не числится в списке запрещенных товаров. Они остро нуждаются в продовольствии.

— А что входит в список?

— Оружие, конечно, и все, из чего можно изготовить мощное оружие. Они знают, что мы делаем порох, поэтому нам не дадут крупного литья или бесшовных труб, пригодных для изготовления стволов большого калибра. Мы вручную сверлим себе оружейные стволы — правда, в джунглях от бесшумного арбалета больше толку. Еще они стремятся ограничить нас в знаниях, поэтому к нам доходят лишь технические инструкции без каких-либо теоретических основ. Наконец, это вы уже знаете, под запретом медицина. Меня это особенно бесит, я ненавижу их все сильнее с каждым смертным случаем, который можно было предотвратить.

— Я знаю их соображения, — сказал Язон.

— Расскажите мне, потому что я не вижу в этом никакого смысла.

— Борьба за существование, только и всего. Вам, очевидно, невдомек, что население города сокращается. Через несколько десятков лет там вообще никого не останется. А у вас численность населения стабильная, наверно, даже есть небольшой прирост, а то бы вам без механических средств защиты не уцелеть. Отсюда эта ненависть и зависть горожан. Если дать вам лекарства, вы сумеете выиграть битву, которую они уже проиграли. Думаю, они терпят вас как неизбежное зло ради продовольствия, которым вы их снабжаете. Иначе они поспешили бы отправить вас на тот свет.

— Похоже на правду, — пробурчал Рес и стукнул кулаком по кровати. — Как раз такая извращенная логика и должна быть у этих жестянщиков. Они кормятся за наш счет, дают нам минимум взамен и отрезают нас от знаний, без которых мы вынуждены жить впроголодь. Но самое главное, они отрезают нас от звезд и от остального человечества.

Лицо его выражало такую ненависть, что Язон невольно попятился.

— Ну а как вы, Язон? Тоже считаете нас дикарями? Мы выглядим как животные, ведем себя как животные, потому что вынуждены бороться за существование на уровне животных. Но мы кое-что знаем о звездах. Вон в том сундуке, в железном, хранится около трех десятков книг — все, что у нас есть. По большей части художественная литература, но есть исторические труды и научно-популярные книжки. Из них мы черпаем наши представления о прошлом колонии на Пирре и об остальной Вселенной. Мы видим, как в городе садятся корабли, и знаем, что там, наверху, есть другие миры. О которых мы можем только грезить. Что же удивительного в том, что мы ненавидим этих зверей, которые называют себя людьми? И что мы в одну секунду уничтожили бы их, если бы могли? Они правильно делают, что не дают нам оружия. Иначе мы как пить дать перебили бы их всех до одного и завладели бы всем, чего они нас лишают.

Суровый приговор, но справедливый. Во всяком случае, на взгляд стороннего наблюдателя. Язон не стал говорить сердитому хозяину дома, что городские пирряне считают свою линию единственно возможной и правильной.

— А с чего вообще начался этот разлад между вашими двумя группами? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Рес. — Я об этом думал много раз, но у нас нет никаких документов той поры. Известно, что все мы происходим от колонистов, которые прибыли в одно время. В какой-то момент они разделились на две группы. Возможно, была война, вроде тех, про которые пишут в книгах. Есть у меня догадка, только доказать я ее не могу — все дело в расположении города.

— Расположении города? Не понимаю...

— Вы ведь знаете этих жестянщиков, видели их город. Они умудрились расположиться в самом лютом месте на всей планете. Сами знаете, они не считаются ни с кем, только с собой. Стрелять и убивать — вот и вся их логика. Им все равно было, где обосноваться, и получилось так, что они выбрали самое неподходящее место. Уверен, что мои предки понимали, как нелеп их выбор, и пытались им это втолковать. Вот вам и причина для войны — разве нет?

— Возможно... Если и впрямь так было, — сказал Язон. — Но мне кажется, вы неверно понимаете проблему. На самом

деле идет война между исконно пиррянской жизнью и человеком. Причем местные организмы все время видоизменяются в своем стремлении стереть с лица планеты вторгшихся людей.

— Если уж на то пошло, ваша гипотеза еще невероятнее моей, — возразил Рес. — Потому что вы совсем ошибаетесь. Конечно, жить на этой планете нелегко, когда сравниваешь с тем, что я читал про другие миры, но организмы не изменяются. Только не зевай и будь начеку при встрече с любым животным, которое превосходит тебя размерами, а так-то жить вполне можно. И в конце концов, не в этом суть. А в том, что жестянщики сами все время напрашиваются на неприятности. И я только рад, что они пожинают их в полной мере.

Язон не стал больше спорить. Допустим, он даже переубедит Реса, но что это ему даст? Ведь в городе, в самом центре убийственных мутаций, он никого не сумел убедить, хотя там налицо все факты. А вот порасспросить Реса не мешает.

— Я допускаю, что не так уж важно, кто начал, — уступил Язон, хотя в душе так не считал. — Но согласитесь, горожане непрерывно воюют со всеми здешними организмами. А ваш народ, как я уже мог убедиться, сумел одомашнить, во всяком случае, два вида. Вам не известно, как именно удалось этого добиться?

— Сейчас придет Накса, — ответил Рес, кивая на дверь. — Он как раз кормит животных. Спросите его, он у нас лучший говорун.

— Говорун? У меня о нем прямо противоположное мнение. Он отнюдь не речист, а когда заговорит, то... простите, его не всегда поймешь.

— Он говорун не в том смысле, — нетерпеливо объяснил Рес, — говоруны занимаются животными. Обучают собак и доримов, а лучшие, вроде Наксы, стараются найти подход и к другим животным. Одеты просто, но это по необходимости. Они говорят, что животные не любят никакой химии, металлов, крашеной кожи. Вот и носят чаще всего шкуры. Но пусть они неопрятны на вид, это не имеет никакого отношения к уму.

— Доримы? Это так называются верховые животные, на которых мы приехали сюда?

Рес кивнул:

— На них не только верхом ездят — они на многое годятся. Крупные самцы тянут плуги и другие механизмы, а молодые животные — это мясо. Хотите узнать побольше, расспросите Наксу, он сейчас на конюшне.

— Пожалуй, так и сделаю. — Язон встал. — Только я както неловко себя чувствую без пистолета...

— Возьмите его, милости прошу, он лежит в ящике около двери. Да только не стреляйте без разбору.

Накса стоял в глубине сарая и стачивал копыто дориму. Удивительная картина, странное сочетание... С одной стороны, человек, одетый в шкуры, и диковинный зверь, с другой стороны, напильник из медно-бериллиевого сплава и электролюминесцентное освещение. При виде Язона дорим раздул ноздри и шарахнулся в сторону. Накса погладил животное по шее и ласково заговорил с ним; наконец дорим успокоился, только иногда по его шкуре пробегала дрожь.

Что-то шелохнулось в сознании Язона. Словно напряглась мышца, которой он давно не пользовался. Какое-то неуловимо знакомое чувство...

— Доброе утро, — поздоровался он.

Накса буркнул что-то в ответ и продолжал работать напильником. Язон глядел на него и силился разобраться в своей собственной душе, осмыслить загадочное чувство, которое дразнило его и упорно не хотело поддаваться определению.

— Вам не трудно позвать собаку, Накса? Мне хочется посмотреть на нее поближе.

Не поднимая головы, Накса тихонько свистнул. Язон готов был поклясться, что этот свист не мог проникнуть через стену сарая. Тем не менее не прошло и минуты, как в конюшню тихо вошла пиррянская собака. Говорун поскреб ей загривок, бормоча что-то, а она пристально посмотрела ему в глаза. Когда же Накса снова взялся за напильник, собака сразу заметалась по сараю, тревожно принюхиваясь, потом устремилась к двери. И тут Язон окликнул ее. Точнее, он собирался ее окликнуть. В последнюю минуту Язон передумал и, подчиняясь внезапному побуждению, позвал собаку мысленно, не открывая рта. Произнося про себя слова «Иди сюда», он сосредоточил всю свою энергию на том, чтобы передать команду собаке примерно так же, как делал это с игральными костями. И подумал, кстати, что давно не прибегал к телепатии.

Собака остановилась и повернулась в его сторону. Постояла, глядя на Наксу, потом подошла к Язону.

Вблизи это была совершенно кошмарная тварь. Голые защитные пластины, маленькие глазки с красным ободком и

поблескивающие слюной клыки отнюдь не внушали доверия. И однако Язону не было страшно. Между человеком и зверем установился обоюдный контакт. Язон машинально протянул руку и почесал зверю спину, словно по себе чувствовал, где именно она чешется.

— А я и не знал, что ты говорун, — сказал Накса; впервые в его голосе прозвучала дружеская нотка.

— И я не знал... до этой минуты, — ответил Язон.

Он заглянул в глаза зверю, еще раз почесал уродливую спину и подумал, что загадка вроде бы проясняется.

У говорунов явно хорошо развиты телепатические способности. Когда два существа разделяют эмоции друг друга, нет ни расовых, ни каких-либо иных барьеров. Надо проникнуть в душу, понять ее, чтобы исключить ненависть и страх, потом можно наладить прямое общение. Видимо, говоруны первыми преодолели барьер ненависти на Пирре и научились ладить с пиррянскими тварями. Другие последовали их примеру — может быть, так и сложилась мало-помалу община корчевщиков.

Настроившись на нужный лад, Язон отчетливо воспринимал окружающие его мысленные флюиды. Телепатическое поле питалось биотоками не только дорима, с которым был занят Накса; не выходя из конюшни, Язон внутренним зрением видел других доримов, ходивших на лугу за сараем.

— Это все совсем ново для меня, — сказал он. — А вы никогда не задумывались, Накса, над этой своей способностью? Сами-то вы знаете, почему вас животные слушаются, а другим людям никак не удается ими управлять?

Накса явно не привык размышлять о таких предметах. Он расчесал пятерней свои густые волосы и насупился.

— Не знаю, я об этом не думал. Просто так получается. Ты только знай животных как следует и всегда угадаешь, как они себя поведут. И все тут.

Было очевидно, что Накса никогда не ломал себе голову над истоками своего умения управлять животными. И не только он. Похоже, эти люди воспринимают дар говорунов как нечто само собой разумеющееся.

В мозаике, которую он мысленно складывал, прибавилось несколько кусочков. В беседе с Керком Язон говорил, что все пиррянские организмы явно объединились в борьбе против человека, но он не знал почему. Он и сейчас не знает почему, зато, кажется, догадывается как...

— Сколько отсюда до города? — спросил Язон. — Долго ехать, если отправиться туда на дориме?

— Полдня туда, полдня обратно. А что? Хочешь уехать?

— Нет, в город я не хочу, пока не хочу. Но мне хотелось бы подобраться к нему поближе.

— Поглядим, что Рес скажет.

Рес сразу дал свое согласие, не задавая никаких вопросов. Они оседлали доримов и немедля отправились в путь, чтобы обернуться до темноты.

Не прошло и часа, как Язон почувствовал приближение города. С каждой минутой это чувство становилось все сильнее. И Накса как-то беспокойно ежился в седле. Доримы проявляли растущую тревогу, их приходилось все время поглаживать и успокаивать.

— Хватит, — сказал наконец Язон. И Накса с облегчением остановился.

Некая безымянная мысль вторглась в сознание Язона и заполонила его. Она напирала со всех сторон, но всего сильнее спереди, где находился незримый отсюда город. Накса и доримы тоже, как и он, испытывали странное беспокойство, не сознавая его причины.

Но одну вещь он понял со всей очевидностью. Пиррянские животные восприимчивы к телепатическому излучению; вероятно, это относится также и к растениям, и к низшим организмам. Не исключено, что они сообщаются телепатически между собой, раз они подчиняются тем из людей, у которых сильно развита эта особенность. Причем здесь, в этом районе, напряженность телепатического поля превосходила все, с чем он когда-либо встречался. Хотя сам Язон лучше всего владел психокинезом, иначе говоря, усилием мысли приводил в движение неодушевленные предметы, он был восприимчив и к другим феноменам этого ряда. Сколько раз во время спортивных состязаний он улавливал мощный аккорд порыва, который одновременно овладевал душами зрителей. Вот и сейчас он испытывал что-то в этом роде.

С одной зловещей разницей... Толпа на стадионе ликовала, когда спортсмен добивался успеха, стонала, когда он промахивался. Там по ходу игры менялась и сила, и полярность телепатического поля. А здесь излучение было мощным и постоянным, и оно навевало тревогу. И не сразу подберешь для него определение... Тут и ненависть, и страх, а больше все-

го — страсть к разрушению. В двух словах что-то вроде команды «Убей врага».

Да нет, и это определение всего не исчерпывает... Его сознание будто омывала мощная река исступления и смерти.

— Поехали назад, — сказал Язон, почувствовав внезапное изнеможение от внутренней борьбы с этим потоком.

Они двинулись в обратный путь, и он подумал, что вот еще кое-что проясняется. Невыразимый страх, который он вдруг испытал, когда его в первый день атаковало пиррянское животное. И упорные кошмары, от которых его не избавляло никакое снотворное. И то и другое — реакция на ненависть, направленную против города. Хотя Язон только теперь по-настоящему ее осознал, он с самого начала воспринимал ее достаточно сильно, чтобы это отразилось на его душевном равновесии.

Когда они вернулись, Рес спал, и пришлось разговор с ним отложить на утро. Несмотря на усталость, Язон долго не мог уснуть, все думал о сделанных в этот день открытиях. Стоит ли делиться этим с Ресом? Вряд ли. Ведь тогда придется не только разъяснять всю важность выводов, к которым он пришел, но и говорить, что он собирается делать дальше. А от Реса не приходится ожидать, чтобы он приветствовал какие-либо шаги, способные хоть как-то облегчить жизнь горожанам. Нет, лучше уж ничего не говорить, пока дело не будет сделано.

Глава 18

После завтрака Язон сказал Ресу, что решил вернуться в город.

— Значит, насмотрелись нашего варварского мира, и вас потянуло обратно к вашим друзьям? Уж не за тем ли, чтобы помочь им разделаться с нами?

Рес весело произнес эти слова, однако за ними угадывалась леденящая злоба.

— Надеюсь, вы не думаете так на самом деле, — ответил Язон. — Ведь дело-то обстоит как раз наоборот. Я мечтаю, чтобы эта междуусобная война прекратилась и ваш народ мог воспользоваться всеми благами науки и медицины, которых он был лишен. И я собираюсь сделать для этого все, что в моих силах.

— Все равно их не переделать, — мрачно произнес Рес. —

Не тратьте зря времени. Обещайте только для вашего и нашего блага одну вещь. Не говорите им, даже не намекайте, что вы разговаривали с корчевщиками!

— Почему?

— Почему?! Гром и молния, вы вправду такой простак? Они же на все готовы, только бы не дать нам подняться на ноги по-настоящему, предпочтут, чтобы мы все подохли! Стоит им только заподозрить, что вы встречались с нами, и они вас сразу прикончат. Или вы в этом сомневаетесь? Не знаю, может быть, вам это невдомек, но они отлично понимают, что в вашей власти изменить соотношение сил на планете. Рядовые жестянщики, возможно, и верят, что мы недалеко ушли от животных, но руководители так не думают. Им хорошо известно, в чем мы нуждаемся и к чему стремимся. И они сразу сообразят, с какой просьбой я мог обратиться к вам. Да, да, Язон динАльт, у меня есть к вам просьба. Помогите нам. Вернитесь к этим двуногим бестиям и солгите. Скажите, что вы не имели с нами никаких дел, что вы скрывались в лесу и мы напали на вас, а вам пришлось отстреливаться. Постарайтесь, чтобы вам поверили, и, когда вам покажется, что вы их убедили, все равно продолжайте играть свою роль, потому что они будут следить за вами. Потом скажите им, что вы закончили свои исследования, и возвращайтесь домой. Постарайтесь улететь с Пирра на другую планету, и я вам обещаю любые блага. Все, чего вы только пожелаете. Деньги, могущество — что угодно: Пирр — очень богатая планета. Жестянщики добывают и продают металл, но мы могли бы справиться с этим делом куда лучше их. Возвращайтесь сюда на другом корабле и приземляйтесь в нашем краю где угодно. У нас нет городов, но фермы разбросаны повсюду, и наши люди отыщут вас. И мы сами поведем с вами торговлю. Это наша мечта, и уж мы потрудимся как следует. А вся заслуга будет принадлежать вам. И вы получите от нас все, чего пожелаете. Я вам это обещаю, а мы свое слово держим.

Волнение, с каким говорил Рес, и перспектива, которую он нарисовал, подействовали на Язона. Он знал, что Рес говорил правду, что все ресурсы планеты будут в его распоряжении, если он сделает то, о чем его просят. И он даже едва не поддался искушению, представив себе на секунду, как это все будет выглядеть. Но тут же понял, что это будет половинчатое решение, к тому же далеко не лучшее. Как только эти

люди обретут желаемую силу, они первым делом попробуют разделаться с горожанами. Начнется кровавая междуусобная война, которая, скорее всего, кончится плохо для обеих сторон.

Словом, решение Реса, как ни заманчиво оно на первый взгляд, не годится. Язон обязан придумать что-нибудь получше. Надо найти способ положить конец всяким усобицам на Пирре, чтобы в мире жили обе группы.

— Я не сделаю ничего, что могло бы повредить вашему народу, Рес, и всячески постараюсь помочь ему, — сказал он. Ответ Язона удовлетворил Реса, который не уловил заложенного в нем двойного смысла. И пиррянин подсел к связному устройству, чтобы условиться о доставке продовольствия с ферм на место обмена.

— Ну так, продовольствие доставлено, и мы передали в город положенный сигнал, — сообщил он через несколько часов. — Транспортер придет завтра утром, к этому времени вы будете там. Все подготовлено, как я говорил. Отправляйтесь в путь вместе с Наксой. Вам надо поспеть туда раньше транспортера.

Глава 19

— Машина сейчас придет. Ты все помнишь, что надо делать? — спросил Накса.

Язон кивнул и еще раз поглядел на покойника. Пиррянин потерял руку в схватке с каким-то зверем и истек кровью. Оторванную руку подшили, издали ничего не заметно, но вблизи эта рука, восковая кожа и застывшее на лице мертвеца выражение ужаса вызывали оторопь. Лучше бы покойника закопали поглубже в землю, но что поделаешь, придется потерпеть.

— Вот он, — прошептал Накса. — Обожди, пока спиной повернется.

На этот раз бронетранспортер тащил на прицепе три грузовые платформы. Автопоезд взобрался на скалу и остановился. Краннон вылез из кабины, внимательно посмотрел по сторонам, затем приступил к погрузке. Ему помогал спецробот.

— Пошел! — прошипел Накса.

Язон выскочил из леса и побежал к транспортеру, громко выкрикивая имя Краннона. За его спиной раздался треск ло-

мающихся ветвей, это двое сопровождающих бросили следом мертвое тело. Язон повернулся и несколько раз выстрелил на ходу по летящей в воздухе мишени.

Краннон немедленно поддержал его огнем из своего пистолета, и покойник упал на землю, весь обугленный.

Тем временем Краннон, плюхнувшись на камень, перенес огонь на деревья за спиной Язона.

В ту самую секунду, когда Язон добежал до транспортера, что-то со свистом пролетело по воздуху, ожгло ему спину и бросило его ничком на скалу. Краннон живо втащил его в кабину. Язон оглянулся и увидел торчащий из лопатки черенок металлической стрелы.

— Везучий ты, — сказал пиррянин. — На дюйм пониже, и попало бы прямо в сердце. Говорил я тебе — берегись этих корчевщиков. Еще легко отделался.

Лежа у дверцы, он продолжал обстреливать безмолвный лес.

Извлечь стрелу оказалось непросто; когда она попала, было не так больно. Язон бранился сквозь зубы, пока Краннон бинтовал его, в душе восхищаясь людьми, которые подстрелили его. Они подвергли риску его жизнь, чтобы побег выглядел натуральным. И при этом они не испугались, что он захочет им отомстить. Ничего не скажешь, основательно потрудились. Черт бы побрал их основательность.

Перевязав Язона, Краннон осторожно выбрался из кабины и быстро завершил погрузку, после чего повел автопоезд обратно в город. Получив обезболивающий укол, Язон почти сразу же забылся.

Очевидно, Краннон передал о случившемся по радио, пока он дремал, потому что среди встречающих был Керк. Как только машина вошла внутрь Периметра, он распахнул дверцу и вытащил Язона. Повязка слетела, и рана раскрылась. Язон скрипнул зубами. Нет, Керк не дождется его стона.

— Кому было сказано ждать отправления корабля в изоляторе? Почему ты ушел? Почему покинул город? Ты разговаривал с корчевщиками? Ну?

С каждым вопросом он грубо встряхивал Язона.

— Я... ни с кем... не разговаривал, — через силу вымолвил Язон. — Они охотились за мной, я убил двоих... И прятался, пока не пришла машина.

— Потом пришил еще одного, — вступил Краннон. —

Я сам видел. Чистая работа. Да и я вроде не промазал. Отпусти его, Керк, они его ранили, когда он бежал к машине.

«Больше прикидываться не надо, — сказал себе Язон. — Незачем пережимать. Пусть не спешат с выводами. Сейчас лучше переменить тему. Есть одна вещь, которая сразу отвлечет его мысли от корчевщиков».

— Пока вы отсиживались тут в безопасности за Периметром, я за вас воевал, Керк. — Он прислонился к транспортеру, пользуясь тем, что хватка Керка немного ослабла. — Мне удалось разобраться в причинах ваших неладов с планетой. И я понял, как победить в этой битве. Дай-ка я сяду и уж тогда расскажу.

Вокруг них собралась целая толпа пиррян. Они стояли, словно оцепенев, и неотступно глядели на Язона. Керк тоже явно был огорошен. Наконец он медленно произнес:

— Что ты хочешь этим сказать?

— То самое, что сказал. Планета Пирр воюет с вами, воюет упорно и сознательно. Стоит удалиться от города, и сразу чувствуешь направленные на него волны ненависти. Хотя нет, вы-то их не почувствуете, ведь вы здесь выросли. А вот я чувствую. И любой человек с телепатическими способностями почувствует. На город постоянно направлено излучение, своего рода команда, которая настраивает здешние организмы, восприимчивые к телепатии, на войну. Все эти атаки, видоизменения, мутации — все подчинено одной цели: истребить вас. И так будет продолжаться, пока вы не погибнете все до одного. Если, конечно, вам не удастся положить конец этой войне.

— Как? — выпалил Керк; этот же вопрос был написан на лицах всех окружающих.

— Надо установить, кто или что излучает эту команду. Организмы, которые вас атакуют, сами не наделены разумом. Они только выполняют команду. И мне кажется, я знаю, как обнаружить источник, откуда она поступает. А потом останется придумать, как передать предложение о перемирии и совсем покончить с войной.

Пирряне примолкли, осмысливая его идеи. Наконец Керк жестом руки велел всем расходиться.

— Возвращайтесь к работе. Это по моей части, я займусь этим делом. Как только выясню, что тут правда, а что ложь, получите мой полный отчет.

Люди молча разошлись, то и дело оглядываясь на Язона.

Глава 20

— Так, теперь давай все сначала, — сказал Керк. — И ничего не пропускай.

— Да мне, в общем, нечего добавить к фактам, о которых я уже говорил. Я наблюдал животных, разобрался в команде, которая их направляет. Даже сам провел несколько опытов, и они подчинялись моим мысленным приказам. Теперь я должен обнаружить источник, откуда идет команда на войну. Сейчас я скажу тебе то, чего еще никому не говорил. Мне не просто везет в игре. У меня есть телепатическое свойство, оно позволяет мне в какой-то мере влиять на вероятный исход игры. Правда, свойство непостоянное, и я, естественно, старался его развивать. За последние десять лет сумел ознакомиться со всем, что делают в этой области разные научные центры. Просто удивительно, как мало известно о телепатии, если сравнить с другими отраслями знания. Как бы то ни было, врожденные способности можно развить упражнением. Созданы даже аппараты, которые усиливают телепатическое излучение. Один из этих аппаратов вполне может работать как пеленгатор.

— Ты хочешь собрать такой аппарат? — спросил Керк.

— Вот именно. Собрать и вылететь с ним на корабле за город. Если сигнал достаточно мощный, чтобы из столетия в столетие стимулировать войну, значит, можно его засечь. Я пойду по пеленгу, свяжусь с существами, которые передают команду, и попытаюсь выяснить, зачем они это делают. Надо думать, ты поддержишь разумный план, чтобы прекратить войну?

— Разумный — да, — холодно произнес Керк. — Сколько времени тебе надо, чтобы собрать аппарат?

— Несколько дней, если найдутся все нужные части.

— Приступай. Я отменяю очередной рейс и держу корабль наготове. Когда соберешь аппарат, засеки сигнал и доложи мне.

— Договорились. — Язон встал. — Как только мне залатают дыру в лопатке, составлю список, что мне нужно.

В помощники и телохранители Язону назначили сурового, неулыбчивого типа по имени Скоп. Он ревностно отнесся к своему поручению, и Язон быстро убедился, что о полной свободе ему мечтать не приходится. Хотя Керк не оспаривал

его версию, это еще не означало, что он в нее поверил. Скажет слово, и телохранитель превратится в палача.

Язон с ужасом подумал о том, что, скорее всего, этим дело и кончится. Поверил, не поверил — Керк рисковать не станет. У них нет полной гарантии, что Язон не общался с корчевщиками, поэтому его не отпустят с планеты живым. Только наивностью можно объяснить веру лесных людей в то, что их замысел не будет разгадан. А может быть, они вполне сознательно делали ставку на минимальный шанс — авось получится? Они-то в любом случае ничего не теряют...

Составляя список деталей для пеленгатора, Язон продолжал упорно искать выход, которого не было. Его мысли вращались по заколдованному кругу. Задний ход давать поздно, Керк его не выпустит. Либо он найдет способ покончить с войной и решить проблему корчевщиков, либо его ждет пожизненное заточение на Пирре. И надолго оно не затянется...

Подготовив список, он связался с Управлением по снабжению. Кое-что пришлось заменить, но все остальное было налицо, и ему обещали немедленно выполнить заказ. Скоп сидел и клевал носом. Подперев рукой тяжелую голову, Язон принялся составлять монтажную схему.

Внезапно его внимание привлекла тишина. Тишина?.. Он слышал, как работает аппаратура в здании, слышал голоса в соседнем помещении. Так в чем же дело?

Ах вот оно что — внутренний слух! После возвращения в город у Язона было столько забот, что он только теперь обратил внимание на полное отсутствие телепатических импульсов. Постоянный фон, образованный реакциями животных, исчез, исчез и его собственный телепатический настрой. И ведь в городе — он только сейчас это сообразил — всегда было так.

Язон попытался включить внутренний слух — и тотчас прекратил этот эксперимент, так велика была напряженность телепатического поля. Словно ты находишься в подводной лодке на большой глубине и положил ладонь на люк, сдерживающий чудовищное давление. Ведь и впрямь достаточно коснуться люка, чтобы ощутить напор сил с другой стороны, которые стремятся прорваться внутрь и сокрушить тебя. Вот и город подвержен такому же давлению, только в сфере психики. Открой люки сознания, и оно будет растерзано исполненными ненависти беззвучными криками Пирра. Какая-то часть мозга, действуя как предохранитель, выключала телепатическое восприятие и спасала рассудок. Но и того, что все-таки просачивалось, хватало, чтобы он ощущал напор извне. И чтобы питать упорно преследующие его кошмары.

От мозгового предохранителя была еще и та польза, что без давления извне Язону легче было сосредоточиться, и, как он ни устал, работа над схемой продвигалась быстро.

Ближе к вечеру появилась Мета с заказанными им деталями. Она бросила на верстак длинный ящик и явно хотела что-то сказать, но потом раздумала. Язон поднял взгляд на нее и улыбнулся.

— Ты чем-то озадачена? — спросил он.

— О чем это ты? Вовсе я не озадачена. Просто мне досадно. Очередной рейс отменен, график поставок нарушен, притом надолго. Вместо того чтобы идти в рейс или дежурить на Периметре, я должна слоняться без дела и ждать тебя. Потом зачем-то лететь куда-то, куда ты скажешь. Разве это не причина для досады?

Язон тщательно разместил детали на шасси, потом продолжил разговор:

— А я говорю, что ты озадачена. Если хочешь, могу уточнить. И окончательно сбить тебя с толку. Очень уж соблазнительно это сделать.

Она хмуро глядела на него через верстак, максимально накручивая на палец непокорный локон. Такой Мета ему больше нравилась. Когда она выступала в роли пиррянина, работающего на полную мощность, индивидуальности в ней было не больше, чем в части громадной машины. Сейчас он почти узнавал в ней ту девушку, с которой летел на Пирр. Может быть, все-таки удастся довести до ее сознания то, о чем он думает?

— Если я говорю «озадачена», в этом нет ничего обидного для тебя. Да иначе и быть не может, ведь тебя так вырастили. Конечно, Пирр — это как бы остров со множеством сложных проблем, решать которые вы мастера. Но остров, он остров и есть. Перед лицом внепланетной проблемы ты теряешься. И еще сильнее теряешься, когда ваши островные проблемы оказываются частью более широкого контекста. Представь себе, что ты ведешь игру, в которой правила непрерывно меняются.

— Какой-то вздор ты говоришь, — оборвала она его. — Пирр вовсе не остров, и борьба за существование — отнюдь не игра.

— Извини, — улыбнулся он. — Я ведь это в переносном смысле, да, видно, сравнение не совсем удачно выбрал. Ладно, давай более конкретно. Разберем пример. Допустим, я скажу тебе, что вон там, на двери, сидит шипокрыл...

Прежде чем он договорил, пистолет Меты нацелился на дверь. С грохотом опрокинулся стул — Скоп очнулся, вскочил на ноги и тоже прицелился.

— Это я так, для примера, — объяснил Язон. — Там же нет никого.

Охранник убрал пистолет, наградил Язона презрительным взглядом, поднял стул и снова сел.

— Сейчас вы оба подтвердили свою способность решать пиррянские проблемы, — продолжал Язон. — Ну а если я скажу, что над дверью сидит тварь, которая только с виду похожа на шипокрыла? А на самом деле это огромное насекомое, и оно прядет тонкую шелковую нить, пригодную для изготовления ткани?

Скоп метнул из-под густых бровей взгляд на дверь, и пистолет его выскочил было из кобуры, но тотчас вернулся на место. Буркнув что-то нелестное для Язона, пиррянин сердито вышел и хлопнул дверью. Мета наморщила лоб, размышляя.

— Это мог быть только шипокрыл, — сказала она наконец. — Никаких других тварей, похожих на шипокрыла, нет. И шелковая нить тут ни при чем. А если бы ты подошел к нему поближе, он бы тебя укусил. Так что тебе поневоле пришлось бы убить его раньше.

Судя по улыбке Меты, она была довольна логикой своего ответа.

— Опять промах, — сказал Язон. — Я описал мимикрирующего паука, который водится на планете Стовера. Этот паук умеет маскироваться под самых опасных животных, да так ловко, что ему не нужна никакая другая защита. Так вот, этого паука можно спокойно посадить себе на руку, он будет сидеть и прясть. Представь себе, что я бы завез сюда, на Пирр, несколько тонн таких пауков, знали бы вы, когда стрелять, а когда нет?

— Но их тут нет, — стояла на своем Мета.

— Сейчас нет, а вдруг появятся? Придется менять все правила вашей игры. Ну как, поняла? В галактике действуют определенные законы и нормы, но они отличаются от ваших. Для вас нормой стала нескончаемая война с местными орга-

низмами. Я хочу нарушить этот порядок и покончить с войной. Разве ты против? Разве не хочешь, чтобы твоя жизнь перестала быть сплошной борьбой за существование? Чтобы в ней было место для счастья, любви, музыки, искусства — всего того, на что у вас теперь просто нет времени?

Слушая Язона и стараясь осмыслить все эти непривычные понятия, Мета преобразилась, пиррянская суровость совсем сошла с ее лица. Он как-то машинально взял ее за руку — рука была теплая и отзывалась на его прикосновение частым биением пульса.

Вдруг Мета опомнилась, отдернула руку, вскочила на ноги и бросилась к двери. Вдогонку ей неслись слова Язона:

— Скоп бежал, потому что боялся за свою драгоценную черно-белую логику. Это все, что у него есть. Но ведь ты-то видела другие части галактики, ты знаешь, что жизнь не сводится к тому, чтобы убивать или быть убитым на Пирре. Ты чувствуешь, что я прав, только не хочешь этого признать.

Она выскочила за дверь.

Проводив ее взглядом, Язон задумчиво потер пальцами щетинистый подбородок.

«Кажется, женщина берет верх над пиррянином, — сказал он себе. — По-моему, я видел слезы на ее глазах... Может быть, даже первые слезы за всю кровавую историю этого истерзанного войной города...»

Глава 21

— Только урони эту штуку, и Керк оторвет тебе обе руки, — сказал Язон. — Вон какой он мрачный, сам не рад, что дал себя уговорить на это дело.

Скоп негромко выругался, передавая громоздкую упаковку с частями пеленгатора Мете, которая стояла в открытом люке корабля. Язон наблюдал за погрузкой и подстреливал излишне любопытных представителей местной фауны. В это утро больше всего было рогоносов, он один уложил четырех. Язон последним поднялся на борт и задраил за собой люк.

— Где ты его поставишь? — спросила Мета.

— Где ты посоветуешь, — ответил Язон. — Мне нужно для антенны такое место, чтобы ее не экранировал металл. Тонкий пластик — не страшно. В крайнем случае установлю антенну снаружи и налажу дистанционное управление.

— Может, так и придется сделать. Корпус сплошной, для обзора у нас служат приборы и телевидение. Так что... Хотя погоди, кажется, есть подходящее место.

Мета проводила его к отсеку, где помещалась одна из спасательных капсул. Вход в этот отсек всегда был открыт. Они вошли; за ними вошел и Скоп со своей ношей.

— Капсулы утоплены в корпус только наполовину, — объяснила Мета. — У них прозрачные носовые иллюминаторы, которые закрыты щитами, но щиты автоматически сбрасываются, когда капсула катапультируется.

— А сейчас можно раздвинуть щиты?

— Попробуем, — сказала Мета.

Она проследила провода до соединительной коробки, открыла крышку, замкнула реле вручную, и тяжелые пластины втянулись в корпус. Большая часть иллюминатора выступала ниже брюха корабля, это обеспечивало свободный обзор.

— Превосходно, — заключил Язон. — Здесь и устроюсь. А как мы с тобой будем переговариваться?

— Вот... Видишь, устройство связи и блок с фиксированной настройкой. Только больше ничего не трогай, особенно вот этот контакт.

Мета показала на рукоятку посредине панели управления.

— Если включить его, через две секунды капсула отстреливается. А своего запаса горючего у нее нет.

— Есть не трогать, — сказал Язон. — Теперь вели этому тугодуму подключить меня к сети питания, и я соберу пеленгатор.

Аппарат был не очень сложный, но требовал точной настройки. Чашеобразная антенна подавала сигнал на чувствительное приемное устройство. Напряжение входного сигнала резко падало при малейшем отклонении в сторону, это позволяло точно определить его направленность. Дальше он поступал на усилитель, который в отличие от сосредоточенных радиопеленгаторов первого каскада, смонтированного из отдельных деталей, был выполнен в виде печатной схемы на белой подложке с надежно приклеенными полосками контактов на входе и выходе.

Закончив сборку и установку, Язон кивнул изображению Меты на экране визифона.

— Пошли, да потише, пожалуйста. Обойдемся без твоих

любимых девятикратных перегрузок. Когда взлетим, пойдешь медленно над Периметром, пока не дам новую команду.

Корабль умеренным ходом взмыл в воздух, набрал высоту и лег на круговой курс. После пятого круга Язон покачал головой.

— С аппаратом, по-моему, все в порядке, но слишком много помех от местной активности. Отойди-ка на тридцать километров от города, там опять пойдем по кругу.

На этот раз дело пошло лучше. Со стороны города поступал мощный импульс; пеленгатор давал его направление с точностью до одного градуса. Развернув антенну под прямым углом к курсу, Язон получал достаточно постоянный сигнал. Мета повернула корабль вокруг продольной оси так, что капсула Язона оказалась точно внизу.

— Теперь полный порядок, — сказал он. — Держи так и старайся, чтобы нос не отклонялся. — Сделав засечку на лимбе, Язон повернул антенну на 180 градусов. Корабль продолжал идти по кругу, а Язон внимательно следил, нет ли импульсов, направленных к городу. Когда половина окружности была пройдена, он снова услышал сигнал.

Полоса была узкая, но мощная. Для полной уверенности Язон прошел еще два полных круга и оба раза точно засек гирокомпасом направление. Показания совпали. После этого он вызвал Мету:

— Приготовиться делать поворот вправо, или как там у вас это называется. Кажется, есть пеленг. Внимание... давай!

Поворот был сделан так плавно, что Язон ни на секунду не потерял сигнала. Два-три раза стрелка прибора качалась, но Язон тотчас возвращал ее на место. Как только корабль лег на заданный курс, Мета увеличила тягу.

Они шли прямо на область лесных пиррян.

Час хода почти на предельной атмосферной скорости не принес никаких изменений. Мета ворчала, но от курса не отклонялась. Направление сигнала не менялось, а мощность понемногу росла. Они прошли над цепью вулканов по краю материка, и корабль тряхнули восходящие потоки воздуха. Когда берег остался позади и внизу простерлось море, Скоп тоже начал ворчать. Он все крутил свою турель, однако вдали от суши не по чему было стрелять.

Но вот из-за горизонта появились острова, и сразу направление сигнала переменилось.

— Сбавляй ход! — скомандовал Язон. — Похоже, наш источник на этих островах!

Некогда здесь был целый материк. Он плавал на жидком ядре Пирра, напряжения в коре менялись, суша перемещалась, и материк ушел под воду. От кипящего жизнью края осталась лишь цепочка островов, некогда бывших вершинами самого высокого хребта. Торчавшие из океана клочки суши стали убежищем последних обитателей погибшего континента, победителей долгой и жестокой борьбы за существование. Здесь уцелели древнейшие виды пиррянской фауны.

— Пониже, — распорядился Язон. — Курс на большую гору. Кажется, сигнал идет оттуда.

Они прошли над самой горой, но увидели только деревья да опаленные солнцем камни.

Дикая боль пронизала голову Язона. Словно страшный заряд ненависти проник из приемника ему в череп. Он сорвал наушники и стиснул голову руками. Сквозь слезы он увидел, как с деревьев внизу сорвались черные тучи крылатых тварей. Склон промелькнул и исчез, в ту же секунду Мета резко прибавила ход, и корабль пошел вверх.

— Нашли! — прозвучал ликующий голос Меты, однако она сразу переменила тон, увидев на экране лицо Язона. — Что с тобой? Что случилось?

— Я совсем разбит... В жизни не ощущал такой мощной телепатической атаки! Перед самой атакой я заметил какую-то дыру, что-то вроде входа в пещеру. Похоже, излучение идет оттуда.

— Ложись и отдыхай, — сказала Мета. — Я тебя живо доставлю домой. Сейчас свяжусь с Керком. Он должен знать, что произошло.

...В здании космопорта стояла кучка ожидающих. Как только ракетные двигатели смолкли, они выбежали на поле, закрывая руками лицо от струй раскаленного воздуха. Керк первым ворвался внутрь корабля и отыскал взглядом Язона, распростертого на перегрузочном ложе.

— Это правда? — рявкнул он. — Ты выследил извергов, которые начали войну?

— Спокойно, брат, не горячись, — отозвался Язон. — Я засек источник телепатической команды, которой направляется война. Но я не установил, кто начал войну, и у меня нет никаких оснований называть их извергами...

— Мне надоела твоя игра словами, — перебил его Керк. — Ты нашел этих тварей, их логово засечено?

— Совершенно точно, — подхватила Мета. — Найду с завязанными глазами.

— Отлично, отлично. — Керк потер руки так, что скрипнули мозоли. — Даже не верится, что наконец-то мы можем покончить с этой многовековой войной. Можем! Вместо того чтобы без конца косить эти проклятые самовозрождающиеся легионы, мы доберемся до вожаков. Разыщем их — пусть на себе узнают, что такое война, — и сотрем с лица планеты!

— Ни в коем случае! — возразил Язон, заставив себя сесть. — Ни за что на свете! С первого дня, как я прибыл на эту планету, мной все время помыкают, сколько раз моя жизнь висела на волоске! Думаешь, я сделал это только затем, чтобы ты мог потешить свою кровожадную душу? Я добиваюсь мира, а не истребления. Ты обещал связаться с этими существами, попробовать провести с ними переговоры. Честный человек держит свое слово!

— В другое время я убил бы тебя на месте за оскорбление, — сказал Керк. — Ну да ладно... Ты сделал большое дело для нашего народа, и мы не стыдимся признать, что обязаны тебе. И вообще, не надо обвинять меня в нарушении обещаний, которых я не давал. Я отлично помню свои слова. Я обещал поддержать любой разумный план, чтобы покончить с войной. Это самое я и собираюсь теперь сделать. Твой план вести мирные переговоры нерационален. Поэтому мы уничтожим врага.

Керк повернулся, чтобы уходить.

— Подумай как следует! — крикнул Язон ему в спину. — Что плохого в том, чтобы попытаться устроить переговоры и объявить перемирие? А если уж не получится, испытаешь свой способ.

В отсек успело набиться довольно много народу. Керк остановился на пороге.

— Я скажу тебе, почему перемирие не годится. Это выход для трусов, понял? Ты инопланетчик, с тебя нечего спрашивать. Но неужели ты хоть на секунду можешь допустить, что я стану поддерживать такую пораженческую линию? Учти, я говорю не только за себя, а за всех нас. Мы не боимся схватки и умеем постоять за себя. Мы знаем, что без войны сможем наладить здесь совсем другую жизнь. Но если нам придется выбирать между войной и трусливым миром — мы за войну! И кончится она только тогда, когда враг будет поголовно истреблен.

Его поддержали одобрительные возгласы, и Язону пришлось напрячь голос:

— Блестяще! Уверен, ты даже считаешь свои изречения оригинальными. Но ты прислушайся — слышишь овации на хорах? Это тебя приветствуют духи всех подонков, которые когда-либо бряцали оружием и кричали о пользе войны. Они узнают свои старые лозунги. Мы-де представляем светлые силы, а противник воплощает силы тьмы. Правда, враг говорит то же самое, но это ничего не значит. Знай себе тверди старые фразы, которые губят людей, сколько существует человеческий род. «Трусливый мир» — это надо же! Мир означает отсутствие войны, прекращение военных действий. При чем тут трусость? Что ты пытаешься замазать этим путаным определением? Свои истинные побуждения? Ты их стыдишься? И правильно делаешь, я бы тоже стыдился. Скажи лучше напрямик, что ты раздуваешь войну, потому что тебе нравится убивать! У тебя и твоих убийц душа радуется смотреть, когда кто-то умирает, вот вы и стараетесь!

Наступила напряженная тишина. Все ждали, что скажет Керк. Он побелел от ярости, но держал себя в руках.

— Ты прав, Язон. Нам нравится убивать. И мы будем убивать. Все, что противилось нам на этой планете, будет уничтожено. И мы сделаем это с величайшим удовольствием.

Он повернулся и вышел, не дожидаясь, когда развеется впечатление от его слов. Остальные последовали за ним, возбужденно переговариваясь. Язон откинулся на ложе совершенно разбитый.

Когда он открыл глаза, все уже ушли. Все, кроме Меты. На ее лице тоже был написан кровожадный экстаз, однако, посмотрев на Язона, она словно протрезвела.

— Ну что, Мета? — резко спросил он. — Никаких сомнений, никаких колебаний? Ты тоже считаешь, что другого пути покончить с войной нет?

— Не знаю, — ответила она. — Я не уверена. Впервые в жизни я чувствую, что может быть несколько ответов.

— Поздравляю, — с горечью сказал он. — Ты становишься взрослой.

Глава 22

Стоя в сторонке, Язон смотрел, как в трюм корабля укладывают смертоносный груз. Пирряне весело таскали пулеметы, гранаты, газовые бомбы. Когда дошла очередь до ранца с

атомной бомбой, кто-то запел лихой марш, и все подхватили. Они явно радовались, а Язон с тяжелым сердцем думал о предстоящем побоище. Он чувствовал себя предателем. Может быть, найденные им организмы следовало уничтожить. А может быть, и нет. Все равно, сперва надо было сделать хоть что-то для примирения, а так это будет просто-напросто убийство.

Из здания оперативного центра вышел Керк; из недр корабля донесся звук пусковых насосов. Через несколько минут — старт. Язон затрусил к кораблю и перехватил Керка на полпути.

— Я полечу с вами, Керк, ты не смеешь мне отказать. Как-никак ведь это я их нашел.

Керк помялся.

— Это боевая операция, — сказал он. — Где мы наблюдателей поместим, к тому же лишний вес... И ведь ты отлично знаешь, Язон, что нас теперь не остановишь.

— Вы, пирряне, первые лжецы во всей Вселенной, — отозвался Язон. — Мне не хуже тебя известно, что корабль может взять в десять раз больше того, что вы сейчас погрузили. Ну так как, ты берешь меня или отказываешь без объяснения причин?

— Живо на борт! — сказал Керк. — Только не попадайся под ноги — растопчу.

Теперь, когда цель была известна, полет занял гораздо меньше времени. Мета подняла корабль в стратосферу по высокой баллистической кривой, которая заканчивалась на острове. Керк занял кресло второго пилота, Язон устроился позади них так, что видел экраны. Десантники — двадцать пять добровольцев — поместились в грузовом трюме, где лежало оружие. Все экраны были подключены к носовой видеокамере. Вот показался зеленый остров; он быстро надвигался, потом его заслонило пламя тормозных ракет. Мета сбросила ход и плавно посадила корабль на ровной площадке рядом со входом в пещеру.

На этот раз лучи ненависти не застигли Язона врасплох и все-таки заставили его сморщиться от боли. Стрелки, злорадно смеясь, открыли ураганный огонь по живности, которая окружила корабль плотным кольцом. Они тысячами косили представителей островной фауны, а те все шли и шли.

— Неужели это необходимо? — спросил Язон. — Это же просто убийство, резня, избиение...

— Самооборона, — возразил Керк. — Они нас атакуют, мы отбиваемся. Элементарно. А теперь заткнись, пока я не вышвырнул тебя туда.

Только через полчаса огонь немного ослаб. Животные продолжали атаковать, но массовые штурмы кончились. Керк распорядился по интеркому:

— Десантному отряду выходить! И глядеть в оба. Они знают, что мы здесь, и постараются задать вам жару. Отнесите бомбу в пещеру и проверьте, сколько тянется ход. Можно дать по ним хороший залп с воздуха, но какой от этого толк, если они засели в горе. Не выключайте визифоны. Положите бомбу и, как только я скомандую, возвращайтесь. Ну, пошли!

Десантники скатились по трапам на землю и образовали штурмовой порядок. Они подверглись атаке, но косили противника, не подпуская его близко. И вот направляющий уже вошел в пещеру. Его видеодатчик был обращен вперед, и на экранах в корабле было хорошо видно, как продвигается отряд.

— Да, большая пещера, — пробурчал Керк. — И главное, дальше понижается. Как раз то, чего я боялся. Сбросить бомбу сверху — закупорит вход, и только. Никакой уверенности, что обитатели не выберутся через какой-нибудь другой ход. Ну ладно, поглядим, как далеко она тянется.

Тепло в пещере позволяло пользоваться инфракрасными фильтрами. Стены рисовались на экранах черно-белыми узорами.

— Как вошли в пещеру, никаких признаков жизни, — докладывал командир отряда. — У входа были обглоданные кости, помет летучих мышей. На искусственное сооружение не похоже, обыкновенная пещера.

Десантники продолжали двигаться дальше, постепенно замедляя шаг. При всей нечувствительности пиррян к телепатии даже они ощущали лучи концентрированной ненависти, от которых у Язона все сильнее раскалывалась голова.

— Берегись! — вдруг закричал Керк, с ужасом глядя на экран.

Всю пещеру заполнили какие-то белесые безглазые твари. Боковые ходы, из которых сыпалась эта мерзость, были настолько малы, что животные казались порождением самой горы. Пламя огнеметов пожирало передовые шеренги, но сзади напирали другие. Изображение пещеры опрокинулось: командир упал. Линзу видеодатчика накрыли белые тела.

— Сомкнуть ряды! Огнеметы и газ! — рявкнул Керк в микрофон.

После первой атаки осталось меньше половины отряда. Прикрываясь огнеметами, уцелевшие бросали газовые гранаты. Сами они были надежно защищены от газа боевыми скафандрами. Кто-то нырнул в кучу тел и вытащил видеодатчик.

— Оставить бомбы и отойти! — скомандовал Керк. — Хватит с нас потерь.

Вместо убитого командира Керку ответил другой:

— Простите, начальник, но теперь что назад идти, что вперед. Газ свое дело делает. Немного осталось, зачем же отступать.

— Выполняйте приказ! — отрезал Керк, но лицо десантника уже исчезло с экрана.

Наступление продолжалось. Язон стиснул ручки кресла до боли в пальцах. Опомнившись, он разжал их и начал растирать.

На экране навстречу им опять плыла черно-белая пещера. Часы отмеряли минуту за минутой. Каждый раз, когда белесые твари атаковали, взрывались газовые гранаты.

— Вижу впереди что-то еще... другого вида, — произнес прерывающийся голос.

Узкий ход, постепенно расширяясь, сменился огромным залом — ни потолка, ни дальней стены не видно.

— Кто это там? — спросил Керк. — Прожектор направо!

Картинка на экране была смазана, выступы мешали рассмотреть подробности, но и без того было понятно, что речь идет о чем-то необычном.

— Никогда не видел... ничего похожего, — продолжал голос. — Что-то вроде больших растений, высота метров десять... Только они шевелятся. Не то ветви, не то щупальца прямо в нас целятся... голова разламывается...

— Подстрели одно, посмотри, что получится, — сказал Керк.

Грянул выстрел, и в ту же минуту мощная волна ненависти повергла десантников на землю. Они скорчились от боли, теряя сознание, не способные ни думать, ни дать отпор безглазому зверью, которое снова пошло в атаку.

Сидя в корабле, Язон ощутил сильнейший шок и спросил себя, каково же людям там, в подземелье? Керка и Мету тоже поразило излучение. Керк ударил кулаком по раме визифона и закричал:

— Назад, назад сейчас же!

Поздно. Пиррянские твари захлестнули бьющихся в судорогах десантников, нащупывая швы скафандров. Наконец кому-то одному удалось встать. Отбиваясь руками от зверья, он с трудом сделал несколько шагов, нагнулся над копошащейся массой, напрягся и поднял своего мертвого товарища, у которого на спине был укреплен ранец.

Мелькнули окровавленные пальцы, в следующую секунду все накрыла волна смерти.

— Это была бомба! — крикнул Керк Мете. — Если он не переключил механизм, у нас в запасе десять секунд. Уводи корабль!

Язон едва успел плюхнуться в перегрузочное ложе. Взревели ракетные двигатели, и на него навалилась огромная тяжесть. В глазах потемнело, но сознания он не потерял. Вой рассекаемого воздуха резал уши, потом наступила тишина — они вышли из атмосферы.

В тот самый миг, когда Мета сбросила ход, экраны озарила большая вспышка. И тотчас они потемнели — наружные видеодатчики не выдержали. Мета нажала кнопку — установка фильтров, потом другую — замена датчиков.

Далеко внизу, посреди клокочущего моря, на месте острова, вспухало раскаленное грибовидное облако. Они молча смотрели на него. Керк опомнился первым.

— Курс домой, Мета. Свяжись с оперативным центром. Мы потеряли двадцать пять человек, но они выполнили задание. Добили эту мерзость. И покончили с войной. Достойная смерть для мужчин.

Мета рассчитала орбиту, потом вызвала центр.

— Нет связи, — доложила она. — Наводящий луч принимаю, а на вызов никто не отвечает.

В эту минуту на экране возникло изображение пиррянина. Встревоженное лицо блестело от пота.

— Керк, ты? Сейчас же возвращайся с кораблем! Без его пушек не справимся! Минуту назад тут началось что-то невообразимое, со всех сторон атакуют, такого еще никогда не было!

— Как это так? — недоверчиво вымолвил Керк. — Война окончена. Мы взорвали их, уничтожили штаб.

— Они лютуют, как никогда прежде! — прозвучал сердитый ответ. — Не знаю, что вы там сделали, но только тут сейчас настоящая чертова мельница. Ладно, хватит болтать, гони сюда корабль!

Керк медленно повернул к Язону лицо, искаженное животной яростью.

— Ты! Это ты виноват! Надо было убить тебя в первый же день. Как мне хотелось это сделать, и теперь вижу, что я зря удержался. Ты словно чума — как прибыл сюда, кругом сеешь смерть. Ведь я знал, что ты не прав, да поддался твоему лживому языку. А что вышло? Сперва ты убил Велфа. Потом наших людей, которые пошли в пещеру. Теперь идет бой по всему Периметру. Каждый, кто там погибнет, будет на твоей совести!

Взбешенный Керк шаг за шагом наступал на Язона, а тот отполз назад, пока не уперся в картодержатель. Рука Керка метнулась вперед. Это был не кулачный удар, а простая оплеуха. Язон дернулся в сторону, но ладонь Керка настигла его и сбросила на пол. Он упал на спину, плечом к картодержателю, и пальцы его коснулись контейнеров с матрицами ОХР.

Язон схватил обеими руками один контейнер, выдернул его из гнезда и со всего размаху ударил им Керка. Металлическая трубка рассекла пиррянину лоб и скулу, но рана ничуть его не обескуражила. Он нагнулся и с улыбкой, не сулящей ничего доброго, поднял Язона на ноги.

— Сопротивляйся, — сказал он. — Тем приятнее мне будет прикончить тебя.

И он занес над Язоном гранитный кулак, который способен снести противнику голову с плеч.

— Давай. — Язон прекратил борьбу. — Убивай. Тебе это ничего не стоит. Только не называй это правосудием. Да, Велф умер, чтобы спасти меня. Но десантники на острове погибли из-за твоей глупости. Я добивался мира, ты добивался войны. Ты получил ее. Убей меня, заглуши голос своей совести, ведь ты боишься смотреть правде в глаза.

Керк взревел от ярости, и его кулак, подобный копру для забивки свай, пошел вниз.

Мета обеими руками схватила руку Керка и повисла на ней, отвращая удар. Все трое повалились на пол; у Язона хрустнули кости.

— Не смей! — кричала Мета. — Язон был против высадки этих людей. Это была твоя затея. Ты не имеешь права убивать его за это!

Рассвирепевший Керк ничего не слышал. Сейчас он сра-

жался с Метой. Конечно, женские мышцы не шли ни в какое сравнение с его могучими мускулами. Но она была пиррянка и сделала то, с чем не справился бы ни один инопланетчик. Ей удалось отвлечь Керка, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы освободиться от хватки Меты и отбросить ее в сторону. Этих секунд Язону оказалось достаточно, чтобы добраться до выхода.

Он выскользнул в переход, живо захлопнул люк и задвинул засов. Мгновением позже Керк обрушился всей тяжестью на люк с другой стороны. Сталь заскрежетала и подалась. Одна петля лопнула, другая держалась только чудом. Еще толчок, и она полетит.

Но Язон не стал этого дожидаться. Ему вовсе не хотелось проверять, долго ли может устоять люк против разъяренного пиррянина. Он и без того уже знал, что нет таких дверей, которые удержали бы Керка. И Язон со всей доступной ему прытью пустился вниз по трапу. На корабле укрыться негде — значит, надо покидать корабль. А вот и шлюпочная палуба со спасательными капсулами.

С тех самых пор, как Язон увидел эти капсулы, они не шли у него из головы. Конечно, он не мог предвидеть такой ситуации, однако он допускал, что в какой-то момент ему может понадобиться, так сказать, транспортное средство. И спасательная капсула его устраивала как нельзя лучше. Если не считать того, что ни в одной из этих капсул, по словам Меты, нет горючего... В той капсуле, где Язон сидел с пеленгатором, баки в самом деле были пустые, он нарочно проверил. Но ведь есть еще пять капсул. Спасательные капсулы без горючего — хитрая загадка, но у него было время поразмыслить над ней, и, кажется, он знает ответ.

Этот космический корабль у пиррян единственный. Мета как-то говорила ему, что они давно хотели приобрести второй, да до сих пор так и не собрались. Каждый раз деньги уходили на вооружение. И к тому же они вполне обходились одним кораблем, только надо было всегда держать его в готовности, чтобы город мог жить. Без поставок горожане просуществовали бы от силы два-три месяца. Поэтому, что бы ни случилось с кораблем, команде никогда не пришло бы в голову покинуть его в полете. Ведь гибель корабля означала гибель их мира.

Это освобождало их от необходимости заправлять горючим спасательные капсулы. Во всяком случае, всю шестерку.

Но хоть одна-то должна быть заправлена для коротких рейсов, в которые нет смысла гонять большой корабль! Язон чувствовал, что тут в его рассуждениях намечается слабина. Чересчур много «если»... Если они вообще пользуются капсулами, то какую-то из них поддерживают в рабочем состоянии. Если так, то в ее баках должно быть горючее. Если горючее есть, то в какой из шести? Все проверять некогда. Он должен угадать с первого раза.

Правда, на этот счет у него была догадка. Еще одна. Если капсула заправлена, то, скорее всего, та, которая расположена ближе всех к пилотской кабине. Та самая, к которой сейчас метнулся Язон, думая о том, что его жизнь висит на тонкой цепочке догадок.

Люк за его спиной с грохотом упал. Яростно рыча, Керк прыгнул вниз. Язон нырнул в люк спасательной капсулы со всей скоростью, какую ему позволяли развить два g. Схватил обеими руками стартовый рычаг и рванул его.

Зазвенел аварийный сигнал, и люк капсулы закрылся перед самым носом Керка. Только молниеносная реакция спасла пиррянина от чувствительного удара.

Пусковая установка отстрелила капсулу. Кратковременное ускорение бросило Язона на пол, потом началось свободное падение, и он поплыл по воздуху. Двигатель молчал.

Вот когда Язон постиг смысл выражения «верная смерть». Без горючего капсула камнем рухнет в джунгли и разлетится вдребезги при ударе о землю. Теперь его ничто не спасет.

Вдруг сработало зажигание, взревели ракеты, Язон врезался в переборку и расквасил себе нос. Сел, вытер кровь и осклабился. Все в порядке, горючее есть. А зажигание и так должно запаздывать, чтобы капсула успела отойти сколько надо от корабля.

Так, теперь разберемся в управлении... Язон добрался до пилотского кресла.

Автопилот уже принял данные с альтиметра и выровнял капсулу параллельно земле. Как и на всяком спасательном устройстве, управление было предельно простое, чтобы даже новичок мог справиться. Автопилот не отключался, он работал параллельно с ручным управлением, исключая грубые ошибки. Вот и сейчас стоило Язону нетерпеливо крутануть штурвал, как автопилот притормозил его.

Язон увидел через иллюминатор, как корабль закладывает крутой вираж. Он мог только гадать, кто ведет корабль и в

чем смысл этого маневра. Как бы то ни было, лучше не рисковать. Он резко подал штурвал вперед и выругался, потому что капсула вместо того, чтобы спикировать, пошла плавно вниз. Корабль не был так ограничен в своих маневрах. Он резко изменил курс и ринулся наперехват. Носовая турель открыла огонь, и капсулу тряхнул взрыв. От сильного толчка что-то случилось с автопилотом, плавный спуск сменился крутым пикированием, все поле зрения занял стремительно надвигающийся лес.

Язон рванул штурвал на себя и едва успел закрыть руками лицо.

Рев ракет... треск ломаемых деревьев... громкий всплеск... Затем — тишина.

Ветер унес дым. Высоко в небе кружил космический корабль. Вот он пошел вниз, словно собираясь сесть. Но тут же снова набрал высоту. Город звал на помощь, лояльность пересилила, и корабль, извергая пламя, помчался домой.

Глава 23

Ветви спружинили, тормозные ракеты сработали вовремя, трясина тоже смягчила падение. И все-таки это была не посадка, а крушение. Разбитый цилиндр медленно погружался в болотную жижу. Нос целиком ушел под воду, прежде чем Язону удалось ударом ноги открыть аварийный люк в средней части капсулы.

Никто не смог бы ответить, сколько времени понадобится болоту, чтобы засосать всю капсулу, да Язону было и не до того, чтобы размышлять над этим. Весь в синяках и ссадинах, он еле нашел в себе силы выкарабкаться наружу. Спотыкаясь и падая, он добрел до относительно сухого места и тяжело сел.

Капсула громко булькнула и окончательно скрылась. Несколько минут со дна еще поднимались пузырьки воздуха, затем и они пропали. Если не считать ободранных деревьев и разбросанных ветвей, ничто не говорило о вторжении космического аппарата в эти края.

Над болотом проносились насекомые, безмолвие леса нарушал только мерзкий вой какого-то зверя, расправляющегося с добычей. Потом и этот звук замер, воцарилась полная тишина.

Язон сбросил с себя оцепенение. У него было такое чувство, будто его пропустили через мясорубку; мысли вязли в густом тумане, заполнившем голову; наконец он вспомнил, что у него есть аптечка. Она никак не хотела отстегиваться, тогда он подсунул руку под жерло и навалился корпусом на аппарат. Аптечка прилежно загудела, и хотя Язон не ощутил уколов, он понял, что устройство сработало. Постепенно головокружение прошло, и у него прояснилось в глазах. Болеутоляющие средства окончательно разогнали черное облако, которое окутало его мозг, когда капсула спикировала в лес.

Рассудок вернулся к нему и принес с собой чувство одиночества. Без еды, без друзей, кругом враждебные силы чужой планеты... В недрах души зародился страх, и Язону стоило большого труда укрощать его.

— Думай, Язон, думай, не поддавайся эмоциям, — сказал он вслух, увещевая самого себя.

Сказал — не обрадовался, так жалко прозвучал в пустоте его голос с оттенком истерии. В горле что-то застряло, он откашлялся, сплюнул и увидел кровь. Глядя на красное пятнышко, Язон вдруг ощутил прилив ярости. Как он ненавидел эту свирепую планету и невообразимую тупость живущих на ней людей! Он громко выругался. На этот раз голос его уже не казался жалким. Язон орал, грозил кому-то кулаком. Помогло. Гнев вытравил страх и вернул ему здравый взгляд на действительность.

Совсем не так уж плохо посидеть на земле... Солнце ласково пригревало, и когда он откинулся на спину, то почти забыл о двойном тяготении. Прилив ярости вымыл страх из его души, а отдых прогнал усталость. Где-то в глубинах сознания возникло старое, стертое изречение: «Пока есть жизнь — есть надежда». Банально, ничего не скажешь, но в этих словах кроется зерно истины.

Итак, что у него есть в активе? Он изрядно потрепан, но жив. Ушибы и ссадины не страшные, кости целы. Пистолет в порядке; едва Язон подумал о нем, как он тотчас выскочил из кобуры. Да, пиррянское снаряжение сработано на совесть. Аптечку он уже проверил. Если он сохранит трезвость суждений, будет идти по возможности прямо и сумеет прокормиться плодами здешней земли, есть надежда добраться до города. Какой прием ждет его там — это другой вопрос. Придет — узнает. Сначала надо дойти.

В пассиве — планета Пирр. Изнуряющее тяготение, зверская погода, лютые звери. Сумеет ли он выжить? Как нароч-

но, небо вдруг потемнело, и в лесу зашелестел приближающийся дождь. Язон поднялся на ноги, чтобы засечь азимут, пока все не скрылось в пелене дождя. Вдали неясно вырисовывались горы, он помнил, как корабль проходил над ними. Что ж, это будет первый этап. Доберется туда, наметит следующий.

Неистовые порывы ветра забросали его листьями и мусором, потом хлынул ливень. Мокрый, озябший, адски усталый, с трудом переставляя ноги, он брел по планете смерти.

Спустилась ночь, а дождь все лил. Ориентироваться было невозможно, значит, идти дальше бессмысленно. К тому же Язон совсем выбился из сил. А впереди его ждала мокрая ночевка. Деревья кругом были такие толстые и скользкие, что он и при обычном тяготении ни на одно не влез бы. Проверил под упавшими стволами, под кустами — всюду одинаково мокро. Под конец Язон свернулся калачиком на земле около дерева и забылся, дрожа всем телом.

Около полуночи дождь прекратился, и сразу сильно похолодало. Язону приснилось, что он замерзает, к нему подкрадывается смерть, а проснувшись и с трудом открыв глаза, он убедился, что это почти так и есть. Между ветвями сыпал снежок, припорашивая землю, а заодно и Язона. У него все суставы окоченели, и, когда он чихнул, грудь пронизала острая боль. Ноющие мышцы жаждали только покоя, но еще теплившийся рассудок приказал встать. Дольше лежать — смерть. Придерживаясь рукой за ствол, чтобы не упасть, он пошел вокруг дерева. Шаг за шагом, круг за кругом... Холод мало-помалу отступал, дрожь унялась. Усталость окутывала его тяжелой серой пеленой, а он все шел и шел с закрытыми глазами, открывая их только тогда, когда падал и надо было, превозмогая боль, вставать.

На рассвете солнце выжгло снеговые тучи. Язон прислонился к дереву и поднял к небу воспаленные глаза. Кругом все было бело, не считая натоптанной им черной дорожки. Опираясь спиной о гладкий ствол, Язон медленно опустился на землю. Всеми клетками он впитывал солнечные лучи.

Голова закружилась от усталости, губы потрескались, упорный кашель раздирал грудь. Солнце, едва выйдя из-за горизонта, уже припекало. Язон быстро высох, потом ему стало жарко. Очень жарко.

Что-то не в порядке... Эта мысль настойчиво стучалась в

его мозг. Наконец он впустил ее и рассмотрел со всех сторон. Что не в порядке?.. Его самочувствие.

Воспаление легких. Явные признаки пневмонии.

Язон улыбнулся, потом слизнул с губ капельки крови. Право, смешно: он успешно отбивался от пиррянских хищников и ядовитых рептилий, а вот самые крохотные бестии его одолели. Ничего, найдется и на них управа. Он засучил рукав и дрожащими пальцами прижал к руке жерло аптечки. Послышался щелчок, затем сердитое жужжание. Он знал, что этот звук что-то означает, — но что именно? Подняв аптечку, Язон увидел торчащий конец иглы. Ну конечно. Нет антибиотика, предписанного анализатором. Аппарат нуждается в заправке.

Язон выругался и отшвырнул аптечку; она шлепнулась в лужу и утонула. Конец аптечки, конец Язона динАльта. Одинокий воитель против полчищ планеты смерти... Отважный чужепланетчик, ни в чем не уступающий местным жителям... Всего один день без посторонней помощи — и его смертный приговор утвержден.

За его спиной раздалось свирепое рыканье. Он мгновенно повернулся и выстрелил, бросаясь на землю. И даже не успел осознать происходящего, как уже все было кончено. Пиррянская школа здорово натренировала его подкорковые центры. Глядя на уродливую тварь, которая корчилась в предсмертных судорогах в метре от него, Язон сказал себе, что часы учения не пропали зря.

Тут же он с огорчением подумал, что убил одну из собак корчевщиков. Однако, присмотревшись, Язон заключил, что этот зверь отличается от собак и мастью и размерами. И нравом. Хотя выстрел разнес грудную клетку и кровь била фонтаном из разорванных сосудов, чудовище все еще пыталось добраться до противника. Оно успело доползти до самых ног Язона, прежде чем смерть подернула дымкой его глаза.

Нет, это не собака, но, возможно, ее дикий родич. Вероятно, тут такое же родство, как между собакой и волком на Земле. Может быть, и у этих тварей есть волчьи стаи? Может быть, и они охотятся стаями?

Он живо поднял голову. И вовремя поднял! Между деревьями крались серые силуэты. Язон уложил одного за другим двух хищников; остальные, яростно ворча, отступили в лес. Но они не ушли совсем. Гибель трех членов стаи не устрашила остальных, только прибавила им злости.

Сидя спиной к дереву, Язон отражал повторные атаки. Подпустит зверье поближе и только тогда открывает огонь. После каждого выстрела, сопровождающегося предсмертным визгом жертвы, все громче и яростнее выли уцелевшие. Некоторые затевали драку между собой, давая выход своему бешенству. Один, поднявшись на задних лапах, начал сдирать когтями кору с дерева. Язон выстрелил по нему, но промахнулся, расстояние было слишком велико.

Он подумал, что у высокой температуры бывают свои преимущества... Ведь вот рассудок говорит ему, что он доживет только до заката или до тех пор, пока не расстреляет все патроны. А ему хоть бы что! Наплевать на все. Он полностью расслабился. Поднимет руку, выстрелит — и опять отдыхает. Иногда приходилось поворачиваться, чтобы уложить зверя, который подкрадывался сзади. Будь дерево потоньше, на этот маневр уходило бы меньше усилий... Ничего, и это сойдет.

Под вечер он истратил последний заряд. Поймав себя на том, что он все чаще промахивается, Язон на этот раз дал зверю подойти совсем близко, потом выстрелил. Чудовище захрипело и испустило дух. Остальные с воем отпрянули, при этом одна тварь подставила бок, и Язон поспешил нажать на спуск.

Последовал негромкий щелчок. Осечка? Он нажал снова — опять щелчок. Магазин был пуст, опустел и патронташ на поясе. Язон не мог даже припомнить, сколько раз перезаряжал свое оружие.

Выходит, конец. Верно ему говорили, Пирр ему не по зубам. А что говорили — как будто Пирр и с ними не расправится! Еще ни один пиррянин не умер своей смертью. И вообще пирряне не доживают до преклонных лет — их раньше съедают.

Теперь, когда ему не надо было держаться начеку и отстреливаться, болезнь взяла верх над ним. Ему страшно хотелось спать, и он знал, что это будет долгий сон. Слипающимися глазами он смотрел, как зверье подкрадывается к нему. Вожак уже совсем близко... Язон увидел, как его мышцы напряглись для прыжка.

Хищник прыгнул. Сделал в воздухе кувырок и упал подле Язона. Из клыкастой пасти струилась кровь, в голове сбоку торчал короткий металлический черенок.

Два человека вышли из зарослей и направились к Язону.

Звери тотчас скрылись; одного появления этих людей было достаточно, чтобы обратить их в бегство.

Корчевщики. Он так спешил добраться до города, что забыл про корчевщиков. Хорошо, что они здесь. Хорошо, что пришли. Язык не слушался Язона, поэтому он улыбнулся им в знак благодарности. Но улыбаться было очень больно, и он решил поспать.

Глава 24

Дальше он воспринимал происходящее только урывками. Какое-то движение и крупные животные кругом... Стены, запах дыма, голоса... Но его ничто не волновало и не заботило. Он слишком устал. Куда легче и проще ничем не загружать мозги.

— Наконец-то, — сказал чей-то голос. — Еще день-другой, и мы закопали бы тебя в землю, хотя бы ты еще и дышал.

Язон прищурился, стараясь фокусировать расплывшееся перед его глазами лицо. Узнал Реса, хотел ответить, но едва открыл рот, как на него напал нестерпимый кашель. Кто-то поднес ему к губам чашку, и он проглотил какую-то сладковатую жидкость. Отдохнув немного, он сделал новую попытку.

— Давно я здесь? — Язон не узнал собственного голоса, так тонко и слабо он прозвучал.

— Восемь дней, — сказал Рес. — Но почему ты меня не слушал, когда мы с тобой говорили в прошлый раз? Почему не остался около ракеты после аварии? Я же сказал тебе, что ты можешь садиться в любом месте нашего края. Ну ладно, теперь это уже позади. Но в другой раз слушай меня повнимательнее. Наши люди не теряли времени, они еще до темноты были на месте аварии. Увидели сломанные деревья, увидели след от затонувшей ракеты и сперва подумали, что из нее никто не смог выбраться. Но тут одна из собак взяла твой след. Ночью в болотах она его опять потеряла. Сколько ни искали, не могли найти. Сам понимаешь — грязь, снег... На следующий день уже хотели вызвать подмогу, когда вдруг услышали стрельбу. В последнюю минуту подоспели, насколько я понимаю. К счастью, один из них был говорун, он приказал диким собакам уходить. Иначе пришлось бы их всех перебить, а это никуда не годится.

— Спасибо, что выручили меня, — сказал Язон. — Без вас я бы пропал. А что было дальше? Я помню только, как я про-

стился с жизнью. Определил воспаление легких, верная смерть в моем тогдашнем состоянии без специального ухода. Выходит, вы ошибались, когда говорили, что от ваших лекарств мало проку. Мне-то они явно помогли...

Он замялся, глядя на Реса, который отрицательно качал головой с хмурым и озабоченным видом. Рядом с Ресом стояли еще два корчевщика, в том числе Накса, и у обоих на лицах было удрученное выражение.

— В чем дело? — насторожился Язон. — Если мне помогли не ваши лекарства, то что же помогло? Во всяком случае, не моя аптечка. Она была пустая. Помню, я ее не то обронил где-то, не то выбросил.

— Ты умирал, — медленно заговорил Рес. — Мы не могли тебя выручить. Тут нужен был такой аппарат, какие делают жестянщики. Мы добыли его у водителя транспортера.

— Как добыли? — поразился Язон. — Вы же сами говорили, что горожане не дают вам лекарств. Он ни за что не отдал бы свою аптечку. Только...

Рес кивнул головой и договорил:

— ...мертвый. Да, он был мертв. Я сам его убил с превеликим удовольствием.

Слова Реса поразили Язона в самое сердце. Откинувшись на подушки, он мысленно перебирал всех тех, кто погиб после того, как он попал на Пирр. Люди умирали, чтобы спасти его, умирали, чтобы он жил, умирали из-за его идей. Он чувствовал себя последним негодяем. Будет ли Краннон последней жертвой или горожане захотят отомстить?

— Вы понимаете, что это значит? — произнес он через силу. — Гибель Краннона окончательно восстановит город против вас. Вы больше ничего не получите. Они будут нападать на вас при каждом удобном случае, убивать ваших людей...

— Все это мы знаем! — ответил Рес охрипшим от волнения голосом. — Не подумай, что нам было легко решиться на такое. У нас было что-то вроде торгового соглашения с жестянщиками. Транспортеры с товарами считались неприкосновенными. Ведь это наше единственное связующее звено с галактикой, последняя надежда на то, что когда-нибудь все-таки удастся наладить контакт с внешним миром.

— Тем не менее вы разрушили это звено, чтобы спасти меня.

— На этот вопрос только ты можешь ответить. Город подвергся сильнейшей атаке, мы видели бреши в стене, в одном месте им пришлось отодвинуть линию обороны назад. В это время космический корабль находился над океаном и сбрасывал какие-то бомбы. Наши люди видели вспышку. Потом корабль пошел обратно, а ты покинул его на маленькой ракете. Они обстреляли ее, но убить тебя им не удалось. И ракета уцелела, мы как раз собираемся поднять ее из болота. Что все это означает? На этот вопрос никто не мог нам ответить. Мы понимали только, что произошли очень важные события. Тебя нашли живым, но было очевидно, что ты обречен и от тебя мы ничего не узнаем. Может быть, ракету еще можно отремонтировать и использовать. Может быть, ты украл ее для нас с этой целью. Мы не могли дать тебе умереть, хотя бы это грозило нам долгой войной с горожанами. Объяснили положение всем тем из наших людей, кого удалось застать на месте, и все были за то, что тебя надо спасти. Я убил жестянщика, взял аптечку, загнал двух доримов и поспел как раз вовремя. А теперь скажи нам, что все это значит? Какой у тебя план? Что он нам даст?

Чувство вины лишило Язона речи. В памяти промелькнул эпизод из старинной легенды — про Иону, который загубил космический корабль со всеми людьми, а сам остался жив. Не о нем ли эта притча? Неужели он погубил целый мир? Смеет ли он признаться этим людям, что угнал ракету только затем, чтобы спасти собственную жизнь?

Три пиррянина выжидательно наклонились над ним. Язон закрыл глаза, чтобы не видеть их лиц. Как быть? Если он скажет им все как есть, они тут же убьют его и будут правы. Собственная судьба его уже не беспокоила, но ведь если он сейчас умрет, все жертвы окажутся напрасными. А между тем война между планетой и людьми может быть прекращена. Все факты налицо, осталось только пригнать их друг к другу. Он уже знал бы ответ, если бы не эта проклятая усталость. Решение готово, схоронилось где-то в мозгу и ждет, чтобы его извлекли из тайника.

За стеной послышался топот, потом невнятный крик, но пиррянe не обратили внимания на эти звуки, они напряженно ждали, что ответит Язон. А он никак не мог подобрать нужные слова. Одно ему было ясно: нельзя говорить правду. Его кончина будет кончиной всех надежд. Надо лгать, чтобы выиграть время и отыскать решение, которое вертится где-то

совсем рядом... Но утомленный мозг был не в состоянии придумать что-нибудь правдоподобное.

В напряженной тишине громко стукнула дверь. На пороге стоял кряжистый человек, его багровое лицо, обрамленное седой бородой, дышало гневом.

— Вы что тут, оглохли все? — рявкнул он. — Целую ночь скачу, всю глотку сорвал, а вы сидите здесь словно клуши. Выходите! Живо! Землетрясение! Вот-вот начнется сильное землетрясение!

Пирряне вскочили на ноги и обрушили на вошедшего град вопросов. Голос Реса прозвучал громче других:

— Хананас! Сколько у нас времени?

— Сколько времени? Нашел, о чем спрашивать! Уходите, пока живы, это все, что я знаю!

Не тратя времени на дальнейшие разговоры, корчевщики живо приступили к сборам, и через минуту Язон уже лежал на носилках, укрепленных на спине дорима.

— В чем дело? — спросил он пиррянина, который привязывал его к носилкам.

— Землетрясение надвигается, — ответил тот, затягивая узел. — Хананас — наш лучший предсказатель по этой части. Он всегда заранее знает, когда ждать землетрясения. Кого успеет предупредить, те уходят. Предсказатели всегда наперед знают — чувствуют, что ли.

Он управился с узлами и исчез.

Когда они тронулись в путь, уже смеркалось и красный закат перекликался с пунцовым заревом на севере. Издалека доносился глухой гул, который воспринимался скорее осязанием, чем слухом; в земле отдавались толчки. Доримы без понукания пустились валкой рысью. Они прошлепали копытами по мелкому болоту, после чего Хананас резко изменил курс. Причину этого Язон понял немного погодя, когда небо на юге словно взорвалось. Яркая вспышка озарила лес, потом сверху посыпался пепел, по деревьям барабанили раскаленные камни. Земля шипела там, где они падали, и быть бы лесному пожару, если бы не недавний дождь.

Рядом с маленьким караваном колыхалось что-то большое и черное. Когда они выехали на поляну, Язон присмотрелся и в отраженном свете разглядел косматое чудовище с огромными кривыми рогами.

— Рес... — позвал он, задыхаясь.

Рес бросил взгляд на зверя и отвернулся.

Чудовище его не то что не испугало — даже не заинтересовало. Посмотрев по сторонам, Язон понял почему.

Бегущие животные не издавали ни звука, поэтому он не заметил их раньше. Между деревьями справа и слева мелькали темные силуэты. Какие-то из них он узнавал, незнакомых видов было намного больше. Несколько минут совсем рядом, мешаясь с одомашненными собаками, бежала стая диких псов. И ничего, как будто всегда так было. Над головой у всадников проносились летающие твари. Перед угрозой катаклизма междуусобицы были забыты. Все живое объединилось в борьбе за жизнь. Путь пересекли жирные животные с изогнутыми клыками, похожие на свиней. Доримы замедлили бег, осторожно ставя ноги, чтобы не топтать их. Иногда мелкие твари цеплялись за спину более крупных и какое-то время ехали на них верхом, прежде чем соскочить опять.

Скрипучие носилки немилосердно трясли Язона, и в конце концов его сморил сон. Ему снились звери, несущиеся вперед в бесшумном стремительном беге. Откроет глаза, закроет глаза — одно и то же, нескончаемая череда животных.

Эта картина таила в себе какой-то глубокий смысл... Но что именно? Язон нахмурился, соображая. Бегущие животные, пиррянские животные...

Вдруг он сел на носилках, сон как рукой сняло. Ну конечно же!

— Что случилось? — спросил Рес, подъезжая вплотную.

— Ничего, едем дальше, — отозвался Язон. — Нам бы только выбраться живьем из этой переделки. Я знаю, как вашему народу получить то, чего он хочет, и прекратить войну. Есть способ, мы его применим.

Глава 25

В памяти отложились только отдельные фрагменты ночного перехода. Кое-что запечатлелось очень четко — например, громадная, с космический корабль величиной, глыба раскаленного шлака, которая упала в озеро и обдала всадников горячими брызгами. И вообще подробности этого бесконечного перехода мало занимали изнуренного болезнью Язона. На рассвете они вышли из опасной зоны, и доримы с рыси перешли на шаг. Как только угроза миновала, звери ис-

чезли, тихо разошлись в разные стороны, все еще соблюдая перемирие.

Но кончилась опасность — кончился и мир; Язон убедился в этом, когда они устроили привал. Вместе с Ресом он направился к зеленому пятачку возле упавшего дерева, однако на мягкой траве уже лежала дикая собака. При виде людей она вся напряглась, румяный восход высекал красные искры из ее глаз. В трех метрах от зверя Рес остановился и замер. Язон тоже остановился, спрашивая себя, почему корчевщик не берется за оружие и не зовет никого на помощь. Что ж, ему виднее...

Неожиданно собака прыгнула прямо на них. Рес оттолкнул Язона в сторону, так что он упал навзничь, и сам припал к земле, держа в руке длинный нож, который выхватил из укрепленных на бедре ножен. Молниеносный выпад... Собака изогнулась в воздухе, пытаясь схватить нож зубами, но он уже вонзился в ее тело за лопаткой и распорол ее во всю длину. Она еще была жива, когда упала на землю, но Рес уже сидел на ней верхом. Задрав кверху защищенную пластинами голову, он перерезал собаке горло, потом тщательно вытер о ее шкуру нож и сунул его обратно в ножны.

— Обычно они смирные, — спокойно сказал он, — но эта чем-то была взбудоражена. Должно быть, потеряла стаю.

Как это не похоже на поведение горожан! Рес не лез на рожон и не стал нападать первый, он до последнего избегал схватки. Когда же зверь пошел в атаку, последовала быстрая и эффективная расправа. Но Рес не упивался своей победой, напротив, он явно был огорчен гибелью живого существа.

Правильно. Все стало на свои места. Теперь ему ясно, как начался смертельный поединок Пирра с человеком — и ясно, как его прекратить. Нет, жертвы не были напрасными! Каждая из них приближала его к цели. Осталось сделать последний шаг.

Рес смотрел на Язона, явно думая о том же.

— Выкладывай, — сказал он. — Что ты подразумевал, когда говорил, что мы сможем перебить жестянщиков и завоевать свободу?

— Собери остальных, я объясню. И надо, чтобы Накса непременно был и другие говоруны.

Люди Реса не заставили себя ждать. Каждый знал, что для спасения этого инопланетчика был убит жестянщик и теперь вся надежда на него. Глядя на обращенные к нему лица, Язон

думал, как лучше растолковать им, что нужно сделать. Мысль о том, что многие из них погибнут, выполняя его план, не облегчила ему задачу.

— Всем нам хочется, чтобы прекратилась война на Пирре. Есть способ сделать это, но он потребует человеческих жертв. Может быть, погибнет кто-то из вас. По-моему, за такое дело не жалко отдать жизнь, ведь победа даст вашему народу все то, о чем вы давно мечтали. — Он обвел взглядом напряженно слушающих людей. — Мы нападем на город и прорвем Периметр. Я знаю, как это сделать...

Толпа зашумела. Одни ликовали, предвкушая расправу с исконным врагом. Другие таращились на Язона как на сумасшедшего. Третьи были ошеломлены дерзким замыслом сразиться с вооруженным до зубов врагом в его оплоте. Язон поднял руку, и все смолкли.

— Я знаю, это кажется невозможным, — продолжал он. — Но послушайте, что-то надо делать. И сейчас самое время действовать. Дальше будет только еще хуже. Город, Пирр... жестянщики обойдутся без вашего продовольствия, их концентраты — порядочная дрянь, но прожить можно. А вот вам придется несладко, уж они постараются отомстить. Вы перестанете получать металл для инструментов, детали для электронной аппаратуры. Они способны даже выслеживать с воздуха и уничтожать ваши фермы. Словом, ждите неприятностей. И это только начало... Горожане проигрывают войну против планеты. С каждым годом их остается все меньше, в один прекрасный день последние вымрут. Но сперва — уж я их знаю! — они взорвут свой корабль, а заодно и всю планету, если сумеют.

— А как мы можем им помешать? — крикнул кто-то.

— Помешаем, если нанесем удар теперь, — ответил Язон. — Я хорошо изучил город, знаю, как устроена оборона. Периметр предназначен для защиты от животных, а мы можем прорваться, если очень постараемся.

— Что толку? — возразил Рес. — Мы прорываем Периметр, они отходят, потом собирают все силы и наносят ответный удар. Разве мы устоим против их оружия?

— До этого не дойдет. Их космодром примыкает к Периметру, я точно знаю, где стоит корабль. Именно там мы и должны прорваться. Около корабля нет постоянной охраны, и вообще на космодроме мало людей. Мы захватываем корабль. Сможем ли мы им управлять, роли не играет. У кого в

руках корабль, у того в руках и весь Пирр. Мы пригрозим уничтожить корабль, если не будут приняты наши условия. Им придется выбирать — либо массовое самоубийство, либо сотрудничество. Надеюсь, у них хватит ума предпочесть второе.

Секунду царила полная тишина, но тут же загудели голоса, все старались перекричать друг друга, пока Рес не вмешался и не навел порядок.

— Тихо! — крикнул он. — Дайте Язону договорить, потом решайте. Мы еще не слышали, как он предлагает осуществить прорыв.

— Успех моего плана зависит от говорунов, — сказал Язон. — Накса тут?

Он выждал, пока одетый в шкуры корчевщик не протиснулся вперед, и продолжал:

— Слушай, Накса, у меня к тебе вопрос относительно говорунов. Вы умеете приказывать доримам и собакам, это я хорошо знаю. А как с дикими животными? Можете вы их заставить слушаться вас?

— Диких-то? А что, заставим. Чем больше говорунов, тем больше наша сила. Что захотим, то и будут делать.

— Значит, можно организовать атаку, — возбужденно подытожил Язон. — Вы смогли бы собрать всех говорунов в одном месте, в противоположном конце от космодрома, и натравить животных на город, заставить их атаковать Периметр?

— Сможем ли мы? — Идея Язона явно привела Наксу в восторг. — Да мы отовсюду зверей сгоним, такой штурм устроим, они еще такого не видели!

— Значит, решено. Вы, говоруны, организуете штурм Периметра в дальнем конце. Только сами не показывайтесь, чтобы охрана не смекнула, в чем дело. Я видел, как они действуют. При сильной атаке вызывают подмогу из города и снимают часть людей с других участков Периметра. В разгар битвы, когда все их силы будут связаны в другом месте, я поведу отряд на прорыв и захвачу корабль. Вот такой у меня план, и я уверен, что у нас все получится.

Кончив говорить, Язон в изнеможении опустился на траву. Лежа, он слушал, как идет бурное обсуждение, направляемое Ресом. Говорили о трудностях и о том, как их преодолеть. Участники дискуссии не видели никаких существенных изъянов в его плане. Это не означало, что он совсем не имел

слабых мест, но Язон предпочитал не напирать на них. Эти люди всей душой хотят, чтобы его замысел свершился, и они его осуществят.

Когда обсуждение кончилось и все разошлись, Рес подошел к Язону.

— Ну так, в принципе все решено, — сказал он. — Никто не возражал. Теперь гонцы оповестят всех говорунов, ведь это наша ударная сила, чем больше мы их соберем, тем лучше. Вызывать их по визифону не стоит — кто поручится, что жестянщики не могут перехватывать наши передачи. Нам нужно пять дней, чтобы все подготовить.

— Да и мне нужно не меньше пяти дней, чтобы хоть сколько-нибудь восстановить силы, — ответил Язон. — А сейчас неплохо бы поспать.

Глава 26

— Необычное впечатление, — сказал Язон. — Я ведь никогда по-настоящему не видел Периметр снаружи. Уродство — другого слова не подберешь.

Он лежал на бугре рядом с Ресом и смотрел из-за кустов вниз на Периметр. Несмотря на полуденный зной, оба были закутаны в шкуры, ноги защищены толстыми крагами, руки — кожаными рукавицами. От жары и двойного тяготения у Язона кружилась голова, но он держался.

Впереди, за выжженной полосой, тянулся Периметр. Глухая стена, неодинаковая по высоте, неоднородная по материалу, сооруженная из самого различного материала. Невозможно сказать, какой она была первоначально. Атаки, атаки, атаки долбили, подрывали, разрушали ее. Горожане наспех ремонтировали стену, лепили заплаты. Грубая каменная кладка рассыпалась, на ее месте появлялись деревянные клети, а к ним примыкали сваренные по шву стальные плиты. Но и металл не мог устоять — свидетельством тому было рваное отверстие, через которое сыпался песок из лопнувших мешков. Поверхность стены опутывали сигнальные провода и проволока электрической защиты. Тут и там над Периметром торчали стволы огнеметов, сжигающие все живое, что только приближалось к основанию стены.

— Эти штуки могут причинить нам много хлопот, — ска-

зал Рес. — Видишь, вон та как раз прикрывает участок, где ты задумал прорваться.

— Не беспокойся, все будет в порядке, — заверил его Язон. — Хоть и кажется, что они бьют беспорядочно, но это не так. Промежутки между залпами разные, но эта хитрость рассчитана на зверей, а не на человека. Да ты сам убедись. Залп следует через каждые две, четыре, три и одну минуту. — Они отползли обратно в яму, где их ждали Накса и другие. Всего тридцать человек, а для такого задания как раз и требовался небольшой подвижный отряд. Их главное оружие — внезапность. Без нее арбалеты корчевщиков и десяти секунд не устоят против огневой мощи города.

В толстых шкурах всем было жарко, и кое-кто развязал одежду, чтобы немного остыть.

— Завяжитесь! — скомандовал Язон. — Вы еще не бывали так близко к Периметру и не представляете себе, что там творится. Я знаю, Накса не подпустит крупных животных, а с мелкими тварями вы все сами справляетесь. Тут другая опасность. Каждая колючка отравлена, каждая травинка оканчивается смертоносным шипом. Насекомых тоже берегитесь. И когда пойдем вперед, дышите только через мокрую тряпку.

— Он прав, — пробурчал Накса. — Я ни разу не был так близко. Под стеной смерть, сплошная смерть. Делайте, как он велит.

Снова потянулось томительное ожидание. Они оттачивали и без того острые арбалетные стрелы и поглядывали на медленно ползущее по небу солнце. Один Накса не тяготился ожиданием. Он сидел, глаза где-то далеко, и слушал внутренним слухом, что происходит в джунглях.

— Идут, — сказал он наконец. — Никогда еще такой прорвы не слышал. Все звери, со всего края, отсюда до самых гор, мчатся к городу, только вой стоит.

Язон и сам кое-что улавливал. Атмосферу напряжения, страшную волну ненависти и ярости. Он знал, все получится, если только удастся сосредоточить атаку на узком фронте. Говоруны не сомневались в успехе. Еще на рассвете тонкая цепочка косматых людей в шкурах, охватив подковой пиррянских животных, мысленными командами погнала их на город.

— Пошли на штурм! — вдруг сказал Накса.

Все встали, глядя в сторону города. Язон физически ощутил, что Накса прав. А тут еще издалека донеслись выстрелы и мощные взрывы, над деревьями поднимались струйки дыма.

— Займем исходную позицию, — сказал Язон.

Лес кругом был словно пропитан концентратом ненависти. Полуодушевленные растения извивались и корчились, воздух наполнился тучами крылатой мелюзги. Накса, весь в поту, бормоча что-то, отводил в сторону катящуюся на них волну животных. Отряд потерял четверых, пока добирался до выжженной полосы. Одного ужалило какое-то насекомое, и хотя Язон подоспел с аптечкой, раненый все равно чувствовал себя так скверно, что вынужден был ползти обратно. А трое погибли, их распухшие, скорченные тела так и остались лежать на земле.

— Голова уже болит держать их, — проворчал Накса. — Когда пойдем на стену?

— Рано еще, — ответил Рес. — Мы ждем сигнала.

Один из корчевщиков нес радиостанцию. Осторожно поставив ее на землю, он забросил антенну на дерево. Рация была экранирована так, чтобы никакие импульсы не выдавали их присутствия. Включили приемник, но в динамике только потрескивали разряды.

— Можно было заранее рассчитать время... — заговорил Рес.

— Нет, — возразил Язон. — Тут важна точность. Мы должны пойти на прорыв в самый разгар штурма, будет больше шансов на успех. Даже если они перехватят наш сигнал, все равно сразу не сообразят, в чем дело. А через несколько минут это и вовсе не будет играть никакой роли.

В динамике зашипела несущая частота. Чей-то голос произнес короткую фразу и выключился.

— Принесите три мешка муки.

— Пошли! — Рес рванулся вперед.

— Постой. — Язон поймал его за руку. — Не забывай про огнемет. Он даст залп через... есть!

Фонтан огня пролился на землю и погас.

— Четыре минуты до следующего, мы угадали в самый большой интервал!

Они побежали по мягкой золе, перепрыгивая через обугленные кости и ржавый металл. Двое корчевщиков подхватили Язона под руки и буквально несли его. Это не было предусмотрено, но помогло выиграть несколько драгоценных секунд. У стены они опустили его, и он вытащил мину, которую сделал из патронов от пистолета убитого Краннона, соединив их с детонирующим устройством. Операция была многократно отрепетирована, и теперь все шло как по маслу.

Язон выбрал для прорыва участок со стальными плитами. Они лучше всего противостояли пиррянским организмам,

это позволяло надеяться, что насыпь за ними не такая мощная, как в других местах. Если он просчитался, им всем конец.

Бежавшие впереди уже прилепили к стене комья клейкой смолы. Язон вдавил в нее патроны, расположив их прямоугольником в рост человека. В это же время другие члены отряда размотали детонирующий шнур. Штурмовая группа рассыпалась вдоль стены, Язон доковылял до электродетонатора, упал на него и нажал рычаг.

Оглушительный взрыв сотряс стену и выбросил язык красного пламени. Рес первым подскочил к пробоинам и принялся дергать руками еще дымящийся металл. Подоспели остальные и дружно отогнули зазубренные края. Брешь заволокло дымом, ничего не было видно. Язон нырнул в нее, покатился по валунам и врезался во что-то твердое. Протерев глаза, он осмотрелся по сторонам.

Он был в городе.

Остальные тоже ворвались в брешь. На бегу они подхватили Язона на руки, чтобы не затоптать. Кто-то увидел космический корабль, и все рванулись в ту сторону.

Навстречу им из-за угла выскочил человек. При виде нападающих он с чисто пиррянской быстротой метнулся к подворотне. Но нападающие тоже были пиррянами, и он повалился на спину, пронзенный тремя стрелами. Не останавливаясь, они бежали дальше между низкими складскими зданиями туда, где высился корабль.

И тут они увидели, как наружный люк медленно закрывается. Кто-то опередил их. Град стрел забарабанил по люку, да что толку.

— Вперед! — крикнул Язон. — Живей под корпус, пока он не открыл огонь!

Трое из отряда не успели добежать до укрытия. Все остальные уже стояли под кораблем, когда его пушки заговорили. Большинство снарядов разрывалось поодаль, но все равно в ушах стоял звон от электрических разрядов и летящих осколков.

Троих накрыло шквалом огня и разнесло на молекулы. Прорвавшийся в корабль пиррянин нажал сразу все гашетки, чтобы отразить атаку и предупредить своих. Сейчас он стоит у визифона и вызывает подмогу.

Язон дотянулся до люка и попробовал его открыть, но он был заперт изнутри. Кто-то оттолкнул Язона и дернул рукоятку. Она обломилась, люк не поддался.

Пушки смолкли, и грохот прекратился.

— Вы взяли пистолет у убитого? — спросил Язон. — С пистолетом можно в два счета открыть люк.

— Нет, — отозвался Рес. — Некогда было.

Он еще не договорил, как два корчевщика сорвались с места и побежали к складам. Один из них держался левее, другой правее. Тотчас загрохотали пушки. Очередь поразила одного смельчака, но второй успел добежать до зданий, прежде чем стрелок изменил прицел.

Он мигом обернулся, выскочил из-за дома и швырнул пистолет своим товарищам, но сам уже не успел укрыться и был сражен снарядами.

Пистолет докатился по бетону почти до самых ног Язона. Он приставил дуло к замку и выстрелил; в эту секунду за домами завыли турбины стремительно приближающихся транспортеров. Люк скрипнул и медленно открылся. Весь отряд был внутри корабля еще до того, как появился первый транспортер. Накса остался с пистолетом у люка; Язон повел остальных к пилотской кабине.

Он объяснил им, как туда добраться, и, когда подоспел сам, все уже было кончено, горожанин стал похож на подушечку для булавок. Один из корчевщиков, немного разбирающийся в технике, нажал гашетки и открыл такой яростный огонь, что транспортерам пришлось отступить.

— Свяжитесь по радио с говорунами и скажите им, что можно прекращать атаку.

Отдав это распоряжение, Язон подошел к визифону и включил его. С экрана на него глядел потрясенный Керк.

— Ты! — Керк произнес это словно ругательство.

— Ага, я, — ответил Язон, рассматривая рычаги и кнопки на пульте. — Выслушай меня, Керк... И учти, как я скажу, так и будет. Я, конечно, не знаю, как управлять космическим кораблем, но взорвать его я сумею. Тебе слышен этот звук?

Он щелкнул тумблером, и где-то в недрах корабля загудел насос.

— Это насос основного горючего. Если я оставлю его включенным, он в два счета наполнит топливом камеру сгорания. Накачаю побольше, чтобы потекло через дюзы. А потом нажму пусковую кнопку... Угадай, что тогда будет с вашим единственным космическим кораблем? Я не спрашиваю, что будет со мной, тебе на это наплевать. Но корабль нужен вам как воздух.

В кабине царило безмолвие. Люди, захватившие корабль, смотрели на Язона. Тишину нарушил скрипучий голос Керка:

— Что тебе надо, Язон? Что ты задумал? Зачем привел этих животных? — От ярости у него перехватило горло.

— Попридержи язык, Керк, — строго сказал Язон. — Люди, о которых ты говоришь, владеют единственным на Пирре космическим кораблем. Если ты хочешь, чтобы они делились с тобой, научись сперва вежливо разговаривать. А теперь немедленно иди сюда. Да захвати с собой Бруччо и Мету.

Язон смотрел на багровое, отекшее лицо седого пиррянина и вдруг ощутил что-то похожее на жалость.

— Да не горюй ты так, это не конец света. А скорее начало. Да, вот еще: не выключай этот канал. Пусти изображение на все экраны в городе, чтобы каждый видел, что тут будет происходить. И пусть запишут, чтобы можно было повторить.

Керк хотел было ответить, но раздумал и исчез с экрана. Однако визифон остался включенным. На всех экранах города был виден главный отсек космического корабля.

Глава 27

Бой был окончен. Он кончился так быстро, что они еще не успели как следует это осознать. Рес пощупал рукой поблескивающий металлом пульт управления, убеждаясь в том, что ему не чудится. Остальные бродили по отсеку, заглядывали в перископы, увлеченно рассматривали диковинную аппаратуру.

Язон еле держался на ногах, но не показывал виду. Открыв пилотскую аптечку, он нашел стимулирующее средство. Три золотистые пилюльки прогнали усталость и развеяли туман в голове.

— Внимание! — крикнул он. — Борьба еще не окончена. Они постараются отбить корабль, так что мы должны быть наготове. Пусть кто-нибудь из ваших техников хорошенько изучит все пульты и отыщет кнопки от люков. Все люки до одного должны быть надежно задраены. Если понадобится, пошлите людей, чтобы проверили. Включите видеодатчики на круговой обзор, чтобы никто не мог подойти к кораблю. Поставьте человека к двигателям, а то они могут отрезать меня от них, если прорвутся туда. И не мешало бы тщательно осмотреть отсек за отсеком — вдруг мы не одни на корабле.

Каждому нашлось дело, и люди сразу оживились. Рес распределил обязанности. Язон остался стоять возле пульта, поближе к тумблеру топливного насоса. Да, борьба еще не кончилась...

— Транспортер! — крикнул Рес. — Ползет потихоньку.

— Рвануть его? — спросил член отряда, дежуривший у гашеток.

— Погоди, посмотрим, кто это, — сказал Язон. — Если те, которых я вызвал, пусть проезжают.

Стрелок следил в прицел за приближающимся транспортером. Водитель... три пассажира... Язон подождал, пока рассеялись последние сомнения.

— Это они, — сказал он. — Встань около люка, Рес, впускай по одному и сразу отбирай пистолеты. И все остальное снаряжение тоже. Любая штука может оказаться оружием, особенно внимательно осмотрите Бруччо — худой такой, лицо как топор, — чтобы у него ничего не осталось. Он у них специалист по оружию и технике выживания. Водителя тоже захватите, остальным горожанам незачем знать, в каком состоянии наша оборона.

Язон сидел как на иголках. Его рука лежала рядом с тумблером. Он знал, что никогда его не включит, но другие не должны об этом подозревать.

Послышался топот, приглушенная брань, и в отсек втолкнули пленников. При виде их свирепых лиц Язон невольно сжал кулаки.

— Пусть встанут около стенки, — сказал он Ресу. — И не спускайте с них глаз. Арбалетчикам быть наготове.

Он смотрел на людей, которые когда-то были его друзьями, а теперь задыхались от ненависти к нему. Мета, Керк, Бруччо. Водителем оказался Скоп, тот самый, которого Керк приставил к нему охранником. Теперь роли поменялись, и Скоп был готов лопнуть от злости.

— Слушайте внимательно, — заговорил наконец Язон. — Потому что от этого зависит ваша жизнь. Стойте у стены и не пытайтесь приблизиться ко мне даже на дюйм. Кто не подчинится, будет убит на месте. Будь я один, вы, конечно, не дали бы мне даже нажать на тумблер. Но я не один. У вас рефлексы и мышцы настоящих пиррян, но и у арбалетчиков не хуже. Так что лучше не рискуйте. Все равно ничего не выйдет, кроме самоубийства. Я говорю это вам для вашего же блага. Чтобы можно было разговаривать спокойно, без риска, что кто-нибудь из вас сорвется и будет убит. У вас нет другого выхода. Вам придется выслушать все, что я скажу. Вам отсюда не уйти, и убить меня не удастся. Война окончена.

— Все потеряно... Это ты виноват, предатель! — прохрипела Мета.

— И то и другое неверно, — мягко возразил Язон. — Я соблюдаю верность всем людям этой планеты, живут ли они внутри Периметра или за его пределами. Вы не можете сказать, что я кому-то отдавал предпочтение. И кроме того, вы ничего не потеряли. Если хотите знать, вы выиграли. Война с планетой выиграна вами. Потрудитесь только дослушать до конца.

Он повернулся к Ресу, который недовольно нахмурился.

— И ваши люди, Рес, тоже выиграли, поверьте мне. Это конец войны с городом, у вас будут лекарства, будет контакт с внешним миром, все, о чем вы мечтали.

— Может быть, мои слова покажутся тебе циничными, — сказал Рес, — но ты сулишь райскую жизнь обеим сторонам. Трудновато будет осуществить такое обещание, если учесть наши прямо противоположные интересы.

— Спасибо, ты попал в самую точку, — сказал Язон. — Проблема будет решена так, чтобы никто не остался внакладе. Мир между городом и фермами, конец вашей бессмысленной войне. Мир между людьми и пиррянскими организмами — ведь с этого конфликта все пошло.

— Он рехнулся, — сказал Керк.

— Возможно. Выслушайте, потом судите. Начну с истории, потому что корни проблемы и ее разрешение связаны с прошлым. Когда поселенцы триста лет назад высадились на Пирре, они не заметили одной очень важной черты, которая отличает его от всех других планет галактики. И трудно их корить, у них и без того хватало забот. Все, кроме разве тяготения, было для них непривычно, все не похоже на искусственный климат индустриальной планеты, с которой они прилетели. Штормы, вулканы, наводнения, землетрясения — от всего этого немудрено и свихнуться. Наверно, со многими так и случилось. Еще им без конца досаждали звери и насекомые, такие непохожие на безобидную фауну в заповедниках, к которой они привыкли. Бьюсь об заклад, им было невдомек, что пиррянские животные к тому же наделены телепатическими свойствами.

— Опять этот вздор! — рявкнул Бруччо. — Даже если они телепаты, это ровным счетом ничего не значит. Ты почти убедил меня своей теорией в том, что атаки на город направляются телепатически, но твой катастрофический провал показал, чего стоит эта теория.

— Согласен, — ответил Язон. — Я ошибался, когда думал, что атаки на город направляются телепатическими импульсами извне. Тогда мне эта гипотеза казалась вполне логичной и обоснованной. Верно, экспедиция на остров кончилась катастрофическим провалом. Да только вы забываете, что я предлагал. Пойди я в пещеру, обошлось бы без жертв. Думаю, мне удалось бы выяснить, что эти шевелящиеся растения — специфические организмы с необычайно высоким телепатическим потенциалом. Просто они особенно сильно отражали импульсы, которые питали атаки на город. А я все перепутал, думал, что они раздувают войну. Теперь они все уничтожены, и точного ответа мы не получим. Но в одном их гибель нам помогла. Она показала, где надо искать подлинных виновников войны, кто на самом деле направляет и вдохновляет атаки против города.

— Кто? — выдохнул Керк.

— Да вы сами, кто же еще, — ответил Язон. — Конечно, не только вы четверо, а все жители города. Я готов допустить, что война вам не по душе. И тем не менее вы ее зачинщики, вашими стараниями она продолжается.

Он с трудом удержался от улыбки, глядя на их ошарашенные лица. Лучше не мешкать с объяснением, а то, чего доброго, собственные союзники тоже сочтут, что он помешался.

— Сейчас вы поймете. Я уже сказал, что пиррянские организмы наделены телепатическими свойствами. Это относится ко всем — к насекомым, к растениям, к животным. Когда-то, в разгар буйного прошлого Пирра, это качество помогло телепатическим мутациям устоять в борьбе за существование. Другие виды вымирали, а они уцелели. Я уверен, что под конец они даже сотрудничали, сообща вытеснили последних представителей другой породы. Сотрудничество — вот девиз для Пирра. С одной стороны, они соперничали между собой, а с другой — вместе давали отпор всему, что угрожало их племени. Какое-нибудь стихийное бедствие, потоп — они в полном согласии спасаются бегством. Что-то в этом роде можно наблюдать на любой планете, где бывают лесные пожары. Но здесь особенно суровые условия, и взаимопомощь достигла очень высокого уровня. Возможно, некоторые организмы даже наделены даром предчувствовать близкую катастрофу. Вроде того как некоторые из вас предсказывают землетрясение. Благодаря предупреждению крупные животные уходили от беды. А самым мелким видам помогали уцелеть особые семена, или шипы, или яйца, которые переносились в безопасное место либо с ветром, либо с ме-

хом больших зверей. Да-да, так и было, я уверен, я же сам видел такое бегство, когда мы уходили от землетрясения.

— Ладно, допустим, что все было так, как ты говоришь! — крикнул Бруччо. — Но при чем тут мы? Хорошо, все животные убегают вместе — какое отношение это имеет к войне?

— Они не только вместе убегают, — сказал Язон. — Они сотрудничают, чтобы противостоять стихийным бедствиям. Я не сомневаюсь, мы еще услышим восторги экологов, когда они начнут изучать сложный механизм приспособления, который срабатывает здесь, когда надвигается гроза, или половодье, или пожар, или еще какая-нибудь беда. Но нас сейчас интересует одна реакция. А именно та, которая направлена против горожан. Вы еще не догадались? Пиррянские организмы воспринимают вас как стихийное бедствие! Вряд ли удастся выяснить, как это началось. Хотя вообще-то в дневнике, который я нашел, в записях о первых днях освоения планеты есть ключ к разгадке. Там говорится, что во время лесного пожара колонисты встретились с какими-то новыми видами. Точнее, животные были те же, что прежде, только они вели себя иначе. Как, по-вашему, могли реагировать на лесной пожар люди, которые прежде жили в условиях, можно сказать, тепличной цивилизации? Они, конечно, перепугались насмерть. Если лагерь находился на пути огня, животные, естественно, бежали через него. А люди, так же естественно, обстреляли их. И сразу же поставили себя в ряд стихийных бедствий. Мало ли в каком обличье выступает катастрофа. Скажем, в обличье двуногих с пистолетами. Пиррянские животные нападают на людей, люди убивают животных, начинается война. Уцелевшие продолжали атаки и по-своему оповестили все организмы планеты, что происходит. Здешняя радиоактивность способствует всевозможным мутациям. Дальше в борьбе за существование сохранялись те организмы, которые были опасны для человека. Я не удивлюсь, если телепатический потенциал тоже поощряет мутации. Уж очень специализированы некоторые наиболее опасные виды, не могут они быть просто плодом естественной эволюции за такой короткий срок, как триста-четыреста лет. Поселенцы, понятно, давали отпор, оттого их и дальше воспринимали как стихийное бедствие. Они все время совершенствовали свое оружие, но проку от этого, как известно, не было никакого. Вы, горожане, унаследовали их ненависть к Пирру. Вы все воюете, и все ближе ваш полный разгром. Разве можете вы победить, когда против вас биологические ресурсы целой планеты, которая каждый раз, можно сказать, перерождается для противоборства?

Стало очень тихо. Керк и Мета побледнели, потрясенные словами Язона. Бруччо что-то бормотал себе под нос и загибал палец за пальцем, подыскивая контраргументы. Что до Скопа, то он оставил без внимания всю эту галиматью, которую не мог или не хотел понять. Представься ему малейшая возможность, он бы тут же пришиб Язона.

Первым заговорил Рес. Он быстрее других разобрался и подвел итог.

— Не сходится, — сказал он. — А как же мы? Мы ведь живем среди пиррянской природы без Периметров и пистолетов. Почему на нас никто не нападает? Мы такие же люди, у нас с жестянщиками одни предки.

— Вас не трогают, потому что не ставят вас в ряд со стихийными бедствиями, — ответил Язон. — Животные могут жить на склонах дремлющего вулкана, между ними будет идти обычная конкуренция. Но придет время спасаться от извержения, и они вместе обратятся в бегство. Извержение делает вулкан стихийным бедствием. Теперь берем человека. Будет ли местная фауна воспринимать его просто как живое существо или как стихийное бедствие? Есть просто гора, а есть вулкан. Люди города излучают подозрительность и вражду. Убивать, думать об убийстве, подготавливать убийство — для них удовольствие. И тут как бы идет естественный отбор, понимаете? Ведь в городе именно это свойство лучше помогает выживанию. Живущие вне города мыслят по-другому. Когда кому-то из них лично что-то угрожает, он борется за жизнь, как и всякое существо. А перед лицом общей угрозы они во имя выживания сотрудничают с окружающими их животными, подчиняются закону, которым пренебрегают в обычных условиях.

— Но как же возникли эти две группы, с чего все началось? — спросил Рес.

— Разве теперь узнаешь... Мне думается, ваши люди с самого начала были фермерами, может быть, обладали телепатическим даром. И во время стихийного бедствия, от которого все пошло, находились в другом месте. По пиррянским меркам, они вели себя правильно и благополучно выжили. Дальше пошли разногласия с жителями города, которые считали убийство единственным решением. Как бы то ни было, очевидно, что еще в древние времена возникли две общины. А потом они и вовсе изолировались, если не считать выгодной для обеих сторон меновой торговли.

— Все равно не могу поверить, — пробурчал Керк. — Хоть и похоже на истину, не могу согласиться. Тут должно быть какое-то другое объяснение.

Язон медленно покачал головой:

— Другого объяснения нет и быть не может. Другие мы сами исключили, ты забыл? Я очень хорошо тебя понимаю, ведь это опровергает все, что ты привык считать истиной, что для тебя равносильно закону природы. Допустим, я начну доказывать тебе, что тяготения в привычном для тебя понимании нет, а есть сила, которой можно до какой-то степени управлять, если знать способ. Ты, само собой, скажешь, что тебе мало слов, подавай доказательство. Пусть, мол, кто-нибудь пройдется по воздуху, а? Между прочим...

Язон повернулся к Наксе:

— Ты не слышишь, около корабля есть сейчас какие-нибудь животные? Не привычные вам, а мутанты, из той свирепой породы, которая только вокруг города водится?

— Их тут тьма-тьмущая, — ответил Накса. — Так и ищут, кого порешить.

— А ты не можешь поймать одного? Но только чтоб он тебя не убил.

Накса презрительно фыркнул.

— Еще не родился зверь, который стал бы мне вред творить, — сказал он, идя к выходу.

Ожидая Наксу, все погрузились в размышление. Язону нечего было добавить к тому, что он уже сказал. Осталось провести один опыт, может быть, факты их убедят, потом пусть каждый сам решает.

Говорун скоро вернулся с шипокрылом на ременном поводке. Пленный зверь метался в воздухе и издавал пронзительный писк.

— Стань посередине, подальше от всех, — попросил Язон. — Ты можешь заставить его сесть на что-нибудь?

— Да хоть на мою руку. — Накса дернул шипокрыла и подставил ему рукавицу. — Вот так я его поймал.

— Кто-нибудь сомневается, что это настоящий шипокрыл? — сказал Язон. — Все должны быть уверены, что тут нет подвоха, мне это очень важно.

— Настоящий, — подтвердил Бруччо. — Я отсюда слышу запах яда. — Он показал на когти по краям крыльев, потом на пятна на рукавице. — Если разъест рукавицу, этому человеку крышка.

— Итак, шипокрыл настоящий, — заключил Язон. — Смертельно ядовитый, как и все шипокрылы, и для подтверждения моей гипотезы достаточно, чтобы кто-нибудь из вас, горожан, подошел и прикоснулся к нему, как делает это Накса.

Все четверо невольно отпрянули. Для них шипокрыл олицетворял смерть. Так было, так есть и так будет. Законы природы нерушимы.

— Мы... не можем, — ответила за всех Мета. — Этот человек живет в джунглях, он сам все равно как зверь, вот и научился ладить с ними. Но чтобы мы...

Язон перебил Мету, не дожидаясь, когда до говоруна дойдет оскорбительный смысл ее слов:

— Да, и вы тоже можете. В этом вся суть. Не питайте к этому зверю ненависти и не ждите непременной атаки — и он не нападет. Вообразите, что это какая-нибудь безобидная тварь с другой планеты.

— Не могу! — крикнула Мета. — Это шипокрыл!

Пока они говорили, Бруччо медленно двинулся вперед, пристально глядя на зверя, сидящего на рукавице. Язон сделал знак арбалетчикам, чтобы не стреляли. Бруччо остановился на безопасном расстоянии от шипокрыла, не сводя с него глаз. Шипокрыл расправил свои кожистые крылья и зашипел. На кончике каждого когтя выступили капли яда. В отсеке царила мертвая тишина.

Бруччо осторожно поднял руку. Подержал ладонь над шипокрылом. Потом слегка коснулся его головы и сразу опустил руку. Зверь сидел смирно, только чуть вздрогнул.

Все, кто следил, затаив дыхание, за этой сценой, облегченно вздохнули.

— Как ты это сделал? — глухо спросила Мета.

— А? Что?.. — Бруччо явно сам был поражен случившимся. — А, ну да, как я к нему прикоснулся... Очень просто. Я представил себе, что это макет с нашего тренажера, безобидная подделка. И больше ни о чем не думал, вот и получилось.

Он посмотрел на свою руку, потом на шипокрыла.

— Но ведь это не макет, — продолжал он задумчиво. — Это настоящий зверь. Смертельно ядовитый. Инопланетчик прав. Прав от начала до конца.

Глядя на Бруччо, Керк тоже решился. Он шел как на казнь, еле переставляя ноги, с каменным лицом, по которому катились струйки пота. Но ему удалось настроиться на нужный лад, не думать о шипокрыле как о враге, и он тоже коснулся зверя без каких-либо последствий для себя.

За ним и Мета сделала попытку, но не сумела одолеть ужас, который охватил ее, когда она приблизилась к шипокрылу.

— Не получается, не могу себя переломить... — произнесла она. — Я уже верю тебе... Нет, все равно не могу.

Скоп, когда все повернулись к нему, закричал, что это сплошной обман, потом он бросился на арбалетчиков, и его оглушили ударом приклада.

Но пирряне уже прозрели.

— Что же будет теперь? — спросила Мета.

В ее голосе звучала тревога, которую разделяли не только все собравшиеся в отсеке, но и тысячи пиррян, смотревших в эту минуту на экраны своих визифонов.

— Что будет теперь?

Они глядели на Язона и ждали ответа. Ждали горожане, ждали арбалетчики, опустив свое оружие. Распри на время были забыты. Этот инопланетчик внес смятение в привычный им старый мир, все перевернул, и они как бы очутились в новом, неведомом мире, перед лицом необычных проблем.

— Погодите. — Он протянул руку. — Я не врачеватель социальных недугов. Куда мне думать над тем, как исцелить эту планету силачей и снайперов. Я и без того только чудом дотянул до сегодняшнего дня, а по закону вероятности мне уже раз десять полагалось быть убитым.

— Хоть это и верно, Язон, — сказала Мета, — но, кроме тебя, некому нас выручить. Как ты все-таки мыслишь наше будущее?

Внезапная усталость заставила Язона сесть в пилотское кресло. Он обвел взглядом обступивших его пиррян. Лица вроде бы искренние. И никто не обратил внимания, что он уже давно убрал руку с тумблера топливного насоса. Междуусобицы забыты, во всяком случае, на время...

— Хорошо, я изложу вам свои соображения, — заговорил он, стараясь поудобнее примостить свои ноющие суставы. — Я много размышлял в эти дни, пытался найти ответ. И первое, до чего додумался, — это то, что идеальное решение, которое подсказывает логика, тут не годится. Да-да, боюсь, что из древней мечты о мирном соседстве льва и ягненка ничего не выйдет. Кроме приятного завтрака для льва. Казалось бы, теперь, когда вы все знаете истинную причину ваших неладов, разумнее всего было бы снести Периметр и зажить вместе в мире и согласии. Прелестная картинка, совсем как братство льва и ягненка. И кончится, скорее всего, в том же духе. Одному вдруг придет на ум, что корчевщики неопрятные, другому, что жестянщики безмозглые, глядишь, и готов свеженький покойник. И пошли крошить друг друга, а кто возьмет верх, тех сожрут животные, которые заполонят незащищенный город. Словом, решение найти не так-то просто.

Слова Язона вернули пиррян к действительности, и они

сразу насторожились. Арбалетчики подняли свое оружие, а пленники отступили к стене и насупились.

— Вот, вот, я это самое и подразумевал, — сказал Язон. — Ненадолго вас хватило, верно?

По лицам пиррян было видно, как им неловко, что они поддались безотчетному порыву.

— Чтобы придумать что-нибудь путное на будущее, — продолжал он, — надо учитывать инерцию. Во-первых, инерцию мышления. Истина в вашем представлении — это еще не истина на деле. В варварских религиях примитивных миров научными фактами и не пахнет, хотя они призваны объяснить все на свете. Лишите дикаря логической основы его убеждений, он все равно от них не откажется, только заменит слово «убеждение» словом «вера», потому что не сомневается в своей правоте. А не сомневается он потому, что верит. Мнимая логика строит замкнутый круг, на который не дозволено покушаться. Это и есть инерция мышления, когда рассуждают по принципу «что всегда было, то всегда будет». И упорно не желают бросить старую колею, перестроить мышление на новый лад. Но инерция мышления — не единственный барьер на вашем пути, есть еще один вид инерции. Кто-то из вас согласился с моими рассуждениями и даже готов перестроиться. А как все остальные? Как те, которые не желают размышлять, предпочитают жить по старинке, подчиняться не рассудку, а рефлексам? Которые написали на своем знамени: «Что всегда было, то всегда будет»? Они будут тормозить любое ваше начинание, любую попытку двигаться вперед на основе того нового, что вы узнали.

— Выходит, все напрасно, наш мир обречен? — спросил Рес.

— Я этого не сказал. Мне только хотелось показать, что ваши проблемы не решить одним поворотом некоего мозгового переключателя. Лично я представляю себе три пути, и очень может быть, что развитие пойдет сразу по всем трем. Первый, и наилучший, путь — воссоединение городских и сельских пиррян. У тех и других есть проблемы, те и другие могут поделиться чем-то полезным. Возьмем горожан, у вас наука и контакт с галактикой. И кроме того, губительная война. А ваши двоюродные братья в джунглях живут в мире с планетой, но у них нет медицины и прочих благ, которые дает наука, нет контакта с другими культурами. Вам следует объединиться и пожинать плоды сотрудничества. Разумеется, для этого надо похоронить обоюдную ненависть, основанную на предрассудках. Но это можно сделать только вдали от города, где все пропитано

войной. Пусть каждый, у кого есть необходимые для этого способности, пойдет добровольно к жителям леса, чтобы поделиться с ними своими знаниями. Пойдете с чистой душой — вам никто не причинит зла. И вы научитесь жить в ладу с Пирром, вместо того чтобы воевать с ним. В конечном счете появятся цивилизованные общины, которые будут состоять не из корчевщиков или жестянщиков, а из пиррян.

— А с городом что будет? — спросил Керк.

— Город останется на месте. И скорее всего не изменится. На первых порах, пока будет идти расселение по планете, вам придется сохранить и Периметр, и другие средства защиты, чтобы уцелеть. Да и потом кое-что сохранится, ведь найдутся люди, которых вы не сможете переубедить, которые останутся и будут дальше воевать до самой смерти. Может быть, с воспитанием их детей вам больше повезет. А что в конечном счете станется с городом, честное слово, не знаю.

Они молчали, пытаясь представить себе будущее. Скоп по-прежнему лежал на полу без движения, только постанывал.

— Ты рассказал о двух путях, — наконец заговорила Мета. — А третий какой?

— Третий путь — самый милый моему сердцу, — улыбнулся Язон. — И я надеюсь, что найдется достаточно желающих присоединиться ко мне. Я хочу построить космический корабль, все свои деньги потрачу и оснащу его по последнему слову техники, чтобы и оружие было, и всякая научная аппаратура, какую только можно раздобыть. Потом наберу здесь, на Пирре, добровольцев.

— Для чего? — недоуменно спросила Мета.

— Только не для благотворительности. Все, что я вложу, окупится, притом с лихвой. Понимаешь, после всего, что я тут пережил, мне невозможно возвращаться к старому занятию. Начать с того, что при моих нынешних деньгах это пустая трата времени. А главное, я бы помер с тоски. Уж такое свойство у Пирра — после него, если жив останешься, не потянет в тихое место. Вот я и задумал снарядить корабль и отправиться на нем осваивать новые миры. Ведь есть тысячи планет, где люди бы рады обосноваться, да условия слишком тяжелые для обычных переселенцев, сперва надо, как говорится, плацдарм захватить. А пирряне такую подготовку прошли — им любая планета нипочем! Как, нравится вам такая идея? Собственно, дело даже не в том, нравится или не нравится. Здесь, в городе, все содержание вашей жизни составляла непрерывная смертельная схватка. Теперь перед вами

стоит выбор — то ли перейти на более мирное существование, то ли остаться в городе и продолжать никому не нужную, нелепую войну. Я предлагаю третий вариант. Вы примените то, что лучше всего умеете, и в то же время будете делать полезное дело. Ну вот, теперь вам известны все варианты. Дальше пусть каждый решает сам.

Прежде чем кто-либо успел ответить, Язон вдруг ощутил дикую боль в горле. Очнувшийся Скоп вскочил с пола, стиснул шею Язона двумя руками и сорвал его с кресла. Арбалетчики не решились стрелять, боясь попасть в Язона.

— Керк! Мета! — рычал Скоп. — Хватайте пистолеты! Открывайте люки! Наши люди поддержат нас, мы перебьем проклятых корчевщиков, уничтожим этих лжецов!

Язон силился разжать душившие его пальцы, но это было все равно что дергать стальные прутья. У него померкло в глазах, в ушах стучало, он не мог вымолвить ни слова. Все кончено, он проиграл... Сейчас здесь начнется побоище, и Пирр так и останется планетой смерти для людей.

Мета бросилась вперед, словно отпущенная пружина, и в ту же секунду тренькнули арбалеты. Одна стрела попала ей в ногу, другая пронзила навылет руку, но они не смогли ее остановить, и Мета, пролетев через весь отсек, очутилась рядом с теряющим сознание инопланетчиком, которого душил ее товарищ.

Замахнувшись здоровой рукой, она изо всех сил ударила Скопа ребром ладони по бицепсу. Его рука непроизвольно дернулась, и пальцы выпустили горло Язона.

— Что ты делаешь! — крикнул ошарашенный Скоп раненой девушке, которая навалилась на него.

Он оттолкнул ее, все еще держа Язона другой рукой. Тогда она, не произнося ни слова, тем же жестоким приемом разбила ему кадык. Скоп захрипел, отпустил Язона и упал на пол, корчась от боли.

Язон видел все это точно в тумане.

С трудом поднявшись на ноги, Скоп обратил искаженное болью лицо к Керку и Бруччо.

— Ты не прав, — сказал Керк. — Уймись!

Скоп издал звук, похожий на рычание, и метнулся к оружию, сложенному в другом конце отсека. Но арбалеты пропели похоронную мелодию, и рука, которая дотянулась до пистолетов, была уже рукой покойника.

Никто не тронул Бруччо, когда он поспешил к Мете, чтобы оказать ей помощь. Язон жадно глотал животворный

воздух. Через стеклянный глаз визифона весь город следил за происходящим.

— Спасибо, Мета... за помощь... и за то, что ты поняла... — через силу вымолвил Язон.

— Скоп был не прав, — ответила она. — А ты прав...

Голос на секунду прервался — Бруччо, обломив зазубренный наконечник стрелы, выдернул ее за черенок из руки Меты.

Затем она продолжала:

— Я не смогу остаться в городе, останутся только такие, как Скоп. Боюсь, что в леса уйти я тоже не смогу... Сам видел, не получилось у меня с шипокрылом. Если можно, лучше я пойду с тобой. Правда, возьми меня.

Язону еще было больно говорить, и он ограничился улыбкой, но Мета поняла его.

Керк удрученно смотрел на убитого.

— Он был не прав, но я хорошо представляю, что он чувствовал. Я город не брошу, во всяком случае, сейчас. Кто-то должен руководить, пока идет перестройка. А насчет корабля — это ты хорошо придумал, Язон, в добровольцах недостатка не будет. Правда, Бруччо ты вряд ли уговоришь лететь с тобой.

— А зачем мне лететь, — пробурчал Бруччо, перевязывая Мету. — Мне и здесь, на Пирре, занятий хватит, одни животные чего стоят. Не сегодня-завтра сюда экологи со всей галактики нагрянут, да только я буду первым.

Керк медленно подошел к экрану, на котором был виден город, и остановился, глядя на здания, на столбы дыма над Периметром, на зеленый океан джунглей вдали.

— Ты все перевернул, Язон, — сказал он наконец. — Сейчас этого еще не видно, но Пирр уже никогда не будет таким, каким был до того, как ты сюда явился. Не знаю, к лучшему он изменился или к худшему...

— К лучшему, к лучшему, — просипел Язон, растирая шею. — Ну а теперь пожмите-ка друг другу руки, чтобы люди на самом деле увидели, что распрям конец.

Рес повернулся, секунду помешкал, потом протянул руку Керку. Седому пиррянину тоже трудно было превозмочь укоренившуюся с детских лет неприязнь к корчевщикам.

Но они пожали друг другу руки, потому что настала пора перемен.

Глава 1

— Минутку. — Язон отвернулся от экрана и выстрелил в атакующего рогоноса. — Нет, ничем важным я не занят... Возможно... Да, сейчас приду. — Он выключил визифон, и лицо радиста исчезло с экрана.

Рогонос в агонии злобно заскреб о гибкий металл ботинка проходящего мимо Язона, и тот ногой столкнул чудовище вниз, в джунгли.

В сторожевой башне Периметра было темно, слабое свечение исходило только от работающих экранов защиты. Мета улыбнулась ему, и внимание ее вновь переключилось на экраны.

— Я иду в узел радиосвязи, — сказал Язон, — на орбите корабль, он пытается вступить в контакт на непонятном радисту языке. Может, я смогу помочь.

— Поторопись, — коротко бросила Мета и на мгновение прильнула к Язону. Красивые и сильные руки обвились вокруг его шеи, а горячие губы обожгли страстным поцелуем. Язон не успел опомниться, а Мета уже сидела за приборами, как будто ничего и не было.

— Что за беда с этим Пирром! Одна работа в голове. — Язон наклонился и слегка укусил ее за щеку.

Мета, не отрывая глаз от экрана, ответила на его выходку игривой пощечиной и рассмеялась.

— Женщина-тяжеловес, — уходя, пробурчал Язон и закрыл за собой дверь.

В рубке космической радиосвязи не было никого, кроме радиста. Это был подросток, никогда не покидавший Пирра и поэтому не знавший языка других планет.

— Они вышли из зоны приема, — сказал он. — Сейчас должны вернуться. Говорят что-то непонятное.

Он повернул регулятор настройки, и сквозь атмосферные помехи до Язона донесся хриплый голос:

— ...jeg kan ikke forst... Pyrrus, kan dig hor mig?..

— Это датский. На этом языке говорит население большинства планет полярной зоны.

Он нажал кнопку передачи:

— Pyrrus til rumfartskid, over.

Ответ пришел на том же языке:

— Просим разрешить посадку. Дайте координаты.

— В посадке отказываем. Надеемся, что вы найдете более гостеприимную планету.

— У меня сообщение для Язона динАльта. Я знаю, что он здесь.

Язон с любопытством посмотрел на хрипящий громкоговоритель.

— Передавайте сообщение. С вами говорит Язон динАльт.

— Я не могу передать открытым текстом. Вы должны вывести меня на посадку.

— Это самоубийство. Пирр — опаснейшая из планет Галактики. Здесь все формы жизни — от простейших бактерий до гигантских ящеров — враждебны человеку. Сейчас у нас нечто вроде перемирия, но для вас обстановка все равно опасная. Вы слышите меня?

Ответа не последовало.

Язон пожал плечами и взглянул на радар. Корабль приближался.

— Что ж, вы вправе распоряжаться собственной жизнью. Мое дело предупредить, — сказал он. — Но я поведу вас на посадку только в том случае, если вы обещаете не покидать корабля. Я сам приду к вам.

— Согласен. Я вовсе не собираюсь умирать. Мне нужно только передать сообщение.

Амортизирующие устройства смягчили удар, но тем не менее корабль качнулся и встал под опасным углом.

— Ужасная посадка, — промолвил радист и отвернулся к своим приборам, не интересуясь пришельцем. Как все пирряне, он был нелюбопытен.

Язон в этом отношении являл полную противоположность. Что, как не любопытство, привело его на Пирр, ввергло в отвратительную войну и чуть не погубило? Вот и теперь его с непреодолимой силой тянуло к прилетевшему кораблю. Язон колебался лишь какой-то миг. Если с ним что-нибудь случится, на помощь рассчитывать нечего.

— Я сам могу позаботиться о себе, — засмеялся он, и выскочивший из кобуры пистолет мгновенно оказался в его руке.

Грянул выстрел, разнося в клочья куст ядовитого растения. Язон был в хорошей форме и знал об этом. Конечно, ему не сравниться с настоящим пиррянином, родившимся и выросшим в условиях истребительной войны и удвоенной гравитации, но в сравнении с любым инопланетником превосходство Язона неоспоримо. Он готов ко всему, он справится с любыми трудностями.

Откуда прилетел этот корабль?

Язон помнил, что в свое время у него было немало разногласий с властями различных планет, но, что они могут прислать для его ареста космический корабль, казалось маловероятным.

На борту корабля был вытравлен регистрационный номер и герб, показавшийся Язону знакомым. Где он мог его видеть?

Но размышления Язона были прерваны звуком открывающегося люка, и он быстро вошел внутрь.

Процедура обеззараживания не заняла много времени. Язон закрыл глаза, и потоки ультразвуковых и ультрафиолетовых волн хлынули на него, убивая все вредоносные микроорганизмы. Когда с этим было покончено, открылась внутренняя дверь, и Язон приготовился к прыжку — если его ждут какие-либо неприятности, он встретит их во всеоружии.

И тут он почувствовал, что падает. Пистолет прыгнул ему в руку, но Язон не успел нажать на курок.

— Газ... — выдохнул он и повалился на металлический пол.

Возвращение сознания сопровождалось невыносимой головной болью. Язон с трудом открыл глаза, и резкий свет ослепил его. Он снова сомкнул веки. Ясно одно — это был какой-то быстродействующий наркотик.

Боль постепенно отпустила, и Язон наконец смог осмотреться. Он сидел в обычном пилотском кресле, но оснащенном специальными зажимами для рук и ног, которые намертво приковывали его. Рядом с ним какой-то человек наблюдал за приборами на контрольном пульте. Корабль, несомненно, находился в полете, причем в особом джамп-режиме.

Язон стал внимательно изучать этого человека. Для полицейского он был слишком стар, но выглядел крепким и сильным. Его пепельные волосы были коротко подстрижены,

сухое лицо избороздили глубокие морщины — скорее это были следы переживаний, нежели прожитых лет. Высокий, прямой, он, казалось, ничего не весил. В самом деле, в нем не было ни грамма лишнего веса. Можно было подумать, что этого человека долго сушило солнце и мыли дожди, пока от него не остались лишь кости, сухожилия и мускулы. Когда он повернул голову к Язону, мышцы на его шее напряглись, как канаты.

— Я вижу, вы пришли в себя. Не волнуйтесь — это слабодействующий газ. Мне не хотелось его применять, но это был самый безобидный способ.

Когда он говорил, его челюсти двигались с суровой серьезностью, глубоко посаженные холодные голубые глаза неподвижно смотрели из-под темных бровей, а во всем его облике не было и намека на чувство юмора.

— Не слишком-то дружественный прием, — сказал Язон, осторожно пробуя державшие его ремни. — Если бы я знал заранее, что ваше экстренное сообщение — это доза наркотического газа, я бы дважды подумал, прежде чем руководить посадкой.

— Обман порождает обман. У меня не было другой возможности захватить вас. Ваша репутация безжалостного убийцы не оставляла мне другого выбора. К тому же у вас на Пирре друзья.

— Цель оправдывает средства и так далее, и тому подобное... Не очень-то оригинально, но мне нечего вам возразить. — Язон начинал сердиться. — Будьте уж так любезны, представьтесь, пожалуйста. Кто вы и что вас побудило пуститься в столь опасное путешествие ради моей скромной персоны?

— Я — Майк Сэймон. И я возвращаю вас на Кассилию, дабы вы предстали перед судом и понесли соответствующее наказание.

— Кассилия... Я обязан был узнать герб на вашем корабле... Что ж, удивляться не приходится. Но учтите: от тех трех миллиардов, которые я выиграл в казино, не осталось и следа.

— Дело не в деньгах. — Майк взглянул на приборы и вновь откинулся в кресле. — Кассилии не нужны ни деньги, ни сам Язон динАльт. Вы теперь герой планеты. Когда вам удалось бежать вместе с вашим полученным не совсем честным образом выигрышем, они поняли, что уже никогда не увидят своих денег, и запустили пропагандистскую машину.

Теперь на всех близлежащих звездных системах вы известны как Язон-Три-Миллиарда — живое доказательство честности их бесчестных притонов. Вы — соблазн для всех малодушных. Ваше имя искушает: люди ищут счастья в азартных играх вместо того, чтобы зарабатывать на жизнь честным путем.

— Простите мое тупоумие, — сказал Язон, — но я что-то не вполне вас понимаю. К какой такой полиции вы принадлежите? И что еще за суд и наказание, если все обвинения с меня сняты?

— Я не полицейский, — сурово ответил Майк, — я всего лишь слуга Истины. А эти продажные политиканы, управляющие Кассилией, вознесли вас на пьедестал и наживаются на этом. Но я с помощью Правды и во имя Правды разрушу вашу лживую оболочку и тем самым зло, порожденное ею.

— Это сверхзадача для одного человека, — спокойно ответил Язон; он пытался казаться гораздо спокойнее, чем был на самом деле. — Не найдется ли у вас сигареты?

— На борту корабля нет ни табака, ни алкоголя, — отчеканил Майк, явно недовольный, что его прервали. — И знайте, я не одинок, у меня есть последователи. Партия Истины — это сила, с которой многим приходится считаться. Мы затратили немало средств и энергии, выслеживая вас, но, как говорится, игра стоила свеч. Мы проследили весь ваш безнравственный путь: планета Мэхаут, казино «Туманность», Галипто... и все ваши остальные преступления, от которых у нормального человека внутренности холодеют. Мы запаслись ордерами на ваш арест в любой точке Вселенной, и везде вас ждет суд и последующая за ним смертная казнь.

— Вижу, вас нисколько не беспокоит тот факт, что я обманывал лишь шулеров в казино, которые, в свою очередь, надували простаков.

Майк движением руки отбросил это возражение.

— Вы виновны, и никакие уловки вам не помогут. Лучше благодарите Бога, что ваша порочная деятельность в конце концов послужит делу добра. Суд над вами станет тем рычагом, при помощи которого мы низвергнем продажное правительство Кассилии.

— Да, — вздохнул Язон, — мое любопытство однажды загонит меня в гроб. — Он пошевелил запястьями, и сервомоторы, уловившие это движение, еще крепче стянули ремни. — Сначала я рисковал жизнью, когда меня вызвали для разговора с вами. Затем вместо того, чтобы предоставить вам

возможность вспахать необъятные просторы Пирра, я благополучно вывел ваш корабль на посадку. И в итоге не удержался от соблазна и сунул свою глупую голову в ловушку.

— Если это мольба о снисхождении, то напрасно. Я никогда не делал одолжения людям вашего сорта. И не собираюсь делать этого и теперь.

— Ни-ког-да — это очень долго. Мне бы вашу уверенность в завтрашнем дне.

— Я думаю, что у вас есть еще надежда перед смертью познать Истину. Я помогу вам, Язон динАльт.

Язон чуть не поперхнулся:

— Благодарю...

Глава 2

— Вы будете кормить меня с ложечки?

Майк с подносом в руках в нерешительности замер.

— Мне кажется, из вас мог бы получиться отличный лакей.

— Вы способны есть сами, — тут же отреагировал Майк и поставил поднос на подлокотники кресла Язона. — Но вам придется делать это одной рукой. Я не хочу, чтобы вы причинили мне лишние хлопоты.

Он прикоснулся к щитку на спинке кресла, и зажим, стягивающий правое запястье Язона, щелкнул и открылся. Язон размял затекшие пальцы и взял вилку. Не отрываясь от еды, он тщательно осмотрел каюту. Контрольный щит, компьютер, защитный экран, контроль джамп-режима, книжная полка... Ничто не ускользнуло от взгляда профессионального игрока, ни одна мелочь не осталась без внимания.

Все мысли Язона были сосредоточены на одном — что делать? Но ничего не приходило в голову, кроме того, что он пленник на корабле, направляющемся на Кассилию. Не хватало самого главного — придумать, как этого избежать.

Теоретически Язон всегда руководствовался принципом: человек сам кузнец своего счастья. Но практически предпринять сейчас что-либо казалось невозможным. «Не упустить момент! Не упустил — хорошо. Упустил — дела твои плохи».

Язон отодвинул пустую тарелку, бросил в чашку кусок сахара и посмотрел на Майка. Тот занимался тем, что, не мигая, созерцал необъятные дали и усиленно о чем-то думал.

Он слегка вздрогнул, когда Язон обратился к нему с вопросом:

— Поскольку вы не позаботились запастись сигаретами, не позволите ли мне закурить свои? Только для этого вам придется залезть в мой карман. Мне самому, по вашей милости, не дотянуться.

— Сожалею, но ничем не могу вам помочь. Табак — наркотик и яд. Капля никотина убивает лошадь...

— Не будьте лицемером! — выпалил Язон. — Люди употребляют табак веками. А если бы даже и так, какое это имеет отношение к данной ситуации?! Я, так понимаю, лечу умирать, — чего ради тогда такая забота о моих легких?

— Я не подумал об этом. Однако существуют определенные нормы...

— Неужели? Что-то не похоже, что вы вообще умеете думать. Вам, видимо, во сне приходят в голову какие-то общественные нормы, без которых в реальной жизни все прекрасно обходятся. Хорошо, пускай вы против наркотиков. Но каких именно? Например, чай. В рационе астронавтов, сколько ни старайтесь, вы не отыщете чая. Потому что в нем содержится кофеин — стимулятор и наркотик. А вы тем не менее допиваете уже вторую чашку. Как, скажите, после этого звучит в ваших устах табу на сигареты?

Майк хотел было что-то возразить, но промолчал и задумался.

— Возможно, вы и правы, — произнес он. — Я просто устал, и, в конце концов, это действительно не так уж важно.

Он осторожно извлек из кармана Язона пачку сигарет и положил на поднос. После чего с виноватым видом налил себе третью чашку чая.

— Вы должны простить меня, Язон, за попытку подогнать вас под мои стандарты. Насколько я знаю, я довольно терпим к людям. Но случается, что в своем стремлении к Истине я иногда навязываю им мои собственные критерии, поэтому не исключены досадные промахи. Поиск Истины требует огромных сил.

— Истины нет, — возразил Язон. Он решил вовлечь своего похитителя в дискуссию. Причем вовлечь настолько, чтобы тот хоть на время забыл о его свободной руке.

Язон поднес чашку к губам, но не отпил ни глотка: пока в чашке остается чай, его рука не будет пристегнута к креслу.

— Нет Истины? Вы хотите обмануть самого себя: Исти-

на — краеугольный камень Вселенной. Именно она позволяет отличить человека от животного.

— Нет ни Истины, ни Жизни, ни Человека. Во всяком случае, в том смысле, который вы вкладываете в эти понятия. Ни Истины, ни Жизни, ни Человека не существует в природе.

Туго натянутая кожа на лице Майка сморщилась от такого неожиданного заявления. Некоторое время он обдумывал эту новую для него мысль.

— Вы должны пояснить свою точку зрения, — сказал он, наконец приходя в себя. — Пока что мне не совсем понятно.

— Боюсь, что вы вообще ничего не поймете, принимая за реальность нечто такое, чего нет в природе. Истина с большой буквы, то есть истина в вашем понимании, — это просто слово, вырванное из контекста, набор звуков, не имеющих значения. Да, как часть речи — это существительное, но за ним ничего не стоит: у него нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, оно ни для чего не служит, ничего не выражает. И когда вы говорите: «Я верю в Истину», вы, в сущности, утверждаете, что верите в Ничто.

— Вы сильно заблуждаетесь! — Майк наклонился вперед, возбужденно размахивая рукой. — Истина — это философская категория. Это одно из тех орудий, которые наш мозг использует для того, чтобы возвысить нас над животными как создания высшего порядка. Животные следуют Истине, но не знают ее. Они видят мир, но не видят его красоту.

— Ох! — застонал Язон. — С вами невозможно разговаривать. Мы не понимаем друг друга, мы говорим на разных языках. Давайте попробуем условиться о значении тех терминов, которые употребляем. Для начала — вы знаете различие между этикой и этосом?

— Конечно! — выпалил Майк, и искорки радости блеснули в его глазах при мысли о возможности взять верх в споре. — Этика — это учение о морали: что хорошо, что плохо, что верно, что неверно. Этика занимается моральными обязанностями и долгом. Этос — это философский термин, обозначающий характерные черты одного человека, какой-либо группы или общества людей.

— Хорошо. Видно, вы провели немало ночей, уткнув нос в книги. Теперь, установив разницу между этими понятиями, можно сказать, что этос неразрывно связан с обществом и не может быть оторван от него. Иначе он теряет всякий смысл. Так?

— Пожалуй...

— Ну!.. Ведь это ваше собственное определение. Вы должны согласиться, что понятие этоса группы подразумевает определенные взаимоотношения людей внутри самой группы. Верно?

Майк нехотя кивнул, и Язон продолжил:

— Пойдем дальше. Этика, согласно опять же вашему определению, распространяется на неограниченное количество общественных групп. И если существуют определенные этические законы, то они должны быть применимы к любому обществу. То есть эти законы могут быть столь же универсальны, как, скажем, закон всемирного тяготения.

— Я не совсем понял...

— Я на это и не рассчитывал. Такие, как вы, болтающие без умолку об универсальных законах, в сущности, никогда не имели о них ни малейшего представления. Мои знания не столь велики, но я все же помню закон тяготения:

$$F = G \frac{M \cdot m}{R^2}.$$

Эта формула используется при вычислении силы притяжения между любыми телами. Вот путь выражения фундаментальных и неизменных принципов. И если существуют законы этические, то они должны иметь такую же всеобщность. Они обязаны действовать и на Кассилии, и на Пирре, и вообще на любой планете и в любом обществе. Таким образом, мы вернулись к нашим баранам. То, что вы так высокопарно величаете законами этики, — всего-навсего инструкции племенного этоса. Местные наблюдения, проведенные горсткой пастухов и пригодные лишь для того, чтобы поддерживать порядок в стаде. Даже вы должны признать это. Представьте себе бескрайний мир и подумайте о том, как порой странно и необычно складываются отношения людей. Представили? А теперь попробуйте сформулировать десять правил общения, пригодных для всех обществ. Это невозможно. Правда, готов поклясться, что лично вы уже давно сформулировали нечто подобное. Но если хоть одно из ваших правил заключается в том, что людям запрещено поклоняться деревянным идолам, то чего стоят все остальные? И безнравственно применять их всюду, где вам заблагорассудится.

— Вы обижаете меня.

— Что ж, если я не могу воздействовать другим путем, может быть, обида выведет вас из состояния моральной самоуверенности. Вы смеете обвинять меня в краже денег в казино, когда я действовал согласно местному этическому кодексу. Азартные игры на Кассилии — норма. И если вы утверждаете обратное, то ваша Истина не соответствует Истине Кассилии. А предавая меня суду, вы, таким образом, поступаете безнравственно. И я оказываюсь невинной жертвой злого человека.

— Клянусь сатаной! — вскричал Майк, вскакивая на ноги. — Вы хотите смутить меня вашей так называемой этикой, хотя все объясняется гораздо проще — алчностью! — Он возбужденно шагал по каюте, сжимая и разжимая кулаки. — Существует высший закон, который нельзя оспорить.

— Вы не правы, и я могу доказать это. — Язон кивнул в сторону книжной полки. — Я могу доказать это при помощи ваших же книг. Нет, Аквинского не надо, он слишком толстый. Вот этот небольшой томик с именем Луллия на корешке. Я так понимаю, это книга «О законах рыцарства» Раймонда Луллия?

Майк широко открыл глаза.

— Вы знаете эту книгу? Вы знакомы с трудами Луллия?

— Конечно, — небрежно ответил Язон. Откровенно говоря, это была единственная книга из собрания Майка, которую он однажды просмотрел, и ее необычное название засело у него в голове. — Позвольте взглянуть. Сейчас я вам докажу свою правоту.

Язон старался говорить как можно спокойнее. Ведь исключительно ради этого момента он затеял весь этот бесплодный, ненужный разговор с Майком. Он отпил чаю. Главное — не выдать себя.

Майк снял книгу с полки и протянул ее Язону.

— Да-да. Совершенно верно, — сказал Язон, перелистывая страницы. — Идеальный образец вашего мышления. Вы, наверное, любите Луллия?

— Чрезвычайно. — Глаза Майка сияли. — В каждой его букве Красота и Правда, о которых мы так часто забываем в суматохе современной жизни. Взаимосвязь между абстрактным и конкретным. Манипулируя символами и используя совершенную математическую логику, он объясняет все.

— Он ничего не объясняет, — заявил Язон. — Он играет в слова. Берет слово, придает любое нужное ему значение,

а потом, используя другие слова, доказывает правомерность придуманного им понятия. Его доказательства — пустой звук, и только. Вот главный пункт расхождения наших жизненных принципов. Вы живете в мире слов, лишенных всякого значения. Мой мир — это мир фактов, неопровержимых фактов.

— Ну и представьте же мне хоть один из них.

— Пожалуйста. Вон там, — Язон указал на книжную полку, — большая зеленая книга. В ней содержатся все мои факты. И если я не смогу убедить вас, клянусь, я съем каждую ее страницу. Дайте-ка ее мне.

Язон говорил сердито, уверенно, и Майк попался на удочку. Он протянул Язону толстый тяжелый том в металлическом переплете.

— Теперь слушайте внимательно. И, как бы вам ни было трудно, постарайтесь хоть что-нибудь понять.

Майк лишь криво усмехнулся на столь явный намек на его тупоумие.

Язон открыл книгу.

— Этот справочник звездных эфемерид набит фактами, как яйцо содержимым. В некотором роде это история человечества. А теперь взгляните на экран контроля джамп-режима, и вы поймете, что я имею в виду. Видите эту горизонтальную зеленую линию? Это наш курс.

— Поскольку это мой корабль, а я его пилот, то я в этом не сомневаюсь. Давайте ваше доказательство.

— Терпение. Я и так пытаюсь объяснять как можно проще. Итак, зеленая линия — наш курс, а красная точка на ней — наш корабль. Номер под экраном — очередная навигационная отметка, где сила тяготения звезд достаточна для использования джамп-эффекта. Номер записан звездным кодом: ДВ 89-046-229. Я перелистываю страницы и нахожу этот номер в списке. Ряд обыкновенных символов, которые тем не менее могут рассказать о многом. Например, что в данном месте галактики расположена планета или планеты, пригодные для жизни.

— К чему вы клоните? — прервал его Майк.

— Сейчас узнаете. Смотрите на экран. Приближающаяся к линии курса зеленая точка — это ТМБ, то есть точка максимальной близости. И когда красная и зеленая точки совпадут...

— Дайте сюда книгу. — Майк, почувствовав что-то неладное, шагнул к Язону, но было поздно.

— Вот доказательство! — Язон швырнул книгу в экран джамп-контроля, за которым скрывались тонкие, сложные приборы. Следом полетел Раймонд Луллий.

Раздался звон разбитого стекла, погас свет. Корабль вздрогнул, и его выбросило в обычное пространство.

Майк скривился от боли и упал на пол. Прикованный к креслу, Язон еле сдерживал тошноту, в глазах потемнело, но он еще сумел швырнуть поднос с пустыми тарелками в дымящиеся обломки приборов.

— Вот мое доказательство! — воскликнул он с торжеством. — Вот оно, на серебряном блюдечке с золотой каемочкой. Теперь вы, впрочем, как и я, никогда не попадете на Кассилию.

Глава 3

— Вы погубили нас обоих, — сказал Майк сравнительно спокойно.

— Пока еще нет, — весело ответил Язон. — Но вот контролю джамп-режима пришел конец, и межзвездный перелет теперь невозможен, зато в обычном пространстве ничто не помешает нам приземлиться на любой из планет. Хоть одна пригодная для жизни человека, полагаю, здесь найдется.

— А там я починю неисправные механизмы контроля, и мы продолжим путь на Кассилию. Так что вы ничего не выиграли.

— Возможно, — уклончиво ответил Язон. У него не было ни малейшего желания продолжать путешествие, что бы ни думал об этом Майк.

Но его похититель, несомненно, думал иначе.

— Протяните руку, — сказал он и защелкнул замок.

В этот момент включились двигатели, и корабль изменил направление.

— Что это? — забеспокоился Майк.

— Аварийный контроль. Компьютер понял, что произошло, и принял меры. Если хотите, можете взять на себя управление, но, думаю, лучше не беспокоиться — компьютер сам распорядится накопленной информацией, отыщет планету, продолжит курс и посадит корабль. А вы, когда мы войдем в атмосферу, выберете место для посадки.

— Я не верю ни единому вашему слову, — угрюмо сказал Майк. — Я возьму на себя контроль и попытаюсь использовать аварийную связь. Кто-нибудь услышит нас.

Он встал. И тут корабль снова вздрогнул.

В темноте на приборах контроля вспыхнуло пламя и моментально погасло. Зажглось аварийное освещение.

— Не стоило бросать книгу Раймонда Луллия, — заметил Язон. — Корабль оказался более разборчивым, чем я предполагал, он никак не может ее переварить.

— Вы непочтительны и невежественны, — подходя к щиту управления, сквозь зубы процедил Майк. — Вы не уважаете ни мою жизнь, ни свою собственную. Вы заслуживаете самого страшного наказания, какое только предусматривает закон.

— Я игрок, — рассмеялся Язон, — и не такой уж плохой, смею полагать. Когда есть хоть малейшая надежда на выигрыш, я иду ва-банк. На Кассилии меня ждала верная смерть, и я должен был использовать свой единственный шанс. Другое дело — вы. Вы рисковали в гораздо большей степени, нежели я, но, честно говоря, мне было не до вас. Это ведь ваша затея, и вы должны были предусмотреть все до мелочей.

— Вы совершенно правы. Мне следовало быть более осторожным. Но что теперь? Может быть, вы знаете, как нам спастись? Ни один из контрольных приборов не работает.

— Ни один? А вы пробовали аварийное катапультирование? Большая красная кнопка слева...

— Пробовал. Не работает...

Язон откинулся в кресле.

— Ищите утешение в своей философии, Майк. Почитайте книгу. Мы бессильны. Все зависит от компьютера и уцелевших механизмов.

— И мы не можем ничего восстановить?

— Вы что, механик, Майк? Я — нет. От нас будет больше вреда, нежели пользы.

Прошло два дня в блуждающем полете. Наконец подходящая планета была найдена. Она приближалась к ним своей ночной стороной, густая пелена облаков мешала рассмотреть хоть что-нибудь.

— Если бы здесь были города, мы бы увидели их свет, — сказал Майк.

— Не обязательно. Не исключена возможность существо-

вания подземных городов. Вполне возможно, что на этом полушарии расположен океан. Да мало ли что еще.

— А может быть, эта планета вообще необитаема. И тогда даже благополучное приземление равносильно смерти. Представьте, провести остаток жизни на окраине Вселенной!

— Однако это все же лучше, чем ничто, — прервал его Язон. — Я попросил бы вас, Майк, на время посадки освободить меня от ремней. Неизвестно, что случится, а мне все-таки хотелось бы иметь хоть какие-то шансы на спасение.

Майк нахмурился.

— Дайте мне слово, что не попытаетесь бежать.

— Неужели вы поверите мне на слово? Моя жизнь удвоит и ваши шансы. Давайте попробуем спастись вместе.

— Нет. Я до конца выполню свой долг, — отрубил Майк, и Язон остался сидеть, прикованный к креслу.

Они вошли в атмосферу, и легкое шипение вокруг корпуса корабля сменилось пронзительным визгом, отключились двигатели, и началось свободное падение. Трение о воздух нагрело корпус докрасна, и, несмотря на работу холодильных установок, температура внутри корабля стремительно росла.

— Что происходит? — спросил Майк. — Вы, кажется, лучше меня разбираетесь в этом. Мы разобьемся?

— Возможно. Если механизмы не сработают, то от нас останется мокрое место. Но будем надеяться, что компьютер еще способен на последнее усилие. Я лично очень надеюсь на это. В последнее время стали выпускать довольно надежные компьютеры, а корпус и двигатели нашего корабля в нормальном состоянии. Неисправны лишь приборы контроля. Хороший пилот попытался бы посадить корабль, попеременно включая и выключая двигатели, что, конечно, сопряжено с определенным риском. Перегрузки в таких случаях достигают 13 g. Мы, к сожалению, не можем себе этого позволить, остается рассчитывать только на компьютер.

— Вы думаете, мы все же приземлимся? — спросил Майк, устраиваясь в амортизационном кресле.

— Надеюсь. И я хотел бы, чтобы вы все-таки освободили меня от ремней, посадка не обещает быть мягкой, могут понадобиться быстрые действия.

Майк подумал и достал пистолет.

— Хорошо, — сказал он, — но, если вы попытаетесь бежать, я буду стрелять. Как только мы приземлимся, я снова прикую вас.

— Благодарю за заботу, — отозвался Язон, растирая запястья.

Началось торможение. Неимоверная тяжесть вдавила их в кресла, вытеснив воздух из легких. У Майка не было сил, чтобы поднять пистолет: казалось, он весил тонну. Язону, правда, это никакого преимущества не давало: он все равно не мог встать. Перед глазами мелькали темно-красные круги, он еле удерживался на грани сознания.

Внезапно тяжесть исчезла. Взревели бортовые двигатели, защелкали реле. Майк и Язон, не двигаясь, смотрели друг на друга.

Удар был страшен. Корабль повернулся и закачался. Язон решил, что это конец. Последней его мыслью было: «Надо защитить голову». Он поднял руки и ударился о стену.

Холод, казалось, заполнял собой всю Вселенную. Он разрывал тело на куски, но в то же время успокаивал боль.

Язон пришел в себя от собственного крика. Вдруг что-то обхватило его, и он не сразу сообразил, что это рука Майка. Майк поддерживал его голову над поверхностью воды и плыл. Язон успел заметить, как скрылась под водой огромная черная масса корабля; корабль умирал со скрипом, пуская пузыри.

— Встаньте и идите, — хрипло прошептал Майк. — Я не могу держать вас... не могу держаться сам...

Язон с облегчением почувствовал опору под ногами.

Они барахтались в воде бок о бок на четвереньках. В голове Язона был сплошной туман, он соображал с трудом и понимал только одно: останавливаться нельзя, надо идти вперед.

Вдруг в темноте появилась светящаяся точка, она приближалась.

Все это напоминало ночной кошмар. Майк поднялся на ноги и оказался лицом к лицу с человекоподобным существом, сжимающим в руке факел. Это было нечто отвратительное и сплошь состоящее из острых углов и клыков. Каким-то предметом, похожим на дубинку, оно стукнуло Майка по голове, и тот, не издав ни звука, упал, а существо двинулось к Язону.

У Язона не было сил сопротивляться. Он все же попытался встать на ноги, но пальцы его беспомощно заскребли о холодный грунт, и он повалился лицом в песок. Только неверо-

ятным усилием воли Язон сумел раздвинуть надвигающуюся тьму.

Послышался тяжелый топот. Язон перевернулся на спину и увидел склонившееся над ним существо, омерзительнее которого трудно было себе представить.

Глава 4

Чудовище стояло и смотрело на Язона сверху вниз. Время шло, а он все еще оставался жив.

— K'e vi stas el? — вдруг прокаркало существо, и Язон понял, что перед ним человек.

Он никогда раньше не слышал этого языка, но что-то в нем показалось ему знакомым. Язон хотел ответить, но из его горла вырвался хрип, мало напоминающий человеческую речь.

В темноте показалось множество огней и послышался шум тяжелых шагов, приближавшихся к ним. Теперь Язон мог получше разглядеть стоящего над ним человека. Он понял, почему ошибся, приняв его за чудовище.

Руки и ноги аборигена были обернуты кусками крашеной кожи, грудь и все остальное тело также покрывали размалеванные кроваво-красным узором шкуры. На голове возвышалась раковина какого-то моллюска, служившая ему не то маской, не то шлемом. В раковине были проделаны отверстия для глаз, а края ее украшали огромные, в палец толщиной, клыки. Единственное, что выдавало в нем человека, — спутанная грязная борода, выбивающаяся из-под маски. Другие детали туалета Язон не успел рассмотреть — тяжелая дубина обрушилась на него...

На какую-то минуту Язон потерял сознание, а когда открыл глаза, то увидел, что факел воткнут в землю, а человек с дубиной уже снимает с него второй ботинок. Язон пошевелился, но помешать грабителю ничем не смог. Он был не в состоянии заставить слушаться свое тело. Чувство времени оставило его: секунды шли медленно, а события развивались с пугающей быстротой.

Башмаки были сняты, и человек приступил к одежде Язона, однако магнитная застежка оказалась ему незнакомой, и острые когти впились в тело Язона. Человек зарычал, пытаясь справиться с застежкой, и тут случайно нажал на кнопку,

отстегивающую аптечку. Эта сверкающая диковина явно пришлась ему по вкусу, но, когда одна из иголок, проткнув шкуру, впилась ему в руку, он закричал от боли, бросил аптечку на песок и в гневе растоптал ее.

Горечь утраты столь необходимой вещи придала Язону сил, он попытался дотянуться до аптечки, но потерял сознание.

Язон очнулся от страшной боли в голове. Он был укрыт грязными, отвратительно пахнущими шкурами, которые, правда, хоть немного согревали.

Он отбросил вонючую шкуру, прикрывавшую его лицо, и посмотрел на звезды — далекие точки, сверкающие в холодной ночи. Близился рассвет. Прохладный воздух немного оживил Язона, и он жадно глотал его, обжигая легкие.

Он сообразил, что слабость — следствие травмы головы, полученной при аварии. «Очевидно, легкое сотрясение», — решил он, нащупав большую шишку на черепе.

Порыв холодного ветра обжег Язону лицо, и он вновь натянул на голову мерзкую шкуру.

Он лежал и думал о том, что произошло с Майком Сэймоном после того, как его голова встретилась с дубинкой аборигена-головореза. Печальный и неожиданный конец для человека, выжившего после крушения. Нельзя сказать, что Язон очень уж жалел этого недоношенного фанатика, но он все-таки был обязан ему жизнью. И Язон поклялся отомстить за Майка, как только будет в состоянии это сделать. Жизнь за жизнь! И тут же подивился своей кровожадности. Очевидно, долгое пребывание на Пирре приглушило его природное отвращение к убийству. Но вместе с тем он заключил, что приобретенные там навыки еще сослужат ему добрую службу на этой планете.

Сквозь дыру в шкуре Язон увидел, как сереет небо, и ему захотелось посмотреть на рассвет.

Майк Сэймон лежал рядом, также прикрытый шкурами, его волосы были спутаны и перепачканы кровью, но он дышал.

— Оказывается, его труднее отправить на тот свет, чем я думал, — пробормотал Язон, с трудом приподнимаясь на локте и осматривая мир, в который его привел Раймонд Луллий.

Перед ним лежала угрюмая равнина, покрытая человеческими телами, как поле после битвы. Люди во сне вздраги-

вали, ворочались, и это было единственным признаком жизни на всем пустынном пространстве. Где-то невдалеке слышался шум прибоя, но гряда высоких дюн загораживала море.

Вскоре на вершине холма появился вооруженный человек. Он проделывал какие-то непонятные движения, нарушая тишину странным металлическим звоном.

Майк застонал и открыл глаза.

— С добрым утром, — приветствовал его Язон. — Как самочувствие? У вас два самых замечательных синяка, какие мне только приходилось видеть.

— Где я?

— Какой оригинальный вопрос! Сразу видно, что вы насмотрелись космических опер по телевизору. Я не знаю, где мы, но могу напомнить, как мы сюда попали.

— Мы плыли к берегу, потом из мрака возникло нечто жуткое, как демон из ада. Мы боролись...

— И он пробил вам голову. Один-единственный удар, и бой был кончен. Мне, надо сказать, повезло больше. Я успел разглядеть вашего демона. Это человек. Но потрясающий наряд, в который он облачен, делает его похожим на исчадие ада. По-моему, он глава этой команды оборванцев. Могу еще добавить, что он украл мои башмаки, и я при первой возможности убью его за это.

— Не думайте о таких низменных вещах. Не опускайтесь так низко, — серьезно заметил Майк. — Не стоит убивать человека из-за каких-то ботинок. Вы сами олицетворение зла, Язон. И... Мои ботинки!.. Моя одежда!.. — Майк отбросил шкуры и сделал сногсшибательное открытие. — Велиал! — закричал он. — Асмодей! Аваддон! Вельзевул!

— Отлично! — восхитился Язон. — Вы прекрасно изучили демонологию. Скажите, Майк, вы решили только перечислить имена или собираетесь позвать их на помощь?

— Молчите, богохульник! Я не позволю, чтобы меня грабили! — Он встал, и ветер, отхлестав Майка по обнаженной груди, быстро окрасил его кожу в сиреневый цвет. — Я заставлю его вернуть мои вещи! Я ухожу искать это злое создание.

Майк повернулся, собираясь осуществить свои намерения, но Язон схватил его за лодыжку и повалил на холодную землю.

— Мы в расчете, — сказал Язон, набрасывая шкуры на его костлявое тело. — Вы спасли мою жизнь, теперь я спас

вашу. Вы безоружны и ранены, а тот парень на холме — ходячий склад оружия. Он убьет вас так же легко, как сейчас ковыряется в зубах. Так что успокойтесь и постарайтесь не делать глупостей. Из любого положения всегда можно найти выход. И я берусь его отыскать. Оставайтесь здесь, а я хочу пройтись и осмотреться.

Стон был ответом Язону. Майк потерял сознание.

Язон встал, завернулся в шкуры, порывшись в песке, отыскал подходящий камень и, вооружившись таким образом, побрел между спящими.

Когда он вернулся, Майк уже пришел в себя. Солнце стояло высоко над горизонтом. Очнувшиеся ото сна аборигены представляли собой шаркающую, чешущуюся толпу человек в тридцать: мужчины, женщины, дети... Все они были одеты в одинаковые изодранные шкуры. Большинство из них сидели на земле, тупо глядя перед собой и совершенно не интересуясь двумя незнакомцами.

Язон протянул Майку грязную кожаную чашку и присел на корточки рядом с ним.

— Выпейте. Это вода. Единственное, что мне удалось отыскать. Еды нет вообще. — Он все еще держал в руке камень и, рассказывая, тер его о песок. Конец камня был обагрен кровью, и на него налипло несколько тонких человеческих волосков. — Я тщательно осмотрел местность вокруг лагеря, везде одно и то же. И кругом эти типы. Какие-то люди несли сшитые из шкур бурдюки и чашки. Я поговорил с ними. Обед будет позже.

— Кто они? — спросил Майк, сделав несколько глотков. — Что нам делать?

Язон внимательно посмотрел на него. Рана кровоточила. Промывать ее водой сомнительной чистоты не имело смысла.

— Я уверен в одном, — сказал он. — Эти люди — рабы. Я не знаю, почему они здесь, что делают и куда идут, но их статус предельно ясен. Наш, кстати, тоже.

— Рабы?! — переспросил Майк, и слово это ранило его сильнее, нежели дубинка дикаря. — Это отвратительно! Рабов надо освободить!

— Давайте без громких слов. И, пожалуйста, как бы вам ни было противно, постарайтесь быть реалистом. Здесь только два раба нуждаются в освобождении: вы и я. Остальные, по моему глубокому убеждению, вполне приспособились к существующему порядку, и я не вижу причин для перемен.

Я не собираюсь затевать освободительную кампанию до тех пор, пока сам не выберусь из этой заварухи, да и потом тоже. Эта планета долгое время как-то обходилась без меня и, думается, не перестанет вращаться и после того, как я ее покину.

— Трус! — вскричал Майк. — Боритесь за Истину, и Истина освободит вас!

— Опять? — разозлился Язон. — Единственная святыня для меня — это Я! Не так поэтично, зато правда. Ситуация тяжелая, но не безнадежная, а посему слушайте и запоминайте. Хозяин, его зовут Чака, ушел на охоту, и мне удалось получить кое-какие сведения. С самого начала мне показалось, что я узнаю язык, на котором говорят здешние обитатели. Это искаженная форма эсперанто. Он употребляется на многих планетах. Так вот, язык, образ жизни этих людей — все свидетельствует о том, что у них нет контактов с остальной частью галактики. Хотя очень хочется надеяться на обратное. И если где-нибудь на этой планете все же есть торговая база, мы непременно ее отыщем. Конечно, поводов для беспокойства предостаточно, но по крайней мере объясниться с ними мы в состоянии. Их язык утратил некоторые звуки, приобрел гортанное звучание, но при желании понять можно.

— Я не говорю на эсперанто.

— В таком случае вам его придется выучить. Это не так уж и сложно. А теперь хватит возражать. Слушайте дальше. Туземцы — рабы от рождения, и это все, что они знают о себе. Наша главная проблема — Чака. И для того чтобы справиться с ним, мы должны выяснить очень многое. Он — хозяин, воин, отец и божество этой толпы. Похоже, он отлично знает свое дело. Так что постарайтесь быть хорошим рабом... пока.

— Рабом? Я? — Майк выпрямился и попытался встать.

Язон толкнул его.

— Да-да, рабом. И я тоже. Это единственная возможность уцелеть. Делайте то же, что и все, повинуйтесь приказам, и у вас будет неплохой шанс остаться в живых.

Ответ Майка был заглушен криками, означавшими, что вернулся Чака. Рабы вскочили, собрали свои узлы и выстроились в шеренгу. Язон помог Майку встать, обмотав вокруг него шкуры, и, придерживая за талию, повел занимать место в шеренге. Когда построение было закончено, Чака пнул ногой ближайшего раба, и все двинулись вперед. Люди шли медленно, низко опустив головы. Язон ничего не понимал,

но, пока их с Майком не трогали, это мало его беспокоило. Все силы уходили на то, чтобы поддерживать раненого Майка.

Вдруг один из рабов издал гортанный звук, и вся цепь остановилась. Язон был слишком далеко от раба, чтобы понять причину всеобщего возбуждения, он только видел, как туземец опустился на колени и принялся копать песок концом палки. Через несколько секунд раб выкопал нечто круглое размером с кулак, поднял его над головой и преподнес Чаке. Хозяин принял сей дар и... съел, потом как следует пнул раба, и движение возобновилось.

Еще дважды были найдены загадочные плоды, и их тоже съел Чака. Лишь когда его желудок наполнился, он подозвал к себе раба, у которого за спиной висела корзина. Теперь этот раб все время шел перед Чакой, а Чака внимательно следил, чтобы все найденные плоды попадали в корзину.

Язон гадал, что бы это могло быть, а бурчание в животе напоминало, что недурно бы подкрепиться. Вдруг шедший рядом с ним раб вскрикнул и показал на землю. Шеренга остановилась, и Язон с интересом стал наблюдать, как тот принялся копать палкой песок, обнажая маленький стебель. Постепенно открылся сморщенный клубень, абориген вытащил его и оборвал зеленые листья. Язону он показался таким же съедобным, как булыжник. Но, очевидно, дикарь был противоположного мнения. Он необдуманно понюхал корень, и у него потекли слюни. Чака рассердился, и раб получил такой пинок, что с криком отлетел на место.

Вскоре последовал приказ остановиться, и толпа оборванцев окружила Чаку. Чака, поочередно подзывая рабов, выдавал каждому по одному или несколько корней. Вероятно, соразмерно заслугам.

— K'e nam h'vas vi? — Он ткнул дубинкой Язона.

— Mia namo estas Iason, mia amiko estas Mikah.

Язон ответил на правильном эсперанто, и Чака, кажется, его понял, так как что-то пробурчал и стал рыться в корзине.

Язон чувствовал, что из-под маски его изучают внимательные глаза.

— Откуда вы пришли? Это ваш корабль загорелся и затонул там? — Дубинка вновь коснулась груди Язона.

— Да. Это был наш корабль. Мы прилетели издалека.

— С другой стороны океана? — спросил он. Очевидно, это было самое отдаленное место, какое мог вообразить себе рабовладелец.

— Да. — У Язона не было настроения читать лекцию по астрономии. — Когда нам дадут поесть? — спросил он.

— Ты был богатым человеком у себя в стране. Здесь ты раб. Мой раб. Вы оба мои рабы.

— Я твой раб. Он твой раб. Но даже рабам необходимо время от времени что-нибудь есть.

Чака отыскал в корзине крохотный корень, разломил его пополам и бросил на землю перед Язоном.

— Работай лучше — получишь больше.

Язон подобрал обе половинки и, как мог, счистил с них грязь. Одну он протянул Майку, а от другой осторожно откусил кусочек. Песок скрипел на зубах, а вкус корня напоминал вкус парафина. Язон пересилил отвращение и проглотил эту мерзость. Пока не подвернется что-нибудь получше, придется довольствоваться этим, чтобы не помереть с голоду.

— Вы говорили о нашем дальнейшем существовании? — спросил его Майк, перемалывая свою порцию.

— Обменялись ложью. Он считает, что мы его рабы. А я согласился с этим. Но это временно, — добавил Язон, видя, как дернулся Майк и как покраснело от гнева его лицо. — Мы на чужой планете, вы ранены, у нас нет ни воды, ни пищи. И нет иного способа выжить. А поэтому надо следовать за этим уродом и делать все, что он говорит. Если ему нравится называть нас рабами, пускай.

— Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!

— Перестаньте нести чепуху. Лучше жить в цепях, чем подохнуть с голоду. Кончайте болтать и ешьте. Мы ничего не сможем сделать, пока вы не поправитесь.

Всю оставшуюся часть дня рабы продолжали заниматься поиском корней — креноджей, как их здесь называли. Даже Язон, несмотря на то что в основном был занят Майком, отыскал два корня.

Они остановились только с наступлением сумерек. Чака опять произвел раздачу корней, но на этот раз Язон удостоился вдвое большей порции — поощрение за особо выдающиеся заслуги в собирании креноджей.

Следующее утро началось по заведенному порядку. Только на сей раз поиски пищи шли параллельно невидимому берегу океана. Вдруг один из рабов, забравшийся на вершину дюны, закричал, замахал руками и скатился с холма. Чака подбежал к нему, что-то спросил и стал быстро отвязывать

кожаную сумку, свисавшую с плеча. Язон увидел, как он достал из нее довольно качественный самострел и взвел тетиву нажатием специальной рукоятки. Это сложное оружие казалось не совсем уместным в руках человека, поднявшегося на одну ступеньку от каменного века. Язону захотелось получше рассмотреть этот механизм.

Чака достал из другой сумки стрелу и зарядил самострел. Рабы молча сидели на песке и наблюдали за хозяином. Чака пошел вдоль дюны, потом осторожно поднялся на ее вершину, лег на живот, пополз и скрылся из виду. Через несколько минут раздался крик, люди вскочили на ноги и помчались смотреть, что случилось. Язон бросил Майка и был в первых рядах.

Рабы остановились на почтительном расстоянии от хозяина и принялись выкрикивать хвалу замечательному охотнику Чаке. Огромная, покрытая шерстью зверюга лежала у кромки прибоя. Из ее шеи торчала стрела, и тонкая струйка крови сочилась из раны.

— Мясо! Мясо! — скандировала толпа.

— Чака убил росмаро! Чака — великий охотник!

— Да здравствует Чака — великий добытчик еды! — присоединился Язон. — А когда мы будем есть?

Чака не обращал на рабов никакого внимания. Отдышавшись, он зарядил самострел, подошел к убитому животному и ножом вырезал из его тела стрелу.

— Собирайте дрова, — приказал он. — А ты, Описвени, — Чака ткнул дубиной одного раба, — возьми нож.

Шаркая ногами, Чака забрался на дюну и направил самострел на раба, приступившего к свежеванию туши. И пока Описвени не разделался с росмаро, Чака все время держал его на прицеле.

— Однако наш рабовладелец не так прост, — пробормотал Язон, присоединяясь к остальным для поиска дров.

Чака, по-видимому, постоянно опасался за свою жизнь и всегда держал оружие наготове. Если только Описвени попытается использовать нож для иных целей, он тут же получит стрелу в затылок.

Когда набралось достаточно дров для костра, а росмаро была разрезана на куски, Чака извлек из сумки какое-то небольшое приспособление. Заинтригованный, Язон подошел как можно ближе. Ему сразу все стало ясно. Чака ударил камнем по куску железа, посыпались искры и подожгли трут.

Откуда взялись огниво и самострел — очевидные свидетельства более высокой культуры? Это обстоятельство навело Язона на мысль, что на планете, помимо кочевников-рабовладельцев, существует и другое, более развитое общество.

Позже, когда они грызли жареное мясо, он отвел Майка в сторону.

— У нас есть надежда, — сказал Язон. — Эти невежественные дикари никогда бы сами не додумались до огнива и тем более до самострела. Наша задача — выяснить, откуда у них появились эти предметы. Я могу дать голову на отсечение, что на стреле стальной наконечник.

— Что это значит? — удивился Майк.

— Это значит, что на планете существует индустриальное общество, а следовательно, возможна и межзвездная связь.

— В таком случае надо спросить Чаку, куда нам идти. Должно быть какое-то правительство. Мы свяжемся с ним, разъясним ситуацию и потребуем нашей отправки на Кассилию. Я обещаю не добиваться вашего ареста, пока мы не покинем эту планету.

— Вы чертовски любезны, — сказал Язон. — Неужели вы по-прежнему жаждете моей смерти, Майк? В конце концов, мы товарищи по несчастью, и я спас вашу жизнь.

— Мне очень жаль, Язон динАльт. Я вижу, что еще не все доброе в вас погибло, но чувства не должны брать верх над долгом. Не забывайте, что вы совершили ряд тягчайших преступлений и обязаны понести за них наказание. Вам не хватает, Язон, нормального воспитания...

Тут Чака сытно рыгнул из глубины своего шлема-раковины и крикнул:

— Эй вы, свиньи! Хватит жрать! Вы станете слишком жирными. До сумерек много времени, мы еще сможем отыскать немало креноджей. Пошевеливайтесь!

И шеренга рабов начала свое медленное продвижение по равнине.

Они шли, собирали креноджи, один раз пополнили запасы питьевой воды из ключа. И снова шли, шли... То небольшое тепло, которое исходило от вечернего солнца, поглощалось громадой облаков, нависших над землей.

Язон дрожал от холода. Вдруг он заметил приближающуюся к ним такую же группу собирателей креноджей и слегка толкнул локтем хромавшего рядом с ним Майка.

— Смотрите, еще одна веселая компания. Интересно, входит ли наша встреча в программу?

Но Майк, занятый собой, не обратил на это ни малейшего внимания. К удивлению Язона, не только Майк, но и остальные рабы никак не прореагировали на это событие. Обе линии медленно приближались друг к другу. Другая группа представляла собой точно таких же оборванцев, и они так же, склонив головы, тщательно осматривали землю перед собой.

Возле одной из дюн была навалена груда камней. Подойдя к ней, рабы остановились, издали приветственный крик и опустились на землю. Очевидно, встреча произошла у некоего межевого знака, обозначающего границу владений.

Чака водрузил одну ногу на камень и застыл в ожидании. Второй предводитель, заняв позицию в добрых десяти шагах от Чаки, поднял над головой каменный молоток.

— Ненавижу тебя, Чака! — проревел он.

— Ненавижу тебя, Фасимба!

Обмен проклятиями, казалось, был столь же обязательным, как па-де-де в балете. Оба потрясли оружием, выкрикнули в адрес друг друга несколько угроз, затем сели и принялись мирно беседовать.

Фасимба был одет в такой же отвратительный, наводящий ужас наряд, как и Чака, за исключением некоторых деталей. Кроме раковины, его голову украшал череп росмаро, дополненный несколькими рядами клыков и рогов, остальные различия касались исключительно окраски костюма. Оба они были, очевидно, равны по положению.

— Я убил сегодня росмаро! Второй раз за десять дней! — сказал Чака.

— Хорошая добыча. Росмаро — отлично! Где два раба, которых ты должен мне?

— Я должен тебе двух рабов?

— Ты должен мне двух рабов. Не притворяйся дураком. Я принес тебе железную стрелу от дзертаноджей. А второго раба ты должен мне за убитого.

— У меня есть два раба. Вчера я захватил двух рабов из-за океана.

— Хорошая добыча! Рабы — отлично!

Чака подошел к нерадивому рабу, который днем вызвал его гнев.

— Хороший раб, — сказал он, провожая свое имущество пинком.

— Слишком тощий.

— Ты не прав. Сплошные мускулы. Хорошо работает и мало ест.

— Ты лжец.

— Ненавижу тебя, Фасимба!

— Ненавижу тебя, Чака! А где твой второй раб?

— Есть чужеземец из-за океана. Он может рассказать тебе много забавных историй. Хорошо работает и мало ест.

Язон постарался увернуться, но все же удар свалил его на землю. И прежде чем он успел опомниться, Чака схватил за руку Майка и перетащил его через невидимую линию границы.

— Плохо выглядит. Большая дыра в голове, — сказал Фасимба, осматривая нового раба.

— Он хорошо работает, а дыра уже почти зажила. Он очень силен.

— Ты дашь мне другого, если он умрет?

— Дам. Ненавижу тебя, Фасимба!

— Ненавижу тебя, Чака!

Разговор был окончен, и шеренги рабов побрели обратно, каждая в свою сторону.

— Подожди, Чака, — не выдержал Язон. — Подожди, не отдавай моего друга! Мы вместе будем лучше работать. Ты можешь избавиться от какого-нибудь другого...

Рабы вытаращили глаза, а Чака поднял дубину.

— Замолчи, раб. Еще раз скажешь мне, что я должен делать, я убью тебя.

Язон прикусил язык. А что ему оставалось делать! Он не сомневался в судьбе Майка. Если даже тот оправится от раны, то с участью раба не смирится. Отныне Язон будет заботиться только о себе.

Совершив короткий переход, рабы остановились на ночь.

Язон забрался в убежище между двумя камнями и вынул из-за пазухи припрятанный кусок мяса. Оно было холодное и жесткое, но все-таки лучше двух пайковых кренодженей, которые составляли большую часть туземной диеты.

— Дай мне, — вдруг послышался жалобный голос, явно принадлежащий девушке.

До этого Язону все рабы представлялись бесполыми существами: все они были одинаково одеты, грязны, волосы у всех были спутаны и нестрижены...

— Бери. — Он отломил ей кусок. — Садись и ешь. Как тебя зовут? — Язон подумал, что, может быть, удастся выудить из этой девушки хоть какую-нибудь информацию.

— Айджейл. — В одной руке она сжимала мясо, а другой вычесывала насекомых из грязных волос.

— Откуда ты? Ты всегда здесь жила?

— Нет. Сначала я была у Бульважио, потом у Фасимбы. Теперь принадлежу Чаке.

— Кто такой Бульважио? Такой же хозяин, как и Чака?

Она кивнула.

— А эти... дзертаноджи... у которых Фасимба получил стрелу, кто они?

— Ты многого не знаешь, — сказала она, доедая мясо и облизывая пальцы.

— Я знаю достаточно, чтобы достать мясо, которого нет у тебя. Поэтому не злоупотребляй моим гостеприимством, а рассказывай, кто такие дзертаноджи.

— Все знают, кто они такие. — Она недоуменно пожала плечами. — Они живут в большой пустыне и ездят на кароджах. Плохо пахнут. У них много интересных вещей. Один из них дал мне свою самую лучшую вещь. Если я покажу тебе, ты не отберешь ее?

— Нет. Я даже не притронусь к ней. Вот, возьми еще мяса и покажи мне свою лучшую вещь.

Айджейл порылась в сумке и достала что-то, крепко зажав в кулаке. Когда она с гордым видом разжала пальцы, Язон увидел на ее ладони круглую красную бусинку.

— Красивая, правда?

— Очень, — вздохнул печально Язон, глядя на жалкую безделушку. Предки этой девушки в космический век поселились на этой планете, обладая всевозможной техникой и знаниями. Отрезанные от всего остального мира, их дети выродились и превратились в этих полуразумных рабов, которые превыше всего на свете ценят пустые стекляшки.

— Ну хорошо, — сказала Айджейл и принялась разматывать с себя шкуры.

— Подожди. Ты мне ничего не должна. Я дал тебе мяса просто в подарок.

— Я тебе не нужна? — удивилась девушка. — Я тебе не нравлюсь? Ты считаешь меня безобразной?

— Ты прелестна. Но я слишком устал.

Красива была девушка или нет, Язон не знал. Одну половину ее лица закрывали немытые жирные волосы, другая была сплошь залеплена грязью. Губы ее потрескались, а на лбу красовался синяк.

— Позволь мне остаться с тобой этой ночью, даже если ты стар и я тебе не нужна. Мзилькази преследует меня и причиняет боль. Вот он.

Человек, на которого показала Айджейл, действительно следил за ними, но, как только Язон взглянул в его сторону, скрылся.

— Насчет Мзилькази не беспокойся. Мы выяснили наши отношения в первый же день... Видела шишку на его голове?

— Ты мне нравишься. Я еще раз покажу тебе свою лучшую вещь.

— Нет, не сейчас. Ты мне тоже нравишься. Спокойной ночи.

Глава 5

Весь следующий день Айджейл не отходила от Язона ни на шаг. И он время от времени расспрашивал девушку, пока не опустошил скудную кладовую ее знаний.

Океан казался Айджейл чудом, дарующим лакомую пищу и иногда выносящим на берег трупы людей. Изредка на глади океана появлялись корабли, но о них ей ничего не было известно. С другой стороны равнины, на которой они влачили свое существование, простиралась огромная безжизненная пустыня, населенная загадочными дзертаноджами с их удивительными чудо-кароджами. Из объяснений Айджейл трудно было понять, были ли эти кароджи какими-то диковинными животными или же особыми механизмами. Океан, берег, равнина — это был весь ее мир, и она не могла себе даже представить, что может существовать что-либо, кроме этого.

Но что-то все же существовало, и самострел Чаки тому прямое свидетельство. Язон решил во что бы то ни стало выяснить это и задался целью изменить свое социальное положение. Он научился удачно избегать ударов тяжелых башмаков Чаки, пищи, в общем, хватало, а охота за ней была не особенно обременительной... так что, можно сказать, Язон начинал приспосабливаться к среде обитания туземцев...

В этот же день они столкнулись с еще одной колонной рабов. Язон ожидал увидеть повторение вчерашнего сценария, но, к его удивлению, этого не произошло.

Вид приближающихся рабов привел Чаку в неописуемую ярость, а его собственные рабы в испуге разбежались кто куда

и попрятались за ближайшие камни. Неистово подпрыгивая, издавая невообразимые звуки и колотя дубинкой по толстой коже доспехов, Чака довел себя до крайнего исступления и тяжелой рысью рванул навстречу неприятелю.

Чрезвычайно заинтригованный происходящим, Язон поспешил следом за Чакой. Он увидел, как расступилась шеренга рабов противника, пропуская вперед вооруженного до зубов предводителя, и как тот с ревом кинулся к Чаке. Разъяренные вожди стремительно сближались, и Язон поежился при мысли о силе удара при их столкновении. Но неожиданно они замедлили свой бег и принялись кружить друг возле друга.

— Ненавижу тебя, Мшика!

— Ненавижу тебя, Чака!

Слова вроде бы те же, что и вчера. Но интонация на сей раз была неподдельная.

— Я убью тебя, Мшика! Ты опять со своими пожирателями падали нарушил границу!

— Ты лжешь, Чака! Эта земля всегда была моей.

— Я убью тебя!

Выкрикнув эти слова, Чака высоко подпрыгнул и нанес сокрушительный удар. Если бы дубинка достигла цели, то Мшике, несомненно, не поздоровилось бы, но он успел увернуться и обрушить на Чаку ответный удар. Последовал молниеносный обмен выпадами, но дубинки лишь сотрясали воздух, и рабовладельцы перешли к ближнему бою. Вцепившись друг в друга, они катались по земле, рычали, хрипели и обменивались ругательствами, тяжелые дубинки были отброшены, в ход пошли ножи и колени. Только сейчас Язон понял, для чего над коленями Чаки были пришиты длинные острые клыки.

Схватка была не на жизнь, а на смерть. Земля вокруг была усеяна клочьями одежды, обломками оружия, звериными клыками... Равнина оглашалась воем и отборной бранью.

Одно время Язону казалось, что дело идет к ничьей: соперники, переводя дыхание, остановились было, но тут же с удвоенной энергией снова ринулись в бой. Чака воткнул свой нож в землю и при очередном кувырке схватил его рукоятку зубами. Удерживая руки противника и вращая головой, он искал слабое место в доспехах Мшики.

Мшика закричал и отчаянным усилием вырвался из цеп-

ких объятий. Кровь сбегала по его рукам и капала с кончиков пальцев, орошая песок.

Чака прыгнул, пытаясь его удержать, но Мшике удалось вывернуться. Убегая, он пытался подобрать разбросанное на земле оружие. Чака рванулся было в погоню, но остановился и принялся размахивать руками, выкрикивая проклятия в адрес труса, не забывая тем не менее отдавать должное своей силе и ловкости.

Язон, пользуясь моментом, подобрал валявшийся на земле рог какого-то животного.

Как только Мшика скрылся из виду, Чака внимательно осмотрел поле битвы и собрал все, что только напоминало оружие. Затем он призвал рабов и приказал раздать вечернюю порцию креноджей, хотя до очередной трапезы оставалось еще несколько часов.

Язон сидел на камне и машинально грыз свой корень. Рядом с ним ритмично двигались плечи Айджейл, она вычесывала верных спутников — насекомых.

От вшей не было никакого спасения. Язон заполучил свою долю паразитов и тоже усиленно скреб ногтями. Этот очередной приступ чесотки вывел его из себя.

— Хватит! Я достаточно послужил, — сказал он, вскакивая на ноги. — Покажи мне кратчайший путь к дзертаноджам.

— Путь займет два дня. А как ты убьешь Чаку?

— Зачем мне его убивать? — Язон пожал плечами. — Я и так слишком задержался. Надо уважать законы гостеприимства.

— Если ты его не убьешь, убьют тебя.

— Как он сможет меня убить, если меня здесь не будет?

— Любой сможет тебя убить. Беглых рабов всегда убивают. Таков закон.

Язон сел, откусил кусок креноджа и призадумался.

— Ты говоришь, что мне надо убить Чаку? Но я не желаю его смерти. Пусть он даже снял с меня башмаки... Я не понимаю, что даст это убийство?

— Ты глуп. Если ты его убьешь, то сам станешь новым Чакой. И сможешь делать все, что захочешь.

Лишь после этих слов структура социального устройства общества с полной ясностью встала перед Язоном. До этого он видел только рабов и рабовладельцев и ошибочно поделил их на классы. В действительности это оказался один класс с

варварским законом. Язон обязан был догадаться об этом раньше, ведь он и прежде обращал внимание, как Чака не подпускал к себе никого на достаточно близкое расстояние, как он каждую ночь исчезал в неизвестном направлении...

Да, перед Язоном было общество, живущее по закону свободной инициативы, доведенному до крайности, до абсурда. Каждый сам за себя. Все против одного. Общество, где твое положение определяется силой мышц и быстротой реакции. А кто, оставаясь в одиночестве, ставил себя вне закона, тот становился врагом и мог быть убит первым встречным. Так что, если Язон желает стать свободным, он должен убить Чаку. И как бы он этому ни противился, необходимость вынуждала его пойти на этот шаг.

Вечером Язон проследил за Чакой и заметил направление, в котором тот скрылся. Конечно, это мало что даст: хозяин непременно станет петлять и всячески заметать следы за собой, прежде чем укроется на ночь в своем убежище. Но Язон настроился на то, что все равно сумеет его отыскать.

Нет, у Язона никогда не было тяги к ночным убийствам, он всегда считал, что убийство спящего — подлость и трусость. Но особые ситуации требуют особых решений. Он не пара вооруженному, натренированному в открытых схватках человеку. Выбора не было.

Язон осторожно выскользнул из-под шкур и молча побрел среди спящих аборигенов. Он видел, как в звездном свете сверкнули глаза Айджейл, она все поняла, но не шелохнулась и не сказала ему ни слова.

Разыскать Чаку в сумраке ночи было непросто. Язон решил продвигаться по спирали, постепенно удаляясь от лагеря. Местность была изрезана оврагами и ущельями, и все их следовало осмотреть.

То, что Чака принял особые меры предосторожности, опасаясь ночных искателей приключений, стало ясно, как только Язон услышал звон колокольчика. Это был слабый, едва различимый звук, но он заставил Язона вздрогнуть и замереть. Он сделал шаг назад, колокольчик зазвонил снова, и в это мгновение показался Чака. В воздухе просвистела дубинка. Каким-то чудом Язону удалось увернуться от удара, и, не теряя ни секунды, он что есть силы рванул вниз по склону оврага. Ноги скользили по осыпающимся камням. Только бы не упасть. Падение — смерть. И Язон бежал сломя голову, ибо ничего другого не оставалось — тяжело вооруженный

Чака хрипел за спиной, но постепенно топот его ног становился все тише и затем совсем заглох.

Сделав огромный крюк, Язон вернулся на исходную позицию. Дрожа от холода и перенапряжения, он нырнул обратно под шкуры, надеясь, что, может быть, Чака не узнал его в темноте.

Чака появился, когда взошло солнце. Его трясло от гнева.

— Кто это был? — рычал он. — Кто приходил ко мне ночью? — Чака подходил все ближе и ближе к тому месту, где лежал Язон, бросая направо и налево свирепые взгляды.

Пятеро рабов молча указали на Язона. Айджейл задрожала и поспешила отодвинуться от него.

Проклиная предателей, Язон вскочил и пустился прочь от взметнувшейся вслед дубинки. В руке он крепко сжимал заостренный рог, прекрасно понимая, что вряд ли тот поможет в открытой схватке. Какой-то раб попытался подставить ногу. Все были против него! Все были против всех, и никто не мог чувствовать себя в безопасности.

Цепляясь за стебли жесткой травы, Язон взобрался на вершину высокого холма, набрал горсть песка и бросил в лицо хозяину, надеясь ослепить его, но вынужден был снова бежать дальше: Чака доставал самострел.

Рабы остались далеко позади, когда Язон, спускаясь по скалистому склону, внезапно развернулся. Чака не ожидал этого, он занес над головой дубинку, но Язон нырнул под удар и, используя инерцию тела Чаки, перехватил его руку и бросил противника на камни — Пирр не прошел для Язона впустую. Прежде чем Чака достиг земли, Язон уже сидел на его спине, ухватившись за подбородок хозяина. Поранив палец об усеянное клыками ожерелье, Язон рванул грязную бороду. Голова Чаки откинулась назад, и Язон всадил рог в приоткрывшееся на миг горло. Чака в последний раз дернулся под ним и успокоился навсегда.

В полном изнеможении Язон поднялся на ноги. Вздохнув, он вытер о шкуру окровавленные руки и принялся стаскивать одежду с бывшего рабовладельца. Разрезав кожаные ремни, он освободил шлем и отбросил его в сторону.

Перед ним лежал человек с редкими седыми волосами и бледным, старчески высохшим лицом. Среди вещей Чаки оказались и башмаки Язона, грязные, но целые. И он с превеликим удовольствием вновь натянул их на ноги.

Когда с переоблачением было покончено, миру явился

новый Чака. Чака воскрес. Тело на песке принадлежало обыкновенному рабу. Язон выкопал неглубокую могилу, положил его туда и засыпал песком. Затем, прихватив с собой все оружие Чаки, он повернул обратно.

Рабы, завидев его, выстроились в шеренгу.

Глаза Язона встретились с глазами Айджейл. Она с тревогой смотрела на него, пытаясь угадать, чем кончилась схватка.

— Один-ноль в пользу команды гостей! — объявил он, и на ее губах сверкнула мимолетная улыбка. — Головы выше! — крикнул Язон. — Новый день наступил для вас. И пусть вы мне не верите, но у вас большие возможности.

Насвистывая, Язон шел за рабами и с удовольствием проглотил первый найденный ими кренодж.

Глава 6

Они разожгли костер на берегу.

Язон сидел спиной к океану, держа в руках шлем. Эта штука причиняла ему невыносимую боль.

Он подозвал к себе Айджейл.

— Слушаю тебя, Чака. И повинуюсь.

Она подбежала к нему, легла у его ног и стала торопливо освобождать свое тело от шкур.

— Что ты думаешь о людях?! — вскипел Язон. — Сядь! Я хочу поговорить с тобой. И зовут меня не Чака, а Язон. Понятно?

— Да, Чака, — ответила она, бросая на Язона испуганный взгляд.

Он поворчал и пододвинул к ней корзину с креноджами.

— Гм... Не так-то просто изменить социальное устройство... — Он помолчал. — Скажи, Айджейл, хотела бы ты стать свободным человеком?

— Что значит «свободным человеком»?

— Свобода — это когда нет ни рабов, ни рабовладельцев. Каждый может пойти куда захочет и делать что захочет.

— Мне не нравится. — Айджейл даже задрожала. — А кто будет заботиться обо мне? Как я могу искать креноджи одна? Надо искать креноджи всем вместе. Один умрет от голода.

— Если все будут свободны, ты сможешь объединиться с другими людьми для поисков креноджей.

— Глупости! Кто найдет креноджи, тот их и съест. Никто

не станет делить пищу, как это делает хозяин. Мне нравится есть кренодж.

Язон растерянно погладил отрастающую бороду.

— Все не дураки поесть, но это вовсе не означает, что люди обязаны быть рабами, — сказал он. — Однако ты права. Необходимы решительные перемены. Иначе ни о каком освобождении не может идти и речи. А покуда во избежание неприятностей придется мне во всем следовать Чаке.

Язон подобрал дубинку и побрел в темноту, обходя лагерь стороной. Он выбрал подходящий холм, на ощупь извлек из сумки небольшие колышки — наследство, доставшееся от Чаки, — и привязал к ним шнурок со стальными колокольчиками. Защищенный таким образом, он устроился в самом центре паутины. Но выспаться Язону не удалось. Всю ночь он вскакивал и вслушивался в пустоту, всю ночь ему мерещились крадущиеся шаги и угловатые тени аборигенов.

С рассветом они опять тронулись в путь, но вскоре остановились у межевого знака.

Язон отдал приказ идти дальше, и это решение пришлось всем по душе. Люди, уставшие от тоски повседневной жизни, ожидали увидеть хорошую схватку. И когда на горизонте появился отряд очередных собирателей кренодже, на лицах рабов промелькнуло некое подобие радости.

— Ненавижу тебя, Чака! — кричал на бегу Фасимба. — Ты пришел на мою землю. Я убью тебя!

— Постой!.. Да-да, я ненавижу тебя, Фасимба, прости, чуть не забыл. Мне не нужна твоя земля. Я хочу поговорить с тобой...

— У тебя новый голос, Чака, — сказал, останавливаясь, Фасимба. Он поднял над головой каменный топор и замер в ожидании.

— Да, я новый Чака. Старого Чаки больше нет. Он умер. Я хочу забрать у тебя своего раба. Отдай его, и мы уйдем.

— Чака был хороший воин. Ты, наверно, лучше Чаки, — он в гневе потряс топором, — но не лучше меня!

— Ты сражаешься лучше всех, Фасимба. Девять из десяти рабов хотели бы, чтобы их хозяином был ты, Фасимба. Но давай поговорим о деле. Мне нужен раб с дыркой в голове. Я дам за него двух других, по твоему выбору. Что скажешь?

— Хорошая сделка, Чака. Бери любого, их у меня предостаточно. Я выберу у тебя двоих. Раба с дыркой у меня нет.

Много беспокойства. Все время говорил. Я стер ногу, пиная его. С радостью от него избавился.

— Ты убил его?

— Я не трачу рабов зря. Продал дзертаноджам. Взял за него две стрелы. Тебе нужны стрелы, Чака?

— Нет, сейчас не нужны, Фасимба. Но все равно спасибо за неплохую весть. — Язон порылся в корзине и достал кренодж. — Вот, возьми.

— Где ты взял отравленный кренодж? — удивился Фасимба. — Я использую его.

— Он не отравлен, Фасимба. Он съедобен ровно настолько, насколько съедобны вообще все эти фрукты.

— Ты отлично лжешь, Чака. Я дам тебе за него стрелу, — засмеялся Фасимба.

— Он твой, — сказал Язон, кидая Фасимбе плод, — но говорю тебе: он не отравлен.

— Это я скажу тому человеку, которого буду угощать. Я хорошо использую твой кренодж. — И Фасимба бросил Язону стрелу.

Язон взглянул на подарок Фасимбы. Стрела была ржавая и с трещиной.

— Отлично, — сказал он. — А ты жди, когда твой друг съест этот кренодж.

Сделка состоялась, но подозрительный Фасимба не сдвинулся с места до тех пор, пока Язон не покинул его владений.

Прошло около трех суток, прежде чем Язону удалось приблизиться к пункту назначения.

Как только единственный ориентир — океан — пропал из виду, он вынужден был вести людей наугад. Правда, новоиспеченный рабовладелец ничем не выдал своей неосведомленности, и рабы послушно шли вперед, ни о чем не подозревая. Они шли, собирали креноджи, дважды пополнили меха водой из встретившихся по пути источников, а один раз чуть было не полакомились мясом какого-то животного. Но Язон, к великому разочарованию рабов, умудрился промахнуться.

Утром третьего дня Язон разглядел над туманной линией горизонта признаки изменения ландшафта. И еще до обеда они вышли к волнистому морю голубовато-серого песка. Перед ними лежала пустыня.

— Как здесь отыскать дзертаноджей? — спросил Язон ближайшего раба.

Но тот лишь нахмурился и отвел взгляд.

В последнее время у Язона то и дело возникали сложности с дисциплиной. Рабы, если он как следует не пинал их, не желали ударить и палец о палец. Приказ, не сопровождаемый пинком, оставался без внимания, а нежелание Язона прибегать к физическому воздействию воспринималось как проявление слабости. Все его попытки улучшить рабскую долю были обречены на неудачу.

Проклиная человеческую косность, раздосадованный Язон носком ботинка дал почувствовать рабу, кто он есть на самом деле.

— Они за той большой горой, — последовал немедленный ответ. И Язон увидел на самом краю пустыни небольшое темное пятно, не замеченное им ранее.

Когда они приблизились, стало ясно, что гора представляет собой обычный скальный выход. Но к нему была пристроена кирпичная стена, за которой могло бы разместиться немалое число воинов. Язон не собирался рисковать своими драгоценными рабами и еще более драгоценной собственной шкурой, по его сигналу колонна остановилась. Рабы устроились на песке, а Язон, держа дубинку наготове и подозрительно осматриваясь, прошел несколько шагов вперед.

Тут из-за угла стены показался человек и не спеша направился навстречу Язону. На нем была свободная одежда, а в руке он нес большую корзину. Пройдя примерно полпути, он остановился и уселся на песок, скрестив ноги. Язон внимательно осмотрел окрестности и решил, что пока ему ничто не угрожает — устроить засаду вроде как негде, а одного незнакомца он не боялся, — и Язон, пройдя еще немного, остановился в трех шагах от человека с корзиной.

— Добро пожаловать, Чака, — сказал тот. — Я боялся, что не увижу тебя после того... хм-м... небольшого недоразумения, которое произошло между нами.

Незнакомец сидел и поглаживал свою бородку. Наиболее выдающейся частью гладко выбритой головы был огромный нос, увенчанный защитными очками. Очки были сделаны из кости и казались тщательно пригнанными к его загорелому лицу. Сеть глубоких морщин на лбу и щеках указывала на то, что перед Язоном старик, которого вовсе не стоит опасаться.

— Я хочу кое-чего, — сказал Язон на манер Чаки.

— Новый голос и новый Чака? — удивился незнакомец. — Добро пожаловать. Старик был собакой. Я надеюсь, он умер

в муках? Садись, друг Чака, выпей со мной. — И он извлек из корзины глиняный кувшин и две чашки.

— Где ты взял отравленный напиток? — поинтересовался Язон, вспомнив местные обычаи. Этот дзертанодж — проницательный человек, если с первого взгляда догадался, что перед ним не Чака. — Как тебя зовут?

— Эдипон, — ответил тот, пряча кувшин обратно в корзину. — Чего же ты хочешь? Нам всегда нужны рабы, и мы согласны торговать с тобой.

— Мне нужен раб с дыркой в голове, которого вы купили у Фасимбы. Я дам за него двух других.

Старик улыбнулся.

— Не стоит подражать безграмотной речи береговых варваров. Я уже по акценту могу сказать, что передо мной образованный человек. — Старик оказался много умнее, чем предполагал Язон. — Это все, чего ты хочешь?

— Пока да. Ты вернешь моего раба, и тогда мы поговорим о других делах.

— У меня на этот счет свое мнение. — Эдипон рассмеялся насмешливо и грозно. Потом сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

Послышался шорох песка, и Язон увидел, как из-под земли стали появляться люди. Один, два... Шесть вооруженных дубинками и щитами воинов стремительно вылезали из укрытий.

Язон проклинал себя за глупость. Зачем он согласился на встречу в месте, предложенном Эдипоном? Ему очень захотелось прибить старика, но вместо этого он обрушил дубинку на воина, который еще не успел выбраться из ямы. Тот принял удар на поднятый щит. Язон попытался бежать, но дорогу ему преградил противник. Отступать было некуда.

Он еще пытался сопротивляться, гремя рогами и клыками, размахивая дубинкой, но силы были явно неравны, и схватка оказалась короткой, хотя и свирепой. Два воина лежали бездыханные, один стоял на коленях, обхватив руками голову, но остальные повалили Язона на землю. Он позвал на помощь своих рабов, однако те даже не шелохнулись.

Язона связали и поволокли к скале. Эдипон что-то крикнул сидящим на земле рабам. На этот раз они послушно встали и поволоклись следом за всеми.

В стене обнаружилась скрытая дверь, в которую и втолкнули Язона. И тут весь гнев его как ветром сдуло. Он увидел

один из кароджей, о которых ему рассказывала Айджейл. Теперь он понял, почему невежественные дикари не могли отличить механизм от животного.

Машина была длиною добрых тридцать метров и по форме напоминала лодку. Ее нос украшала огромная и явно фальшивая звериная морда с двумя рядами острых клыков и парой сверкающих кристаллических глаз, а весь корпус машины был обшит толстыми вонючими шкурами. Такая маскировка могла обмануть только великовозрастного дикаря, но даже ребенок из нормального цивилизованного общества, без сомнения, распознал бы в этом чудовище обычную машину, разглядев снизу шесть больших колес.

Двигатель был где-то спрятан — Язон в этом не сомневался. А уловив знакомый запах горючего, он чуть было не закричал от радости. Шансы на спасение резко подскочили вверх.

Дрожащих от ужаса рабов закинули внутрь кароджа. Туда же запихали и Язона, бросив его, как бревно, на палубу необычного корабля.

Он лежал и высматривал место, где может быть размещен двигатель. Спереди находился руль, какая-то рукоятка и ничего более. Язон повернулся так, чтобы разглядеть корму, и увидел кабину шириной во всю палубу, без единого окна, но с тяжелой металлической дверью, снабженной множеством замков и запоров. Никаких сомнений — это машинное отделение, тем более что на крыше кабины красовалась толстая дымовая труба. Сердце Язона готово было выпрыгнуть из груди.

— Мы отправляемся, — протрубил Эдипон зычным голосом. — Поднять сходни! Нарсиси, ты будешь указывать кароджу путь. А теперь всем молиться! Я иду просить богов перенести нас в Путлико. — Он направился к кабине. — Эребо, ленивая собака, — вдруг закричал Эдипон на одного воина, — ты забыл наполнить баки водой! Боги хотят пить.

— Я наполнил, — пробормотал Эребо, едва не подавившись креноджем.

Эдипон подошел к двери кабины и набросил на нее защитный занавес. Раздалось щелканье, скрип открывающихся запоров, и через несколько минут из трубы вырвалось облако бурого дыма.

Прошло около часа, прежде чем священная машина зашипела, задрожала и испустила струю белого пара. Несколько рабов закричали от ужаса и свалились в обморок, остальные, кажется, тоже сочли бы смерть великим счастьем. У Язона же был некоторый опыт обращения с примитивными механизмами, поэтому паровая машина не вызывала в нем ни удивления, ни тем более страха.

Кародж затрясся как в лихорадке и медленно тронулся с места. Двое насмерть перепуганных дикарей попытались спрыгнуть за борт, однако их вовремя остановили.

Одетые в своеобразные балахоны, дзертаноджи ходили между рабами и вливали им в рот полные ковши какой-то жидкости. Несчастные тут же валились на пол без сознания. Конечно, их не собирались отравить, не было никакого резона убивать пленных рабов, но люди не понимали этого и отчаянно сопротивлялись, думая, что борются за свою жизнь.

Когда подошла очередь Язона, он успел лягнуть ногой в живот одного дзертаноджа, а другому чуть не откусил пару пальцев, прежде чем они навалились на него, зажали нос и влили в рот обжигающую жидкость. Он сразу же почувствовал головокружение и попытался выплюнуть отраву... Это было последнее, что он помнил.

Глава 7

— Выпейте еще, — послышался чей-то голос.

Холодная вода обожгла горло, и Язон закашлялся. Страшно болели голова и запястья рук. Медленно, но верно прояснялась память. Схватка, плен, кародж, яд... Язон открыл глаза и увидел перед собой слабо мерцающую лампу. Он как загипнотизированный смотрел на нее, пытаясь сообразить, где он и что с ним. Вдруг знакомое лицо загородило свет. Язон застонал и сомкнул веки.

— Что это, Майк? Сон или нет?

— От правосудия не уйти, Язон динАльт. Да, это я. И у меня есть к вам несколько серьезных вопросов.

Язон снова застонал.

— Да, теперь я вижу, что это действительно вы. Даже в самом кошмарном сне вряд ли услышишь что-либо подобное. Но, может быть, прежде вы хоть в двух словах обрисуете мне обстановку? Вы наверняка знаете поболее моего.

Язон наконец понял, что боль в запястьях от тяжелых же-

лезных наручников. Ржавой цепью он был прикован к толстому бревну, на котором покоилась его голова.

— Почему цепи? И вообще, чего стоит местное гостеприимство?

Майк пропустил вопросы Язона мимо ушей.

— Когда мы виделись в последний раз, — сказал он, — вы, если мне не изменяет память, были рабом. Вчера вечером, когда вас доставили сюда и приковали вместе со всеми остальными, на вас был шлем и другие доспехи Чаки. Я успел это разглядеть, прежде чем вас раздели. Как все это понимать? Что случилось с Чакой?

— Я — Чака, — прошипел Язон, — старый болван, вы слишком склонны всех и вся обвинять. Но не говорите мне, что обожали человека, который размозжил вам череп и продал вас, как какую-нибудь скотину. Если поразмыслить над законом справедливости, то вы, по идее, должны быть довольны. Злого Чаки больше нет. Он похоронен в безбрежных песках. А после рассмотрения всех достойных кандидатур я занял его место.

— Вы убили его?

— Да... Да! И не думайте, что сделать это было так просто! У него были все преимущества, а я был вооружен лишь своей природной находчивостью, к счастью, этого хватило. Правда, я сначала собирался прикончить мерзавца ночью, пока он спит...

— Что?! Вы пытались... — Майк даже позеленел от негодования.

— Не думаете же вы, что я сразу осмелился сразиться с этим чудовищем один на один?! Хотя именно так все и кончилось. Короче говоря, я победил и сам стал Чакой. Мое царствование, однако, не было ни долгим, ни славным. Я искал вас и напоролся на хитрого Эдипона и его дружину. Меня схватили и доставили к вам. Вот, пожалуй, и вся история. Теперь ваша очередь, давайте выкладывайте все, что знаете. Где мы и что нас ждет?

— Убийца! Рабовладелец! — Майк отшатнулся от Язона, насколько позволяла цепь, и потряс указательным пальцем. — Еще два новых преступления вы добавили к своему позорному списку. Я презираю себя за то, что в какой-то момент испытал к вам симпатию. И уж поверьте, я сделаю все... Да, я сделаю все, чтобы мы остались живы. Я найду способ доставить вас на Кассилию и предать суду.

— Вы когда-нибудь слышали о презумпции невиновности, Майк? Нет? А ведь это основа основ юриспруденции. До тех пор, пока вина человека не доказана, он считается невиновным. И вообще, как можно судить меня на Кассилии за преступления, совершенные на этой планете, если там они не считаются преступлениями? Это все равно что извлечь каннибала из его времени и судить за людоедство.

— Правильно. Каннибализм — это отвратительно! Я содрогаюсь при одной мысли... И естественно, что такой человек должен быть сурово наказан.

— Если бы он съел кого-нибудь из ваших родственников, я бы вас понял, Майк. Но в том случае, когда он со своими развеселыми соплеменниками перекусил поверженным врагом, к его поведению, простите, не придраться. Поймите, человека невозможно судить без учета конкретной ситуации. Нормы поведения относительны. Каннибал в своем обществе так же нравственен, как прихожанин в нашем.

— Богохульник! Преступление — всегда и везде преступление! Существуют моральные законы, обязательные для любого общества.

— Таких законов нет. И в этом пункте ваше мировоззрение осталось средневековым. Любые нравственные законы историчны и относительны. И ни в коем случае не абсолютны. Они связаны со временем и местом и теряют всякий смысл, будучи вырванными оттуда. В здешнем примитивном грязном обществе убить своего хозяина — единственная возможность для какого-нибудь честолюбивого парня выдвинуться. Не сомневаюсь, что в свое время Чака поступил именно так. В моем случае прямого убийства не получилось — я победил в честной схватке. Хотя результат тот же. Получив власть, я попытался облегчить жизнь моих рабов, но они этого не оценили и сами с превеликим удовольствием всадили бы мне нож в горло. Таков закон планеты. Единственное, в чем я себя обвиняю, — это в том, что я потащил их за собой искать Майка Сэймона и...

Тут дверь со скрипом отворилась, и яркий солнечный свет проник в полумрак их каземата.

— Встать, рабы!

Люди, звеня цепями, со стонами начали медленно подниматься. Человек, прикованный к самому концу длинного бревна, был кем-то вроде старшего. Он криками подгонял остальных.

— Вперед, вперед. Нам дадут поесть. Не забудьте чашки. Если у вас не будет чашки, вы не будете есть и пить целый день. А мы должны трудиться изо всех сил. Это касается всех, особенно новичков. Такой порядок, вы не можете... Так. Теперь все вместе... Раз, наклонились, взялись... и два, поднимаем бревно... три, встали, пошли.

И они встали и вышли на солнечный свет.

Холодный ветер, проникнув через остатки шкур Чаки и пиррянского костюма, неприятно щекотал тело Язона. Дзертаноджи сорвали с него почти всю одежду, но не тронули его любимых башмаков, и сейчас Язон благодарил судьбу за это светлое пятнышко в мрачной перспективе рабства. Он постарался улыбнуться, но губы дрожали от холода, и улыбки не получилось. Как можно скорее надо изменить свое положение! Язон постажировался в качестве раба на славу и считал, что заслуживает лучшей участи.

Они вышли во двор, положили бревно около стены и сели на него. Протянув чашки, подобно кающимся грешникам, рабы получили по ковшу тепловатого пойла, отведав которого Язон сразу потерял аппетит. Это был суп из кренодженей. Но выжить было важнее, и он залпом проглотил чертово варево.

Позавтракав, они перебрались на новое место, где увиденное заставило Язона забыть свои беды.

В центре двора торчал большой кабестан, в который команда рабов уже вставляла конец своего бревна. Группа Язона и еще две точно такие же группы тоже закрепили бревна в лебедке, получилось четыре спицы огромного колеса. Надсмотрщик дал команду, и рабы налегли на бревна. С невообразимым скрипом колесо пришло в движение.

Язон с головой ушел в изучение этого грубого механизма. Вертикальный столб, закрепленный в кабестане, вращал колесо, которое было связано с целой системой приводных ремней. Самый широкий из них приводил в движение нечто напоминавшее насос. Остальные ремни исчезали в окнах высокого каменного здания. Все это походило на малоэффективное устройство для перекачки воды.

Острый запах, заполняющий двор, был на удивление знакомым, и, когда из напорной трубы донесся хриплый звук и затем хлынула черная жижа, сразу все стало ясно.

— Нефть! Конечно, нефть! — пришел в восторг Язон, но

тут же подавил приступ радости. Надсмотрщик сердито взглянул в его сторону и угрожающе взмахнул хлыстом.

Вот в чем секрет дзертаноджей и источника их власти! Здесь, в охраняемой долине, они добывают нефть, которая и приводит в движение их неуклюжие машины. Но неужели дзертаноджи используют сырую нефть? Что происходит в том здании, куда ведут приводные ремни и устремляется нефтяной поток? Что за чертовщина творится в крепости, увенчанной толстой трубой, испускающей в небо клубы черного дыма?..

В тот момент, когда Язон обо всем догадался, открылась дверь и появился Эдипон, на ходу вытирая свой выдающийся нос обрывком тряпки.

Скрипело колесо. Работа шла своим ходом. Но, поравнявшись с хозяином, Язон закричал ему прямо в лицо:

— Эй, Эдипон, подойди ко мне! Мне нужно кое-что сказать тебе! Я — бывший Чака.

Но Эдипон отвернулся. Было очевидно, что раб, кем бы он раньше ни был, не представлял для него ни малейшего интереса. Надсмотрщик занес хлыст, а колесо увело Язона прочь.

— Послушай, я много знаю! Я могу помочь тебе! — через плечо крикнул Язон.

Ответом ему был свист хлыста.

«Надо срочно что-то делать», — подумал Язон и снова крикнул:

— Выслушай меня! Мне известно: что выходит первым — лучше... Ой! — Последний возглас вырвался невольно. Хлыст все-таки достал его.

Слова Язона были лишены смысла как для рабов, так и для надсмотрщика, но на Эдипона они подействовали, как если бы он наступил на раскаленные угли. Вздрогнув, он повернулся, и Язон увидел, что на его загорелом лице проступили серые пятна.

— Остановите колесо! — рявкнул он.

Неожиданная команда привлекла к Язону всеобщее внимание, надсмотрщик разинул рот и выронил хлыст, рабы застыли как вкопанные. Колесо в последний раз скрипнуло и остановилось. В наступившей тишине гулким эхом отозвались шаги Эдипона. Он подбежал к Язону, оскалив зубы, будто намереваясь укусить его.

— Что ты сказал? — торопливо выговаривая слова и одновременно вынимая из-за пазухи нож, спросил Эдипон.

Язон попытался улыбнуться, понимая, что получить удар ножом — не самый лучший выход из подобной ситуации.

— Ты слышал, что я сказал. И не думаю, что тебе захотелось бы услышать это еще раз в присутствии посторонних. Я знаю, что здесь происходит, я прибыл оттуда, где этим занимаются с давних времен. Я знаю, как надо организовать работу, чтобы добиться лучшего качества и заставить кародж двигаться быстрее. Но сначала освободите меня, — сказал Язон и в ожидании положил руки на бревно.

Несмотря на холод, ручеек пота струился у него по спине. Язон очень рассчитывал, что любопытство и здравый смысл победят. Ведь, в конце концов, раба всегда можно убить, а если перед этим задать ему пару вопросов, то ничего страшного не случится.

И любопытство победило. Нож скользнул обратно в ножны, и Язон облегченно вздохнул. Даже для профессионального игрока это было слишком серьезным испытанием. Ставка — жизнь — несколько превышала размеры обычных ставок.

— Освободить его и привести ко мне, — приказал Эдипон и ушел.

Теперь Язону было необходимо убедить старика в том, что он годен для какой-нибудь более квалифицированной работы, нежели крутить колесо.

Комната, куда привели его охранники, была первым пригодным для жилья помещением, которое Язон увидел на этой планете. Добротная, крепкая, к тому же украшенная резьбой мебель: стол, стулья, кровать, укрытая тканым ковром...

Эдипон нервно барабанил пальцами по полированной поверхности стола.

— Приковать его, — прохрипел он, и цепь, свисавшую с наручников Язона, прикрепили замком к толстому кольцу, вделанному в стену.

Как только охранники закрыли за собой дверь, Эдипон подошел к Язону и вытащил нож.

— Говори, что знаешь. Или я убью тебя на месте.

— Мое прошлое — открытая книга для тебя, Эдипон. Я пришел из земли, где уже давно не существует секретов природы.

— Как называется твоя земля? Ты шпион Аппсалы?

— Я никогда не слышал о таком месте. Я не шпион. — Язон лихорадочно размышлял, насколько можно быть откровенным и насколько умен и трезв Эдипон, чтобы понять его. Сейчас не самое подходящее время рассказывать замысловатые сказки о космосе. Хотя лучше сказать правду. Но в малых дозах. — Если я скажу, что прилетел с другой планеты, из другого мира, ты поверишь?

— Возможно. Существует множество легенд, будто наши предки спустились с неба. Но я всегда считал это религиозными выдумками, пригодными лишь для слабых женщин и детей.

— Это не легенды и не выдумки. Ваша планета действительно заселена людьми, которые много веков назад пересекли пространство, как вы пересекаете пустыню на своих кароджах. И вы, их потомки, забыли об этом. Забыли науку, знания, которыми обладали когда-то. Но в других мирах...

— Глупости!..

— Вовсе нет. И я готов доказать свою правоту. Я никогда не был внутри здания, где вы перерабатываете нефть, ты знаешь об этом, — но могу поклясться, что подробно опишу весь процесс переработки. И не потому, что видел, а потому, что знаю, как это делается. Хочешь послушать?

— Продолжай, — сказал Эдипон, присаживаясь на угол стола.

— Не скажу, как вы называете само устройство, но у нас оно называется перегонным кубом и используется для разделения жидкостей. Сырая нефть сначала подается в резервуар, а оттуда перекачивается в реторту — особый герметичный сосуд. Вы разжигаете под ним огонь и доводите нагрев до нужной температуры. Из нефти выделяется газ, и вы пропускаете его через систему гнутых труб с постоянным охлаждением. Охлаждаете, скорее всего, водой. Свободный конец трубы подводится к какой-нибудь емкости, куда и поступает конечный продукт перегонки — бензин, столь необходимый вам для того, чтобы сдвинуть с места огромный кародж.

По мере того как Язон говорил, глаза Эдипона раскрывались все шире и шире.

— Дьявол! — закричал он, подступая к Язону. — Ты не можешь видеть сквозь стены. Только моя семья...

— Успокойся, Эдипон. Я же сказал, что у меня на родине давным-давно научились получать бензин. — Язон прекрасно понимал, что нервы старика могут не выдержать в любой

момент, и был готов ко всему. — Я не крал твоих секретов. У нас каждый фермер имеет подобную установку. Клянусь, я даже не глядя могу предложить некоторые усовершенствования. Как, например, вы измеряете температуру нефти? У вас есть термометр?

— Что такое термометр?

— Я так и думал, — улыбнулся Язон. — Если хочешь, я сделаю ваш бензин более качественным, более чистым. Пока вы не контролируете температуру, на выходе у вас получается смесь различных веществ. А газолин и бензин, которые вы используете для кароджей, — это наиболее летучие жидкости. Необходимо повысить температуру, и у вас вдобавок будет керосин, пригодный для освещения помещений и многого другого. Кроме того, высвободится густая масса гудрона, которым можно покрывать дороги. Как это нравится тебе?

Дергающийся лицевой мускул щеки выдавал состояние Эдипона.

— Ты ошибся в некоторых деталях, — сказал он, — хотя в основном все верно. Но меня не интересуют ваши термометры и другие усовершенствования. То, что было хорошо для многих поколений моей семьи, хорошо и для меня.

— Твое решение не очень оригинально...

— Но если ты сделаешь кое-что другое, то, поверь, я сумею тебя отблагодарить, мы умеем быть щедрыми. Ты видел наши кароджи и даже ехал на одном из них. Можешь ли сказать, какая сила приводит в действие эти машины?

— Надеюсь, это последний вопрос, Эдипон? И давай договоримся: если я в чем-нибудь ошибусь — никаких наказаний. А теперь, отбросив всякие там святые силы и святилища, могу сказать, что, зайдя в машинное отделение, ты принялся за работу, которой меньше всего помогают молитвы. Есть несколько способов завести машину. Принцип внутреннего сгорания забыт, и я сомневаюсь, что вы могли бы его восстановить. Тот факт, что ушел целый час на подготовку кароджа, говорит о том, что вы используете из всех способов самый простой. Баки с водой, свист пара из клапанов могут означать только одно — паровой двигатель. Закрыв за собой дверь кабины, ты открыл вентили для подачи топлива в топку, а затем поджег горючее. Однако слишком большое давление может привести к взрыву, и ты следил за тем, чтобы уровень воды в котле не падал, а давление пара в цилиндрах не превышало нормы. И, наконец...

Эдипон вонзил свой нож в стол, подбежал к Язону, схватил его за плечи и затряс так, что загремели цепи.

— Ты знаешь, что ты сказал?

— Да, знаю. Означает ли это, что я выдержал экзамен и теперь ты выслушаешь меня?

— Не знаю... Не знаю, прав ты или нет... Я никогда не заглядывал внутрь этих дьявольских аппсальских ящиков. — Эдипон быстрыми тяжелыми шагами заходил по комнате. — Ты знаешь об этом больше, чем я. Я прожил жизнь, лишь ухаживая за кароджами и проклиная людей из Аппсалы, которые утаили от нас свои секреты. Но ты... Ты откроешь нам их тайну. Мы построим свои собственные машины. А если аппсальцы пожелают купить их, то им придется заплатить очень дорого.

— Нельзя ли излагать мысли яснее, Эдипон? Я никогда в жизни не слышал ничего более запутанного.

— Я покажу тебе все, человек из далекого мира. Я вижу, как рассвет нового дня встает над Путлико. — Он открыл дверь и позвал охранников и Нарсиси, своего сына.

Нарсиси явился, когда цепь с кольца уже была снята. Язон узнал в нем заспанного дзертаноджа, который помогал Эдипону вести машину.

— Бери эту цепь, сын мой, и держи оружие наготове. Если этот раб попытается бежать, убей его. Но он очень ценен. Никто не должен причинить ему вреда.

Нарсиси потянул цепь, но Язон не сдвинулся с места. Все удивленно переглянулись.

— Человек, который принесет в Путлико новый мир, — не раб. Это должно быть известно всем. Я согласен работать под охраной, но с рабством покончено раз и навсегда.

— Но ты не один из нас. Следовательно, ты раб.

— Я ввожу третью категорию лиц в ваше социальное устройство: служащие, работающие по найму. Без особого желания, правда, я даю согласие наняться к вам на работу, но требую, чтобы со мной обращались соответствующим образом. Убив раба, что вы потеряете? Очень немного. Их в вашем загоне предостаточно. Любой заменит убитого. А убив меня, что вы будете иметь? Мозги на дубинке? Вряд ли они вам пригодятся.

— Отец, он говорит, что я не могу его убить? — удивленно спросил Нарсиси.

— Нет. Он имеет в виду не это. Он говорит, что, если мы

его убьем, никто не выполнит за него работу, столь необходимую для нас. Я понял его, и мне это не нравится. Есть только рабы и рабовладельцы. Так было всегда. Все остальное противоречит естественному порядку. Но он поставил нас в такие условия, что нам необходимо предоставить ему некоторую свободу. Однако мы еще посмотрим, сумеет ли он сделать все то, что тут наобещал мне. Если нет, я лично размозжу его голову о стенку. Мне противны всякие новые идеи.

Они выстроились в цепочку и прошли в закрытое, охраняемое со всех сторон здание, где стояло семь кароджей.

— Взгляни на них, — сказал Эдипон. — Вот наша сила и могущество. Вот наше главное оружие, наводящее смертельный ужас на врагов. Но только три из них сейчас находятся в боевой готовности.

— Какие-то неисправности? — небрежно спросил Язон.

Эдипон, пыхтя и ругаясь, подошел к машинам. Все они были украшены мертвыми головами и колотыми костями. Потоки красной краски и кабалистические символы устрашающего вида на бортах дополняли и без того кошмарное зрелище.

— Эти свиньи из Аппсалы берут нашу водяную силу и не дают нам ничего взамен. О, конечно, они подсовывают нам эти гробы на колесах, которые ломаются буквально через несколько месяцев. И мы вынуждены возвращать их обратно. Менять на новые и платить... опять платить.

— Грабеж! — отозвался Язон, осматривая запечатанные корпуса кароджей. — А почему бы вам не попробовать самим их починить? Мне думается, это не особенно сложно.

— Смерть! — воскликнул Эдипон. — Еще наши отцы пытались... Эти хитрющие змеи из Аппсалы и здесь стали нам поперек дороги. При попытке вскрыть корпус из машины вырывается смерть и заполняет собой весь воздух. Люди, вдохнувшие его, погибают. Достаточно одного глотка, и человек покрывается язвами и умирает в страшных мучениях. В Аппсале долго смеялись, когда услышали об этом, и еще выше подняли цены.

Язон обошел машину и внимательно ее осмотрел. Нарсиси следовал за ним по пятам, не выпуская из рук конец цепи.

Кародж представлял собой огромный ящик выше человеческого роста. Металлический вал, проходящий насквозь, очевидно, служил осью для передачи момента вращения на колеса.

Через небольшое отверстие в корпусе был виден щит управления с тремя вентилями и двумя цветными дисками, над которыми располагались три воронкообразных углубления. Встав на цыпочки, Язон заглянул на крышу, но, кроме задымленного отверстия, ничего не обнаружил. Вероятно, это была дымовая труба.

— Что ж, — сказал он, вытирая руки, — кое-что проясняется. Но вы должны рассказать все, что знаете сами.

— Раньше ты умрешь! — вскричал Нарсиси. — Только моя семья...

— Заткнись! — оборвал его Язон. — Запомни, с угрозами покончено. Больше никаких тайн. Хватит! Я в состоянии разобраться и без вашей помощи... В три воронкообразных отверстия вы подаете масло, воду и горючее. Где-то должно быть еще одно, для подачи огня. И один из вентилей предназначен именно для этого. Другой служит для регулирования скорости, третий — для воды. Диски — указатели. — Нарсиси побледнел и отступил. — Поэтому молчи, пока я разговариваю с твоим отцом.

— Все верно, — подтвердил Эдипон. — Рты-воронки всегда должны быть полны. Горе постигнет нас, если во время движения они опустеют. Огонь подносится вот сюда, — Эдипон указал на маленькое закопченное отверстие, — и, когда зеленая стрелка отклонится, надо оттянуть эту рукоятку и держать ее до тех пор, пока стрелка не вернется назад. Белое дыхание выходит из отверстия сзади машины. Это все.

— Так я и думал, — пробормотал Язон, продолжая осматривать черный ящик. — Они оснастили кародж минимумом приборов, чтобы вы никогда не догадались о принципе действия машины. Без знания теории вы бессильны. Зеленая стрелка на диске реагирует на повышение давления. Красная черта на нем — предельный уровень. И если стрелка заползет за нее, значит, вся вода в котле испарилась. А при попытке проникнуть внутрь машины вас ожидают крупные неприятности. Неплохо сработано. Звук такой, — сказал Язон, простукивая пальцами корпус, — будто оболочка двойная. И судя по всему, там находится отравляющее вещество типа горчичного газа. Сейчас оно в жидком состоянии. Но при соприкосновении с воздухом образуется газ, и каждый, кто попытается вскрыть оболочку, получит свою порцию яда. Однако все же должен существовать доступ для ремонта и обслуживания двигателя. Учитывая уровень технологии, я

думаю, что смогу обойти все ловушки и проникнуть внутрь машины. Я берусь за эту работу.

— Хорошо, начинай.

— Одну минуту. Прежде чем нанимать работника, выслушайте его условия. Я буду счастлив перечислить их вам.

Глава 8

— Я не понимаю, зачем тебе нужен еще один раб, — сказал Нарсиси. — Женщина, отдельное помещение — это понятно. Я и мои братья будем тебе помогать. Зачем кто-то еще? Наша тайна не должна раскрыться.

— Отправляйся к отцу, пускай он даст разрешение, чтобы мне помогал раб Майк. Скажи ему, что Майк пришел из той же страны, что и я, и ваши секреты для него все равно что детские игрушки. Если его это не убедит, скажи, что мне нужен квалифицированный помощник, который в точности будет следовать моим указаниям. Ты и твои братья чересчур самоуверенны и не станете обращать внимания на детали, кроме того, если что-нибудь не будет получаться, вы скорее пустите в ход молоток, нежели соизволите пошевелить извилинами.

Нарсиси вышел, кипя от злости, а Язон присел у печки, планируя дальнейшие действия.

Больше половины дня ушло на то, чтобы на катках перетащить кароджи в песчаную долину подальше от людей. Любая ошибка могла стоить многих человеческих жизней. Даже Эдипон в конце концов понял разумность этого мероприятия, хотя он хотел бы провести эксперимент за семью замками и в глубочайшей тайне. Но, дав согласие, он все же приказал соорудить вокруг машины высокую ширму из шкур и усиленно охранять площадку. К счастью, завесы послужили неплохим заслоном от холодных ветров.

После долгих споров и пререканий с Язона все-таки сняли цепи и заменили тяжелые наручники легкими кандалами. Правда, он теперь прихрамывал при ходьбе, но зато руки были свободны.

Осталось обзавестись необходимым инструментом и заполучить все сведения о технологических возможностях дзер-

таноджей. А это, несомненно, было связано с еще одной утомительной битвой за их драгоценные секреты.

— Пойдем, — сказал он охраннику, — надо найти Эдипона.

Первая вспышка радости прошла, и хозяин Путлико не выказал ни малейшего энтузиазма после новых требований Язона.

— Ты получил помещение, — проворчал он, — рабыню, которая будет готовить тебе пищу. Я дал разрешение еще на одного раба. Что ты хочешь теперь? Ты, наверное, решил выпить из меня всю кровь!

— Не надо драматизировать события. Мне нужны инструменты для работы. Ты не можешь этого не понимать. Я должен хоть одним взглядом осмотреть инструментальный склад, чтобы знать, на что я могу рассчитывать. Прежде чем приступить к работе над этим черным ящиком с сюрпризами, мне необходимо иметь представление о вашей технической оснащенности.

— Вход запрещен...

— Довольно! Твои запреты становятся для меня непреодолимым препятствием. Для пользы дела время от времени их просто необходимо отменять. Ты сам проводишь меня?

Потребовалось отворить множество замков и запоров, прежде чем охранник ввел Язона в помещение, где перерабатывалась нефть. Двое старых дзертаноджей, насквозь провонявшие бензином, с криком подскочили к Эдипону. Но последнее слово все равно осталось за ним, и Язона, вновь закованного в цепи и охраняемого, как убийцу, пропустили в сокровищницу этого своеобразного храма.

— Какой хлам! — фыркнул он, пнув ногой ящик с инструментами.

В основном это были кузнечные клещи и молотки, сработанные крайне грубо, чуть лучше, чем каменные топоры дикарей. Дистилляционная реторта представляла собой гнутый лист меди, сваренный встык. Сварной шов в нескольких местах протекал. Единственными вещами, порадовавшими сердце Язона, оказались массивная дрель и токарный станок, работавшие от приводных ремней, которые, в свою очередь, приводились в действие упряжкой рабов. В бабке станка торчал осколок твердого металла.

Обнаружил Язон и приспособление для нарезки резьбы. Да, могло быть и хуже.

Он отобрал самые легкие и самые удобные инструменты

и отложил их в сторону. Что ж, завтра его ждут великие свершения.

Вооруженная процессия вышла в том же порядке, как и пришла. Язона отвели в крохотную, похожую на конуру комнату. Ее освещала тусклая керосиновая лампа, и он закашлялся от дыма и чада, исходящего от нее.

Замок за спиной щелкнул, первый рабочий день кончился.

Айджейл, склонившись над печкой, что-то стряпала в глиняном котелке. Язон подошел, понюхал варево и передернулся.

— Какой удар! Суп из креноджей. А на закуску, вероятно, салат из того же дерьма. Надо будет разнообразить наше меню.

— Великий Чака! — не глядя на него, прошептала Айджейл. — Могучий Чака!

— Меня зовут Язон. Я оставил имя Чаки вместе с его одеждой.

— Великий Язон! Он может околдовать дзертаноджей и заставить подчиниться его воле. Рабыня благодарит его.

Язон посмотрел на нее. Выражение бессловесной покорности, застывшее в глазах Айджейл, заставило его вздрогнуть.

— Ты можешь хоть на минуту забыть о своем рабстве? Мы вместе попали сюда и вместе выберемся.

— Да, мы спасемся. Я знаю. Ты убьешь всех дзертаноджей, освободишь рабов и отведешь нас домой. И мы снова будем бродить по берегу и есть креноджи.

— Как просто угодить некоторым девушкам. Только, вырвавшись отсюда, я пойду в другую сторону, подальше от твоих креноджей.

Айджейл слушала его, одной рукой мешая суп, а другой почесывая под своими шкурами. Тут Язон обнаружил, что и сам занимается тем же. И, судя по болезненным расчесам на коже, посвящает этому достаточно много времени.

— Хватит! — выкрикнул он и забарабанил в дверь. — Как ни далеко отсюда до нормальной цивилизации, но почему бы не попытаться создать себе более или менее комфортабельные условия?

Загремели замки, и в дверном проеме показалась голова Нарсиси.

— Чего кричишь? Что случилось?

— Мне нужна вода. Много воды.

— Разве у тебя нет воды? — удивился Нарсиси и указал на глиняный кувшин на полу. — Этого хватит на много дней.

— По вашим меркам, старина Нарсиси, но не по моим. Мне надо в десять раз больше. И немедленно! И мыла, если оно водится в этом захолустье.

После долгого спора Язон все же добился своего, заявив, что вода необходима ему для отправления религиозных обрядов. Иначе он не ручается за успех завтрашней работы.

Вода была доставлена. Среди многочисленных сосудов Язон обнаружил чашу, полную чудесного жидкого мыла.

— Вот это другое дело! — радостно воскликнул он. — Раздевайся, Айджейл. У меня есть для тебя сюрприз.

— Да, Язон, — отозвалась та, ложась на спину и счастливо улыбаясь.

— Нет. — Язон рассмеялся. — Ты будешь мыться. Знаешь, что это такое?

— Не знаю, — вздрогнув, ответила Айджейл. — Но звучит это нехорошо.

— Одежду прочь, становись сюда, — приказал он, указывая на отверстие в полу. — Это будет служить стоком.

Он сам нагрел воду в печке. Айджейл стояла, прислонившись к стене, и ее трясло от страха. Она задрожала еще сильнее, когда Язон вылил на нее кувшин теплой воды. А когда он принялся намыливать ей голову, она завопила от ужаса. Язону пришлось зажать ей рот и выждать, пока Айджейл успокоится. Потом он принялся за себя, намылил волосы и испытал восхитительное покалывание в голове. К реальности его вернул хриплый крик. Он протер глаза и увидел стоящего в дверях Майка Сэймона. Из-за его плеча выглядывал Нарсиси, пораженный таким диковинным обрядом.

— Вырождение! — гремел Майк. — Вы заставили несчастное создание подчиниться своей воле. Вы унизили ее! Как вы посмели обнажить девушку, когда не состоите с ней в священном браке? — Он прикрыл глаза рукой. — Вы зло, Язон! Вы демон зла! Я предам вас суду! Я...

— Вон! — заорал Язон, выпихивая Майка за дверь перенятым у Чаки приемом. — Единственное зло — в вашем мозгу. Назойливый фанатик! Девушка моется впервые в жизни! Меня надо представить к награде за пропаганду гигиены среди дикарей. Нарсиси, мне нужен этот раб, но не сейчас... не сейчас. Заприте его, а утром приведете ко мне. — Язон захлопнул дверь и решил, что отныне будет запирать ее изнутри.

Айджейл била дрожь.

Язон окатил ее водой, прополоскал волосы и протянул

кусок шкуры почище. Обнаженное тело девушки, освобожденное от многолетней грязи, было молодым и красивым. У нее были крепкие груди и крутые бедра. Язон невольно залюбовался ею, но, вспомнив обвинения Майка, отвернулся.

В оставшейся воде он выстирал одежду, и невыразимое чувство чистоты захлестнуло его.

Задув лампу, Язон лег и стал обдумывать план на завтра. Но в этот момент Айджейл тихонько скользнула к нему под шкуры. Сильное, горячее тело обожгло Язона, и все проблемы покинули его в тот же миг.

На завтрак, естественно, были креноджи, но впервые этот факт не огорчил Язона. У него было отличное настроение. После вчерашнего купания он вновь чувствовал себя человеком.

Готовый приступить к работе, он улыбнулся Айджейл и кликнул охранника.

Майк стоял у печки и выглядел страшно усталым и ужасно грязным. Язон дружески кивнул ему, но тот только фыркнул и отвернулся.

— Снимите с него цепи и побыстрее, — приказал Язон. — Сегодня нам предстоит много работы. — Потирая руки, он подошел к машине.

Защитный экран был сделан из какого-то тонкого металлического листа и, казалось, не мог таить в себе каких-либо неожиданностей. Язон осторожно соскреб с него в нескольких местах краску, но, кроме сварного шва, ничего не обнаружил.

Около часа ушло на то, чтобы простучать весь корпус машины и убедиться в правильности первоначального вывода: корпус двойной, а промежуток между стенками заполнен жидкостью. Да, в Аппсале умели хранить тайны! Однако доступ к сердцу машины должен существовать. Только где?

— Будем искать, — пробурчал Язон и опустился на землю, чтобы разглядеть днище кароджа. — Подойдите ко мне, Майк! — крикнул он. Майк без особого энтузиазма оторвался от горячей печки. — Ближе, ближе. И сделайте вид, что изучаете этот средневековый автомобиль. Нам надо поговорить. Вы согласны работать со мной?

— У меня нет ни малейшего желания с вами работать, Язон динАльт. Я боюсь, что вы запачкаете меня своими грязными руками, как и многих других.

— Да? Но сами вы не выглядите настолько чистым, чтобы...

— Я не это имел в виду!

— А я имею в виду именно это. О своей душе заботьтесь сами. Это не мое дело. А вот горячий душ я вам обещаю. Соглашайтесь, Майк. Клянусь, я найду возможность вытащить вас отсюда и доставить в город, где делают эти машины. Если вообще существует шанс вырваться с этой планеты, то только там, в городе.

— Я знаю, Язон. И все же не могу решиться.

— Послушайте, разве не главная ваша задача — доставить меня на Кассилию? Оставаясь рабом, думаю, вы вряд ли этого добьетесь.

— Вы адвокат дьявола, Язон. Вы правы. Я согласен. Я буду помогать вам во имя великой цели, во имя Истины!

— Отлично. Тогда за работу. Отправляйтесь к Нарсиси и доставьте сюда три бревна побольше и потолще. И прихватите еще пару лопат.

Рабы притащили бревна, но бросили их перед ширмой — заходить внутрь мастерской им было запрещено. Майку с Язоном пришлось самим подтаскивать их к машине, так как дзертаноджи, никогда не занимавшиеся физическим трудом, сочли их просьбу о помощи весьма забавной.

Они вырыли под машиной длинные канавы и протолкнули туда бревна, а затем поочередно принялись выгребать песок из-под кароджа, пока под ним не образовалась яма глубиной в человеческий рост. Язон спрыгнул в яму и осмотрел дно машины: оно было ровным и гладким.

Очень осторожно он стал очищать края днища и тут же обнаружил тонкую полосу припоя, идущую вдоль всего периметра.

— Эти аппсальцы страшные хитрецы, — проворчал Язон, ножом снимая припой, который удерживал большой металлический лист.

Убедившись, что здесь нет никаких ловушек, он потянул за край листа, и тот легко упал на дно ямы. Его взгляду открылась ровная металлическая поверхность без каких-либо выступов и соединений.

— На сегодня довольно. Кое-чего мы уже добились, и перед тем, как предпринимать дальнейшие шаги, стоит хорошенько подумать. Пока нам везет, но вряд ли так будет всег-

да. Ночевать будете у меня, Майк, так что захватите с собой весь свой скарб.

— Никогда! Притон порочности...

Язон вплотную приблизился к Майку. И когда он заговорил, его голос, казалось, был изо льда и металла. Глядя Майку прямо в глаза и при каждом слове толкая его пальцем в грудь, Язон произнес:

— Вы пойдете со мной. Я так хочу. Этого требует дело. Мне надоело, что вы постоянно указываете на мои моральные слабости. Идемте!

Ужиться с Майком было не так-то просто. Пока он мылся за ширмой из шкур, Язон и Айджейл должны были стоять у стены и ни в коем случае не оборачиваться. Но Язону уж очень хотелось досадить своему компаньону, и он принялся развлекать Айджейл. Айджейл весело смеялась, а смущенному и сердитому Майку казалось, что смеются над ним. Помывшись, он, не произнеся ни слова, получше укрепил ширму и лег за ней спать.

На следующее утро Язон энергично взялся за дело. Всю ночь он размышлял над загадками кароджа и теперь решил проверить свои предположения на практике.

Сильно надавив на рукоять ножа, Язон сделал в металле канавку. Металл днища оказался не таким податливым, как припой, но все же это был сплав, содержащий значительное количество мягкого свинца. Что бы это значило? Осторожно работая ножом, он выяснил, что толщина металла везде одинакова, за исключением двух мест, находящихся в самом центре прямоугольного днища. Язон обвел их острием ножа, получив в результате два круга размером с голову человека.

— Майк, идите сюда. Взгляните на эти штуки. Что вы думаете?

Майк поскреб бороду и потрогал окружности пальцем.

— Они покрыты металлом, и я не уверен...

— Я не спрашиваю, уверены вы или нет. Что вы об этом думаете?

— Похоже на огромные гайки... Но они так велики!

— Они и должны быть такими. На них держится вся эта машина. Я полагаю, мы близки к разгадке секрета кароджа. И теперь надо быть особенно осторожными. Не очень-то верится, что все так просто. Нужно снять металл, закрывающий гайки. Это работа не одного часа, но рано или поздно мы сделаем свое дело. И все-таки нельзя забывать о ядовитом газе.

Когда первая гайка была освобождена, Язон поручил дальнейшую очистку Майку, а сам занялся изготовлением деревянного шаблона для гаечного ключа.

Но шаблон шаблоном, а вот изготовление самого ключа оказалось сверхсложной задачей. Лучшие мастера-дзертаноджи долго обсуждали на совете, как правильно подойти к решению этой непростой проблемы. И наконец после продолжительных дискуссий они выбрали кузнеца, которому и поручили столь важное дело.

Кузнец первым делом занялся тем, что прочитал великое множество молитв, и только после ритуального жертвоприношения приступил к работе.

Ключ был выкован и закален в масле. Теперь у Язона имелся необходимый инструмент, и он поспешил в мастерскую. Там его поджидал Эдипон.

— Я осмотрел гайки, — сказал он. — Эти дьявольские аппсальцы залили их маслом.

— Это не масло, а металл, — ответил Язон.

— Но это невероятно! Зачем прятать один металл под другим? И как они это сделали?

— Элементарно. Основание готовой машины опустили в форму с расплавленным металлом более низкой температуры плавления, чем сталь. Поэтому машине это не повредило, а ее днище покрылось защитным чехлом. В городе неплохо знают технологию металлов. Они рассчитывали на ваше невежество.

— Невежество?! Ты оскорбляешь...

— Беру свои слова обратно. Я хотел сказать, что они пытались провести вас с помощью этой хитрости. Но тем не менее они остались в дураках. Ты доволен?

— А что ты думаешь делать дальше?

— Я отвинчу гайки. А потом, вероятно, смогу без особых осложнений снять кожух с отравленной жидкостью.

— Это не слишком опасно? Ведь возможны и другие ловушки. Пусть гайки отвернет раб, а мы подождем в отдалении. Если с ним что-нибудь случится, это будет небольшая потеря.

— Я тронут твоей заботой, Эдипон. Но я должен все сделать сам. Мне кажется подозрительным, что секрет так прост. Отвинчивая гайки, я, может быть, обнаружу еще какие-нибудь сюрпризы. Кроме меня, никто не справится с этой работой. Так что прикажи всем отойти в безопасное место.

Уговаривать никого не пришлось, и Язон вскоре остался один. Не было слышно ни единого звука, лишь стены из шкур слабо вздрагивали на ветру. Язон унял легкую дрожь, пробежавшую по телу, и, поплевав на ладони, скользнул в яму.

Ключ точно охватил гайку. Упершись ногами в край ямы, Язон налег на рычаг и тут же остановился. Болт торчал наружу примерно на три витка резьбы. Что-то в нарезке показалось Язону подозрительным, и этого было достаточно, чтобы прекратить работу.

— Майк! — крикнул он. — Сбегай к дзертаноджам и принеси гайку и болт. Размер не имеет значения. — Язон выбрался из ямы и присел у печки, отогревая руки.

Когда Майк вернулся, Язон взял у него болт с гайкой и снова полез под машину. Сравнив обе пары, он громко рассмеялся. Резьба на аппсальском винте была нарезана под другим углом и шла слева направо.

У разных планет Галактики множество культурных и технических особенностей, но резьба — древнейшее изобретение, унаследованное от далеких предков, — везде одинакова. Никогда раньше Язон не задумывался об этом, но сейчас он мысленно вернулся к своему прошлому — всегда и везде было одно и то же: сверла углублялись в дерево, гайки накручивались на болты, винты вворачивались в гнезда всегда по часовой стрелке. Даже на грубом винте дзертаноджей, который он держал в руке, была точно такая же, правая резьба. А вот болт на кародже имел обратную, левую нарезку.

Язон вновь взялся за гаечный ключ, тяжелая гайка начала неохотно поддаваться. Сначала на четверть оборота, потом на треть, на пол-оборота... и наконец, отвинченная, она упала на землю. Отбросив ключ в сторону, Язон выскочил из ямы, готовый при малейшем запахе яда пуститься наутек.

Но ничего не произошло. Вскоре вторая гайка вслед за первой свалилась на дно ямы.

Вбив клин в образовавшийся зазор между корпусом и днищем машины, Язон надавил на рычаг, и огромная плита рухнула вниз.

— Эй, вы там, идите сюда! Все в порядке, — позвал Язон, и дзертаноджи по очереди спустились в яму, чтобы разглядеть открывшееся дно кароджа. — Думаю, осторожность не помешает и в дальнейшем. Уверен, что для тех, кто стал бы откручивать гайки в противоположном направлении, тем самым, наоборот, затягивая их, был подготовлен очередной

сюрприз. Пока мы полностью не разобрались в этой штуковине, мы обязаны быть предельно осторожны. У вас можно добыть большие куски льда, Эдипон? Ведь сейчас зима.

— Лед? Зима? — Эдипон явно был сбит с толку внезапной сменой темы. Он почесал кончик своего выдающегося носа. — Конечно, сейчас зима. Лед есть на высокогорных озерах... много льда. Они всегда замерзают в это время года. Но зачем тебе лед?

— Добудь лед, тогда увидишь. И прикажи, чтобы его нарубили прямоугольными кусками.

Пока рабы выполняли заказ, Язон при помощи деревянного каркаса и металлических клиньев укрепил кожух машины. Теперь, если машину опустить в яму, кожух останется на поверхности. Проделать же все это он собирался весьма оригинальным способом.

Язон заполнил яму ледяными брикетами и вытащил из-под машины бревна, державшие ее до сих пор. Теперь оставалось ждать, пока растает лед.

Но к вечеру похолодало, и Язон вынужден был окружить яму кольцом угольных печей. В задачу Майка входило постоянно вычерпывать скапливающуюся воду. Они трудились всю ночь. И когда на рассвете вернулись дзертаноджи, машина уже стояла в грязи на дне ямы. Кожух был снят.

— Хитры дьяволы в Аппсале, но Язон динАльт тоже не вчера родился на свет! — воскликнул уставший, но довольный собой Язон. — Взгляните на этот кувшин на верху машины, — он указал на сосуд из тонкого стекла, размером с небольшой бочонок, наполненный маслянистой зеленоватой жидкостью, — вот он, сюрприз. Чертовы гайки были связаны с кожухом планкой, проходящей над этим сосудом. И если их не ослаблять, а затягивать, то планка разбивает сосуд. Что происходит дальше, надеюсь, понятно?

— Отравленная жидкость!

— Вот именно. И чехол с двойными стенками тоже наполнен ею. Не думаю, чтобы нас ожидали еще какие-нибудь неожиданности, но все равно осторожность не повредит.

— И ты можешь починить кародж? Ты знаешь неисправность? — Голос Эдипона прямо вибрировал от радости.

— Пока нет. Я лишь бегло осмотрел этот ящик. Но и этого достаточно. Работа представляется мне столь же легкой, как похищение креноджа у слепого. Эта машина так же несовершенна, как и ваша нефтяная установка. Если хотя бы десятую часть энергии, которую вы тратите на сохранение сво-

их секретов, направить на развитие производства, то вы бы уже давно летали на реактивных самолетах.

— Я прощаю тебе это оскорбление, ты сослужил мне хорошую службу. И если ты починишь наши кароджи, для всех нас начнется новая эра.

— Может быть... может быть... Но пока меня ждет еще одна бессонная ночь. — Язон зевнул. — Я отправляюсь спать и прошу до вечера меня не будить. А чтобы машина не заржавела, заставь сыновей вычерпать воду. Когда высплюсь, я продолжу работу.

Глава 9

Эдипон продолжал пребывать в хорошем настроении, и Язон использовал это, чтобы добиться как можно больше уступок.

Ссылаясь на то, что в машине могут открыться другие неожиданные сюрпризы, он получил разрешение и дальше работать на том же огороженном шкурами месте. Это было большое преимущество, вести работы в закрытом охраняемом помещении под бдительным оком стражников у Язона не было никакого желания.

Под его руководством был сооружен уникальный испытательный стенд, поддерживающий машину, пока Язон под ней работал. Никто, включая Майка, никогда в жизни не сталкивался с подобными стендами, что было на руку Язону. И он решил использовать это обстоятельство в собственных целях.

У первой машины, к которой приступил Язон, оказался сорван подшипник. Кроме того, когда он отвернул крышку большого цилиндра, то даже присвистнул от удивления, увидев между стенками цилиндра и поршнем такой зазор, что в него запросто можно было просунуть палец. Язон изготовил новый подшипник и уплотнительные кольца на поршень, увеличив в два раза мощность двигателя.

Эдипон, увидев, как возросла скорость отремонтированной машины, прижал Язона к груди и рассыпался в комплиментах, обещая щедрую награду. Эта награда выразилась в небольшом куске мяса — довесок к ежедневному меню из креноджей — и в удвоенной охране. Эдипон решил на всякий случай позаботиться, чтобы его ценная собственность не вздумала бежать. Но у Язона были свои соображения на этот

счет, и он потихоньку занимался тем, что изготавливал некоторые приспособления, не особенно нужные для ремонта кароджей. Когда техническая сторона дела была закончена, он принялся искать союзников для осуществления своего плана.

— Что бы ты сделал, если бы я дал тебе дубину? — спросил он высокого, крепкого на вид раба, помогая ему подтаскивать бревно к мастерской.

— Что бы я сделал? — прохрипел раб, сморщив лоб и открыв рот от напряженной работы мысли.

— Да, именно об этом я тебя спрашиваю. И не останавливайся, ради бога, мне не хочется, чтобы охрана что-нибудь заметила.

— Если у меня будет дубина, я буду убивать, — возбужденно ответил раб, сжимая воображаемое оружие.

— А меня ты бы тоже убил?

— Конечно, — он оглядел Язона, — ты не особенно сильный.

— Но если я дам тебе дубину, разве я не стану твоим другом? Почему бы тебе не убить кого-нибудь другого?

Такой поворот вопроса поставил раба в тупик. Он принялся задумчиво чесать голову и чесал до тех пор, пока Нарсиси не заорал на него.

Язон вздохнул и решил подыскать других, более сообразительных рабов.

Шло время, и он постепенно, шаг за шагом вколачивал в головы рабов, что ему было нужно. Все, на что можно рассчитывать у дзертаноджей, — это тяжелая работа и близкая смерть. Язон предлагал им другое: оружие, избавление от хозяев и обилие крови и трупов в походе на Аппсалу. Рабы с трудом свыкались с мыслью, что им придется действовать сообща, что нельзя убить Язона, а также друг друга.

Это была рискованная авантюра. Но в любом случае, что бы ни случилось, восстание поможет Язону обрести свободу, даже если рабы разбегутся сразу после захвата Путлико. На нефтяной скважине работают только около пятидесяти мужчин дзертаноджей, все остальные, включая женщин и детей, живут в горном поселке. Перебить или разогнать нефтяников до прибытия подкрепления с гор не представлялось Язону особенно сложным. Одно-единственное обстоятельство мешало осуществлению этого грандиозного плана, но новое пополнение рабов разрешило и это затруднение.

— Удачный денек, — засмеялся Язон, распахивая дверь и потирая руки от удовольствия. Он задвинул внутренний засов и жестом поманил Айджейл и Майка в дальний угол комнаты. — Прибыли новые рабы. Среди них захваченный в стычке наемник из Аппсалы. Он знает, что ему здесь не выжить, и будет благодарен за любую возможность вырваться отсюда.

— Это мужской разговор. Я его не понимаю, — сказала Айджейл и отвернулась к печке.

— Сейчас поймешь. — Язон удержал ее за плечи. — Аппсалец знает дорогу в город. Пора подумать о побеге.

— Как это? — удивилась Айджейл.

— Я не терял времени даром, а заготовил все необходимое для побега: напильники, отмычки, оружие... Кроме того, на моей стороне большинство рабов.

— И что же вы собираетесь сделать? — спросил Майк.

— Восстание! Восстание в лучших традициях. Рабы уничтожают ненавистных эксплуататоров, и мы на свободе!

— Что?! Это революция! — заревел Майк с такой мощью, что Язон вынужден был повалить его на пол и зажать рот.

— Вы что, хотите провести остаток жизни, чиня машины? Поймите, самим нам отсюда не выбраться. Нас слишком хорошо стерегут.

— Рев... люц... — хрипел Майк.

— Да, революция. И иного нам не дано. Вы не можете сочувствовать дзертаноджам, каждый из них отъявленный убийца, и вы знаете об этом. Для них рабы — человеческий скот, то, что они пострадают во время восстания, вполне закономерно.

Язон отпустил Майка, но готов был в любой момент наброситься на него и заткнуть ему рот, если тот снова перейдет на крик.

— Конечно, дзертаноджи — отвратительные звери в человеческом обличье. — Майк никак не мог отдышаться. — И я не питаю к ним особых симпатий. Наоборот, я считаю, что их надо стереть с лица земли, как Содом и Гоморру. Но не при помощи же революции. Революция — зло. Так было всегда и везде.

Язон застонал.

— Две трети из существующих ныне правительств возникли в результате революций. Либералы... демократы... Пойдите и расскажите им, какое зло есть революция. А может быть, у вас есть другой способ избавления от рабства? Например, голосованием? Нет? Тогда берите в руки оружие и стреляйте.

— Кровь?! Нет, это невозможно.

— Хорошо, пусть не революция. — Язон раздраженно махнул рукой. — Давайте сменим название. Как вы насчет разрушения тюрем? Нет, это вам тоже не понравится... Ага, нашел! Освобождение! Мы срываем цепи с несчастных мучеников и возвращаем в родные земли, откуда их силой изгнали сатрапы. А то, что дзертаноджи, видимо, не согласятся с нами, не должно вас беспокоить. Итак, вы присоединяетесь к нашему освободительному движению?

— Это все равно революция.

— Это будет тем, чем я его назову, — вконец разозлился Язон. — Вы идете со мной или остаетесь здесь... навсегда. Третьего не дано. Я кончил. — Он встал и налил себе супа.

— Я не могу... не могу пойти на это... не могу... — бормотал Майк, опустив голову.

Язон, не в силах побороть отвращение, отвернулся.

— Смотри, Айджейл, — сказал он, указывая ложкой через плечо, — не дай бог вам кончить так же. Хотя это маловероятно. Ваш народ крепко стоит на земле. Он признает только факты. Всякая абстракция выше его понимания. А этот длинолицый клоун умеет только витать в облаках. И чем выше он парит, тем больше получает удовольствия. Готов поклясться, что сейчас его занимает вопрос, сколько ангелов могут разместиться на острие булавки.

— Неправда, — вмешался Майк. — Но в свое время я обязательно поразмышляю над этим. Эта проблема не может быть легко разрешена.

— Видишь?

Айджейл кивнула.

— Если не знает он и не знаю я, значит, прав ты, — сказала она и была явно удовлетворена своим ответом.

— Очень приятно, что ты так считаешь, — улыбнулся Язон. — И главное, что это — правда. Я не святой, конечно, но будь я проклят, если не лучше вашего вижу различие между конкретным и абстрактным, если я не искусней претворяю теорию в жизнь, если я... Ладно, хватит, — прервал он сам себя, — собрание клуба поклонников Язона динАльта переносится на более светлые времена.

— Чудовище! Какое высокомерие!

— Заткнись, Майк.

— Гордыня предшествует падению. Вы, проклятый идолопоклонник...

— Чудесно!

— ...и я сожалею, что помогал вам. Вам, воплощению гре-

ха. Я не сумел побороть искушения. Это печалит меня. Но теперь я исполню свой долг. — Майк бросился к двери: — Стража! Стража!

Язон рванулся к нему, но поскользнулся и упал. Лязгнули замки, дверь открылась, и на пороге показался Нарсиси.

Все было кончено. Если бы Язон схватил этого идиота прежде, чем тот успел открыть рот, он бы заставил его заткнуться. В конце концов, он мог просто оглушить его.

Нарсиси просунул голову в дверь и осмотрел комнату. Майк принял драматическую позу и указал на Язона.

— Схватите и арестуйте этого человека! — продекламировал он. — Я обвиняю его в попытке государственного переворота, устройстве революции и кровавого террора.

Разъяренный Язон выхватил из мешка огромный свинцовый молоток и занес над головой.

— Предатель! — закричал он и обрушил молоток на Нарсиси.

Но Нарсиси успел загородиться щитом и отвести молоток. А молниеносный удар дубинки пришелся как раз по запястью Язона. Его пальцы разжались, и молоток упал на пол.

— Вам обоим следует идти за мной. Отец сам во всем разберется, — сказал Нарсиси и вытолкнул их за дверь.

Гремя кандалами, они брели по коридору. Майк шел, как мученик, гордо закинув голову, за ним следом ковылял Язон, скрипя зубами от злости.

Эдипон был далеко не глуп. Он понял ситуацию раньше, чем Нарсиси закончил свой рассказ.

— Я не удивлен. Именно этого я и ожидал. — Он на мгновение задержал взгляд на Язоне, и глаза его сверкнули. — Да, я знал, что придет время и ты попытаешься меня перехитрить, поэтому я позволил дать тебе в помощь раба, чтобы он перенял твое искусство. Я не сомневался, что он предаст тебя, и награждаю его твоим местом.

— Предал?! Но я не преследовал личной выгоды! — запротестовал Майк. — Нет!

— Вами руководили исключительно бескорыстные мотивы, — холодно съязвил Язон. — Не верь ни единому его слову, Эдипон. Я не готовил никакого восстания. Этот лжец просто хочет занять мое место.

— Вы клевещете на меня, Язон! Я никогда не лгу. Вы готовили восстание. Вы сами говорили мне...

— Молчите вы оба. Или я прикажу забить вас насмерть. Ясно? А теперь слушайте, что скажу я. Раб Майк предал раба Язона, причем абсолютно неважно, готовил раб Язон восстание или нет. Главное, что раб Майк следовал указаниям раба Язона до тех пор, пока не убедился, что сможет сам справиться с этой работой. После чего и предал его. И это единственное, что меня интересует. А твои идеи о социальном устройстве, раб Язон, всегда беспокоили меня. И мне постоянно хотелось похоронить их вместе с тобой. И вот наконец пришло это время. — Эдипон повернулся к охранникам. — Отвести его к остальным рабам и приковать. А тебя, Майк, я награждаю комнатой и женщиной раба Язона. Пока ты будешь справляться с порученным тебе делом, я не трону тебя. Работай и проживешь долго.

— Исключительно из бескорыстных мотивов, не правда ли, Майк? — донесся из коридора голос Язона.

Падение было стремительным. Мало того, что кандалы на ногах никто не потрудился снять, через полчаса на запястьях Язона позвякивали новенькие наручники, а его самого приковали к стене темного сырого помещения, битком набитого спящими рабами.

— Как идет подготовка к восстанию? — вдруг донесся до Язона чей-то шепот.

— Хм... нормально, — ответил он, пытаясь разглядеть своего соседа. — Мне кажется, я узнаю тебя. Это с тобой я сегодня разговаривал?

— Да. Я — Снарби. Солдат-копьеносец, искусный в обращении с дубинкой и кинжалом. На моем счету семеро убитых.

— Я помню, Снарби, — прервал его Язон. — Я помню и то, что ты знаешь дорогу в Аппсалу.

— Да, я знаю.

— Тогда восстание начинается. Но как ты относишься к тому, чтобы бежать вдвоем?

— Это лучшая мысль с тех пор, как были изобретены пытки. Эти идиоты только мешались бы под ногами. Я всегда считал, что действовать надо малыми силами.

— Тогда начнем.

Язон извлек из башмака напильник и отмычку, которые он припрятал, пока Майк размахивал руками перед Нарсиси.

Он отлепил глину, скрывавшую надрез в кандалах, сделанный заранее, и энергично принялся за мягкий металл. Через три минуты кандалы лежали на полу.

— Ты колдун, — отшатываясь от Язона, прошептал Снарби.

— Механик. Впрочем, на этой планете это одно и то же. — Язон осмотрелся. Утомленные за день рабы видели десятый сон. — Снарби, мы прикованы к одной цепи?

— Да. Она проходит через наручники всех рабов. Лишь один ее конец вмонтирован в стену.

— Лучше и не придумаешь. Значит, перепилив только одно звено, мы будем свободны. Остальное неважно. Главное, никого не разбудить, — прошептал Язон и принялся за дело. — Да, еще... Не заходит ли сюда по ночам охрана?

— С тех пор, как я здесь, такого не случалось.

— Будем надеяться, что и сегодня... — Язон продолжал лихорадочно пилить, — ...нам потребуется некоторое время...

В этот момент металл под напильником прорвался, не дав Язону закончить свою мысль. Общими усилиями они разогнули звено, и цепь развалилась пополам. Стараясь производить как можно меньше шума, Язон и Снарби аккуратно уложили цепь на пол и скользнули к двери.

— Как ты думаешь, есть ли снаружи охрана? — спросил Язон.

— Думаю, нет. У них слишком мало людей, чтобы сторожить спящих, к тому же прикованных рабов.

Они прислушались, но, кроме храпа за спиной, ничего не услышали.

Дверь была закрыта. Разглядев замочную скважину, Язон просунул в нее отмычку.

— Эти идиоты оставили ключ в замке.

Он усмехнулся и просунул под дверь кусок шкуры. Затем осторожно подтолкнул ключ отмычкой и, когда тот упал, втащил шкуру обратно. Ключ лежал в самом ее центре.

Через мгновение они уже затворяли за собой дверь и напряженно всматривались в темноту.

— Бежим! Бежим сюда! — сказал Снарби, но Язон схватил его за горло и потащил назад.

— Есть ли хоть капля разума на этой планете? Как мы доберемся до Аппсалы без пищи и воды? Если хочешь выйти отсюда живым, делай все, как я скажу. Для начала мы запрем дверь на замок, чтобы никто раньше времени не спохватился. Потом раздобудем машину и уберемся отсюда с шиком. Понятно?

Вместо ответа раздался приглушенный хрип. Язон несколько разжал пальцы, позволив воздуху проникнуть в легкие Снарби, и тот, когда пришел в себя, молча последовал за Язоном по темным переулкам мимо каменных зданий.

Выйти за пределы города не составляло большого труда. Они беспрепятственно добрались до мастерской с неохраняемой стороны и пробрались внутрь через скрытое отверстие в шкурах.

— Стоп. Пришли. Сиди тихо и ничего не трогай. — Язон взял небольшой молоток и направился к выходу, где, прислонившись к столбу, дремал один из сыновей Эдипона. Левой рукой он снял с его головы кожаный шлем и коротким ударом оглушил охранника.

— Теперь за работу, — сказал Язон, вернувшись к Снарби.

Он отбросил молоток и поднес огонь к фитилю лампы.

— Что ты делаешь? Нас увидят!

— Держись меня, Снарби, и будешь атаманом. Ни один часовой ничего не увидит. Я проверял. А нам предстоит сейчас кое-чем заняться.

На испытательном стенде возвышался огромный, самый мощный кародж. Эта машина была гордостью Язона. Внешне она походила на грубый неотесанный кародж дзертаноджей, но над внутренним устройством Язон тщательно поработал, подготавливая ее для собственных нужд. Двигатель, приборы — все было до мельчайших деталей проверено и, где возможно, усовершенствовано. Помимо всего прочего, Язон перенес все машинное отделение на испытательный стенд, который теперь служил платформой для машины, облегчив ее таким образом во много раз.

Осталось доделать кое-какие мелочи.

Три колеса лежали в стороне, и их предстояло водрузить на место. Очистить площадку от инструментов, бревен и другой рухляди, заправить машину горючим — и можно трогаться в путь.

Когда эта работа была закончена и Снарби притащил глиняные кувшины с маслом, водой и бензином, Язон разжег под котлом огонь и погрузил в машину различные инструменты и небольшой запас еды. Он рассчитывал, что этого должно хватить на всю дорогу.

Близился рассвет. Пора было трогаться в путь, но Язон никак не мог избавиться от одной терзавшей его мысли: Айджейл... Нельзя оставлять ее здесь. Нельзя вот так взять и бросить ее. Но Майк!.. Да, он совершил немало идиотских поступков. Да, он надоел ему хуже ненавистных креноджей. И все же что-то мешало Язону просто отмахнуться и забыть этого человека.

Все, этот раз будет последним! Язон ударил кулаком по кароджу.

— Следи за машиной, я скоро вернусь, — сказал он Снарби.

— Ты хочешь, чтобы я остался один на один с этим дьяволом? Эта машина и сама взорвется, и меня убьет.

— Успокойся. Демоны тут ни при чем. Этот утиль на ко-

лесах сделан людьми и усовершенствован мной. Сжигая горючее, мы получаем пар, который проходит по трубе и двигает вот этот стержень. Стержень вращает колеса, мы движемся. Это азы теории паровых машин. Ими мы и ограничимся. Если захочешь, когда-нибудь потом я объясню подробнее, а сейчас, извини, не до этого, поэтому ты останешься здесь и сделаешь все, что я скажу, иначе я проломлю твою тупую голову. Ясно? — Ошарашенный Снарби кивнул. — Ну вот и отлично. От тебя требуется только одно — следить за этим зеленым окошком. Если оно перестанет светиться, сразу поверни этот вентиль. Понятно? Сделаешь все как надо — сработает предохранительный клапан, он не выпустит пар, и мы сможем преспокойно убраться из этого логова.

Оставив Снарби, Язон прошел мимо все еще не пришедшего в себя часового и направился к нефтеперегонной установке. Он прихватил с собой длинный меч, который ухитрился изготовить под самым носом своих стражей. Охранники обычно досконально проверяли все, что он выносил из мастерской, но не обращали внимания на то, чем он занимался внутри. Им даже не могло прийти в голову, что раб может быть занят чем-либо иным, кроме работы. Такой первобытный уровень мышления был Язону как раз на руку, он успел изготовить целый мешок зажигательных снарядов и сейчас нес его за плечами. Это были небольшие глиняные сосуды, заполненные горючей смесью и обернутые кожей, пропитанной бензином, острый запах которого уже начал кружить ему голову. Но Язон надеялся, что эти штуковины не подведут, когда придет время. Если поджечь оболочку и бросить снаряд, то глиняный сосуд разобьется и бензин воспламенится. Но это была теория, а как получится на самом деле? Ведь ни о каких испытаниях не могло быть и речи.

Путь назад оказался столь же безопасным, как и в мастерскую. Но где-то в глубине души Язон только ждал повода, чтобы бросить все, кинуться обратно к машине и рвануть отсюда на полную катушку. И прощайте, девушка-рабыня и Немезида в облике Майка! Тем более что ради них приходится рисковать собственной жизнью.

Однако Язон все шел и шел, пока не очутился в пяти шагах от своей бывшей комнаты.

Охранник был на месте. Казалось, он дремал, но тут что-то привлекло его внимание, он зашмыгал носом и стал принюхиваться. До него донесся запах бензина. Охранник насторожился, осмотрелся и увидел Язона раньше, чем тот успел спрятаться.

— Кто здесь? — заорал он и кинулся к Язону.

Выхода не было. Язон издал ответный крик, и острое лезвие взметнулось над охранником. С хриплым стоном тот повалился на пол, из его горла фонтаном била кровь. Здание наполнилось голосами и топотом ног. Язон достал из мешка кувшин с зажигательной смесью, перепрыгнул через бездыханное тело охранника и кинулся открывать дверь. На счастье, замок быстро поддался.

— Живо. Выходите! Бежим! — закричал он и подтолкнул перепуганную Айджейл к выходу. Майка он пнул так, что тот буквально вылетел в дверь, где и столкнулся с Эдипоном. Никто и опомниться не успел, как Язон прыгнул и ударил Эпидона в ухо рукояткой меча.

— Быстро в мастерскую! — скомандовал он. — Там нас ждет машина.

Когда наконец до Айджейл и Майка дошло, чего от них хочет Язон, в коридоре показалась толпа вооруженных дзертаноджей.

— К машине! — заорал Язон и, сорвав со стены лампу, поджег кувшин.

Мгновенно вспыхнувшая оболочка чуть не обожгла ему руку, но он успел бросить снаряд в приближающуюся толпу. Бутылка ударилась о стену и разбилась, капли бензина брызнули во все стороны, но ничего не произошло, огонь погас.

Язон выругался и схватил второй снаряд. Если и он не взорвется — это конец.

Дзертаноджи на какое-то мгновение замерли в нерешительности перед лужей бензина, и в этот момент Язон метнул второй кувшин.

Пламя охватило коридор, и проход закрыла огненная завеса. Придерживая лампу так, чтобы она не погасла, Язон побежал вслед за Майком и Айджейл.

На улице было тихо и спокойно. Язон снаружи запер дверь на все засовы и выбросил лампу. Надобности в ней больше не было. Пока дзертаноджи взломают дверь, он будет уже далеко.

И вдруг раздался протяжный пронзительный свист.

— Снарби... — застонал Язон, — он не закрутил вентиль.

Злясь на все человечество, он по пути наткнулся на Айджейл и Майка, заблудившихся в темноте, и ударом ноги задал Майку нужное направление.

Поднялась суматоха. Из объятого огнем здания вынесли бесчувственного Эдипона. Дзертаноджи, видимо, никогда не подвергались ночному нападению и теперь бегали, суети-

лись, кричали, решив, что на них напали враги. Всеобщая сумятица усиливалась душераздирающим свистом выходящего из машины пара.

В этом хаосе поначалу никто не обратил на беглецов никакого внимания, их засекли только тогда, когда они пересекали открытое пространство перед мастерской. Но Язон уже не думал о том, чтобы остаться незамеченным. Если весь пар выйдет, кародж превратится в бесполезную груду металлолома и они окажутся в ловушке.

Снарби сидел, спрятавшись за колесом, и дрожал. Язон даже не посмотрел в его сторону, он ринулся к машине, но тут раздался щелчок предохранительного клапана, и внезапно наступила мертвая тишина.

Язон в ярости закрутил вентиль и посмотрел на индикатор. Давление было на нуле.

И в это время в мастерскую ворвались разъяренные дзертаноджи.

Язон выхватил очередной кувшин с бензином, поджег его в печи и швырнул прямо на головы преследователей. Снаряд взорвался, и гневные крики сменились дикими воплями ужаса и боли, дзертаноджи бросились врассыпную. Язон метнул им вслед еще один снаряд, чем значительно ускорил отступление неприятеля.

Вернувшись к машине, он — чем черт не шутит — постучал по индикатору давления. Стрелка не шелохнулась.

Что ж, придется ждать, пока давление пара в котле не поднимется вновь. Язон открыл клапан подачи топлива и принялся грызть грязные ногти. Дзертаноджи, несомненно, вернутся и будут атаковать мастерскую. Если к этому времени давление хоть немного поднимется...

— Эй, вы! — закричал он. — Майк и ты, паршивый слюнтяй Снарби! Идите-ка сюда и подтолкните машину.

— Вообще что происходит? — спросил подошедший к нему Майк. — Вы уже начали революцию? В таком случае на меня можете не рассчитывать.

— Мы бежим. Хотите, оставайтесь.

— Бежим?! Тогда я присоединяюсь. В бегстве от этих варваров я не вижу ничего предосудительного.

— Я рад за вас. А теперь толкайте. Я хочу поставить машину в самый центр площадки, подальше от стен, и развернуть ее в сторону пустыни. Оттащите эти бревна, чтобы не зацепились, и толкайте.

Время тянулось медленно. Их лица озарял отблеск пламени из печи. Беглецы сидели в кародже и ждали, когда наконец давление пара в котле поднимется настолько, что можно будет стронуть машину с места. Сейчас ничего от них не зависело, каждая прошедшая секунда казалась им вечностью. Стены скрывали от них неприятеля, а воображение рисовало жуткие картины.

Первым не выдержал Снарби.

— Бежим отсюда! — выпалил он и попытался спрыгнуть с машины.

Язон в молниеносном броске схватил его за ногу, повалил на пол и держал до тех пор, пока несчастный копьеносец не пришел в себя.

— Вы зверь, Язон! — От страха и ненависти у Майка вытянулось лицо. — Вы попираете естественные чувства этого молодого человека. Сейчас же оставьте свои садистские упражнения и присоединяйтесь к моей молитве.

— Если бы этот кретин, о котором вы так печетесь, выполнил то, что ему было велено и присмотрел за котлом, мы бы уже давно были в безопасности, а не сидели бы сейчас на этой бочке с порохом. Вы считаете, что наше спасение зависит от воли Божьей? Смею вас заверить, вы глубоко заблуждаетесь, оно зависит только от давления пара...

В этот миг раздался воинственный клич, подхваченный множеством голосов, и отряд дзертаноджей ворвался в мастерскую. Одновременно рухнула противоположная стена, и беглецы оказались между двумя группами атакующих.

Язон выругался и бросил по два снаряда в каждую сторону. Не успели они достигнуть цели, а он уже открыл клапан, кародж задрожал и тронулся с места. Ошеломленные дзертаноджи рванулись к машине, сотрясая воздух криками и пуская стрелы. Но с каждой секундой двигатель набирал обороты.

С треском разорвав стену, они очутились на свободе. Машина, свистя и гремя, неслась вниз по долине с убийственной скоростью. Огни остались далеко позади, крики заглохли.

Прошло около получаса, прежде чем они замедлили ход и остановились. Айджейл громко стонала. Язон чувствовал себя так, будто по каждому квадратному дюйму его тела колотили одновременно сотни тысяч молотков.

Преследователей было не видно и не слышно, да и вряд ли могли дзертаноджи состязаться с ними в скорости.

— Вставай, Снарби. — Язон тряхнул копьеносца за плечо. — Я свое дело сделал. Теперь твоя очередь. — Он извлек откуда-то лампу собственного изготовления и протянул ее Снарби. — Иди впереди машины и указывай нам дорогу.

Снарби спрыгнул с кароджа и уверенно зашагал вперед

по долине. Майк стоял у руля, а Язон регулировал скорость движения. Дрожащая от холода и страха Айджейл прижалась к нему.

— Все очень хорошо. Успокойся. Нас ожидает прелестная прогулка, — сказал Язон и крепко обнял девушку.

Глава 10

Шесть дней они уже были в пути. И чем дальше они удалялись от Путлико, тем больше менялся окружающий ландшафт. Горы сменила плодородная равнина, то и дело попадались следы животных и ручьи с прозрачной холодной водой. И хотя продовольственные запасы их истощились, смерть от голода им не угрожала.

Проблема заключалась в топливе.

После полудня Язон залил в бак последний кувшин бензина. На сколько его хватит?

За несколько часов до наступления темноты они устроили привал, и Снарби, прихватив самострел, отправился на охоту. Среди всех он был самым умелым в обращении с этим оружием, к тому же хорошо знал местность и повадки здешних животных.

Перебросив самострел через плечо, он, насвистывая, скрылся в высокой траве, а Язон, глядя ему вслед, ощутил растущее беспокойство.

По мере приближения к Аппсале со Снарби произошли перемены. Его страх перед кароджем сильно поубавился, сам он день ото дня становился все более важным и самоуверенным.

— Я не верю этому наемнику. Не верю ни единому его слову, — проворчал Язон.

— Вы что-то сказали? — откликнулся Майк.

— Гм... Скажите, Майк, вы не заметили за последнее время ничего необычного? Ничего странного в местности не привлекло вашего внимания?

— Да нет... Дичь, край света, где не ступала нога человека.

— Вы, вероятно, ослепли, Майк. Я следопыт не лучше вашего, и то за последние два дня мне кое-что бросилось в глаза. Айджейл, — окликнул девушку Язон, — оставь эти креноджи! Как их ни готовь, лучше от этого они не станут. Если Снарби повезет, на ужин полакомимся мясом. Ответь мне, Айджейл, ты ничего странного не заметила в последнее время?

— Нет. Ничего особенного. Только следы людей. Один след от костра, но он очень старый. И дважды видела примятую траву и обломанные ветки кустов. Наверное, это проехал какой-нибудь кародж.

— Ну что, Майк? Видите, как охота за креноджами развивает наблюдательность.

— Я не дикарь. Меня не интересуют подобные мелочи.

— Я от вас этого и не ожидал. От вас вообще ничего хорошего ждать не приходится. Но теперь я хочу попросить вас о помощи. Мы должны разделить эту ночь на два дежурства. Вы и я. Без Снарби. Догадывается он или нет, но нынешняя ночь будет для него последней свободной ночью.

Майк вскинул брови.

— Не понял? Что вы имеете в виду? Почему последняя ночь?

— Но это должно быть очевидным даже для вас, Майк. Неужели вы еще не усвоили здешних обычаев? Подумайте, что случится с нами в Аппсале, если нас приведет туда Снарби? Я не знаю, что именно он замышляет, но что у него есть на наш счет определенные планы, это несомненно. На все мои расспросы он отвечает общими фразами. Конечно, Снарби — наемник, но все равно он должен знать гораздо больше, чем говорит. Например, он утверждает, будто мы еще в четырех днях пути от города, но ведь это явная ложь. Я считаю, что нам осталось не более двух дней. Утром я намерен связать его, перебраться в сторону вон тех холмов и спрятаться там. У нас есть цепи, которые мы и используем. Снарби будет нашим заложником до тех пор, пока я не произведу тщательную разведку города.

— Вы собираетесь снова сделать рабом несчастного дикаря, не имея на то никаких оснований?

— Вы не правы. Я просто на время лишу его возможности сотворить какую-нибудь гадость нам с вами. Мой усовершенствованный кародж — огромное искушение для любого туземца. И если он сумеет продать меня очередному пройдохе типа Эдипона, то тем самым обеспечит свое будущее до глубокой старости.

— Я не желаю вас слушать! — разбушевался Майк. — Вы сами говорили мне о презумпции невиновности. А чем теперь занимаетесь? Лицемер!

— Если хотите, Снарби виновен. Он виновен в том, что является членом своей варварской общины и действует согласно законам этой общины. Айджейл, как ты считаешь, мы скоро доберемся до Аппсалы? — Девушка пожала плечами. —

Айджейл, у Снарби в Аппсале много друзей и знакомых. Как думаешь, что он станет делать?

— Поздоровается с ними. Может, они дадут ему кренодж, — ответила Айджейл и, удовлетворенная своим ответом, улыбнулась.

— Я имел в виду другое. Что будет, когда его приятели увидят нас и наш кародж?

Айджейл выпрямилась, и в ее глазах сверкнула искорка беспокойства.

— Мы не должны идти с ним! Нас схватят, отберут кародж и превратят в рабов. Убей Снарби.

— Кровожадные язычники... — Майк встал в свою любимую позу.

— Ну? Вы поняли наконец? — оборвал его Язон. — Так что, связывая Снарби, я действую согласно местному этическому правилу, причем самому гуманному из них. Это примерно то же самое, что отдача чести в армии. Скажу больше: я даже нарушаю здешний кодекс — по закону я должен убить предателя.

— Как вы можете! Как вы смеете осуждать и тем более приговаривать человека к смерти на основании совершенно беспочвенных обвинений!

— Я никого не приговариваю к смерти! — Язон начал терять терпение. — Уймитесь! Я только хочу, чтобы Снарби в ближайшем будущем не доставил нам больших хлопот. И если вы отказываетесь мне помочь, то, умоляю, хотя бы не мешайте. Пусть все останется исключительно на моей совести, вас это не касается.

— Снарби возвращается, — прошептала Айджейл.

— Вот! — гордо объявил копьеносец и кинул им под ноги убитое животное. — Освежуйте и поджарьте. Теперь у нас есть еда.

Снарби казался совершенно невинным и бесхитростным. Язон даже на секунду усомнился в своих выводах, но вспомнил, где находится, и отбросил прочь сомнения.

«Снарби — нормальный член нормального рабовладельческого общества. Никто из его собратьев не обвинит и не упрекнет Снарби в том, что он кого-то там убил или продал в рабство. Его не терзают муки совести, и на душе у него спокойно, ведь он не собирается совершать ничего преступного», — решил Язон и принялся обдумывать план утренней операции.

Уставшие от долгого путешествия и отяжелевшие от обильной пищи, все быстро заснули.

Язон с трудом боролся со сном. Как только он чувствовал, что сопротивляться уже нет сил и веки смыкаются помимо его воли, он вставал и ходил вокруг костра, пока холод ночи не гнал его обратно к теплу костра.

В полночь Язон разбудил Майка.

— Ваша очередь. И не смыкайте глаз. Если что — будите меня.

...Язон открыл глаза с первыми лучами солнца. Над равниной стоял густой белесый туман. Все еще спали. И тут сон с Язона как ветром сдуло — Майк безмятежно спал. Язон выскочил из-под шкур и стал трясти его за плечо.

— Почему вы спите? Почему вы не на страже?

Майк приоткрыл один глаз.

— Я стоял, — замычал он, — но под утро проснулся Снарби и предложил сменить меня. Я не мог отказаться.

— Не могли?! — заорал Язон. — Я же предупреждал вас!

— Я не так безнравственен, как вы, Язон. Осудить невинного...

— Невинного?! — Язон схватил Майка за отросшую седую бороду. — Ну и где же ваш невинный?

Майк огляделся по сторонам. Кроме Язона, Айджейл и его самого, вокруг не было ни души.

— Наверное, Снарби ушел. Что ж, теперь он доказал свою ненадежность. В дальнейшем мы больше не доверим ему стоять на страже.

Рассвирепевший Язон хотел было выместить все зло на Майке, но, раздумав тратить время на этого фанатика, бросился к машине.

Кародж завелся с пол-оборота, что случалось с ним крайне редко. Но как только Язон взглянул на индикатор, внутри у него все оборвалось: топливо было на нуле. Кувшин с остатками бензина исчез.

— Это меняет наши планы, — сказал Язон.

Как ни боялся Снарби паровой машины, у него хватило ума понять, что без горючей жидкости кародж не сможет проехать ни дюйма.

Гнев Язона сменился досадой. Он ругал себя за то, что в который уже раз доверился Майку. Он должен был это предвидеть. Язон сплюнул и взглянул в сторону специалиста по этике. Тот невозмутимо жевал холодное мясо.

— Вас, я вижу, не волнует тот факт, что вы опять нас обрекли на рабство?

— Я поступил правильно. У меня не было выбора. Надо в

любой ситуации оставаться человеком, а не опускаться до уровня животного.

— Но если вы находитесь среди людей, которые ни в чем не уступают животным, как выжить в этом случае?

— Не надо уподобляться им, — спокойно ответил Майк. — Вы, Язон, извиваетесь как уж, дрожите от страха, а я живу, как подобает жить цивилизованному человеку. Мне ведома Истина, и никакие ничтожные выгоды сегодняшнего дня не в силах сбить меня с пути истинного.

— Так умрите с миром! — воскликнул Язон, хватаясь за меч, как бы намереваясь претворить слово в дело. — Конечно, следовало бы вас проучить, — процедил он, с трудом подавляя приступ ярости, — но горбатого могила исправит. Ваши убеждения для вас более реальны, нежели холодная земля, на которой вы расселись.

— Вот в этом я с вами единодушен, Язон динАльт. Сколько раз я пытался открыть вам глаза на свет Истины, но вы все время отворачивались и не слушали меня. Да и сейчас вы игнорируете вечный закон. И все ради какой-то сиюминутной потребности. Вы погибнете, Язон. Именно поэтому вы и погибнете.

Кародж издал странный звук. Указатель давления пара вздрогнул, но стрелка индикатора давления так и не шелохнулась.

— Бензина нет, — сказал Язон. — Айджейл, собери всю оставшуюся еду. Мы уходим.

— Да, сейчас. Я быстро. Надо бежать с запасами.

— Я думаю, что в принципе это неважно. Снарби знает местность как свои пять пальцев, боюсь, нам не удастся избежать плена. А вот что касается кароджа, то он не достанется никому! — выхватив самострел, вдруг прокричал Язон. — Отойдите подальше. Пусть делают со мной, что хотят, но машины им не видать как своих ушей. Ну а если вдруг захотят поиметь новую, пусть платят.

С третьего выстрела стрела пробила стенку котла. Раздался оглушительный взрыв, в воздух взлетели обломки металла и дерева и дождем посыпались на землю.

Тут же на взрыв эхом отозвался лай собак. Послышались крики, и Язон увидел показавшихся из высокой травы людей. Они приближались быстрой рысью. Впереди них бежали собаки.

Аппсальцы были одеты в тонкую кожаную одежду, и у каждого были лук и колчан, полный стрел.

Они остановились вне пределов досягаемости выстрела, рассыпались полукругом и замерли, но Язон и не думал оказывать сопротивление. Он демонстративно отбросил самострел и терпеливо ждал захватчиков у дымящихся обломков машины, пока в сопровождении двух солдат не подбежал запыхавшийся Снарби.

— Вы принадлежите Хертугу Перссону... Вы его рабы... Что случилось с кароджем? — Последнее он выкрикнул в полном отчаянии и повалился на колени. Очевидно, ценность рабов резко упала с утратой машины.

Снарби ползал вокруг воронки и собирал все, что уцелело из инструментов и приспособлений Язона. Никто из солдат не вызвался ему помочь, они стояли в стороне и смотрели на происходящее без всякого интереса. Лишь после того, как Снарби связал все найденное добро и убедил солдат, что никакой опасности оно не представляет, несколько человек согласились нести сей груз.

Ничем не выделявшийся среди других воин дал приказ возвращаться. Солдаты сомкнулись вокруг пленников.

— Иду-иду. Сейчас покончу с завтраком и иду, — сказал Язон, догрызая кость. — Я уже вижу ожидающие меня любимые кренодж, поэтому, прежде чем сменить меню, я как следует подкреплюсь.

Стоящий рядом солдат растерянно посмотрел на Снарби.

— Кто он? Я могу его убить?

— Нет-нет! — воскликнул Снарби. — Это он построил эту дьявольскую машину. Он знает все ее секреты. Хертуг Перссон пытками заставит его построить новую.

— Все, господа. Я готов. — Язон вытер руки о траву. — Может быть, кто-нибудь из вас, пока мы будем идти, поведает мне, кто такой этот Хертуг и что нас ждет впереди?

— Я расскажу, — согласился Снарби, и они тронулись в путь. — Я сражался за Перссонов, и Перссоны знают меня и верят мне. Это очень влиятельная семья в Аппсале, хотя и не такая, как Трозеллинги. Перссоны знают много разных тайн. А если я открою им секрет кароджа, они хорошо наградят меня. И я это сделаю! — Он придвинулся к Язону. — Ты поможешь мне. Я сам буду пытать тебя, пока ты не расскажешь все, что тебе известно.

Язону надоело слушать глупые бредни Снарби, он подставил ногу, и предатель растянулся на траве. Солдаты прошли мимо, не обратив на него ни малейшего внимания. Снарби молча поднялся и, обиженный, пристроился в самом хвосте процессии. Язону было над чем поразмыслить.

Глава 11

С высоты холма Аппсала, окруженная морем, выглядела как догорающее пепелище. Только подойдя ближе, Язон разглядел причину дымовой завесы.

Все здания города были сплошь утыканы кирпичными трубами, большими и малыми. Они нещадно дымили, наполняя воздух гарью и смогом.

Весь город был расположен на островах. Неуклюжие большие корабли бороздили прибрежные воды, а мелкие утлые суденышки барахтались в водах многочисленных каналов.

Язон с надеждой выискивал хоть какие-нибудь следы космопорта или другие признаки межзвездной культуры, но тщетно.

Тропа, по которой они шли, вновь спустилась вниз, и город скрылся за грядой холмов. Прошло еще несколько часов изнурительного пути, пока наконец они приблизились к морю. Средних размеров парусный фрегат стоял пришвартованный к каменному причалу. Пленников связали по рукам и ногам и бросили в трюм корабля. Язон с трудом примостился около двух плохо пригнанных досок. Чтобы приободрить себя и своих товарищей, он, глядя в щель, принялся описывать их новое путешествие — на этот раз морское.

— И вот перед нами открывается вид на древний романтический город Аппсала, славящийся отвратительными обычаями, кровожадными туземцами и полным отсутствием санитарии, о чем свидетельствует канал, воды которого разрезает сейчас киль нашего славного корабля; скорее его можно назвать сточной канавой.

А теперь обратите внимание — с левого борта мимо нас проплывают густо населенные острова. Те, что поменьше, покрыты лачугами, да такими грязными и дряхлыми, что крысиные норы в сравнении с ними — дворцы небесные. На больших островах за высокими стенами прячутся начиненные всевозможными видами смерти каменные крепости, готовые в любой момент явить свой звериный лик всему миру. Как вы сами понимаете, сосредоточение в одном городе такого огромного количества крепостей говорит о том, что каждая из них представляет собой неприкосновенную личную собственность одного племени, группы или клана, о которых нам поведал наш незабвенный друг Иуда.

Вглядитесь в эти памятники человеческой жадности. Это конечный продукт системы, которая берет начало от рабо-

владельцев типа Чаки, продолжается в семейной династии дзертаноджей и достигает апогея порочности за этими неприступными стенами.

Все тот же закон: каждый сам за себя, единственная дорога к власти — дорога по трупам соотечественников. Все технические открытия и изобретения строго засекречены и используются исключительно в корыстных целях. Никогда я не видел, чтобы человеческая жадность и эгоизм достигали подобных размахов. Я восхищен... — В этот момент корабль резко изменил курс, и Язон скатился в вонючую трюмную воду. — Низвержение человека... — пробурчал он, с трудом взбираясь обратно.

Корабль тряхнуло еще раз — он ударился о сваи причала. Где-то наверху послышались лихая брань, крики, и парусник замер. Со страшным скрипом закрылись морские ворота, открылся люк, и пленников выволокли наружу. Они находились в доке, окруженном высокими стенами.

Их втолкнули в открывшуюся дверь и повели по бесконечному узкому коридору, через множество проходных комнат, мимо бесчисленной стражи.

Наконец они очутились в центральном зале, лишенном какого бы то ни было убранства, за исключением ржавого железного трона, на котором восседал, несомненно, сам Хертуг Перссон.

Великолепные седые волосы струились по его плечам, а белая борода, казалось, была слеплена из снега. Впечатление портили большой круглый нос и маленькие красные глазки.

— Эй, вы! — раздался под сводами зала зычный голос Перссона. — Почему вы до сих пор живы?

— Мы твои рабы, Хертуг! Мы твои рабы! — в один голос заорали все присутствующие и замахали руками.

— Я не раб, — вдруг раздался в наступившей тишине одинокий голос Майка.

Толстый конец лука стоявшего рядом с ним воина описал в воздухе дугу, и оглушенный Майк свалился на пол.

— У тебя новые рабы, о Хертуг! — сказал воин.

— Который из них знает секрет кароджа? — спросил Хертуг.

Воин указал на Язона.

Тут вперед выступил Снарби.

— Да, это он, о могучий Хертуг! Он может сделать кародж и заставить его повиноваться. Я знаю. Я видел его работу. Еще он сделал огненные кувшины, которые сожгли дзертаноджей. И множество других вещей он сделал, о могущест-

венный. Я привел его к тебе. Пусть он послужит во славу Перссонов и строит им кароджи. Вот обломки машины, на которой мы бежали от дзертаноджей, этот кародж все съел и взорвал сам себя.

Снарби положил перед Хертугом останки кароджа и некоторые уцелевшие инструменты.

Могучий презрительно скривил рот.

— Разве это доказательство? — язвительно произнес он и повернулся к Язону. — Эта рухлядь ничего не значит. Как ты докажешь мне, раб, что умеешь делать все то, что я сейчас услышал?

Язону очень хотелось отказаться от всего, что наговорил Снарби, чтобы отомстить предателю, но он тут же отбросил эту мысль по многим причинам. Во-первых, из чисто гуманных соображений — не вина Снарби, что он родился и вырос в обществе с волчьими законами, а главное, Язон прекрасно понимал, какие последствия грозят ему в случае отказа. Он помнил, как Снарби заикался о каких-то там пытках, и не слишком торопился познакомиться с ними.

— Доказать нетрудно, о Хертуг! Я могу построить машины, которые ходят, летают, плавают, говорят, лают как собаки и катаются на своих спинах.

— Ты построишь мне кародж?

— Конечно. Если у вас найдутся подходящие инструменты и материалы. Но сначала я должен выяснить, на чем специализируется твой клан. Ты понимаешь, о чем я говорю? Трозеллинги делают кароджи, дзертаноджи качают нефть. Чем занимаются твои люди?

— Ты не можешь не знать славы Перссонов!

— Я прибыл из дальних краев, а новости о вашем городе доходят медленно.

— Но не о нас, о Перссонах! — Хертуг ткнул пальцем себя в грудь. — Перссоны могут говорить со всей страной. Мы всегда знаем, где наш враг и где наш друг. Мы посылаем по проводам чудо, которое зажигает стеклянные шары, выбивает меч из рук противника и вселяет ужас в его сердце.

— Похоже, Перссоны монополизировали право на электричество. Рад слышать это. Что ж, если у вас найдутся...

— Замолчи! — взревел Хертуг. — Все вон отсюда! Все, кроме сцилоджей... и этого раба, — добавил он, видя, что стражники схватили Язона.

Через минуту в зале осталось лишь несколько человек. Все они были седыми старцами, и у всех на груди красовались бронзовые амулеты в виде солнца. Несомненно, это

были посвященные в тайну электричества. Потрясая оружием, они окружили Язона.

Хертуг жестом остановил их и обратился к Язону:

— Ты произнес священное слово. Откуда ты его знаешь? Отвечай! И быстро, иначе умрешь.

— Я знаю абсолютно все. Могу построить кародж, могу усовершенствовать ваши электрические машины. Конечно, если мне дадут на это время.

— А знаешь ли ты, что находится за этой дверью? — спросил Хертуг, указывая на охраняемую дверь в дальнем углу залы. — Если ты, раб, скажешь мне, что там находится, я поверю тебе.

— Опять то же самое, — вздохнул Язон. — Ну ладно. Там вы вырабатываете электричество. Возможно, химическим путем, но это маловероятно... Следовательно, у вас там находится генератор. Большой магнит, опутанный проводами и способный притягивать кусок железа. От него и идет электричество по медным проводам к другим механизмам и установкам. Ты говоришь, что вы можете разговаривать со всей страной. Ручаюсь — это не так. Вы просто передаете по проводам зашифрованные сигналы. Или я не прав? — Вместо ответа Язон услышал возбужденный гул, свидетельствующий, что он был недалек от истины. — У меня возникла неплохая мысль, — сказал он. — Я сделаю вам телефон. Как вам понравится, если вместо привычного щелканья вы услышите нормальную человеческую речь из самого удаленного уголка планеты?

Маленькие свиные глазки Хертуга засверкали.

— Говорят, что когда-то это умели делать. Мы тоже пытались, но у нас ничего не вышло. А ты меня не обманываешь? Ты действительно можешь?

— Могу. Если мы сговоримся... Но я должен осмотреть вашу электростанцию.

Столь неслыханное пожелание вызвало бурю эмоций. Но жадность в итоге победила, и дверь в святая святых распахнулась перед Язоном. Правда, два свирепых сцилоджа с обнаженными кинжалами встали по бокам, готовые в любую минуту разрубить его на куски, но это уже было не столь важно.

Впереди шествовал Хертуг. За ним, в сопровождении семидесятилетних телохранителей, — Язон. А следом за ними, шаркая ногами, семенили остальные сцилоджи.

У священного порога они остановились, раскланялись и пробормотали какую-то длинную молитву во славу бога

Электро. Язон еле сдержал приступ смеха, наблюдая эту картину.

Вращающийся стержень, несомненно, приводился в движение рабами из соседнего помещения. Он был связан системой приводных ремней с грубой и уродливой машиной, от страшного скрипа и дребезжания которой дрожал под ногами пол.

Первый взгляд Язона на это страшилище поставил его в тупик. Но, присмотревшись, он понял, в чем дело.

— Этого и следовало ожидать, — простонал он. — Из двух зол люди всегда выбирают худшее.

Шкив, прикрепленный к концу машины и напоминавший колесо от телеги, был соединен ременной передачей с огромным бревном, вращающимся с подозрительно большой скоростью. Правда, ремни то и дело соскакивали с ободов и скорость вращения падала, что позволяло Язону рассмотреть, что все бревно утыкано железными кольцами, на которых позвякивали подковообразные куски металла. Жуткое зрелище дополняла прикрепленная к потолку клетка из великого множества спутанных проводов.

Все это напоминало иллюстрацию из книги «Первые шаги электричества».

— Разве твоя душа не трепещет от страха перед этими чудесами? — спросил Хертуг, обратив внимание на отвисшую челюсть и остекленевшие глаза Язона.

— О да! Она трепещет, и еще как! Трепещет от боли при виде столь великолепной коллекции механических глупостей и несообразностей.

— Святотатство! — завопил Хертуг. — Убейте его!

— Минутку, — сказал Язон, схватив за руки телохранителей и защищаясь их телами от сверкнувших клинков остальных, спешащих к нему сцилоджей. — Хватит недоразумений. Да, это великий генератор, восьмое чудо света. И самое поразительное в нем то, что он все еще производит электричество. Грандиозное изобретение, на века опередившее свое время. А с небольшими усовершенствованиями оно станет еще грандиознее. Вы, наверное, в курсе, что электрический ток возникает в проводах, сквозь которые движется магнитное поле?

— Я не намерен обсуждать технические проблемы с неверующими, — холодно ответил Хертуг.

— Вера или наука, называйте как хотите, ответ всегда один. — Язон напряг прошедшие пиррянскую подготовку мускулы, старцы вскрикнули, и их кинжалы со звоном упали на пол. — Как же вы не додумались перемещать магнитное

поле в самих проводах? На производство тока такой же силы вы бы затратили в десять раз меньшую работу.

— Мы всегда делали то, что было хорошо для наших предков...

— Да-да... я знаю. Можете не продолжать. Я уже слышал нечто подобное. — Растревоженные сцилоджи опять начали обступать Язона. — Послушай, Хертуг, ты действительно хочешь меня убить? Скажи своим молодцам...

— Оставьте его, — приказал Хертуг после некоторого раздумья. — То, что он говорит, может оказаться правдой. Он поможет нам в управлении священными машинами.

Опасность миновала, и Язон принялся рассматривать неуклюжее устройство, расположенное в другом конце помещения. На этот раз он дал себе слово воздержаться от каких бы то ни было комментариев.

— А это чудо ваш священный телеграф? — спросил он.

— Совершенно верно, — с гордым видом ответил Хертуг.

Казалось, ничто уже на этой планете не способно было поразить воображение Язона, но тут его пробрала мелкая дрожь.

Концы тяжелых медных проводов, свисавших с потолка как попало, были намотаны на огромный электромагнит. Электромагнит, когда в нем возникал ток, притягивал столь же внушительных размеров маятник. Когда ток в цепи отсутствовал, маятник возвращался в прежнее положение. К его концу крепилось острое металлическое перо, игла которого двигалась по вощеной железной пластине.

Пока Язон размышлял над принципом действия, механизм издал своеобразный звук и ожил. Электромагнит зажужжал, маятник качнулся, и игла побежала по восковому покрытию. Тут же наготове стоял дежурный сцилодж, который, как только игла достигла края пластины, привычным движением подставил следующую.

Рядом располагалась лаборатория по проявлению посланий. Пластину окунули в красную краску. Краска сбежала с жирной восковой поверхности, но осталась в царапине. Затем проявленное таким способом зашифрованное послание перенесли на деревянный стол, где его копировали на грифельную доску.

Все это было настолько медленно и громоздко, что Язон удовлетворенно потер руки.

— О великий Хертуг! — сказал он. — Я осмотрел все твои чудеса и переполнился благоговением перед ними. Конечно,

простой смертный не в состоянии улучшить то, что сотворили боги. Но я могу открыть вам некоторые секреты электричества.

— Какие?

— Ну, например... Как же это будет на эсперанто... Аккумулятор. Знаешь, что это такое?

— Это слово упоминается в одной из самых старых и самых священных наших книг. Но что оно означает, мы не знаем.

— Тогда приготовьтесь добавить в вашу книгу еще одну главу. Я изготовлю лейденскую банку и дам вам все необходимые инструкции по ее эксплуатации. Вы сможете держать электричество про запас, как воду в бутылке, а потом мы сделаем более сложные батареи...

— Если выполнишь, что обещаешь, я щедро награжу тебя. Если же нет...

— Не надо угроз, Хертуг. Они ничего не изменят. Пока я обойдусь без наград, просто представлю тебе образец своего искусства. Разве что минимальный комфорт, отсутствие скандалов, нормальная пища и тому подобное. Потом, если тебя устроит моя работа, мы заключим договор. Согласен?

— Я обдумаю твои предложения.

— Что тебе стоит просто сказать «да»? В любом случае ты ничего не теряешь.

— Твои товарищи останутся заложниками. Если ты обманешь меня, они умрут. Впрочем, как и ты.

— Отличная мысль. Я даже попросил бы тебя подыскать для раба Майка работу потяжелей. Единственное, что мне надо, — это некоторые необходимые материалы: стеклянная банка с широким горлом и олово.

— Олово? Что это?

— Это белый металл, который вы смешиваете с медью, когда выплавляете бронзу.

— Странно, у нас действительно предостаточно такого металла, но это название я слышу впервые.

Теоретически, когда под рукой есть все необходимые материалы, лейденскую банку изготовить сравнительно несложно, но Перссоны не выдували стекла, а монополия на его производство была у неких Витристов, у которых Перссоны и покупали готовые изделия: бутылки нескольких видов, стеклянные пуговицы, стаканы, тарелки и с полдюжины иных предметов.

Ни одна из бутылок для лейденской банки не годилась, а предложение Язона изготовить новый сосуд привело Витристов в ужас. Однако, когда им пообещали щедрую плату, их страх несколько поубавился. Язон сделал глиняную модель, и Витристы приступили к работе.

— Твоя смерть будет ужасной, раб Язон! — прохрипел Хертуг, расплачиваясь с Витристами золотыми монетами.

— Все будет нормально, — заверил его Язон и принялся расплющивать олово в тонкие листы.

Он не видел ни Майка, ни Айджейл с того самого момента, как их разлучили в центральном зале замка Перссонов, и ничего не слышал об их судьбе. Но он не особенно беспокоился за товарищей. Айджейл не привыкать к рабскому труду, а что касается Майка, то после всех событий какие-либо добрые чувства по отношению к нему у Язона окончательно иссякли.

— Принесли банку, — объявил Хертуг.

— Не так уж плохо, — сказал Язон, проверяя на свет толщину стенок. — Если не считать того, что она вчетверо больше модели.

— Большие деньги — большая банка, — изрек Хертуг. — Ты недоволен? Ты боишься, что она не будет работать?

— Я ничего не боюсь, просто можно было ограничиться размером модели. Лейденская банка таких размеров опасна.

Вокруг Язона столпились сцилоджи. Они подозрительно переглядывались и перешептывались. Но он, не обращая на них никакого внимания, приступил к работе.

Свернув оловянные листы в трубку, Язон получил два цилиндра. Бóльшим он обернул стеклянный сосуд снаружи, а меньший поместил внутрь банки. Затем, вырезав пробку из гумии — резиноподобного материала, ножом проковырял в ней отверстие. Озадаченные Перссоны внимательно следили за тем, как Язон просунул в это отверстие металлический стержень и прикрепил к нему с одного конца цепочку, а с другого — железный шар.

— Готово.

— И как же она будет действовать? — спросил Хертуг.

— Демонстрирую! — объявил Язон и заткнул банку пробкой так, что шар оказался снаружи. — Сейчас мы подсоединим шар к отрицательному полюсу генератора, заряд по стержню перейдет на цепочку и соберется в оловянной оболочке. Когда банка наполнится электричеством, мы отсоединим генератор и подведем ток к лампе.

— Чушь, — прошамкал какой-то сцилодж и для наглядности покрутил пальцем у виска.

— Терпение и только терпение. — Язон пытался скрыть

волнение. Он соорудил эту банку, руководствуясь смутными воспоминаниями далекой юности, и никаких гарантий у него не было. Язон заземлил положительные полюса генератора и лейденской банки, скрестил руки на груди и отошел на несколько шагов от сосуда. — Заводи!

Генератор загудел, затрещал. Но ничего видимого не происходило. Язон понятия не имел, сколько времени необходимо для зарядки банки.

Прошло минут пять, и зала заполнилась недовольными голосами сцилоджей. Медлить становилось опасно. Язон выступил вперед и ударом палки отсоединил генератор.

— Все, — сказал он. — Аккумулятор наполнен до краев божественной силой электричества.

Язон пододвинул демонстрационный прибор — несколько грубых ламп накаливания, соединенных параллельно. Заряда в банке должно было хватить, чтобы преодолеть сопротивление в угольных нитях и раскалить их докрасна.

— Святотатство! — вскричал один из стариков. — В священной книге сказано, что божественная сила существует только там, где есть соединение. Этот чужеземец осмеливается утверждать обратное. Ложь и святотатство!

— Не прикасайся!.. — вдруг закричал Язон, увидев, как другой сцилодж склонился над банкой. — Не тронь...

— Здесь не может быть божественной силы, здесь... — Старец поднес к шару указательный палец, и голос его внезапно оборвался. Голубая искра пробежала между шаром и кончиком пальца старика. Сцилодж хрипло вскрикнул и повалился на пол.

— Он мертв, — испуганно произнес кто-то из старцев, склонившихся над телом товарища.

— Я предупреждал! — Язону опять повезло, и он решил усилить впечатление. — Он богохульствовал! Он усомнился в божественной силе, и она убила его. Вы хотите последовать его примеру? Наша задача — приумножить славу Хертуга Перссона. Так пусть это будет последний сомневающийся среди нас.

Перепуганные сцилоджи застыли как вкопанные, уставившись на бездыханное тело.

— Божественная сила может убивать, — улыбаясь, произнес Хертуг. — Хорошая новость. Я даже не предполагал. Враги будут трепетать перед нами.

— Без сомнения, — отозвался Язон. — А можно сделать еще очень и очень многое. И все это будет твое, Хертуг.

— Приступай немедленно.

— Да. Но сначала мы с тобой заключим контракт.

— Какой такой контракт? Мне не нравится это слово.

— Оно понравится тебе еще меньше, когда ты узнаешь подробности. Но это чуть позже. А пока, что ты скажешь насчет машины, способной разрушать стены и крепости твоих врагов?

— Очистить помещение! — приказал Хертуг и, когда они остались вдвоем, горящими от вожделения глазами посмотрел на Язона. — А что это за контракт?

— Полная свобода, пост твоего личного секретаря, рабы, драгоценности, женщины, хорошее питание и вообще все, что в таких случаях полагается. А я сделаю, что обещал, и плюс к тому еще очень многое. Нет ничего, что было бы мне не по плечу.

— Я уничтожу всех. Я буду единственным правителем Аппсалы!

— Это я и имел в виду. Ты — мне, я — тебе. Я буду жить и работать в лаборатории, ты — править миром. Во мне нет честолюбия...

— Да, но ты просишь много.

— А даю еще больше. Хотя время терпит. Через день или два я сумею окончательно убедить тебя.

Глава 12

— Когда же ты закончишь? — спросил Хертуг, рассматривая детали какого-то механизма.

— Я работал всю ночь, о Великий. К завтрашнему утру все будет готово. Кстати, у меня есть для тебя маленький подарок — усовершенствование вашей телеграфной системы.

— Она не нуждается в усовершенствовании! Она точно такая же, как и во времена...

— А я ничего и не переделывал. Предки знали лучше, согласен. Всего лишь небольшие изменения в системе передачи сигналов. Вот, посмотри. — Язон взял в руки металлическую пластину. — Ты можешь прочесть, что здесь написано?

— Конечно. Но для этого потребуется усиленная работа мысли. Ведь это дивное чудо.

— Не такое уж и дивное, если я с первого взгляда проник в его священную тайну.

— Ты святотатствуешь!

— Совсем нет. Смотри, это буква B, не правда ли? Два колебания маятника.

Хертуг посчитал по пальцам.

— Верно. Как ты догадался?

Язон постарался скрыть свое презрение.

— Естественно, догадаться было крайне трудно, но ты же знаешь: для меня все тайны — открытая книга. B — вторая буква алфавита, и она обозначается на пластине двумя царапинами, C — третья, D — четвертая. Пока просто, да? Но когда дело доходит, скажем, до двадцать шестой буквы, тогда как? Необходимо сделать двадцать шесть нарезок! А ведь гораздо проще изменить систему сигналов. Не будем оригинальничать и назовем их точкой и тире. Теперь, используя всего лишь два сигнала — короткий и длинный, мы можем записать все буквы алфавита при помощи максимум четырех импульсов. Ясно?

— Не совсем. Мне трудно следить за твоей мыслью. В голове шумит...

— Тогда иди проспись. К утру мое изобретение будет готово, и я продемонстрирую тебе новый код.

— Как ты его называешь? — переспросил Хертуг, рассматривая богато украшенный деревянный ящик.

— «Слава Хертуга». И его следует установить либо в церкви, либо в местном ее эквиваленте, чтобы все прихожане могли приобщиться к славе великого Хертуга. Естественно, не бесплатно. Смотри внимательно: я — прихожанин, я плачу жрецам, и они позволяют мне покрутить эту ручку. — Язон принялся быстро вращать рукоятку, торчащую сбоку чудоящика, и комната наполнилась страшным воем. — Смотри дальше. — Сверху на ящике были укреплены два медных шара, и, когда между ними проскочила голубая искра, пораженный Хертуг отпрянул и открыл от удивления рот. — Это должно произвести впечатление на верующих, — сказал довольный произведенным эффектом Язон. — Теперь обрати внимание на последовательность разрядов. Вначале три короткие искры, затем три длинные и снова три короткие.

Язон протянул Хертугу исписанный лист пергамента — несколько искаженный вариант обычного межзвездного

кода, и озадаченный Перссон погрузился в изучение неизвестного ему до сих пор алфавита.

— Три точки... три тире... — бормотал он, — три точки...

— Ну что? Дошло? — не выдержал Язон. И Хертуг, не в силах вымолвить ни слова, кивнул. Глаза его сияли. — Ну так вот. Пока ручка вертится, днем и ночью, снова и снова машина электрическим голосом будет воздавать тебе хвалу: слава Хертугу! Слава Хертугу! Слава... Благодаря моему замечательному изобретению жрецы забудут свои интриги, прихожане станут молиться на тебя, казна Перссонов пополнится...

Но Хертуг уже не слушал Язона. Он лихорадочно вертел ручку и как завороженный смотрел на искры.

— Сейчас... Сейчас же это должно быть установлено в храме. Нет, сначала на нем надо изобразить фамильный герб. Из золота...

— И драгоценных камней, — добавил Язон. — Чем богаче, тем лучше. Люди должны видеть, за что они платят.

Язон не мог скрыть радости. Пусть глупый старик считает, что волшебный ящик предназначен исключительно для того, чтобы петь ему аллилуйю. А для человека, находящегося на борту космического корабля, сигнал, зашифрованный Язоном, будет означать только одно — сигнал бедствия SOS. Любой космический корабль с приличным приемником при входе в атмосферу планеты сразу же уловит посылаемые в широчайшем диапазоне искровые сигналы.

Язон вздрогнул при мысли, что через несколько мгновений он услышит рев посадочных двигателей и...

Но об этом приходилось только мечтать. Первый сигнал он послал двенадцать часов назад, и голубую мечту о немедленном освобождении пришлось отложить на неопределенное время. Лучшее, что он мог сделать, — это постараться создать себе более или менее оптимальные условия для жизни и ждать, ждать... Возможно, что ни один корабль и не завернет в это захолустье.

— Я обдумал твои просьбы, — сказал Хертуг, неохотно отрываясь от драгоценного ящика. — Ты получишь личные помещения, одного-двух рабов, достаточно пищи, а по святым дням вино и пиво.

— А что-нибудь покрепче?

— Ты не можешь и представить ничего лучше! Вина Перссонов с виноградных полей на склонах горы Мальвилви славятся как крепчайшие!

— Они станут еще крепче и знаменитее, когда я перегоню их через перегонный куб. Пока я здесь, мне многое предстоит сделать. Например, я построю ватерклозет, покуда еще не заработал ревматизм из-за дыр в ваших сортирах. Но в первую очередь я сконструирую станок для изготовления денег. Их потребуется много. Мои изобретения несколько дороговаты, поэтому лучше заранее запастись деньгами. Надеюсь, у тебя нет никаких религиозных табу на обогащение?

— Нет! — с готовностью ответил Хертуг.

— Тогда на сегодня хватит. С разрешения твоего величества я желал бы отоспаться в отведенных мне хоромах. После чего подготовлю список...

— И не забудь эту штуку, которая делает деньги!

— Во главе списка!

Кандалы с Язона сняли, но четыре телохранителя следовали за ним, дыша в затылок ненавистным запахом кренодж ей.

— Ты знаешь, где моя новая квартира? — спросил Язон у командира охранников, угрюмого великана по имени Бенит.

— Хм, — только и промычал Бенит.

Они поднялись по извилистой каменной лестнице на верхние этажи, потом снова спустились вниз, в темный зал, и подошли к двери, у которой стоял еще один охранник.

Бенит, сняв с пояса тяжелый ключ, отпер замок.

— Вот, — сказал он и ткнул в дверь грязным пальцем.

— Да-а... — протянул Язон, заглядывая внутрь и видя прикованных к стене Майка и Айджейл. — От них будет мало толку, если их оставить в качестве интерьера.

Так же невозмутимо Бенит вытащил из кармана ключ поменьше, протянул его Язону и закрыл за собой дверь.

— Я знала: ты сделаешь так, что они не причинят тебе вреда, — сказала Айджейл, когда Язон снимал с нее железный ошейник. — Но мне все равно было страшно.

Майк надменно молчал до тех пор, пока Язон и Айджейл не отправились осматривать остальные помещения.

— Вы забыли освободить меня! — крикнул он.

— Неужели? Я рад, что вы обратили на это внимание. Скажите, Майк, как легче всего избавиться от хлопот?

— Вы хотите меня оскорбить?

— Я говорю то, что думаю. Из-за вас я потерял престижную работу у дзертаноджей и меня снова заковали в цепи. Но, бежав от них, я все же прихватил с собой и вас. И чем вы

отплатили мне за мое великодушие? Позволили Снарби продать нас в рабство. Запомните, Майк, что нынешнего своего благополучия я добился без вашего участия.

— Я поступал по совести.

— Вы ошибаетесь.

— Язон динАльт, вы мелочный и мстительный человек!

— Вот тут вы совершенно правы. И поэтому останетесь прикованным к стене. — Язон взял Айджейл за руку и повел ее в глубь помещения. — Итак, что же мы видим? — вслух стал рассуждать он. — Вход ведет сразу в главную комнату, что, видимо, соответствует последнему крику моды. Всевозможные разновидности изумительной по своей красоте плесени... Прекрасное место для производства сыра, но не для меня. — Язон распахнул дверь в соседнюю комнату. — Вот уже несколько лучше. Окна — на юг. Видно море. Отлично! Остается разработать технологию изготовления стекла. Битый рог вместо непродуваемых прозрачных стекол мне не подходит. А вот и очаг. Мы разведем огонь...

— Кренодж и! — Айджейл всплеснула руками и подбежала к стоящей в темной нише большой корзине. Язона передернуло, а она принялась перебирать корни. — Не очень старые, десять-пятнадцать дней... Для супа что надо.

— Именно по ним так истомился мой бедный больной желудок, — пробурчал Язон.

За стеной взревел Майк. Но Язон разжег камин, согрелся как следует и лишь потом пошел взглянуть, чем недоволен правдоискатель.

— Это преступление! — орал тот, гремя цепями.

— А что вы хотели от преступника, каковым я являюсь в ваших глазах? — сказал Язон и развернулся, чтобы выйти.

— Вы не можете так меня оставить! Подождите, не оставляйте меня! Мы ведь цивилизованные люди. Освободите, я больше так не буду. Я не причиню вам никакого беспокойства! Даю слово!

— Отрадно слышать, старина Майк! Но дело в том, что во мне не осталось к вам ни капли добрых чувств. Я приспособился к местному этосу и теперь верю вам лишь до тех пор, пока вижу вас. Хотя и это слишком много.

И все же Язон достал ключ и освободил Майка.

— Ошейник! Вы забыли снять ошейник!

— Не может быть! — На губах Язона сверкнула недобрая ухмылка. — Я никогда ничего не забываю, Майк Сэймон.

Вы — мой раб. А будучи рабом, вы, как ни старайтесь, не сможете причинить особых неприятностей.

В голосе Майка послышалась ярость:

— Я так и знал, вы собака, а не цивилизованный человек. Я беру назад свои слова и отказываюсь вам помогать в чем бы то ни было. Вы — зло, и я буду бороться с вами.

Язон занес было кулак, но неожиданно рассмеялся.

— Вы не перестаете удивлять меня, Майк. Вы единственный в своем роде. Вы уникум. Чтобы нормальный человек был столь глух к фактам, логике и тому, что называется здравым смыслом?! Поразительно! Знаете, я даже рад, что мы вступили в фазу открытой борьбы. Теперь уж я постоянно буду настороже. А чтобы вы, не дай бог, не забыли свои слова, я стану обращаться с вами как с рабом. Возьмите кувшин и отправляйтесь за водой. Быстро!

Майк, скрипя зубами от гнева, вышел из комнаты, а Язон вернулся к Айджейл и супу из креноджей.

Утолив голод, Язон пристроился у камина и смотрел, как Айджейл зашивала толстой иглой рваные шкуры. Где-то за стеной слышалось ворчание Майка.

Было поздно. Язон устал, но ему надо было еще составить список всевозможных чудес для Хертуга.

Вдруг лязгнули замки, распахнулась дверь, и в сопровождении солдата, сжимающего в руке факел, на пороге появился Бенит.

— Идем, — сказал он и указал Язону на дверь.

— Куда?

— Идем, — повторил Бенит и вытащил из-за пояса короткий меч.

— Я начинаю тебя ненавидеть, — промолвил Язон, неохотно поднимаясь с кресла.

Он отбросил шкуры и побрел за Бенитом. Охранника у дверей не было. «Где же он?» — подумал Язон и повернулся. Дверь за ним захлопнулась, а острие меча проткнуло одежду и обожгло спину.

— Попытаешься бежать или заговорить — умрешь, — прозвучал над самым ухом шепот Бенита.

Язон обдумал его слова и решил не сопротивляться. Нет, он не испугался, он знал, что смог бы справиться и с десятью такими Бенитами, просто вновь природное любопытство толкало его на новые приключения. У Язона возникло подозрение,

что происходящее совершается без ведома Хертуга. Он решил выяснить, чем все закончится, и тут же пожалел об этом.

Ему связали руки, сунули в рот вонючий кляп и приставили к груди острое лезвие меча. Сопротивление стало невозможным, и Язон покорно последовал за похитителями.

По крутой лестнице они взобрались на плоскую черепичную крышу, где мокрый снег облепил их с головы до ног. Солдат погасил факел. Темная ночь поглотила очертания предметов, и Язон, споткнувшись о парапет, чуть не свалился вниз. Солдат вовремя удержал его. Быстро и ловко Язона обвязали веревкой под мышками и стали спускать с крыши. Язон то и дело ударялся головой о стену, проклиная Бенита на чем свет стоит, а оказавшись по пояс в ледяной воде, утроил поток проклятий.

Вдруг цепкие сильные руки подхватили его и бросили в лодку.

Последним спустился Бенит. Скрипнули уключины, и они поплыли в неизвестном направлении.

Связанный Язон лежал на дне лодки. Никто не обращал на него внимания, и, если бы он не откатился в сторону и не прижался к борту, его наверняка затоптали бы насмерть. Из глубины его наблюдательного пункта разглядеть что-нибудь было невозможно. Только когда где-то вверху появилось слабое мерцание факелов, он понял, что они проплывают через морские ворота. Значит, он похищен соперничающим кланом. Этот факт его мало обрадовал.

Лодку пришвартовали к причалу. Язона вытащили из нее и поволокли по мокрым каменным плитам. Бенит исчез, очевидно, отправившись за своими тридцатью сребрениками, а новые охранники молчали, как немые...

Наконец его развязали, вынули кляп, втолкнули в огромный зал и бесшумно затворили за ним дверь.

Перед Язоном открылась картина, от вида которой кровь в жилах должна была заледенеть, а волосы встать дыбом. Но он только рассмеялся и осмотрелся в поисках стула.

Не найдя ничего подходящего, он снял со стола коптящую лампу, выполненную в форме змеи, и взгромоздился на стол.

— Встань, смертный! Сидеть перед Мастрегулами — смерть!

Их было семеро, стоящих на помосте. Все они были одеты в длинные балахоны, опирались на метровые широкие мечи, и на всех были ужасающие маски. Лампы причудливых

форм нещадно чадили перед ними, а воздух был насыщен сероводородом.

— А я буду сидеть, — невозмутимо ответил Язон, устраиваясь поудобней. — Или вы похитили меня с целью предать костру? Чем скорее до вас дойдет, что эти опереточные кошмары меня нимало не трогают, тем скорее мы сможем поговорить о деле.

— Молчи! Смерть перед тобой!

— Дерьмо! И все ваши угрозы того же качества. Поэтому давайте перейдем к сути. До вас дошли определенные слухи, и они вас заинтриговали. Кародж, экзотическое устройство в храме, наверное, что-нибудь еще... Настолько заманчиво, что вы решили похитить меня. Маленькие аппсальские хитрости, тридцать сребреников, и я здесь...

— Ты знаешь, кто перед тобой? — завопило одно чучело визгливым старческим голосом.

— Мастрегулы? Я слышал о вас. — Язон внимательно посмотрел на старца. — Вы считаетесь местными волшебниками и колдунами! О да! Вы способны поджигать воду, которая, в свою очередь, прожигает дерево, металл и так далее. Я так полагаю, вы просто здешние химики или скорее то, что от них осталось. И хотя вас не так много, вы держите в страхе остальные кланы.

— Ты знаешь, что здесь? — спросил стоящий в центре старец и поднял руку, в которой держал небольшой стеклянный шар, наполненный желтоватой жидкостью.

— Не знаю и знать не хочу.

— Это волшебная огненная вода. Она прожжет тебя насквозь, если ты прикоснешься к ней.

— Кончайте комедию. Это обычная кислота, видимо серная. От запаха тухлых яиц здесь дышать нечем.

Эти слова оказали действие, подобное взрыву. Все семеро подпрыгнули как ужаленные, заголосили, завизжали и затопали ногами. Придя в себя через некоторое время, старцы встали в круг и принялись что-то обсуждать.

Язону надоели игры в волшебные науки. После столь неделикатного с ним обращения он чувствовал себя скверно и по многим причинам желал вернуться к Перссонам. Пусть Мастрегулы держат в страхе весь город, пусть они будут кем угодно... Но их было немного, и он осторожно приблизился к старикам.

Как любому профессиональному игроку, Язону нередко приходилось спасаться бегством. Его личные интересы и интересы полиции, как правило, не совпадали. И по своему прежнему опыту он знал: чем быстрее бросишься наутек, тем больше шансов выбраться целым и невредимым. Мастрегулы совершили крупную ошибку, отпустив стражу, — они привыкли считать себя грозой планеты, — и на этот раз просчитались.

По старческим шепелявым голосам Язон понял, что среди них нет ни одного человека, способного оказать ему достойное сопротивление. А тот, что стоял с самого края, был настолько дряхл, что Язон видел, как дрожат его руки, с трудом удерживающие меч.

— Кто выдал тебе священное название жидкости? — спросил старик с шаром. — Отвечай, шпион. Не то мы вырвем тебе язык и пустим огонь в кишки!

— Не делайте этого! — вдруг запричитал Язон и, встав на колени, воздел руки кверху. — Все, что угодно, только не это! Я буду говорить. — Он поднялся и вплотную приблизился к Мастрегулам. — Это он выдал мне ваш секрет, — указал Язон на старика, стоявшего с краю, и в тот же момент выхватил из рук растерявшегося старца меч. — Смерть неверующим! — Язон сорвал черный занавес с незамысловатыми изображениями черепов и костей, закрывавший заднюю стену залы, и набросил его на перепуганных Мастрегулов.

За занавесом оказалась небольшая железная дверца. Язон рывком открыл ее и очутился в освещенном коридоре нос к носу с двумя охранниками. Первый не успел и ахнуть, как тут же упал, сраженный ударом меча. Второму солдату Язон отсек руку, когда тот попытался выхватить свое оружие. Пиррянская школа в который раз сослужила хорошую службу. Ни один аппсалец не мог сравниться с Язоном в силе и ловкости, и он еще раз убедился в этом, столкнувшись с Бенитом.

— Спасибо за увлекательное путешествие, — сказал Язон, выбивая меч из рук бывшего охранника. — Предательство — обычная вещь в Аппсале, знаю. Но я, к твоему сожалению, не аппсалец, — промолвил Язон, и голова Бенита отлетела в сторону.

У выхода он опять нарвался на вооруженную охрану, но и здесь внезапность была на его стороне. Разделавшись со стражей, Язон всем телом навалился на тяжелый деревянный брус, служивший запором на воротах. Только каким-то чудом он заметил появившегося вдруг Мастрегула.

— Умри! — вскричал тот и швырнул шар с серной кислотой.

— Благодарю! — Язон легко поймал шар и сунул его за пазуху.

Настоящая погоня только начиналась, а Язон уже сбегал по скользким ступеням. Прыгнув в первую попавшуюся лодку, он одним ударом меча перерубил канат и веслом оттолкнулся от причала.

Лодка была слишком тяжела и велика для одного человека, но течение в канале помогло ему.

На пристани засверкали факелы, послышались брань, крики. Но вскоре все скрылось за зыбкой пеленой мокрого снега.

Язон правил лодкой и угрюмо улыбался.

Глава 13

Он греб, пока не согрелся. Затем, пустив лодку по течению, решил передохнуть и разобраться в случившемся.

Прошел уже не один час, как скрылся из виду замок Мастрегулов. Погоня безнадежно отстала, отдохнувший Язон вновь взялся за весла и направил лодку к ближайшему берегу.

Днище заскребло о песок, Язон выпрыгнул из лодки и, глубоко увязая в иле, вытащил ее на берег.

Вокруг не было ни души. Он снова забрался в лодку, положил шар с кислотой подальше от себя и стал ждать наступления рассвета.

Ночь была сырая и холодная. В довершение ко всему опять пошел мокрый снег. Язон продрог, но не покинул своего убежища.

Наконец из полумрака стали проступать неясные очертания предметов: лодки, привязанные цепями к деревянным столбам, силуэты покосившихся хижин...

Из одной такой хижины вышел человек, но, увидев Язона, вскрикнул и исчез. Послышались голоса, и показалось уже человек десять, неуверенно приближающихся к Язону. В руках они держали дубинки и весла. Язон выбрался из лодки, достал меч и сделал несколько выпадов, чтобы размяться.

— Уходи с миром. Забирай свою лодку, Мастрегул, и уходи. Мы всего лишь бедные рыбаки.

— Я не Мастрегул и люблю Мастрегулов не больше вашего, — ответил Язон, опираясь на меч.

— Но твоя лодка? Вот знак... — рыбак показал на герб, вырезанный на корме.

— Я украл эту лодку.

Рыбаки застонали и отпрянули. Кто-то бросился бежать, некоторые опустились на колени, а один замахнулся дубиной, но Язон легко отразил удар.

— Мы пропали! Мастрегулы придут сюда, увидят лодку, обвинят нас и убьют. Забирай лодку и уходи!

— Ваша правда, — согласился Язон. Лодка могла его выдать. Да и к тому же она была слишком громоздкой для одного человека, управлять ею в одиночку было крайне тяжело. Он взял шар, навалился на нос и столкнул лодку в воду. Течение подхватило ее, и вскоре она пропала из виду. — Ну вот, эта проблема решена. А теперь мне необходимо вернуться в крепость Перссонов. Кто из вас доставит меня туда?

Рыбаки в испуге отступили. Но Язон преградил одному из них дорогу и пригрозил мечом:

— Ну так как?

— Я не смогу найти дорогу, — взмолился рыбак. — Туман, снег... Я ни разу там не был.

— Я тебе хорошо заплачу, как только мы прибудем на место. Назови цену. — Но человек только криво усмехнулся и попытался ускользнуть. — Ага, понимаю, — сказал Язон, вновь мечом преграждая ему дорогу. — Кредит не в обычаях вашего племени. — Он задумчиво посмотрел на меч и тут впервые заметил, что его рукоять вся усеяна драгоценными камнями. — Если у тебя найдется нож, то я организую оплату. Вот этот красный камень, рубин, ты получишь сейчас, а этот зеленый — когда прибудем на место.

После недолгого спора Язон прибавил еще один камень. Алчность, как всегда, победила страх.

Рыбак сидел на веслах, а Язон вычерпывал воду из дырявой посудины.

Как обнаружилось, этот аппсалец прекрасно знал все водные пути в бесконечном лабиринте каналов. Под покровом снега и тумана, никем не замеченные, они добрались до закрытых ворот какой-то крепости. Рыбак клялся, что это и есть замок Перссонов, но Язон, помня местные нравы и обычаи, предпочел оставаться в лодке до тех пор, пока не появился охранник с гербом в виде солнца на рукаве. Рыбак

очень удивился, получив обещанную награду, и, не теряя времени, поспешил обратно, прочь от Перссонов.

— Предатель! — вскричал Хертуг, как только ввели обезоруженного Язона. — Ты убил моих людей и бежал. Но теперь ты вновь в моих руках!

— Перестань! — раздраженно сказал Язон и оттолкнул стражников, держащих его за руки. — Я вернулся сам, а это в Аппсале должно кое-чего стоить. Меня похитили Мастрегулы, и помог им человек из твоей охраны.

— Как его имя?

— Бенит. Но он уже мертв. Тебя предали из-за меня. Мастрегулы хотели, чтобы я работал на них, но я был против. Мне они не понравились. Я не слишком высокого мнения об их клане. У меня есть доказательство. — Язон достал стеклянный шар с кислотой. Стражники отскочили, а Хертуг стал белым как снег.

— Горящая вода! — воскликнул он.

— Вот именно. И поскольку у меня теперь есть кислота, я могу приступить к изготовлению батарей, необходимых для дальнейших изобретений. Я очень сердит, Хертуг. Мне не нравится, когда меня похищают, я недоволен Аппсалой. У меня есть кое-какие планы, и я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз. Отправь своих парней.

Хертуг нервно поджал губы.

— Ты вернулся, но почему?

— Потому что ты нужен мне не меньше, чем я тебе. У тебя люди, власть, деньги, у меня большие планы. Отправь стражу, и я тебе расскажу, в чем они заключаются.

Язон порылся в стоящей на столе чаше с креноджами, выбрал один посветлее и откусил кусок. Хертуг размышлял.

— Ты вернулся, — сказал он снова. Этот факт казался ему невероятным. — Давай поговорим.

— Наедине.

— Очистить помещение! — приказал Хертуг, но из предосторожности положил перед собой заряженный самострел.

Язон подошел к окну и посмотрел на островной город. Тучи рассеялись, и слабый солнечный свет озарял крыши домов.

— Ты хочешь владеть всем этим, Хертуг?

— Говори...

— Я уже не раз намекал тебе на это, а теперь говорю прямо. Я открою тебе все секреты твоих врагов, я научу тебя

перегонять нефть, как это делают дзертаноджи, я покажу, как Мастрегулы получают серную кислоту, как Трозеллинги делают кароджи. Я усовершенствую твое оружие и создам новое. Война будет столь ужасной, что очень скоро она станет невозможной. Твои войска будут всегда побеждать, ты станешь единственным властелином Аппсалы и всей планеты. Богатейшие земли станут твоими. Ты будешь упиваться властью. Всех твоих врагов ждет скорая и страшная смерть.

— Слава Перссонам! — закричал Хертуг, вскакивая.

— Я так и думал. Мне, видимо, придется задержаться на вашей планете и как следует перетряхнуть всю эту систему. Она весьма неудачна, и, по-моему, пришло время ее изменить.

Глава 14

Дни становились длиннее, мокрый снег сменился дождем, но вскоре прекратился и он. Аппсалу осветило солнце. Раскрылись почки на деревьях, распустились цветы, и воздух наполнился весенним ароматом. Правда, от нагревшейся воды каналов поднимались совсем иные запахи, без которых вполне можно было обойтись. Но Язону некогда было обращать на все это внимание: дни и ночи он корпел над своими чудесными изобретениями, дни и ночи он только и делал, что ломал голову над решением тех или иных проблем. Сырье и производство стоили недешево, и Хертуг, раскошеливаясь на очередную задумку Язона, почесывал бороду и вспоминал старые добрые времена. Язону приходилось срочно изготовлять одно-два свежих чуда, чтобы вдохновить Хертуга на дальнейшие великие дела.

Сначала это была электрическая дуга, потом электрическая печь, которая сильно продвинула работу с металлами и сделала Хертуга вполне счастливым. А когда он обнаружил, что ее можно использовать и для пыток, испытав на пленном Трозеллинге, радости его не было границ.

Но прошло время, и эта новинка поблекла. Поразмыслив, Язон путем гальванопластики пополнил сокровищницу Хертуга как настоящими, так и фальшивыми драгоценностями.

Пригодился и шар Мастрегулов. Желтая жидкость в нем оказалась действительно серной кислотой, и Язон смастерил громоздкую, но довольно мощную аккумуляторную батарею. Этим он не ограничился — организовал захват грузовой

баржи Мастрегулов, добыл еще кислоты и обзавелся другими химикатами.

Правда, никак не удавалось получить порох. Помощники, проклиная все на свете, облазили все окрестные помойные ямы в поисках селитры, но безрезультатно. Поэтому от многих проектов Язону все же пришлось отказаться. Больше всего он преуспел в изготовлении кароджа и паровой машины, во многом благодаря предшествующему опыту. Кроме того, Язон построил пароход, на который ушло много драгоценных сил и времени, но зато судно получилось что надо — легкое и мощное. Самым же главным его детищем должна была стать паровая катапульта, работа над которой уже близилась к концу.

В свободные минуты развлечения ради Язон разработал шрифт, телефон, громкоговоритель, станок для книгопечатания, а также фонографические записи, которые верующие аппсальцы приняли за голоса духов. Не забыл он и про себя, соорудив прямо в комнате самогонный аппарат, производивший низкосортный, но достаточно крепкий бренди.

— Все не так уж плохо, — довольный собой, сказал Язон, откинувшись в кресле и посасывая бренди.

Перед ним на тарелке лежал отличный бифштекс, приготовленный в печи собственной конструкции, румяные креноджи и хлеб, настоящий хлеб, появившийся тоже стараниями Язона.

Айджейл прибиралась на кухне, а Майк прочищал трубы самогонного аппарата.

— Не желаете присоединиться? — спросил его Язон, переполненный добротой ко всему роду человеческому.

— «Крепкие напитки гневят» — Книга притчей Соломоновых, — ответил Майк в своей излюбленной манере.

— «Вино приносит радость в сердце человека». Псалмы. Я тоже читал кое-что. Если вы не хотите разделить со мной дружескую чашу, то испейте хотя бы воды и передохните.

— Я раб, — мрачно изрек Майк, указывая на свой ошейник и возвращаясь к работе.

— За это вы должны благодарить только себя. Не были бы вы столь безрассудны, я бы с превеликой радостью вернул вам свободу. Дайте слово, что не будете совать нос в мои дела и заботиться о моих моральных устоях, и я сниму с вас ошейник. Что скажете?

Майк на мгновение задумался.

— Нет! Изыди, сатана! Не ждите от меня никаких обетов. Я не отдам вам свою честь на поругание. Я буду носить свои цепи до самого дня освобождения, когда увижу вас представшим перед Великим Судом!

— Ну что ж. Хоть я и не разделяю ваших чувств, но они мне понятны. — Язон осушил стакан и наполнил его вновь. — Я надеюсь, что до того самого дня ваше мнение изменится. Ответьте мне, Майк, не задумывались ли вы случайно над тем, сколько нам ждать нашего освобождения? Может быть, вы что-нибудь предприняли, чтобы приблизить этот день?

— Я ничего не могу сделать. Я раб.

— Да, вы правы. И мы оба знаем почему. Но все-таки, может быть, хоть что-нибудь?.. Ну, вспоминайте! Нет? Очень, очень прискорбно... А я в отличие от вас делал все возможное и невозможное. Во-первых, — Язон икнул и загнул палец, — я выяснил, что на этой заброшенной планете нет ни одного пришельца из космоса, кроме нас с вами. Во-вторых, я нашел несколько хорошо резонирующих кристаллов и собрал радиоприемник. Однако, кроме атмосферных помех и собственного SOS, ничего не услышал.

— Что за чушь вы несете?

— Как? Разве я вам не рассказывал? Я построил простейший радиопередатчик и сказал Хертугу, что этот божественный сундук будет служить ему верой и правдой, посылая в небеса славу могучему Перссону. С того дня он не умолкает стараниями верующих...

— Для вас нет ничего святого. Богохульник!

— Вы требуете от меня уважения к религии Великого Бога Электро? По-моему, это не в ваших правилах. Я вас не понимаю. Вы должны быть довольны, что я посмеялся над глупым идолопоклонничеством. — Захмелевшему Язону с явным трудом удалось произнести последнее слово. — К тому же если в атмосферу планеты войдет космический корабль, он немедленно поймает мои позывные и мы будем спасены.

— Когда же? — спросил Майк, явно заинтересовавшись.

— Может быть, через пять минут, а может, через пятьсот лет. В этой Галактике множество планет. Даже если нас кто-нибудь и ищет, то найдет не скоро. Я сомневаюсь, чтобы рациональные пирряне все бросили и пустились искать меня. Да и потом, корабль у них единственный, и он постоянно занят. А как насчет ваших людей, Майк?

— Они молятся за меня. А о поисках не может быть и речи. Все наши деньги ушли на покупку и оснащение корабля, который вы так своенравно уничтожили. Ну а торговые или исследовательские корабли?

— Все зависит от игры случая. Через пять минут, через пять веков или вообще никогда — слепая игра случая. — Майк помрачнел, да и Язон, хоть он никогда не питал особых иллюзий, ощутил приступ тоски и одиночества. — Полно грустить. Дела идут не так уж плохо. Сравните наше теперешнее положение со сбором кренoджей в веселой компании рабов Чаки. Теперь у нас удобная теплая квартира, достаточно пищи. Со временем мы обзаведемся другими полезными вещами. Неужели вы думаете, что я все это затеял во имя Хертуга? Я вытащу этот мир из рутины невежества и направлю его в новое, технологическое будущее.

— Я раньше не понимал...

— К сожалению, это для вас типично. На этой планете статичная, мертвая культура. Она никогда не смогла бы развиваться без сильного толчка извне. И я уже сделал этот толчок. Пока все технические знания заморожены, засекречены, никакого прогресса быть не может. Возможны лишь незначительные изменения и усовершенствования внутри кланов. Но ничего глобального. Я разрушу все это. Я передам Хертугу все местные секреты плюс к тому множество сведений, которые здесь никому не известны. Это нарушит моральный баланс в обществе. Раньше кланы были примерно равны по силе, теперь Хертуг станет сильнее всех, он развяжет войну и победит их всех — одного за другим.

— Войну? — переспросил Майк. Ноздри его раздулись, а в глазах появился лихорадочный блеск. — Вы сказали: войну?

— Да, — благодушно ответил Язон, отпивая из стакана. Он так погрузился в собственные мысли, что не заметил возбуждения Майка. — Как кто-то справедливо заметил: нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца... Предоставленный самому себе, этот мир до скончания дней так и ковылял бы по своей орбите, если б не я. Девяносто пять процентов населения по-прежнему были бы обречены на болезни, голод, нищету, рабство. Но я начну небольшую научную войну и уничтожу конкурентов Хертуга. Когда все будет кончено, станет лучше для всех. Хертуг ликвидирует границы между племенами и станет диктатором. Работа, которой я занят, не по плечу престарелым сциллоджам, поэтому я возьму в обучение способных рабов и юношей из хороших семей. Начнется бурный расцвет промышленности. Я обещаю! Научная революция захлестнет планету. Машины, свободное предпринимательство, капитализм, досуг, искусство...

— Чудовище! — процедил Майк сквозь зубы. — Чтобы удовлетворить свое честолюбие, вы готовы развязать войну и обречь на смерть тысячи невинных. Я остановлю вас, даже если мне придется заплатить за это собственной жизнью.

— Вы что-то сказали? — спросил Язон, поднимая голову. Он задремал, погруженный в видения золотого будущего.

Но Майк не ответил. Склонившись над самогонным аппаратом и продолжая чистить его, он до крови закусил губу. Только теперь он понял преимущество молчания.

Во дворе крепости Перссонов стоял большой каменный резервуар с питьевой водой. Здесь встречались рабы, приходившие наполнить свои сосуды, здесь был центр всех сплетен и интриг.

Майк, дожидаясь своей очереди за водой, внимательно всматривался в лица людей. Он искал раба, заговорившего с ним несколько недель назад. Тогда Майк ничего не ответил ему, но сейчас...

Наконец он высмотрел его в толпе и поманил жестом. Они отошли в сторону.

— Я согласен, — прошептал Майк.

Раб криво усмехнулся:

— Наконец-то ты поумнел.

Лето было в самом разгаре. Жара спадала только после захода солнца.

Работа над катапультой уже близилась к концу, когда Язон был вынужден нарушить свое основное правило — работать только днем: стоять в самом пекле, у раскаленного котла было просто невыносимо, поэтому предстоящее испытание катапульты он в последний момент перенес на вечер.

Майк вышел за водой, а Язон, отужинав, направился в мастерскую.

Свист пара и грохот механизмов заглушали все другие звуки. О том, что на улице происходит что-то неладное, Язон догадался только тогда, когда в мастерскую вбежал истекающий кровью солдат. Из плеча у него торчала стрела.

— Трозеллинги! — выкрикнул он и упал без сознания.

Поднялась паника. Все бросились к выходу. На попытки Язона остановить людей никто не реагировал. Чертыхаясь, он задержался в мастерской, погасил огонь и открыл предохранительные клапаны, иначе котел мог взорваться, и лишь затем поспешил за остальными.

Пробегая мимо стеллажа с инструментами, Язон схватил бронзовую «утреннюю звезду»[1] и помчался через темные залы туда, откуда доносились возбужденные крики.

Поравнявшись с лестницей, ведущей на верхние этажи, он услышал приглушенные голоса и звон оружия, но, не придав этому значения, понесся дальше, к морским воротам. Однако, добежав до центрального входа, Язон обнаружил, что сражение уже подходит к концу.

Угольные дуги заливали поле боя ярким светом. Морские ворота были полуразрушены, поперек них стояла искореженная баржа, не давая створкам закрыться. Внезапно напавшие Трозеллинги успели уничтожить большую часть охраны, но подоспевшее подкрепление остановило их, и теперь они медленно отступали, ведя арьергардные бои. В воде плавали утыканные стрелами трупы, раненых относило в сторону, и Язону, по сути, делать здесь было нечего. Он задумался, чем же могло быть вызвано это полуночное нападение, и вдруг ощутил какое-то странное беспокойство.

Нападение отбито, но все же непонятное чувство нарастало в нем, наполняя тревогой.

И тут он вспомнил звуки, доносившиеся откуда-то сверху, — тяжелые шаги, звон оружия и крик, внезапно прерванный крик, будто кому-то зажали рот. Тогда, разгоряченный, он не обратил на это никакого внимания.

— Но я же покинул мастерскую последним! И никто не попался мне... — Оборвав себя на полуслове, Язон бросился наверх, перепрыгивая через три ступеньки.

Он влетел в коридор и чуть не упал, споткнувшись о чье-то распростертое тело. Теперь Язон отчетливо слышал, что шум битвы доносится из его комнаты.

В комнате царил полный разгром. Среди обломков мебе-

[1] «Утренняя звезда» (моргенстерн) — вид холодного оружия, шипастый металлический шар, цепью присоединенный к рукояти. *(Прим. ред.)*

ли в неровном свете уцелевшей лампы происходило то, что и сражением назвать трудно, — бойня.

Перепрыгивая через трупы, Язон присоединился к Перссонам.

— Айджейл! — прокричал он. — Где ты? — И обрушил «утреннюю звезду» на шлем противника.

— Держи его! Вот он! — раздался громкий крик в хаосе сражения, и все внимание Трозеллингов обратилось на Язона.

Их было много, очень много, они, перекрыв все входы и выходы, атаковали с отчаянной решимостью. Рука болела от усилий, необходимых, чтобы «утренней звездой» плести вокруг себя паутину смерти. Внезапно острое лезвие меча полоснуло Язона по ноге.

Но тут подошло подкрепление, и нападавшие были в одно мгновение сметены свежими силами Перссонов. В свете многочисленных факелов Язон увидел, как Трозеллинги поспешно выбираются через широкие окна. Оконное стекло, с таким трудом изготовленное Язоном, было разбито вдребезги и хрустело у них под ногами. Из рам и стены торчали металлические крючья толстых веревочных лестниц.

Язон, прихрамывая, поспешил к окну. В темноте колыхались еле различимые тени спускающихся людей. Перссоны хотели было перерубить веревки, но Язон остановил их.

— За ними! — крикнул он, перекидывая ногу через подоконник.

Зажав в зубах рукоять «утренней звезды», Язон спускался все ниже и ниже по качающимся ступеням, пока не обнаружил, что лестница кончилась и у него под ногами вода. Где-то вдалеке слышался удаляющийся плеск весел.

Неожиданно ощутив боль в раненой ноге, Язон понял, что смертельно устал и взобраться обратно у него не хватит сил.

— Пусть пригонят лодку, — сказал он солдату, спустившемуся вслед за ним.

Вскоре из темноты показалась лодка, на носу которой стоял сам Хертуг Перссон с обнаженным мечом в руке.

— Что это было? — спросил он, когда Язон опустился рядом с ним на сиденье.

— Совершенно очевидно, что нападение организовано из-за меня.

— Не может быть!..

— Это однозначно. Атака морских ворот — отвлекающий

маневр. Другой главный отряд должен был захватить меня. Просто я случайно оказался в мастерской. Обычно в это время я уже сплю.

— Но кому ты мог понадобиться?

— Ты что, до сих пор не понял, что я самая большая ценность в Аппсале? Первыми это поняли Мастрегулы, как ты помнишь. Следовало ожидать нападения Трозеллингов. В конце концов они должны были когда-нибудь узнать, что я строю паровые машины, а ведь это покушение на их родовую монополию.

Лодка прошла разбитые морские ворота и пришвартовалась к пристани. Язон с трудом выбрался на берег.

— Но как они нашли твою комнату?

— Предатель... Как обычно на этой планете, кто-то знал мой распорядок дня. Он же помог врагу закрепить веревочные лестницы. Но это не Айджейл.

— Я найду предателя! — воскликнул Хертуг. — Я посажу его в электрическую печь.

— Я знаю, кто это. Я узнал его голос. Это мой раб Майк.

Глава 15

— Они заплатят мне! О, как они заплатят мне! — Крошечные глаза и огромный нос Хертуга были краснее обычного. В руках он сжимал стакан с волшебным бренди.

— Рад слышать. Я очень рассчитываю на тебя, Хертуг. — Язон откинулся в кресле и отпил приличный глоток обжигающего напитка. Его рана на ноге была тщательно промыта кипяченой водой и перевязана чистым бинтом. Она слегка побаливала, но Язону было не до нее. — Пора начинать, — сказал он.

Хертуг замигал:

— Как? Уже? Разве мы готовы?

— Они ворвались в твой замок, убили твоих солдат, оскорбили тебя...

— Смерть Трозеллингам! — взревел Хертуг и разбил стакан о стену.

— Это уже лучше. И не забудь, как вероломно они напали. Предательство не может остаться безнаказанным. К тому же чем быстрее мы развяжем войну, тем больше шансов у нас на успех. Своим появлением на планете я растревожил спящий улей. Трозеллинги наверняка станут готовить новое, более продуманное нападение. И ведь они могут объединиться с другими кланами. Нам надо опередить их. Необходимо успеть перебить их всех поодиночке.

— Нам нужны люди, много людей... целая армия... Через какое-то время...

— Два дня. Два дня тебе, чтобы подтянуть резервы, и два дня мне для технической подготовки вторжения. Выиграть вторжение нам поможет моя паровая катапульта.

— Ты испытал ее?

— Все механизмы в порядке. А генеральную репетицию мы проведем, — Язон усмехнулся, — на самих Трозеллингах. Я приступлю к работе с рассветом, а тебе советую послать гонцов немедленно, чтобы подкрепление не запоздало. Смерть Трозеллингам!

— Смерть! — отозвался Хертуг и свирепо оскалил зубы.

Двое суток Язон не знал ни сна, ни покоя. И когда казалось, что силы вот-вот оставят его, он вызывал образ Майка Сэймона, и жажда мести удваивала его энергию.

Еще он думал об Айджейл. Жива ли она? Майку за все придется ответить. И за предательство, и за Айджейл, и за многое-многое другое.

Корабль был почти готов. Оставалось обшить борта стальными листами ниже ватерлинии и установить катапульту.

Пока возились с обшивкой, Язон изменил свое решение и катапульту водрузил на большую плоскодонную баржу. Чем проще, тем лучше. Затем туда же перенесли паровой котел, баки с горючим и загрузили баржу доверху камнями.

Перед самым рассветом второго дня сон все же поборол Язона, но проспал он, однако, не более двух часов. Дикий рев труб и грохот барабанов разбудили его. Они выступали.

Во главе эскадры шел новоявленный крейсер «Дредноут» с Хертугом и Язоном на борту, таща за собой на буксире баржу с катапультой. Позади тянулся длинный хвост различных судов и лодок с войсками и боеприпасами.

Вся Аппсала знала о предстоящем сражении. На пути им не встретилось ни одной захудалой посудины, водная гладь была пустынна. Тревожная тишина повисла в воздухе.

Трозеллинги выжидали. Ворота были заперты, нигде на

стенах не было видно ни единого человека; крепость, казалось, вымерла.

Язон потянул за рукоятку свистка паровой машины, и через пятнадцать секунд «Дредноут» остановился.

— Почему мы не атакуем? — удивился Хертуг.

— Оружие противника не может причинить нам вреда, а наша катапульта... Ага, вот видишь! — Большое металлическое копье плюхнулось в воду более чем в ста метрах от их флагмана.

— Стрелы джетило, — вздрогнул Хертуг. — Я видел собственными глазами, как такая стрела навылет пронзила семь человек зараз.

— Это ерунда. Сейчас ты оценишь преимущество науки.

Язон перебрался на баржу и, пока поднималось давление пара в котле, выверил прицел катапульты на основную линию стрельбы и проверил подъемный механизм орудия. Устройство было простым и надежным. На подвижной платформе крепился паровой цилиндр с поршнем, конец которого был связан с силовым рычагом, и, когда в цилиндр подавался под большим давлением пар, поршень резким толчком передавал усилие на рычаг, а тот, в свою очередь, на камень.

— Орудие к бою! — крикнул Язон. — Полное давление! Огонь!

Камень со свистом взвился в небо и пролетел на добрых двести футов выше сторожевой башни — самого высокого сооружения в крепости.

Трозеллинги разразились дьявольским смехом, когда камень упал в воду с противоположной стороны острова.

— Пристрелка... — небрежно заметил Язон. — Уменьшим угол подъема и швырнем снаряд в самый центр их двора. Посмотрим тогда, как они посмеются. — Он щелкнул клапанами, возвращая рычаг в горизонтальное положение, затем повернул колесо подъемного механизма.

Второй выстрел оказался немногим лучше первого. Снаряд взлетел на громадную высоту, на мгновение завис в воздухе и поднял волну, не долетев ста пятидесяти метров до цели.

— Не очень-то хороша твоя машина, — мрачно заметил Хертуг. Он тоже перебрался на баржу и пристально следил за стрельбой.

— Во время полевых испытаний ошибки и промахи неизбежны, — огрызнулся Язон. — Это тренировочная стрельба. Посмотрим, что покажет следующий выстрел.

Язон решил отказаться от дальнейших попыток использовать высокую траекторию. Машина оказалась намного мощнее, чем он предполагал. И он привел катапульту в такое положение, что снаряд, по его расчетам, должен был лететь параллельно воде.

На сей раз камень стер в порошок верхнюю часть зубчатой стены и смел нескольких стоявших там солдат.

— Они в страхе прячутся, — заволновался Хертуг. — Пора атаковать.

— Рано. Мы еще не полностью использовали свое осадное орудие. А надо извлечь из него все, что можно. — Язон повернул колесо прицела, и следующий снаряд проделал еще одну брешь в стене крепости. — Необходимо постоянно держать их в напряжении.

После непродолжительного артобстрела там, где была стена, не осталось и камня на камне. И Язон приказал заряжать катапульту особыми зажигательными снарядами.

Пылающие камни падали на крытые тростником крыши, сухой тростник легко воспламенялся, и вскоре вся крепость была охвачена пламенем.

Трозеллинги в отчаянии предприняли контратаку. Но Язон предвидел и это.

— Прекратить огонь! — скомандовал он. — Следить за давлением. Лично убью каждого, кто останется в живых, если котел взорвется. — И Язон прыгнул в лодку. Разволновавшийся Хертуг поспешил за ним. — На «Дредноут»!

— Перссоны всегда впереди! — воскликнул Хертуг, размахивая мечом.

— Очень хорошо. Но лучше спрячь меч и побереги голову.

Когда они достигли борта «Дредноута», в створе ворот крепости показался допотопный колесный пароход. Язон много раз слышал леденящие кровь рассказы об этой сатанинской машине и сейчас, увидя ее воочию, едва не рассмеялся.

— Полный вперед! — крикнул он и встал у руля.

Расстояние между кораблями быстро сокращалось. Стрелы джетило ударялись о металлическую обшивку «Дредноута» и падали в воду.

Ужасающий вид низкого, похожего на жука крейсера Язона, очевидно, поколебал решимость и самоуверенность

капитана вражеского судна. Он понял, что столкновение не сулит ему ничего хорошего, и в последнюю минуту изменил курс своего корабля.

— Держитесь! Идем на таран! — крикнул Язон, направляя «Дредноут» в правый борт противника.

Мелькнули украшенный головой дракона высокий вздернутый нос корабля Трозеллингов, перепуганные лица матросов, и «Дредноут» вонзился в середину вражеского судна.

— Задний ход! — заорал Язон, резко поворачивая руль влево.

Солдат Трозеллингов, силой удара переброшенный со своего корабля на палубу «Дредноута», не удержался на ногах и упал. С воинственным кличем к нему подскочил Хертуг и напал на ошеломленного неприятеля. Коротким взмахом он вонзил меч в горло врагу и столкнул мертвое тело в воду.

С корабля Трозеллингов раздались крики, и на крейсер Перссонов посыпался град стрел. Хертуг поспешил найти безопасное место.

«Дредноут» никак не мог стронуться, он гудел, дрожал, но не двигался.

— Застряли, — пробормотал Язон и рванул руль.

Корабль тряхнуло, и он медленно начал освобождаться. В открывшуюся пробоину флагмана Трозеллингов хлынула вода.

— Ты видел, как я расправился с этой свиньей, осмелившейся напасть на нас? — самодовольно спросил Хертуг.

— А ты видел, как я продырявил эту гнилую посудину? — вопросом на вопрос ответил Язон. — А вот и их котел взорвался, — добавил он, услышав глухой взрыв. Пароход раскололся на две части и быстро затонул.

— Эй! В трюме вода! — вдруг прокричал показавшийся в люке человек.

— Чего ты орешь как полоумный? Именно для этого у нас на борту есть насосы и рабы. Пусть выкачивают воду.

Радость Хертуга ничто не могло омрачить.

— Это великий день победы! — промолвил он, не в силах оторваться от кругов на воде от затонувшего корабля Трозеллингов. — Эти свиньи мне за все заплатят.

— Не успеет зайти солнце, и они так нам заплатят, как тебе и не снилось, — ответил Язон. — Мы вступаем в следующую фазу сражения. Ты уверен, что твои люди все правильно поняли?

— Я сам лично говорил с ними. И неоднократно. Они только ждут сигнала. Скажи когда, и я отдам приказ.

— Скоро. Стой здесь, а я пойду произведу еще пару-другую выстрелов.

Язон перебрался на баржу и обстрелял Трозеллингов зажигательными снарядами. И без того дымящийся остров превратился в сплошной костер.

Затем Язон перенес огонь на морские ворота. Четыре выстрела — и они разлетелись в щепки. Путь был открыт. Язон махнул Хертугу. Тот передал команду по этапу, и эскадра Перссонов ринулась в атаку.

«Дредноут» шел впереди. Его бронированный нос пропорол створки ворот, или, точнее, то, что от них осталось, сорвал их с петель и ударился в пристань.

Язон следил за схваткой с борта «Дредноута». Он неспешно достал флягу, отпил приличный глоток бренди и вздохнул полной грудью.

Он был доволен собой. С самого начала исход битвы не вызывал сомнения, но сейчас, видя израненных, обожженных, павших духом солдат Трозеллингов, сердце его переполнилось гордостью. Неприятель был в состоянии только отступать, и вскоре бой переместился в глубь крепости.

Пришло время действовать и Язону. Он допил остатки бренди, схватил легкий щит, «утреннюю звезду» и поспешил на берег. Где-то здесь должна была быть Айджейл, и Язон чувствовал свою ответственность за жизнь этой девушки и готов был сразиться за нее с кем угодно, не говоря о каких-то там Трозеллингах. Ведь если бы не он со своими затеями, она бы до сих пор собирала свои любимые креноджи и не знала иных забот.

Язон пробирался по лабиринтам коридоров и залов мрачного замка. Повсюду царила смерть. Обломки оружия, кровь, стоны раненых, мертвые.

Схватка шла уже в центральном обеденном зале. Язон обошел сражающихся и проник на кухню. Тут же на него напал главный повар с огромным ножом. Но Язон выбил из его рук оружие и, потрясая «утренней звездой», попытался выяснить, где находится Айджейл. Но повар стучал зубами и не мог выдавить из себя ни одного членораздельного звука. Язон, поняв, что от этого слюнтяя ему ничего не добиться, плюнул и побежал в зал.

Сражение напоминало океан во время шторма. Разъярен-

ная толпа перемешавшихся друг с другом солдат раскачивалась взад-вперед подобно гигантским волнам. Люди утопали в крови, спотыкались о раненых, падали и тут же гибли под ногами сражающихся. Крики, всхлипы, стоны, лязг оружия... Все это сливалось в какую-то адскую какофонию.

Неожиданный шквал стрел заставил ряды сражавшихся на мгновение разомкнуться. В открывшемся пространстве Язон разглядел роскошных и величественных Трозеллингов. Они стояли на возвышении в дальнем конце зала и следили за ходом битвы. Только бледные, восковые лица выдавали их крайнее напряжение.

Один из них заметил Язона и указал мечом в его сторону. Все Трозеллинги обернулись к нему и как по команде расступились.

Язон увидел прикованную к стене Айджейл. К ее груди был приставлен меч. Смысл этой немой сцены не вызывал сомнений.

Естественно, что ни о каких переговорах сейчас не могло быть и речи. Остановить Хертуга с его озверевшей дружиной Язон не мог. И он с криком бросился вперед.

Казалось, что ничто не могло сдержать Язона. «Утренняя звезда» сеяла смерть направо и налево. Солдаты Трозеллингов растерялись от неожиданного напора, стрелы их не задевали Язона, и он сломя голову продвигался все дальше и дальше.

Одним глазом Язон успел заметить среди Трозеллингов Майка. Предатель! Он был здесь. Этот факт придал Язону новые силы.

Но поздно! Слишком поздно. Айджейл обречена. Занесенный над ее головой меч уже рассекал воздух для сокрушительного удара.

Невероятным усилием Язон в прыжке дотянулся до убийцы, сбил его с ног и вместе с ним повалился на пол.

Силы были неравны. Шесть человек бросились на лежащего Язона, но он еще успел отбить один удар меча, потом другой и даже сам нанес врагу два-три ответных удара. Продержаться. Еще немного. Где-то уже совсем рядом Язон слышал победные возгласы Перссонов. Хоть несколько секунд.

Язон вскочил на ноги, отбросил еще двух Трозеллингов, развернулся... и увидел прямо перед собой глубокого старика со сверкающим мечом в руке.

— Умри, демон! Умри, разрушитель! — И это было последнее, что услышал Язон.

Длинное холодное лезвие обожгло тело и прошло насквозь.

Глава 16

Боли он не почувствовал. Страх смерти сковал Язона. Все кончено. Он отбросил старика и посмотрел кругом. Перссоны победили.

— Оставь, — прохрипел он Айджейл, которая с ужасом в глазах протягивала к нему руки, чтобы выдернуть меч.

Подошел запыхавшийся Хертуг.

— Ткань, — сказал ему Язон. — Как только выдернут меч, приложи к ране ткань.

Сильные руки солдат подхватили его, и он закрыл глаза. Хертуг дернул за рукоять меча, и невыносимая боль пронзила все тело Язона. Хлынула кровь.

«Зачем? Зачем еще хлопотать о чем-то, зачем продлевать мучения? Все равно смерть. Антисептики, антибиотики — все это на расстоянии многих световых лет отсюда. Если нечем остановить разрушительный процесс, начавшийся в кишках, о чем беспокоиться?..» — подумал Язон и потерял сознание.

...Он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Айджейл. Она зашивала рану толстой грязной иглой.

Свет померк, и Язон снова провалился в небытие.

В разбитое окно светило яркое полуденное солнце. Страшно хотелось пить.

— Воды, — просипел Язон и не услышал своего голоса.

— Мне сказали, чтобы я не давала... — Айджейл, как всегда, была рядом.

— Какое это теперь имеет значение... так или иначе...

Вошел Хертуг. В его руках был небольшой деревянный ящик.

— Это «убийца смерти» — бедэ. Но в большом количестве он опасен.

«Только не для меня, — подумал Язон. — Слишком мало времени, чтобы стать наркоманом».

Но чем бы ни был этот «убийца смерти», действовал он мгновенно. Ушли жажда, боль, и, хотя немного кружилась

голова, усталость и скорая смерть отодвинулись на задний план.

— Как сражение? — спросил он Хертуга.

— Клана Трозеллингов больше нет. Мы захватили крепость, секретные помещения, где они строили свои машины... — Хертуг неожиданно замолчал и нахмурился. Он вдруг с полной ясностью осознал, что Язон больше ему не помощник.

— Приободрись. — Язон заметил, как помрачнел Хертуг. — Ты победил один клан, победишь и остальные. Не дай им только успеть объединиться. Начни с самых враждебных. Постарайся захватить техников, ведь кто-то должен открыть тебе секреты. Действуй решительно, и весь город будет у твоих ног.

— Твои похороны будут самыми пышными в Аппсале.

— Не сомневаюсь.

— Я устрою грандиозные празднества и молебны. Твои останки мы сожжем в электрической печи во славу бога Электро.

— Жаль, что я этого не увижу.

— Мы перенесем пепел на корабль и огромной похоронной процессией выйдем в море. Корабли будут битком набиты оружием и солдатами. А на обратном пути мы нападем на Мастрегулов.

— Вот это уже похоже на тебя. А то я подумал, что ты стал не в меру сентиментален.

С шумом открылась дверь, и комната наполнилась людьми, ящиками, кабелями... Последним вошел надзиратель, ударами хлыста погоняющий закованного в кандалы Майка. Его пихнули в угол, и он, гремя цепями, упал на пол.

— Я хотел убить предателя, — сказал Хертуг, — но потом подумал, что тебе будет приятно расправиться с ним самому. Электрическая дуга позволит поджарить его медленно, по частям. Принеси его в жертву славному богу Электро. Умилостивь бога — и наверняка попадешь в рай.

— Спасибо, Хертуг, — ответил Язон, разглядывая несчастного Майка. — Прикуйте его и оставьте нас. Я обдумаю, какие самые жестокие и изысканные пытки испытать на нем.

— Хорошо. Пусть будет так, как ты хочешь. Но не забудь позвать меня, когда примешься за дело. Мне очень интересно...

— Обязательно, Хертуг.

Они остались втроем. Айджейл замахнулась на Майка кухонным ножом.

— У-у-у...

— Не надо, — остановил ее Язон. — Это не то... Это очень плохо.

Она послушно опустила нож, взяла губку и принялась обтирать Язону лоб.

Майк поднял голову и попытался осмотреться. Выглядел он неважно. Видимо, Хертуг предварительно все же обработал его.

— Чего вы добились, Майк?

— Вы не разомкнете мои уста даже под пытками.

— Не будьте большим идиотом, чем обычно. Никто не собирался вас пытать. Я просто никак не могу взять в толк, какого дьявола вам надо было предавать меня в этот раз? Что вас заставило выкинуть этот трюк?

— Я действовал так, как считал нужным.

— И в очередной раз от этого стало только хуже. Вам не нравилось, как я с вами обходился?

— Никаких личных мотивов! Но во имя страждущего человечества!

— А не из мести?

— Никогда! Я хотел предотвратить войну.

— Что вы хотите этим сказать?

Майк встал, вытянулся и вперил ненавидящий взгляд в Язона.

— Однажды, напившись как свинья, вы невольно посвятили меня в свой план развязывания войны среди невинных и ничего не подозревающих людей. Вас необходимо было остановить. Любыми средствами. И никто, кроме меня, не смог бы этого сделать. Это был мой долг. Один человек, подкупленный Трозеллингами, еще раньше предлагал мне за вас хорошую плату. Чтобы я помог похитить вас у кровожадных Перссонов и продать Трозеллингам — клану честных работников и техников, как он уверял меня. Тогда я ничего не ответил ему, ибо мое освобождение могло стоить человеческих жизней, а я считал это несоразмерной платой за свои цепи. Когда же вы поведали мне ваши коварные замыслы, сомнения оставили меня. Я посоветовался со своей совестью, и она сказала мне, что я должен принять предложение Трозеллингов. Они обещали не причинять вам никакого вреда, хотя и

содержали бы вас как пленника. И тогда война была бы предотвращена.

— Вы просто дурак, — сказал Язон бесстрастно.

Майк вспыхнул.

— Меня не интересует ваше мнение обо мне. Если бы мне предоставилась еще одна возможность, я бы поступил точно так же.

— Даже зная, что Трозеллинги такая же шайка головорезов? Вы даже не пытались остановить их, когда они хотели убить Айджейл! Вы, борец за нравственность!..

— Трозеллинги находились в состоянии аффекта. Я не могу осуждать их за это.

— Что ж, война кончилась. Перссоны и мои идеи победили. Теперь и без моего личного участия промышленная революция в Аппсале пойдет полным ходом... Единственное, чего вы добились, — моей смерти. И этого я никак не могу вам простить.

— Что за безумие!

— Безумие! Вы... — Язон приподнялся на локте. Острая боль пронзила его, и он повалился обратно на кровать. — Вы думали, я просто прилег отдохнуть? Меня прокололи как собаку. Все ваши интриги, похищение Айджейл... Я напоролся на меч Трозеллингов...

— Я не понимаю.

— Вы всегда были тупы, Майк. Меня прокололи мечом. Прокололи насквозь. Я не слишком хорошо знаю анатомию, но, по всей видимости, ни один из жизненно важных органов не задет, иначе я бы сейчас не разговаривал с вами. Но я не знаю такого способа, чтобы можно было пробить дыру в животе, не занеся туда веселую компанию изголодавшихся бактерий. Учитывая достижения аппсальских медиков, можно дать стопроцентную гарантию смертельного исхода. Когда-нибудь, если представится возможность, полистайте руководство по оказанию первой помощи.

Его слова поразили Майка, но легче Язону от этого не стало. Он закрыл глаза.

Когда за окном забрезжил рассвет, Язон подозвал Айджейл и попросил бедэ.

— Здесь не стало жарче? — спросил он. — Наверное, у меня температура.

— Это все из-за меня, — всхлипнула Айджейл и разразилась слезами.

— Ерунда! Я всегда знал, что единственный способ умереть для меня — самоубийство. На планете, где прошло мое детство, не было ничего, кроме яркого солнца, вечного мира и долгой, долгой жизни. Я предпочел другую жизнь взамен той пустой — короткую, но насыщенную. Я покинул родную планету... Дай еще корней. Я хочу забыться.

Язон моментально задремал, погрузившись в туман бедэ. Изредка он приходил в себя и с удивлением обнаруживал, что ничего не изменилось и он еще жив, что Айджейл здесь и ухаживает за ним, что Майк все так же гремит цепями. Язон подумал о том, что, когда он умрет, Майку придется туго, эта мысль удручила его, и он снова погрузился в забытье.

Язон очнулся от навязчивого, тяжелого гула в ушах. Он открыл глаза, надеясь стряхнуть наваждение, но шум не исчез. Наоборот, он все нарастал, пока не превратился в рев. Что-то до боли знакомое почудилось Язону в этом звуке.

— Айджейл, где ты? Иди скорее сюда! — закричал он.

Перепуганная Айджейл выбежала из соседней комнаты. Из открытого окна доносился шум голосов. Что это? Галлюцинация? Айджейл попыталась уложить и успокоить его, но он оттолкнул ее и позвал Майка.

Странный гул затих в отдалении.

— Вы слышали? Вы слышали?

— Я спал, но кажется... да, слышал.

— Что слышали?

— Рев. Это он разбудил меня. Он был похож... Но ведь это невозможно! — вскричал Майк.

— Невозможно? Почему?

— Но ведь здесь никогда не было космических кораблей!

— Теперь они есть. Идиот! Айджейл! — крикнул он. — Вот деньги, беги в храм Электро и отдай их жрецам. Пусть ничто не остановит тебя. Это самое важное дело твоей жизни. Они наверняка бросили крутить ручку и выбежали смотреть, что случилось. А без наводящего луча нас не найдут. Скажи им, чтобы они крутили и не останавливались ни на мгновение: к нам приближается корабль богов, и нужно непременно молиться.

Айджейл выбежала из комнаты, а Язон, тяжело дыша, откинулся на подушку.

Что за корабль принял сигнал SOS? Есть ли на его борту врач? Сумеет ли он остановить воспаление? Должен. Несо-

мненно, должен. Каждый корабль оснащен современным медоборудованием. Впервые у Язона появилась надежда на выздоровление. Он даже улыбнулся Майку.

— У меня такое чувство, старина, что нам больше не представится возможности полакомиться кренодж ами. Сумеете ли вы пережить такую утрату?

— Я хочу предупредить вас, Язон динАльт, — серьезно ответил Майк, — ваши преступления слишком тяжелы, чтобы замалчивать их. Я буду вынужден сообщить капитану и вызвать полицию. Я не могу поступить иначе.

— Удивляюсь, как вы до сих пор живы! Почему я еще не убил вас?

— Не думаю, что вы когда-нибудь решитесь на это. У вас есть определенное чувство чести.

— Определенное чувство?! Что это значит?! Или в вашем бронированном мозгу образовалась трещина?

Но Майк не успел ответить. Послышался шум реактивных двигателей, корабль приближался.

— Это посадочная шлюпка. — Язон старался перекричать рев моторов. — Она идет на мой сигнал. Никакого случайного совпадения быть не может.

Вбежала Айджейл.

— Все попрятались, жрецы разбежались. Огромный огненный зверь спускается с неба, чтобы уничтожить нас!

И вдруг наступила тишина.

— Благополучная посадка, — вздохнул Язон. — Айджейл, дай мне карандаш и бумагу. Я напишу записку, а ты отнесешь ее на корабль. — При этих словах Айджейл вскрикнула и отшатнулась от Язона. — Не бойся, это обычная корабельная шлюпка. В ней люди, и они не причинят тебе зла. Отдай им записку и приведи их сюда.

— Мне страшно...

— Все будет хорошо. Эти люди помогут мне, они вылечат меня.

— Тогда я пойду. — Айджейл взяла записку и неуверенными шагами направилась к двери. Язон смотрел ей вслед.

— Иногда, Майк, — сказал он, — когда я забываю про вас, я горжусь человечеством.

Язон нервно перебирал пальцами край одеяла. За окном раздавались воинственные крики и лязг металла. Неужели эти дикари осмелились напасть на шлюпку? Язон безуспешно пытался встать. Его жизнь находилась в чужих руках. Все, что мог, он сделал. А теперь остается одно — ждать. Лежать и ждать.

Где-то в глубине здания раздалось несколько глухих выстрелов. Язон вздрогнул. В коридоре послышался шум шагов, дверь распахнулась, и в комнату вбежала Айджейл, следом за ней, со все еще дымящимся пистолетом в руке, ворвалась Мета.

— Долог путь от Пирра, — промолвил Язон.

— Ты ранен! — Она прильнула к его постели.

Мета взяла Язона за руку и, ощутив сухой жар его кожи, молча достала аптечку. Четыре укола анализатора сопровождались легким жужжанием. Лишь после пятого на блестящем корпусе зажегся сигнал «угроза миновала».

Мета наклонилась и поцеловала Язона в горячие губы. Локон золотистых волос упал ему на щеку. Но даже сейчас она не переставала следить за приоткрытой дверью. Грянул выстрел, пуля разнесла косяк и отбросила в коридор появившегося в дверях солдата.

— Не стреляй в них, они могут быть друзьями.

— Но не моими. Не успела я приземлиться, как они обстреляли шлюпку какими-то примитивными метательными снарядами. Они чуть было не убили и девушку, которая принесла от тебя записку. Если бы я не согнала их со стен... Тебе лучше?

— Не лучше и не хуже. Кружится голова. Нам не мешало бы поскорее перебраться на корабль. Интересно, смогу ли я идти сам. — Язон опустил ноги на пол, оттолкнулся от кровати и упал лицом вниз. Мета уложила его обратно и укрыла одеялом.

— Ты должен лежать, пока не поправишься, — сказала она, взбивая подушку. — Ты слишком слаб.

— Нам надо спешить. Хертуг — он здесь главный, — как только до него дойдет, что я покидаю его, не пожалеет никаких сил, чтобы остановить меня. Мы должны смыться, прежде чем его крошечный мозг поймет это.

Мета осмотрелась. Взгляд ее скользнул мимо Айджейл — та сидела съежившись на полу и с ужасом глядела на незнакомку — и остановился на Майке.

— Этот человек опасен?

— С него нельзя спускать глаз. Это он похитил меня с Пирра.

— Убей его сам. — Мета протянула Язону пистолет.

— Видите, Майк, все хотят вашей смерти. Что-то в вас есть такое... гадкое...

— Я не боюсь смерти, — ответил Майк, расправляя плечи и вскидывая голову.

— Вы не можете не бояться. — Язон опустил пистолет. Побитый, закованный в цепи Майк вызывал отвращение и жалость. — Удивительно, как вы со своей способностью причинять людям неприятности дожили до сегодняшнего дня. — Язон вернул Мете пистолет. — Я устал от убийств. Эта планета утонула в крови. И, кроме того, лучшего носильщика-санитара нам не найти.

Мета посмотрела на Майка и вскинула пистолет. Раздался выстрел, Майк в испуге отшатнулся, закрыв лицо ладонями, и был явно удивлен, увидев себя живым и невредимым. Разбитая выстрелом цепь валялась на полу. Он был свободен.

Мета, подобно тигрице, скользнула к нему и приставила к его горлу дымящийся ствол пистолета.

— Язон не хочет твоей смерти. Но я не всегда поступаю так, как он этого желает. Поэтому, если хочешь жить, делай то, что я тебе скажу. Понятно? Нам нужны носилки. Сними со стола крышку, поможешь нести Язона. Попытаешься бежать — умрешь.

Майк открыл было рот, но металл в голосе Меты остановил его. Он только молча кивнул и направился к столу.

Айджейл подбежала к Язону и судорожно схватила его за руку.

— Что происходит, Язон? — заскулила она. — Эта женщина поцеловала тебя. Она твоя жена? Ты сильный человек, у тебя может быть две жены. Не оставляй меня.

— Кто эта девушка? — спросила Мета, и голос ее не предвещал ничего хорошего.

— Она местная... рабыня. Айджейл помогала мне, — ответил Язон с напускной небрежностью, но с трудом подбирая слова. — Если мы бросим ее, то она умрет. Здесь ее ждет смерть. Мы возьмем Айджейл с собой.

— Не думаю, что ты поступаешь разумно. — У Меты сузились глаза. Пиррянка и любовь — что может быть опаснее подобного соединения.

К счастью, в это время послышался скрип двери, и разгневанная Мета успела выстрелить дважды, прежде чем Язон остановил ее.

— Стой! Не стреляй, это Хертуг. Я узнал его шаги.

— Я не знал, Язон, что это твой друг, — раздался за дверью голос Хертуга. — Я хочу поговорить с тобой. Я накажу солдат, которые обстреляли корабль твоего друга. Верь мне.

— Я не понимаю, что он говорит, — сказала Мета, — но мне не нравится его голос.

— Все правильно, дорогая. Имея еще пару глаз, рот и нос на затылке, он не был бы более двуличным, нежели теперь. — Язон засмеялся. Боль осталась, но голова была ясная. Необходимо как можно скорее уносить отсюда ноги. Каким бы хорошим стрелком ни была Мета, ей не выстоять против целой армии дикарей. Он должен обмануть Перссонов. — Входи, Хертуг. Не бойся, произошло недоразумение. — Язон повернулся к Мете. — Не стреляй, но будь настороже. Я попытаюсь уговорить его, а ты будь готова к любому повороту событий.

Хертуг просунул голову в дверь и снова исчез. Ему потребовалось немало времени и усилий, чтобы преодолеть страх.

— Какое отличное оружие у твоего друга! — Хертуг на трясущихся ногах вошел в комнату. — Скажи ему, что я дам за него пять рабов.

— Семь.

— Согласен.

— Отлично. Но только другое оружие, это принадлежит его семье и за многие годы уже стало частью его самого. На корабле есть другое. Мы сейчас пойдем туда, и ты получишь то, что хочешь.

Майк и Мета осторожно положили Язона на носилки.

— На корабле тебя приведут в порядок, — сказал Хертуг, внимательно следя за приготовлениями. — Ты не умрешь. Ты улетишь на небесной машине.

Язон не ожидал, что Хертуг проявит больше сообразительности, чем обычно. Он застонал и задергался, изображая агонию.

— Я умираю. Это не корабль, Хертуг, это похоронная космическая баржа. Туда отнесут мой прах и развеют его среди звезд.

Хертуг поспешил было к двери, но Мета вовремя схватила его за руку и приставила к виску пистолет.

— Что будем делать, Язон? — спокойно спросила она.

— Пусть Майк встанет впереди носилок, а Хертуг и Айд-

жейл сзади. Держи его постоянно под прицелом, и, может быть, нам удастся прорваться.

Лишившись руководства, Перссоны не знали, что им делать, и беглецы благополучно достигли шлюпки.

— Теперь самое трудное, — сказал Язон. — Встань у люка и не спускай глаз со старика. На этой планете не существует верности. Они могут решиться задержать нас ценой жизни Хертуга. Ничто не остановит их.

— Логично, — согласилась Мета. — Да и война есть война.

— Ты настоящая пиррянка, Мета. — Язон улыбнулся. — Я проверю приборы и дам сирену. Тогда ты оттолкни его подальше и поторопись ко мне. Думаю, что с управлением мне не справиться.

— Ты теряешь время.

Язон с трудом забрался в кресло помощника пилота и проделал весь комплекс предстартовых операций. Он уже потянулся к кнопке сирены, когда раздался глухой взрыв, шлюпка вздрогнула и стала медленно падать. В это мгновение влетела Мета, бросилась в кресло, и через секунду они уже оторвались от земли и устремились ввысь.

— Не такой уж и примитивный мир, как мне показалось вначале, — сказала она, не глядя на Язона. — Огромная машина вдруг загудела и метнула в нас камень. Двух стабилизаторов как не бывало. А человек, которого ты называешь Хертугом, сбежал.

— Это даже к лучшему, — кивнул Язон. У него не хватило мужества признаться, что их чуть не погубило его детище.

Глава 17

Благодаря искусству Меты шлюпка легко и плавно скользнула в люк пиррянского крейсера, совершавшего орбитальный полет на границе атмосферы. Состояние невесомости облегчило боль Язона, и он помог устроиться Айджейл в амортизационном кресле, а затем перебрался к Мете, которая занималась расчетом курса корабля.

— Я умираю от голода, — простонал Язон. — Мой желудок истощен до предела, я умираю.

Мета молча протянула ему обеденный набор. Она явно была чем-то недовольна.

Язон выдавил содержимое одного тюбика в рот и посмотрел на Айджейл. Та, кое-как освоившись с невесомостью, не отрываясь, смотрела на Мету.

— Отлично, — сказал Язон с фальшивым весельем в голосе. — Ты одна на корабле, Мета?

— Конечно, — ответила она таким тоном, что должно было означать: «Ты глуп, Язон».

— А как ты разыскала меня?

— Очень просто. Наш оператор успел заметить герб на корабле. По его описанию Керк опознал герб Кассилии. Я отправилась туда, но безрезультатно. Корабль на Кассилию не возвращался. Тогда я поспешила обратно на Пирр и выяснила, какие близлежащие от курса планеты могли зарегистрировать ваш корабль в случае отказа джамп-режима. Их оказалось три. На двух из них — современные космопорты с развитым летным контролем. Если бы ваш корабль потерпел крушение вблизи этих планет, там наверняка знали бы об этом. Оставалась последняя. Как только я вошла в атмосферу, сразу же поймала сигнал SOS и поспешила на помощь. Что ты собираешься делать с этой девушкой? — вдруг без всякого перехода спросила она.

— Я еще не думал об этом. Однако... — Язон оглянулся. Айджейл всем телом вжалась в кресло. Хотя она и не понимала ни слова, женское чутье ей подсказывало, что разговор идет именно о ней.

— В твоей жизни, Язон, — отчеканила Мета, — есть место только для одной женщины, и я убью всякого, кто думает иначе.

Язон и не сомневался в этом. Так что, если он желал продлить жизнь бедной девушки, необходимо было как можно скорее оградить ее от смертельной опасности, которую представляла собой ревнивая пиррянка. Язон задумался.

— Мы приземлимся на ближайшей цивилизованной планете и высадим Айджейл. Я оставлю на ее имя приличный счет в банке, которого хватит на долгие годы. Надо будет только позаботиться о том, чтобы деньги ей выплачивали по частям, иначе она спустит все за три дня. Если Айджейл сумела выжить на этой планете, в цивилизованном мире ей будет гораздо проще.

Когда Язон сообщил эту новость Айджейл, та, не выдержав, расплакалась.

— Я позабочусь о несчастной и поведу ее путем Истины, — раздался знакомый голос от двери.

— Отличная идея, старина Майк! Ты слышала, Айджейл? Майк возьмет тебя с собой и позаботится о тебе. Я оставлю тебе много денег, а он объяснит, как с ними обращаться. Ты не будешь знать никакой нужды. Слушай его внимательно, но всегда поступай наоборот. Ты должна пообещать мне это и никогда, ни под каким предлогом не нарушать данного обещания. Конечно, ошибок не избежать, но я уверен — все будет хорошо.

— Я не могу без тебя! Возьми меня с собой! Я буду твоей рабыней! — взмолилась Айджейл.

— Что она говорит? — раздраженно спросила Мета.

— Вы — зло, Язон! — вспыхнул Майк. — И всегда им останетесь. Эта несчастная девушка будет беспрекословно следовать вашему идиотскому приказу. Что бы я ни говорил и как бы я о ней ни заботился...

— Я очень рассчитываю на это. Люди, подобные вам, — недоразвитые моралисты, — не способны радоваться жизни. Вся их жизнь — идея. А нормальные люди умеют наслаждаться каждой минутой, каждым мгновением...

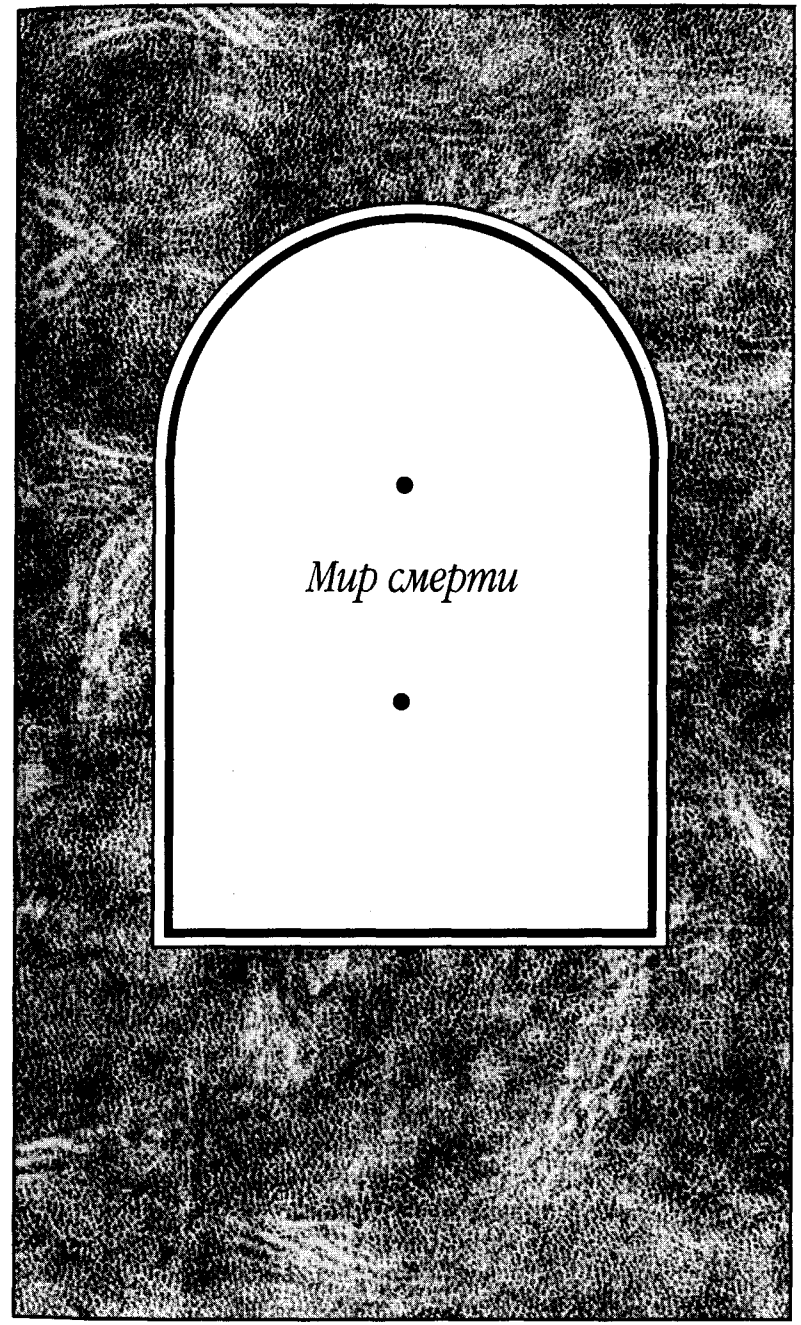
— Я сказал: «Вы — зло». А зло не должно оставаться безнаказанным! — В руке Майка вдруг оказался пистолет. — Я захватываю корабль. На первой же планете мы высаживаем женщин, а сами отправляемся на Кассилию.

Мета оторвалась от расчетов, и Язон увидел, как на ее губах сверкнула улыбка.

— Ты говорил, что не хочешь убивать?

— Да. Я и сейчас не хочу... — Язон виновато улыбнулся в ответ. — Но еще больше я не хочу на Кассилию... — Он вздохнул и отвернулся.

Выстрелов не было. Раздался сдавленный стон, глухой стук падающего тела... Майк Сэймон проиграл свое последнее пари.



Глава 1

Лейтенант Таленк опустил электронный бинокль и негромко выругался. Потом, подкрутив окуляры, он снова поднес бинокль к глазам. Приближался вечер, и яркое белое солнце уже скрылось за облаками у горизонта. Равнина попрежнему казалась совершенно безлюдной — океан травы и больше ничего...

— Простите, сэр, но я ничего не видел, — неохотно сказал часовой. — Все как обычно.

— Зато я видел. Мне этого достаточно. Там что-то двигалось, и я должен выяснить, что. — Он отложил бинокль и взглянул на часы. — До темноты часа полтора, времени хватит. Сообщите дежурному офицеру, куда я пошел.

Часовой хотел что-то сказать, но передумал и промолчал: не его это дело — давать советы офицеру.

Лейтенант взял лазерный пистолет, пристегнул к поясу сумку с гранатами и, дождавшись, пока откроются ворота в заграждении, решительно двинулся вперед. Он не испытывал никакого страха или беспокойства. Профессиональный солдат, ветеран многих войн, опытный боец, владеющий всеми средствами обороны и нападения, Таленк знал себе цену. Вряд ли в этих просторах ему встретится что-то такое, с чем он не сможет справиться. Но что-то там двигалось — это абсолютно точно. Лейтенант был уверен, что видел слабое, едва заметное глазу движение. Может, животное, а может, и еще что-нибудь... Им двигало не столько чувство долга, сколько элементарное любопытство и жажда действия, порожденная скукой караульной службы.

Таленк спокойно шагал по хрустящей заиндевевшей траве. Только один раз он обернулся, и его взору открылись горстка низких зданий и навесов, скелет буровой вышки рядом с ними и над всем этим похожая на утес громада космического корабля. Лейтенант никогда не был человеком

сентиментальным, но даже он ощутил всю ничтожность маленького лагеря, затерянного среди необъятной пустынной равнины. Удивившись таким мыслям, он фыркнул и отвернулся. Наплевать! Если здесь действительно таится какая-то опасность, он ее обнаружит и уничтожит.

Метрах в ста от изгороди начинался небольшой овраг, прикрытый естественным валом: незаметная из лагеря складка поверхности. Таленк взобрался на гребень и осмотрелся.

Увидев в овраге отряд вооруженных всадников, он мгновенно отпрянул назад, но это его не спасло. Ближайший наездник всадил длинное копье лейтенанту в ногу и, повернув его в ране, рванул вниз. Падая, Таленк выхватил пистолет, и тут же другое копье вонзилось ему в ладонь. Еще не почувствовав боли, он попытался включить рацию, но третье копье, пробив запястье, пригвоздило к земле вторую руку. Раненный, оглушенный, прибитый к земле, Таленк хотел закричать, но даже это ему не дали сделать... Всадник нагнулся, вытягивая из ножен меч, и короткий удар разрезал рот от уха до уха. Хлынула кровь. В агонии лейтенант дернул ногами, хрустнула обледеневшая трава — и это был единственный звук, сопровождавший его смерть.

Всадники без всякого интереса смотрели на труп; их верховые животные, похожие на лошадей, спокойно помахивали хвостами.

— В чем дело? — спросил дежурный офицер, застегивая оружейный пояс.

— Лейтенант Таленк, сэр. Он ушел туда. Сказал, что что-то заметил. Прошло уже пятнадцать минут: его не видно, и рация не отвечает.

— Не думаю, что здесь может быть какая-то опасность, — сказал офицер, глядя на темнеющую равнину. — Но все равно лучше его поискать. Сержант, возьмите отделение и найдите лейтенанта Таленка.

В «Джон компани» служили профессионалы. Они заключили долгосрочные контракты и отлично знали, что на новых планетах их подстерегают всевозможные опасности.

Рассыпавшись цепью, солдаты осторожно двинулись по равнине.

— Что-нибудь случилось? — спросил геолог, выходя из пристройки у буровой вышки. В руках он держал лоток с образцами породы.

— Не знаю, — ответил офицер.

В этот момент из оврага появились всадники. Произошло невероятное: меньше чем за минуту прекрасно обученные, вооруженные до зубов наемники были смяты и уничтожены. Всадники пронеслись сквозь цепь, оставив за собой девять трупов.

— Сейчас они будут здесь! — закричал геолог и, отшвырнув лоток, бросился бежать.

Заревела сирена, и из палаток выскочили солдаты, расхватывая на ходу оружие.

Атакующие обрушились на лагерь, как землетрясение — внезапно и сокрушительно. Еще секунду назад это была лишь отдаленная, смутная угроза — и вот они уже здесь... Все произошло настолько внезапно, что многие солдаты и офицеры погибли, не успев даже поднять оружие.

Лошади лавиной неслись прямо на проволоку. Передняя на полном скаку врезалась в заграждение, пробив его своим весом. Ярко вспыхнула электрическая дуга, и мертвое животное растянулось у ног дежурного офицера. Тот с ужасом глядел на оскаленную морду, не в силах сдвинуться с места. Секунду спустя вылетевший из седла наездник всадил стрелу ему в глаз.

Смерть была повсюду. Всадники мчались вдоль изгороди, посылая тучи стрел из своих коротких луков, и даже в полутьме безошибочно поражали цель. Вокруг падали на землю убитые и раненые. Одна стрела попала в сирену, и та замолчала.

Всадники исчезли так же внезапно, как и появились, буквально растворились в сумерках. В наступившей вдруг тишине явственно слышались стоны и проклятия.

Свет дня совсем померк, и темнота еще больше усилила панику. Вспыхнувшие лампы осветили кровавый хаос в лагере. Только когда Бардов, начальник экспедиции, начал отдавать распоряжения через громкоговоритель, порядок немного восстановился: медики занялись пострадавшими, а солдаты тем временем подготовили к бою орудия.

Прожектор осветил темную массу всадников у оврага.

— Огонь! — яростно закричал командир. — Уничтожить их!

Его последние слова потонули в грохоте залпа. К небу поднялись клубы дыма и пыли, и орудийный гул разнесся по бескрайней равнине.

Защитники лагеря так и не успели понять, что стреми-

тельная лобовая атака была лишь отвлекающим маневром. Основной удар всадники нанесли с противоположной стороны, обрушившись на лагерь подобно цунами...

— Закрыть люки! — приказал дежурный пилот, нажимая на кнопку включения пневмозамков. В рубке космического корабля он находился в относительной безопасности, но, видя на экранах, что происходит внизу, продолжал бессознательно давить на кнопку.

Ревущая лавина нападавших перехлестнула через заграждения. Некоторые животные упали, и их затоптали вместе с всадниками. Но следом накатывались новые и новые волны атакующих: они затопили весь лагерь, сея смерть и разрушение.

Пилот включил корабельную связь:

— Говорит второй офицер Вейкс. Я спрашиваю, есть ли на корабле кто-нибудь старше меня по званию? — Он вслушался в молчание, а когда заговорил снова, голос его звучал приглушенно и неясно: — Отзовитесь все по очереди, офицеры и рядовые, начиная с машинного отделения. Радист, записывайте.

Нерешительно, один за другим, отзывались голоса, а Вейкс, включив главный экран, смотрел на бушующую внизу ярость.

— Семнадцать! Это все. — Радист не верил сам себе. Он протянул список пилоту, и тот, бегло взглянув на него, потянулся к микрофону.

— Я принимаю командование. Приготовиться к взлету.

— Мы не можем помочь им? — робко спросил кто-то.

— Помогать некому, все погибли. Оставлять здесь корабль, к тому же почти без экипажа — самоубийство. Один из экранов вышел из строя... и второй... Они разбивают камеры и привязывают что-то к опорам. Не знаю, смогут ли они нас задержать, и проверять не собираюсь. Старт через 65 секунд!

— Они все сгорят в огне наших двигателей. — Радист сжал кулаки.

— Нашим уже все равно. А что касается этих, то чем больше их погибнет, тем лучше.

После взлета корабля остался дымящийся круг. Но как только раскаленная почва немного остыла, по пепелищу двинулись всадники. Казалось, их бесчисленным полчищам не будет конца — из темноты появлялись новые и новые отряды...

Глава 2

— Глупо позволить птице-пиле ранить себя, — сказал Бруччо, помогая Язону динАльту стянуть через голову металлизированный свитер.

— Глупо стараться принести мир на эту планету! — ответил Язон приглушенным голосом и, сняв свитер, поморщился от боли. — Я как раз наливал суп, и тарелка помешала мне вовремя выстрелить.

— Всего лишь поверхностная рана, — определил Бруччо, осматривая красную царапину на боку у Язона. — Пила прошла под ребрами, не задев их. Твое счастье.

— Ты имеешь в виду — счастье, что я не убит? Ты когда-нибудь слышал о птице-пиле в кают-компании?

— На Пирре всегда следует ожидать невероятного. Даже дети знают это.

Бруччо принялся смазывать рану обеззараживающим средством, и Язон крепко стиснул зубы.

Раздался щелчок, и на экране появилось обеспокоенное лицо Меты.

— Язон, я слышала, ты ранен.

— Умираю!

Бруччо громко воскликнул:

— Ерунда! Поверхностная рана, 14 сантиметров в длину, яда нет.

— И все? — спросила Мета.

— Да, и все, — с огорчением подтвердил Язон. — Литр крови и килограмм мяса. Ничего особенного — обычная заусеница. Что мне надо сделать, чтобы заслужить хоть немного сочувствия? Лишиться ноги?

— Если ты лишишься ноги в бою, можешь рассчитывать на сочувствие, — холодно сказала Мета, и экран потемнел.

— Хватит! — резко сказал Язон, надевая свитер. — Не нужно понимать меня так буквально. Да, я знаю о теплых чувствах, которые питают ко мне пирряне. И я улечу с этой милой планеты, не раздумывая и пяти минут.

— Ты улетаешь? — спросил Бруччо с некоторым проявлением интереса. — И по этому поводу сегодня собрание?

— Не делай вид, что ты расстроился. Постарайся сдержать свое нетерпение до трех часов, когда соберутся все остальные. Я не признаю любимчиков, кроме себя самого, конечно. — И, прихрамывая, Язон вышел.

«Приходит время перемен», — подумал он, глядя сквозь высокое окно в Периметре на смертоносные джунгли за стеной. Очевидно, несколько ячеек уловили его движение, ветки ближнего дерева наклонились вперед, и шквал ядовитых шипов ударил в прозрачный металл окна. Язон настолько привык ко всему этому, что даже не моргнул.

Приходит время перемен. Каждый день на Пирре — еще один поворот колеса... Выигрыш — всего лишь жизнь, а когда выпадает твой номер — это всегда смерть. Сколько людей погибло с тех пор, как он прилетел сюда?.. Кажется, он становится таким же равнодушным к смерти, как и сами пирряне.

Если на Пирре возможны какие-то изменения, то он — единственный человек, который способен их осуществить. Однажды ему показалось, что он решил проблемы этой смертоносной планеты, доказав пиррянам, что безжалостная и бесконечная война неминуемо закончится их поражением.

Но война все еще продолжалась...

Знание истины вовсе не означает согласия с ней. Пирряне, способные примириться с планетой, покинули город и ушли далеко в джунгли, чтобы избавиться от злобы, бушующей вокруг Периметра. Оставшиеся, хотя и убедились, что войну породили их собственные чувства, в глубине души не верили в это и каждый раз, бросая полный ненависти взгляд на джунгли за Периметром, побуждали врага к новым нападениям.

Думая о неизбежном конце, ожидающем город, Язон чувствовал себя подавленно. Оказалось, что здесь слишком много людей, не способных отказаться от насилия. Они стали частью этой войны, полностью к ней приспособились и не желали никаких перемен.

Но перемены необходимы. Вот только способны ли пирряне осознать их неизбежность?..

Язон вошел в кабинет Керка в 15.20 — его задержало срочное сообщение, полученное по джамп-связи. На лицах у всех собравшихся было написано одно и то же выражение холодной ярости. Пиррян вообще отличало полное отсутствие терпения, не говоря уже о терпимости.

Пирряне... Такие одинаковые и в то же время такие разные.

Керк — бесстрастный седовласый гигант. Он лучше других умеет контролировать свои чувства, и это, несомненно,

следствие частого общения с жителями других планет. Его надо убедить в первую очередь, потому что если воинственное пиррянское общество в принципе способно признать какого-либо вождя, то таким вождем может быть только Керк.

Бруччо... Его ястребиное лицо никогда не покидает выражение недоверия и подозрительности. Врач, исследователь и эколог в одном лице; единственный авторитет в области пиррянских форм жизни — он просто обязан быть подозрительным. Но, в конце концов, Бруччо ученый, и его можно убедить фактами.

Рес — вождь корчевщиков, людей, успешно приспособившихся к жизни на смертоносной планете. Язон рассчитывал на поддержку этого человека, хотя бы потому, что Рес не испытывал той ненависти к Пирру, которая переполняла остальных.

Мета... Родная и любимая. Женщина, не уступающая по силе любому мужчине. Страстно обняв, она может ненароком сломать какую-нибудь кость. Знает ли она, что такое любовь? Или ей просто нравится обладать инопланетником Язоном динАльтом? Он обязательно выяснит это, но не сейчас. Сейчас Мета так же нетерпелива, как и все остальные, а ее реакция так же непредсказуема, как реакция любого пиррянина.

Язон прикрыл дверь и натянуто улыбнулся.

— Всем привет, — сказал он. — Надеюсь, вы не думаете, что я нарочно заставляю ждать себя?

Он быстро прошел на середину комнаты, не обращая внимания на хмурые лица собравшихся.

— Я уверен, вам будет приятно узнать, что я разбит, разорен и тону.

Их лица прояснились — они обдумывали услышанное: только одна мысль одновременно — в этом весь пиррянин.

— У тебя миллионы в банке, — сказал Керк. — И нет никакой возможности их проиграть.

— Когда я играю, я выигрываю, — с достоинством сообщил ему Язон. — Я разорен потому, что потратил все свои деньги. Я купил космический корабль, и сейчас он находится на пути сюда.

— Зачем? — Вопрос Меты выразил всеобщее недоумение.

— Я покидаю эту планету и беру с собой тебя и всех, кого смогу.

Язон отлично понимал, что сильно рискует. Хорошая или

плохая (а на самом деле — худшая в галактике), эта планета — их родной дом, дом неуютный и опасный, но все-таки свой, и другого у них нет. Он должен подать свою идею в самом выгодном свете, если хочет убедить этих людей. Необходимо увлечь их и заставить забыть обо всем остальном.

— Я нашел планету, еще более смертоносную, чем Пирр.

Бруччо засмеялся с холодным недоверием, остальные закивали, соглашаясь с ним.

— Предполагается, что это должно нас привлечь? — спросил Рес, единственный из присутствующих пиррян родившийся за пределами Периметра и поэтому не разделявший их любви к насилию. Он угадал, и, ободренный этим, Язон подмигнул ему.

— На этой планете обитает самая опасная из всех известных форм жизни. Представьте себе существо более быстрое, чем шипокрыл, более злобное, чем рогатый дьявол, более упорное, чем когтистый ястреб, — и перечню этому нет конца. Я нашел планету, где обитает это создание.

— Ты говоришь о человеке? — спросил Керк, как обычно, сообразивший быстрее других.

— Да, я говорю о человеке. Я говорю о людях, у которых жажда насилия и разрушения в крови, потому что на протяжении тысячелетий они не знали иного занятия, кроме войны. Что вы скажете о таком мире? Что вы скажете о людях, живущих там?

Пирряне помрачнели. Похоже, идея не очень пришлась им по душе, но мысленно они уже готовились к встрече с новым врагом.

Язон решил продолжать; может быть, удастся убедить их...

— Я говорю о планете под названием Счастье. Назвал ее так, наверное, какой-нибудь молокосос из первых поселенцев. Несколько дней назад я слышал о ней в новостях — небольшое сообщение о том, что уничтожен отряд геологоразведчиков. В это трудно поверить: геологоразведочные команды отлично подготовлены и способны справиться с любыми трудностями. А «Джон энд Джон минералз компани», которая послала этот отряд, известна как наиболее мощная из всех. Кроме того, и это, пожалуй, самое главное, «Джон компани» никогда не играет по мелочам. Поэтому я связался со своими друзьями, отправил им деньги и попросил поподробней разузнать об этом деле. Они сумели разыскать одного из выживших. Раздобыть эту информацию было

очень непросто, но игра стоит свеч. Вот... — Он сделал драматическую паузу и развернул листок бумаги.

— Ну так начинай. Хватит махать этой бумажкой, — раздраженно проворчал Бруччо, постукивая по столу.

— Имей немного терпения, — сказал ему Язон. — Это доклад инженера, написанный в чисто техническом стиле, но с большой долей энтузиазма. Из доклада видно, что на Счастье имеются большие месторождения урановой руды, залегающей очень близко к поверхности. Это дает возможность производить добычу открытым способом. Руда настолько богата тяжелыми элементами, что реактор может работать даже на неочищенной руде...

— Это невозможно! — прервала его Мета. — Уран в свободном состоянии не бывает настолько радиоактивен, чтобы...

— Ради всего святого! — воскликнул Язон. — Я всего лишь немного преувеличил. Тем не менее руда действительно богата, это надо признать. Самое интересное, что, несмотря на качество руды, «Джон компани» не вернулась на Счастье. Они очень сильно обожглись там и решили, что можно открыть шахты на какой-нибудь другой планете. Возможно, это потребует несколько бóльших затрат, зато там не будет этих дьяволов верхом на драконах, которые появляются будто из-под земли и катятся бесконечными волнами, уничтожая все на своем пути.

— Что это значит? — спросила Мета.

— Можно только гадать. Так выжившие описывают то, что произошло. Ясно только, что на них напали всадники, вооруженные луками и копьями, и уничтожили хорошо укрепленный лагерь.

— И ты хочешь, чтобы мы отправились на эту планету? — спросил Керк. — Не очень-то заманчивое предложение. Мы ведь можем остаться здесь и работать на своих шахтах.

— На этих шахтах вы работаете уже сотни лет, некоторые из них достигли глубины в пять километров и дают только второсортную руду. Но дело даже не в этом. Я много думал о людях Пирра и о том будущем, которое их ждет. Жизнь здесь необратимо меняется. Те, кто смог примириться с планетой, так и поступили. А что делать остальным? Хороший вопрос, не правда ли? И весьма своевременный. — В комнате повисло молчание. — Я скажу вам, что ожидает людей, оставшихся в городе. Только постарайтесь не стрелять в меня, надеюсь, вы уже научились бороться с этой дурной привычкой. Я не

собираюсь говорить этого другим жителям города, потому что они скорее убьют меня, чем согласятся признать, что обречены на смерть.

Раздался легкий щелчок, и пистолет Меты, на секунду повиснув в воздухе, скользнул обратно в кобуру. Язон улыбнулся и погрозил ей пальцем. Остальные лучше контролировали свои эмоции, и их оружие осталось на месте.

— Это неправда, — сказал Керк. — Люди по-прежнему живут в городе.

— Несостоятельный довод. Их число уменьшается с каждым днем.

— Есть другие варианты, — вмешался Бруччо. — Можно построить еще один город...

Его прервал неожиданный грохот. Небольшие подземные толчки ощущались на Пирре почти постоянно, и все к этому привыкли, но на сей раз землетрясение было намного сильнее обычного.

Здание задрожало, по стене поползла широкая трещина, и оттуда посыпалась цементная пыль... Когда трещина достигла окна, металлическое стекло не выдержало и разлетелось на куски. В проем, прорвав защитную сетку, нырнул шипокрыл и тут же исчез в пламени выстрелов.

— Я присмотрю за окном, — сказал Керк, поворачиваясь на стуле. — Продолжай.

Неожиданный перерыв, лишний раз напомнивший, какую жизнь ведут теперь пирряне, сбил Бруччо. Немного поколебавшись, он продолжал:

— Да... так о чем это я говорил... Возможны другие решения. На базе одной из шахт можно построить другой город. Ведь планета так враждебна к людям только здесь, около этого города. Мы оставим его и...

— И новый город повторит все грехи старого. Пирряне переселятся и принесут с собой ненависть. Ты, Бруччо, знаешь все это не хуже меня.

Дождавшись, пока Бруччо неохотно кивнет в знак согласия, Язон продолжал:

— Есть только один выход. Пирряне должны переселиться на другую планету, где им не придется вести постоянную войну. Для этого подходит любое место. Вы так привыкли к своей жизни, что даже не замечаете, какой ад эта планета. Я доказал вам, что все формы жизни здесь телепатичны и только ваша ненависть побуждает их к войне. Вы согласились, но это ничего не изменило. До сих пор хватает пиррян,

которые ненавидят свою планету, а в ответ Пирр порождает все более злобных и смертоносных мутантов. Да оградит меня ваш здравый смысл от вашего гнева, но вы очень упрямые люди. Будь у меня чуть побольше благоразумия, я бы давно бросил вас на произвол судьбы. Но я слишком сильно запутался в ваших делах. Я помог вам, вы спасли жизнь мне, и в будущем наши дороги совпадают. Кроме того, мне нравятся ваши девушки.

В тишине особенно громко прозвучал смешок Меты.

— Итак, шутки в сторону, перед нами серьезная проблема. Если пирряне останутся здесь, они все погибнут. Чтобы спасти их, нужно переселиться на другую планету. Пригодные для жизни планеты, богатые природными ресурсами, — большая редкость, но я нашел одну. Могут быть кое-какие расхождения во взглядах с туземцами, но я думаю, что это только добавит привлекательности моей идее в глазах пиррян. Средство доставки и снаряжение — на пути сюда. Итак, кто со мной? Керк! Они считают тебя вождем... Веди!

Керк покосился на Язона и поджал губы.

— Ты всегда заставляешь меня делать то, что мне не нравится.

— Я могу расценивать это как согласие?

— Да. Я не хочу отправляться на новую планету, но я не вижу другого способа спасти своих людей от полного вымирания.

— Хорошо. А ты, Бруччо? Нам нужен врач.

— Ищите другого. Мой помощник Тека может полететь с вами врачом. Я еще не закончил изучение пиррянских форм жизни, и я останусь в городе, пока он существует.

— Это может стоить тебе жизни.

— Скорее всего, так оно и будет. Но останутся мои записи.

Его никто не стал уговаривать.

Язон повернулся к Мете:

— Нам понадобится пилот.

— Но я должна управлять нашим пиррянским кораблем.

— Есть ведь другие пилоты, ты сама обучила их. Если ты останешься здесь, я возьму себе другую женщину.

— Я убью ее! Я поведу твой корабль!

Язон улыбнулся и послал ей воздушный поцелуй. Мета сделала вид, что ничего не заметила.

— Итак, — подвел итог Язон. — Бруччо остается здесь. Рес, наверное, тоже: надо руководить поселением за городом.

— Ты ошибаешься, — сказал Рес. — Поселением теперь

управляет комитет, и дела идут хорошо. Я не хочу всю жизнь оставаться, как бы это сказать, деревенским парнем. Эта новая планета очень меня заинтересовала, и вообще я хочу приобрести побольше жизненного опыта.

— Это лучшая новость за сегодняшний день. Перейдем к деталям. Корабль прибудет через две недели. Если мы сумеем все организовать, то вылетим сразу же. Я напишу обращение к населению, в котором изложу все условия игры. Вызовем добровольцев. В городе сейчас около двадцати тысяч человек, но мы не сможем взять на корабль более двух тысяч. Это специальный корабль для перевозки войск; называется «Драчливый»; остался от одной космической войны. Поэтому отберем лучших — добровольцев, обоснуемся и вернемся за остальными. Мы начинаем Большое дело!

— Сто шестьдесят восемь добровольцев, включая Грифа — девятилетнего мальчишку? Из двадцати тысяч человек! Этого не может быть! — Язон явно был ошеломлен.

— На Пирре может, — сказал Керк.

— Да, на Пирре, и только на Пирре! — Язон ходил по комнате и со злостью молотил кулаком о ладонь. — В состязании по тупоумию эта планета взяла бы первый приз. «Мы здесь родились. Здесь и умрем». О боги! Ну да ладно, не будем так волноваться из-за этой жизни. Спасем их, даже против их желания. Возьмем сто шестьдесят восемь добровольцев и отправимся на Счастье. Захватим планету, откроем шахты и вернемся за остальными. Вот что надо делать, и мы это сделаем! — закончил Язон и, обессиленный, упал в кресло.

Керк молча вышел из комнаты.

— Во всяком случае, я очень надеюсь, что нам это удастся... — пробормотал Язон.

Глава 3

В выходном тамбуре послышался приглушенный звон, и механизмы пересадочной станции присоединили гибкий туннель к корпусу корабля. Ожил интерком:

— Говорит пересадочная станция. Вы состыкованы с переходным туннелем. Давление равно корабельному. Можете открыть люк.

— Счастливого пути и благополучной посадки, — сказал, выходя, один из членов экипажа. Все громко рассмеялись, как будто он сказал что-то исключительно смешное. Не смеялся только один пилот, с хмурым видом топтавшийся у входа; его сломанная рука была крепко прибинтована к груди. Никто не упомянул об этой руке и даже не взглянул на него, но Язон знал, почему они смеются.

Он не испытывал жалости к пилоту. Мета всегда честно предупреждала мужчин, пытавшихся за ней ухаживать. Очевидно, в романтической полутьме корабельных коридоров пилот не поверил ей, и, когда он пустил в ход руки, Мета сломала одну из них.

Язон сделал безразличное лицо; пилот прошел мимо него и исчез в туннеле. Туннель — сооружение из прозрачного пластика — связывал корабль с пересадочной станцией, которая медленно вращалась вокруг системы двойной звезды. Меньшее из светил этой системы — 70 Змееносца В — как раз всходило, и его крохотный, удаленный на миллионы миль диск показался из-за ярко освещенного корпуса станции.

— У нас посылка для «Драчливого», — сказал чиновник, выныривая из туннеля. — Доставлена другим кораблем и ждет вас уже пять дней.

Он протянул книгу выдачи.

— Распишитесь, пожалуйста.

Язон нацарапал свое имя и отодвинулся в сторону. Два робота-грузчика втащили в люк громадный ящик, обитый стальными полосами.

Он как раз пытался подсунуть под полосы ломик, когда подошла Мета.

— Что это? — спросила она, отбирая у Язона инструмент и без усилий вгоняя его под стальную окантовку ящика. Затем она слегка нажала на ломик, и металлические полосы с треском лопнули.

— Ты отлично заменяешь мужчину, — заметил Язон, вытирая руки. — Думаю, запросто заменишь и двоих. Это приспособление очень пригодится нам на планете. Если бы у меня было такое же, когда я впервые попал на Пирр! Во всяком случае, это сберегло бы много жизней.

Мета сняла крышку и заглянула в ящик.

— Это что, бомба?

— Нет. Это гораздо лучше.

Язон наклонил ящик, и из него выкатился странный предмет. Больше всего он походил на гигантское яйцо — гладкое металлическое яйцо, около метра высотой, чуть заостренное кверху. Устойчивость ему придавали шесть резиновых колесиков, по три с каждой стороны. Сверху находился контрольный щиток, прикрытый прозрачным колпаком. Отбросив колпак, Язон нажал кнопку с надписью «пуск», и щиток осветился.

— Кто ты? — спросил Язон.

— Я библиотека, — послышался в ответ глухой металлический голос.

— Для чего это? — спросила Мета, явно собираясь уходить.

— Я расскажу тебе... — Язон с опаской протянул руку, чтобы остановить ее. — Этот механизм — наш интеллект! В военном смысле, конечно, а не в смысле коэффициента умственного развития. Ты не забыла, как нам пришлось добывать сведения об истории Пирра? Нужна была какая-нибудь отправная точка, а ее не было. Зато теперь она у нас есть.

Язон ласково похлопал по полированному боку библиотеки.

— Что может знать эта игрушка?

— Эта игрушка, как ты изысканно выразилась, стоит девятьсот восемьдесят две тысячи кредов, не считая транспортных расходов.

Такие цифры произвели впечатление на Мету.

— Как? Да ты мог бы снарядить армию за эти деньги. Вооружение, амуниция...

— Такой примерно реакции я и ожидал. Ты должна усвоить своей прекрасной светловолосой головой, что армия не может решить всех проблем. Мы столкнемся с неизвестной культурой на новой для нас планете. Мы хотим построить там шахты, причем в том месте, где есть руда. Армия ничего не расскажет тебе о минералогии, антропологии, экологии...

— Ты мастер выдумывать слова.

— Я ничего не выдумываю! Ты жадна до армий, но ты даже не представляешь, сколько знаний заключено в этом железном ящике. Библиотека, — обратился Язон к агрегату, сопровождая свои слова театральным жестом, — расскажи нам о себе.

— Я модель 427-1587, Марк-9, усовершенствованная,

снабженная фотодвигательным лазерным запоминающим устройством, с замкнутым технологическим циклом.

— Стоп! — вмешался Язон. — Библиотека, это не годится. Ты можешь рассказать о себе попроще, языком телепередач?

— А, приветик, — хихикнула библиотека. — Держу пари, вы никогда не видели Марк-9, а это нечто совершенно новое во Вселенной! «Замкнутый» и все прочее означает, что перед вами мыслящая машина, которая сама себя восстанавливает и которую, таким образом, невозможно сломать. Если вам нужно о чем-то подумать, что-то придумать, что-то запомнить, то к вашим услугам Марк-9. В его памяти содержится вся библиотека университета в Гариборе, а там столько книг, что вам их за всю жизнь не перечитать. Эти книги разбиты на слова, слова — на биты, а биты записаны на крошечных кусочках силикона в мозгу Марк-9. И к тому же та часть его мозга, где находится память, — размером не больше кулака, причем кулака человека маленького роста. А все потому, что на каждых десяти квадратных миллиметрах записаны 545 миллионов бит информации. Но все это совершенно не важно. В мозгу Марк-9 содержится история, философия, биология — в общем, все, чего ни пожелаете. И лингвистика тоже. Если вы хотите знать, как звучит слово «сыр» на основных галактических языках, то Марк-9 всегда поможет вам. Слушайте... — Из динамиков понеслись непередаваемые звуки. Язон повернулся к Мете — ее не было.

— Она может не только переводить слово «сыр», — пробормотал Язон, выключая библиотеку. — Ничего, сами увидите.

На пути к Счастью пирряне наслаждались покоем. Они все время дремали и зевали, как сытые тигры. Один Язон испытывал потребность проводить свой досуг более рационально. Просиживая целыми днями перед библиотекой, он требовал от нее новых и новых сведений о планете. От этого занятия его отвлекали только страстные и неумолимые объятия Меты, которая считала, что есть более интересный способ скоротать долгие часы путешествия. Тогда Язон бросал библиотеку и с радостью признавал, что Мета права.

За сутки до расчетного срока выхода из джамп-режима в кают-компании было созвано общее собрание.

— Вот наша цель. — Язон ткнул в большую карту, висящую на стене.

Пирряне, впитавшие краткий военный стиль с молоком матери, встретили это сообщение с огромным вниманием.

— Счастье — пятая планета безымянной звезды, принадлежащей к классу F. Эта звезда — белый гигант с силой света вдвое больше, чем у пиррянского светила. Она излучает много ультрафиолета, так что вы можете рассчитывать на хороший загар.

Что касается самой планеты, то девять десятых ее поверхности покрыто водой. Есть несколько десятков вулканических островов и один-единственный материк. Вот этот. Как видите, он похож на кинжал, лежащий острием вниз. Линия у начала рукоятки — огромный геологический разлом, пересекающий весь материк от края до края, сплошная цепь утесов, высотой до десяти километров. Надо сказать, что климат на планете очень жаркий — температура на экваторе близка к температуре кипения воды, — и только эта горная цепь делает северные районы пригодными для жизни. Облака с юга разбиваются об эту преграду, и на ее склонах выпадают дожди.

С гор на юг течет несколько больших рек, на их берегах замечены поселки и следы сельскохозяйственной деятельности. Но людей из «Джон компани» все это не интересовало: над этой местностью гравитометры и магнитометры молчали. Зато вот здесь, — он указал на «рукоять кинжала», — здесь приборы просто сходили с ума. Горы в северной части материка содержат богатейшие залежи тяжелых элементов. Тут и следует сооружать шахту.

На этом гигантском плато нет или почти нет воды, горная цепь задерживает все осадки. Место это суровое, засушливое и опасное для жизни. Причем оно остается таким круглый год. Наклон оси у планеты очень невелик, и поэтому сезонные изменения климата практически незаметны.

В довершение этой исключительно привлекательной картины напомню, что там живут люди, которые опасней, чем любая из пиррянских тварей. Наша задача заключается в том, чтобы приземлиться, основать поселение и заложить шахту. У кого есть предложения?

— У меня, — медленно вставая, сказал Клон — рослый, неуклюжий пиррянин с сильно выступающими вперед надбровными дугами. Массивные кости лицевой части черепа уравновешивались у него такими же костями на затылке, так что между ними оставалось весьма скромное пространство

для мозга. Реакцией он обладал отменной — очевидно, она управлялась через спинной мозг, как у динозавра, — но мысли с огромным трудом проникали в его крохотный мозг. От этого человека Язон вообще никаких предложений не ожидал.

— У меня, — повторил Клон. — Мы убьем их всех. Тогда они не будут нас беспокоить.

— Спасибо, — спокойно ответил ему Язон. — Стул прямо за тобой, садись. Это предложение в чисто пиррянском духе. На первый взгляд оно может показаться весьма привлекательным, но на самом деле для решения этой проблемы нужно использовать разум, а не зубы. Мы должны открыть эту землю, а не закрыть ее. Я предлагаю основать открытый лагерь — нечто противоположное военному лагерю «Джон компани». Если мы будем бдительны и станем тщательно следить за окружающей местностью, нас не застанут врасплох. Я надеюсь, что мы сможем установить контакт с туземцами и выяснить, почему они настроены против чужеземцев. Затем постараемся изменить их настроение.

Если у кого-нибудь есть другой план, мы выслушаем его. В противном случае садимся как можно ближе к поселку «Джон компани» и ждем контакта. Надо держать ухо востро: мы знаем, что случилось с первой экспедицией, но мы будем очень осторожны, и с нами этого не случится...

Отыскать разрушенный лагерь оказалось легко. Обожженная земля еще не заросла травой, а брошенное оборудование ясно виднелось на экранах магнитометров. Степь сверху казалась совершенно безжизненной.

«Драчливый» опустился...

Стоя в открытом люке, Язон вздрогнул, когда его лица коснулся сухой холодный воздух. Кругом по-прежнему было безлюдно, только трава качалась под ветром да песок шуршал по обшивке корабля.

Язон хотел выйти, но Рес придержал его, и Керк, змеей скользнув по трапу, первым ступил на поверхность планеты.

— Какая-то легкая планета, — сказал седовласый пиррянин, полуобернувшись и внимательно следя за степью. — Тут не больше одного g. Как будто плывешь после Пирра.

— Ближе к полутора g, — заметил Язон, спускаясь следом. — Но гораздо лучше, чем пиррянских два.

Разведывательный отряд из десяти человек отошел от ко-

рабля, внимательно осматривая местность. Они шли недалеко друг от друга, но ни один не закрывал обзор другому. Пистолеты покоились в кобурах, пирряне двигались медленно, не обращая внимания на ветер и песок, от которых у Язона сразу покраснела кожа и заслезились глаза; в чисто пиррянском вкусе они наслаждались чувством опасности после отдыха на корабле.

— Что-то движется в двухстах метрах к юго-западу, — раздался в наушниках голос Меты, которая сидела у экранов в рубке.

Они остановились, готовые ко всему. Волнистая равнина все еще казалась пустынной... Вдруг послышался свистящий звук — прямо в грудь Керку летела стрела. Пистолет прыгнул ему в руку, и Керк сбил стрелу так же спокойно, как сбивал раньше шипокрыла. Просвистела вторая стрела — Рес слегка отклонился, и она пролетела мимо. Они ждали, что будет дальше.

«Нападение, — подумал Язон, — или случайная стычка? Не может быть, чтобы так скоро после нашего приземления началась организованная атака. А почему бы и нет?»

Пистолет прыгнул ему в руку, и в ту же секунду Язон ощутил острую боль в голове, а вслед за этим на него обрушилась темнота...

Глава 4

Очнулся Язон от сильной боли. Он был совершенно без сил, голова по непонятной причине моталась из стороны в сторону, а боль усиливалась с каждой минутой. Кажется, что-то произошло... Он попытался удержать голову прямо и не смог...

Очевидно, прошло очень много времени, прежде чем к нему вернулось сознание. Пошевелив руками, он обнаружил, что они связаны, но некоторая свобода движений все-таки оставалась. Кобура была на месте, но пистолет в руку не прыгал. Когда пальцы коснулись обрывка провода, Язон понял, что остался без оружия.

Голова работала немногим лучше рук. Мысли спотыкались и разбегались в стороны. С ним что-то случилось... Его ударили, отобрали пистолет... Что еще? Почему он ничего не

видит? Язон попытался открыть глаза, но увидел лишь красную пелену.

Что еще пропало? Ну конечно! Оружейный пояс. Он потянулся к бедру — пояса не было... Зато пальцы нащупывали что-то другое — оказалось, что аптечка все еще на месте. Стараясь не задеть зажим, Язон нашел головку анализатора и прижал к ней руку. Анализатор зажужжал, но из-за непрекращающейся головной боли уколов Язон почти не почувствовал. Вскоре лекарство подействовало, и боль стала стихать.

Теперь можно было заняться глазами. Они не открывались: что-то мешало, возможно, кровь. Да, скорее всего, засохшая кровь — учитывая состояние его головы, это самое вероятное. Сконцентрировавшись на одном глазе, он до боли сжал его, а потом попытался открыть. После нескольких попыток ему это удалось.

Прямо в зрачок ударил яркий солнечный свет. Язон замигал и попробовал осмотреться. Он двигался по равнине: движение было неровным и тряским, а около лица маячило что-то похожее на решетку.

Солнце касалось горизонта. Очень важно запомнить, где оно садится. Кажется, в направлении, противоположном движению. Или немного правее. Мысли начали путаться. Направо... Садится... Чуть правее... Лекарства усыпляли его. Садится... Позади... Чуть правее...

Когда исчезли последние отблески света, Язон закрыл измученный глаз и потерял сознание.

Кто-то кричал у него над самым ухом, но разобрать слова было совершенно невозможно. Неожиданно вспыхнула резкая боль в боку... Откатившись в сторону, Язон попытался было встать, но получил сильный удар по спине и упал на четвереньки. После некоторых усилий удалось разлепить веки, и он тут же пожалел об этом — с закрытыми глазами было лучше.

Кричал рослый мускулистый человек с копьем в руках, острие которого упиралось Язону под ребра. Их разделяла прочная железная решетка: Язон сидел в клетке, обладатель копья находился снаружи. Увидев, что пленник пришел в себя, он отвел копье и, опершись на него, принялся разглядывать Язона. Тот, в свою очередь, прижал лицо к решетке, рассматривая в упор человека, взявшего его в плен.

Вне всяких сомнений, перед ним стоял воин, причем

воин высокомерный и самоуверенный. Это подчеркивала каждая деталь его наряда — от оскаленного черепа какого-то хищника на шлеме до острых игл-шпор на высоких сапогах. Литой металлический нагрудник был украшен пестрым рисунком с изображением непонятного животного в центре, а на поясе у воина висел короткий меч. Его загорелые обветренные ноги были смазаны каким-то жиром, до Язона даже донесся тяжелый звериный запах.

Воин что-то крикнул, указывая копьем в сторону Язона.

— Это нельзя считать языком! — пробурчал Язон.

Последовал новый крик, сопровождаемый звоном оружия.

— И это не лучше.

Воин прочистил горло и плюнул в сторону Язона.

— Можешь ли ты говорить на меж-языке?

— Вот это уже лучше. Упрощенный и искаженный вариант английского. Вероятно, используется как второй язык. Думаю, мы никогда не узнаем, кто первым колонизировал эту планету, но ясно, что во времена Великого Распада, когда связи между планетами были прерваны, сей прекрасный мир опустился до людоедского варварства. Очевидно, возникло несколько местных диалектов. Но они сохранили английский как всеобщий язык. Я вполне могу говорить на нем и понимаю его без особого труда.

— Что ты говоришь? — спросил воин, качая головой.

Язон ткнул себя в грудь и сказал:

— Конечно, я говорю на меж-языке.

Видимо, это удовлетворило воина, он повернулся и пошел прочь. Язон же смог наконец осмотреться. Мимо клетки сновали люди, до этого воспринимавшиеся им как какие-то расплывчатые пятна. Присмотревшись, он отметил, что это сплошь мужчины и все они воины. С небольшими вариантами повторялся один и тот же наряд: шлем, нагрудник, высокие сапоги, меч, копье и короткий лук, украшенный пестрым орнаментом. В отдалении виднелись какие-то сооружения, расписанные в желто-зеленых тонах, под цвет здешней травы.

В толпе Язон заметил всадника верхом на необычном скакуне: покрытое густой шерстью животное напоминало лошадь, но было вдвое больше и почему-то казалось хищным. Маленькая голова сидела на длинной шее, а мощные лапы цеплялись за землю крепкими когтями. Поскольку задние

конечности были намного короче передних, спина животного резко опускалась вниз прямо от холки и всадник сидел у самой шеи. Язон узнал животное сразу: именно этих четвероногих инженер из первой экспедиции сравнивал с драконами.

Послышался резкий звук рога. Язон обернулся и увидел плотную группу людей, направляющихся к его клетке. Впереди, раздвигая толпу, шли три воина с опущенными копьями, за ними следовал еще один с чем-то наподобие знамени в руках. А дальше, окруженные эскортом воинов с обнаженными мечами, шествовали две центральные фигуры процессии. С одним из этих двоих Язон уже успел немного познакомиться... Второй — в золотом шлеме и украшенном драгоценными камнями нагруднике — был на голову выше остальных, и по обе стороны от него шли воины, трубящие в рога.

Когда процессия приблизилась, Язон заключил про себя, что обладатель золотого шлема вполне достоин всех этих почестей. Это был вождь, вождь и воин до мозга костей. Большой тигр — владыка джунглей! Правая его рука покоилась на инкрустированной драгоценными камнями рукояти внушительного меча, а изуродованными пальцами левой он разглаживал пышные рыжеватые усы.

Вождь остановился перед клеткой и властно взглянул на пленника. Язон ответил ему таким же взглядом, но клетка, грязь и разбитое лицо слишком подчеркивали неравенство сторон...

— Падай ниц перед Темучином! — приказал один из воинов и тупым концом копья ударил Язона в живот.

Вероятно, следовало упасть, но Язон, согнувшись от боли, поднял голову и не отрывал взгляда от вождя.

— Откуда ты? — спросил Темучин. Он привык командовать, и это так явно слышалось в голосе, что Язон немедленно ответил:

— Издалека, из места, о котором ты не знаешь.

— Другой мир?

— Да. Ты знаешь о других мирах?

— Только из песен жонглеров. До появления первых пришельцев я не верил этим песням. Теперь верю.

Он щелкнул пальцами, и один из воинов подал ему почерневшее и искореженное безоткатное ружье.

— Можешь сделать, чтобы оно снова стреляло?

— Нет.

По-видимому, это было оружие первой экспедиции.

— А это? — Темучин протянул Язону его собственный пистолет с оборванным кабелем.

— Не знаю, — как можно спокойнее ответил Язон. Только бы получить его в руки. — Мне нужно посмотреть его получше.

— Сожгите его, — приказал Темучин, отбрасывая пистолет в сторону. — Их оружие нужно уничтожать. Теперь скажи мне, человек другого мира, зачем ты пришел сюда?

«Из него вышел бы хороший игрок в покер, — подумал Язон, — я не знаю его карты, а он мои видит насквозь. Что же сказать? А почему бы и не правду?»

— Наши люди хотят добывать металл из земли, — громко сказал он. — Мы никому не причиним вреда, мы даже заплатим...

— Нет!

Разговор был окончен. Темучин отвернулся.

— Подожди, ты ведь ничего не услышал!

— Довольно, — отрезал вождь, останавливаясь на минуту и бросая слова через плечо. — Вы будете копать землю и строить здания. Они превратятся в город. Появятся заборы. А равнины всегда должны быть открыты, — и добавил тем же ровным голосом: — Убейте его.

Свита Темучина двинулась прочь. Когда мимо клетки проходил знаменосец, Язон разглядел, что на конце древка укреплен человеческий череп, а само знамя состоит из множества больших пальцев рук, сшитых кожаными нитками.

В этот момент заскрипела дверь клетки, и Язон приготовился подороже продать свою жизнь. Прыгнув навстречу воинам, он ударил переднего в лицо и попытался прорваться через остальных, но его повалили на землю и связали.

— Долго ли ты путешествовал, чтобы добраться до этого мира?

— Дьявол! — пробормотал Язон, сплевывая кровь и осколки зубов.

— На что похож твой дом? Он больше нашего? Теплее или холоднее?

Язон, которого уже тащили куда-то вниз головой, скосил взгляд и увидел седого человека в рваной кожаной одежде. Толстый слой грима покрывал его лицо, а куртка и штаны

были размалеваны желтой и зеленой краской. Следом шел высокий юноша в таком же шутовском наряде.

— Ты знаешь так много, — скулил старик. — Ты должен рассказать мне что-нибудь.

Его оттолкнули в сторону, а Язона швырнули к подножию вкопанного в землю столба и попытались сорвать с него комбинезон. Металлизированная ткань и стальные застежки не поддавались. Тогда один из воинов вытащил кинжал и разрезал костюм сверху донизу, совершенно не обращая внимания на то, что вместе с тканью разрезает и кожу. На Язоне теперь болтались две половинки его комбинезона, а из многочисленных порезов сочилась кровь. Голова отчаянно кружилась, и опять надвинулось беспамятство.

К счастью, несмотря на полдень, температура была около нуля, и холодный обжигающий воздух быстро привел его в чувство.

Дальнейшее было слишком очевидно. Веревка, метра три длиной, одним концом прикрепленная к верхушке столба, а другим захлестнутая у Язона на запястьях, держала его на привязи. Он остался один в центре пустого пространства, со всех сторон окруженного всадниками на своих горбатых скакунах. Один из них издал воинственный клич и, опустив копье, устремился прямо на Язона. Животное, глубоко вонзая в землю когти, неслось с устрашающей скоростью, как спущенная с тетивы стрела.

У Язона не было выбора, и он метнулся в сторону, чтобы между ним и нападающим оказался столб. Воин уже отвел копье для удара, но, увидев, что не может поразить цель, опустил его и промчался мимо.

В следующую секунду Язона спасла только интуиция. Уворачиваясь от одного всадника, он проглядел другого... Пришлось повторить маневр: копье скользнуло по столбу, и второй наездник тоже пролетел в шаге от него. Но первый уже разворачивался для новой атаки, а на краю круга появился еще один. Исход этой игры был предрешен: цель не может уклоняться от копья до бесконечности.

— Пора менять соотношение сил, — пробормотал Язон, запуская обе руки за голенище сапога. Его боевой нож все еще был там.

Когда на него поскакал третий воин, Язон подбросил нож в воздух и, поймав его зубами за рукоять, полоснул лезвием по веревке. Освободив таким образом руки, он увернулся от

копья и напал сам. Стремительно прыгнув, он попытался ухватить всадника за ногу и стащить с седла, но тот двигался слишком быстро, и Язон промахнулся. Ударившись о бок скакуна, он вцепился правой рукой в густую шерсть. Воин обернулся, намереваясь сбросить противника на землю, и тут Язон левой рукой всадил нож по самую рукоять в спину животного.

Судя по иглам, которые варвары использовали вместо шпор, местные лошади не отличались повышенной чувствительностью: очевидно, их защищала толстая шкура на боках. Язон же ударил в довольно уязвимое место около хвоста; по телу животного прошла судорога, и оно еще быстрее рванулось вперед.

Всадник потерял равновесие и вылетел из седла. Язон пытался удержаться, судорожно цепляясь одной рукой за шерсть, а другой за рукоять ножа. Краем глаза он видел расступившихся людей, но основное внимание сосредоточил на том, чтобы не сорваться...

Еще в воздухе Язон увидел, что приземляется между двумя куполообразными сооружениями, что было, конечно, лучше, чем врезаться в одно из них. Относительно благополучно упав на ноги, он вскочил и побежал.

Сооружения явно служили жилищами; они стояли неровными рядами, между которыми оставались проходы разной ширины. Язон бежал по широкому проходу, но, живо представив вонзающиеся ему в спину копья и стрелы, свернул в первый попавшийся переулок. В отдалении слышались разъяренные крики: очевидно, преследователи не сомневались в успехе охоты.

«Пока у меня имеется фора, — подумал Язон, — но вряд ли ее удастся долго сохранять».

В ближайшем жилище откинулся клапан, заменяющий дверь, и оттуда выглянул седовласый человек — тот самый, что пытался расспрашивать Язона полчаса назад. Сразу разобравшись в ситуации, он пошире раскрыл клапан и поманил беглеца. Времени для размышлений не было, и решение следовало принимать немедленно. Оглянувшись, Язон увидел, что в переулке все еще никого нет. В бурю годится любой порт! Он нырнул в шатер и втянул за собой старика. Только тут он заметил, что все еще держит в руке нож.

Приставив острие к груди хозяина, Язон прошипел:

— Если ты выдашь меня — умрешь!

— Зачем мне выдавать тебя? — закашлял старик. — Я сам позвал тебя сюда. Отойди, я закрою вход.

Быстро осмотревшись, Язон увидел в центре шатра небольшой очаг с подвешенным над ним железным котлом; рядом дремал давешний юноша. Высохшая старуха помешивала что-то в котле, не обращая никакого внимания на происходящее.

— Сюда! — Старик потащил Язона в угол. — Они скоро будут здесь, но они не найдут тебя.

Судя по крикам на улице, преследователи действительно приближались, и Язон счел за благо последовать за стариком.

— Но нож у меня наготове, — предупредил он, усаживаясь у дальней стены и позволяя завалить себя грудой старых шкур по самые плечи.

Гневные крики раздавались теперь со всех сторон. Старик быстро накинул Язону на голову платок, потом вытащил из-за пояса дымящуюся трубку и сунул ему в рот.

Ни старуха, ни юноша по-прежнему ни на что не обращали внимания. Они не двинулись с места даже тогда, когда откинулся входной клапан и в шатер заглянул вооруженный воин.

Язон сидел неподвижно, готовый в любую минуту броситься на врага.

Окинув взглядом темное помещение, воин выкрикнул гортанную фразу. Старик отрицательно покачал головой, и воин моментально исчез. Старуха поспешила к выходу, чтобы завязать клапан.

За годы блужданий по галактике Язон очень редко встречался с проявлениями бескорыстного милосердия, поэтому он не убрал нож и вообще старался пока не расслабляться.

— Почему ты помог мне, рискуя жизнью? — обратился он к хозяину.

— Жонглер всегда рискует, чтобы узнать что-то новое, — ответил тот, усаживаясь у огня. — Я стою выше мелких ссор между племенами. Меня зовут Орайел, и ты можешь начать, назвав свое имя.

— Сэм Ривербот, — представился Язон, опуская нож и стягивая на груди половинки разрезанного комбинезона. Судя по всему, он находился в относительной безопасности. Старуха что-то бормотала в углу, юноша по-прежнему дремал у огня.

— Из какого ты мира?

— С неба.

— Много ли миров, где живут люди?

— Около тридцати тысяч, хотя точно никто не знает.

— На что похож твой мир?

Язон сел. Впервые с того момента, как он пришел в себя, у него появилась возможность передохнуть и подумать. Пока ему сопутствовала удача, но еще немало трудностей придется преодолеть, чтобы выпутаться из этой переделки.

— На что похож твой мир? — повторил Орайел.

— А на что похож твой мир, старик? Мы будем обмениваться знаниями.

Жонглер помолчал, потом кивнул, но в его глазах мелькнули злобные искры.

— Хорошо, согласен. Я буду отвечать на твои вопросы, а ты на мои.

— Отлично, — сказал Язон. — И ты будешь отвечать первым — если нас прервут, я теряю больше. Но прежде чем мы начнем, я должен провести небольшую инвентаризацию.

Внимательно осмотрев себя, Язон выяснил, что в его распоряжении имеется: аптечка, пустая кобура, сломанный радиопередатчик и хронометр, который почему-то показывает 10 часов утра. Все остальное снаряжение и оружие исчезли.

— Ну ладно, — сказал он, поудобней усаживаясь на землю и натягивая шкуры. — Поговорим, Орайел. Кто здесь хозяин? Кто приказал казнить меня?

— Темучин. Воитель. Бесстрашный. С Рукой из Стали. Разрушитель...

— Хватит, хватит. Я понял. Он здесь самый главный. А что он имеет против домов и заборов?

— «Песнь свободных людей», — сказал Орайел, толкнув локтем своего помощника.

Юноша вздрогнул и, вытащив из кучи шкур похожий на лютню музыкальный инструмент с длинной декой, запел высоким голосом:

Свободные, как ветер,
Свободные, как равнины,
По которым мы бродим,
Не зная другого дома,

Кроме наших шатров.
Наши друзья моропы
Несут нас в битвы,
Разрушая здания
Тех, кто нас предал...

Там еще было много строк, и юноша пел так долго, что Язон уже начал клевать носом. Тогда он прервал певца и снова принялся расспрашивать старика.

Постепенно перед ним вырисовывалась картина жизни на Счастье.

От океана на западе до океана на востоке, от Великого Утеса на юге до неприступных гор на севере не было ни одной постоянной постройки, ни одного каменного дома. Свободные и дикие племена бродили по безбрежному травяному морю, непрерывно враждуя между собой.

Когда-то здесь стояли города, некоторые из них даже упоминались в песне, но теперь от них остались лишь воспоминания да непримиримая ненависть к ним. Должно быть, происходила очень долгая и очень жестокая борьба между двумя путями развития жизни, такая жестокая, что даже спустя много веков воспоминания о ней вызывали сильные чувства.

Из-за скудности природных ресурсов этих равнин земледельцы и кочевники не могли жить в мире. Крестьяне строили поселки около редких источников воды и отгоняли кочевников с их стадами. Кочевники, защищаясь, объединялись и стремились уничтожить поселки. В результате кровопролитной войны им это удалось.

Дикие, грубые, жестокие победители заполнили всю степь и постоянно кочевали по ней, передвигаясь по мере того, как тощий скот съедал траву на пастбищах. Письменность была неизвестна. Все новости передавались жонглерами — единственными людьми, которые могли переходить из племени в племя. Деревья в этом суровом климате не росли, но в горах севера часто встречались железная руда и каменный уголь, поэтому повсеместно употреблялись железо и мягкая сталь. Не считая шкур и костей животных, это были единственные материалы, которые использовали кочевники.

Правда, одно племя, жившее у отдаленных холмов, делало шлемы и нагрудники не из железа. Люди этого племени работали в асбестовой шахте. Они размельчали этот минерал и смешивали со смолой; получался материал, похожий на стекловолокно — легкий, прочный, эластичный. Из него вы-

ходили лучшие доспехи на равнине. Технология, несомненно, осталась от первых поселенцев планеты.

В остальном жизнь кочевников ничем не отличалась от жизни любых варваров железного века. Топливом служил помет животных, их же жиром заправляли светильники. Каждое племя владело своими родовыми пастбищами, но границы были весьма условны, и поэтому постоянно происходили столкновения.

Шатры-камачи сооружались из шкур и железных столбов, их можно было разобрать за несколько минут. Во время кочевок весь скарб грузился на повозки-эскунги, запряженные моропами.

Моропы, в отличие от крупного рогатого скота, завезенного переселенцами, являлись исконными обитателями высокогорных степей Счастья. Сотни лет назад этих когтистых травоядных одомашнили, а дикие стада истребили. С тех пор они верно служили человеку и как вьючные животные, и как боевые скакуны. Толстая шкура защищала их от холода, а без воды, которой здесь так не хватало, они могли обходиться по двадцать дней.

Племена кочевали и воевали друг с другом. Каждое племя говорило на своем диалекте, а для общения между племенами использовался меж-язык. Кочевники заключали союзы и предательски нарушали их. Единственным и самым любимым занятием местных жителей была война, в ведении которой они достигли совершенства. Неудивительно, что жизнь здесь была суровой и короткой.

Язон усваивал эту информацию, одновременно пытаясь усвоить куски тушеного мяса, но тут дело обстояло хуже, и приходилось их глотать непрожеванными. Вместо воды ему подали перебродившее молоко моропов — неопределенного цвета пойло с отвратительным запахом и вкусом. Язону оставалось только радоваться, что ему не предложили попробовать любимое блюдо воинов — смесь молока и теплой крови.

Когда его любопытство было удовлетворено, настала очередь Орайела, и он задал бесчисленное множество вопросов. Язону пришлось очень много говорить, а жонглер и его ученик внимательно слушали и запоминали. Они вели себя спокойно, и Язон поверил, что здесь ему ничего не угрожает.

Дело шло к вечеру, и пора было подумать о возвращении к своим. Дождавшись, когда Орайел выдохся, Язон спросил:

— Сколько людей в лагере?

Жонглер, постоянно прикладывавшийся к бутылке с ачадом — местным алкогольным напитком, — что-то пробормотал себе под нос и широко развел руками.

— Они дети Грифа, — затянул он. — Они столь многочисленны, что покрывают равнины и заставляют сердца врагов трепетать от...

— Я не спрашиваю об истории племени, меня интересует их число.

— Этого никто не знает. Может быть, сто, а может, миллионы.

— Сколько будет двадцать плюс двадцать? — в упор спросил Язон.

— Я никогда не беспокоился о таких глупостях.

— Но ведь я говорю не о высшей математике, а о счете в пределах ста, — в сердцах заметил Язон и, поднявшись с пола, осторожно выглянул на улицу.

Было очень холодно, по небу плыли белые облака, тени заметно удлинились.

— Пей. — Орайел протянул ему кожаный бурдюк с ачадом. — Ты мой гость и должен пить.

В шатре царила тишина. Старуха чистила котел песком, ученик опустил подбородок на грудь и, казалось, спал.

— Я никогда не отказываюсь от выпивки, — сказал Язон, принимая бурдюк.

Поднося его ко рту, он поймал быстрый взгляд старухи. За спиной раздался шорох.

Бросив бурдюк, Язон отпрыгнул в сторону. Что-то больно стукнуло его по плечу, он наугад ударил ногой и попал в живот ученику, который сразу согнулся пополам и выронил железную палицу.

Тем временем Орайел вытащил из-под шкур длинный меч и бросился на Язона. У того от удара онемела правая рука, но, увернувшись от меча, он левой схватил старика за горло и пережал сонную артерию. Жонглер судорожно глотнул воздух и упал без сознания.

Краешком глаза Язон следил за старухой, которая подбиралась к нему с длинным ножом в руке. Опередив, он схватил ее за запястье и с силой вывернул руку, нож полетел на пол.

Схватка заняла всего какую-то минуту. Орайел и ученик лежали друг на друге, старуха же тихо подвывала в стороне, держась за запястье.

— Спасибо за гостеприимство, — съязвил Язон, растирая онемевшую руку.

Когда к пальцам вернулась чувствительность, он связал всех троих. К этому времени жонглер уже пришел в себя и открыл глаза — в них горела жгучая ненависть.

— Что посеешь, то и пожнешь, — сообщил ему Язон. — Это тоже можешь запомнить. Я думал, ты хочешь получить знания и заплатить той же монетой, но ты оказался слишком жаден. Я надеюсь, что теперь ты жалеешь об этом и разрешишь мне взять несколько поношенных шкур, эту грязную шапку, которая знавала лучшие времена, и кое-что из оружия.

Орайел в ответ промычал что-то, вокруг кляпа появилась пена.

Язон подобрал палицу и надвинул шапку на глаза.

— У тебя и у твоей девицы зубы, конечно, гнилые, а вот твой помощник, наверное, справится. Он вполне сможет разжевать кляп, а потом перегрызть веревки. Я тем временем буду уже далеко отсюда. Скажи спасибо, что я не похож на вас, иначе вас уже не было бы в живых. — Он глотнул ачада и повесил бурдюк на плечо. — Это я тоже возьму в дорогу.

Язон вышел из камача и крепко завязал клапан. Вокруг не было ни души. Низко пригнув голову, он побрел по лагерю варваров.

Глава 5

Большинство людей в лагере выглядели такими же оборванцами, как и Язон, и на него никто не обращал внимания. Только воины выделялись одеждой, но их легко было избежать, прячась за камачами. Остальные прохожие тоже старались не сталкиваться с воинами, поэтому поведение Язона не бросалось в глаза.

Лагерь ставился без всякого плана, очевидно, каждый разбивал свой шатер там, где остановился. Через некоторое время камачей стало меньше, и Язон увидел небольшое стадо тощих лохматых коров. Вокруг сидели на корточках вооруженные пастухи. Он прошел мимо них как можно быстрее, но в то же время стараясь не вызвать подозрения. Так же благополучно миновав козье стадо, Язон обогнул последний камач, и перед ним до самого горизонта простерлась ровная

степь. Высоко в небе стояло солнце. Язон смотрел на него, радостно улыбаясь.

«Садится за мной или чуть правее. Это я помню. Теперь если я пойду точно на закат, то приду к кораблю, — подумал он. — Конечно, если я точно выдержу направление. И если в пути мы не делали поворотов. И если ни один из этих кровожадных дикарей не увидит меня. И если... Довольно!»

Язон тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли, и расправил плечи. Потом оглянулся и, убедившись, что за ним никто не следит, двинулся в путь.

Шел он недолго. Обнаружив овраг, который мог служить убежищем от ветра и случайного взгляда, Язон спустился в него. Чтобы не так мерзнуть, он свернулся калачиком и стал дожидаться темноты. Занятие, надо прямо сказать, не из приятных: ветер трепал траву над головой, холодало, и он чувствовал, что не на шутку замерзает, но иного выхода не было.

Приметив в дальнем конце оврага камень, которым можно будет отметить точку; где сядет солнце, Язон вжался в склон. Он очень сожалел о потере радиосвязи и даже достал передатчик, чтобы посмотреть, нельзя ли его починить. Но, увы, об этом нечего было и думать. Оставалось только одно: сидеть и ждать, пока звезды сменят на небе солнце.

Теперь Язон пожалел, что не занимался изучением здешнего звездного неба. Он даже не знал, есть ли здесь Полярная звезда или хотя бы близкое к полюсу созвездие, а помнил только, что они приземлились на 70-й параллели. Значит, если здесь есть Полярная звезда, то она расположена под углом в 70 градусов к горизонту. Будь у него угломер под рукой и несколько ночей в запасе, он сумел бы вычислить, где находится полюс. Но ситуация отнюдь не располагала к долгим наблюдениям звездного неба.

Солнце тем временем превратилось в тусклый желтый диск у самого горизонта. В этих высоких широтах оно садилось не сразу, а медленно закатывалось за горизонт.

Когда от солнца осталась половина диска, Язон поднялся и установил на склоне свой камень. Вернувшись на прежнее место, он посмотрел на метку.

— Хорошо, — размышлял он вслух, — теперь я знаю, где садится солнце, но это ничего мне не дает. Непонятно, как не потерять направление в темноте. Нужен какой-то ориентир на небе, а для этого нужно знать стороны света.

Язон принялся чертить на песке дуги и углы, бормоча себе под нос полузабытые формулы.

— Эврика! Раз ось планеты лишена наклона, то день всегда равен ночи. Здесь не бывает коротких и длинных дней. Следовательно, солнце садится и встает в одной и той же точке горизонта, вне зависимости от широты. Проделывая путь в 180 градусов, оно восходит точно на востоке и заходит точно на западе!

Вытянув правую руку в сторону под прямым углом к телу, Язон встал так, чтобы его палец указывал на камень.

— Теперь все просто. Я указываю на запад, а смотрю на юг. Если поднять левую руку, она укажет на восток. Придется стоять так до появления звезд.

На востоке показались первые бледные звезды. Немного подумав, Язон пришел к выводу, что существует более простой способ определения направления, чем торчать посреди оврага, как огородное пугало. Установив еще один камень на другом склоне оврага, напротив первого, так, чтобы через них проходила ось «восток— запад», он повернулся к первой метке и посмотрел на восток. Прямо над горизонтом виднелась яркая звезда, а рядом с ней — заметное С-образное созвездие.

— Ты моя путеводная звезда, я буду ориентироваться по тебе, — сказал Язон и посмотрел на хронометр. — Учитывая, что в сутках здесь двадцать часов, а день и ночь равны, в моем распоряжении десять часов темноты. Буду идти, сверяясь со звездой. Через пять часов она будет в зените, потом начнет опускаться на запад и с рассветом зайдет прямо передо мной. Корректировку нужно производить каждый час. Ничего сложного. Вперед!

Убедившись, что С-образное созвездие находится точно за спиной, Язон вскинул на плечо палицу и тронулся в путь. Расчеты были вроде правильными, но все равно он жалел, что под рукой нет компаса.

Температура быстро падала. Над головой медленно проплывали ночные светила этой негостеприимной планеты, а маленькое С-образное созвездие спешило по своей крутой дуге, пока не оказалось в зените.

Язон сверился с часами и тяжело опустился на траву. Он шел без остановок уже пять часов и, несмотря на тренировку и привычку к пиррянским двум g, порядком устал. Глотнув ачада, он содрогнулся при мысли о том, какой же стоит холод, если начинает замерзать даже это пойло с большим содержанием алкоголя.

Для полного счастья не хватало только спутников. Не успел он подумать об этом, как услышал какой-то подозрительный звук и бросился на землю.

Через минуту метрах в двухстах от него пронеслись всадники. Вжавшись в землю, Язон ждал, пока их силуэты не исчезнут в темноте.

— Меня ищут? — подумал он вслух, вставая и поправляя одежду. — Или собираются напасть на корабль?

Последнее казалось более вероятным. Малочисленность группы, скрытность и скорость ее передвижения — все указывало на какую-то особую задачу. А почему бы и нет? Его ведь тоже захватили во время нападения на корабль, могли быть и другие атаки.

Язон собрался было двинуться следом за всадниками, но потом отказался от этого. Вполне вероятно, что отряд направляется к кораблю не прямым путем, а ему вовсе не улыбалась перспектива наткнуться на кочевников днем.

Ветер валил с ног, но Язон понимал, что должен идти, иначе замерзнет. Подобрав оружие и бурдюк, он вновь двинулся на запад.

Дважды в течение этой бесконечной ночи встречались ему небольшие отряды кочевников, двигавшиеся в том же направлении. Дважды Язон успевал спрятаться, и каждый раз все труднее было подняться и продолжать путь.

К тому времени, когда небо на востоке посветлело, стало сказываться полуторное тяготение, и Язону стоило большого труда переставлять ноги. Путеводное созвездие таяло в дымке рассвета, но он продолжал идти. Пока хоть что-то было видно.

Пора отдохнуть. Всю ночь он обещал себе, что после восхода солнца не сделает ни шагу, и только благодаря этому смог идти десять часов подряд. Конечно, по солнцу ориентироваться проще, но слишком опасно брести по равнине днем, любая фигура видна здесь издалека. До корабля еще не близко, надо отдохнуть.

Скатившись в первый попавшийся овраг, он осмотрелся. Овраг попался подходящий — на северном склоне имелся небольшой выступ наподобие навеса. «Тут целый день будет солнце», — подумал Язон. Он забился под этот выступ, свер-

нувшись калачиком. Усталость давала себя знать, и скоро он уснул, несмотря на холод, шедший от земли.

Разбудило его чье-то присутствие. Язон открыл один глаз и выглянул из своего убежища. С противоположной стороны оврага на него смотрели два серых пушистых зверька с большими хвостами и длинными зубами. Язон цыкнул на них: «Брысь!», и они вмиг исчезли.

Когда он проснулся в следующий раз, солнце уже садилось. Лежа в тени, он, казалось, испытывал те же ощущения, что кусок мяса в холодильнике: казалось, при малейшем движении заледеневшие руки и ноги просто сломаются. В бурдюке оставалось еще немного ачада. Язон выпил, и ему полегчало.

Сверив направление по солнцу, он двинулся в путь с первыми звездами. Идти было трудно, усталость, раны и голод брали свое. Через час Язон понял, что долго так не протянет. Задыхаясь, он сел на землю и достал аптечку.

— Я берег тебя до последнего раунда, но похоже, что гонг уже прозвенел.

Грустно улыбнувшись этой вялой шутке, Язон настроил шкалу на отметку «Стимуляторы, обычная норма» и прижал головку анализатора к запястью. Через несколько минут ему стало лучше: усталость исчезла, только тело немного ныло.

— Вперед! — бодро воскликнул Язон, глядя на свое созвездие.

Теперь идти было легко, все воспринималось сквозь призрачную наркотическую пелену, а мозг работал удивительно четко. Встретилось несколько отрядов кочевников, но Язон замечал их издалека и успевал спрятаться. Все они шли от корабля, и он подумал, что, может быть, произошло сражение и варвары потерпели поражение.

Часам к трем утра действие стимуляторов кончилось, и Язон брел, спотыкаясь и едва не падая. Пришлось сделать инъекцию в режиме «Стимуляторы, повышенная норма», и только после этого он смог продолжать путь.

Небо на востоке уже посветлело, когда он ощутил стойкий запах гари, который с каждым шагом становился все сильней и резко бил в нос.

С рассветом Язон не остановился, как прошлым утром, а продолжал идти. У него оставался один-единственный день, чтобы дойти до цели, прежде чем перестанут действовать стимуляторы. Корабль должен быть совсем рядом. Он будет настороже и пойдет днем. В конце концов, одинокий человек не так заметен, как всадник на моропе, и, если повезет, он увидит кочевников раньше, чем они его.

Ступив на выжженную траву, Язон сначала подумал, что здесь прошел обычный степной пожар, и, только заметив остатки шахтного оборудования, он понял, куда пришел.

— Это же место нашей посадки!

Как сумасшедший он бегал по кругу, с отчаянием глядя на пустую до самого горизонта степь.

— Это оно! Здесь был наш корабль. Мы посадили «Драчливого» рядом с лагерем первой экспедиции. Все правильно, только корабля здесь нет. Они улетели! Улетели без меня.

Послышался тяжелый топот — с холма галопом неслись пять моропов. Всадники потрясали оружием и откровенно ликовали при виде жертвы.

Глава 6

Повинуясь рефлексу, Язон напряг руку, готовясь принять пистолет, но, увы...

— Вспомним древние способы! — закричал он, раскручивая над головой палицу. Силы явно не равны, но, прежде чем погибнуть, он покажет им, что умеет драться.

Всадники мчались быстрой рысью, отталкивая друг друга, каждый хотел первым ударить его. Язон стоял наготове, широко расставив ноги. Кричащие варвары были уже на краю круга...

Раздался приглушенный взрыв, и густое облако пара накрыло всадников с головой. Только один мороп выскочил из облака и тотчас упал. Всадник, перелетев через голову животного, растянулся рядом — на его лице застыло выражение ненависти и страха.

Опустив палицу, Язон принюхался и быстро отбежал в сторону. Это был сонный газ: он действовал на все живые организмы, дышащие кислородом, вызывая паралич и потерю сознания примерно на пять часов, после чего жертва просыпалась целой и невредимой, если не считать сильной головной боли.

Что же произошло? Корабль, несомненно, улетел, вокруг никого не было видно. Язон почувствовал, что усталость

берет свое, действие стимуляторов кончалось, мысли стали путаться. Уже несколько секунд слышался знакомый звук, но прошло еще какое-то время, прежде чем он уяснил себе его источник. Это был разведывательный катер с «Драчливого».

С трудом подняв голову, Язон увидел в ясном утреннем небе четкий белый след. Катер стремительно приближался. Сначала он походил на черную точку, потом на пятнышко и наконец превратился в охваченный пламенем цилиндр, который приземлился метрах в ста от Язона. Откинулась крышка люка, и Мета спрыгнула на землю даже раньше, чем амортизаторы полностью погасили удар.

— Как ты? — крикнула она, подбегая с пистолетом наготове и осматриваясь по сторонам.

— Никогда не чувствовал себя лучше. — Язон опирался на палицу, чтобы не упасть. — Откуда ты взялась? Я решил, что вы улетели и позабыли обо мне.

— Ты ведь знаешь, что мы не могли так поступить. — Мета ощупывала его руки, плечи, спину, то ли проверяя, целы ли кости, то ли чтобы убедиться, что это на самом деле он. — Мы не могли бросить тебя, не могли и отбить, хотя пытались. Многие из них погибли. Как раз тогда и началась атака на корабль.

Язон представил себе битву: наверное, это было ужасно.

— Идем в катер. — Мета обхватила его за плечи. — Варвары собрались со всех сторон, и к ним все время прибывало подкрепление. Они очень хорошие воины, никогда не просят пощады. Керк скоро понял, что конца этой битве не будет и что мы не поможем тебе, оставаясь здесь. Даже бежав, — а Керк был уверен, что ты сбежишь, если вообще жив, — ты не смог бы прорваться к кораблю. Поэтому во время контратак мы расставили кругом микрофоны и фотодатчики, а также заложили мины и газовые бомбы с дистанционным управлением. А потом увели корабль в глухой район на севере, в горах. Я вылетела на катере в предгорье и там ждала. Я торопилась, как только могла. Поднимайся в кабину.

— Ты появилась вовремя. Спасибо, я могу идти сам.

Идти Язон, конечно, не мог, но признаться в этом не хотел. Пришлось притворяться, что он поднимается по трапу, хотя на самом деле его несла Мета.

Втиснувшись в кабину, он упал в кресло второго пилота. Мета, еле сдерживая слезы, запирала люк — расплакаться ей не позволяла гордость.

Когда люк закрылся, а пистолет улегся в кобуру, напряжение немного спало и Мета подошла к Язону.

— Убери эту грязь. — Она сбросила на пол меховую шапку и пробежала пальцами по его лицу, слегка дотрагиваясь до ссадин и кровоподтеков. — Я думала, ты погиб, Язон. Мне казалось, что я больше никогда не увижу тебя.

— И это тебя беспокоило?

Он страшно устал, силы были на исходе, надвигалась темнота, но Язон отгонял ее, понимая, что сейчас они с Метой ближе друг к другу, чем когда-либо раньше.

— Да, это меня беспокоило. Сама не знаю почему. — Она вдруг крепко поцеловала его в губы, забыв о его ранах.

— Может быть, потому, что ты знала меня как мужчину, — пробормотал Язон с напускной небрежностью.

— Нет, у меня были мужчины и до тебя.

«Ну спасибо», — подумал он.

— Мне двадцать три года, и у меня двое детей. Пилотируя наш корабль, я побывала на многих планетах и считала, что знаю о жизни все. Но оказалось, что это не так. Появился ты и многому научил меня. Когда тебя похитил этот ненормальный, Майк Сэймон, я бросилась на поиски, хотя пирряне никогда так не поступают. Мы привыкли думать прежде всего о городе, и нас не волнуют судьбы отдельных людей. А теперь у меня в голове все перемешалось. Я не больна?

— Нет. Совсем наоборот. — Разбитыми пальцами Язон прикоснулся к ее теплой руке. — Сейчас ты здоровее, чем любой из счастливых нажимателей курков с планеты Пирр.

— Объясни, что со мной происходит?

Язон попытался улыбнуться, но его лицо исказила гримаса боли.

— Ты знаешь, что такое брак, Мета?

— Что-то слышала. Это такой обычай на некоторых планетах, но я о нем ничего не знаю.

На контрольной панели зазвенел сигнал тревоги.

— Может, это и к лучшему... Скорее всего, я никогда не расскажу тебе о браке... — Он хотел добавить что-то еще, но потерял сознание.

— Приближается большой отряд варваров, — сообщила Мета, всматриваясь в экраны.

Заметив, что Язон без сознания, она пристегнула его к креслу и включила двигатели.

Язон очнулся лишь после посадки на базе пиррян.

— Пить, — выдавил он из себя, облизывая сухие губы, — и есть! Я так голоден, что могу проглотить живого моропа.

— Сначала надо тебя осмотреть, — сказала Мета, включая приборы. — Сейчас придет Тека.

— Если он такой же любитель пилить кости, как его учитель Бруччо, я рискую попасть в восстановительную терапию и проваляться без сознания несколько недель. Этого нельзя допустить.

Тут открылся люк, и в проеме появился Тека — проворный молодой человек, чей энтузиазм в области медицины на первый взгляд явно превосходил знания.

— Этого нельзя допустить, — повторил Язон. — Никакой восстановительной терапии! Вливание глюкозы, инъекции витаминов, искусственная почка — все, что угодно, но я должен быть в сознании.

Когда его на носилках вытаскивали из катера, в изголовье стояла капельница с глюкозой.

— Вот за что люблю пиррян, — удовлетворенно пробормотал Язон. — Они не мешают каждому идти в ад своей дорогой.

Пока собирались руководители экспедиции, он вздремнул, а когда проснулся, кают-компанию «Драчливого» уже заполнил гул голосов.

— Объявляю собрание открытым. — Язон пытался говорить громко, но раздался лишь хриплый шепот. Он повернулся к Теке. — Пожалуй, мне надо промочить горло и хорошенько встряхнуться. Ты можешь впрыснуть мне какой-нибудь сильнодействующий стимулятор?

— Конечно, — ответил Тека. — Хотя, мне кажется, не слишком разумно с твоей стороны подстегивать лишний раз нервную систему.

Это заявление тем не менее не помешало ему быстро и аккуратно сделать все, что надо.

— Так-то лучше, — облегченно вздохнул Язон. — Итак, приступим. Я нашел ответы на некоторые вопросы. Не на все, но для начала вполне достаточно. Теперь я знаю, что без коренных перемен в жизни этой планеты у нас ничего не получится ни с какими шахтами. Под словом «коренные» я подразумеваю полное изменение нравов, обычаев, табу и, в конечном итоге, всей культуры этих людей.

— Это невозможно, — сказал Керк.

— Может быть, но ничего лучшего предложить не могу. Правда, есть альтернатива — истребительная война, война, в которой мы должны перебить всех варваров, всех до единого, и только тогда вокруг нашего поселения воцарятся мир и покой.

В кают-компании повисла мертвая тишина. Все присутствующие слишком хорошо знали, что такое истребительная война, они уже участвовали в одной такой на Пирре.

— Нам не нужна истребительная война, — твердо заявил Керк. — Но твое предложение совершенно невыполнимо.

— Разве? Тогда советую вспомнить, что ваше появление здесь — результат изменения нравов и уничтожения табу вашего народа. Чем эти варвары лучше? Мы взорвем все изнутри, взяв на вооружение два древних принципа: «Разделяй и властвуй» и «Если не можешь одолеть врага, присоединяйся к нему».

— Может, ты объяснишь поподробней, что именно мы должны взорвать? — поинтересовался Рес.

— А разве я еще не сказал? — Язон порылся в памяти и понял, что действительно ничего об этом не говорил; голова все-таки работала не очень хорошо. — Тогда, с вашего позволения, я все сейчас объясню. Недавно, отнюдь не по собственному желанию, я познакомился с бытом и жизнью туземцев. Надо вам сказать, что это довольно жалкое зрелище. Кочевники делятся на племена и кланы и постоянно враждуют друг с другом. Иногда несколько племен объединяются против одного. Обычно это происходит под руководством вождя, достаточно хитрого, чтобы создать такой союз, и достаточно сильного, чтобы заставить его действовать. Вождя, объединившего племена для уничтожения лагеря «Джон компани», зовут Темучин. Я видел его и считаю, что он достоин титула верховного вождя. Воспользовавшись тем, что табу на оседлость и каменные дома самое сильное из всех, Темучин привлек на свою сторону многие племена. Он не стал распускать союз после победы, а с нашим появлением его позиции укрепились еще больше и объединение пошло быстрее. Для нас Темучин — основная помеха; пока он стоит во главе союза племен, о шахтах нечего и мечтать. Придется действовать хитростью, и в первую очередь надо ликвидировать сам повод

для ведения священной войны, на которой держится их союз. В этом нет ничего сложного — мы просто улетим отсюда.

— У тебя нет жара? — осведомилась Мета.

— Спасибо за заботу, я здоров. Поясняю. Наша задача — убедить кочевников, что мы улетели. Для этого придется опять приземлиться на старом месте, что, естественно, вызовет новые нападения. Мы будем отбивать атаки, одновременно убеждая варваров через громкоговорители в мирном характере наших намерений. Мы нарасскажем им разных баек и посулим горы подарков. Они совсем осатанеют и будут атаковать еще яростнее. Тогда мы пригрозим, что улетим навсегда, если это безобразие не прекратится. Само собой разумеется, ничего не изменится, и нам останется только выполнить свою угрозу, а потом найти укромное место в горах и тихо там сесть. Таково первое действие.

— Надо полагать, будет и второе, — заметил Керк без всякого энтузиазма. — Первое слишком похоже на отступление.

— Совершенно верно. Во втором действии мы находим изолированную горную долину, строим там деревню и переселяем в нее, естественно, не спрашивая их согласия, несколько десятков кочевников. Они получают самые совершенные условия существования: горячую воду, единственный на планете теплый смывной туалет, хорошую пищу и медицинскую помощь. Разумеется, эти бедные варвары нас возненавидят и захотят удрать от всей этой цивилизации. Некоторое время спустя мы их отпустим. Но прежде воспользуемся их моропами, камачами и прочим варварским имуществом.

— Зачем? — удивилась Мета.

— Мы создадим собственное племя — вот зачем! Самое лучшее племя на всей равнине. Это племя будет рьяно защищать все табу и обычаи, а наш вождь, Керк Великий, без труда сбросит Темучина с трона. Я уверен, что вы сможете начать претворять этот план в жизнь еще до моего возвращения.

— Я не знал, что ты уходишь. — Керк был явно ошеломлен. — А куда ты собрался?

— Я становлюсь жонглером! — объявил Язон и подергал невидимые струны. — Бродячий трубадур и шпион будет сеять раздоры и готовить почву для вашего появления.

Глава 7

— Если ты засмеешься или просто улыбнешься, я сломаю тебе руку, — процедила Мета сквозь зубы.

Язон призвал на помощь все свое профессиональное умение сохранять невозмутимое выражение лица, поскольку хорошо знал, что слова Меты — не пустая угроза.

— У меня правило: никогда не смеяться над новым женским нарядом. В противном случае я погиб бы уже много планет назад. Ты сейчас выглядишь вполне пристойно.

— Да? А мне кажется, я похожа на облезлую кошку.

— Смотри, вот и Гриф, — оживился Язон, уходя от ответа. — Гриф, мальчик мой, заходи!

— Мне это не нравится, — сердито сказал Гриф. — Я не хочу выглядеть идиотом. Так никто не одевается.

— Здесь все так одеваются, — заявил Язон.

Он обращался к мальчику, но очень надеялся, что облаченная в живописные шкуры Мета тоже это усвоит.

— Там, куда мы отправляемся, обычная одежда. Мета одета по последней моде местных племен, а мы с тобой носим костюмы жонглера и его ученика. Скоро сам удивишься, как хороши наши наряды.

Пора было менять тему разговора, чтобы отвлечь их от этой злосчастной одежды. Тщательно осмотрев руки и лица пиррян, Язон достал из сумки маленькую коробочку.

— Загар отличный, ультрафиолетовые облучатели сделали свое дело. Теперь ваша кожа того же цвета, что и у туземцев. Но этого мало. Кочевники для защиты от холода и ветра густо смазывают открытые части тела... Э, погодите! — воскликнул он, увидев, что пирряне сжимают кулаки. — Я же не прошу вас мазать лицо протухшим жиром моропов, как это делают варвары. Вот чистая, нейтральная силиконовая мазь без запаха. Поверьте мне на слово, она нам очень пригодится.

Сказав это, он безмятежно принялся намазывать щеки. Мета и Гриф последовали его примеру, нахмурившись еще больше. Язону очень хотелось, чтобы они расслабились, иначе вся затея могла провалиться с самого начала.

За несколько прошедших недель его план начал понемногу осуществляться. Разыграв «отступление», они создали базу в уединенной долине, окруженной со всех сторон неприступными горами. Добраться туда можно было только по воздуху. Пирряне построили деревню и поселили в ней озлобленных

кочевников, которых похитили из родного племени, усыпив парализующим газом. После чистки и дезинфекции их одежда и утварь, а также моропы достались Язону. Таким образом, все было готово для внедрения в армию Темучина, осталось лишь уговорить упрямых пиррян примириться с местными обычаями.

— Идемте, — сказал Язон. — Нам уже пора.

Несмотря на то что рядом стояло несколько собранных из готовых блоков зданий, в качестве базы пока использовались просторные помещения «Драчливого». По дороге к выходу они встретили в одном из коридоров Теку.

— Меня послал Керк. Для вас все готово.

Язон кивнул и пошел дальше. Тека только теперь заметил экзотические наряды и густо намазанные лица пиррян, совершенно неуместные в этих облицованных пластиком и металлом коридорах. Он перевел изумленный взгляд с одного на другого, а потом указал на Мету.

— Знаешь, на кого ты похожа? — спросил он и совершил тем самым большую ошибку.

Разъяренно фыркнув, Мета шагнула в его сторону, но Гриф оказался ближе и со всей силы ударил Теку в солнечное сплетение. Хотя мальчику едва исполнилось десять лет, он был пиррянином и дрался, как пиррянин. Застигнутый врасплох, Тека с шумом выдохнул воздух и сел на пол.

Язон подумал, что сейчас начнется смертельная схватка. Трое разъяренных пиррян, бьющихся друг с другом, — зрелище не для слабонервных.

Но шли секунды, а ничего не происходило; Тека продолжал сидеть на полу, открыв рот и ошарашенно глядя на своих обидчиков. Первой рассмеялась Мета, за ней — Гриф. Язон, облегченно вздохнув, присоединился к ним. Напряжение сразу спало. Они хохотали до слез, пока Тека, красный от обиды, не поднялся с пола и не ушел.

— Что случилось? — спросил Керк, встречая их у выхода из корабля.

— Все равно не поверишь, — ответил Язон. — Это последний? — Он указал на крепко связанного моропа, над которым завис ракетный катер.

— Да, двое других и все козы уже на месте. Вы отправляетесь следующим рейсом.

Они проследили, как катер, подцепив моропа крюком за ремни, поднялся вверх и вскоре исчез в темноте.

— А как со снаряжением? — спросил Язон.

— Тоже доставлено. Мы поставили для вас камач и оставили в нем все необходимое. А вы внушительно выглядите в этих нарядах. Пожалуй, вам будет трудно привыкнуть к ним.

В его словах не было никакой иронии. Морозной ветреной ночью их одежда защищала от холода не хуже, чем металлизированный, с подогревом костюм Керка. Даже лучше, поскольку толстый слой мази защищал и их лица.

Язон внимательно посмотрел на Керка.

— Тебе надо уйти внутрь или натереть щеки. Похоже, ты их отморозил.

— Может быть... Если я вам больше не нужен, я пойду.

— Спасибо за все.

— Удачи, — сказал Керк, пожимая всем руки. — Мы установим в радиорубке постоянное дежурство, и вы сможете связаться с нами в любое время.

В молчании они дождались катера. Полет на равнины занял немного времени, что было даже хорошо, поскольку после чистого морозного воздуха в душной кабине нечем было дышать.

Когда катер улетел, Язон кивнул в сторону камача.

— Идите туда и чувствуйте себя как дома, а я хочу убедиться, что моропы крепко связаны и не убегут, когда очнутся. В шатре есть атомный светильник и обогреватель. Воспользуемся напоследок благами цивилизации.

Закончив возиться с животными, он вошел в теплый освещенный камач и снял верхнюю одежду. В углу стояли металлические ящики и кожаные бурдюки с водой. Язон достал из ящика железный котел и, налив в него воды, поставил на нагреватель. Мета и мальчик молча следили за его действиями.

— Это чар, — объяснил Язон, разламывая большой брикет темного цвета. — Его делают из листьев местного кустарника, который увлажняют, а потом спрессовывают в плитки. Вкус вполне сносный...

Он бросил обломки в воду, и та моментально покрылась отвратительным пурпурным налетом.

— Мне не нравится его вид, — заявил Гриф, с подозрением глядя в котел. — Думаю, что вкус мне тоже не понравится.

— Придется привыкать. Если мы хотим избежать разоблачения, нужно жить так, как живут кочевники. Кстати...

Язон полез под одежду и стал снимать кобуру с пистолетом. Пирряне смотрели на него, широко открыв глаза.

— Что случилось? Что ты делаешь? — забеспокоилась Мета, когда он сунул оружие в ящик.

— Снимай пистолет, — спокойно объяснил Язон. — Стоит мне случайно выстрелить или какой-нибудь кочевник его заметит, и мы пропали. Давайте сюда ваши...

Он еще не успел закончить, а пистолеты уже оказались в руках у пиррян. Язон спокойно посмотрел на направленные на него стволы.

— Именно это я и имел в виду. Чуть что не так — сразу щелк, и выскакивает пистолет. От вас уже ничего не зависит, срабатывает рефлекс. Поэтому мы должны спрятать пистолеты так, чтобы их не могли увидеть посторонние и в то же время чтобы ими можно было воспользоваться в случае необходимости. С туземцами нам придется справляться их оружием. Смотрите!

Он достал большую шкуру, глухо звякнувшую металлом, и развернул ее. Пистолеты вернулись на место. Мета и Гриф восторженно разглядывали настоящую коллекцию мечей, палиц и прочего холодного оружия. Дети и конфеты, пирряне и оружие...

— Хороши, не правда ли? — спросил Язон, и они согласно кивнули. — С таким арсеналом мы непобедимы как минимум по двум причинам. Во-первых, любой пиррянин стоит трех варваров, а во-вторых, хотя это оружие — копии местных изделий, но оно изготовлено из первоклассной стали, оно прочнее и острее. А теперь давайте мне ваши пистолеты.

На этот раз только пистолет Грифа выскочил из кобуры, но тут же вернулся обратно. После пятнадцати минут уговоров и грубой лести Мета неохотно рассталась со своим оружием. Чтобы обезоружить мальчика, понадобился еще час.

Наконец все было улажено и пирряне немного успокоились, крепко сжимая мечи — единственное их утешение. Язон раздал своим несчастным товарищам полные кружки чара.

— Я согласен, что это не нектар, — сказал он, заметив брезгливое выражение на их лицах. — Никто не требует от вас признать чар своим любимым блюдом, но постарайтесь хотя бы пить его без явного отвращения.

Когда пришла пора готовиться ко сну, пирряне почти забыли о своих пистолетах и только время от времени бросали растерянные взгляды на правую руку.

— Теперь спать! — объявил Язон. — Вставать рано. Тут недалеко отряд кочевников идет на соединение с Темучином, и мы к ним присоединимся. По дороге присмотримся к их жизни, приобретем полезные навыки, а потом без лишнего шума попадем в главную ставку варваров.

Поднявшись с первыми лучами солнца, Язон запрятал все атрибуты цивилизации в сейф, оставив лишь три саморазогревающихся пищевых набора на завтрак, после чего разбудил остальных.

Прежде всего нужно было снять камач и собрать из него повозку-эскунг. После часа упорной работы им удалось соорудить из опорных столбов и покрова шатра прямоугольную телегу на колесах, на которую сложили весь скарб.

От непривычной работы все взмокли от пота, хотя дул холодный пронизывающий ветер. Солнце стояло высоко над горизонтом. Козы разбежались во все стороны и мирно паслись, моропы тоже громко хрустели травой.

Мета выразительно посмотрела на жующих животных, и Язон понял ее.

— Хватит. Остальное сделаем после еды.

Он вскрыл клапан пищевого набора, и из пакета вырвался горячий пар. Все достали ложки, и завтрак прошел в молчании.

— Труба зовет, — объявил Язон. — Мета, закопай пакеты. А я пока оседлаю моропов. Гриф, возьми ведро и собери весь помет, не стоит пренебрегать местными ресурсами.

— Что я должен делать? — ледяным тоном осведомился Гриф.

Язон криво улыбнулся и указал в сторону пасущихся травоядных.

— Помет. Вот эти штуки. Мы их высушим и используем в качестве топлива.

Взвалив на плечо седло, он сделал вид, что не слышит ворчания мальчика.

Хотя Язон видел, как кочевники седлают моропов, сделать это самому было очень непросто, даже с помощью пиррян. Моропы оказались послушными, но невероятно глупыми животными, признающими исключительно грубую силу.

К тому времени, когда можно было пускаться в путь, все трое порядком устали.

Язон ехал впереди, указывая дорогу, Мета — за ним, а Гриф, восседая на куче вещей, правил эскунгом и приглядывал за козами, которые бежали чуть в стороне.

К полудню впереди показалось плотное облако пыли.

— Сидите спокойно, но приготовьте оружие, — приказал Язон. — Я буду говорить, а вы молчите и прислушивайтесь к языку, скоро нам придется на нем разговаривать.

По мере приближения облако рассеялось и стал виден отряд кочевников с повозками и козьими стадами. Три всадника отделились от остальных и рысью поскакали в их сторону.

Язон, скомандовав Мете и Грифу остановиться, с проклятием налег на поводья, чтобы удержать на месте своего упрямого моропа. Остановившись, тот немедленно принялся пастись. Незаметно высвобождая из ножен кинжал, Язон заметил, как Мета напрягла руку в ожидании пистолета.

Подъехав почти вплотную, всадники осадили моропов, и передний, с грязной черной бородой и без одного глаза, подозрительно посмотрел на Язона. На голове у него блестел металлический шлем с насечкой, украшенный черепом длиннозубого грызуна.

— Кто ты? — спросил воин, перекладывая из руки в руку шипастую булаву. — Куда ты идешь?

— Я Язон — жонглер. Иду в лагерь Темучина. А ты кто?

Всадник неспешно поковырял в зубах черным от грязи ногтем.

— Шейнин из племени Крысы. Что ты скажешь о Крысах?

Язон не имел ни малейшего представления о том, как ему нужно относиться к Крысам. Приглядевшись, он заметил на шлемах остальных всадников такие же украшения, наверное черепа крыс. Тотем — символ их племени... Видимо, у каждого племени — свой тотем. Но у Орайела не было никакого черепа, он говорил, что жонглеры стоят в стороне от конфликтов племен. Надо импровизировать.

— Я приветствую Крыс! — нараспев провозгласил Язон. — Крысы — мои лучшие друзья.

— У тебя была вражда с Крысой?

— Никогда! — Язон был оскорблен таким предположением.

Шейнин продолжал ковырять в зубах и казался удовлетворенным.

— Мы тоже идем к Темучину. Я слышал, он собирает всех против Горных Ласок. Поедешь с нами, вечером споешь для меня.

— Я тоже ненавижу Горных Ласок. Буду петь для тебя вечером.

Всадники развернулись и поскакали к своим. Отряд Язона последовал за ними и присоединился к медленно движущейся колонне моропов.

Вскоре караван завершил дневной переход и остановился у небольшого колодца посреди горной степи. Сразу же пришлось сгонять в кучу недовольных коз.

— Ты не собираешься нам помогать? — холодно спросила Мета у Язона.

— Это общество ориентировано на мужчин. Я могу помогать вам в шатре, но не на виду у всех.

Немного помаявшись, он решил прогуляться по лагерю, чтобы избавиться от убийственных взглядов, которые бросали на него пирряне.

У колодца собралось много народу, но только мужчины и юноши. Очевидно, существовало какое-то табу, связанное с водой. Это было вполне понятно, учитывая суровые местные условия и жизненную важность воды.

Кочевники разобрали горку камней, отмечавшую местонахождение колодца, и под ней обнаружилась квадратная железная крышка. Для защиты от ржавчины она была густо смазана жиром, но камни повредили смазку, и кое-где виднелись ржавые пятна. Когда крышку сняли, ее опять тщательно смазали с обеих сторон.

Сам колодец, около метра в диаметре, оказался очень глубоким и древним. Массивные, вытертые по краям от долгой службы камни держались без всякого раствора.

Доставали воду самым примитивным способом: ведро на веревке спускали в колодец, а наполнив, вытягивали обратно. Делать это мог только один человек — для двоих уже не хватало места. Некоторые мужчины, дожидаясь своей очереди, разговаривали между собой; другие, наполнив бурдюки водой, разносили их по своим камачам. Язон занял очередь у колодца и отправился посмотреть, как идут дела у пиррян.

Те уже привязали коз, поставили столбы камача и теперь пытались натянуть на них покров. Язон выполнил свою часть

работы, достав сейф и усевшись на него. Рваная кожаная обшивка ящика скрывала стенки из сверхпрочного сплава, секретный замок сейфа был настроен на отпечатки его пальцев.

Проходивший мимо воин остановился и стал смотреть, как возводят камач для жонглера. Язон решил не обращать на него внимания и, достав лютню, затянул вариант песни подгулявших аргонавтов в собственном переводе.

— Хорошая, сильная женщина, — внезапно сказал воин. — Но глупая. Не может правильно поставить камач.

Язон промолчал, не зная, что ответить. Воин продолжал смотреть, почесывая бороду и откровенно восхищаясь Метой.

— Мне нужна сильная женщина. Я дам тебе за нее десять коз.

Язон видел, что не только сила привлекла воина: разгоряченная Мета сбросила верхнюю одежду, и ее стройная фигура выгодно отличалась от квадратных фигур местных женщин. Кроме того, у нее были чистые волосы, целые зубы и гладкое, не обезображенное шрамами лицо.

— Ты не захочешь ее, — сказал Язон. — Она много спит, много ест, не умеет работать. Да и стоит дорого, я отдал за нее двадцать коз.

— Я дам тебе десять. — Воин схватил Мету за руку, чтобы получше разглядеть.

Язон напрягся. Возможно, местные женщины и позволяли обращаться с собой, как со скотиной, но не Мета. К его удивлению, она просто выдернула руку и вернулась к своей работе.

— Иди сюда, — позвал Язон варвара, решив вмешаться, пока дело не зашло слишком далеко. — Выпьем. У меня есть хороший ачад.

Но было уже поздно. Разъяренный неповиновением какой-то жалкой женщины, воин ударил Мету кулаком по уху и опять схватил за руку.

Покачнувшись от неожиданного удара, Мета сначала ошалело затрясла головой и отшатнулась назад, даже не сопротивляясь. Но потом, быстро выдернув руку, ребром ладони ударила воина по горлу. Варвар захрипел и согнулся пополам, сплевывая кровь и держась за разбитый кадык. Язон хотел прыгнуть между ними, но не успел. Воин выпрямился и выхватил нож. На свою беду, он не знал, что у Меты отменная

реакция и большой боевой опыт. Перехватив его руку, она крепко стиснула ее и выкручивала до тех пор, пока онемевшие пальцы не выпустили нож. Мета поймала его в воздухе и, выпрямившись, косо ударила врага в спину под ребро. Нож, вонзившись в тело по рукоять, пробил сердце и легкое, и воин без звука рухнул на землю.

За стычкой наблюдало много людей, и теперь в толпе раздался изумленный гул. К неподвижному воину осторожно приблизилась женщина, молча взяла его за руку и тут же отпустила — рука безжизненно упала.

— Мертв! — удивленно сказала женщина и с испугом посмотрела на Мету.

Язон бросился к сейфу и прижал палец к замку — послышался характерный щелчок.

— Ко мне! — скомандовал он на пиррянском. — Здесь гранаты и ваши пистолеты. Если дело обернется плохо, берите оружие, но только в самом крайнем случае.

Через толпу пробрался окруженный группой воинов Шейнин. Он недоверчиво уставился на труп.

— Твоя женщина убила этого человека его собственным ножом?

— Да, но он сам виноват. Он ударил ее и хотел убить. Она защищалась. Спроси любого.

Зрители одобрительно зашумели.

Вождь был изумлен, но не рассержен. Он перевел взгляд с трупа на Мету. Растрепанная Мета выглядела очень эффектно.

— Из какого она племени? — спросил Шейнин.

— Издалека, с гор на севере. Ее племя называется... пиррянe. Могучие борцы!

Шейнин нахмурился.

— Никогда о них не слышал. Какой у них тотем?

В самом деле, какой? Крыса или Ласка не подходят. Каких еще животных он видел?

— Орел! — наугад брякнул Язон. Кажется, он видел в небе птицу, похожую на орла.

— Сильный тотем! — Шейнин опять посмотрел на труп и пнул его ногой. — Женщина не может получить его моропов и шкуры.

Это и так было ясно: женщина — собственность и имуществом владеть не может. А вещи убитого должны отойти по-

бедителю. Но Язона динАльта никто не упрекнет в скупости — он с радостью пожертвует парой тощих моропов и ворохом подержанных шкур.

— Они твои, о Шейнин! Это справедливо. Я и не думал брать их себе. А ночью я побью эту женщину за ее поступок.

Он угадал. Шейнин принял подарок как должное. Уходя, он бросил через плечо:

— Он был плохим воином, раз его смогла убить женщина, но у него остались два брата...

Слова эти что-то означали... Но что?

Толпа быстро разошлась, мертвеца убрали. Мета и Гриф закончили ставить камач и занесли внутрь все добро. Язон послал Грифа пригнать поближе коз, так как опасался неприятностей.

Они начались даже раньше, чем он предполагал. Снаружи послышались крики и глухие удары, и Язон бросился на улицу, но основные события уже были позади.

Человек шесть варваров, очевидно, родственники убитого, напали на Грифа, желая отомстить. Они думали легко справиться с мальчиком, но вышло иначе.

Трое схватили его и, видно, собирались держать, пока остальные должны были бить. Двое из этих троих теперь без памяти лежали на земле (пиррянин ударил их головами друг о друга), а третий корчился от боли, держась руками за пах. Гриф, наступив коленом на шею четвертому, пытался сломать ногу пятому, завернув ее за спину. Шестой нападающий убегал, и мальчишка уже достал нож, явно собираясь ему помешать.

— Оставь нож! — крикнул Язон, помогая беглецу сильным пинком в зад. — Хватит с нас одного убийства.

Издав воинственный крик и отвесив еще пару затрещин, Гриф встал и с презрением посмотрел вслед удирающим врагам. Сам он почти не пострадал, не считая синяка под глазом и разорванного рукава.

Язон отвел мальчика, раздосадованного тем, что ему не дали вкусить всей полноты победы, в камач и плотно завязал клапан.

— Ну что ж, — сказал он, наблюдая, как Мета прикладывает Грифу к глазу холодный компресс. — Одно утешает — мы с самого начала произвели сильное впечатление.

Глава 8

Хотя у них были огненные мечи,
Они умирали в бесчисленных
количествах.
Тучи наших стрел поражали
чужеземцев
И гнали их с наших пастбищ...

— Я говорю голосом Темучина! Я Аханк, его военачальник, — произнес воин, отбрасывая клапан камача Шейнина.

Язон прервал «Балладу о летающих чужеземцах» и медленно обернулся, чтобы посмотреть на человека, давшего ему долгожданный перерыв. Горло пересохло, он устал, много раз повторяя одну и ту же песню, — его рассказ о поражении космических пришельцев пользовался в лагере большим успехом.

Вошедший, несомненно, был военачальником высокого ранга — несколько крупных драгоценных камней сверкало на его шлеме и полированном нагруднике. Он косолапо прошел на середину камача и остановился перед Шейнином. Правая рука Аханка лежала на рукояти меча.

— Что хочет Темучин? — холодно спросил Шейнин, также положив руку на меч — ему явно не понравилось это новое действующее лицо.

— Темучин хочет слышать жонглера по имени Язон. Он должен явиться немедленно.

Глаза Шейнина превратились в узкие щелки.

— Сейчас он поет для меня. Кончит — пойдет к Темучину.

Для вождя кочевников все вожди равны, и его трудно убедить в обратном. Но Темучин и его полководцы умели убеждать. Аханк резко свистнул, и в камач ворвался десяток воинов с натянутыми луками в руках. Шейнина убедили.

— Я устал от этого хрипа, — заявил он, зевая и отворачиваясь. — Сейчас я буду пить ачад с одной из моих женщин. Все уходите.

Язон вышел в сопровождении почетной охраны и направился к своему камачу. Аханк остановился и широкой ладонью ткнул его в грудь:

— Темучин будет слушать сейчас. Иди сюда.

— Убери руку. — Язон говорил тихо, чтобы не слышали воины. — Одна струна порвана.

— Иди куда приказывают. — Рука оставалась на месте.

— Вначале мы зайдем в мой камач. Он совсем близко. —

На этот раз Язон говорил громче. Одновременно он перехватил руку противника и сжал ему ладонь. Это было весьма болезненно, тем более что Язон, закаленный пиррянскими двумя g, обладал недюжинной силой. Аханку показалось, что пальцы сейчас оторвутся, он сморщился от боли и неуклюже потянулся левой рукой за мечом.

— Если вытащишь меч, я убью тебя, — сказал Язон, приставляя острый конец лютни к животу Аханка. — Темучин приказал привести меня, а не убивать. Он рассердится, если мы подеремся. Ну, что ты выбираешь?

Лицо военачальника исказилось от гнева, и он некоторое время пытался сопротивляться, но потом отпустил меч.

— Вначале мы зайдем в твой камач, чтобы ты мог надеть что-нибудь приличное вместо этих лохмотьев, — громко сказал он.

Язон разжал пальцы и пошел вперед, стараясь не выпускать Аханка из поля зрения. Тот спокойно шел следом, растирая онемевшие пальцы, но взгляд, которым он одарил жонглера, был полон ненависти.

«Ладно, — подумал Язон, — нажил себе еще одного врага. Но мне обязательно надо попасть в свой камач».

Они выдержали утомительное, но неизбежное путешествие с племенем Шейнина. Язон проводил время, упражняясь в жонглерском искусстве и изучая культуру и быт кочевников. Неделю назад они достигли лагеря Темучина.

Лагерь скорее походил на гигантский табор, так как кочевники расселились на десятки миль вдоль мелкого грязного ручья, который они почему-то называли рекой. Очевидно, это и вправду была самая большая река на равнине. Настоящий же военный лагерь находился в самом центре, но там Язон еще не был. Пока ему хватало материала для наблюдений в «предместье» и не хватало уверенности в себе, чтобы проникнуть в самое сердце врага. К тому же Темучин один раз его видел, а вождь производил впечатление человека с цепкой памятью. Правда, теперь кожа Язона была темнее, он отрастил большие усы, а Тека поставил ему пробки, чтобы изменить форму носа, и Язон надеялся, что всего этого будет достаточно. Сейчас его больше всего мучила мысль, что же слышал о нем вождь?

— Быстро вставайте! — крикнул он, входя в свой камач. — Я иду к Великому Темучину и должен прилично одеться.

Мета и Гриф удивленно посмотрели на Язона и вошедшего следом за ним военачальника, но не двинулись с места.

— Побольше шума, — подстегнул их Язон по-пиррянски. — Бегайте и делайте вид, что вы взволнованы. Предложите этому разодетому гусю выпить или еще что-нибудь, только отвлеките его внимание на пару минут.

Аханк принял ачад, не спуская при этом глаз с Язона.

— Возьми. — Язон протянул лютню Грифу. — Надень на эту штуку новую струну или притворись, что надеваешь. И, пожалуйста, не проявляй характер, когда я толкну тебя. Это просто часть представления.

Гриф нахмурился, но в остальном повел себя вполне сносно. Язон, сбросив куртку, натер свежей мазью лицо и волосы, как того требовали правила приличия, и открыл сейф. Он достал оттуда свою лучшую куртку, одновременно пряча в ладони маленький незаметный предмет.

— Теперь слушайте, — обратился он к пиррянам на их языке. — Меня ведут к Темучину, ничего тут не поделаешь. Я взял с собой дентофон, а два других оставил здесь, в сейфе. Как только я уйду, возьмите их и будьте настороже. Не знаю, как пройдет аудиенция у вождя, но я буду постоянно держать с вами связь, потому что могут потребоваться решительные действия. Ждите и не отчаивайтесь.

Надевая куртку, он рявкнул на меж-языке:

— Лютню, быстро! Если что-нибудь случится в мое отсутствие, я побью вас обоих.

Они ехали беспорядочной группой, и, может быть, так вышло случайно, но по обе стороны от Язона постоянно держались два воина.

Наблюдая обычную суету лагеря, Язон всю дорогу мучился вопросом, зачем он понадобился Темучину? Что же слышал великий вождь о простом жонглере? Гадать не было смысла.

Когда они приблизились к военному лагерю, послеполуденное солнце низко стояло над камачами. Здесь царил порядок, не было стад, шатры стояли ровными рядами, и повсюду виднелись воины. Широкий проход вывел их к большому черному камачу, окруженному копьеносцами. Язон не нуждался в наличии геральдических гербов, чтобы понять, чей это камач. Он слез со своего моропа, взял под мышку лютню и пошел к шатру, стараясь сохранять вид гордый, но не надменный.

Аханк вошел первым, чтобы сообщить об их прибытии. Как только он ушел, Язон быстро сунул в рот дентофон и языком закрепил его над правым верхним резцом. Аппарат включился автоматически под воздействием слюны.

— Проба... проба... вы меня слышите? — осторожно прошептал Язон.

Миниатюрный передатчик улавливал звук в диапазоне от шепота до крика.

— Слышим громко и отчетливо, — прозвучал в ушах голос Меты.

Услышать его мог только Язон. Колебания дентофона воспринимались зубом, сообщались костям черепа и далее — барабанным перепонкам.

— Пошли! — крикнул Аханк, грубо хватая Язона за руку и тем самым прерывая сеанс связи.

Стряхнув его руку, Язон вошел в камач и увидел в центре Темучина в высоком кресле. Занятый разговором с двумя военачальниками, вождь не сразу посмотрел в сторону вошедшего, и Язон успел справиться со своим изумлением при виде трона. Темучин восседал на тракторном сиденье, которое опиралось на стволы безоткатных орудий. Со стволов свисали связки человеческих пальцев: от некоторых остались лишь кости, на других болтались лохмотья черного мяса. Картина была впечатляющая: Темучин, убийца пришельцев, собрал здесь всю свою добычу.

Вождь повернулся и холодно взглянул на Язона. Язон низко поклонился не столько из желания продемонстрировать свою почтительность, сколько чтобы избежать этого пронзительного взгляда. Внезапно пробки в носу и усы показались ему слишком ненадежной защитой. Темучин видел его очень близко и, конечно, может узнать!

Выпрямившись, Язон вновь натолкнулся на ледяной взгляд вождя. Что делать? Ждать, пока Темучин заговорит? В другой ситуации Язон так бы и поступил — заставил бы противника первым раскрыть карты. Но разве этого ждут от странствующего жонглера? Он должен трепетать перед великим мира сего.

— Ты посылал за мной, Великий Темучин. Я горд такой честью. — Он вновь поклонился. — Ты хочешь, чтобы я пел?

— Нет, — коротко ответил Темучин.

Язон постарался изобразить удивление.

— Не надо песен? Тогда чего же хочет Великий Вождь от бедного жонглера?

Темучин смерил его враждебным взглядом, но Язон не понял, было ли это искреннее чувство или же отработанная манера поведения, должная держать туземцев в страхе.

— Сведений! — произнес наконец вождь, и в этот момент включился дентофон и прозвучал голос Меты:

— Язон, тревога! Вооруженные люди приказывают нам выйти из камача, иначе грозятся убить.

— Обязанность жонглера — учить и рассказывать, — почтительно ответил Язон вождю и тихо прошептал: — Сопротивляйтесь, но не используйте пистолеты. Я постараюсь помочь вам.

— Что? — угрожающе наклонился к нему Темучин. — Что ты там шепчешь?

— Ничего. Это просто... — Черт побери, как сказать на меж-языке «нервное потрясение»? — Это жонглерская привычка. Мы все время повторяем про себя слова песен, чтобы не забыть их.

Темучин откинулся в кресле, и на лбу у него обозначилась резкая морщина. Ему все это явно не нравилось. Язону тоже. Как же помочь Мете?

— Они ворвались! — Ее шепот криком отозвался у него в ушах.

— Расскажи мне о племени пиррян, — сказал вождь.

Язон покрылся холодным потом. У Темучина наверняка везде шпионы или Шейнин сам доложил ему о пиррянах. А тут еще семья убитого, воспользовавшись отсутствием Язона, решила отомстить и напала на Мету и Грифа. Одно к одному...

— Пирряне? Это просто другое племя. Зачем тебе знать о них?

— Что?! — Темучин вскочил. — Ты осмеливаешься задавать мне вопросы?

— Язон! — Это Мета.

— Нет, что ты! — Язон лихорадочно соображал, как вывернуться. — Я неправильно выразился. Что ты хочешь знать о них? Вот что я имел в виду.

— Их много... У них мечи и копья... Они напали на Грифа...

— Никогда не слышал о таком племени. Где они пасут свои стада?

— На севере... в горных долинах.

— Ты что-то скрываешь, жонглер. Может быть, ты не знаешь закона Темучина? Награда тем, кто со мной. Смерть тем, кто против меня. Медленная смерть тем, кто предает меня.

— Медленная смерть? — Язон напряженно прислушивался к дентофону.

Темучин некоторое время молча смотрел на него.

— Ты многого не знаешь. Я покажу тебе кое-что. Это подбодрит тебя и заставит говорить откровенней. — Он хлопнул в ладоши. — Принесите Даэна!

Кажется, он слышал приглушенное дыхание... Или нет?.. Язон не был уверен. Он снова перенесся в камач вождя и с удивлением посмотрел на лежащего на носилках человека. Тот был крепко связан, вокруг шеи захлестнута петля, вместо пальцев рук и ног — кровоточащие обрубки.

— Медленная смерть, — спокойно произнес Темучин, пристально глядя на Язона. — Даэн предал меня и перешел на сторону Горных Ласок. Он лежит так уже много дней. Сегодня его постигнет справедливость.

Вождь подал знак. Воины прижали правую руку пленника к земле, и один из них взмахнул топором. Ударил фонтан крови, и рука отлетела в сторону. Методично орудуя топором, воин отрубил Даэну вторую руку, потом обе ноги.

— Он мог жить еще несколько дней, — с издевательским сочувствием сказал Темучин. — Если бы он продержался подольше, может, я и помиловал бы его. А может, и нет. Однажды я слышал о человеке, который продержался год.

Он махнул рукой, и Даэна унесли.

— Очень интересно, — промямлил Язон.

Необходимо было что-то придумать, причем незамедлительно.

Услышав снаружи крики и топот моропов, он встревоженно обратился к вождю:

— Ты слышишь? Слышишь свист?

— Какой свист? Ты что, с ума сошел? — удивленно спросил Темучин.

— Это был свист, — уверенно сказал Язон, направляясь к выходу. — Я должен выйти. Сейчас вернусь.

Все в шатре были ошеломлены: никто не позволял себе прерывать аудиенции у вождя.

— Стой! — гневно крикнул Темучин.

Язон не прореагировал. Наперерез ему, вытягивая меч, бросился охранник. Оттолкнув его плечом, Язон выскочил на улицу. Охрана снаружи камача не обратила на него внимания.

Спокойно, но быстро Язон пошел вправо. Дойдя до угла, он свернул и побежал вдоль стены. Сзади послышались крики — охота началась.

В отличие от обычных круглых камачей этот был квадратный. Пробежав вдоль стены, Язон завернул за следующий угол. Его все еще не заметили, крики раздавались у входа. Язон продолжал бежать и, только обогнув еще один угол, перешел на шаг.

У входа никого не было, даже охраны. Преследователи рассыпались в разные стороны, а те, что остались, смотрели куда угодно, но не на камач.

Язон спокойно вошел внутрь. Темучин, в гневе расхаживающий по шатру, обернулся на звук шагов.

— Ну! Поймали?.. Ты? — Он отступил на шаг и выхватил меч.

— Я твой верный слуга, Темучин, — спокойно сказал Язон. — Я пришел сообщить тебе о нарушении твоего приказа.

Темучин колебался.

— Говори быстрее! Твоя смерть в моей руке.

— Я знаю, ты запретил стычки среди тех, кто тебе служит. Но люди Шейнина напали на мою служанку. Две недели назад она убила их воина за то, что он избил ее. Я попросил достойного человека присматривать за ней в мое отсутствие. Только что он был здесь и, не осмелившись войти в камач Темучина, вызвал меня свистом. Вооруженные люди напали на мой камач и захватили моих слуг. Но я слышал, что для всех, кто служит тебе, существует один закон. Я прошу у тебя справедливости.

Послышался шорох, и в камач вбежали преследователи. Они остановились, недоуменно глядя на Язона и Темучина, стоящих друг перед другом. Меч в руке вождя слегка дрожал, и в полной тишине было отчетливо слышно, как он заскрипел зубами.

— Аханк! — выкрикнул Темучин, опуская меч, и военачальник выбежал вперед. — Бери четыре руки людей и скачи в племя Шейнина из клана Крысы...

— Я могу показать... — вмешался Язон.

Темучин резко повернулся к нему и, приблизив лицо почти вплотную, прошипел:

— Еще раз заговоришь без моего разрешения — умрешь!

Язон молча кивнул, он понял, что и так уже перегнул палку. Помолчав, Темучин обратился к военачальнику:

— Прикажи Шейнину выдать тех, кто похитил слуг жонглера, и приведи их сюда.

Аханк бросился к выходу, салютуя на бегу. В окружении Темучина повиновение ставилось выше этикета.

Темучин, явно в дурном расположении духа, ходил взад и вперед по камачу. Военачальники опасливо отступили к стенам, некоторые тихо выскользнули наружу. Один Язон не двинулся с места даже тогда, когда разъяренный вождь помахал у него перед носом кулаком.

— Почему ты позволил себе все это? — спросил он с холодной яростью. — Почему?

— Могу я ответить?

— Говори! — проревел Темучин, нависая над ним.

— Я вышел из камача, потому что это была единственная возможность добиться справедливости. Я надеялся на мудрость Великого Вождя.

Темучин гневно сверкнул глазами.

Язон продолжал:

— Жонглеры не знают племени и не носят тотема. Они ходят по всей равнине и не обязаны хранить верность. Но я должен сказать тебе, что я родился в племени пиррян. Они прогнали меня, поэтому я стал жонглером.

Темучин не задал напрашивающегося вопроса, и, чтобы пауза не затянулась, Язон вынужден был говорить дальше:

— Мне пришлось уйти, потому что... мне трудно говорить об этом... но по сравнению с остальными пиррянами... я слишком слаб и труслив.

Налившись кровью, Темучин открыл рот и неожиданно разразился громким смехом. Не переставая смеяться, он подошел к трону и упал на него. Все остальные молчали, не зная, как понимать поведение вождя. Темучин знаком приказал подать бурдюк с ачадом и залпом осушил его. Хохот постепенно перешел в хихиканье, потом совсем замер, вождь овладел собой — он снова был холоден и грозен.

— Я доволен. Мне нечасто приходится смеяться. Ты умен. Пожалуй, даже слишком. Когда-нибудь умрешь из-за этого. Продолжай о пиррянах.

— Мы живем в горных долинах и редко спускаемся на равнины. — Язон приготовил этот рассказ еще на базе. — Мы верим в силу, но верим и в закон. Мы убиваем всех, кто нарушит наши границы. Наш тотем — Орел, он означает силу. Любая наша женщина может голыми руками убить воина. Мы слышали, что Темучин принес на равнины закон, и меня послали узнать обо всем. Если это правда, то пирряне присоединятся к Темучину...

Тут их прервали. Темучина отвлекли топот моропов и крики у входа, а Язона — внезапно оживший дентофон: слабый голос произнес: «Язон!», и он понял, что это Мета или Гриф.

В камач вошел Аханк, следом воины втащили двух пленников, один из них был ранен и истекал кровью. Внесли и положили у стены Мету с Грифом — избитых, окровавленных и неподвижных. Язон шагнул было вперед, но опомнился и остановился, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Докладывай, — приказал Темучин Аханку.

— Мы все сделали, как ты приказал, Темучин. Прискакали в племя, и Шейнин указал нам камач. Мы подошли туда и были вынуждены убивать, чтобы заставить их подчиниться. Двое захвачены в плен. Слуги дышат, думаю, они живы.

Темучин задумчиво потер подбородок.

Язон выступил вперед:

— Могу я спросить?

Вождь пристально посмотрел на него и кивнул.

— Какое наказание полагается за неповиновение приказу и нападение в пределах лагеря?

— Смерть! Разве есть другое наказание?

— Тогда я отвечу на вопрос, который ты задал раньше. Ты хочешь знать, каковы пирряне. Так вот. Я самый слабый из них. Но я убью этого человека одним ударом ножа, действуя только одной рукой. Причем неважно, как он будет вооружен, пусть даже ему дадут меч.

— Да? — Темучин посмотрел на сильного, мускулистого человека, на голову выше Язона. — А это хорошая мысль.

— Привяжи, — обратился Язон к ближайшему воину, заводя руку за спину.

Пленник все равно обречен, а если его смерть принесет пользу, он хоть отчасти искупит свои грехи. «Становишься лицемером, Язон?» — спросил он сам себя и не нашел, что ответить. Он всегда ненавидел смерть и избегал насилия.

А теперь?.. Но, взглянув на скрюченную от боли Мету, Язон потянулся к ножу.

Демонстрация необычных боевых качеств наверняка заинтересует Темучина, а этот невежественный зверь все равно обречен. Правда, Язон сам может погибнуть, если окажется, что он недостаточно ловко сформулировал свое предложение. Стоит противнику получить в руку копье или дубинку, и он в несколько минут расправится с Язоном.

Язон даже бровью не повел, когда воина развязали и Аханк протянул ему свой двуручный меч. Добрый Аханк! Он все еще помнил, как ему чуть не сломали руку, и горел желанием отомстить. Иногда все же полезно заводить врагов.

Язон вытащил свой нож. Это необычное оружие он сам выковал из лучшей стали и закалил древним способом. Широкое, с ладонь, лезвие было заточено с обеих сторон: с одной — по рукоять, с другой — меньше чем наполовину. Таким ножом можно было рубить вниз и вверх, им можно было колоть как мечом, и, кроме того, он весил около двух килограммов.

Противник замахнулся мечом. Исход поединка решал один удар, и враг постарался вложить в этот удар всю свою силу — никакой нож этого выдержать не мог. Язон спокойно ждал и, только когда меч начал опускаться, выставил нож. Клинок принял на себя всю мощь удара и выдержал, хотя Язон припал на одно колено и чуть не выронил оружие. Раздался резкий звук, и меч переломился пополам.

Язон мельком заметил растерянное выражение на лице противника и, не вставая с колена, нанес снизу вверх мощный удар. Лезвие, прорвав кожаную одежду, по самую рукоять вошло в живот. Оттолкнувшись ногами от земли, Язон поднялся, изо всех сил налегая на нож, — клинок рассек все внутренности и остановился лишь у ключицы. Выдернув нож, Язон отступил назад, и труп упал на пол.

— Я хочу взглянуть на нож, — сказал Темучин.

— В наших долинах хорошее железо. — Язон нагнулся и вытер лезвие об одежду убитого. — Мы делаем добрую сталь.

Темучин подбросил нож в воздух, поймал и подозвал воинов.

— Держите раненого, — указал он на второго пленника.

Тот попытался сопротивляться, но быстро затих, примирившись с неизбежным концом. Воины крепко держали его, а один отвел грязные волосы, обнажив шею пленника. Темучин подошел и, взвесив оружие в руке, поднял его над головой... Он опустил нож одним резким движением, и тишину камача нарушил чавкающий звук. Отрубленная голова скатилась на землю, тело быстро оттащили в сторону.

— Мне нравится этот нож, — сказал Темучин. — Я беру его себе.

— Я хотел подарить его тебе. — Язон поклонился, чтобы скрыть неудовольствие. Что ж, это всего лишь нож.

— Ваши люди знают древнюю науку? — спросил Темучин, отдавая нож воину, чтобы тот вытер его.

Язон был настороже.

— Не больше, чем остальные племена.

— Никто из них не может делать такое оружие.

— Это старый секрет. Он передается от отца к сыну.

— Может, есть и другие старые секреты? — Голос вождя стал холоднее.

— Возможно.

— Есть один утраченный секрет. Его называют «порохом», или «взрывчаткой». Ты знаешь, что это такое?

Язон лихорадочно искал ответ, следя за выражением лица Темучина. Что может жонглер знать об этом? Но если это ловушка, он обязательно должен ответить правильно.

Глава 9

Пока Мета лежала без сознания, аптечка наложила ей четырнадцать швов на голову, а Язон, промыв раны, смазал их дезинфицирующей мазью. Придя вскоре после этого в себя, Мета совсем не жаловалась на боль и мужественно молчала, когда пришлось наложить еще два шва на разбитую губу.

Гриф тяжело дышал и стонал под ворохом шкур, которыми укрыл его Язон. Раны мальчика, большей частью поверхностные, не представляли опасности для жизни, и Язон прописал ему полный покой.

— Ну вот и все, — сказал он Мете. — Тебе тоже надо хорошенько отдохнуть.

— Мы сделали все, что смогли, Язон, но их было очень много. Сначала они набросились на Грифа, а когда он упал, принялись за меня. Дай, пожалуйста, зеркало. — Она взяла протянутое Язоном стальное зеркальце и, взглянув в него, быстро вернула обратно. — Я выгляжу ужасно. Их было

очень много... И женщин тоже... Они все время старались ударить меня по ногам. Я убила трех или четырех мужчин и одну женщину, но не могла справиться с ними со всеми. Меня сбили с ног, и больше я ничего не помню. Что было потом?

— Выпьешь? — спросил Язон, доставая бурдюк с ачадом.

Увидев, что Мета отрицательно качает головой, он сам сделал большой глоток и положил бурдюк на место.

— Опуская детали, скажу только, что я послал вам на помощь отряд воинов. Они отбили тебя с Грифом и захватили Крыс, которые на вас напали, — все они уже мертвы. Одного я убил сам, причем в лучших традициях Пирра — одним ударом ножа. Нож, правда, пришлось подарить Темучину. Я очень рад, что делал его вручную, потому что этот малый сразу оценил уровень пиррянской технологии и стал спрашивать, что мы знаем о порохе и огнестрельном оружии. Такие вопросы меня несколько смутили, и, уйдя от прямого ответа, я сказал, что сам слышал только название, но, может быть, другие в нашем племени знают больше, поскольку дыма без огня не бывает. Думаю, что Темучин вспомнит об этом в свое время, а пока он хочет, чтобы мы поменяли местожительство. Желание его здесь имеет силу закона, поэтому на рассвете снимаемся и отправляемся в главный лагерь. Снаружи ждет отряд воинов, очевидно, на случай, если мы передумаем, так что я еще не решил, считать себя гостем вождя или его пленником.

Сообщив все новости, он настроил аптечку на «полный покой» и прижал ее к запястью Меты. Потом уложил Мету рядом с Грифом и накрыл их шкурами.

Глядя на измученных пиррян, Язон испытывал угрызения совести. За каким чертом понадобилось ему втравливать в эту опасную авантюру женщину и ребенка! Но, немного успокоившись и поразмыслив, он пришел к выводу, что Счастье — это все-таки не Пирр, здесь уцелеть легче. Возможно, уговорив пиррян лететь с собой, он спас им жизнь, и не исключено даже, что когда-нибудь они скажут ему «спасибо».

Утром пирряне уже могли встать и выйти из камача без посторонней помощи. Обрадованный Язон попытался организовать разборку шатра, что оказалось совсем непросто. Ставить и снимать камач — работа женская, но так как ни одну женщину из племени Крыс Язон и близко подпускать не хотел, пришлось обратиться за помощью к воинам Темучина. Только израсходовав почти весь запас ачада, удалось уговорить их взяться за эту унизительную для кочевников работу.

Когда загрузили эскунг, Язон усадил на него Мету с Грифом, и маленький караван тронулся в путь, провожаемый злобными взглядами.

В лагере Темучина женщин было достаточно, и сборка камача пошла веселее. Мужчины занимались своей работой, то есть стояли вокруг и смотрели. Поручив Мете приглядывать за постройкой шатра, Язон направился к вождю — доложить о своем прибытии.

Двое охранников у входа в камач Темучина опасливо посторонились при виде жонглера: среди рядовых воинов Язон уже завоевал некоторый авторитет.

Вождь стоял один посреди камача с окровавленным клинком в руке. Язон узнал свой нож и в замешательстве остановился у входа. Но, увидев, как Темучин метнул оружие в козью тушу, служившую мишенью, он немного успокоился. Вождь неторопливо вытащил клинок и одобрительно заметил:

— Хороший нож. Легко метать.

Язон молча кивнул, понимая, что не для обсуждения достоинств ножа его позвали.

— Расскажи все, что ты знаешь о порохе, — приказал Темучин, пробуя ладонью острие ножа.

— Я мало что могу рассказать.

— Не юли, жонглер! — нахмурился вождь. — Если у тебя будет порох, сможешь взорвать его с большим шумом? Отвечай быстро.

Язон почувствовал себя довольно неуютно. Темучин человек решительный и безжалостный; для него нет большой разницы между дохлой козой и живым жонглером; стоит ему учуять подвох, и нож немедленно полетит в Язона. А чутье у вождя тонкое...

— Я сам никогда не видел пороха, — нерешительно начал Язон, — но рассказы о нем слышал. Наверное, я смогу сделать, чтобы он взорвался.

— Так я и предполагал. — Нож с глухим звуком воткнулся в тушу. — Думаю, ты знаешь еще много интересного.

— Бывают такие секреты, которые человек обещает не раскрывать никому. Но ты, Темучин, — мой повелитель, и я клянусь всегда помогать тебе.

— Хорошо. Постарайся не забывать об этом. Теперь скажи, что ты знаешь о жизни в низинах?

— Ничего, — честно ответил Язон. Разговор принимал неожиданный для него оборот.

— И никто не знает. Пора с этим покончить. Я отправлюсь вниз. Ты поедешь со мной. Выступаем в полдень. Кроме тебя, никто не знает, куда мы едем и зачем, поэтому, если тебе дорога жизнь, не вздумай проговориться.

— Я скорее умру, чем скажу хоть слово! — заверил его Язон.

Возвратившись в свой камач, он передал их разговор Мете.

— Звучит довольно странно, — согласилась она, с трудом усаживаясь у очага. — Язон, я хочу есть, но не могу разжечь огонь.

— Наверное, у нас топливо плохое; этот помет надо как следует просушить, чтобы он хорошо горел. Вообще-то вам с Грифом не повредит что-нибудь более питательное, чем жесткое козье мясо. — Открыв сейф, он достал два пищевых набора. — А что касается Темучина, эта его затея мне тоже представляется странной. Не понимаю, как он собирается спуститься вниз по десятикилометровой отвесной стене. Знаешь что? Свяжись с Керком, сообщи ему обо всем и скажи, чтобы они забрали вас отсюда, если вдруг возникнут неприятности.

— Нет. Мы будем ждать тебя, — упрямо тряхнула головой Мета.

Достав ложку, она принялась за еду. Гриф взял второй пакет, а Язон встал у входа на страже.

— Спрячьте пакеты в сейф, потом закопаем их.

— Не беспокойся за нас, Язон. Мы сумеем за себя постоять, — вернулась к прерванному разговору Мета.

— Да, — поддержал ее Гриф. — Эта планета гораздо мягче Пирра. Только еда плохая.

Язон с нежностью посмотрел на этих двоих — избитых, но не побежденных. Он открыл было рот, но промолчал — ему действительно нечего было сказать.

Сложив в кожаную сумку припасы, которые могли понадобиться в пути, он достал миниатюрный передатчик и опустил его в полую рукоять боевого топора. Этот топор да еще короткий меч составляли все его вооружение. Хотя Язон и пытался освоить лук, но у него ничего не получилось.

Подъехав к месту сбора, он увидел, что собралось человек пятьдесят. Ни у кого не было с собой запасов продовольствия: видно, они не рассчитывали на долгое путешествие. Перехватив несколько враждебных взглядов, Язон понял, что он здесь единственный чужак, остальные были либо военачальниками высокого ранга, либо ближайшими союзниками Темучина и членами его клана.

— Я тоже умею хранить тайну, — с заговорщицким видом шепнул Язон хмурому Аханку, но в ответ получил порцию проклятий.

Вскоре появился вождь, и отряд выступил в поход. Переход оказался трудным, и Язон порадовался, что предшествовавшие недели провел в седле. Вначале они двигались к подножию какого-то холма, строго на запад, но как только лагерь скрылся из глаз и стало ясно, что их никто не видит, Темучин повернул отряд на юг и приказал ехать быстрее.

К дороге с обеих сторон подступили горы. Экспедиция двигалась от одного ущелья к другому, забираясь все выше и выше. Язон замотал рот меховой шкурой, чтобы спастись от холодного, разрывающего горло воздуха, но остальных это, казалось, не беспокоило.

На заходе солнца они наскоро перекусили холодным мясом и продолжали путь. Язон про себя одобрил такую поспешность: он во время остановки чуть не примерз к земле. Теперь они ехали вереницей — такой узкой стала дорога. Время от времени Язон, как и многие другие, слезал с седла и вел моропа в поводу, чтобы хоть немного согреться. Холодный свет звездного неба освещал путь.

На одном из перевалов, посмотрев вправо, Язон увидел вдали между скал серое море. Море! Не может быть! Они же в глубине материка... И слишком высоко... Но тут он понял: это действительно было море... Море облаков. Язон как зачарованный смотрел на облака, пока поворот тропы не скрыл их из виду. Дорога круто пошла вниз, и он догадался, что где-то впереди конец плоскогорья.

Здесь, у края пересекающего весь континент обрыва, кончалась территория кочевников. Вниз уходила отвесная стена высотой около десяти километров. Здесь менялся климат: теплые ветры с юга встречались с преградой и, подымаясь вверх, собирались в облака, которые затем обрушивали на низину проливные дожди. «Интересно, — подумал Язон, — видно ли солнце под этим постоянным облачным покрыва-

лом?» Белеющий тут и там снег свидетельствовал о том, что северные ветры изредка пробиваются сквозь преграду.

Тропа проходила через узкий перевал, и Язон увидел небольшое каменное строение, около которого стояли воины и ждали, пока проедет отряд. Путешествие явно приближалось к концу. Вскоре они остановились, и Язону приказали явиться к Темучину. Он поспешил в голову процессии.

Темучин дожевал сушеное мясо, и Язону пришлось ждать, пока вождь промочит горло полузамерзшим ачадом. Небо на востоке побледнело, и, согласно определению кочевников, наступил рассвет — момент, когда можно отличить белую козью шерсть от черной.

— Поведешь моего моропа, — приказал Темучин, закончив трапезу.

Язон ухватил усталое животное за узду и потащил его следом за вождем. Тропа, дважды резко свернув, оборвалась у широкой площадки, дальний край которой кончался обрывом. Темучин подошел туда и глянул вниз на белую массу облаков. Внимание Язона привлекли ржавые механизмы у края пропасти.

Очень внушительно выглядела массивная А-образная рама метров восьми в длину. Вершина ее нависала над пропастью, а опоры уходили глубоко в скалу. Раму укрепляли поперечный брус и подпорки, шедшие из скалы под углом в 45°. Судя по всему, сооружение выковали вручную, хотя в это трудно было поверить. Всю конструкцию покрывал толстый слой ржавчины, но местами виднелись следы смазки. С блока на конце рамы свисала толстая черная веревка, которая исчезала в пропасти.

Заинтересованный, Язон подошел поближе и принялся изучать механизм лебедки, размещенный над рамой. Механизм этот оказался довольно любопытным образчиком достижений местной инженерной мысли. Черная веревка наматывалась на большой вращающийся барабан, сидящий на железной оси толщиной с руку. Связанный со скалой четырьмя массивными кронштейнами, барабан благодаря тому, что все давление передавалось на скалу, мог выдерживать огромную нагрузку. Он соединялся с большим зубчатым колесом, около полутора метров в диаметре, а то, в свою очередь, сцеплялось с шестеренкой поменьше, которую можно было крутить при помощи длинной деревянной рукояти.

Чтобы сообразить, для чего предназначено это сооружение, не требовалось быть Архимедом или Ньютоном. Язону оставалось только восхититься строителями подъемника. Повернувшись к Темучину, он спросил:

— Это машина для спуска вниз?

— Да, — ответил тот после короткого молчания. — И нам придется ее испробовать, другого способа попасть туда нет. Эту штуку построили люди из племени Горностаев. Они клянутся, что часто пользовались ею, и рассказывают множество сказок о жизни внизу. Я не поверил бы ни единому их слову, но у них есть порох и дерево... Они будут управлять машиной, и, если что-нибудь случится, их убьют.

— Нам это не поможет... если и вправду что-нибудь случится.

— Человек рождается, чтобы умереть, — наставительно сказал Темучин. — А жизнь — это всего лишь ежедневная отсрочка неизбежного.

От неожиданности Язон даже не нашел, что ответить: он никак не ожидал услышать из уст вождя столь философское высказывание.

Послышались крики — это воины гнали с холма к лебедке несколько десятков мужчин и женщин.

— Начинайте работать, — приказал Темучин, и воины мигом окружили лебедку. — Не спускайте с них глаз и, если что-нибудь будет не так, — убейте их!

Приободренные таким образом, Горностаи приступили к работе. Хорошо зная, что надо делать, они действовали быстро и слаженно: одни вертели ручку, другие регулировали предохранители, а кто-то даже добрался до висящего над пропастью блока, чтобы смазать его.

— Я пойду первым, — сказал Темучин, надевая кожаную упряжку, закрепленную на конце черной веревки.

— Надеюсь, веревка окажется достаточно длинной, — легкомысленно заметил Язон, но, встретившись взглядом с Темучином, тут же пожалел о сказанном — вождь не любил шуток.

— Когда я спущусь, отправляй вниз моего моропа. Проследи, чтобы ему завязали глаза, иначе он взбесится. Потом спустишься сам, потом спустят твоего моропа и так далее, — объяснял вождь. — Аханк! Животных приводить к обрыву по одному, чтобы другие моропы не видели, что с ними делают. Понял?

Аханк отсалютовал.

Пленники из клана Горностаев по команде принялись вращать колесо, помогая себе криками. Когда после нескольких оборотов Темучин поднялся в воздух, барабан переключили на обратный ход, и вождь стал медленно опускаться вниз, покачиваясь на конце веревки. Подойдя к обрыву, Язон некоторое время наблюдал, как его фигура постепенно уменьшается и пропадает из виду.

Спуск продолжался очень долго. Через каждые сто метров вращение барабана замедлялось, потому что через шкив проходило место стыка двух кусков веревки, а затем скорость опять возрастала. Люди у лебедки непрерывно менялись, и работа не прекращалась ни на минуту.

— Из чего сделана эта веревка? — спросил Язон у седовласого старика, командовавшего Горностаями.

— Под обрывом встречается растение с длинными гибкими побегами. Из него получаются отличные веревки — они хорошо растягиваются, но почти не рвутся. Это растение трудно найти, и я не знаю, как оно называется.

«Наверное, какая-то лоза», — подумал Язон и вдруг увидел, что веревка начала сильно дергаться вверх и вниз. Крепко схватив старика за руку, он вопросительно посмотрел на него. Тот, сморщившись от боли, поспешил объяснить:

— Все в порядке. Просто спуск завершился и веревка освободилась от груза. Так всегда бывает, — добавил он и крикнул своим людям: — Поднимайте!

Язон отпустил его, и старик быстро отошел в сторону, потирая руку. Он говорил правду: освобождаясь от груза, эластичная лиана начинала подпрыгивать, так как резко изменялась сила натяжения.

— Давайте моропа! — приказал Язон, когда веревку вытянули обратно.

Воины привели животное. Мороп опасливо косился на пропасть, но, пока на него надевали упряжку, стоял спокойно и не проявлял никаких признаков беспокойства. Но как только кочевники завязали ему глаза и взялись за барабан, моропа словно подменили — он захрипел и судорожно забился, цепляясь когтями за землю. Однако Горностаи не растерялись, видимо, у них имелся немалый опыт в таких делах — старик, с которым беседовал Язон, взял в руки длинный молоток и ударил моропа по голове. Тот сразу обмяк, его с криками подвесили над пропастью и стали опускать.

— Моропа трудно убить, — сказал старик Язону. — Удар

по голове ему не повредит, но надо точно рассчитать силу, иначе он очнется раньше времени и оборвет веревку.

— Хороший удар! — похвалил Язон.

Все вроде бы шло нормально. Барабан со скрипом вертелся, веревка медленно уходила вниз, ничто не нарушало размеренного ритма работы.

Мороп скоро исчез из виду, и Язон, отойдя от края обрыва, уселся на землю и задремал. Внезапно раздались громкие крики, и, открыв глаза, он увидел, что веревка ходит ходуном и даже соскочила с блока.

— Оборвалась? — встревоженно спросил Язон.

— Нет. Все в порядке. Мороп спустился.

Так и должно было случиться: когда тяжелое животное сняли, веревка стала дергаться и раскачиваться еще сильнее, чем в прошлый раз.

Язон вспомнил, что он следующий, и ощутил тяжесть внизу живота. Придется приложить немало усилий, чтобы не страдать от морской болезни в этом лифте железного века.

Спуск начался не лучшим образом. Почувствовав, что земля уходит из-под ног, он инстинктивно попытался уцепиться за нее, но из этого, естественно, ничего не вышло; барабан сделал еще один оборот, и Язон повис в воздухе. Бросив беглый взгляд на облачное море под ногами, он решил больше туда не смотреть. Край обрыва медленно поднимался, вот уже исчезли угрюмые лица кочевников...

Язон старался думать о чем-нибудь смешном, но с удивлением обнаружил полную потерю чувства юмора. Медленно вращаясь вокруг своей оси, он с интересом поглядывал по сторонам, благо ярко светило солнце и в прозрачном, чистом воздухе можно было разглядеть мельчайшие детали окружающего ландшафта.

Только теперь, увидев обрыв во всей красе, он смог оценить его гигантские размеры. Влево и вправо от Язона, насколько хватал глаз, тянулась серая каменная скала. Внизу она терялась в белом море облаков, где-то там находилось подножие этой фантастической стены. Высоко над головой, на фоне голубого неба, вырисовывались острые вершины гор, но по сравнению с глыбой обрыва они казались совсем невысокими.

Рядом со всем этим великолепием Язон почувствовал себя ничтожной козявкой, которая ползет по бесконечной стене, все время оставаясь практически на одном месте.

Теперь хорошо было видно, что лебедка стоит в самом низком месте обрыва, и Язон решил, что внизу должно быть возвышение. Очевидно, только здесь веревка могла выдержать свой вес, в любой другой точке она оборвалась бы под собственной тяжестью.

Облака приближались, и вскоре его окутала туманная дымка, а еще через минуту Язон очутился в плотном сером облаке. Меньше всего он ожидал, что сможет уснуть, раскачиваясь на конце десятикилометровой веревки. Но усталость брала свое, а монотонное движение и приятный полумрак действовали убаюкивающе. Язон, расслабившись, уронил голову на грудь и через минуту сладко спал.

Проснувшись от того, что по спине течет вода, он вздрогнул и прижал воротник. Потом протер глаза и осмотрелся. Шел дождь — один из тех моросящих дождей, которые могут идти несколько суток кряду. Сквозь струи воды по-прежнему виднелась стена обрыва, но внизу ничего не было видно.

Язон достал из-за пояса боевой топор. Неизвестно еще, кого он там встретит. Может, туземцы держат здесь военный отряд для защиты от набегов кочевников.

Земля приближалась, и уже можно было различить большие валуны, выступающие из мокрой травы.

— Приготовься отстегнуться, — сказал Темучин, появляясь из тумана. — А зачем тебе топор, жонглер?

— Я подумал, что могу встретить кого-нибудь другого, — ответил Язон, засовывая топор за пояс.

Резкий рывок веревки бросил его на траву.

— Отбегай! — крикнул Темучин.

Но Язон еще не успел отстегнуться и сделал это, только когда веревку начали поднимать. Упав с приличной высоты и прокатившись по земле, он сел, потирая ушибленный бок.

— Пошли, — бросил вождь и, не дожидаясь, пока Язон встанет, двинулся вперед.

Здесь, в низине, было очень сыро и тепло. Язон несколько раз оскользнулся на мокрой траве, под ногами хлюпала грязь.

Темучин остановился у покатой скалы метров десяти высотой.

— Отсюда будешь наблюдать за спуском своего моропа. Когда он покажется, разбудишь меня. Мой пасется с той стороны скалы, смотри, чтобы он не убежал.

Не дожидаясь ответа, вождь улегся на сухую траву под скалой и натянул на лицо кусок шкуры.

— Ну да, — пробормотал Язон себе под нос. — Как раз то, чем я люблю заниматься в дождь: отличная мокрая скала и изумительный вид на черт знает что!

Забравшись на скалу, он кое-как устроился на гладкой скользкой вершине. Сонливость как рукой сняло — на твердом камне и сидеть-то было неудобно, не то что лежать.

Монотонное шуршание дождя нарушалось лишь редкими криками моропа, который радовался неожиданному пиру и, похоже, совсем ошалел от счастья. Временами дождь ненадолго прекращался, и тогда Язон мог видеть обширный зеленый луг, усеянный валунами и пересекаемый стремительными ручьями.

Пропитанные сыростью и заполненные неудобством минуты тянулись бесконечно. Ему показалось, что прошли годы, прежде чем над головой послышалось шумное дыхание и из пелены дождя появился мороп. Здоровенное животное парило в воздухе как бы само по себе, без всякой видимой поддержки, и в этом было что-то жуткое и неестественное.

Темучин проснулся, как только Язон дотронулся до его плеча, и они поспешили к месту спуска. Мороп, хрипя и вздрагивая, висел у самой земли.

— Быстрее, — приказал вождь. — Он приходит в себя.

Веревка начала колебаться, мороп царапнул когтями землю, и его опять потянуло вверх. Темучин стремительно прыгнул к животному и, обхватив его за шею, с силой притянул к земле.

— Расстегивай!

Пряжки поддались легко, и, расстегнув последнюю, Язон отбежал в сторону. Веревка пошла вверх и сорвала с моропа упряжь, разодрав ему шкуру. Животное громко закричало от боли. Упряжка с шорохом исчезла в струях дождя.

Дальше все пошло проще. Поскольку Язон знал теперь, что надо делать, Темучин оставил его за главного, а сам опять отправился под скалу, как бывалый солдат, использующий любую передышку для сна. Язон был не прочь составить ему компанию, но, исполняя приказ, сидел и ждал остальных.

Воины и моропы сходили с дождливого неба через равные промежутки времени и сразу попадали под мудрое руководство жонглера. Нескольких человек он отправил приглядывать за моропами, остальные же могли отдохнуть, кроме

Аханка, которого Язон обязал наблюдать за местностью, заявив, что у того на редкость хорошее зрение. Военачальник, похоже, не обрадовался, но подчинился безропотно.

Уже спустилось 26 человек и 25 моропов, когда всех разбудил хриплый крик Аханка. Глянув вверх, Язон различил темную тушу, летящую прямо на них. Через секунду мороп с шумом ударился о камни, а следом упал обрывок веревки.

— Привяжите к упряжке моропов, — распорядился Темучин, бросив взгляд на окровавленную тушу животного, и, повернувшись к Язону, сказал: — Вот почему я сначала отправлял человека, а потом моропа. Горностаи предупредили меня, что от долгого использования веревка рвется. Когда это произойдет, точно сказать нельзя, но она всегда рвется только под тяжелым грузом.

— Теперь я понимаю, почему ты пошел первым. Из тебя вышел бы хороший игрок.

— А я и так хороший игрок, — спокойно ответил Темучин. — У нас только две веревки, поэтому я приказал прекратить спуск, когда эта порвется. К нашему возвращению они привяжут новую веревку и спустят сюда охранника. А теперь — вперед!

Глава 10

— Могу я спросить, куда мы направляемся? — поинтересовался Язон, когда отряд медленно двинулся вниз по склону. Воины растянулись широким полукругом с Темучином в центре; четыре моропа тащили труп своего собрата.

— Нет, — отрезал Темучин, отбив у Язона всякую охоту задавать вопросы.

От обрыва, невидимого уже за пеленой дождя, начинался ровный спуск. Поросшую травой и небольшими кустами равнину пересекали ручьи и речки, сливавшиеся ниже в широкие, но мелкие потоки. Моропы переходили их вброд, удивленно фыркая, — они никогда не видели столько воды. Температура повышалась, и все развязали одежды. Язон, с радостью сняв шлем и подставив лицо моросящему дождю, стер со щек слой мази и начал подумывать о купании.

Спуск неожиданно закончился неровным утесом — внизу пенилась бурная речка. Темучин приказал сбросить в нее лишние шкуры и тушу погибшего животного. Воины подтащили моропа к обрыву, и тело с шумом упало в воду; в последний раз мелькнули когтистые лапы, мороп перевернулся и исчез.

Без колебаний Темучин направил отряд на юго-запад вдоль берега реки — видно, он знал об этом препятствии. Марш продолжался весь день. К вечеру дождь прекратился, а характер местности изменился — все чаще стали попадаться островки кустов и деревья. Впереди показался широкий утес, а за ним лес. Увидев его, Темучин приказал остановиться:

— Спать. Дальше двинемся ночью.

Язону не нужно было повторять дважды. Остальные еще не успели остановиться, а он уже спрыгнул с седла, свернулся калачиком на траве и закрыл глаза. Моропы после спуска на веревке и долгого пути тоже радовались отдыху. Вытянувшись на земле, они погрузили голову в траву и жевали ее даже во сне.

Было темно... Язону показалось, что он только что закрыл глаза, как его уже кто-то схватил за ногу стальными пальцами.

— Мы выступаем, — сказал Аханк.

Язон сел, энергично потянулся, хрустнул костями и протер глаза, пытаясь отогнать сон. Накануне, выпив остатки ачада из своего бурдюка, он наполнил его водой; теперь он отпил немного воды, а остальное вылил себе на голову — здесь не было нужды экономить.

Они построились в колонну: впереди — Темучин, Язон — одним из последних. Аханк замыкал движение, и по его косым взглядам и обнаженному мечу было ясно, что он стережет Язона. Разведывательная группа превратилась в военный отряд, и кочевники, не нуждаясь больше в помощи бродячего жонглера, ждали от него только помех. В тылу отряда Язон не мог причинить никакого вреда, а если бы и попытался, его тут же убили бы. Он понимал это и старался ехать спокойно, всем своим видом выражая покорность.

Отряд двигался абсолютно бесшумно: даже когда они вступили в лес, не раздалось ни звука. Мягкими подушечками лап каждый мороп ступал в след, оставленный идущим впереди. Кожа не скрипела, металл не звякал — призрачными тенями скользили кочевники в пронизанной дождем тишине.

Деревья расступились, и Язон увидел, что они выехали на поляну. Неподалеку виднелся свет и смутно угадывались очертания какого-то здания. Все так же молча воины повер-

нули вправо и единой линией двинулись к строению. Они уже были в нескольких метрах от него, когда внезапно появился прямоугольник света — кто-то открыл дверь, — на освещенном фоне четко выделялся силуэт человека.

— Этого взять живым, остальных убить! — выкрикнул Темучин, и, прежде чем он закончил, воины бросились вперед.

Человек в проеме с хриплым криком отпрянул назад, пытаясь закрыть дверь. Трое воинов сбили его с ног и, упав вместе с ним, остались лежать неподвижно. Язон, который как раз слезал с моропа, удивился, почему они не встают, но тотчас получил ответ. Еще пять кочевников метнулись к проему, натягивая луки. Двое, припав на колено, а трое, стоя во весь рост, разом послали в открытую дверь пять стрел, потом еще раз... Когда подошел Язон, воины уже ворвались в здание, и он вбежал следом.

Схватка почти закончилась, и небольшую, похожую на амбар комнату заполнила смерть. Жуткую сцену освещал неровный огонь свечи. Перевернутые столы и стулья были свалены в кучу, а рядом лежали мертвые и умирающие. Седой человек со стрелой в груди громко стонал, воин Темучина наклонился и коротким ножом перерезал ему горло. Послышался треск, и здание задрожало — это с тыла ворвались остальные кочевники.

Только один человек оставался в живых и продолжал сражаться — тот самый, что стоял в дверях. Высокий, с густой копной волос, в грубой домотканой одежде, он, отступив к стене, орудовал огромной дубиной. Убить его было нетрудно — хватило бы одной стрелы, но кочевники, выполняя приказ, старались захватить этого человека живым, однако никак не могли к нему приблизиться. Один воин сидел на полу, держась за ногу, второй был обезоружен на глазах у Язона — его меч со звоном отлетел в сторону.

Язон решил, что может помочь. Быстро оглядевшись, он заметил у стены полку, на которой стояла лопата с длинной ручкой — как раз то, что ему было нужно. Схватив ее, он уперся коленом в середину рукоятки, та согнулась, но не сломалась — дерево оказалось хорошо выдержанным.

— Я возьму его! — крикнул Язон, подбегая к сражающимся.

Он немного опоздал, дубинка попала одному кочевнику по руке, сломав кость и выбив меч. Язон занял место раненого и сделал обманный выпад, как будто собираясь ударить

противника по ногам. Тот быстро опустил дубину. Раздался треск... Используя силу ответного удара, Язон взмахнул лопатой и сделал выпад в голову. Противник парировал удар, но при этом вынужден был отступить от стены, и стоявший рядом Аханк ударил его плашмя мечом по голове. Крестьянин охнул и упал без чувств. Язон отбросил лопату и подобрал дубинку. Она была сделана из крепкого, гибкого дерева и стянута железными кольцами, в длину дубина достигала почти двух метров.

— Это что? — спросил Темучин, внимательно следивший за ходом схватки.

— Дубинка из дерева. Простое, но надежное оружие.

— И ты умеешь им пользоваться? Ты говорил, что ничего не знаешь о жителях низин.

Вождь говорил спокойно, но глаза его полыхали огнем, и Язон понял, что сейчас в этой комнате может стать одним трупом больше.

— Я и теперь ничего о них не знаю. Я научился владеть этим оружием дома. Там... у меня на родине каждый умеет обращаться с дубинкой.

Он не стал добавлять, что речь шла не о племени пиррян, а о его родной планете Поргорсторсаанд на другом конце Галактики. В аграрном обществе, разделенном жесткими сословными перегородками, оружие могли иметь только военные и представители аристократии. Но нельзя запретить человеку пользоваться палками, если он живет в лесу. И с дубинкой умел обращаться каждый житель планеты, а Язон одно время даже был признан чемпионом в применении этого немудреного, но весьма эффективного оружия.

Удовлетворенный ответом, Темучин отвернулся, а Язон, помахав для удовольствия дубинкой и проделав пару приемов, принялся изучать обстановку. По всей видимости, они ворвались на ферму: кругом валялись сельскохозяйственные орудия и продукты крестьянского труда. Здесь же содержалась скотина, которую кочевники перебили, как только ворвались в здание. Все приказы вождя понимались буквально и исполнялись немедленно: если Темучин сказал: «Убить!» — значит, в живых не останется никого.

Язон тут же получил подтверждение своим мыслям. Кочевники уже вовсю грабили ферму, и один воин, перевернув в поисках добычи какой-то ящик, обнаружил под ним младенца. Очевидно, ребенка спрятали в последнюю минуту, на-

деясь уберечь от гибели. Не моргнув глазом, варвар пронзил маленькое тельце мечом. Язон постарался сделать вид, что для него это обычное зрелище, но в душе содрогнулся от ужаса.

— Свяжите пленного и приведите его в чувство, — приказал Темучин, очищая от пыли упавший на пол кусок жареного мяса.

Связав крестьянину руки за спиной, его прислонили к стене и стали обливать водой. Когда после третьего ведра он так и не пришел в себя, Темучин накалил в пламени свечи кончик ножа и прижал к руке пленника. Тот дернулся, застонал и открыл глаза.

— Ты говоришь на меж-языке? — спросил Темучин.

Крестьянин быстро заговорил на непонятном языке. Вождь внимательно выслушал его и сильно ударил по свежей ране. Крестьянин пронзительно вскрикнул и опять сказал что-то на том же языке.

— Глупец не умеет говорить на нормальном языке, — констатировал Темучин.

— О Темучин, разреши мне, — выступил вперед один из воинов. — Его язык похож на язык племени Змеи, что живет на востоке у моря.

Минут через десять переговоры удалось наладить. С бесконечными повторами и поправками пленнику сообщили, что его убьют, если он откажется помогать Темучину. Никаких обещаний относительно того, что будет в случае согласия, он не получил, но понял, что в его положении выбирать не приходится.

— Мы хотим добраться до места, где есть солдаты, — добавил Темучин. — Переведи.

Пленник быстро закивал головой. Понятно, что в примитивном обществе крестьянин не испытывает любви ко всякого рода угнетателям, в том числе и к воинам, которые собирают с него налоги. По этой ли причине, или из-за страха, но туземец сразу согласился вести кочевников к крепости.

— Он говорит, что там много солдат, — сказал переводчик. — Две руки, а может быть, и пять рук... Он говорит, что крепость хорошо защищена... у солдат разное оружие... но я не могу понять, что это за оружие.

— Пять рук солдат? — Темучин улыбнулся и посмотрел на воинов. — Я испуган.

Кочевники разразились хохотом, молотя друг друга по спинам. Язон, хотя и не нашел в шутке ничего смешного, счел за благо присоединиться к остальным.

Когда смех стих, двое воинов подвели к Темучину раненого товарища.

— Что случилось? — спросил вождь.

— Нога... — хрипло сказал раненый.

— Дай взглянуть.

Воину помогли снять сапог, и, когда обнажили ногу, стало ясно, что рана очень серьезная. Коленная чашечка была разбита, а из раны торчали осколки кости. По ноге текла струйка крови. Воин наверняка испытывал страшную боль, но терпел и даже не стонал.

Язон, понимавший, что необходима срочная операция по трансплантации кости, не мог представить, что можно сделать для кочевника в этом варварском мире. Ответ не заставил себя ждать.

— Ты не можешь ходить, не можешь ездить верхом, не можешь быть воином, — объявил Темучин.

— Я знаю. — Кочевник выпрямился, оттолкнув товарищей. — Но я хочу умереть в бою. Я хочу, чтобы меня сожгли с моими большими пальцами. Без больших пальцев я не смогу держать меч и не смогу защищаться от подземных демонов.

— Ты прав. — Темучин вытащил меч. — Ты был хорошим воином и добрым товарищем — желаю тебе побед в подземных битвах. Я окажу тебе честь и сам отправлю на тот свет.

Схватка неожиданно оказалась не простой формальностью, а настоящим боевым поединком. Кочевник, несмотря на рану, сражался хорошо, отчаянно защищая свою жизнь. Но Темучин все время старался зайти со стороны сломанной ноги и в конце концов поразил воина прямо в сердце.

— Был еще раненый, — вспомнил вождь, вытирая клинок.

Вперед выступил воин с рукой на перевязи:

— Рука в порядке, даже кожа не порвана. Я могу сражаться, могу ехать верхом, но не могу стрелять из лука.

Темучин что-то прикинул в уме.

— Каждый человек на счету. Делай, что можешь, и ты вернешься в свой камач. Мы выступим, как только сожгут убитого. Жонглер, где ты?

Язон быстро подошел к Темучину, готовый выслушать приказ.

— Поедешь впереди меня... И постарайся не делать лишнего шума. — Вождь поморщился, очевидно, вспомнив о неважных воинских качествах Язона. — Эта крепость с солдатами как раз то, что мы ищем. Горностаи спускались в низину и раньше, но только по три-четыре человека, потому что спускать много моропов — опасно. Обычно они нападали на мирных жителей, но случались и стычки с солдатами, и один раз они убили солдата и захватили у него порох. Я видел этот порох и пытался поджечь его, но он просто сгорел. Однако Горностаи клянутся, что порох взрывается, и я верю им. Мы захватим порох, а ты покажешь, как его взорвать.

— Только дай мне его. Я все тебе покажу.

Они долго плутали по темному лесу, пока пленник испуганно не признался, что потерял дорогу. Обозленный Темучин несколько раз сильно ударил его и нехотя отдал приказ отдыхать до утра. Снова зарядил дождь, и кочевники укрылись под деревьями.

Язон последовал их примеру, но, несмотря на усталость, заснуть не мог — у него не шло из головы побоище на ферме.

Несколько недель он жил среди кочевников, жил как кочевник и уже успел привыкнуть к этим людям. Они не отличались добродушием, были грубы и вспыльчивы, но Язон видел, что они честны, отважны и уважают свои неписаные законы.

Но теперь у него перед глазами все время стоял пронзенный мечом ребенок... Теперь выяснилось, что кочевники еще и хладнокровные, безжалостные убийцы. И хотя они проливали кровь в соответствии со своими представлениями о жизни, это ничего не меняло.

Но Язон напомнил сам себе, что он шпион, а не этнограф. Он выполняет задание. Он должен разрушить социальную структуру кочевников и добиться открытия шахт. Это необходимо сделать независимо от того, нравятся ему варвары или нет. Все его поступки должны быть подчинены одной цели, и ради нее надо терпеть и держаться.

Язон постарался устроиться поудобней и заснуть, но беспорядочные мысли никак не давали забыться.

«Ты, Темучин, в своем роде великий человек, — подумал он. — Но я уничтожу тебя!»

А дождь лил и лил...

На рассвете они выступили. Пленный, на котором лица не было от страха, долго отыскивал дорогу, а найдя, чуть не запрыгал от радости. Поскольку рот ему предусмотрительно заткнули кляпом, крестьянин знаками объяснил, в какую сторону надо ехать, и кочевники двинулись в указанном направлении.

Неожиданно впереди послышались голоса и треск ветвей. Отряд моментально остановился. Аханк приставил меч к горлу пленника, а остальные бесшумно расчехлили луки. Из-за поворота показались два человека. Пройдя несколько шагов, они замерли, увидев неподвижных всадников. Секунду спустя засвистели стрелы...

— Что это у них в руках? — спросил Темучин у Язона.

Тот спрыгнул с моропа и перевернул труп носком сапога. На убитом были легкие латы и шлем, у пояса висел меч, а в руке он все еще сжимал примитивный мушкет. Язон подобрал оружие.

— Я слышал, что эта штука называется «ружье». Оно убивает при помощи пороха. Когда вот этот рычажок ударяет вот по этому камешку, вылетают искры, которые поджигают порох. Порох взрывается и выталкивает вот из этой трубки кусочек железа, который убивает не хуже, чем стрела.

Подняв голову, Язон увидел с десяток направленных на него луков. Он осторожно положил ружье и снял с пояса убитого два небольших мешочка.

— Ну да, кусочки железа, а вот и порох.

Он протянул один мешочек Темучину.

— Здесь его не очень-то много, — заметил тот.

— Для ружья много и не надо. Но там, откуда пришли эти люди, наверняка должен быть большой запас.

— Я тоже так думаю, — согласился вождь и махнул рукой.

Быстро отрубив мертвецам большие пальцы, кочевники отволокли трупы в сторону. Темучин взял оба мушкета.

Минут через десять они выехали на опушку леса. Здесь начинался большой луг, который пересекала широкая спокойная река. На берегу реки стояло небольшое укрепление с высокой башней над входом.

— Пленный говорит, что это то самое место, — доложил переводчик.

— Спроси, сколько входов у этого здания.

— Он говорит, что не знает.

— Убейте его!

Блеснул меч, и труп оттащили в сторону.

— С этой стороны видны только дверь и узкие отверстия, наверное, для стрельбы. Мне это не нравится, — вслух размышлял Темучин. — Пошлите двух человек, пусть они обойдут вокруг здания. Жонглер, а что это за круглая штука на стене?

— Точно не знаю, но, скорее всего, это тоже ружье, только очень большое. Очевидно, оно стреляет большими кусками железа.

— Я тоже так думаю, — согласился вождь.

Тем временем разведчики бесшумно исчезли в кустах. Если учесть, что кочевники ухитрялись прятаться на абсолютно голой равнине, то неудивительно, что в густом лесу они просто растворились. Воины с хищным нетерпением ожидали возвращения лазутчиков.

— Так я и думал, — удовлетворенно кивнул Темучин, когда ему доложили результаты разведки. — С той стороны такая же дверь у самой воды. Ночью мы легко захватим эту крепость, но я не хочу ждать ночи. Сумеешь выстрелить из этого... ружья?

Последние слова были обращены к Язону, и тот нехотя кивнул головой. Заметив, что кочевники притащили трупы солдат, он начал понимать, куда клонит вождь. В армии Темучина сражались все, даже играющий на лютне эксперт по пороху. Возражать не имело смысла. Темучин во что бы то ни стало хотел открыть дверь, а Язон лучше всех подходил для этого дела.

Затерев пятна крови, он надел мундир и, подозвав переводчика, заставил его повторять фразу «Открой быстрее» на местном языке, пока не выучил ее наизусть.

— Ты помнишь, что надо сделать? — спросил вождь.

— Все очень просто. Я иду к крепости, а вы ждете на опушке. Я прошу их открыть. Они... открывают. Я вхожу и держу дверь открытой до вашего появления.

— Мы будем очень скоро.

— Я в этом не сомневаюсь, но тем не менее буду чувствовать себя очень одиноко.

По-прежнему лил дождь, и Язон, насыпая порох на полку ружья, прикрыл его шлемом, а потом завернул мушкет в шкуру — он очень не хотел осечки.

— Эта штука выстрелит только один раз, — обратился он

к Темучину. — А этот меч не внушает мне доверия. Могу я на время взять у тебя пиррянский нож?

Темучин кивнул и протянул ему оружие, Язон нацепил нож на пояс.

— Иди, жонглер, — приказал вождь.

Язон холодно улыбнулся в ответ и пошел.

Сначала пришлось пробираться сквозь густой подлесок, и, не одолев и пятидесяти метров, он вымок по пояс. Правда, по сравнению с тем, что ждало его в крепости, это были всего лишь незначительные неудобства. Язон проклял порох, Темучина, свой длинный язык и, крепко выругавшись, зашагал дальше. Дождь усилился, и здание едва виднелось сквозь завесу воды; под ногами чавкала грязь и пенились лужи, а чужой шлем вонял потом.

Выйдя из-под прикрытия деревьев, он направился к реке и вскоре достиг берега. Вода в реке бурлила в водоворотах, смешиваясь с оползающей грязью. Пригнув голову, Язон побрел в сторону крепости, ежеминутно оступаясь на скользкой глине.

Минут через пять он добрался почти до самого укрепления, но дозорные на башне пока что его не замечали. Поглядывая на торчащую над стеной пушку, Язон направился к двери. В этот момент из башни выглянул часовой и что-то крикнул. Язон, не останавливаясь, помахал ему рукой. Солдат окликнул его вторично — Язон махнул рукой и хрипло прокричал: «Открой!», очень надеясь, что произносит это слово правильно. Явно не удовлетворенный таким ответом, часовой продолжал что-то кричать, но Язон уже достиг мертвой зоны под стеной, и теперь его не было видно с башни.

Массивная деревянная дверь высотой в два человеческих роста была обита полосками железа и выглядела очень внушительно. Язон толкнул ее плечом — дверь не поддавалась. Неожиданно раздался неприятный звук, и из бойницы справа от входа показался ствол мушкета. Вжавшись в дверь, чтобы его не могла достать пуля, Язон забарабанил по ней прикладом:

— Открой быстрее! Открой!

Внутри послышались шум и голоса — в крепости происходило какое-то движение. Сердце у Язона чуть не выпрыгивало из груди, пульс бешено стучал в ушах, по лицу струился пот, смешиваясь с дождем... Что делать? Бежать? Но тогда в него будут стрелять и те, и другие, и кто-нибудь обязательно

попадет. Остаться? Но нельзя же вечно сидеть здесь — в мышеловке, которая в любой момент может захлопнуться.

Он собрался еще раз ударить в дверь прикладом и тут услышал звон цепей и скрежет засовов. Судорожно сорвав с мушкета шкуру, он взвел курок и напрягся, готовясь к рывку.

Когда дверь медленно приоткрылась, Язон сунул в щель ствол мушкета и налег плечом, стараясь открыть ее пошире. Краем глаза он уже видел квадратный крепостной двор и испуганное лицо солдата, отпиравшего дверь. Язон изо всех сил рванулся вперед, солдат отлетел в сторону, дверь распахнулась... Он увидел, что напротив входа выстроились солдаты с ружьями на изготовку. Стволы мушкетов смотрели прямо ему в грудь, и Язон понял, что стоит на пороге смерти.

Бей первым и никогда не останавливайся на полпути — таков закон кочевников, и они абсолютно правы. Прежде чем кто-нибудь успел двинуться с места, Язон с криком прыгнул в самую гущу врагов и спустил курок. Выстрел гулко разнесся по каменному двору, и один солдат упал. Это было последнее, что Язон помнил отчетливо.

Кажется, в прыжке он сбил двух человек, и вокруг него началась свалка. Вскочив на ноги, Язон опрокинул еще двоих и, выхватив нож, принялся рубить направо и налево. Один солдат, раненый или мертвый, упал прямо на него, и, прикрываясь его телом, Язон продолжал орудовать ножом. Кругом раздавались крики, стоны и звон оружия.

Неожиданно резкая боль вспыхнула в ноге и почти сразу — в боку и в руке. У него зазвенело в ушах, закружилась голова, и, рубанув еще раз наугад ножом, он упал на землю. Над ним появился разъяренный офицер — его меч, со свистом рассекая воздух, опускался Язону на голову. С трудом парировав страшный удар, он всадил нож офицеру в пах. Хлынула кровь, и враг упал. Язон отшвырнул труп, готовясь встретить следующего нападающего...

В этот момент в дверь ворвался первый кочевник с обнаженным мечом в руке — это был сам Темучин. Чуть не вылетев из седла, он резко осадил моропа посреди двора, и двое солдат замертво упали под его страшными ударами. С этой минуты не было никакого сомнения в исходе битвы.

Предоставив кочевникам самим разбираться дальше, Язон поднялся на ноги и привалился к стене. Звон в ушах утих и перешел в негромкое гудение. На шлеме обнаружилась большая вмятина, но голова, к счастью, была цела. Неглубокая рана под ребрами и порез на руке сильно кровоточили, но никакой опасности для жизни не представляли. Рана на ноге оказалась самой серьезной, так как вражеский клинок задел мышцы. Нога сильно болела, но двигаться Язон мог, хотя и с некоторым трудом. Он очень обрадовался этому обстоятельству, потому что вовсе не хотел погибнуть от меча Темучина, даже если потом его сожгут вместе с его большими пальцами.

Бой близился к концу, однако, судя по крикам, внутри здания еще сопротивлялись. Но солдаты, никогда не имевшие дела с таким противником, как кочевники, погибали один за другим. Мушкеты теперь оказались совершенно бесполезны, стрела разила быстрее и точнее. Двор был усеян трупами, кровь смешивалась с дождевой водой. У входа, там, где его остановила пуля, лежал мертвый кочевник — единственная потеря атакующих.

Язон уловил какое-то движение на башне, но, прежде чем он успел пошевелиться, звякнула тетива, и солдат, выглянувший из-за зубца стены, сполз обратно со стрелой в груди. Крики вскоре прекратились, стоны затихли — крепость пала...

Во дворе появились кочевники и молча засновали среди трупов, совершая свой отвратительный ритуал. Из здания вышел Темучин с окровавленным мечом в руке и, указывая на груду тел у входа, сказал военачальнику:

— Трое из них принадлежат жонглеру. Пальцы остальных — мне.

Военачальник отсалютовал и достал кинжал.

Вождь повернулся к Язону:

— Там внутри много всяких вещей. Иди найди порох.

Заметив, что он все еще держит в руке нож, Язон вытер его об одежду и протянул Темучину. Тот молча взял нож и пошел обратно в здание.

Язон, стараясь идти как можно ровнее, направился к складу, вход в который охранял Аханк. В большом помещении с низким сводчатым потолком лежали мушкеты, мечи, ядра, корзины с пулями и несколько коротких толстых стволов, забитых деревянными пробками.

— Вот, — указал на них Язон, останавливая Темучина, который хотел подойти поближе. — Не ходи туда. Видишь серые зерна на полу? Это порох, а он может взорваться от случайной искры. Нужно расчистить дорогу.

Наклон вызвал сильную боль в боку, но Язон, стараясь не

обращать на это внимания, с помощью обрывков одежды расчистил проход через всю комнату. Оказалось, что порох просыпался из открытого ствола. Ссыпав его обратно и тщательно закупорив ствол, Язон осторожно поднял его и передал Аханку.

— Не бросать, не наклонять, не держать вблизи огня, не дать отсыреть, — быстро объяснял он. — Пришли сюда... раз, два... девять человек за остальным порохом. Передай им то, что я сказал тебе.

В этот момент снаружи послышался сильный грохот. Подбежав к окну, Язон увидел, как от башни откололся большой камень и во двор посыпались осколки; дождь прибивал к земле густое облако пыли. Раздался еще один взрыв, и задрожали стены. Вбежал кочевник, громко крича что-то на своем языке.

— Что он говорит? — спросил Язон.

— Приближаются солдаты. Они стреляют из больших ружей. Много рук солдат — больше, чем можно сосчитать.

Глава 11

Никто не проявлял никаких признаков беспокойства. Война есть война. Ни дождь, ни чуждое окружение, ни новое оружие — ничто не могло поколебать кочевников. Люди, атаковавшие космический корабль, лишь презрительно улыбались при звуках артиллерийского огня.

Пока Аханк руководил переноской пороха, Темучин поднялся на башню, чтобы посмотреть на приближающегося противника. Вокруг свистели пули, в стены крепости ударили ядра, но вождь неподвижно стоял на смотровой площадке и, только разглядев все, что хотел, спустился вниз и стал отдавать приказы своим людям.

Язон вышел из склада последним и обнаружил, что в крепости остался только Темучин.

— В эту дверь, — приказал вождь, указывая на выход к опушке. — Там наши моропы. По моему приказу воины с порохом отступают к лесу. Остальные задержат солдат.

— Сколько человек нас атакуют? — спросил Язон.

— Много. Две полные руки, а может, и больше. Иди, жонглер, солдаты уже близко.

И в подтверждение его слов в узкие бойницы влетело несколько пуль, а за стеной послышались крики наступающих.

«Как он сказал? — пытался сосчитать Язон, выходя из крепости. — Две полные руки... Рука — это все пальцы человека — двадцать. Полная рука — значит сотня. Такой счет у кочевников». А их осталось двадцать три человека, и то если никто больше не погиб при штурме крепости. Девять воинов несут порох, Язон при них как специалист. Остается тринадцать. Против нескольких сотен! Принимать бой при таком неравенстве сил — это настоящее безумие.

События тем временем стремительно развивались. Кочевники, назначенные Темучином носильщиками пороха, уже во весь опор мчались к лесу. С трудом взгромоздившись на моропа, Язон последовал за ними и успел миновать угол крепостной стены за минуту до появления первых солдат.

Тринадцать всадников яростно обрушились на противника. Оглянувшись, Язон увидел брошенные пушки и разбегающихся во все стороны солдат. Кочевники дрались отчаянно и не знали жалости к врагу.

Но Язон уже въехал в лес, и ему пришлось отвлечься, чтобы увернуться от бьющих по лицу веток. Воины Темучина ждали его под деревьями. Вскоре послышался топот и на опушке показались семь моропов, на одном из них сидели два всадника. С каждой стычкой силы кочевников таяли.

— Вперед, — приказал Темучин. — Обратно пойдете тем же путем, что и сюда. Мы останемся и встретим погоню, если она будет.

В пути Язону пришлось худо: раны, которые он не успел вовремя перевязать, болели и кровоточили. Сделать перевязку сейчас, сидя на горбатой спине моропа, он не мог, и как назло аптечки под рукой не было — он не рискнул взять ее с собой.

Когда отряд миновал разграбленную ферму, их догнал Темучин с остатками арьергарда. После этого Язон окончательно потерял ориентацию и впал в полубессознательное состояние. Туманный лес стоял вокруг стеной, все тропинки казались одинаковыми, но кочевники, руководствуясь природным чутьем, без труда отыскивали дорогу. Отряд упорно двигался вперед, хотя измученные моропы все время спотыкались, и только острые шпоры всадников не давали им остановиться совсем.

Завидев реку, Темучин поднял руку.

— Всем спешиться, — велел он. — Возьмите из сумок самое необходимое. Моропов мы оставим здесь. Идите по одному к берегу.

И вождь быстро направился к реке, таща за собой ослабевшее животное.

Язон, который от усталости и боли уже ничего не соображал, послушно слез с моропа, совершенно не понимая, зачем все это нужно. Доковыляв до берега, он увидел, что моропы куда-то исчезли.

— Все взял? — спросил Темучин, принимая у него узду и доставая нож.

Язон кивнул. Вождь коротким ударом перерезал животному горло и, увернувшись от фонтана крови, столкнул моропа в воду.

— Машина не может поднять моропов. А оставить их у обрыва нельзя, иначе об этом узнают и поставят там охрану. Дальше пойдем пешком. Ты сможешь идти? — подозрительно спросил Темучин, глядя на ногу Язона.

— Конечно! Я прекрасно себя чувствую. Подумаешь — небольшая прогулка после нескольких бессонных ночей и сумасшедшего рейда. Идем! Мы доставим в лагерь порох, и я покажу тебе, как надо делать взрывы, — напомнил он на всякий случай.

Прогулка получилась не из приятных. Они не останавливались ни на минуту, и Язон совсем выбился из сил, хотя его и освободили от неприятной обязанности тащить ствол с порохом. Подниматься по скользкому склону оказалось невероятно тяжело: нога страшно болела, а раны кровоточили при каждом движении. Язон упал... Воины безразлично прошли мимо и вскоре скрылись в пелене дождя. Поднявшись на ноги, он вытер пот со лба и, шатаясь от усталости, побрел вперед. На вершине ближайшего холма появился Темучин. Глянув на Язона, он потянулся за мечом — Язон заторопился, понимая, что если он сейчас упадет, то составит компанию моропам.

Наверное, прошло очень много времени, прежде чем он наткнулся на сидящих в высокой траве кочевников.

— Темучин поднимается, — сообщил Аханк. — Ты пойдешь вторым. Каждый из первых десяти человек берет с собой ствол с порохом.

— Отличная мысль, — пробормотал Язон, падая в мокрую траву.

Дальнейшее он помнил довольно смутно. Когда спустилась веревка, на Язона надели упряжку, привязав к ней драгоценный ствол с порохом. На этот раз он уснул, как только начался подъем, а разбудили его уже наверху.

Потом было еще долгое путешествие к лагерю. Подъехав к своему камачу, Язон не мог даже слезть с моропа.

— Мета... — прохрипел он. — Помоги раненому ветерану...

Мета выглянула из камача и в ужасе отшатнулась. Потом, взяв Язона на руки, она отнесла его в шатер. Случайные зрители были в полном восторге...

— Тебе нужно что-то съесть, — строго сказала Мета. — Довольно пить.

— Ерунда. — Язон отпил из чашки и облизал губы. — Я потерял много крови и слишком устал, чтобы есть. Аптечка, кстати, то же самое показывает.

— Аптечка также показывает, что тебе необходимо сделать переливание крови.

— Здесь это несколько затруднительно организовать. Я лучше буду пить много воды и есть каждый день свежую козью печенку.

— Откройте! — крикнул кто-то, нажимая на входной клапан. — Я говорю голосом Темучина.

Мета сунула аптечку под шкуру и пошла к выходу. Гриф подобрал с пола копье и взвесил его в руке.

В проеме появилось лицо воина.

— Ты должен немедленно явиться к Темучину, жонглер.

— Скажи ему, что я скоро буду.

Воин хотел было возразить, но Мета схватила его за нос и вытолкнула наружу, а затем снова завязала клапан.

— Ты не можешь идти, — повернулась она к Язону.

— У нас нет выбора. Рану мы зашили вручную, а с антибиотиками здесь никто не знаком. Думаю, все будет в порядке.

— Я вовсе не это имела в виду.

— Я знаю, что ты имела в виду, но, к сожалению, тут мы ничего не можем поделать, — ответил Язон, прижимая к руке аптечку. — Я прекрасно понимаю, что потеряю годы жизни из-за этих стимуляторов, но надеюсь, что кое-кто это оценит.

Когда он встал, Мета бросилась к нему.

— Нет, ты не можешь идти! — воскликнула она, хватая его за руки.

Язон осторожно высвободился и нежно поцеловал ее.

— Язон, мне это не нравится. Я ничем не могу помочь тебе?

— Можешь, но не сейчас. В данный момент я иду показывать Темучину большой взрыв, а после этого мы сможем вернуться на корабль. Я скажу, что отправляюсь за племенем пиррян, и это будет чистая правда. Колесо судьбы вращается, фортуна нам улыбается, и скоро новый день взойдет над Счастьем.

От лекарств у него прояснилось в голове, настроение улучшилось, и он почти поверил в свои слова.

Темучин ждал в своем шатре; по нему совершенно не было заметно, что всего несколько часов назад он вернулся из трудной и опасной экспедиции.

— Взорви их! — велел вождь, указывая на стволы с порохом в углу камача.

— Не здесь и не все сразу, если ты только не замышляешь массового убийства, — ответил Язон. — Мне нужен какой-нибудь сосуд.

— Тебе принесут все, что нужно.

Темучин, видно, хотел, чтобы опыты с порохом хранились в тайне, и Язона это устраивало. Развалившись на мягких шкурах, он лениво грыз кусок жареного мяса, дожидаясь, пока доставят все необходимое.

Вскоре принесли несколько пузатых глиняных горшков, и он выбрал один из них — маленький, с узким горлышком. Вытащив пробку из ствола с порохом, Язон осторожно пересыпал порох в горшок и затолкал туда кусок замши. Затем, приготовив в плошке вязкую смесь из навоза, воды и грязи, он замазал горлышко. Темучин стоял рядом и внимательно наблюдал за процессом создания нового оружия.

— Мне говорили, что порох должен быть полностью закрыт, — пояснил Язон. — Если где-нибудь будет отверстие, оттуда вырвется огонь и порох просто сгорит.

— Как туда попадет огонь? — нахмурился вождь.

Язон взял большую иглу, которой сшивают шкуру для камачей.

— Ты задаешь правильный вопрос. Смотри, пробка высохла, и я могу проделать в ней отверстие. Теперь при помощи этой иглы я просуну в отверстие обрывок ткани — я специально прихватил эту ткань из низины. Она пропитана маслом

и должна хорошо гореть. — Он взвесил глиняную бомбу в руке. — Думаю, можно начинать.

Темучин вышел из шатра, и Язон, с горшком в одной руке и с масляной лампой в другой, последовал за ним. Перед камачем вождя было расчищено большое пространство, и воины сдерживали толпу любопытных. Пронесся слух, что Темучин проводит какие-то таинственные и очень опасные опыты, и сюда со всего лагеря сбежались кочевники.

Язон осторожно положил бомбу на землю и громко сказал:

— Если сработает, будет сильный гром, дым и пламя. Некоторые знают, о чем я говорю.

Поднеся лампу к фитилю, он дождался, пока ткань загорится, после чего быстро направился к камачу. Даже наркотики не могли заглушить его беспокойства по поводу успеха мероприятия, и опасения эти оказались не напрасными.

Фитиль некоторое время дымил, а потом погас. Язон продолжал чего-то ждать, не обращая внимания на нетерпеливый гул в толпе; у него не было ни малейшего желания подходить сейчас к бомбе — она могла взорваться прямо ему в лицо. Лишь когда Темучин с грозным видом взялся за меч, Язон пошел взглянуть, что же случилось.

— Фитиль погас раньше, чем надо, — глубокомысленно сообщил он вождю. — Нужен другой фитиль. Сейчас я все сделаю. Пусть никто не приближается к бомбе до моего возвращения.

Прежде чем кто-либо успел возразить, он скрылся в камаче.

Хорошие фитили делаются из пороха и горят даже без доступа воздуха. Пороха у него достаточно, но во что его завернуть? А что, если?.. Убедившись, что вход в камач плотно закрыт, Язон порылся в сумке и достал оттуда аптечку; он принес ее, невзирая на риск, потому что не хотел свалиться без памяти в самый неподходящий момент. В камере анализатора, под ампулами лежал небольшой листок бумаги с инструкцией. Вот то, что ему нужно!

Фитиль получился быстро, и, закончив работу, Язон натер бумагу маслом и сажей, чтобы она походила на тряпку.

— Должно сработать, — пробормотал он, выходя из шатра.

Заминка продлилась дольше, чем он думал, и кочевники уже открыто смеялись, а Темучин стоял у входа с белым от

ярости лицом. Стараясь не слушать язвительных замечаний в адрес глупого жонглера, Язон проковырял новое отверстие в пробке и вставил туда фитиль.

Бумага ярко вспыхнула, разбрасывая искры. Кинув взгляд на пламя, Язон повернулся и побежал...

На этот раз результат был налицо: бомба взорвалась с оглушительным грохотом, и глиняные осколки полетели во все стороны, пробивая стены камачей. Язон не успел отбежать достаточно далеко, и взрывная волна опрокинула его на землю. С трудом поднявшись, он ощупал себя и убедился, что не пострадал. Темучин по-прежнему неподвижно стоял у входа в свой камач, но выглядел удовлетворенным. Вокруг раздавались восторженные крики зрителей.

— Можешь сделать большую бомбу, жонглер? — спросил вождь, и жажда разрушения сверкнула в его глазах.

— Их можно делать любого размера. Скажи, для каких целей тебе нужны бомбы, и я смогу что-нибудь посоветовать.

В этот момент внимание вождя отвлекло движение на противоположной стороне площади: группа людей на моропах прокладывала себе дорогу через толпу, и зрители недовольно шумели.

— Кто приближается без разрешения? — повысил голос Темучин и потянулся за мечом; его охранники обнажили оружие и придвинулись ближе к вождю.

Толпа наконец расступилась, и к вождю подъехал всадник.

— Что за шум? — спросил он властным голосом, в котором слышалась давняя привычка командовать.

Голос показался Язону очень знакомым...

Керк!

Темучин в гневе двинулся вперед, охрана — за ним. Керк быстро спешился, к нему присоединились Рес и другие пирряне. Назревала схватка.

— Подождите! — Язон бросился между ними. — Это мое племя! Это пирряне. Они пришли, чтобы присоединиться к армии Темучина. — Он подмигнул Керку: — Успокойтесь! Склоните головы, иначе вас уничтожат.

Керк, как будто и не слыша его, остановился и, взявшись за меч, раздраженно посмотрел на Темучина. Тот со своим отрядом надвигался, как лавина, и Язону пришлось отступить в сторону, чтобы его не раздавили. Темучин остановился, только когда носки его сапог коснулись Керка.

Вожди молча смотрели в глаза друг другу. Со стороны казалось, что у них много общего: видно, Керк хорошо изучил отчеты Язона.

— Я Керк — вождь пиррян, — сказал он, чуть вытягивая меч из ножен.

— Я Темучин — вождь всех племен. Ты должен склониться передо мной.

— Пирряне ни перед кем не склоняются!

У Темучина глухо булькнуло в горле, и он начал вытаскивать меч. Язон с трудом преодолел желание закрыть глаза и убежать. Сейчас начнется кровавое побоище!

Но Керк знал, как поступить. Перехватив руку Темучина, чтобы не дать тому обнажить оружие, он с достоинством обратился к нему:

— Я пришел не для битвы. Но я пришел к тебе как равный. Мы будем разговаривать.

Они по-прежнему смотрели в глаза друг другу. Темучин напрягся и покраснел, вены на лбу вздулись, но вытянуть меч из ножен ему никак не удавалось. Хотя вождь варваров обладал недюжинной силой, Керк сдерживал его напор безо всяких видимых усилий. Молчаливая борьба продолжалась несколько секунд... И когда уже казалось, что у кого-нибудь не выдержат нервы, Керк улыбнулся... Чуть заметно, уголками рта, так, чтобы это видели лишь стоящие рядом Темучин и Язон. Одновременно пиррянин с силой надавил на руку вождя, и меч Темучина ушел в ножны.

— Я пришел не для битвы, — повторил Керк ровным голосом. — Юнцы могут биться друг с другом. Мы — вожди, мы будем разговаривать!

Он разжал руку так внезапно, что Темучин пошатнулся и замер на месте. Рассудок боролся в нем со свирепостью варвара. В молчании прошло еще несколько напряженных секунд... И вдруг Темучин, разразившись хохотом, дружески хлопнул Керка по плечу. Такой удар мог свалить моропа, но пиррянин лишь улыбнулся в ответ.

— Ты должен мне понравиться! — крикнул вождь. — Если я раньше не убью тебя. Пошли в мой камач. А ты оставайся здесь! — приказал он Язону, взглянув на него так, будто тот один был в ответе за все происходящее.

Язон не особенно огорчился: лучше ждать на холоде, чем присутствовать при стычке в шатре. В том, что стычка произойдет, он почти не сомневался, потому что был не очень

высокого мнения о дипломатических способностях обоих вождей. Гневные голоса в камаче звучали все громче, и Язон съежился в ожидании неизбежной развязки. На него опять навалилась усталость, и он опустился прямо на холодную землю — сидеть все же легче.

В шатре наступила зловещая тишина... Язон заметил, что даже стражники обмениваются тревожными взглядами. Неожиданно с треском лопнули ремни входного клапана, и из камача, сбив плечом опорный столб, вышел Керк. Мельком увидев в проеме искаженное злобой лицо Темучина, Язон вскочил и заторопился за Керком.

— Что там произошло? — спросил он у пиррянина.

— Ничего особенного, — ответил тот. — Мы начали говорить, но никто не хотел уступать. Пока что ничья.

— Вы должны были ждать моего возвращения. Почему вы пришли раньше? — спросил Язон, хотя знал ответ заранее.

— А почему бы и нет? Пирряне не могут отсиживаться в горах и выполнять обязанности тюремщиков. Мы решили сами взглянуть, что здесь творится. По дороге у нас было много стычек с варварами, так что все чувствуют себя превосходно.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — согласился Язон. Больше всего ему хотелось сейчас очутиться в своем камаче и залезть под теплые шкуры.

Глава 12

Они вернулись из Земли
Сырости,
Они вернулись с большими
пальцами в своих сумках,
Рассказывая о славных убийствах
В землях под обрывом...

Из «Песни о Темучине»

За стенами камача свистел ветер, через дымовое отверстие влетали снежинки, но внутри было тепло и уютно — атомный нагреватель давал много тепла. Язон с удовольствием приложился к большой бутылке, привезенной Керком, — ром был гораздо приятней ачада. Рес принес ящики с нормальными продуктами, и Мета их открывала.

— Это свинина, — сказала она, когда Язон потянулся к пакетам с мясом. — Ты уже взял один.

— Первый я съел просто ради удовольствия. А этот — для восстановления сил. Как-никак я проливал кровь в низине и должен теперь основательно подкрепиться, — ответил Язон, жадно поглощая горячее мясо. — Керк, а где вы взяли столько орлиных черепов? У каждого пиррянина на шлеме череп. Это производит сильное впечатление на туземцев, но неужели на этой планете и впрямь столько орлов?

— Может, и нет. — Керк провел пальцем по черепу. — Мы подстрелили одного и набили чучело, а все остальные отлиты из пластика. Точные копии, никто ничего не заподозрит. А теперь скажи, что будет дальше?

— Терпение. Операция продлится еще какое-то время. Впереди у нас много сражений, так что вы будете довольны. Позвольте доложить вам о том, что я узнал со времени нашей последней встречи. Темучин объединил большинство племен равнины. Он очень умный человек и прирожденный вождь, поэтому он постоянно воюет. Одна из главных заповедей любого полководца гласит, что армия должна все время находиться в действии, иначе она начнет разлагаться. Как только Темучин покончил с первой экспедицией, он нашел два племени, с которыми враждовало большинство кочевников, и уничтожил их. Полагаю, что он собирается повторять подобные акции. Сложилась ситуация, при которой можно быть или с ним, или против него, но нельзя оставаться нейтральным. Немногие вожди, попытавшиеся выступить против нового режима, нашли такую страшную смерть, что больше никто и не помышляет оспаривать его власть в союзе племен.

Керк покачал головой.

— Если он объединил всех, то что мы можем сделать?

— Убить его, — предложила Мета.

— Посмотрите, что делает с женщиной пребывание в варварской среде, — сокрушенно вздохнул Язон. — Впрочем, я тоже думал об этом. В таком случае союз, конечно, развалится, но мы ничего не выиграем. При первой же попытке заложить шахту мы получим себе на беду нового вождя, и нападения возобновятся. Я предлагаю поступить иначе. Ты, Керк, не совсем прав: он объединил не все племена, а только сильнейшие из них. По равнине кочует немало мелких племен, о которых он не считает нужным беспокоиться. Но в горах се-

вера живут племена, принадлежащие к клану Ласки, которые издавна гордятся своей независимостью. Они часто воюют друг с другом, но выступают вместе против любой внешней угрозы. Сейчас такая угроза — Темучин. Вот наш единственный шанс!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Рес.

— Темучин наверняка развяжет войну против Ласок. Мы присоединимся к нему и будем ему помогать. Пирряне будут отлично сражаться и покроют себя славой, а я позабочусь, чтобы Темучин совершил побольше ошибок. В результате, вернувшись с войны, Керк займет место Темучина; это жестокое общество — здесь никто не помнит прежних заслуг. В этой операции примут участие все, кроме Реса.

— А я что буду делать? — удивленно спросил Рес.

— Ты будешь выполнять часть нашего плана. Мы не обращали внимания на земли под обрывом, однако там довольно развита земледельческая культура. Темучин спускался туда с отрядом в поисках пороха, я думаю, он хочет использовать его против горных племен. Я помогал Темучину в его поисках и все время держал глаза широко открытыми. Кроме пороха, там есть кремневые ружья, артиллерия, мундиры и мешки с мукой. Это очевидные доказательства.

— Доказательства чего? — Керк был раздражен. Он предпочитал иметь дело с простыми умозаключениями.

— По-моему, и так ясно. Доказательства существования довольно высокой культуры. Центральное правительство, налоги, литье, ткачество...

— Как ты узнал все это? — поинтересовалась Мета.

— Я расскажу тебе ночью, дорогая, когда мы будем одни, сейчас это прозвучало бы как хвастовство. Тем не менее я знаю, что мои заключения верны. Там внизу есть поднимающийся средний класс, и держу пари, что это банкиры и торговцы. Рес станет одним из них. Посмотрите, вот ключ к успеху. — Он достал из сумки металлический кружок и подбросил его на ладони.

— Что это? — спросил Рес.

— Деньги. Монета нижнего государства. Это ось, на которой вращается торговый мир. Мы исследуем сплав и изготовим партию точно таких же. Ты возьмешь их с собой, откроешь лавку и приготовишься к следующему этапу.

Рес с сомнением посмотрел на монету.

— А теперь по правилам игры в вопросы и ответы я должен спросить, в чем заключается следующий этап?

— Верно. Ты быстро схватываешь суть, и, кажется, ты единственный, кто внимательно слушает, когда я говорю.

— Ты слишком много говоришь, — заметила Мета.

— Согласен. Но это единственный мой недостаток. Следующий этап заключается в том, что объединенные под властью Керка племена приветливо встретят Реса, когда он приплывет сюда с товарами. Континент делится на две части неприступным обрывом, но никто не убедит меня, что на севере нет места, где может пристать судно. Я уверен, что в прошлом здесь пролегали морские дороги. Сейчас кочевникам эти пути неизвестны, а жители низин, несомненно, корабли имеют, но их ничто не привлекает в этих суровых землях. Скорее наоборот. Мы это досадное недоразумение исправим. Торговля быстро изменит нравы кочевников, и на равнинах наступит новая эра. За несколько поношенных шкур варвары смогут получить все блага цивилизации и будут очень довольны. Может быть, им понравится ром, табак или стеклянные бусы... И тогда отомрут их табу. Вначале мы построим причал на берегу, где будет происходить торговля, затем — несколько навесов, чтобы защитить товары от дождя и снега. Дальше больше. Мы возведем постоянный поселок и торговый центр — и именно на том месте, где должна быть шахта. Следующий шаг очевиден.

Споров было много, но только по отдельным деталям. В целом против плана Язона никто не возражал — план был простым, вполне выполнимым и точно указывал каждому, чем следует заниматься. Недовольна осталась только Мета, которой уже надоело доить коз и таскать навоз, но, как истинная пиррянка, она молчала.

Собрание закончилось очень поздно; Гриф уже уснул. Атомный нагреватель выключили и спрятали, но в камаче сохранялось приятное тепло. Язон опустился на шкуры и утомленно вздохнул. Мета легла рядом и положила подбородок ему на грудь.

— Что будет, когда мы победим? — спросила она.

— Не знаю, — устало сказал Язон. — Еще не думал об этом. Сначала нужно победить.

— А я думала. Для пиррян это будет означать конец борь-

бы. Мы останемся здесь и построим новый город. А что будешь делать ты?

— Я как-то не задумывался над этим, — ответил он, прижимая ее к себе.

— А я решила, что меня это устроит. Думаю, я найду, чем заполнить свою жизнь. Ты заметил, что у кочевников женщины сами заботятся о своих детях. Наверное, это очень приятно...

Язон отдернул руку от ее волос и широко раскрыл глаза. Где-то в отдалении он услышал звон обручальных колец — звук, которого он старался избегать всю жизнь.

— Что ж, — заметил он. — Женщинам варваров это, наверное, нравится, но разве такое занятие достойно умной и цивилизованной женщины?

Он напряженно ждал ответа, пока не понял, что Мета уснула. Обнимая ее, он размышлял о жизни и ее превратностях. Так ли уж страшно то, от чего он всегда бежал как от чумы? Он задавал себе этот вопрос снова и снова, пока не уснул...

Кампания началась на рассвете, когда небо на востоке чуть побледнело, а с северных гор внезапно подул ледяной ветер.

Еще ночью Темучин разослал во все племена приказы о выступлении, и теперь кочевники завершали приготовления к походу. Все лишнее оставалось в обозе. Каждый воин брал с собой только оружие и минимальный запас продовольствия, и с этой минуты он сам должен был заботиться о себе и о своем моропе. Прокладывая дорогу среди кричащих женщин и детей, воины направлялись к месту сбора. По пути они сбивались в небольшие группки, которые затем объединялись в отряды, и постепенно из хаоса лагеря возникла армия.

Язон с Керком возглавляли пиррянскую колонну: за ними ехали девяносто четыре человека. Женщины остались в лагере, Рес и еще восемь человек отправились в низину, а остальные охраняли корабль.

Таким образом, здесь, в самом сердце врага, их было девяносто шесть человек, и перед этой горсткой людей стояла задача подчинить себе бесчисленные орды варваров, а затем и всю планету. На первый взгляд это граничило с безумием. Но сами пирряне придерживались иного мнения; полные решимости добиться своего, они были готовы смести с пути любого, кто попытается им помешать.

Выехав из лагеря, они увидели другие колонны. Орда собиралась. Воины все подъезжали и подъезжали, пока не заполнили всю степь до самого горизонта. Несмотря на огромные размеры армии, во всем ощущалась четкая организация — каждый клан шел отдельно, под командованием своего вождя.

Впереди показались черные знамена личной гвардии Темучина, и Язон повернулся к Керку.

— Темучин нагрузил двух моропов пороховыми бомбами. Он хочет, чтобы я руководил бомбометанием. Остальных пиррян он, скорее всего, не ждет, но мы поедем к нему все, хочет он того или нет. Если я ему нужен — я приду со своим племенем. Думаю, Темучину крыть будет нечем.

— Сейчас увидим, — сказал Керк, пришпоривая моропа, и пирряне дружно устремились за своим вождем.

Вскоре они поравнялись со свитой Темучина, и Язон выехал вперед, чтобы объясниться. Однако на этот раз его красноречие не понадобилось.

Вождь холодно взглянул в сторону пиррян и отвернулся, не сказав ни слова. Он походил на шахматиста, уже проанализировавшего партию и решившего согласиться на ничью. Аргументы Язона были настолько очевидны, что вождь не счел нужным обременять себя их выслушиванием.

— Осмотри фитили на бомбах, жонглер, — приказал он Язону. — Отвечаешь за них головой.

Наблюдая за войском кочевников, Язон пришел к выводу, что Темучин — военный гений. Нигде не обучаясь полководческому искусству и даже не имея представления о письменности, он сам додумался до основных принципов организации регулярной армии. Его военачальники не просто командовали отдельными отрядами — они составляли штаб и при помощи простой, но тщательно продуманной системы сигналов управляли огромными массами людей.

Когда войска собрались, Темучин приказал выступать. Марш был рассчитан на целый день. Уже через несколько часов Язон, несмотря на солидный опыт езды на моропах, почувствовал себя совершенно разбитым. Для варваров, которые садились в седло прямо из люльки, а сходили только в гроб, такого вопроса вообще не существовало. Что до пир-

рян, то они мчались во весь опор, как настоящие кочевники, и по ним совершенно не было видно, утомляет их непрерывная тряска или нет.

Вскоре после полудня армия начала военные действия. Вначале им встретился одинокий всадник — и его кровь смешалась в пыльной траве с кровью моропа, затем погибла целая семья кочевников, путь которой скрестился с путем наступающей армии...

Войска неудержимо шли вперед, оставляя за собой дымящиеся камачи и груды изуродованных тел. Убивали мужчин, женщин, детей, даже моропов — Темучин не щадил никого и ничего. Война ведется ради победы. Оправданно все, что способствует победе: чтобы застать противника врасплох, надо совершать за день трехдневный переход; чтобы никто не смог предупредить врага, надо убивать всех встречных; чтобы воины не обременяли себя в походе добычей, надо дотла сжигать захваченные становища.

В сумерках армия достигла большого становища Ласок у самых гор. Когда воины Темучина внезапно появились на холмах около лагеря, там началась паника. Но фланги наступающих быстро сомкнулись, взяв лагерь в кольцо. Только нескольким всадникам на резвых моропах удалось выскользнуть из окружения, их почему-то никто не стал преследовать.

«Небрежная работа», — отметил про себя Язон.

Дальше последовало сплошное убийство. Обрушив на защитников лагеря град стрел, кочевники перешли в наступление. Пирряне атаковали вместе со всеми. Они, правда, не очень метко стреляли из лука, но в рукопашном бою не имели себе равных. Обрушиваясь на врага как молнии, они убивали и без промедления шли вперед. Сопротивляться им было так же бесполезно, как пытаться остановить горную лавину.

Язон в сражении не участвовал. Вместе с двумя обозленными воинами, которым приказали охранять бомбы, лишив тем самым возможности отличиться в битве, он держался в отдалении и перебирал струны лютни, делая вид, что сочиняет новую песню. Ему было отвратительно не только участвовать в этом массовом убийстве, но даже смотреть на поле боя.

Резня кончилась затемно. Язон медленно въехал в захваченный лагерь. Навстречу ему попался гонец от вождя.

— Темучин хочет видеть тебя, — передал он.

Они ехали среди всеобщего разгрома, и моропы осторожно переступали через трупы. Язон старался не смотреть по сторонам и очень жалел, что не может зажать нос, чтобы не чувствовать запаха бойни. К его удивлению, почти все камачи остались целы, жечь их не стали. В самом большом шатре, принадлежавшем, очевидно, вождю клана, расположился Темучин со своими военачальниками. Когда Язон вошел, все были в сборе, отсутствовал только Керк.

— Начнем. — Темучин скрестил ноги и опустился на шкуры. Остальные, подождав, пока он сядет, сделали то же самое. — Наш план таков. Сегодняшняя схватка — это только начало. К востоку отсюда лежит большой лагерь Ласок. Завтра мы отправимся туда. Я хочу, чтобы об этом знали все, в том числе и Ласки. Сегодня мы специально позволили бежать нескольким из них, и теперь они наблюдают за нами с холмов.

«Вот тебе и «небрежная работа», — подумал Язон. — Да он же заранее спланировал всю кампанию до последнего выстрела».

— Сегодня ваши люди хорошо сражались, — продолжал вождь. — Ночью воины будут пить ачад и есть мясо, а завтра поднимутся поздно. Мы разожжем множество костров, а патрули разойдутся по равнине и никому не позволят подойти к лагерю.

— И все это будет ловушкой, — угрюмо улыбаясь, сказал Аханк. — Мы ведь не станем нападать на лагерь к востоку?

— Верно. — Темучин полностью овладел вниманием присутствующих, и военачальники бессознательно подались вперед, чтобы не пропустить ни одного слова. — Как только окончательно стемнеет, мы двинемся на запад, в сторону Глубокого Ущелья. Мы нападем на его защитников, разрушим пороховыми бомбами укрепления и захватим ущелье до того, как к врагу подойдет подкрепление.

— Там трудно сражаться, — проворчал один из военачальников. — Трудно будет победить.

— Нет, не трудно, безмозглый дурак! — прогремел Темучин. — Это ворота в их земли. Несколько сотен воинов могут остановить в этом ущелье целую армию, но, если мы пройдем его, они погибли. Мы будем уничтожать их племена одно за другим, пока клан Ласок не превратится в легенду. Память о нем останется лишь в песнях жонглеров! Теперь отдайте при-

казы воинам и отдохните немного. Спать нам сегодня ночью не придется.

Когда все вышли, вождь взял Язона за руку.

— Ну как бомбы? Они взорвутся, не откажут, как в первый раз?

— Конечно, взорвутся! — ответил Язон с наигранным энтузиазмом. — Даю слово.

Бомбы его не беспокоили, он сделал все возможное, чтобы они сработали. Его беспокоил предстоящий ночной рейд, который будет еще длиннее и утомительнее, чем первый. Кочевники и пирряне, разумеется, выдержат еще одну бешеную скачку, а он?..

Глава 13

— Продержись еще немного. Уже видно Глубокое Ущелье! — крикнул Керк.

От усталости Язон не мог даже говорить; он хотел просто кивнуть, но обнаружил, что голова и так болтается из стороны в сторону в такт галопу моропа. В конце концов он вяло махнул рукой в ответ и снова судорожно вцепился в луку седла.

Армия стремительно приближалась к Глубокому Ущелью.

Ночной рейд был ужасен, и многие нашли свою смерть еще до восхода солнца. Моропы, не выдерживая сумасшедшей скачки, замертво валились на землю, всадники засыпали в седле и падали под ноги обезумевшим животным, но армия не останавливалась ни на минуту. Язон через несколько часов после выступления полностью утратил чувство реальности, и бесконечные полчища всадников казались ему призраками из кошмарного сна. Бешеная скачка продолжалась до рассвета, и лишь только тогда Темучин разрешил устроить короткий привал, чтобы накормить и напоить моропов. Очень может быть, что моропам это пошло на пользу, но Язона эта остановка добила окончательно.

Не чувствуя ног, он упал на землю и лежал так до тех пор, пока Керк не поднял его и не отвел к пиррянам. Немного отдохнув, Язон почувствовал страшную боль; после многих часов в седле кожа на ногах превратилась в сплошную кровоточащую рану. Пирряне сделали ему перевязку и инъекцию

болеутоляющих препаратов, после чего он смог взобраться на моропа и продолжать путь. Язон понимал, что держится только благодаря наркотикам, но не видел другого способа дожить до утра. А утром, когда начнется битва за ущелье, он должен быть в хорошей форме, поэтому самые сильные лекарства следует приберечь на потом.

И вот, похоже, это «потом» наступило. Разглядев впереди темный провал ущелья, он негнущимися пальцами нащупал аптечку и прижал ее к руке. Когда лекарства подействовали и сознание прояснилось, Язон услышал звук рога.

— Он сошел с ума! — закричал он Керку. — Приказывает атаковать. После такого перехода!

— Он правильно поступает, — ответил Керк.

«Ну да, он правильно поступает: убивает людей и выигрывает войны. Он ведет истребительную войну ради победы, и Керк его прекрасно понимает!» — Язон в сердцах плюнул и поехал к знамени Темучина, как ему и было приказано перед началом рейда.

Тем временем атака началась. Один из передних моропов, осатанев от непрерывного пришпоривания, с ревом взвился на дыбы и сбросил седока на камни. Это была далеко не единственная смерть, но, несмотря ни на что, войска неудержимо втягивались в ущелье. Над входом повисло плотное облако пыли, в котором исчезали новые и новые отряды кочевников.

— Готовь бомбы! — приказал Темучин, увидев подъезжающего Язона.

— Зачем? — спросил тот, но, глянув на вождя, спохватился. — Я только хотел спросить, что надо взорвать? Приказывай, Великий Темучин, я повинуюсь!

— Мы застали их врасплох. Передовые укрепления уже захвачены, сейчас идет бой за те, что расположены дальше по ущелью. Это каменные стены, перегораживающие ущелье поперек, их очень трудно штурмовать. Мы атакуем в пешем строю, не видя противника, и несем большие потери. Наша армия не успеет пройти все ущелье до того, как к Ласкам прибудет подкрепление. И тогда битва потеряет всякий смысл. Так было уже много раз, и теперь я собираюсь действовать иначе.

— Я догадываюсь. Ты хочешь взорвать эти стены бомбами, чтобы проложить дорогу войскам.

— Верно.

— Я готов к бою. Но мне понадобится помощь людей моего племени. Они сумеют бросить бомбы дальше и лучше, чем я.

— Я пошлю за ними.

Пока Язон отыскал вьючных моропов и распаковывал бомбы, прибыли пирряне — Керк и еще двое, — все в поту и пыли, но явно довольные возможностью поучаствовать в сражении.

— Ты сможешь бросить несколько бомб? — спросил Язон у Керка.

— Конечно. А как они действуют?

— Хорошо действуют. Темучин не склонен выслушивать запоздалые извинения, и мне пришлось сконструировать бомбу, которая взорвется наверняка. Сейчас я тебе прочитаю инструкцию. Фитиль — это камуфляж: его надо поджечь и немного погодя выдернуть. К другому концу фитиля привязана микрограната. У тебя будет три секунды на то, чтобы метнуть бомбу и укрыться.

Они направились к ущелью. Свежие войска еще вливались в узкую горловину, и приходилось пробираться по склонам, чтобы не попасть под ноги моропам. Вскоре навстречу стали попадаться раненые, они тоже жались к стенам, а тех, кто не успел убраться с дороги, просто растоптали. Кое-где валялись трупы моропов.

Ущелье постепенно сужалось, склоны становились круче, и наконец появилось первое укрепление — прочная грубая стена из обломков скал. Несколько минут ушло на подробный осмотр. Тут и там лежали погибшие защитники стены — приземистые люди в пыльных шкурах, с черепом ласки на шлемах; их тела были утыканы стрелами, большие пальцы отрезаны.

— Если и дальше то же самое, то особых проблем не будет. — Язон спрыгнул вниз. — Камни просто навалены друг на друга, и никаких следов раствора. Может, бомба и не уложит всех, кто обороняет стену, но наверняка пробьет брешь, в которую ворвутся молодцы Темучина.

— Ты оптимист. — Керк двинулся вперед. — Это только передовое укрепление. Основные позиции выше.

— Конечно, я оптимист. Я даже верю, что уцелею в этой варварской войне.

Склоны превратились в почти отвесные стены. Пиррянам пришлось спуститься и продолжать путь вместе с наступающими отрядами. Моропов отправили назад, все шли пешком. Неожиданно в скалу рядом с Язоном ударила стрела.

— Мы на передовой, — объявил Язон. — Подождите, я взгляну, что там происходит.

Взобравшись на массивный валун, он осторожно выглянул из-за скалы. Над его головой сразу же просвистело несколько стрел, и Язон надвинул шлем почти на глаза.

Впереди высилась очередная стена; ее защитники, стреляя из щелей между камнями, не давали атакующим поднять головы. Воины Темучина, прикрываясь щитами, перебегали от камня к камню, но приблизиться к укреплению не могли. Полоса земли перед стеной была густо усеяна трупами наступающих.

— Расстояние около ста метров. — Язон спрыгнул с камня. — Сможешь бросить так далеко?

Керк взвесил бомбу на ладони.

— Разумеется. Но сначала хочу посмотреть, куда.

Поднявшись на тот же камень, он окинул быстрым взглядом поле боя и соскочил обратно.

— Укрепление довольно большое. Для него понадобится как минимум две бомбы. Когда я брошу первую, подашь мне еще одну. Понял?

— Да. Начинаем!

Язон развязал узел с бомбами и взял одну. Ближайшие воины внимательно следили за его действиями. Керк разжег фитиль и вышел из-за прикрытия скалы, а Язон торопливо поджег свой запал и приготовился подать бомбу. Лениво уклонившись от стрелы, Керк внимательно посмотрел на укрепление. Еще одна стрела, отскочив от его нагрудника, звякнула о камни. Опустив бомбу, пиррянин послюнявил палец и поднял его над головой, определяя направление ветра. Язон нетерпеливо переминался с ноги на ногу, с трудом удерживаясь от того, чтобы поторопить его. Еще несколько стрел пролетело мимо, но Керк не обратил на них никакого внимания. Наконец, выяснив все, что требовалось, он выдернул фитиль и коротким мощным толчком послал бомбу в сторону врага. Язон тут же сунул ему в руку вторую, и она оказалась в воздухе почти одновременно с первой.

Выглянув из-за скалы, Язон увидел, что Керк спокойно

стоит на месте, а две черные точки по крутой траектории стремительно приближаются к укреплению. Прошло несколько долгих секунд... И стена с грохотом взлетела на воздух. Спасаясь от града камней, Язон бросился на землю.

— Совсем неплохо. — Керк вжался в скалу рядом с ним.

— Надеюсь, с остальными справимся так же легко, — сказал Язон.

Но дальше пошло совсем не так легко. Ласки быстро поняли, что разрушения как-то связаны с человеком, бросающим горшки, и, когда Керк появился перед следующим укреплением, на него обрушился ливень стрел.

— Придется менять тактику. — Пиррянин машинально погасил фитиль.

— Ты испугался? Почему остановились?! — раздался гневный голос за их спинами.

Обернувшись, Язон увидел Темучина, который подошел к ним, прикрываясь от стрел щитами личной гвардии.

— Я не боюсь ничего и никого! — Голос Керка дрожал от гнева. — Но безрассудная храбрость — плохой помощник для полководца. Сражения выигрывает осторожность, и сейчас я выигрываю это сражение для тебя.

— Осторожность или трусость удерживает тебя за этими камнями?

— А тебе что мешает вести войска в атаку? Осторожность или трусость?

Темучин издал звериный рык и выхватил меч, Керк поднял бомбу, готовясь ударить противника. Язон вздохнул и встал между ними.

— Смерть любого из вас поможет врагу. — Он обращался к Темучину, поскольку от Керка не ждал удара в спину. — Солнце уже за холмами. Если мы не возьмем ущелье до темноты, к ним подойдет подкрепление и мы никогда его не возьмем.

Темучин поднял меч, а Керк схватил Язона за руку, чтобы убрать его из-под удара. Хватка у пиррянина была железная, но, сморщившись от боли, Язон продолжал:

— Прикажи всем кидать камни в укрепление. Это собьет лучников с толку, и они не смогут понять, кто бросает бомбы. — Меч в руке вождя заколебался, и Язон поспешно добавил: — Для одного человека выходить под такой огонь —

верная смерть. Но если мы сумеем запутать их, то возьмем ущелье до темноты.

Темучин глянул на темнеющее небо, и его мысли вернулись к битве. Он снова был вождем огромной армии; сейчас самое главное — победить, личные счеты можно свести потом. Забыв о зажатом в руке мече, Темучин начал отдавать приказы. Керк отпустил Язона, и тот принялся растирать онемевшую руку.

Атака возобновилась с новой силой. Швыряющие камни воины усеяли склоны ущелья. Кочевники беспорядочно бросали булыжники и прятались за скалы; пирряне же, тщательно выбрав цель, били насмерть. Затерявшись среди них, Керк взрывал одно укрепление за другим, и армия медленно, но верно продвигалась к победе.

— Приближаемся к финишу! — Язон дернул Керка за рукав, указывая вперед.

Там ущелье сужалось метров до ста, и по обеим сторонам узкого прохода возвышались два острых пика. В просвете между ними виднелась равнина — здесь ущелье кончалось. Если армия прорвется через эту горловину, ее уже ничем нельзя будет остановить.

Пополнив запасы бомб, Керк с Язоном направились к последнему укреплению. Неожиданно они увидели, что навстречу бегут воины Темучина. Где-то впереди раздавались крики и звуки сигнального рога.

— Что случилось? — Керк поймал за руку одного из бегущих. — Что там происходит?

— Отступление! Смотрите, — воин указал назад и, вырвавшись, побежал дальше.

По ущелью, давя бегущих воинов, как насекомых, катился большой валун. Посмотрев вверх, Язон с Керком увидели на вершинах гор людей, сталкивающих в ущелье огромные камни.

— С другой стороны тоже! — крикнул Язон. — Они заранее их приготовили и теперь сбрасывают нам на голову. Назад!

Им пришлось бежать вместе с остальными, потому что валунов становилось все больше и больше.

От полного уничтожения наступающих спасло только то, что секретное оружие Ласок никогда раньше не применялось. Камни веками нагромождались друг на друга на горных вершинах, и в конце концов поддерживающие их опоры бук-

вально срослись со скалой. Ласки пытались выбить их длинными шестами, но из этого ничего не получилось. Тогда нашелся смельчак, который спустился к опорам по веревке и перерубил их топором...

Когда скатился последний камень и наступила тишина, стало видно, что ущелье намертво перекрыто высоченным завалом из гигантских валунов. Кампания была проиграна.

Глава 14

— Мне это не нравится, — сказал Керк. — Я думаю, что это вообще невозможно.

— Будь так добр держать свое мнение при себе. — Они приближались к Темучину, и Язон говорил вполголоса. — Мне и так нелегко будет уговорить его. Не можешь помочь — так стой молча и кивай головой, как будто ты во всем со мной согласен.

— Глупости... — проворчал Керк.

— Приветствую тебя, вождь, — затянул Язон. — Я пришел предложить тебе план, который превратит поражение в победу.

Если Темучин и услышал его, то он ничем этого не показал. Опершись на меч, вождь неподвижно сидел на валуне и мрачно смотрел на неприступное ущелье. Последние лучи заходящего солнца освещали каменную стену, о которую разбились его мечты о господстве над миром.

— Ущелье теперь превратилось в ловушку, — продолжал Язон. — Если мы попытаемся забраться на эти камни или разобрать завал, нас перестреляют лучники. Прежде чем мы сможем преодолеть это препятствие, к врагам подойдет подкрепление. Но есть другой путь: надо залезть на один из этих двух утесов и, сбросив на Ласок пороховые бомбы, загнать их в укрытия. А тем временем твои воины переберутся через завал.

Темучин медленно взглянул на отвесную скалу.

— На этот утес нельзя забраться.

— Ты прав, — согласился Язон. — Это очень трудно. Но мы, пирряне, — жители гор, и мы сумеем это сделать. Ты разрешишь нам попробовать?

Вождь медленно повернул голову и посмотрел на Язона как на сумасшедшего.

— Начинай... А я посмотрю.

— Взбираться можно лишь при дневном свете, и, кроме того, днем лучше видно, куда бросать бомбы. У нас есть специальное снаряжение, но его нужно подготовить. Поэтому мы начнем подъем на рассвете, а к полудню Глубокое Ущелье будет твоим.

Когда они шли обратно, Язон спиной чувствовал горящий взгляд Темучина.

Керк был сбит с толку.

— О каком снаряжении ты говорил?

— Ты просто никогда не занимался альпинизмом. Прежде всего я говорил о твоем передатчике. Мне нужно связаться с кораблем, чтобы там подготовили все необходимое. Если они как следует поработают, мы получим снаряжение еще до рассвета. Проследи, пожалуйста, пусть наши люди разобьют лагерь подальше от остальных.

Пока пирряне разворачивали спальные шкуры и копали ямы для костров, Язон, спрятавшись от любопытных взглядов между моропами, вызвал корабль. Дежурный офицер на «Драчливом», подробно записав все инструкции, отправился будить людей. Выслушав подтверждение своих инструкций и получив обещание, Язон выключил передатчик.

Он поел немного горячего мяса и, велев разбудить себя, как только с корабля поступит сообщение о конце работы, отправился отдыхать. День выдался беспокойный, и Язон чувствовал, что его силы на исходе, а завтрашний день обещал быть еще более трудным. Сняв сапоги и натянув на лицо жесткую шкуру, он моментально заснул.

— Отстань! — пробормотал Язон и попытался вырваться.

— Вставай, — сказал Керк. — Десять минут назад поступило сообщение: катер с грузом вылетел. Мы должны его встретить, моропы оседланы.

Язон застонал при одной только мысли о езде верхом. Он сел и ошалело посмотрел на пиррянина.

— Ап... теч... ка, — пробормотал он, дрожа от холода. — Керк, дай мне хорошую порцию стимуляторов. Я чую, что у нас будет веселый денек.

— Подожди здесь. Я встречу катер.

— Хорошо бы, но нельзя. Я сам должен все проверить до того, как катер вернется на корабль.

Его подвели к моропу, посадили в седло, и в предрассветной мгле они двинулись в путь. Керк осторожно вел моропа под уздцы, а Язон дремал, ухватившись за луку седла, чтобы не упасть. Когда они достигли условного места, лекарства начали действовать, и Язон почти пришел в себя.

— Катер приближается. — Керк прижал к уху передатчик.

С востока послышался слабый гул двигателей.

— Ты захватил фонарь? — спросил Язон.

— Конечно. Разве это не входило в инструкции? — обиженным голосом спросил Керк.

В темноте Язон не видел его лица, но понял, что Керк недоволен таким необоснованным подозрением. Для пиррянина было совершенно немыслимо забыть об инструкциях.

— Это мощный фотонный осветитель. Дает восемнадцать тысяч люменов в час.

— Нам не понадобится и десятой части, — сказал Язон. — У капсулы чуткие фотоэлементы, ее можно посадить на любой источник света.

— Капсула была выброшена примерно в десяти километрах к востоку.

— Отлично. Направь туда луч.

— Подожди, пилот еще что-то говорит. Подержи фонарь.

Взяв у Керка небольшую трубку величиной с палец, Язон слегка повернул регулятор мощности, чтобы получился узкий луч света, и направил его в сторону катера.

— Пилот докладывает, что не все ладилось при изготовлении нейлоновой веревки. Она готова, но получилась довольно пятнистой, и они не гарантируют водоустойчивости.

— Дождя я не жду. А что касается пятнистости, тем лучше — будет издали походить на кожаную.

Гул в небе нарастал, и вскоре показался красный огонек, а еще через минуту луч фонаря отразился от корпуса капсулы, и Язон уменьшил мощность. Послышался слабый свист реактивного двигателя, и серебристый цилиндр повис в воздухе прямо перед ними. Керк дотянулся до кнопки посадки, и капсула прочно встала на землю.

Язон открыл люк и достал моток веревки.

— Отлично! — Передав ее Керку, он достал молоток, сделанный по его указаниям из цельного куска металла. Рукоять

для удобства была обтянута кожей, а сам молоток протравлен кислотой и облеплен грязью, чтобы сошел за старый.

— Что это? — Керк вытащил какой-то металлический предмет и поднес его к свету.

— Клин. Половина их такие, а остальные с зажимами. — Язон достал такой же, только с отверстием в широкой части, через отверстие было пропущено кольцо с зажимом.

— Эти штуки мне ни о чем не говорят, — заметил Керк.

— Ничего удивительного. Не беспокойся, я взбирался на скалу при помощи клиньев и знаю, как это делается. Хотелось бы иметь более совершенное снаряжение, но оно сразу нас выдаст. Есть клинья, которые вонзаются в любой камень при помощи взрывателя, а есть и такие, которые намертво приклеиваются к скале. Но их я использовать все равно не могу, так что обойдемся этими. Я заберусь как можно выше и вобью клин, потом встану на него и вобью следующий и так далее. Там, где понадобится веревка, в дело пойдут клинья с зажимами. А вот эти, — он взял в руку грубый клин, весь в выбоинах и царапинах, явно изготовленный вручную, — будут ближе всего к земле. Все они сделаны из инструментальной стали, что большая редкость в этих краях, но те, которые могут увидеть Темучин и его люди, изготовлены вручную. Ну что ж, все на месте. Можешь передать на катер, чтобы отозвали капсулу.

Засыпав их песком, капсула поднялась в воздух и исчезла. Язон, привязав к нейлоновой веревке кусок кожаной, смотал ее и упаковал вместе с остальным снаряжением. Они вернулись в лагерь с первыми лучами солнца.

Войдя в ущелье, они увидели, что ночью тут произошла жестокая битва. Каменная стена по-прежнему преграждала путь, но теперь она была густо усеяна трупами. Прямо на земле сидели воины, многие из них были ранены. На большом валуне неподвижно сидел кочевник, а его товарищ пытался извлечь у него из руки обломок стрелы.

— Что случилось? — спросил Язон.

— Мы атаковали ночью, — ответил раненый. — Сделать это бесшумно не удалось. Камни выскальзывали из-под ног, многие воины упали и разбились. Когда мы были уже близко к вершине, Ласки сбросили нам на голову связки горящей травы... Уцелели только те, кто не успел подняться высоко. Очень плохо.

— Очень хорошо, — сказал Керк, когда они двинулись дальше. — Темучин утрачивает свой престиж, а мы сильно поднимемся в глазах кочевников... если только сможем взобраться на эту скалу.

— Перестань сомневаться, — сказал Язон. — Стой здесь и делай вид, что все знаешь и ничего нового для себя не видишь.

Сбросив теплую одежду, он вздрогнул от холода. Ничего, как только начнется восхождение, он согреется. Язон принялся завязывать на запястье ремень молотка, искоса поглядывая на скалу, — снизу утес казался таким же неприступным, как космический крейсер.

В этот момент к ним подошел Аханк; криво усмехаясь, он снисходительно посмотрел на Язона.

— Мне сказали удивительную вещь, жонглер. Оказывается, ты настолько глуп, что собираешься забраться на эту скалу.

— Это не все, что тебе сказали, — надменно ответил Язон, поднимая с земли связку клиньев. — Вождь Темучин велел тебе прийти сюда и выяснить, что здесь происходит. Садись поудобней, пусть ноги твои отдохнут, очень скоро тебе придется бежать к своему хозяину с радостной вестью.

Керк с сомнением посмотрел на отвесную стену и перевел взгляд на Язона:

— Разреши мне забраться. Я сильнее тебя и нахожусь в лучшей форме.

— Ты прав, — согласился Язон. — Как только я окажусь на вершине, спущу тебе веревку, ты возьмешь бомбы и поднимешься. Но идти первым ты не сможешь. Скалолазание — сложный спорт, ему нельзя научиться за несколько минут. Спасибо за предложение, но это мой крест. Начинаем. Подними меня, чтобы я мог дотянуться вон до того выступа.

Ему даже не пришлось взбираться на плечи пиррянина — тот просто ухватил его за щиколотки и поднял вверх. Язон уцепился за каменный выступ, подтянулся, и восхождение началось...

Метров через десять понадобился первый клин. Язон приметил над головой широкий удобный выступ, но дотянуться до него не мог — не хватало нескольких сантиметров. Скала тут была покрыта сетью трещин, и он, выбрав самую глубокую, осторожно вставил в нее клин. Четырех ударов молотка оказалось достаточно, чтобы он прочно засел в камне. Медленно и осторожно — прошло не менее десяти лет с тех пор, как он последний раз лазал по скалам, — Язон ступил на клин, и клин выдержал. Язон, дотянувшись до уступа, сел на него и, тяжело дыша, посмотрел вниз.

Теперь на него смотрели все в ущелье, появился даже Темучин. Сидеть на холодном камне было неприятно, и он решил двигаться дальше.

Восхождение продолжалось по той же схеме: Язон вбивал клин, вставал на него, потом вбивал следующий... Перед глазами мелькали трещины и выступы, и определить, сколько осталось до вершины, было невозможно. Он как раз пытался вбить очередной клин, когда в ущелье раздались громкие крики.

— Что? — крикнул Язон, свесившись вниз. — Я не слышу! Что вы говорите?

И в этот момент непонятно кем пущенная стрела ударилась в скалу рядом с его головой и, отскочив от камня, полетела вниз. От неожиданности Язон чуть не упал следом; с трудом сохраняя равновесие, он судорожно вцепился в скалу и повернул голову. То, что он увидел, ему не понравилось. Заподозрившие неладное, Ласки на веревке спустили с гребня завала воина, и теперь он, вися в нескольких метрах от Язона, тщательно целился в него из лука. У Язона не было времени долго думать, и он сделал первое, что пришло в голову, — метнул в лучника зажатый в левой руке клин. Угодив тупым концом воину в плечо, клин сбил прицел, и вторая стрела пролетела мимо.

В ущелье люди Темучина тоже схватились за луки, но угол полета был слишком велик, чтобы попасть в цель. Одна стрела царапнула лучника по бедру, но он, не обратив на это никакого внимания, достал новую стрелу и положил ее на тетиву.

Язон вытащил из связки еще один клин — сделанный из закаленной стали, он был хорошо уравновешен и тщательно заострен. Прикинув на глаз расстояние до противника, Язон размахнулся и с силой метнул клин.

Острие вонзилось лучнику в горло, и он, издав хриплый крик, дернулся и застыл. Тело быстро втащили наверх.

— Держись! — раздался чей-то громкий крик.

Язон посмотрел вниз и увидел у подножия скалы Керка: в

руке он держал бомбу с дымящимся фитилем. Не отрывая от него взгляда, Язон сжался в комок и попытался слиться с камнем. Воины внизу с опаской подались назад. Керк стремительно метнул бомбу вверх, и Язону показалось, что она летит прямо в него... Но прошло несколько томительных секунд, и взрыв прогремел по другую сторону скалы, а в воздух взлетели камни и куски тел. Язон с облегчением подумал, что фланг теперь надежно прикрыт — в любую минуту Керк мог повторить бросок. Но его беспокоила еще одна мелочь...

— Керк! — крикнул он на пиррянском. — Клин! Где тот клин, который я бросил? Если его увидят... — Одного взгляда на эту железку будет достаточно, чтобы понять, что они инопланетники.

Несколько тревожных секунд Язон ждал ответа. Наконец Керк крикнул:

— Все в порядке! Я нашел его... Подобрал, пока все глазели на тебя. Ты не ранен?

— Хорошо, — прошептал Язон и добавил громче: — Все в порядке.

После этого подъем проходил спокойно. Дважды он делал из веревки петлю и, закрепив ее в кольце клина, сидел, отдыхая. Усталость давала себя знать, и пришлось опять прибегнуть к аптечке. Вскоре он достиг расщелины, которая тянулась до самой вершины.

— Последнее усилие... — Язон поплевал на руки и немедленно пожалел об этом — слюна сразу же замерзла. Стерев с ладоней лед, он отвязал узел: чем меньше вес, тем лучше, даже молоток теперь можно оставить. Он сложил ненужные вещи в расщелину, а веревку смотал и повесил на шею.

Упершись в стены расщелины ногами и руками, Язон начал потихоньку подниматься. Где-то на полпути, вися между двумя отвесными стенами, он осознал, что должен добраться до верха во что бы то ни стало. Если он упадет, то сломает руку или ногу, и тогда останется только умереть в этой расщелине — никто не сможет прийти ему на помощь.

Когда Язон понял, что расщелина кончилась, у него уже не оставалось сил, чтобы влезть на вершину утеса. Собрав волю в кулак, он сделал глубокий вдох и, оттолкнувшись ногами от стены, ухватился за крошащийся под руками край скалы. Несколько мгновений он висел так между жизнью и смертью, потом, подтянувшись и из последних сил цепляясь

окровавленными пальцами за камни, медленно вполз на вершину.

Язон довольно долго лежал на холодной скале, восстанавливая силы. Наконец он пришел в себя настолько, что смог осмотреться. Вершина неприступного утеса оказалась маленькой площадкой, примерно два на три метра. Язон подполз к ее краю и помахал тем, кто остался внизу; увидев его, они разразились радостными криками. Тогда он осторожно приблизился к противоположному краю и высунул голову. Снизу в него полетели стрелы, и Язон спрятался, но он успел увидеть достаточно. Лагерь лежал внизу как на ладони, можно было разглядеть каждого лучника и даже сосчитать стрелы у него в колчане.

Он сделал это!

— Молодец, Язон! — громко воскликнул он. — Эта планета еще будет гордиться знакомством с тобой!

Намертво закрепив веревку на скале, он сбросил кожаный конец вниз, и вскоре Керк просигналил, что готов. Язон ответил троекратным подергиванием веревки и уселся отдыхать. Лишь когда веревка яростно задергалась, он встал и посмотрел вниз.

Керк висел у самого края площадки. Несмотря на большой груз бомб за спиной, пиррянин выглядел свежим и бодрым; очевидно, он просто шагал по вертикальной стене, держась за веревку.

— Поможешь мне влезть? — спросил он Язона.

— Конечно. Только постарайся ничего мне не сломать.

Улегшись на живот, Язон протянул Керку обе руки, и тот ухватил его за запястья. Вытягивать пиррянина наверх Язон не старался — да, наверное, и не смог бы. Керк подтянулся, схватился за скалу и через секунду был уже на площадке.

— Отлично. — Он поглядел на вражеский лагерь. — Бомб у нас достаточно. Начнем?

— Я хочу сам бросить первую.

Когда грохот взрывов слился в сплошной гул, армия Темучина с победными криками пошла на штурм стены. Можно было считать, что битва выиграна, а вместе с ней и вся война.

Язон сидел и смотрел, как счастливый Керк швыряет вниз бомбы. Эта часть плана выполнена, и, если удастся осуществить все остальное, у пиррян будут шахты на этой планете.

Глава 15

Ударяя, как молния,
волшебный гром
Убивал Ласок, очищая горы.
Груды больших пальцев
побежденных
Были выше головы высокого
человека.
Затем пришло известие о
чужеземцах.
Бросился в битву вождь
Темучин.
Подняв мечи и натянув луки,
Его бесстрашная армия
Шла убивать вторгшихся
чужаков...

Из «Песни о Темучине»

Язон динАльт, натянув поводья, осадил моропа на гребне холма и принялся высматривать тропу между огромными валунами. Влажный холодный ветер бил ему в лицо и трепал волосы. Небо от края и до края было затянуто темными облаками, а далеко внизу виднелся покрытый белыми клочьями пены океан.

Разглядев наконец дорогу, Язон тронул моропа. Тропа была старая и изрядно разбитая, но воздушная разведка показала, что это единственный проход к океану в тысячекилометровой горной гряде.

Спустившись, он сразу почувствовал, что здесь намного теплее, чем наверху, но после сухого плоскогорья влажный климат побережья неприятно раздражал. Тропа вывела к бухте, окруженной со всех сторон скалами, полоска серого песка между ними и водой заменяла пляж. У берега покачивались на волнах две лодки; рядом, на песке, возвышалось несколько матерчатых навесов желтого цвета. В глубине бухты стояло на якоре двухмачтовое судно с дымящей трубой и спущенными парусами.

Язона заметили, от кучки людей на берегу отделился высокий человек и направился в его сторону. Язон остановил моропа и спешился.

— Отличный ты себе наряд придумал, Рес, — заметил он, пожимая подошедшему руку.

— Не хуже твоего. — Пиррянин пробежал пальцами по пурпурному с серебристым отливом нагруднику. В этом нагруднике, в высоких замшевых сапогах и шлеме с золотым наконечником он выглядел очень внушительно. Именно так и представлял себе Язон богатого торговца из Аммха.

— Из твоих сообщений я понял, что ты неплохо устроился в низине.

— Для этого пришлось немало потрудиться. У них там аграрное общество, и все население поделено на касты. Правят торговцы и военная аристократия. Им помогают жрецы — небольшая прослойка, необходимая для успокоения крестьян. Проникнуть в среду торговцев было очень трудно, но мне удалось это сделать. Теперь операция даже окупает себя: у меня большая торговля в Камаре — самом северном порту Аммха. Хочешь вина?

— И мяса! Тащи все самое лучшее.

Они прошли под навес, где стоял большой стол, уставленный блюдами с дымящимся мясом и бутылками с вином. Рес взял одну бутылку — зеленую с длинным горлышком — и протянул Язону.

— Попробуй. Очень хорошее вино, шестилетней выдержки. Сейчас я открою...

— Не беспокойся. — Язон отбил горлышко о край стола и, отпив немного, вытер рот рукавом. — Ты не забыл, что я варвар? Это убедит твою охрану в моей неотесанности.

— У тебя появились отвратительные привычки. — Рес вытер разбитое горлышко и разлил золотистое вино по кубкам.

Язон набросился на мясо.

— Темучин идет сюда со своей армией. Не со всей — большая часть племен отправилась по домам после победы над Ласками. Но прежде все вожди поклялись в верности Темучину и обещали явиться по первому его зову. Услышав о вашем прибытии, он созвал ближайшие племена и двинулся в поход. Сейчас они на расстоянии дневного перехода отсюда, но Керк разбил лагерь как раз на их пути, и сегодня вечером произойдет встреча. Я приехал убедиться, что все в порядке.

— Ну как? Одобряешь то, что увидел?

— Почти все. Держи своих парней поблизости, но не на виду. Пусть некоторые развалятся на песке, а остальные спрячутся под навесами. Ты захватил товары, о которых мы говорили?

— Конечно. Ножи, железные наконечники для стрел,

котлы и многое другое. Есть еще сахар, соль, некоторые пряности... Они смогут получить все, что им понадобится.

— Будем надеяться. — Язон печально посмотрел на пустую бутылку и отбросил ее.

— Хочешь еще?

— Да, но не возьму. Никакого контакта с врагом. Я направляюсь обратно в лагерь, чтобы быть там к приходу Темучина. Мы переманим на свою сторону все племена, начнем мирную торговлю и скинем вождя. Держи бутылку на льду к моему возвращению.

На плато по-прежнему бушевал ветер и шел снег; темное небо низко нависало над головой. К вечеру Язон добрался до лагеря пиррян и увидел, что они собираются выступать.

— Ты вовремя приехал. — Керк вышел ему навстречу. — С катера сообщили, что после полудня Темучин свернул к берегу и направляется к Вратам Ада. Очевидно, там он останется на ночь.

— Я никогда не думал, что он религиозен.

— Я тоже. Но он хороший вождь и знает, что нужно его людям. Это ущелье — их единственное священное место. Считается, что там открывается дорога в преисподнюю. Вероятно, Темучин хочет принести там жертву.

— Какая нам разница, где с ним встретиться. Это место не хуже любого другого.

День клонился к вечеру, и небо нависало все ниже. Ветер взметал снежные вихри, снег набивался в складки одежды, засыпая моропов и всадников.

Когда они подъехали к лагерю Темучина, уже совсем стемнело. Пирряне сразу направились к камачу вождя, со всех сторон раздавались приветствия в их адрес. Керк с Язоном спешились и прошли мимо стражи в камач. В шатре все удивленно обернулись при их появлении.

Темучин грозно спросил:

— Кто вы такие, что осмеливаетесь являться к Темучину без приглашения?

— А кто ты такой, что запрещаешь Керку, вождю пиррян, покорителю Глубокого Ущелья, присутствовать на собрании?

Схватка началась, все это поняли, и в шатре наступила тишина, нарушаемая лишь шумом ветра и скрипом снега за стенами камача.

Темучину первому удалось объединить под своими знаменами все племена равнин. Однако он правил без общего

согласия, многим вождям не нравились его строгие приказы, и они предпочли бы другого правителя, а еще лучше — вообще никакого. Все следили за стычкой с напряженным вниманием.

— Ты хорошо сражался в ущелье, — сказал Темучин. — Все вы хорошо сражались. И мы приветствуем тебя. А теперь можешь удалиться. Сегодняшний совет тебя не касается.

— Почему? — с холодным спокойствием поинтересовался Керк, усаживаясь на шкуры. — Что это вы стараетесь скрыть?

— Ты обвиняешь меня?.. — Темучин побелел от гнева и схватился за рукоять меча.

— Я никого не обвиняю. — Керк широко зевнул. — Мне кажется, ты сам обвиняешь себя. Ты собираешь совет и не разрешаешь мне присутствовать на нем. Готов ударить, лишь бы не сказать правду. Я вновь спрашиваю, что вы скрываете от меня?

— Это незначительное дело. Несколько жителей низин высадились на нашем берегу. Мы уничтожим их!

— Зачем? Они безвредные торговцы, — возразил Керк.

— Зачем?! — От гнева Темучин не мог усидеть на месте, он вскочил и принялся расхаживать по камачу. — Разве ты никогда не слышал «Песню свободных людей»?

— Даже чаще, чем ты. Песня призывает уничтожать здания, которые могут стать ловушками для нас. Но разве есть здания, которые надо уничтожать?

— Нет, но они будут. Раз жители низин поставили свои навесы... — Темучин запнулся, но справился со своим гневом и продолжал: — Эти торговцы подобны острию меча, которое наносит лишь царапину. Сегодня они поставят навесы и торгуют, завтра явятся с большими навесами, а потом построят здания, чтобы лучше шла торговля. Сначала острие — потом весь клинок. Они должны быть уничтожены.

Темучин говорил абсолютную правду, и сейчас было очень важно, чтобы остальные вожди не успели этого понять. Керк молчал, и Язон решил вмешаться:

— «Песня свободных людей» всегда будет нашей путеводной звездой. Она говорит нам...

— Почему ты здесь, жонглер? — резким голосом спросил Темучин. — Я не вижу здесь других жонглеров или воинов. Уходи!

Язон хотел возразить, но крыть было нечем — Темучин

опять оказался прав. «Язон, прикуси свой длинный язык!» — подумал он и, кланяясь вождю, шепнул Керку:

— Я буду рядом. Придется слушать по дентофону. Постараюсь помочь советом.

Керк, не поворачивая головы, пробурчал в ответ что-то неразборчивое.

Плохо. Язон надеялся присутствовать при раскрытии карт.

Когда он вышел из камача, один стражник приставил ему к груди копье, а другой схватил за руку. Язон изумленно посмотрел на них. Что все это значит? Ударив охранника ногой в пах, он попытался вырваться... В этот момент сзади ему набросили на горло веревку и сильно затянули.

Глава 16

Холодный снег набился в рот и уши... Язон очнулся... Кто-то растирал ему лицо. Язон откашлялся, вырываясь из цепких рук, и осторожно огляделся.

Он стоял на коленях между двумя воинами, в руках у них были обнаженные мечи. Один держал факел, и неровный свет выхватывал из темноты заснеженную площадку на краю обрыва.

— Ты узнаешь этого человека? — Двое появились из темноты и остановились возле него.

— Да, Великий Вождь Темучин. Этот человек — из другого мира. Он пришел на большой летающей повозке. Тот самый, что был взят в плен и бежал.

При свете факела Язон взглянул на говорившего и узнал садистскую улыбку Орайела, жонглера.

— Я никогда не видел его. Этот человек лжет! — сказал Язон, не обращая внимания на боль в горле.

— Я помню его. Он напал на меня и избил. Ты сам видел его, вождь.

— Да. — Темучин подошел ближе и холодным, невыразительным взглядом посмотрел в запрокинутое лицо Язона. — Конечно, это он. Вот почему его лицо показалось мне знакомым.

— Это ложь! — Язон вскочил на ноги.

— Нет, это правда!

Темучин схватил его за плечо и потащил к обрыву.

— Говори правду, кто бы ты ни был. Ты стоишь на пороге Врат Ада и через мгновение можешь оказаться там. Но я отпущу тебя, если скажешь правду. — Говоря это, он толкал Язона дальше и дальше к черному провалу, пока тот не повис над пропастью. Сейчас его удерживала от падения только рука Темучина.

Язон не видел его лица, но знал, что милосердие чуждо вождю. Это конец! Можно только попытаться спасти пиррян.

— Отпусти меня, и я скажу тебе правду. Я из другого мира. Но я пришел сюда только для того, чтобы помочь тебе. Я встретил жонглера по имени Язон, он был при смерти, и я взял его имя. Он ушел из своего племени много лет назад, и они забыли его. Я помогал тебе, Темучин! Освободи меня, и я снова буду полезен тебе.

— Язон, где ты? Говорит Керк! Где ты?

Дентофон работал — оставался еще какой-то шанс.

— Зачем ты здесь? — спрашивал Темучин. — Ты помогал чужеземцам принести в наши земли их города?

— Отпусти меня! Не бросай меня во Врата Ада, и я все скажу тебе!

Темучин некоторое время колебался, потом снова заговорил:

— Ты лжец. Все, что ты говоришь, — ложь! Я не могу верить тебе. — Он повернулся, и Язон увидел его лицо, искаженное зловещей улыбкой. — Я отпускаю тебя! — И вождь разжал руку.

Язон схватил руками воздух и полетел в пропасть. Свист в ушах... Удар в плечо... в спину... Он покатился по крутому склону, стараясь прикрыть лицо. Острые камни рвали одежду, в кровь раздирали руки... Откос кончился; он опять стал падать вниз, и через несколько секунд полет закончился чудовищным ударом.

Кажется, он не умер... Язон искренне удивился этому обстоятельству и ощупал лицо. На щеках налип снег. Он пошарил руками вокруг себя — снег был повсюду. Он уцелел, потому что упал в сугроб.

— Пока ты жив — надейся, — пробормотал Язон без особого энтузиазма. Какая тут может быть надежда, на дне этого гиблого ущелья... А пирряне? Они обязательно придут на помощь! Эта мысль немного успокоила его. Но, вспомнив о дентофоне, он со страхом нащупал во рту осколки металла.

Неужели сломался? Точно! Во время падения он сжал зубы и раздавил дентофон.

— Ты снова можешь рассчитывать только на себя, Язон, — громко сказал он, но даже звук собственного голоса его не подбодрил.

Так... Что у него в активе? Язон поискал аптечку... Пропала. И нож тоже вывалился. Правда, сумка на месте. Он пошарил в ней и среди всякого хлама нашел какую-то трубку. Что это? Фотонный фонарь! Ну да, он так и остался в сумке с той самой ночи. А может, он тоже сломан? Язон нажал кнопку и громко застонал. Не работает! Он осторожно повернул регулятор мощности, и темноту прорезал яркий луч. Свет! В сущности, это ничего не меняло, но Язон воспрянул духом.

Что ж, надо осмотреться... Добавив мощности, Язон посветил фонарем по сторонам. Он находился на дне священного ущелья. Отвесные черные стены вертикально уходили ввысь и терялись где-то далеко вверху. В тихом воздухе кружились снежинки...

Послышался крик, и что-то черное, мелькнув в луче света, упало на камни недалеко от него. Это был человек: глаза широко раскрыты, изо рта стекает струйка крови... Язон присмотрелся... Орайел, жонглер!

— Что это? Темучин убирает свидетелей? Не похоже на него.

Но Орайел уже ничего не мог ему сказать.

Выбравшись из сугроба, Язон осторожно сделал несколько шагов по ущелью. В самой середине дно было ровным и гладким, а снег лежал тонким равномерным слоем. «К чему бы это?» — подумал Язон и двинулся дальше. В следующий момент под ногами раздался предательский треск льда, и он с головой ушел в холодную воду.

Проклятие! Судорожно сжав в кулаке фонарь, он успел подумать, что не найдет без него прорубь, и тут его ноги коснулись каменистого дна. Ручей оказался неглубокий, но утонуть в нем все равно было можно. Оттолкнувшись от дна, Язон посмотрел вверх, но свет фонаря отразился как в зеркале — над головой был сплошной лед. Его стремительно тащило течением, и прорубь осталась далеко позади.

Язон метнулся к берегу, чтобы там встать на ноги и попытаться пробить лед, но быстрое течение неудержимо тянуло его вниз по ручью мимо скалистых стен. В тело проникал холод, а легкие жгло огнем от попавшей туда воды. Теоретически Язон знал, что в клетках тела достаточно кислорода для того, чтобы продержаться несколько минут. Но рефлекс не признавал теорий, он кричал: «Умираю! Дышать! Воздуха!» — и спорить с ним было очень трудно. Уже теряя сознание, Язон рванулся вверх, и неожиданно зеркальная толща льда над головой исчезла... Он вынырнул из воды и жадно глотнул воздух.

Прошло немало времени, прежде чем он очнулся и понял, что лежит на камнях по пояс в воде. Было очень холодно, и Язон быстро сообразил, что должен двигаться, иначе умрет. С трудом выбравшись из воды, он посветил фонарем вверх. Сплошная скала! Сводчатый потолок до другого берега... И никакого снега.

Пещера? Так вот в чем дело! Значит, этот ручей уходит под землю. Но любая вода должна иметь выход на поверхность. А раз так, то он может этот выход найти. И он его найдет! Ему пришло в голову, что вода может уходить в пористую породу, но он поспешил отогнать эту мысль.

— Вперед! — крикнул Язон, и эхо его крика гулко разнеслось под сводами пещеры.

Сделав несколько шагов, он увидел на песке следы. Они выходили из воды и исчезали в глубине пещеры. Значит, здесь еще кто-то есть? Следы были четкие и ясные, похоже, человек прошел тут совсем недавно. Наверное, из этой пещеры есть все-таки выход на поверхность. Теперь ему остается просто идти по следам. А пока он идет, он не замерзнет даже в мокрой одежде.

Следы вели в небольшую расщелину, которая превратилась вскоре в узкий коридор. Идти стало труднее, но следы все еще ясно читались на мягком известняке, а местами попадались метки на стенах, явно оставленные человеком.

Коридор разветвлялся на два, один из которых опять привел Язона к реке. Здесь песка не было; каменный пол резко обрывался в воду. Вернувшись обратно, Язон пошел по другому коридору.

Он шел очень долго... Язон сильно устал и, решив немного отдохнуть, прилег прямо на каменный пол. Проснувшись от холода, он заставил себя встать и идти дальше. Пещеры сменяли одна другую, и казалось, что этому не будет конца...

В одной из пещер Язон нашел человека, по следам которого шел. Кочевник в такой же, как у него, одежде спал на полу.

— Привет, — сказал Язон на меж-языке.

Не получив ответа, он подошел ближе.

Варвар спал вечным сном. Он умер уже давно: может быть, прошли годы, а может, столетия; в сухом холодном воздухе пещер тело могло сохраняться вечно. Труп высох и мумифицировался, сухие губы обнажали желтые зубы, а в вытянутой руке покойник все еще сжимал нож. Язон подобрал его и увидел, что лезвие покрыто тонким слоем ржавчины.

То, что Язон сделал потом, было нелегко, но необходимо. Осторожно приподняв труп, он снял с него одежду, а затем разделся сам и натянул сухие шкуры мертвеца. Он не испытывал отвращения — он хотел жить.

Язон выжал свою одежду и, свернув ее в узел, положил под голову. Пригасив фонарь до тусклого мерцания — не хотелось оставаться в полной темноте, — он забылся тяжелым сном.

Глава 17

— Говорят, что, когда долго ничего не меняется, невозможно определить, сколько времени прошло. Поэтому я не могу определить, как давно я тут блуждаю. — Язон сделал несколько шагов и добавил: — Очень давно, наверное...

Коридор впереди уже который раз расходился, и, прежде чем свернуть вправо, Язон сделал ножом зарубку на стене. Коридор обрывался у воды — знакомое явление. Напившись, он повернул назад, на перекрестке нацарапал условный знак «вода» и двинулся в другом направлении.

— 1803, 1804... — теперь он считал каждый третий шаг левой ноги, иначе получались очень большие числа. Это тоже было бессмысленно, но звук собственного голоса все-таки приятней мертвой тишины.

Живот наконец перестал его беспокоить. Воды для питья было достаточно, и мучительные спазмы прошли. Он решил отдохнуть и убить время подсчетом зарубок на поясе...

— Ну ты, дурацкий перекресток, я тебя уже видел! — Плюнув в сторону трех меток на стене, Язон подошел и нацарапал над ними четвертую.

Он не должен больше возвращаться сюда. Теперь он знает последовательность поворотов. Во всяком случае, ему так кажется...

— У Куглио одна планета... У Флеттер — две, но обе маленькие... Хармилл... — Он задумался. — Сколько же планет у Хармилла? Забыл.

Он уже пропел все старые походные песни и заметил, что начинает забывать некоторые слова. Почему? Язон горько рассмеялся. Ясно почему: он устал и очень голоден. Если есть вода, человек может прожить без пищи долго, очень долго... Но долго ли он сможет идти?

— Пора отдыхать? — мрачно спросил он сам себя.

— Да, пора отдыхать, — ответил он сам себе.

Коридор пошел вниз, и, кажется, запахло водой... Он научился чувствовать воду. Значит, будет песок... Это хорошо. На песке спать лучше, чем на голой скале. Он отощал, кости выпирали, и лежать на камнях было больно.

Да, песок... широкая роскошная полоса. Водоем большой и, наверное, глубокий — настоящий бассейн. Он выкопал яму в песке, выключил фонарь и улегся. Раньше он оставлял фонарь гореть — теперь ему было все равно.

Спал он, как всегда, беспокойно: часто просыпался, потом опять впадал в забытье. Один раз, открыв глаза, посмотрел на воду... Свет. Глубоко внизу. И очень слабый.

Долго лежал, размышляя. Он устал, ослаб, наверняка болен... Следовательно, у него могут быть галлюцинации. У умирающих часто бывают галлюцинации. Посмотрел еще раз... Свет.

— Что-то с этим надо делать, — пробормотал Язон и включил фонарь. В его ярком свете отблеск в воде пропал. Отложив фонарь, он достал нож и сделал неглубокий надрез на руке. Появилась кровь...

— Больно, — удивился Язон. — Но так лучше.

Боль привела его в себя, и в голове прояснилось.

— Если там внизу свет — следовательно, там выход. Значит, можно выбраться отсюда. И сделать это надо сейчас, пока я еще могу двигаться.

Он стал глубоко дышать, стараясь набрать побольше воздуха, пока из-за избытка кислорода не закружилась голова. Тогда, включив фонарь на полную мощность, он взял его в зубы и бросился в озеро.

Вода оказалась очень холодной. Глубоко нырнув, Язон изо всех сил поплыл на свет. Сплошная скала... Значит, еще

ниже. Он нырнул под каменный выступ и, проплыв по короткому туннелю, оказался в другом большом водоеме.

Далеко вверху забрезжил свет... Туда! Он рванулся вверх, но тяжелая одежда тянула на дно... Свет не приближался... Фонарь выскользнул изо рта и скрылся в глубине. Выше! Еще выше! Руки нащупали что-то твердое, и Язон, ухватившись за спасительную соломинку, вынырнул из воды и глотнул свежего воздуха.

Первые несколько минут, повиснув на стволе дерева, он мог только дышать. Придя в себя, Язон увидел, что плавает на поверхности лесного пруда. С трех сторон водоем окружали деревья, а с четвертой высилась необъятных размеров скала. Он был в низине, под обрывом.

Выбравшись из воды, Язон упал на траву и долго лежал. Только заметив на соседних кустах ягоды, он заставил себя встать. Ягод оказалось мало, и, как выяснилось, к счастью: даже то немногое, что он с жадностью проглотил, вызвало острую резь в желудке. Язон опять лег на землю и уснул, а проснувшись, почувствовал себя намного бодрее.

— Оружие! Здесь каждый воюет со всеми. Первый встречный попытается проломить мне череп, чтобы забрать эти шкуры. Где взять оружие?

Нож утонул вместе с фонарем, и Язону пришлось довольствоваться острым камнем. Срубив им небольшое деревце, он после часа упорного труда получил грубую, но вполне сносную дубину. Ее можно было использовать и как оружие, и как палку, чтобы опираться при ходьбе.

Вооружившись таким способом, Язон двинулся в путь по лесной тропе.

Ближе к вечеру, когда голова опять пошла кругом, он встретил незнакомца — высокого стройного человека в военной одежде, вооруженного луком и алебардой. Остановившись в нескольких шагах от Язона, тот задал ему вопрос на непонятном языке. Язон в ответ пожал плечами и пробормотал что-то невразумительное. Он очень старался казаться слабым и больным и очень надеялся, что в рваной одежде и со спутанной бородой выглядит совершенно неопасным.

Незнакомец, очевидно, тоже так подумал и не стал убивать Язона из лука, а направился к нему, помахивая алебардой. Язон знал, что успеет нанести только один удар, и, если он промахнется, этот сильный юноша съест его живьем.

— Амбл, амбл, — пробурчал Язон, отодвигаясь.

— Фримбл-бримбл, — сказал солдат, подходя ближе.

Перекинув дубинку в левую руку, Язон правой схватился за древко алебарды, а концом дубинки сильно ткнул незнакомца в солнечное сплетение. Тот громко выдохнул и упал на землю.

— Положение меняется к лучшему! — обрадовался Язон и потянул к себе сумку противника. Может, там еда? Он рванул завязки...

Глава 18

Рес сделал последнюю запись в бухгалтерской книге и устало откинулся в кресле. Остальные пирряне уже ушли, а у него оставались еще кое-какие дела.

Во дворе послышались громкие крики и возня: похоже, кто-то пытался ворваться в здание. Рес не обратил на это внимания: его телохранитель Риклан — отличный боец, он сумеет вышвырнуть любого незваного гостя. Крики внезапно прекратились, и вслед за этим грохот возвестил, что Риклан со всем своим оружием упал на булыжную мостовую двора.

Рес не спал уже двое суток и пребывал из-за этого в весьма дурном расположении духа. А подходить к пиррянину, когда у него плохое настроение, очень опасно. Рес встал из-за стола и приготовился прикончить любого, кто сейчас войдет — и лучше голыми руками, чтобы кости хрустнули.

Дверь распахнулась, и вошел бородатый человек в мундире наемного солдата. Рес сжал кулаки и шагнул ему навстречу...

— В чем дело? Ты, кажется, хочешь убить меня? — спросил солдат на чистом пиррянском языке.

— Язон! — Рес одним прыжком перемахнул через всю комнату и хлопнул друга по спине.

— Полегче! — Язон уклонился от объятий и упал на диван. — От пиррянских приветствий можно остаться калекой.

— Мы думали, ты умер. Как ты оказался здесь?

— С удовольствием все тебе объясню, но предпочитаю сделать это за едой. Кроме того, я тоже хочу знать новости. Последний раз я слышал о политическом положении на Счастье довольно давно. Как идет торговля?

— Никак, — угрюмо сказал Рес, доставая из буфета мясо, хлеб и затянутую паутиной бутылку. — После того, как тебя

убили... То есть это мы думали, что тебя убили. Так вот... Все рухнуло. Керк услышал тебя по дентофону и загнал моропа, торопясь на помощь. Но опоздал. Там был жонглер, который донес на тебя, и он начал кричать, что Керк — пришелец из другого мира. Керку пришлось сбросить его с обрыва, чтобы он не наговорил лишнего. Темучин был разъярен, Керк тоже, и они чуть не схватились. Но ты все равно уже погиб, и самое большое, что Керк мог для тебя сделать, — это попытаться выполнить твой план.

— И получилось?

— Нет. Темучин убедил вождей, что им нужно сражаться, а не торговать. Керк помог мне, но все было кончено — план провалился. Другого у нас не было, и мы решили вернуться на Пирр.

— Но это невозможно!

— У нас нет выбора. Но расскажи, как ты здесь оказался? В ту ночь мы послали людей вниз, но они не нашли тебя. Там было полно трупов и скелетов. Мы решили, что ты провалился под лед, а тело унесло течением.

— Упал в сугроб и мог бы дожидаться вас там, замерзший, но живой... Если бы не провалился под лед. Мне удалось выплыть, но я попал в подземный лабиринт. На счастье, под рукой оказался фонарь и очень много терпения, никогда и не подозревал, что у меня его столько. В конце концов я выбрался из этих пещер и, совершив полное приключений путешествие, добрался сюда.

— Ты пришел вовремя. Завтра было бы уже поздно. Катер с корабля заберет меня после наступления темноты, а до места встречи нужно еще проплыть километров десять.

— Ну что ж, у тебя будет еще один гребец. Поев, я смогу идти куда угодно.

— Я радирую о твоем появлении, чтобы эту новость передали Керку и всем остальным.

Они взяли одну из лодок Реса и на закате добрались до небольшого скалистого островка. Там, нагрузив лодку камнями и проломив днище, они потопили ее и стали ждать катер.

Пилот кивнул Язону в знак того, что узнал его: более горячего приветствия от пиррянина ожидать не приходилось.

Команда на «Драчливом» еще спала, пиррянское племя прибывало только завтра, и Язон сразу отправился в свою каюту.

Там все было по-прежнему. В углу поблескивало металлическое яйцо библиотеки. На кой черт он купил эту штуку? Проходя мимо, Язон пнул ее, но нога лишь скользнула по гладкому полированному боку.

— Бесполезно. — Он нажал кнопку включения. — Что хорошего ты можешь сказать после этого?

— Это вопрос? В таком случае прошу уточнить значение слова «хорошего» в данном контексте.

— Большой рот! Только и можешь, что говорить. Где ты была, когда я в тебе нуждался?

— Там, где меня оставили. Я отвечаю на любой вопрос, но ваши лишены смысла.

— Не оскорбляй своего хозяина, машина! Это приказ.

— Слушаюсь, сэр.

— Так-то лучше. Я тебя породил, я тебя могу и убить.

Язон налил себе напитка покрепче, отпил немного и опустился в кресло. Библиотека мигала и гудела.

— Держу пари, ты невысоко ценишь мой план переубедить туземцев.

— Я не знаю вашего плана, поэтому не могу дать объективной оценки.

— Я тебя и не спрашиваю. Держу пари, ты думаешь, будто можешь придумать лучше.

— Для действий в какой области знаний вам нужен план?

— В области изменения культуры. Но я тебя не спрашиваю.

— Материалы об изменении культуры содержатся в разделах «История» и «Антропология». Если вы не спрашиваете, прошу взять вопрос назад.

Язон отхлебнул из стакана и вздохнул:

— Ладно, я спрашиваю. Расскажи мне о культуре.

Язон выключил библиотеку и откинулся в кресле. Лампы погасли, гудение прекратилось, наступила тишина.

Итак, это все-таки можно сделать. Ответ был все время здесь, в разделе «История». Стоило только заглянуть туда... Он обязан был посоветоваться с библиотекой. Его глупости нет прощения.

Но ведь все еще можно исправить.

— А почему бы и нет?! — воскликнул Язон.

Он забегал по комнате, молотя кулаком по ладони. Все еще можно исправить, если правильно действовать. Вот только сможет ли он убедить пиррян? Вряд ли им понравится его

новый план. Скорее всего, они будут категорически против. Значит, придется обойтись без них.

Язон посмотрел на часы. Катер отправится за Керком и остальными не раньше чем через час. За это время он вполне сумеет собраться и написать Мете записку с туманным изложением своих дальнейших планов. Потом Клон высадит его неподалеку от лагеря Темучина. Не отличающийся воображением пилот сделает то, что ему скажут, не задавая лишних вопросов.

«Да. Это можно сделать, — подумал Язон. — Клянусь звездами, именно это я и сделаю!»

Глава 19

Он был главой всех гор,
Правил равнинами и ущельями,
Ничто не происходило без его ведома.
Многие умирали по его немилости.

Из «Песни о Темучине»

Темучин ворвался в камач с обнаженным мечом в руке.

— Покажись! Мои охранники лежат снаружи, сраженные тобой. Покажись, шпион, чтобы я мог убить тебя.

Закутанная в плащ фигура выступила из темноты, и Темучин поднял меч... Язон отбросил с лица капюшон.

— Ты! — глухо промолвил Темучин и выронил меч. — Ты не можешь быть здесь. Я убил тебя своими собственными руками. Ты привидение или демон?

— Я вернулся, чтобы помочь тебе, Темучин. Открыть новый мир для твоих завоеваний.

— Демон, вот ты кто. Вместо того чтобы умереть, ты возвратился оттуда с новыми силами. Демон с тысячью обличий — вот почему тебе удалось обмануть так много людей. Жонглер думал, что ты пришелец из другого мира. Пирряне считали тебя членом своего племени. Я думал, что ты верный товарищ, помогающий мне.

— Отличная теория. Можешь верить, во что хочешь. Только выслушай, что я хочу сказать тебе.

— Нет! Если я буду слушать тебя, меня постигнет проклятие!

Он подобрал меч, и Язон быстро заговорил, готовясь сражаться за свою жизнь:

— На дне ущелья, которое вы называете Врата Ада, есть пещеры. Они ведут не в Ад, а в низины. Я побывал там и вернулся морем, чтобы рассказать тебе об этом. Ты можешь провести армию через пещеры и вторгнуться в низины. Сейчас ты правишь здесь, а я предлагаю тебе новые земли для завоевания. Ты единственный, кто способен покорить весь мир.

— Ты демон. Я все равно не могу убить тебя. Я должен прогнать тебя, но не могу выбросить из головы твои слова. Ты знаешь то, чего не знает ни один человек: я опустошен. Я захватил все равнины, и это конец. Что за радость править тут? Нет ни войн, ни завоеваний, ни радости от вида павшего врага. Днем и ночью грезил я об этих богатых лугах и городах внизу, под обрывом. Ни порох, ни армии не устоят против моих воинов. Мы завоюем их!

— Да, ты можешь сделать это, Темучин. И станешь хозяином всего мира.

В тишине слышалось лишь потрескивание лампы. Когда Темучин заговорил снова, голос его звучал решительно:

— Да, я хочу этого, даже знаю цену. Ты заберешь меня, демон, в свой Ад внизу, под горами. Но ты не возьмешь меня, пока я не завоюю все.

— Я не демон, Темучин!

— Не смейся надо мной. Я знаю правду. Оказывается, в песнях жонглеров есть правда, хотя я никогда не верил им. Ты искушал меня, я согласился — и теперь проклят. Расскажи, когда и как я умру.

— Я не могу сказать тебе этого.

— Конечно, нет. Ты ведь тоже подчиняешься высшим силам.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю, что ты имел в виду. Получая все, я все теряю. Я согласен. Но сначала я выиграю войну... Ведь так, демон, я выиграю?

— Конечно, выиграешь...

— Больше ничего не говори. Я передумал. Я ничего не хочу знать о своей смерти... — Он тряхнул плечами, как бы сбрасывая тяжелую ношу, и сунул меч в ножны.

— Ладно, верь, во что хочешь. Только дай мне несколько сильных воинов, и я открою тебе путь в низины. По веревочным лестницам мы спустимся на дно ущелья. Я пометил

путь, и мы не заблудимся в пещерах. Потом за нами пройдет вся армия. Но пойдут ли они вниз?

— Они поклялись следовать за мной в Ад, если я прикажу. Они пойдут, — засмеялся Темучин.

— Отлично! Пожмем друг другу руки.

— Конечно! Я получу весь мир и вечность в Аду, поэтому мне нечего бояться твоих ледяных рук, демон.

Он с силой сжал ладонь Язона, и Язон восхитился мужеством этого человека.

Глава 20

— Пожалуйста, позволь мне поговорить с ним, — попросила Мета.

Керк отстранил ее и сжал микрофон в огромном кулаке.

— Выслушай меня, Язон. Никто из нас не может понять и объяснить твои действия. Если Темучин захватит и низины, мы никогда не сможем свергнуть его и открыть шахты. Рес вернулся в Аммх и возглавил сопротивление вашему вторжению. Некоторые из наших хотят присоединиться к нему. Я прошу тебя в последний раз: прекрати то, что ты делаешь, пока еще не поздно.

До них донесся спокойный голос Язона:

— Керк, я слышал все, что ты сказал, и я все понял. Но уже слишком поздно. Большая часть армии прошла через пещеры, а в деревнях мы захватили много моропов. Ничто, говорю тебе, не может теперь остановить Темучина. Война уже началась. Жители низин могут ее выиграть, но я в этом сомневаюсь. Темучин будет править и над утесами, и под ними, и, в конечном итоге, это к лучшему...

— Нет! — крикнула Мета, выхватывая у Керка микрофон. — Язон, слушай меня. Ты не можешь этого сделать. Ты научил нас, как жить, не убивая, и, поверь мне, мы старательно учились этому. Однако то, что ты делаешь сейчас, гораздо хуже войны на Пирре. Там, в конце концов, мы защищали свою жизнь. А у тебя нет этого оправдания. Ты показал этому чудовищу Темучину путь к новой войне и убийству множества людей. Как ты можешь объяснить это?

В громкоговорителе трещало, а они терпеливо ждали ответа. Наконец Язон заговорил, и голос его звучал устало:

— Мета... мне очень жаль. Я хотел бы все объяснить тебе,

но уже поздно. За мной следят, и я должен спрятать передатчик до того, как они подойдут. Кто-то много лет назад сказал, что нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца. Изменить культуру общества без ущерба для отдельных людей тоже нельзя. Люди будут страдать и умирать из-за меня, и не думай, что меня это не печалит. Но... послушай, я не могу больше говорить. Сейчас они будут здесь. — Его голос перешел в шепот. — Мета, если никогда не увидимся, запомни, есть такое старое слово, оно существует во многих языках... Библиотека переведет его тебе и объяснит значение. Лучше это сказать по радио. Сомневаюсь, что смогу сказать это тебе в лицо. Ты сильнее меня, Мета, у тебя мужская реакция, но ты женщина. И, черт побери, я хочу сказать тебе, что я... я тебя люблю... Будь счастлива. Конец связи.

В громкоговорителе щелкнуло, в комнате наступила тишина.

— Что значит это слово? — спросил Керк.

— Мне кажется, я знаю. — Мета отвернулась, чтобы никто не видел ее лица. — Точно знаю.

— Алло, штурманская! — прокричал чей-то голос. — Говорит радиорубка. С Пирра пришло сообщение с пометкой «чрезвычайно срочно».

— Включайте! — приказал Керк.

Послышался гул помех и характерный для джамп-передачи треск, потом сквозь шум пробился взволнованный голос:

— Внимание, все станции в радиусе Зет! Чрезвычайно срочное сообщение для планеты Счастье, космический корабль «Драчливый», индекс Ама-Рона Пи, 290-633-087. Следует текст сообщения: «Керк и все там. Мы потерпели поражение во всех квадратах, сократили Периметр и покинули большую часть города. Не знаем, сможем ли держаться дальше. Бруччо говорит, что это что-то новое и наше обычное оружие не поможет. Мы могли бы использовать орудия вашего корабля. Если можете, возвращайтесь немедленно. Конец сообщения».

Радиорубка транслировала сообщение во все отсеки корабля, и в полной тишине, наступившей по окончании передачи, послышался топот ног в коридоре. Когда в штурманскую ворвался первый человек, Керк уже пришел в себя и начал отдавать команды:

— Всем в поселке. Мы вылетаем немедленно. Освободить всех пленных. Начинается подготовка к старту.

Никто не выказал ни тени сомнения. Было немыслимо, чтобы пирряне действовали иначе! Их дом, их город в опасности, на краю гибели, может быть, уже погиб! Все бросились по местам.

— Рес, — сказала Мета, — он с армией Аммха. Как нам связаться с ним?

Керк немного подумал, потом покачал головой.

— Это невозможно. Оставим ему катер на обычном месте, на острове. Сделаем запись сообщения. Она будет работать автоматически. Как только он включит радио, сразу поймает наше сообщение. Оставим там медикаменты и джамп-передатчик. С ним все будет в порядке.

— Ему это не понравится.

— Это все, что мы можем сделать. Пора готовиться к старту.

Они действовали как единый организм. Назад, на Пирр! Их город в опасности!

На старте Мета выжала максимальное ускорение, какое только смогла выдержать — корабль взлетел на 17 g. Из всех возможных курсов был выбран самый рискованный, но зато самый короткий. Никто не жаловался и не возражал. Они вообще почти не разговаривали друг с другом. В глубине души каждый пиррянин сознавал, что его народ обречен на вымирание, но обсуждать эту тему считалось недопустимым.

Задолго до расчетного момента выхода из джамп-режима все на борту «Драчливого» были вооружены и готовы к бою: мужчины, женщины и даже десятилетний Гриф — ребенок, но пиррянин, как и другие.

Корабль снижался в режиме свободного падения: корпус раскалился добела, охладители работали на пределе. Люди обливались потом, их одежда промокла насквозь, но все продолжали работать, не обращая внимания на жару. Изображение поверхности планеты передавалось на все экраны корабля. Внизу проносились пиррянские джунгли, затем в отдалении показался столб дыма. «Драчливый», падая, как коршун на добычу, опускался все ниже и ниже.

Джунгли полностью захватили город. От неприступного некогда Периметра осталась лишь покатая насыпь, поросшая растениями. Из окон зданий торчали колючие кусты, по улицам бродили звери, на сторожевой вышке спокойно сидел шипокрыл. Подлетев ближе, они увидели, что дым поднимается из обломков их космического корабля; он лежал на краю космопорта, весь опутанный гигантскими лианами.

В разрушенном городе не было и следа человека — повсюду царили растения и животные. Теперь они вели себя удивительно спокойно: с гибелью города исчезла ненависть, столько лет побуждавшая их к жизни. Только когда корабль пролетал низко над землей, они начинали проявлять признаки активности, улавливая эмоции пиррян.

— Они не могли все погибнуть, — с отчаянием в голосе сказал Тека. — Смотрите внимательно!

— Я прочешу город по квадратам, — предложила Мета.

Керк, не в силах смотреть на погибший город, отвернулся от экрана и тихо, как бы обращаясь к самому себе, сказал:

— Мы знали, что когда-нибудь этим кончится. Мы знали и поэтому пытались начать новую жизнь на другой планете. Но одно дело — знать, а совсем другое — увидеть вот так, собственными глазами. Мы здесь жили, ели, спали... Наши друзья и близкие остались здесь... И теперь все это погибло.

— Вниз! — крикнул Клон, ослепленный ненавистью. — Нападаем! Мы еще можем бороться.

— Здесь не за что бороться, — печально возразил Тека. — Как говорит Керк, все погибло.

Из города донеслись выстрелы, и они с надеждой полетели в том направлении. Но это оказался всего лишь автоматический пулемет; расстреляв боезапас, он затих, как и все в городе.

На пульте уже несколько минут горел сигнал вызова, и наконец его заметили. Передача шла не из города, а из прежней штаб-квартиры Реса. Керк включил передатчик.

— Говорит Накса! Вызываю «Драчливый»! Вы слышите меня?

— Говорит Керк. Мы над городом. Мы пришли... слишком поздно. Что произошло?

— Вы опоздали на несколько дней, — вздохнул Накса. — Они нас не послушались. Мы предлагали помощь. Говорили, чтобы они оставили город. Но они не послушались... Как будто хотели умереть в своем городе. Казалось, вся планета воюет с ними. Мы не хотели мириться с их гибелью. Вытащили из шахты все оборудование и пробили подземный ход в город. Забрали детей и некоторых женщин. Из раненых смогли взять только тех, кто был без сознания. Больше никто не ушел. Потом планета успокоилась. Мы с несколькими гово-

рунами отправились посмотреть на город. Обошли все до последнего здания. Внутри Периметра все погибли... Погибли в бою. Единственное, что мы смогли забрать оттуда, — это записи Бруччо.

— Сообщи координаты выживших, — сказал Керк. — Мы направимся туда.

Накса передал координаты и спросил:

— Что же вы теперь будете делать?

— Еще не знаем. Свяжемся с вами позже.

— Что же мы будем делать? — как эхо повторил Тека. — Здесь у нас ничего не осталось.

— Но у нас и на Счастье ничего нет... Пока там правит Темучин, мы не можем открыть шахты.

— Вернемся. Убьем Темучина. — Пистолет выскочил у Теки из кобуры. Он хотел отомстить, убить хоть кого-нибудь.

— Мы обсудим это позже, — ответил Керк. — Сначала надо повидаться с выжившими.

Общую мысль выразила Мета:

— Мы потеряли все.

Глава 21

Четверо воинов втащили сопротивляющегося жонглера в комнату и швырнули его на пол. Язон с трудом перевернулся и встал на колени.

— Выйдите! — приказал Темучин воинам и сильно ударил Язона по голове, отчего тот вновь упал на пол.

— Должна все-таки быть какая-то причина... — спокойно сказал он, не пытаясь больше подняться.

Темучин молча расхаживал по роскошно обставленной комнате, сжимая и разжимая огромные кулаки.

Острые шпоры на сапогах вождя со скрежетом царапали драгоценный мрамор пола. Остановившись у высокого окна в дальнем конце комнаты, он бросил взгляд на раскинувшийся за стенами дворца город... Потом, внезапно рванув со стены гобелен, схватил железный стержень, на котором тот висел, и бросил в мозаичное окно. Стекло разлетелось вдребезги.

— Я проиграл! — Это был крик раненого зверя.

— Ты выиграл, — сказал Язон. — Почему ты так говоришь?

— Хватит! — резко бросил Темучин, поворачиваясь к нему. — Ты знаешь, что произошло?

— Я знаю, что ты хотел победить — и победил. Армии пали перед тобой, и твои орды захватили всю страну. Вожди племен правят теперь в городах, а сам ты — повелитель всего мира — правишь здесь, в Эолозаре.

— Не играй со мной, демон. Я знал, что это произойдет, но не думал, что так быстро. Ты должен был дать мне больше времени.

— Зачем? — спросил Язон, вставая. Темучин все понял, и играть дальше в прятки не имело смысла. — Ты ведь сам говорил, что, выиграв, проиграешь.

— Да, говорил. — Темучин устремил невидящий взор в окно. — Но я был глуп. Я думал, что потеряю только свою жизнь, а теперь вижу, что умрет весь мой народ, все мы. Я не хочу этого! Возьми меня, но верни все.

— Не могу.

— Не можешь?! — Темучин бросился к Язону и, схватив его за грудки, встряхнул, как пустой бурдюк. — Измени все. Я приказываю!

Слегка ослабив хватку, он ждал ответа.

— Не могу. А если бы и мог — не стал бы. Выиграв, ты проиграл — именно этого я и хотел. Эта жизнь, которую ты так хочешь возвратить, кончилась и никогда уже не вернется.

— Ты знал все заранее, — неожиданно спокойно сказал Темучин, отпуская Язона. — И хотел, чтобы так случилось... Почему?

— Слишком много причин.

— Назови главную.

— Люди должны жить по-другому, не так, как жили вы. Хватит проливать кровь, хватит воевать, это была последняя твоя война. Заканчивай свою жизнь, Темучин, и умри в мире.

— Это ведь не единственная причина?

— Не единственная... Я хочу, чтобы пришельцы из другого мира построили шахты на ваших равнинах. Теперь они смогут это сделать.

— Выиграв, я проиграл. Но этому должно быть какое-то название...

— Да. Это называется «пиррова победа». Ты — тигр в клетке, Темучин. Я восхищаюсь твоей силой и характером, но я рад, что ты теперь в клетке. — Не глядя на дверь, Язон осторожно шагнул к ней.

— Не спасешься, демон!

— Но почему? Я не могу причинить тебе вреда, но помочь тоже больше не могу.

— А я не могу убить тебя. Нельзя убить демона — он и так мертв. Но ты — демон в человеческом обличье, и твою человеческую плоть можно пытать. И твоя пытка будет длиться всю мою жизнь. Конечно, это слишком маленькая плата за все, что я потерял, но больше я ничего не могу сделать. Ты лучше меня видишь будущее, демон, и...

Последних слов Язон уже не слышал — метнувшись к выходу, он нырнул в дверь.

Два воина в дальнем конце зала обернулись и выставили копья. Не останавливаясь, Язон схватился обеими руками за древки и, скользнув по полу, опрокинул охранников на мраморные плиты. Он упал сам, но тут же вскочил и побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки и каждую секунду рискуя упасть. Наконец, благополучно добравшись до первого этажа и никого больше не встретив на своем пути, Язон выскочил в сад.

В воротах стояли вооруженные воины, и он бросился к стене. Высокая, утыканная по верху высокими кольями, она казалась совершенно неприступной. Ничего, он сможет перемахнуть через нее! За спиной по каменным плитам гулко застучали шаги, и Язон, стремительно прыгнув, ухватился за край стены.Отлично! Сейчас он подтянется, перекинет ногу, протиснется между кольями и, спрыгнув по ту сторону, растворится в лабиринте городских улочек.

Кто-то повис на нем, мешая подтянуться. Язон наугад ударил ногой и даже почувствовал, что попал, но вырваться не смог. Новые и новые руки хватали его, отдирая от спасительной стены...

— Приведите его ко мне! — проревел Темучин, перекрывая шум. — Сюда его! Он мой!

Глава 22

Около патрульного катера виднелась маленькая фигурка — это Рес дожидался, пока закончится посадка «Драчливого». Корабль опускался на 20 g — Мета не желала терять ни секунды драгоценного времени.

Как только открылся входной люк, Рес быстрым шагом направился к кораблю.

— Быстро рассказывай все, — потребовала Мета вместо приветствия.

— Рассказывать особенно нечего. Как мы и предполагали, Темучин выиграл войну, взяв все города один за другим. Я участвовал во всех битвах, а потом бежал, не желая, чтобы мои большие пальцы украсили знамя варваров. Тогда я и получил ваше сообщение. Расскажите о Пирре.

— Конец, — сказал Керк. — Город погиб, все кончено.

Рес помолчал, а потом, встретившись глазами с Метой, сказал:

— У Язона был передатчик, и он сумел связаться со мной. Разговор был короткий. Я его не записывал, но хорошо помню. Язон сказал, что скоро можно будет открывать шахты, что мы победили... «Пирряне выиграли» — вот как он сказал. Потом начал говорить что-то еще, но тут связь внезапно прервалась — наверное, за ним пришли. С тех пор я кое-что слышал о нем...

— Что ты имеешь в виду? — быстро спросила Мета.

— Темучин сделал своей столицей Эолозар — самый большой город Аммха. Он держит Язона там... в клетке, подвешенной к фасаду дворца. Вначале его пытали, теперь он обречен на голодную смерть.

— Но зачем? И почему?

— Причина мне неизвестна. Официально Язон объявлен демоном. Кочевники верят, что демона убить нельзя, но, если он будет долго страдать от голода, человеческое обличье с него спадет и демон примет свой истинный вид. Может быть, Темучин в это и не верит, но действует в полном соответствии с этими бреднями. Язон висит в клетке уже пятнадцать дней.

— Мы должны идти туда! — Мета вскочила с места. — Мы должны освободить его!

— Мы так и сделаем, — подтвердил Керк. — Рес, у тебя найдется для нас одежда и моропы?

— Конечно. Сколько вам нужно?

— Действовать с помощью силы мы не можем — нельзя выступать в открытую против повелителя всей планеты. Поэтому мы с тобой отправимся вдвоем. Ты покажешь дорогу, а я посмотрю, что там можно сделать.

— Я пойду с вами, — решительно заявила Мета.

— Итак, нас трое, — подытожил Керк. — Надо торопиться, неизвестно, сколько он продержится.

— Они дают ему ежедневно чашку воды, — сказал Рес, стараясь не встречаться глазами с Метой. — Полетим на корабле, я покажу дорогу. Теперь уже нечего скрывать, что мы с другой планеты.

Эолозар стоял в низине, окруженный со всех сторон холмами; рядом протекала широкая полноводная река. Вскоре после полудня пирряне вступили в город и, бросив уличному мальчишке монету, узнали у него дорогу ко дворцу. Рес был одет в привычный для него наряд богатого торговца, Керк облачился в свои доспехи вождя, а Мета по обычаю горожан закуталась в покрывало.

Они долго пробирались по шумным улицам города, пока не выехали на большую и безлюдную площадь перед дворцом. Здесь находилась резиденция Темучина; облицованные дорогим мрамором стены дворца ослепительно сверкали на солнце.

Угрюмые кочевники охраняли ворота: их суровые лица резко контрастировали с роскошными одеждами, которые они захватили в последнем походе и теперь безуспешно пытались научиться носить. Но длинные копья и тяжелые мечи недвусмысленно напоминали о смертельной опасности, по-прежнему исходящей от этих людей.

Высокая колоннада окружала дворец, и между двумя колоннами висела на цепях большая железная клетка. Клетка была без двери: очевидно, ее соорудили вокруг пленника и не собирались открывать.

— Язон! — воскликнула Мета, глядя на неподвижно лежащего в клетке человека. Узник не подавал никаких признаков жизни.

— Я сейчас займусь им, — сказал Керк, спрыгивая с моропа.

— Подожди! — Рес пытался остановить его. — Что ты собираешься делать? Если тебя убьют, Язону это не поможет.

Не отвечая, Керк грозно двинулся вперед. Он слишком много потерял за последние недели и не желал больше прислушиваться к голосу разума. Вся его ненависть сосредоточилась теперь на одном человеке, и уже ничто не могло остановить его.

— Темучин! — крикнул Керк, входя в ворота. — Выходи

из своего логова! Выходи и посмотри мне в глаза, мне, Керку, — вождю пиррян! Покажись, трус!

Начальник охраны — старый знакомый Аханк — бросился к нему, обнажая на ходу меч. Не поворачивая головы, Керк небрежно ударил его ребром ладони, и Аханк, упав на землю, замер, неестественно вывернув голову.

— Темучин, трус, выходи! — снова крикнул Керк и, обернувшись к подоспевшей охране, презрительно рявкнул: — Что вам надо, собаки? Вы осмелитесь напасть на меня — вождя пиррян, покорителя Глубокого Ущелья?

Воины в страхе отступили, и Керк вновь повернулся ко дворцу — у входа стоял Темучин.

— Ты слишком много себе позволяешь, — процедил тот с холодной яростью в голосе.

— Нет, это ты позволяешь себе слишком много. Нарушаешь законы племени. Схватил человека из моего племени и пытаешь его. Ты трус, Темучин! Я говорю это тебе в лицо.

Меч Темучина блеснул в лучах солнца.

— Довольно, пиррянин! Ты сказал достаточно. Мне следовало бы приказать убить тебя, но я никому не хочу уступать такого удовольствия и сделаю это сам. Жалею, что не убил тебя раньше. Именно из-за тебя да еще из-за этого существа, которое называет себя Язоном, я лишился всего.

— Еще не всего. — Керк вытащил меч. — Сейчас лишишься жизни.

Темучин поднял меч и с силой обрушил его на Керка. Пиррянин легко отразил чудовищный удар, который обычного человека разрубил бы надвое, и битва началась...

Они сражались яростно и жестоко — без выпадов и прочих фехтовальных премудростей. Едва начавшись, поединок сразу превратился в сплошной обмен сокрушительными ударами. Мертвую тишину двора нарушал только звон мечей и тяжелое дыхание обоих вождей.

Никто не уступал: Керк был опытнее и сильнее, но Темучин всю жизнь не выпускал из рук меча и вообще не знал, что такое страх.

Керк ожесточенно атаковал, нанося удар за ударом, пока меч Темучина не переломился пополам. Отбросив бесполезное теперь оружие, вождь варваров успел увернуться от смертельного удара, но острие меча царапнуло его по бедру, и золотой шелк одежды окрасился кровью.

Керк занес меч для последнего удара.

— Лучники! — крикнул Темучин, он не хотел так просто расставаться с жизнью.

Керк, рассмеявшись, отшвырнул свой меч.

— Ты, царствующий трус! Не думай, что отделаешься от меня так легко. Я убью тебя голыми руками.

Испустив яростный крик, Темучин бросился на пиррянина, и они сошлись лицом к лицу в смертельном поединке. Схватив Темучина своими огромными ручищами, Керк принялся душить его. Тот, в свою очередь, вцепился Керку в горло, но стальные мышцы на шее пиррянина могли выдержать любой напор. Лицо Темучина исказила гримаса ужаса, как будто он увидел саму смерть, и вождь попытался вырваться из рук пиррянина, но Керк ни на секунду не ослаблял хватки.

Слабеющей рукой Темучин дотянулся до пояса и выхватил кинжал.

— Керк! У него нож! — крикнул Рес, но клинок уже вонзился пиррянину в бок, чуть ниже нагрудника.

Взревев от ярости, Керк оторвал врага от земли и, намертво сцепив руки у него на шее, с силой сжал. Темучин закричал, глаза его выкатились из орбит, послышался треск ломающихся костей, и тело вождя безжизненно обмякло. Керк разжал пальцы, и Великий Темучин, вождь всех племен, правитель равнин и завоеватель низин, мертвый, упал к его ногам.

На одежде Керка расплывалось красное пятно, и Мета подбежала к нему, собираясь помочь.

— Оставь, — приказал Керк, глядя на торчащий из раны кинжал. — Рана закрытая, задеты только мышцы. Этим можно заняться потом. Сначала вытащим Язона.

Ошарашенные кочевники даже не пытались помешать им, когда Рес отобрал у ближайшего воина копье и, зацепив клетку, подтянул ее к земле. Язон безжизненно дернулся от толчка и перекатился на спину. Вокруг глаз у него проступали страшные черные круги, а сквозь дыры в одежде виднелись раны и кровоподтеки.

— Он!.. — сказала Мета, и голос ее пресекся.

Рес взялся за прутья решетки и, напрягшись, выломал два из них.

Язон открыл налитые кровью глаза и посмотрел на пиррян.

— Вы, как всегда, вовремя, — прошептал он и вновь потерял сознание.

Глава 23

— Пока хватит, — сказал Язон, отстраняя протянутый Метой стакан. Он сидел на своей койке на борту «Драчливого», умытый, перевязанный, напичканный лекарствами, а в изголовье кровати стояла капельница с глюкозой. Керк сидел напротив, слегка перекосившись на один бок. Тека, отрезав у него кусок кишечника и сшив несколько сосудов, наложил на рану гору бинтов, но пиррянин не обратил на все это никакого внимания.

— Рассказывай, — сказал он. — Я включил этот микрофон в систему оповещения корабля, все хотят слышать тебя. Откровенно говоря, мы до сих пор не знаем, что произошло, хотя и ты, и Темучин на все лады твердили, что победа обернулась поражением. Это как-то не очень понятно.

Мета склонилась над Язоном. Он улыбнулся и, прежде чем заговорить, положил руку ей на запястье.

— Это целая история. Мне помогла библиотека. К счастью, я обратился к ней не слишком поздно, хотя и позже, чем следовало бы. Библиотека пересказала мне кучу книг и очень быстро доказала, что культуру нельзя изменить извне. А ведь именно это мы и пытались сделать. Но так можно культуру уничтожить, а изменить нельзя. Вы когда-нибудь слышали о племенах готов и гуннов Старой Земли?

Пирряне отрицательно покачали головами, и Язон, смочив горло, продолжал:

— Это были примитивные варварские племена: они жили в лесах, предавались пьянству и воевали друг с другом. Эти варвары очень гордились своей независимостью и очень часто сражались с римскими легионами. И римляне постоянно их били. Вы думаете, варвары извлекли из этого урок? Ничуть не бывало. Выжившие уходили еще дальше в леса, сохраняя свою независимость и свой образ жизни. Но со временем они двинулись на Рим, захватили его и познакомились со всеми благами цивилизации. И вот тогда их культура изменилась — варваров больше не стало. Но произошло это только тогда, когда они победили.

Древние китайцы, кстати, веками пользовались этим способом борьбы с завоевателями. Будучи плохими воинами, они показали себя великими приспособленцами. На протяжении многих веков их побеждали снова и снова, а они просто растворяли победителей в своей культуре.

Я усвоил урок и подумал, а почему бы и здесь не проделать то же самое? Темучин оказался настолько честолюбив, что не смог противиться искушению завоевать весь мир, и он, не раздумывая, вторгся в низины, стоило мне только это предложить.

— И, выиграв, он проиграл, — сказал Керк.

— Именно. Мир теперь принадлежал ему. Захватив города, он захотел воспользоваться их богатствами. Но, чтобы удержать города, пришлось в них обосноваться. Лучшие военачальники Темучина, став правителями новых земель, попали в окружение непривычной роскоши. И им это понравилось. И им захотелось задержаться здесь подольше. В глубине души они, конечно, остались кочевниками. Ну а дальше что? Кем вырастет следующее поколение варваров? Если Темучин со своими вождями будет жить в тепле и уюте в городах, то как он сможет заставить остальных мерзнуть в камачах на равнинах? Не силой же... Ни один варвар не захочет оставаться там — он лучше спустится в низины и воспользуется своей долей награбленного. Вино ведь крепче ачада, тем более что у жителей низин есть даже перегонные аппараты. Кочевой образ жизни теперь обречен. И Темучин понял, что, победив, уничтожил тот образ жизни, который его породил и привел на вершину славы. Именно поэтому он так ненавидел меня и называл демоном.

— Бедняга Темучин, — неожиданно сказала Мета и вздохнула. — Его погубило собственное честолюбие. Завоевав весь мир, он в итоге потерял больше всех.

— И свой образ жизни, и саму жизнь, — согласился Язон и добавил: — Это был великий человек.

— Вы еще скажите, что жалеете о его смерти! — взревел Керк.

— Нет, конечно. Он получил все, что хотел, — и умер. Немногим выпала такая завидная доля.

— Выключи микрофон, — сказала Мета. — Керк, ты можешь идти.

Огромный пиррянин хотел было возразить, но вместо этого лишь улыбнулся и вышел из каюты.

— Что ты теперь собираешься делать? — спросила Мета, как только за Керком закрылась дверь.

— Месяц спать, есть бифштексы и набираться сил.

— Я не об этом. Я спрашиваю, куда ты отправишься? Или, может быть, ты останешься с нами?

Она очень старалась выразить свои чувства, но ее словарный запас не подходил для подобных разговоров. Вместо того чтобы помочь ей, Язон спросил:

— Тебя это волнует?

— Да, и для меня это совсем новое состояние. — Она потупила взор и чуть не заикалась, силясь словами передать свои чувства. — Когда я с тобой, мне хочется говорить что-то очень необычное. Ты знаешь, как звучат самые приятные для пиррянина слова?

Язон покачал головой.

— Мы говорим: «Ты хорошо сражался!» Но я тебе вовсе не это хочу сейчас сказать.

Язон владел девятью языками и абсолютно точно знал, что он ей хочет сейчас сказать. Но чувствовал, что не может этого сделать, и попытался отвернуться.

— Нет, ты смотри на меня. — Мета взяла его голову и нежно повернула к себе. Этот жест говорил больше любых слов, и Язону даже стало немного стыдно, но он упорно продолжал молчать.

— Я нашла в словаре слово «любовь». Сначала я не поняла его, ведь это только слово. Но чем больше я думала, тем яснее мне становилось его значение.

Их лица были совсем близко друг от друга, и большие ясные глаза Меты настойчиво заглядывали в глаза Язону.

— Я люблю тебя, — сказала она. — И всегда буду любить. Ты никогда не должен оставлять меня.

Чувства ее, безыскусные и простые, нахлынули на Язона, как разлившаяся река, и в один миг смели защитную плотину, которую он сооружал годами. Он всегда был одинок. Рядом с ним никого не было. Сошелся с женщиной, бросил женщину... Вселенная помогает тому, кто сам себе помогает. «Я сам могу позаботиться о себе, — привык думать он. — И... мне... никто... не нужен...»

— О высокие звезды, как я люблю тебя! — воскликнул Язон, прижимая Мету к себе и пряча лицо в ее волосах.

— Ты больше никогда не оставишь меня, — сказала она.

— И ты. Это самая короткая и самая лучшая свадебная

церемония во Вселенной. Можешь сломать мне руку, если я посмотрю на другую женщину.

— Пожалуйста, не говори сейчас о насилии.

— Прости. Это мое прежнее «я» сказало. Мне кажется, что нам очень не хватает нежности — и мне, и тебе, и всей нашей пиррянской компании. По сути дела, нам нужно не так уж много — капельку человеческого тепла, и тогда мы сможем выжить. Скоро откроются шахты, а учитывая, что все племена спускаются в низины, скорее всего, горное плато достанется пиррянам.

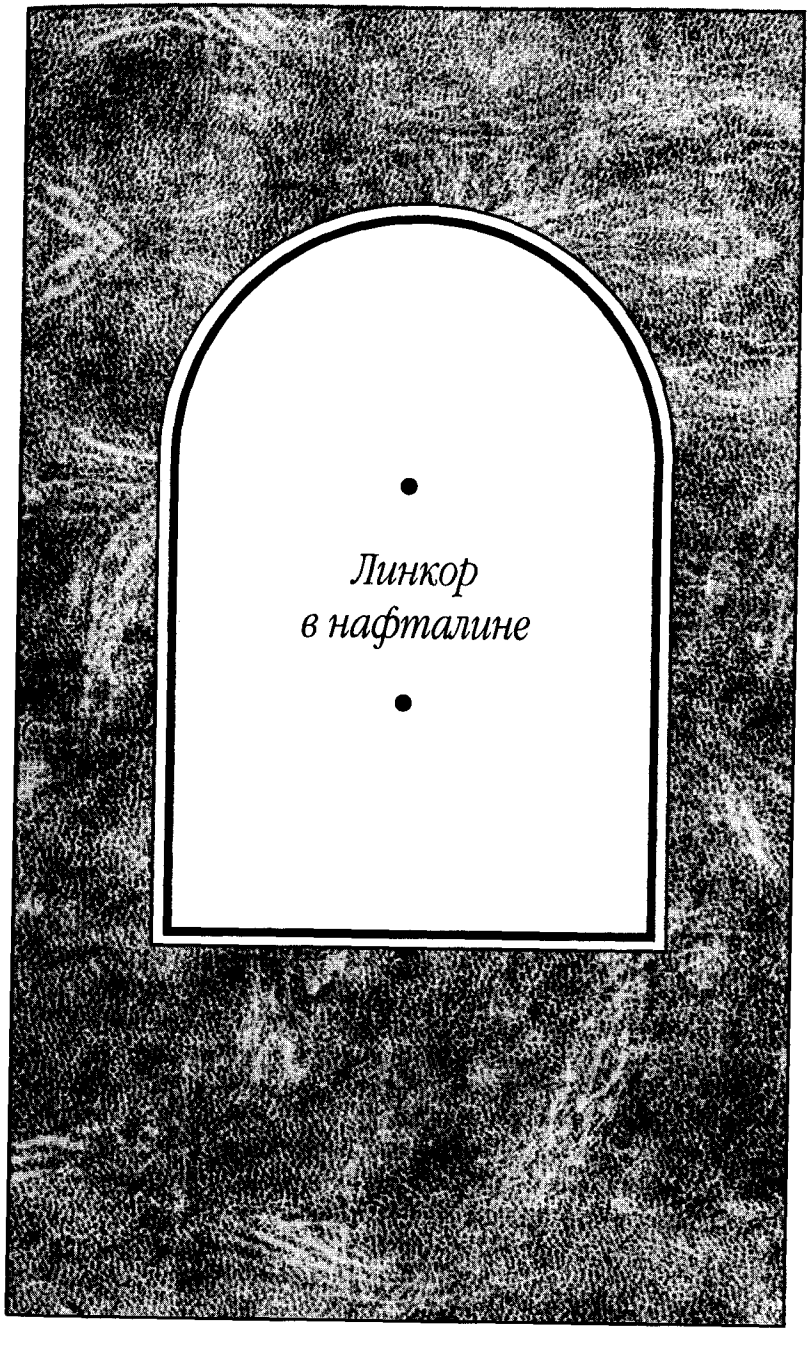
— Да, это будет здорово. Может быть, эта планета станет нашей новой родиной. — Мета помолчала, как бы взвешивая следующую фразу. — Мы, пирряне, останемся здесь, а ты? Мне не хотелось бы покидать свой народ, но, если ты уйдешь, я уйду вместе с тобой.

— Тебе не придется этого делать. Я остаюсь здесь. Ведь я член племени — разве ты не помнишь? Пирряне грубы, упрямы, вспыльчивы — это не секрет. Но я такой же, как и они. Наверное, я наконец нашел свой дом.

— Со мной, всегда со мной!

— Конечно!

Ну что еще можно было сказать после этого?



— Приблизимся, — сказала Мета, нажимая на клавиши пульта управления.

— Будь я на твоем месте, я сделал бы прямо противоположное, — тихо, чтобы своей излишней опасливостью не вызвать раздражения пиррян, пробурчал Язон.

— Ничего страшного, мы еще довольно далеко, — тут же отозвался Керк, вглядываясь в экран. — Посудина, конечно, здоровенная, километра три, не меньше. Видно, это последний из сохранившихся линкоров. И ведь ему уже больше пяти тысяч лет от роду, а мы в двух сотнях километров от...

Вдруг у борта линкора полыхнула оранжевая вспышка, и тотчас же пиррянский звездолет круто накренился. На пульте управления замигали красные огоньки.

— Как ты сказал, сколько ему от роду? — невинно переспросил Язон.

Ответом ему был лишь яростный взгляд Керка. Мета развернула корабль и стала возвращать его в прежнюю позицию, одновременно фиксируя понесенный урон:

— Небольшое повреждение левого стабилизатора и три пробоины в корпусе. Похоже, придется латать его в космосе, а то мы не сможем совершить посадку.

— Ну и прекрасно. Очень хорошо, что нам досталось, — произнес Язон динАльт. — На будущее мы получили хороший урок. Впредь будем осторожнее, чтобы не свернуть себе шею и заполучить свои полмиллиарда. А теперь давайте посетим командующего флотом и проясним некоторые неприятные детали, о которых нас забыли информировать, получив наше согласие на эту работу.

* * *

Командующий флотом адмирал Джекич был небольшого роста, а на фоне пиррян казался еще мельче.

Он в испуге отшатнулся, когда Керк вдруг всем телом навалился на его стол и холодно заявил:

— Мы, конечно, можем и уйти, но в таком случае Орда пронесется через эту систему, и с вами будет покончено.

— Ну, что вы! У нас еще масса возможностей! Ведь мы могли бы заняться строительством флота или преобрести новые корабли. Но все это заняло бы слишком много времени и обошлось бы в кругленькую сумму. Куда как проще воспользоваться этим линкором Империи.

— Проще? — вопросительно поднял брось Язон. — А вам известно, сколько народу уже погибло, пытаясь пробраться на него?

— Ну, «проще», возможно, не очень подходящее слово... Имеются, конечно, определенные затруднения, сложности, а в общем — сорок семь человек.

— И это вынудило вас послать запрос на Фелисити? — спросил Язон.

— Естественно. Мы получаем от вас тяжелые металлы и много слышали о выходцах с Пирра. Ведь вам всего с сотней людей удалось покорить целый мир. И мы решили, что самым логичным было бы попросить именно вас проникнуть на линкор.

— А не сдается ли вам, что это не совсем справедливо в отношении тех, кто находится внутри и не желает никого впускать?

— То-то и оно, что внутри никого нет, — улыбка адмирала становилась все фальшивее — пирряне придвигались к нему все ближе. — Позвольте, я все обьясню! Именно данная планета играла важнейшую роль в древней Империи. Правда, еще около дюжины миров провозглашали себя колыбелью человечества, но мы-то жители Земли, и мы точно знаем, что были первыми. И свидетельство тому — этот линкор. После окончания четвертой галактической войны его законсервировали и поместили здесь до тех пор, пока в нем не возникнет необходимость.

Керк недоверчиво усмехнулся:

— Не очень-то похоже на правду. Чтобы какая-то пересыпанная нафталином консервная банка без руля и без ветрил, которой пять тысяч лет, угробила сорок семь человек...

— А я верю, — отозвался Язон. — Да и вы поверите, если немножко пошевелите мозгами. Военный корабль, трехкилометровый, с самыми мощными двигателями из всех, когда-либо существовавших. И само собой, с самыми мощными орудиями, совершенной защитой, со спаренными батареями, боевыми компьютерами... Ну, наконец-то вы начали улыбаться! Да ведь это хрустальная мечта любого пиррянина — самое мощное оружие! Какое счастье побывать на этом линкоре, оказаться в боевой рубке и, наконец, управлять им!

На лицах Керка и Меты блуждали мечтательные улыбки, оба могли лишь кивать в знак согласия. И только с последними словами они перестали улыбатся.

— Но... корабль законсервирован. Все системы отключены и заморожены. Действуют лишь энергоблок и орудия. Действует и система питания бортового компьютера, оберегающего корабль от метеоритов и прочих нежелательных столкновений, в частности с теми, кому не помешал бы лишний линкор. То, что случилось с нами, было просто предупреждением. Убежден, что нас с легкостью могли бы разнести в пух и прах. Если бы на борту был экипаж, то, при действующей системе защиты, нас бы и близко не было, не говоря уже о том, чтобы проникнуть внутрь. Но, к счастью, задача иная — нам предстоит перехитрить машину, а это дело хоть и трудное, но выполнимое.

Он обернулся к адмиралу Джекичу и улыбнулся:

— Ладно, по рукам. Но гонорар двойной — миллиард кредов.

— Но это ни в какие рамки не лезет! Сумма несусветная... Наши бюджетные ассигнования...

— Орда — это насилие и смерть. Вашим кораблям не успеть. Орда опередит вас. Она вломится сюда, и тогда кровь...

— Перестаньте! — воскликнул адмирал, смертельно побледнев.

«Штабная крыса, сроду не нюхал пороха», — подумал Язон.

— Хорошо, я согласен, но с условием. Даю вам твердый срок — 30 дней. Не справитесь — пеняйте на себя. Даже на минуту опоздаете — и вы не получите ни гроша. По рукам?

Язон бросил взгляд на Керка и Мету. Те, ни секунды не колеблясь, утвердительно кивнули.

— Идет, — сказал он. — Но миллиард — только чистыми. Кроме того, за вами горючее, навигационная служба, прикрытие. Все это нам необходимо.

— Но деньги... — прикусил губу адмирал.

— Кровь... — прошипел в ответ Язон и тут же получил согласие.

— Все необходимые бумаги уже подготовлены. Когда думаете начать?

— А мы уже начали. С бумагами разберемся позже. — Он энергично потряс безжизненую руку адмирала. — Ну, на то, что у вас есть инструкция по проникновению на линкор, надеяться нечего?

— Да если бы она была, я бы с вами не имел никакого дела. Перерыли все архивы — ничего. Если хотите, можете взглянуть на наши находки. Все равно от них нет никакого толка.

— Ясное дело, если почти полсотни людей сыграли в ящик. Само собой, что именно правила расконсервирования линкора и не сохранились. Но мы справимся: пирряне не идут на попятный! Все, что у вас есть, присылайте мне. А мы тем временем отправимся обсудить наши дальнейшие действия. В срок уложимся.

— Но как? — спросил Керк, едва они вернулись домой.

— Понятия не имею, — сказал Язон, весело улыбаясь. — Сначала давайте промочим горло и подумаем. Дело это, вероятнее всего, завершится применением грубой силы. Но начаться оно должно демонстрацией преимуществ разума перед созданной им машиной. Тебя не затруднит положить мне льда в стакан, дорогая?

— Сам клади, — огрызнулась Мета. — Как прикажешь понимать твое согласие, если ты сам не знаешь, как подступиться к делу?

Стаканы звякнули. Язон испустил тяжелый вздох.

— Да ведь нам деньги просто необходимы. Даже если мы и не сумеем вспороть эту проклятую жестянку, то всего-навсего потеряем месяц.

Отхлебнув из стакана, он вспомнил, что убеждать пиррян в чем-либо, взывая к их разуму, — напрасный труд. Имелись более действенные способы.

— Неужели вашему народу не пригодится такой корабль? — С беспечным видом он отметил их внезапно вспыхнувшие глаза и мгновенное напряжение мускулов. Пистолеты, блеснув, снова пропали в кобурах.

— Ладно, пора за дело, — заявил Керк. — Теряем время понапрасну.

— С чего начнем?

— Изучим все, что можно, об этом линкоре. А потом сообразим, как действовать.

* * *

— Что толку от твоих камешков? — спросила Мета. — Он сшибает их еще на подлете. Теряем попусту время, да и только. А ты еще хочешь тратить продовольствие. Все эти туши...

— Мета, дорогая, умоляю тебя, помолчи. Я все делаю не просто так. Каждое попадание в мишень регистрируется, определяется, из какого типа оружия произведен выстрел, на каком расстоянии поражена мишень. И этим заняты целых тридцать кораблей. Данные можно получить только таким способом. А теперь, помимо камней, мы отправим ему эти самые туши, начиненные двадцатью килограммами армопласта каждая. Они будут запущены в разных направлениях и с различными скоростями. Если хотя бы одна достигнет линкора, это будет означать, что человек в скафандре может проделать то же самое. В случае неудачи у меня есть недурной астероид, который мы направим прямо на эту побитую молью игрушку. И тут уж бортовому компьютеру придется либо разнести его, либо отойти. Одним словом, что-нибудь сделать. При любой реакции мы получим информацию. А информация окажет помощь в решении задачи.

— Пошла первая туша, — сообщил Керк из-за пульта управления. — Я там отхватил кусочек, пока их загружали. Ведь холодильник-то у нас есть. Ну, по кусочку от туши, примерно по килограмму каждый. Нам это никогда не повредит.

— Совсем ты рехнулся, — отозвался Язон.

— От тебя нахватался. А вот и первая! — Керк указал пальцем на огонек, пересекающий экран. — И вторая! Проходят дальше, чем камни, но все равно...

Язон пожал плечами:

— Что ж, давайте вернемся. Немного выпьем, закусим твоими «кусочками». Астероид прибудет только через два часа.

Результаты оказались неутешительными. Несколько миллионов тонн камня, отклоненные от своего обычного курса, грозной массой надвигались из бездны пространства. Под озабоченный гул радаров линкора внезапно включились главные двигатели, корабль немного изменил положение, и астероид величественно промчался в глубины космоса.

— Очень интересно! — мрачно произнесла Мета.

— Но ведь мы получили данные! — отозвался Язон. — Главные двигатели в рабочем состоянии и могут действовать.

— А зачем нам это? — спросил Керк.

— Но ведь мы этого не знали, а теперь...

— Пирряне, внимание! Как меня слышно?

Язон молниеносно переключился на передачу:

— Пирряне слушают, прием!

— От линкора получено сообщение на волне 183,4. Послание следующее: «НЭДЕРУЭБЛА АЛ НАВИГАЦИО ЦЕНТРО КРОНКУ ЧИ ТИО ШАГОН».

— Ничего не понимаю, — заявила Мета.

— Это эсперанто, древний язык Империи. Просто сообщение линкора о перемене курса, посланное навигационной службе. Теперь нам известно его название: «Неуязвимый».

— Это очень важно?

— А как же! — Язон настоил передатчик на нужную частоту. — Если удалось завязать беседу, считайте, что товар почти продан. Можете спросить любого коммивояжера. А теперь помолчите: мне нужно немного восстановить мой эсперанто.

Он хлебнул из стакана, прокашлялся и включил микрофон.

— «Неуязвимый», это штаб флота. Почему без команды изменили курс?

— КУРС ИЗМЕНЕН ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПОВРЕЖДЕНИЙ В СООТВЕТСТВИИ С ИНСТРУКЦИЕЙ № 590-Л.

— Ваш новый курс отменяется. Приказываю лечь на прежний курс.

Они в молчании смотрели на экран. В носовой части линкора мигнул красный свет: корабль пришел в движение.

— Он выполнил приказ! — воскликнула Мета, нежно обняв Язона. У того затрещали кости. — Он слушается тебя! Теперь прикажи ему пропустить нас на борт.

— Думаю, это не так просто. Придется действовать хитростью. — Он снова связался с бортовым компьютером. — Курс прежний. Доложите о причинах неоправданного расхода энергоресурсов.

— МЕТЕОРИТНЫЙ ПОТОК. ВСЕ МЕТЕОРИТЫ УНИЧТОЖЕНЫ.

— Имеются сведения, что в ход было пущены аварийные батареи. Так ли это?

— ТАК ТОЧНО.

— Боекомплект на пределе. Необходимо дообеспечение.

— ДООБЕСПЕЧЕНИЕ НЕ ТРЕБУЕТСЯ. БОЕКОМПЛЕКТ ДОСТАТОЧЕН.

— Какова наглость! Да этот компьютер просто нахал! — прокомментировал Язон, прикрыв рукой микрофон. — Ну, погоди! Я тебя отучу спорить с начальством!

— Штаб флота настаивает на дообеспечении. Транспортный корабль причалит к вашему грузовому шлюзу в 17:00. Подтвердите прием.

— ПРИЕМ ПОДТВЕРЖДАЮ. ТРАНСПОРТ ДОЛЖЕН СООБЩИТЬ ПАРОЛЬ РАСКОНСЕРВИРОВАНИЯ ПРИ ВХОЖДЕНИИ В ДВУХСОТКИЛОМЕТРОВУЮ ЗОНУ.

— Пароль будет послан. Назовите текущий пароль.

Ответ пришел с небольшой задержкой. В волнении Язон крепко сцепил пальцы.

— ДАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ РАЗГЛАШЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

— Произведите проверку пароля. Это радиосигнал?

— ДА.

— Это код?

— ДА.

— Плесните-ка мне, — сказал Язон, отключая микрофон. — Эта игра в вопросы и ответы может затянуться надолго.

Так оно и вышло. Результатом кропотливой работы Язона были выманенные у компьютера необходимые сведения. Выключив наконец радио, он сунул пиррянам исписанный лист бумаги.

— Ну вот, хоть что-то. Искомый пароль представляет со-

бой десятизначное число. Как только мы определим его и передадим на линкор — он наш.

— И деньги тоже наши! — обрадовалась Мета. — А нашему компьютеру это по силам?

— Я уже думал об этом. С точки зрения «Неуязвимого», мы ведем проверку, и он сообщил, что за секунду может обрабатывать до семисот паролей. Компьютер нашего корабля будет передавать ему десятизначные комбинации и, как только передаст правильную, включится система расконсервирования.

— Да его мог бы провести младенец! — заметил Керк.

— Он не такой уж дурак. Просто у машин отсутствует воображение. Ладно, давайте я пока прикину, все ли правильно.

Он быстро пробежал пальцами по кнопкам, выругался себе под нос и пнул ногой компьютер.

— Черт возьми, с такой скоростью обработки сигналов нам может потребоваться более пяти месяцев.

— Мы и так уже истратили три недели.

— Спасибо тебе, Мета, я и сам умею считать. Но все равно надо попробовать. Будем попеременно посылать комбинации от единицы и далее до 9999999999. К тому же в навигационном департаменте нужно затребовать все используемые пароли. Возможно, один из них подойдет. У нас один шанс против пяти, но и это лучше, чем ничего. Придумаем что-нибудь.

Департамент прислал низенького человечка по фамиии Шранкли, который приволок с собой ворох бумаг. Он возглавлял шифровальный отдел, был прекрасным шифровальщиком и обожал всякие головоломные задачи. Единоборство с линкором было самым дерзким вызовом в его жизни, и он по уши углубился в поиск решения проблемы.

— Случай презанятнейший, крайне интересный. Подбор серий по нисходящей и восходящей. Я вот тут прикинул перестановки и комбинации паролей, которые будут...

— Отлично, продолжайте в том же духе, — ответил Язон, радостно улыбаясь и хлопая Шранкли по плечу. — Я ознакомлюсь с вашим докладом позже, а теперь нам предстоит важная встреча. Мета, Керк, пошли!

— Какая еще встреча? — недоуменно уставилась на него Мета, когда он выпроводил ее из комнаты.

— Да я ее просто выдумал, чтобы избавиться от этого зануды, — обьяснил он. — Пусть занимается своим делом, а мы придумаем что-нибудь другое.

— Мне показалось, что он хочет сообщить что-то интересное.

— Охотно верю, но прошу: говорите с ним сколько влезет, только когда меня не будет поблизости. А теперь давайте попробуем придумать другой выход.

Они напридумывали кучу всякой всячины. Все идеи были хороши, но воплощение их в жизнь оканчивалось крахом. Вот, например, мысль послать на линкор микроботов. Все они, не исключая и последнего, с булавочную головку размером, были расстреляны влет. Но миниатюризация завладела умами, и они смонтировали суперминиатюрный глаз-шпион с антенной не толще волоса. Но и его постигла та же участь — робот был испарен в пятнадцати километрах от линкора. Гигантский корабль в одиночестве висел в пространстве, перебирая по 700 паролей каждую секунду и методично уничтожая любой предмет, приближающийся к нему на определенное расстояние. Осуществление каждого нового проекта отнимало время, и дни текли за днями. Язона стали мучить головные боли, он совсем потерял сон. Похоже, задача была неразрешимой. В этом болезненном состоянии и застала его Мета.

— Если что, я у Шранкли, — сказала она.

— Отлично.

— Вчера он показывал мне таблицы частот, а сегодня будет объяснять простейшие подстановочные коды.

— Страшно увлекательно!

— Для меня — да! Ведь я никогда раньше даже не слышала об этом. Притом это очень важно для нас, если мы хотим получить нужный пароль. Это гораздо более серьезно, чем твои метеориты. У нас осталось всего два дня.

Она опрометью бросилась вон из каюты и хлопнула дверью. Язон же тем временем погрузился в невеселые мысли о неминуемом поражении. Только он успел налить себе большущую порцию «Старинного врага печали», как появился Керк.

— У нас всего два дня, — заявил он.

— Ну, спасибо, а я и не знал. Моя уверенность в том, что пирряне никогда не сдаются, сильно поколебалась.

— Но ведь еще не все потеряно. Мы ведь еще боремся!

— К чему эта похвальба? Не можем же мы прорваться туда с боем и подавить огнем бортовой компьютер.

— Почему бы и нет? Наши бластеры, как и всегда, послушны нам. Самое главное — не нанести сильных повреждений.

— Ах, вот как! Может, у вас и план уже готов?

— Нет. Но его придумаешь ТЫ. И советую поторопиться.

— Как бы не так! Осталось-то всего каких-нибудь два дня. Представляю: мы летим к линкору под прикрытием метеоритов, а подлетев поближе, начинаем ему втолковывать, что мы вовсе не вооруженный до зубов десант, а просто парочка консервных банок, которые можно сбить хоть из рогатки. Он преспокойно пропускает нас, а там уже дожидается миллиард кредов и сытая обеспеченная жизнь.

— Вот видишь, а ты говоришь, не придумать план. Совсем другое дело. Ладно, я пошел готовить скафандры.

— Иди, иди. Только не забудь придумать, как нам убедить компьютер, что...

Язон осекся на середине фразы и вдруг выпучил глаза. Через мгновение он что было силы хватил Керка по спине. Пиррянин, правда, этого даже не заметил.

— Будь я проклят, так мы и сделаем! — воскликнул Язон, метнувшись к компьютеру. Керк молча терпеливо ждал, когда он закончит расчеты.

— ВОТ ОНО! — Язон вцепился в распечатку. — План нападения, который должен сработать. Ведь компьютер линкора — всего-навсего куча металлолома, которая только и может, что быстро считать. Его запрограммировали на однотипные действия. В этом-то все и дело. Посмотрим, где у него мертвая зона. Она сзади, со стороны сопел. Там находится всего лишь 114 орудийных башен. Время поворота у них различное — то есть на 180 градусов они поворачиваются неодинаково быстро. У самого маленького орудия время разворота — секунда, у главного орудия — шесть секунд. Это — во-первых. Далее, очень важно, на что обращается внимание в первую очередь. Первыми уничтожаются метеориты, движущиеся с самой высокой скоростью, даже если они находятся гораздо дальше, чем более медленные. Ну, кроме того, есть и еще ряд факторов вроде скорострельности, угла упреждения и тому подобного. Наш компьютер все это принял во внимание.

— И что из этого?

— Да то, что это вполне реально. Мы отправимся к линкору в гуще метеоритного роя со стороны двигателей «Неуязвимого». Метеоритов должно быть столько, чтобы хватило на все орудия, причем самый мелкий камешек должен быть вдвое больше скафандра. Тогда компьютер отнесет нас в самый мелкий разряд. Тем временем наготове будет второй метеоритный рой, который налетит под прямым углом к корме линкора, но не раньше, чем будет покончено с первым роем. К тому моменту мы уже достинем дюз. Пока пушки развернутся, чтобы уничтожить нас, мы будем уже внутри и в безопасности.

— Хм-м, звучит убедительно. А сколько у нас будет времени между проникновением в дюзы и окончанием разворота первой пушки?

— Мы окажемся в мертвой зоне ровно за 0,6 секунды до первого выстрела.

— Вполне достаточно, можно начинать.

Язон жестом остановил его.

— Подожди. Давай условимся — резаки и оружие готовим сами. Там, на борту, ничего сложного не будет, но тем не менее. Поэтому Мете ни гугу. Идем только вдвоем.

— Но у троих больше шансов проникнуть внутрь.

— Достаточно и двоих. Если ты не согласен, то я вообще отказываюсь.

— Идет.

Мета, захваченная своими шифрами и кодами, ничего не замечала. Все шло как задумано. Вспомогательные корабли упражнялись в запуске метеоритов, пока им это смертельно не надоело. Основную долю работы взвалили на компьютеры. Керк и Язон тем временем облачились в боевые скафандры с полными боекомплектами. Пока Керк навешивал на себя спецснаряжение, Язон отключил сигнализацию выходного шлюза, чтобы Мета не узнала об их уходе. После этого они выскользнули в пространство.

Даже для хорошо знакомого с космосом человека свободный полет в пространстве — штука не из приятных. Можно запросто потерять ориентацию, перепутать верх с низом или

принять за них любое другое направление. Поэтому Язон был рад, что невдалеке маячит фигура Керка.

— ОПЕРАЦИЯ НАЧАЛАСЬ, — послышался хрип в их наушниках, но им было не до того. Компьютер доложил, что метеориты уже приближаются — сами они их увидеть не могли — и посоветовал отойти в сторону. Рой был уже совсем рядом, когда сработали двигатели скафандров. Потом на основании рекомендаций компьютера они расположились в центре потока, уравняли свои скорости и перешли в свободный полет.

— Ты все понял? — крикнул Язон.

— Еще бы! — откликнулся Керк.

Линкор уже можно было различить — тонкая черточка на фоне звезд.

— Давай все повторим. Мы ничем не должны выделяться. Пользование двигателями — лишь в экстренной ситуации. Лучше всего, если по нас будут вести огонь орудия малого калибра. Это будет означать, что большие заняты чем-то другим. Второй рой уже на подходе. Мы его не увидим — разве что наш компьютер засечет. Огонь переместится на него, и компьютер даст команду «ПОШЕЛ». Вот тогда и рванем. Постарайся выжать из двигателя все до предела. На расстоянии 1100 метров от кормы резко тормозим — это уже мертвая зона. Курс держим на дюзы.

— А вдруг он решит слегка их прочистить, чтобы избавиться от нашего присутствия?

— Об этом лучше не думать. Остается надеяться, что его не программировали на это...

Вокруг заполыхали вспышки разрывов. Автоматика затемнила стекла их гермошлемов, но ослепительное пламя прорывалось даже сквозь затемнение. Происходило все это в абсолютной тишине. Колоссальный кусок скалы величиной с дом беззвучно вспыхнул и испарился всего в какой-нибудь сотне метров от Язона, и он непроизвольно сжался внутри скафандра. Безмолвное уничтожение вдруг разорвал звук ужасного взрыва, и скафандр содрогнулся.

В него попали! Правда, он ожидал этого, готовился к этому, но все равно ощущение было ужасным. Все кончилось так же внезапно, как и началось, и Язон услышал еле различимую команду: ПОШЕЛ!

— Вперед, Керк! Давай! — заорал Язон, выжимая из двигателей все, на что они были способны. Скафандр ринулся вперед. Язон дернулся от взрыва, но тут перед ним появились очертания кормы линкора с главной дюзой в середине. Она здорово смахивала на огромный черный зрачок. Он рос и рос, заполняя все видимое Язону пространство, как вдруг замигала красная лампочка радара — 1100-метровая отметка была позади. Теперь пушки его не достанут, зато велик риск врезаться в корму линкора и расшибиться в лепешку. Он включил торможение, и перегрузка навалилась на него сокрушительной тяжестью. Дюза полностью окружила его, отрезав весь остальной мир.

Итак, он находился внутри. Где же Керк? Он остановился, и тут что-то промчалось над его головай и на большой скорости врезалось в дальний конец дюзы.

— Керк!

Язон, увидев, как гигант-пиррянин отлетает от стенки дюзы, ухитрился поймать его и осветил фонарем.

— Керк!

Тишина. Неужели мертв?

Наконец:

— Причалил... слегка быстрее, чем хотелось бы.

— Ничего. Мы на месте. Давай приступим к делу, пока компьютер не очухался.

Они быстро распаковали излучатель, разрушающий молекулярные связи, — единственный вид оружия, способный справиться с броней линкора, и лучом обвели окружность над самым инжектором. Это заняло почти две минуты, в течение которых они каждую секунду ждали включения дюз.

Но обошлось. Окружность была завершена, и Керк, прислонившись к металлическому кругу, включил двигатель своего скафандра. В тот же миг и круг, и пиррянин исчезли из виду. Язон вплыл за ним в огромное, ярко освещенное машинное отделение. Сзади что-то полыхнуло, и стало еще светлее. Он обернулся и успел увидеть пламя, рванувшееся из проделанного ими отверстия. Через мгновение пламя исчезло.

— Сообразительная машинка, — пробормотал Язон, — ой, сообразительная.

Керк, не обращая внимания на вспышку, нырнул в рубку управления машинного отделения. Язон тронулся следом и тут же налетел на него — в руках Керк держал большой план в погнутой металлической рамке.

— План линкора. Сорвал со стены. Центральный пульт управления здесь. Пошли.

— Отлично, отлично, — пробормотал Язон, стараясь не отставать от пиррянина. Ходоком Керк был отличным, и Язону стоило большого труда не отстать.

— Ремонтные роботы, — произнес он, когда они вышли в длинный коридор, — вмешаются они или нет?..

Не успел он договорить, как два робота вскинули свои сварочные аппараты и напали на них. Пистолет Керка дважды рявкнул, и роботы превратились в груду металлолома.

— Он не дурак, — сказал Керк. — Использует против нас все, что можно. Не зевай, прикрой меня сзади.

Разговаривать времени не было. Они стремились к главному пульту. Все машины, попадавшиеся на пути, пытались их убить. Уборщики бросались на них со щетками, экраны взрывались, когда они пробегали мимо, металлические полы били их током. Это было настоящее сражение — сражение, ведомое одной стороной до тех пор, пока они живы. Скафандры были практически неуязвимы для роботов и изолированы от внешней среды. Кроме того, пирряне считались лучшими бойцами в Галактике. Наконец они добрались до двери, на которой было написано:

«ЦНТРА КОНТРОЛО».

Керк, выстрелом выбив замок, ворвался внутрь. Помещение было освещено, светились экраны.

— Прорвались, — выдохнул Язон, срывая шлем и вдыхая прохладный воздух. — Миллиард кредов! Мы перехитрили эту кучу шестеренок...

— ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, — прогремело откуда-то, и стволы их пистолетов мгновенно нацелились на источник звука.

Тут они поняли, что слышат запись.

— ПОСТОРОННИЕ НА ЛИНКОРЕ! ПОКИНЬТЕ НЕМЕДЛЕННО СУДНО. ДАЮ 15 СЕКУНД. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ЛИНКОР БУДЕТ ВЗОРВАН, НО НИКОГДА НЕ ПОПАДЕТ В РУКИ ПРОТИВНИКА. ЧЕТЫРНАДЦАТЬ...

— Нам не уйти! — крикнул Язон.

— Бей по приборам!

— Нет! Управление не должно пострадать!

— ДВЕНАДЦАТЬ.

— Что же делать?

— Ничего, совсем ничего...

— ВОСЕМЬ.

Они молча переглянулись. Язон протянул руку Керку, и тот пожал ее.

— СЕМЬ.

— Ну, прощай, — сказал Язон, силясь улыбнуться.

— ЧЕТЫРЕ... хр-р...ТРИ.

Наступила тишина, затем металлический голос вновь произнес, но уже другим тоном:

— НАЧИНАЮ РАСКОНСЕРВИРОВАНИЕ. СИСТЕМА ЗАЩИТЫ ОТКЛЮЧЕНА. ЖДУ ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ.

— Что случилось? — спросил Язон.

— ПАРОЛЬ ПОЛУЧЕН. ЖДУ ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ.

— Вовремя, — сглотнув, прошептал Язон. — Как раз вовремя.

* * *

— Не надо было уходить без меня, — сказала Мета. — Я никогда тебе этого не прощу.

— Не мог я тебя взять, — ответил Язон. — И сам бы не пошел, если бы ты настаивала. Ты мне дороже миллиарда кредов.

— Это самое приятное из того, что я когда-либо от тебя слышала. — Мета нежно улыбнулась и поцеловала Язона. Керк с интересом наблюдал за ними.

— Обьясни, что же произошло? Компьютер наконец вычислил пароль?

— Нет, это я его вычислила.

Она заулыбалась, видя их потрясенные лица, и еще раз поцеловала Язона.

— Вы же знаете, что я заинтересовалась шифрованием. Это страшно интересно, особенно военная сфера применения. А тут как раз Шранкли рассказал мне о подстановочных шифрах, и я попробовала один из них, самый простенький, ну тот, знаете, где А—1, Б—2 и так далее. Я попробовала записать одно слово этим шифром и получилось 81122021, но это всего восемь цифр. То есть двух не хватает. Шранкли растолковал мне, что каждая буква обозначается двумя цифрами, а не одной, то есть А записывается не как 1, а как 01.

Тогда я добавила по нулю к двум одинарным цифрам, и получилась десятизначная комбинация. Потом я шутки ради ввела ее в компьютер, он передал ее на линкор, и вот что из всего этого вышло.

— Сорвать банк с первой же попытки, первой же комбинацией! — воскликнул Язон. — Вот удача так удача!

— Не совсем. Ты же сам все уши нам прожужжал, что у военных полностью отсутствовало воображение. Вот я и взяла простейшее слово. Я заглянула в словарь эсперанто...

— ХАЛТУ?

— Ну да, закодировала его и послала.

— А что оно означает? — спросил Керк.

— «Стой», — ответил Язон. — Просто «стой».

— Я бы на ее месте сделал то же самое, — одобрительно кивнул Керк.

— Ладно, пошли заберем деньги — и домой.

Планета проклятых

Глава 1

Человек сказал Вселенной:
«Я существую!»

«Однако, — ответила Вселенная, — это во мне не пробуждает чувства долга по отношению к тебе».

Стивен Крейн

Пот заливал тело Брайона, пот пропитывал тугую набедренную повязку — единственную его одежду. Легкая рапира казалась тяжелой, как свинцовый брусок: мышцы, изнуренные предельными нагрузками, отказывались работать. Но это было неважно. Свежий порез на груди, из которого все еще сочилась кровь, боль в перенапряженных глазах, даже окружавшие арену высокие трибуны с тысячами зрителей — все это было пустым и ненужным, не заслуживающим размышлений. Во всей Вселенной существовало сейчас только одно: плясавший перед ним сияющий узкий клинок, со звоном скрещивающийся с его собственным. Он чувствовал дрожь клинка, словно бы жившего своей жизнью, он знал, угадывал следующее его движение — и перемещался сам, парируя его. А когда он атаковал, клинок взлетал перед ним, отбивая его оружие.

Внезапное движение. Он отреагировал мгновенно — но его клинок встретил только пустоту. Мгновение паники стоило ему короткого резкого удара в грудь.

— Касание!

Голос, сотрясший мир, казалось, прорычал одно это слово в миллионы микрофонов, и тишина взорвалась аплодисментами множества зрителей.

— Одна минута, — произнес голос, а вслед за этим прозвучал сигнал таймера.

Брайон тщательно воспитывал в себе этот рефлекс. Минута — не слишком большой отрезок времени, а для отдыха телу нужна каждая доля секунды. Жужжащий сигнал заставил мускулы мгновенно расслабиться: работало только сердце и легкие — уверенно и равномерно. Глаза закрылись; он смутно осознавал, что секунданты подхватили его, не дав упасть, и повлекли на скамью. Покуда они массировали его безвольно расслабившееся тело и обрабатывали рану, он обратил взор внутрь себя. Он погрузился в мечты, он скользил

по границе сознания. Потом перед ним возникло навязчивое воспоминание о предыдущей ночи: он снова и снова прокручивал его в мыслях, рассматривая происшедшее со всех сторон, словно многогранный кристалл.

Уже одно то, что это произошло, было необычным. Участникам Двадцатых Игр требовался полный, ничем и никем не нарушаемый отдых, а потому по ночам в спальнях было тихо, как на кладбище. Конечно, в первые несколько дней это правило особо не соблюдалось. Сами люди были слишком возбуждены, чтобы отдыхать спокойно. Но с каждым следующим кругом соревнований, когда все больше участников стало выбывать, по ночам в спальнях стала воцаряться мертвая тишина. А в особенности в последнюю ночь, когда занятыми остались только две маленькие комнатушки, а тысячи прочих стояли пустые, с распахнутыми дверями, и за их порогами царила тьма.

Гневные слова вырвали Брайона из объятий глубокого сна. Разговор велся шепотом, но каждое слово было слышно отчетливо — спорили два человека, остановившиеся как раз напротив металлической двери его спальни. И один из них произнес его имя.

— ...Брайон Брандт. Разумеется, нет. Тот, кто тебе сказал, что это получится, совершил ошибку, и я предвижу крупные неприятности...

— Ты рассуждаешь, как идиот! — резко оборвал второй голос: в нем звучали командирские нотки. — Я здесь, потому что дело это чрезвычайной важности. И видеть я должен именно Брандта. А теперь отойди!

— Но Двадцатые...

— Плевать я хотел на ваши Игры, на ваши радостные вопли и тренировки. Это *важно*, иначе меня бы здесь не было!

Первый из говорящих ничего не ответил (он, должно быть, был должностным лицом). Брайон почти физически ощущал его гнев и ярость. Должно быть, он выхватил пистолет, потому что второй голос быстро проговорил:

— Убери эту штуку. Глупец!

— Вон! — вместо ответа прорычал первый. Снова воцарилась тишина, и Брайон, хотя разговор и пробудил в нем любопытство, снова погрузился в сон.

— Десять секунд.

Голос прервал цепь воспоминаний Брайона; он вернулся в реальность. К несчастью, он осознавал, что практически

полностью истощил запас своих сил: он был предельно измотан. Месяц постоянных поединков, как физических, так и интеллектуальных, явственно сказался на нем. Сейчас ему будет тяжело даже просто держаться на ногах, не то что собрать силы и знания, чтобы сражаться и выиграть...

— Какой счет? — спросил он массажиста, разминавшего его невыносимо болящие от перенапряжения мускулы.

— Четыре—четыре. Вам нужно только одно касание, чтобы победить!

— Ему тоже, — мрачно буркнул Брайон и, приоткрыв глаза, посмотрел на того, кто растянулся на другом краю мата. Никто из тех, кто выходил в финал Двадцатых, не был слабым соперником; но этот, Иролг, действительно лучший из лучших. Гора мышц, полная неистощимой энергии. В этом последнем раунде будет не много от искусства: только продержаться, парировать и нападать, и пусть победит сильнейший.

Брайон снова закрыл глаза, сознавая, что наступил момент, которого он старался избежать всеми силами.

У каждого, кто принимает участие в Двадцатых Играх, есть свои маленькие хитрости и приемы. У Брайона они тоже были и пока что изрядно помогали ему. Он был средним шахматистом, но добивался быстрой победы в шахматных партиях благодаря тому, что делал весьма нестандартные ходы. И это было не случайностью, а результатом долгих лет работы, анализа шахматных книг: чем древнее, тем лучше. Он запомнил десятки старинных партий. Это было разрешено правилами. Позволено, впрочем, было все, за исключением допинга и применения технических средств. И самогипноз был вполне принятым приемом борьбы.

У Брайона ушло более двух лет на то, чтобы разыскать источник дополнительной силы. В книгах этот феномен описывался достаточно часто, но воспроизвести его оказалось практически невозможно. Он был связан со смертельной травмой настолько прочно, что возникало ощущение, будто это одно явление, а не два. Берсерки продолжают сражаться и убивать, даже иссеченные множеством ран, каждая из которых смертельна. Люди, у которых прострелено сердце или мозг, продолжают драться, хотя находятся в состоянии клинической смерти. Смерть, похоже, составляет неотъемлемую часть этой силы. Однако существует разновидность той же силы, которая проявляется в состоянии глубокого транса: та сила, которая позволяет человеку стоять на голове и пятках,

не имея иных точек опоры. Находясь в сознании, воспроизвести подобное невозможно. Работая с этим ключом, Брайон разработал технику самогипноза, позволявшую ему получать доступ к источнику неведомой силы — источнику так называемого «второго дыхания». К силе выживания, отличающей жизнь от смерти.

Но подобные упражнения могли и убить — истощить тело настолько, что восстановление станет попросту невозможным, особенно в той стадии усталости, в которой он находился сейчас. Во время Двадцатых умирали и прежде; к тому же смерть в последнем поединке была во многих отношениях лучше поражения.

Глубоко дыша, Брайон тихо произнес фразы, «включавшие» процесс самогипноза. Усталость ушла, и с нею исчезло ощущение жара, холода и боли. При этом прочие его чувства заметно обострились.

С каждой секундой эта сила вытягивала из него жизненные резервы, словно бы сама жизнь по капле вытекала из тела.

Когда прозвучал сигнал, Брайон выхватил у ошеломленного секунданта свою шпагу и бросился вперед. Иролг едва успел схватиться за оружие и парировать первый удар своего противника; но сила этого удара была так велика, что их рапиры столкнулись гардами. Брайон с размаху врезался в своего противника. Иролг выглядел удивленным неожиданно яростной атакой, но потом улыбнулся. Он подумал, что это последний всплеск энергии; он знал, насколько они оба устали.

Противники расцепились, и Иролг немедленно ушел в глухую оборону. Он не пытался атаковать: пусть сперва Брайон утомится, пусть его последние силы уйдут на попытки прорваться сквозь защиту Иролга.

Когда он наконец понял свою ошибку, Брайон заметил на его лице выражение паники. Брайон не уставал. Напротив, он усиливал атаки. Он ощутил волны отчаянья, исходившие от Иролга, и понял, что пятое очко будет его.

Атака — атака — и каждый раз все медленнее движется клинок соперника, едва успевая парировать удар. Потом — еще один удар, отбрасывающий клинок Иролга в сторону. Под гарду. Сверкающая сталь, рассекающая воздух и касающаяся груди Иролга рядом с сердцем.

Волны оглушительного шума — визг, крики, аплодисменты — ворвались во внутренний мир Брайона, но он уже почти не осознавал этого. Иролг выронил свою рапиру и хотел было

пожать Брайону руку, но внезапно ноги у него подогнулись, и он едва не упал. Брайон подхватил его, поддержал и повел к подбегавшим секундантам. Потом Иролг исчез, а Брайон взмахом руки отстранил своих секундантов, бросившихся ему на помощь, и медленно пошел вперед. Сам.

Но что-то было не так — он двигался словно бы сквозь теплый и вязкий кисель. Словно бы полз на коленях. Нет — не шел и не полз: падал. Да. Теперь он мог позволить себе упасть.

Глава 2

Айхьель дал врачам только один день, после чего отправился в больницу. Брайон не умер, хотя предыдущей ночью врачей сильно беспокоило его состояние. Теперь, ровно через сутки, он начал приходить в себя, а больше ничего Айхьелю и не нужно было знать. Он протолкался к палате нового Победителя, нещадно распихивая всех, кто преграждал ему путь; первый серьезный отпор он встретил у дверей.

— Вы нарушаете правила, Победитель Айхьель, — сказал врач. — И если вы будете продолжать попытки прорваться сюда, где вы вовсе не нужны, я буду вынужден применить силу вне зависимости от того положения, которое вы занимаете.

Айхьель начал было в подробностях излагать врачу, сколь малы его шансы совершить подобное, когда их обоих прервал Брайон. Он узнал голос, который слышал в последнюю ночь в спальном бараке.

— Впустите его, доктор Колрай, — проговорил он. — Я хочу видеть человека, который считает, будто есть что-то важнее Двадцатых.

Покуда врач колебался, Айхьель быстро обошел его и захлопнул дверь перед носом врача. Он посмотрел на лежащего в постели Победителя. К обеим рукам Брайона было подключено по капельнице; глаза его запали, глазные яблоки были покрыты сеткой лопнувших сосудов. Безмолвная битва со смертью, которую он вел, оставила глубокий отпечаток на всем его существе. Лицо его заострилось и походило больше на череп, обтянутый нездорового серого цвета кожей, а скулы, казалось, были готовы прорвать ее. Только ежик коротко остриженных волос остался прежним. Создавалось впечатление, что Брайон перенес длительную тяжелую болезнь.

— Страшен ты, как смертный грех, — оценивающе огля-

дев его, заявил Айхьель. — Но все равно — поздравляю тебя с победой.

— Ты и сам не слишком хорошо выглядишь... для Победителя, — отпарировал Брайон. У него бы никогда не вырвалось ничего подобного, но он был измотан до предела и пребывал в весьма сварливом настроении, а потому не сумел подавить вспышки внезапного гнева. Айхьель, впрочем, пропустил его слова мимо ушей.

Однако слова эти были правдой; Победитель Айхьель был не слишком-то похож на Победителя — он вообще не походил на анвхарца. Нет, и рост, и ширина плеч — все это было именно таким, как анвхарцу и подобает, но он весьма заметно оброс жирком, скрывавшим мускулатуру и образовывавшим складки на шее. Толстяков на Анвхаре не было, и невозможно было поверить, что этот располневший человек мог когда-то быть Победителем. Однако в его глазах еще горел отблеск той силы, которая когда-то позволила превзойти всех живущих на планете и победить в ежегодных играх. Брайон невольно опустил глаза под этим жгучим взглядом; ему стало стыдно, что он вот так, без причины, оскорбил человека. Однако ж он чувствовал себя слишком плохо для того, чтобы найти силы на извинения.

Впрочем, Айхьелю не было особого дела до каких-то извинений. Брайон снова взглянул на него и внезапно ощутил, что есть вещи, по сравнению с которыми он сам, его оскорбления и даже Двадцатые не более значительны, чем танцующие в воздухе пылинки. Брайон понимал, что все это только игра больного воображения, и попытался избавиться от неуютного ощущения.

Двое смотрели друг на друга, испытывая одно и то же чувство.

За спиной Айхьеля бесшумно отворилась дверь, и тот развернулся, двигаясь так, как способен двигаться только атлет с Анвхара. Доктор Колрай как раз делал шаг через порог и пребывал потому в весьма неустойчивом положении; следом за ним шли двое в форме. Айхьель бросился на них. Стремительность этого движения, помноженная на огромную массу его тела, привела к тому, что все трое отлетели в коридор и повалились на пол, как в детской игре «куча мала». Айхьель же, воспользовавшись этим, захлопнул и запер дверь.

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал он, снова поворачиваясь к Брайону. — Наедине, — прибавил он, наклоняясь к переговорному устройству и с мясом выдирая его из гнезда.

— Убирайся, — ответил на это Брайон. — Если бы я мог...

— Но ведь не можешь, а потому придется тебе полежать здесь да послушать меня. Думаю, у нас есть минут пять, пока они не решат взломать дверь, и я не хочу терять их. Есть работенка, которую необходимо выполнить. И ты — единственный, кто для нее подходит. Но придется совершить небольшое космическое путешествие. А теперь откажись, — прибавил он, заметив, что Брайон собирается что-то сказать.

— Разумеется, я отказываюсь, — ответил Брайон, чувствуя себя глупо и злясь из-за этого: получалось так, будто он говорил по подсказке. — Анвхар — моя планета; с какой стати мне улетать с нее? Вся моя жизнь прошла здесь, здесь моя работа. К этому я могу прибавить, что только что выиграл Двадцатые. Я просто обязан остаться.

— Ерунда. Я также был Победителем, но я же улетел. На самом деле тебе просто хочется потешить свое самолюбие — ты ведь так долго шел именно к этому. Вне Анвхара никто не знает, что такое Победитель, а следовательно, и уважения к титулу там не дождешься. Тебе придется встретиться лицом к лицу с огромной Вселенной, и я не виню тебя за то, что ты несколько испуган.

Раздался громкий стук в дверь.

— У меня нет сил злиться, — хрипло проговорил Брайон. — И я не могу заставить себя восхищаться твоими идеями, пока они позволяют доставать человека, слишком больного для того, чтобы выставить тебя вон.

— Приношу извинения, — сказал Айхьель, хотя по его голосу этого не чувствовалось; не было в нем и сострадания. — Но речь идет о вещах много более важных, чем твои задетые чувства. Сейчас у нас немного времени, а потому я хочу, чтобы одна моя идея дошла до тебя.

— Идея, которая убедит меня покинуть планету вместе с тобой? Ты слишком много хочешь.

— Нет, эта идея тебя не убедит; ты сам убедишь себя, размышляя над ней. Если ты действительно *задумаешься*, многие из твоих иллюзий рухнут. Как и все на Анвхаре, ты — научный гуманист, свято верующий в Двадцатые. Ты принимаешь все без малейших размышлений или колебаний. Вы ни на минуту не задумываетесь о прошлом, о бессчетных миллионах людей, прозябавших в ничтожестве все то время, покуда они создавали для вас новую, лучшую жизнь, которой вы и живете ныне. Ты когда-нибудь вспоминал о людях, страдав-

ших и умиравших в горе и нищете ради того, чтобы цивилизация сделала еще один крохотный шажок вперед?

— Конечно нет, — ответил Брайон. — Да и с чего бы мне?.. Я ведь не могу изменить прошлое.

— Но зато можешь изменить будущее! — заявил Айхьель. — Ты кое-что задолжал своим многое пережившим предкам, которые создали для тебя эту жизнь. Если научный гуманизм для тебя — нечто большее, чем просто слова, у тебя должно быть чувство ответственности. Неужели ты не хочешь попытаться хотя бы частично оплатить этот долг, помогая другим — тем, кто сейчас живет такой же отсталой жизнью, как наши прапрадеды троглодиты?

Стук в дверь становился все громче. Он мешал Брайону думать, да к тому же от стимуляторов у него гудело в голове.

— Теоретически я с тобой согласен, — с запинкой проговорил он. — Но, понимаешь ли, я ничего не могу сделать, руководствуясь только логикой, если для меня самого это не будет иметь эмоциональной ценности.

— Вот тут-то мы и дошли до сути, — мягко проговорил Айхьель.

Он прислонился спиной к двери, которую теперь, как видно, пытались выбить каким-то тяжелым предметом.

— Стучат. Значит, скоро мне придется уйти. У меня нет времени на то, чтобы расписывать все в деталях, но я даю тебе слово чести Победителя, что ты действительно можешь кое-что сделать. Только ты. Если ты мне поможешь, мы, быть может, сумеем спасти семь миллионов человеческих жизней. Таковы факты.

Ломившимся в дверь снаружи удалось-таки вышибить замок, и дверь начала приоткрываться. Айхьель подпер ее плечом.

— Вот идея, над которой я предлагаю тебе поразмыслить. Почему в Галактике, где тысячи воюющих отсталых планет, захлебывающихся ненавистью, народ Анвхара — единственный, чье существование основано на сложной системе игр?

Глава 3

Дольше удерживать дверь было невозможно. Айхьель и не пытался сделать это. Он отступил в сторону — и в комнату тут же ввалились двое, Айхьель же молча шагнул мимо них в коридор.

— Что случилось? Что он сделал? — затараторил врач,

вбежавший следом за охранниками. Он быстро проверил показания приборов, укрепленных на спинке кровати Брайона. Дыхание, температура, сердце, кровяное давление — все было в норме. Пациент лежал тихо и врачу ничего не отвечал.

Размышлений Брайону хватило до конца дня. Думать было тяжело. Усталость, действие транквилизаторов и других лекарств туманили голову. Мысли блуждали бесцельно, и он не мог вырваться из их бесконечного круговорота. О чем говорил Айхьель? Что за чушь он нес об Анвхаре? Анвхар был таким, потому что... потому что он был таким, вот и все! Планета пришла к этому естественным путем. Или — нет?..

История была чрезвычайно проста. С самого начала на Анвхаре не было ничего, представлявшего сколь-нибудь значимый интерес для торговли. Мир этот находился в отдалении от межзвездных торговых путей, на нем не было залежей минералов, которые стоили бы того, чтобы их разрабатывать и отправлять в другие обитаемые миры на чудовищные расстояния. Конечно, можно было охотиться на пушных зверей и продавать меха — предприятие это было выгодным, но слишком мелким. А потому никогда не предпринималось организованных попыток колонизовать эту планету. В конце концов все произошло по воле случая. Несколько научных групп обосновались здесь, построили исследовательские станции и станции наблюдения: необычный годичный цикл Анвхара давал в этом отношении массу интереснейшей информации. Поскольку наблюдения велись долго, научные работники решили перевезти на Анвхар свои семьи. Так, медленно, но верно, возникали первые небольшие поселки. Многие из охотников также осели здесь, увеличив тем самым численность населения.

Это было начало.

От давних времен осталось не слишком много летописей, поэтому о событиях, происходивших в первые шесть сотен лет истории Анвхара, можно только догадываться: фактов на этот счет чрезвычайно мало. Примерно в это время произошел Раскол, и в этой общегалактической катастрофе Анвхар вел свою собственную войну. Когда пала Земная Империя, кончилась не просто эпоха. Многие станции наблюдения оказались в довольно странном положении — они представляли уже не существующие учреждения. Профессиональные охотники лишились рынка сбыта своих мехов, поскольку у Анвхара не было собственных космических кораблей. Прав-

да, никаких глобальных изменений на Анвхаре во времена Раскола не произошло, поскольку планета была совершенно самодостаточной. Как только ее жители привыкли к мысли о том, что теперь Анвхар является независимым миром, а не сборищем людей различных профессий с различными убеждениями, жизнь снова пошла своим чередом. Не то чтобы она стала труднее — на Анвхаре жизнь никогда не бывает легкой, — но, по крайней мере, внешне она почти не отличалась от прежней.

Хотя мысли и отношения людей подверглись огромным изменениям. Предпринимался ряд попыток создать некоторую стабильную форму социального устройства и общественных отношений. Они не оставили значимого следа в истории — по крайней мере, в летописях Анвхара, — за исключением того, что увенчались наконец Двадцатыми.

Чтобы понять, что такое Двадцатые, нужно знать, что Анвхар движется вокруг своего солнца, Семидесятой Змееносца, по необычной орбите. В этой системе есть и другие планеты, с более-менее нормальной эклиптикой. Анвхар, возможно, является «бродягой», планетой иного солнца, попавшей в поле притяжения Семидесятой. Большую часть своего года, длящегося 780 дней, Анвхар находится на значительном удалении от нее; потом наступает короткое жаркое лето, длящееся около восьмидесяти дней, после чего вновь наступает долгая зима. Жизнь на планете приспособилась к таким сезонным изменениям климата. На зиму большинство животных впадают в спячку, растительность же дремлет в спорах и семенах. Некоторые теплокровные растительноядные в тропической зоне, также утопающей в снегах, продолжают вести активную жизнь, а ими, в свою очередь, питаются хищники. В сравнении с летом, зима, несмотря на свои страшные холода, является сезоном мира.

Лето — время безумного стремительного роста. Трава и деревья пробуждаются к жизни и растут с такой скоростью, что крушат скалы и поднимаются к небу буквально на глазах. Снежные равнины превращаются в болота грязи, на которых в течение нескольких дней вырастают настоящие джунгли. Все развивается и размножается. Растения душат друг друга, стремясь поглотить как можно больше живительной энергии, даруемой солнцем. В этот сезон все насыщает и насыщается, потому что с того момента, как выпадает первый снег, девяносто процентов года пройдет в спячке в ожидании возвращения тепла.

Чтобы выжить, людям пришлось приспособиться к анвхарианскому циклу. За лето нужно было собрать в закрома достаточно пищи, чтобы ее хватило на всю долгую зиму. Поколение за поколением адаптировались к этому, пока сезонные изменения не стали восприниматься ими как нечто совершенно естественное. Первая оттепель весны, стремительно переходящей в лето, вызывала у «коренных» анвхарцев изменения метаболизма. Слой подкожного жира уменьшался, начинали действовать потовые железы; прочие изменения были менее заметны, чем приспособления к смене температурного режима, но не менее важны. Подавлялся центр сна в мозгу: человеку оказывалось достаточно немного подремать раз в три-четыре дня. Жизнь становилась почти истерической, лихорадочной — то есть полностью соответствующей жизни окружающего мира. К первым морозам люди успевали снять урожай стремительно созревающих зерновых и запастись мясом, консервируя или замораживая последнее в огромных холодильных камерах. Невероятно удачно приспособившись к годичному ритму жизни, человечество стало частью экологической системы планеты и обеспечило себе выживание во время долгой зимы.

Да, физически люди нормально переживали зиму. Но что касается выживания духовного — здесь дело было сложнее. Примитивные эскимосы на Земле могут впадать в долгую дрему, напоминающую спячку. Возможно, цивилизованным людям такой способ тоже доступен — по крайней мере, на несколько самых холодных месяцев земной зимы. Но это невозможно, когда зима длится дольше земного года. И главным врагом любого анвхарца, если только он не охотник, становилась скука; и даже охотники не могли всю зиму бродить среди снегов, выслеживая зверей. Выпивка была одним из способов разрешения проблемы, другим было насилие. Алкоголизм и убийства стали настоящим зимним кошмаром, в особенности после Раскола.

Но конец этому положили Двадцатые. Когда они стали частью жизни населения планеты, лето превратилось в перерыв между играми. Двадцатые были большим, чем просто соревнования: они превратились в образ жизни, удовлетворявший физические и интеллектуальные потребности человечества на этой необычной планете. Игры эти являлись декатлоном —

вернее сказать, двойным декатлоном, в котором шахматные матчи и поэтические состязания занимали не меньшее место, чем прыжки на лыжах с трамплина или стрельба из лука. Каждый год проводилось два всепланетных соревнования — для мужчин и для женщин. И дело здесь было не в сексуальной дискриминации, а в реальной оценке возможностей. Различия, присущие мужчинам и женщинам, не позволяли им соревноваться на равных во многих областях: например, женщина не может выиграть большой шахматный турнир. Это принималось во внимание. Любой на планете мог принимать участие в Двадцатых столько раз, сколько ему хотелось: ограничений на это не было.

Побеждал лучший — и он действительно был лучшим. Сложная система повторных игр и отборочных соревнований обеспечивала и участникам, и наблюдателям активную жизнь на половину зимы. И все это было только прелюдией перед основной частью Двадцатых, длившейся месяц, в которой и определялся единственный победитель. И его или ее награждали именно этим титулом: Победитель или Победительница. Мужчина и женщина, превзошедшие всех на планете, кому суждено оставаться лучшими до следующих игр.

Победитель. Это был титул, которым можно было гордиться. Брайон слабо пошевелился на постели и сумел повернуться так, чтобы видеть окно. Победитель Анвхара. Его имя уже записано в книги истории, он стал одним из горстки героев этой планеты. Теперь школьники будут изучать *его* жизнь, читать о нем, как и он сам когда-то читал о Победителях прошлого. Будут мечтать о его славе, придумывать новые и новые приключения, связанные с победами Брайона, надеясь когда-нибудь сравняться с ним. Стать Победителем — вот высочайшая честь во Вселенной.

За окном в темном небе слабо поблескивало вечернее солнце. Бесконечные ледяные равнины отражали этот свет, и весь мир, казалось, состоял из этих холодных отблесков. Одинокая фигурка лыжника скользила по равнине; больше в мире не было никакого движения. Огромная невероятная усталость накатила на Брайона, усталость разочарования, словно бы он увидел мир в совершенно ином свете.

Внезапно с ослепительной ясностью он понял, что быть Победителем — значит быть никем. Это то же самое, что быть лучшей блохой среди всех блох в шерсти одной собаки.

В конце концов, что такое Анвхар? Скованная льдом планета, населенная несколькими миллионами разумных блох, никому во Вселенной не известная, не имеющая никакого значения для всего остального человечества. В этом мире не было ничего, за что стоило бы драться; войны, вспыхнувшие после Раскола, не коснулись Анвхара. Анвхарцы всегда гордились этим — как будто можно гордиться тем, что ты никому не нужен и не важен. Все прочие миры росли, сражались, побеждали и проигрывали — изменялись. Только на Анвхаре жизнь повторялась, шла по бесконечному замкнутому кругу, как магнитофонная пленка...

Глаза Брайона увлажнились: он моргнул. *Слезы!* От осознания этого невероятного факта сентиментальная жалость сменилась в его душе страхом. Неужели страшное напряжение последнего поединка повредило его рассудок? Это были не его мысли. Ведь вовсе не жалость к себе сделала его Победителем — так почему же сейчас он чувствовал именно это? Анвхар был его Вселенной — разве он мог хотя бы представить себе, что эта планета — всего лишь ничтожная пылинка в глубинах Космоса, каприз творения? Что с ним случилось, что вывернуло наизнанку его мысли?

Как только он задумался об этом, ему в голову немедленно пришел ответ. Победитель Айхьель. Толстяк со странными рассуждениями и вопросами, будоражащими разум. Или Айхьель околдовал его, как некий чародей — как дьявол в «Фаусте»?.. Нет, глупости. Но что-то ведь он действительно сделал. Может, сумел вложить в голову Брайона какую-то мысль, когда тот был слишком слаб, чтобы противиться чужому влиянию? Или воздействовал на его подсознание с помощью гипноза, как злодей в «Скованном мозге»? Брайон не мог найти оснований для подозрений, но все же совершенно точно знал, что именно Айхьель ответственен за его странное душевное состояние.

Он коротко свистнул; это послужило сигналом, включившим починенный коммуникатор у его изголовья. На маленьком экранчике появилось лицо сиделки.

— Человек, который был здесь сегодня, — заговорил Брайон, — Победитель Айхьель. Вы знаете, где он? Я должен связаться с ним.

Почему-то эти слова лишили сиделку ее профессионального спокойствия. Она хотела было ответить, но извинилась и отключила экран. Когда он зажегся снова, место сиделки занял человек в форме охранника.

— Вы сделали запрос о Победителе Айхьеле, — сказал он. — Мы держим его здесь, в госпитале, под охраной, поскольку он нарушил установленный порядок, силой вломившись в вашу комнату...

— Я ни в чем его не обвиняю. Пожалуйста, попросите его немедленно зайти ко мне.

Охранник с трудом подавил охватившее его изумление:

— Прошу простить меня, Победитель, но я не представляю, как это можно сделать. Доктор Колрай оставил специальные указания о том, что никто не должен вас...

— Доктор пока еще не распоряжается моей личной жизнью, — прервал его Брайон. — Я не заразен и не болен — я только чрезвычайно утомлен. И я хочу видеть этого человека. Немедленно.

Охранник глубоко вздохнул и принял решение.

— Он уже идет, — ответил он и отключил экран.

— Что ты со мной сделал? — спросил Брайон, едва Айхьель вошел в его комнату и они остались одни. — Не станешь же ты отрицать, что вложил в мою голову чуждые мысли?

— Нет, не стану. Поскольку весь смысл моего пребывания здесь именно в том, чтобы донести до тебя эти «чуждые» мысли.

— Расскажи мне, как ты это сделал, — потребовал Брайон. — Я должен это знать.

— Хорошо, но ты должен еще многое услышать. И не просто услышать, но и поверить в то, что услышишь. Первое, что является ключом ко всему остальному, — это истинная природа твоей жизни здесь. Как ты думаешь, откуда взялись Двадцатые?

Прежде чем ответить, Брайон принял двойную дозу стимулятора, который разрешили ему доктора.

— Мне нечего и думать, — сказал он, — я знаю. Об этом рассказывается в исторических хрониках. Организатором первых игр был Джирольди, первые соревнования прошли в 378 году по летосчислению Анвхара. С тех пор Двадцатые проводились каждый год. Вначале это были местные состязания, но вскоре они уже переросли во всепланетные.

— Верно, — ответил Айхьель, — но ты рассказываешь о том, *что* произошло, я же спросил у тебя, *как* возникли Двадцатые. Как мог один человек, кем бы он ни был, взять отсталую планету с небольшим населением, состоящим из полусумасшедших охотников и фермеров-алкоголиков, и создать

на ней социальную машину, работающую без перебоев, а в центр ее поставить искусственную структуру Двадцатых? Это было бы просто невозможно.

— Но ведь это *было* сделано! — настаивал Брайон. — Ты не можешь этого отрицать. А в Двадцатых нет ничего искусственного. Они вполне закономерны в подобном мире.

Айхьель коротко рассмеялся; в его смешке явственно слышалась ирония.

— Очень закономерны — но часто ли социальные структуры и правительства создаются по законам логики? Ты не думаешь. Поставь себя на место основателя Джирольди. Представь, что тебе пришла в голову идея Двадцатых и ты хочешь убедить в ее необходимости остальных. И вот ты подходишь к первому же вшивому скандальному пьяному охотнику, к тому же полному дремучих предрассудков, и все ему излагаешь ясно и понятно. Объясняешь, что его любимые игры — поэзия, стрельба из лука, шахматы — могут сделать его жизнь намного интереснее и полноценнее. Хорошо. Но в таком случае ты должен быть готов к тому, что он схватится за пушку.

Абсурдность такого предположения заставила улыбнуться даже Брайона. Разумеется, так не могло быть. Однако ж, поскольку Двадцатые все-таки возникли, этому факту должно было быть какое-то объяснение, и объяснение достаточно простое.

— Так мы можем рассуждать целый день напролет, — заметил Айхьель, — и ты не найдешь верного ответа, если только...

Он внезапно умолк и уставился на коммуникатор. Экран оставался черным, но на панели зажегся огонек, показывающий, что устройство включено. Айхьель протянул к нему мясистую руку и вырвал недавно подсоединенные провода.

— Этот твой доктор слишком любопытен. Но правда о Двадцатых его совершенно не касается. Зато она касается тебя. Тебе нужно понять, что тот образ жизни, который ты вел здесь, искусственно создан и разработан экспертами-социологами и внедрен опытными практиками...

— Чушь! — перебил его Брайон. — Нельзя безнаказанно ставить социальные эксперименты на людях. Начнутся столкновения, кровопролитие...

— Ты сам несешь чушь, — отпарировал Айхьель. — На заре истории, может, так и было, но времена меняются. Ты читал слишком много земной классики; ты полагаешь, что

мы по-прежнему живем в век предрассудков. Перемены у человечества в крови. Все, что сейчас воспринимается как нормальное и привычное, когда-то было новшеством. Одно из последних нововведений — попытка управлять народами, создавать общества, ставящие личное счастье каждого человека превыше всего.

— Комплекс Бога, — заметил Брайон. — Загнать людей в какие-то рамки, хотят они того или нет.

— Конечно, это можно рассматривать и так, — согласился Айхьель. — Вначале попытки силой навязать народам те или иные политические структуры зачастую оканчивались плачевно. Многие — но не все. Анвхар — яркий пример того, как успешно работает искусственно разработанная структура, когда ее применяют правильно. Правда, больше мы такого не делаем. Теперь мы только защищаем развивающиеся культуры, немного подталкивая их. Когда мы работали на Анвхаре, у нас еще не было столь тщательно проработанной теории. Тогда все сводилось к тому, чтобы создать искусственную культуру, наиболее подходящую для данного мира, и внедрить ее на Анвхаре.

— Как это можно сделать? — спросил Брайон. — Как это было сделано здесь?

— Тебя наконец заинтересовало «как». Нам понадобилось множество агентов и огромные суммы денег. Мы постарались привить людям гипертрофированное чувство гордости, что спровоцировало возникновение дуэлей и, как следствие, вызвало интерес к приемам и технике фехтования. Джирольди оставалось только убедить всех, что организованные состязания гораздо интереснее, чем отдельные случайные поединки. Сложнее было включить в создававшуюся систему интеллектуальные состязания, но однако эти трудности также были преодолены. Детали не столь важны; мы сейчас рассматриваем только конечный продукт. А конечным продуктом являешься ты. И ты нужен. Очень нужен.

— Но почему я? — спросил Брайон. — Что во мне такого особенного? Потому что я выиграл Двадцатые? Я в это не верю. Если быть объективным, между мной и любым из первой десятки нет почти никакой разницы. Почему бы не попросить кого-нибудь из них? Они сумели бы справиться с заданием не хуже меня.

— Нет, не сумели бы. Позже я скажу тебе, почему именно ты — единственный человек, который мне подходит. Время

идет, а я еще должен кое в чем тебя убедить. — Айхьель взглянул на часы. — У нас еще три часа, потом будет уже слишком поздно. Прежде чем они истекут, я хочу рассказать тебе о нашей работе столько, сколько нужно для того, чтобы ты мог добровольно решиться присоединиться к нам.

— Да, задачка не из легких, — заметил Брайон. — Можешь начать с того, что объяснишь мне, что это за таинственные «мы», о которых ты все время говоришь.

— Фонд Культурных Отношений. Негосударственная структура, финансируемая частными лицами, которая существует ради обеспечения мира, благополучия и суверенитета независимых планет, их процветания, развития добрососедских отношений и межпланетной торговли.

— Звучит так, будто ты цитируешь, — сообщил ему Брайон. — Никто не сумел бы придумать этакую формулировочку просто в ходе разговора.

— Я действительно цитировал хартию нашей организации. Конечно, в общих чертах это все очень хорошо и правильно, но я сейчас говорю о конкретных вещах. О тебе. Ты — продукт тщательно разработанного и очень развитого общества. Ты вырос и воспитывался на планете с небольшой численностью населения и демократичной формой государственного управления, а это способствовало развитию твоей индивидуальности. Нормальное анвхарское образование — это прекрасное образование, а твое участие в Двадцатых дало тебе образование выше, чем у кого-либо в этой Галактике. Если ты со всеми своими знаниями и способностями проведешь остаток жизни на ферме где-нибудь в глуши, это будет огромной и бессмысленной потерей.

— Плохо ты обо мне думаешь. Я собираюсь учить...

— Да забудь ты об Анвхаре! — прервал его Айхьель, резко и досадливо взмахнув рукой. — Не перестанет этот мир вращаться и конец света не наступит, если ты улетишь отсюда. Ты должен забыть об Анвхаре, подумать о том, что по галактическим масштабам этот мир — ничтожная пылинка, и о том, что есть множество страдающих людей во Вселенной. Ты должен подумать о том, чем помочь им.

— Но что я могу сделать — я ведь один? Прошли те времена, когда один человек, такой, как Цезарь или Александр Македонский, мог изменять судьбы мира...

— Верно — и все же не вполне верно, — ответил Айхьель. — В любом столкновении сил есть ключевые фигуры,

люди, действующие как катализатор, но чтобы применить его, нужно выбрать верный момент — и тогда начнется химическая реакция. Возможно, ты — один из таких людей; но, по чести сказать, пока что мне нечем это подтвердить. Чтобы сберечь время и не вдаваться в бесконечные рассуждения, думаю, мне нужно пробудить в тебе чувство долга.

— Долга перед кем?

— Перед человечеством, разумеется, перед ушедшими поколениями, которые способствовали развитию истории, что в конце концов и позволило нам всем здесь вести полноценную счастливую жизнь. То, что было дано нам, мы, в свою очередь, должны передать другим. Это основа гуманистической морали.

— Согласен. Наконец-то я слышу действительно убедительный аргумент. Но даже этот аргумент не заставит меня вылезти из постели в течение ближайших трех часов.

— Однако ж кое в чем мы преуспели, — заметил Айхьель. — В общем ты со мной соглашаешься. А теперь применим ту же аргументацию по отношению к тебе самому. Существует планета с населением семь миллионов человек, над которой нависла угроза полного уничтожения. Моя работа и мой долг заключаются в том, чтобы остановить это разрушение; именно этим я сейчас и занимаюсь. В одиночку я не смогу выполнить работу. В дополнение ко всем остальным мне нужен ты. Не кто-то подобный тебе, но именно и только ты.

— У тебя осталось чрезвычайно мало времени на то, чтобы убедить меня в этом, — заметил Брайон, — а потому позволь мне облегчить тебе труд. По твоим словам, ты занимаешься планетой, населению которой угрожает полное уничтожение. Положим, все это правда, а не чудовищный блеф, положим, если бы у тебя было время, ты смог бы доказать это. Пусть так. Но тут у меня снова возникает вопрос. Чем и как ты можешь подтвердить, что я действительно единственный человек во всей Галактике, который может тебе помочь?

— Доказательством этого является одна твоя способность, ради которой я тебя и разыскивал.

— Способность? Я ничем не отличаюсь от других людей моего мира.

— Ты ошибаешься, — возразил Айхьель. — Ты — воплощенное во плоти и крови доказательство эволюции. Индивиды, наделенные специфическими качествами, постоянно появляются среди представителей любого вида, включая и людей. С тех пор как в последний раз на Анвхаре родился человек, наделенный эмпатическими способностями, сменилось уже два поколения.

— Во имя неба, что такое эта самая «эмпатия» и как ты распознаешь тех, кто ею наделен? — Брайон фыркнул; разговор принимал какой-то абсурдный оборот.

— Я могу распознавать эмпатов, потому что я и сам эмпат; другого способа не существует. А что до того, как работает эмпатия, — я тебе это уже продемонстрировал несколько раньше. Именно тогда у тебя и появились столь странные мысли об Анвхаре. Прежде чем ты по-настоящему овладеешь даром передавать свои чувства другим, пройдет немало времени, но рецептивная эмпатия — твоя врожденная черта. Эмпатия — это то, что позволяет тебе проникать в чувства другого человека, или, если угодно, в его душу. Эмпатия — это не чтение мыслей, скорее ее можно описать как ощущение настроений, чувств и отношений других людей. Лгать тренированному эмпату невозможно — за лживыми словами он распознает истинные чувства. Даже столь неразвитый дар, как твой, весьма существенно помог тебе во время Двадцатых. Ты можешь предугадать действия своего противника; ты заранее знаешь, какое движение он совершит, когда его мышцы только начинают напрягаться. Ты принимаешь это, даже не задумываясь о сути своего дара.

— Откуда ты знаешь?

На самом деле Брайон именно так и чувствовал, но никогда и никому не рассказывал об этой своей тайне.

Айхьель улыбнулся:

— Просто догадка. Но, если помнишь, я тоже выиграл Двадцатые и тоже в то время ничего не знал об эмпатии. А ведь это замечательное качество — особенно в дополнение к нашему образованию и тренировкам. Собственно, это и подводит нас к тому доказательству, о котором шла речь минуту назад. Ты сказал, что я смогу убедить тебя, если приведу хоть одно доказательство того, что мне нужен именно ты. Я *верю*, что только ты способен мне помочь; я не сумел бы в этом солгать.

Тем более в этом нельзя солгать эмпату. Хочешь посмотреть, каковы мои истинные чувства? Конечно, «посмотреть» — не то слово, но для подобных вещей слов еще не придумали. Может, ты лучше присоединишься ко мне? Разделишь со мной мои воспоминания, эмоции, мое отношение?

Брайон попытался возразить, но опоздал. Врата его чувств распахнулись, он был подавлен чужими эмоциями и воспоминаниями.

— Дит[1]... — проговорил Айхьель вслух. — Семь миллионов человек... водородные бомбы... Брайон Брандт.

Это были только ключевые слова, тянувшие за собой цепочки ассоциаций. И с каждым словом Брайон чувствовал, как на него накатывают волны эмоций...

Здесь не могло быть лжи — в этом Айхьель был прав. Это была основа чувств, то, из чего они созданы, базовые реакции на символы памяти.

ДИТ... ДИТ... ДИТ... это было слово — это была планета, и слово гудело как барабан — барабан, грохотавший как гром, и была пустынная планета, планета смерти, где живые умирали и мертвые были счастливее живых.

Неразвитый варварский ДИТ
горячий горящий выжженный
отсталый жалкий
песчаная пустыня
невероятно грязная
пески пески пески...
Люди, такие отсталые грязные жалкие
варвары полулюди недолюди
меньше чем люди
но
они
вскоре
будут
МЕРТВЫМИ
они будут МЕРТВЫМИ
семь миллионов почерневших тел
которые будут омрачать твои сны
все сны вечно всегда
навсегда потому что эти
ВОДОРОДНЫЕ БОМБЫ
ждут того
чтобы
убить
их всех если только... если только... если...
ты Айхьель остановит их ты Айхьель (СМЕРТЬ) ты (СМЕРТЬ)
ты (СМЕРТЬ) один не сможешь сделать это ты (СМЕРТЬ)
должен найти
БРАЙОН БРАНДТ сосунок-неопытный-зеленый-юнец-Брайон Брандт чтобы помочь тебе он единственный в Галактике кто может завершить работу...

Поток ощущений иссяк, и Брайон осознал, что лежит, бессильно утонув в подушках, весь мокрый от пота, дрожащий от воспоминаний об обнаженных эмоциях. Напротив него сидел, уронив голову на руки, Айхьель. Когда он поднял лицо, в его глазах Брайон увидел тень того мрака безнадежности, который сам он только что ощутил.

— Смерть, — сказал Брайон. — Это ужасное чувство смерти. Оно шло не только от людей Дита, которые могут умереть. В нем было что-то более личное.

— Я сам, — ответил Айхьель, и эти простые слова снова пробудили в душе Брайона мрак, к которому он с его едва пробудившимися способностями так недавно прикоснулся. — Моя собственная смерть. А она недалека. Это поразительная и страшная цена, которую приходится платить за свой талант. Неизбежная сопутствующая эмпатии. Часть целого неисследованного феномена пси-поля, которая не зависит от времени. Смерть вызывает столь сильное возмущение поля, что вибрации от нее идут вспять по временным линиям. Чем я ближе к ней, тем острее осознаю ее. Только общее ощущение смерти — без числа и времени, разумеется. В том-то и весь ужас. Я *знаю*, что умру вскоре после того, как попаду на Дит, и задолго до того, как работа будет окончена. Я знаю дело, которое нужно свершить там, я знаю тех, кому это не удалось. Я также знаю, что ты — единственный человек, который, возможно, сумеет закончить то, что было начато мной. Теперь ты согласен? Ты полетишь со мной?

— Да, конечно, — ответил Брайон. — Я полечу с тобой.

Глава 4

— В жизни не видел никого, кто злился бы так, как этот доктор, — сказал Брайон.

— Не могу его в этом винить, — проворчал Айхьель, всей своей громоздкой тушей поворачиваясь от пульта управления компьютерного мозга корабля.

[1] Дит (лат. Dis) — латинское имя Аида, или Плутона, властителя преисподней. Данте («Божественная комедия», Ад) называет так Люцифера, верховного дьявола, царя Ада. Его имя носит и адский город, окруженный Стигийским болотом, то есть области Ада, лежащие внутри крепостной стены и носящие общее название нижнего Ада. (*Прим. пер.*)

— Ты похитил у него мгновение его профессионального торжества... Вряд ли ему еще представится случай выходить истощенного Победителя Двадцатых и вернуть ему былое здоровье и силу. Удивительно, как тебе удалось убедить его, что корабль позаботится обо мне не хуже, чем это смог бы сделать он сам в больнице.

— Я никогда не смог бы убедить его в этом, — ответил Айхьель. — Но у меня и Фонда Культурных Отношений есть достаточно влиятельные друзья на Анвхаре. Я вынужден признать, что мне пришлось применить некоторое давление.

Он снова откинулся на спинку кресла и принялся читать распечатку курса, ползущую из принтера.

— У нас мало времени, но я предпочел бы провести его на другом конце нашего пути. Мы уйдем в гиперпространство, как только я погружу тебя в стазисное поле.

...Поле стазиса не оставляет отпечатка на теле или душе. В нем нет веса, нет давления, нет боли — нет никаких ощущений. Нет и ощущения времени, за исключением тех случаев, когда человек погружается в это поле на слишком долгий срок. Брайону показалось, что Айхьель выключил поле, продолжив то движение, которым включал его. Корабль не изменился — только на экранах была чернота, пронизанная красными линиями. Это указывало, что они находятся в гиперпространстве.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Айхьель.

Видимо, корабль интересовал тот же вопрос. Его медицинский анализатор нетерпеливо загудел совсем рядом с Брайоном, опустился вниз и приник к его предплечью. На Анвхаре врач выдал корабельному мозгу подробнейшие инструкции. Быстро проверив с десяток показателей метаболизма Брайона, тот сравнил показатели с нормальными. Должно быть, результат был удовлетворительным, поскольку единственное, что последовало за обследованием, была инъекция витаминов и глюкозы, чего Брайон, в общем-то, и ожидал.

— Не могу сказать, что прекрасно, — ответил Брайон, устраиваясь поудобнее. — Но с каждым днем мне все лучше и лучше.

— Надеюсь, потому что у нас есть только две недели, чтобы добраться до Дита. Как думаешь, придешь ты в норму к этому времени?

— Ничего не обещаю, — ответил Брайон, пощупав бицепс. — Наверно, времени хватит. Завтра я начну потихоньку тренироваться, это поможет мне вернуть форму. А теперь расскажи мне побольше о Дите и о том, что я должен там сделать.

— Я не собираюсь повторяться, и потому пока что тебе придется смирить свое любопытство. Скоро мы встретимся с еще одним участником операции. Наша команда будет состоять из трех человек — тебя, меня и экзобиолога. Как только он окажется на борту, я полностью изложу вам обоим суть дела. А пока что можешь сунуть голову в гипнолингвистический шлем и начать учить дитский. К тому времени, как мы опустимся на планету, ты должен будешь знать его в совершенстве.

Используя автогипноз для запоминания, Брайон без труда усвоил словарь и грамматику дитского языка. Но с произношением возникли сложности. Почти всегда окончания слов проглатывались, оглушались или превращались в звуки, подобные которым слышатся при полоскании горла. Язык был насыщен свистящими, шипящими, гортанными и щелкающими звуками. Покуда Брайон упражнялся в произношении, Айхьель предпочитал находиться в другой части корабля: он утверждал, что кошмарное бульканье и рычание, издаваемые Брайоном, мешают его пищеварению.

Их корабль двигался в гиперпространстве по заданному курсу. Он кормил, поил и обогревал своих пассажиров, снабжал их пригодным для дыхания воздухом. Ему были даны указания следить за здоровьем Брайона, и он свято соблюдал их, постоянно сверяясь с записанными в его памяти инструкциями и отмечая улучшение состояния человека. Другая часть мозга корабля методично отсчитывала микросекунды, и в расчетный момент корабль включил звуковой сигнал, звучавший негромко, но настойчиво.

Айхьель зевнул, отложил доклад, который в тот момент читал, и направился в рубку. Передернул с отвращением плечами, проходя мимо комнаты, где Брайон прослушивал запись своих упражнений в дитском.

— Отключи этого умирающего бронтозавра и пристегни ремни, — крикнул он сквозь закрытую дверь. — Мы приближаемся к точке встречи и вскоре перейдем в нормальное пространство.

Человеческий разум может посчитать невероятные расстояния между звездами, но осознать их полностью не способен. В межзвездном пространстве куб со сторонами в сотни тысяч миль является величиной поистине микроскопичес-

кой. Свет проходит такое расстояние за долю секунды. Корабль, движущийся со скоростью, в несколько раз превосходящей скорость света, пролетает это расстояние еще быстрее. Практически отыскать в Космосе конкретную пространственную точку подобного объема невозможно. Технологически это было чудом. Но чудом постоянно повторяющимся и случающимся столь часто, что люди утратили к нему всякий интерес.

Брайон и Айхьель успели пристегнуться, когда корабль, выполнив маневр, вернул их в нормальное пространство и время. Они не стали расстегивать ремни — просто сидели и смотрели на далекие блеклые звезды, складывавшиеся в непривычный узор созвездий. Они подождали, пока компьютер определит их координаты в трехмерном пространстве по звездам. Прозвенел предупредительный сигнал, двигатель включился и мгновенно выключился — так, что показалось, будто эти два действия были одновременными. Это повторялось еще дважды, пока результат не показался компьютеру удовлетворительным и он не счел, что корабль находится в расчетной точке, и не включил табло «СИСТЕМА НАВИГАЦИИ ОТКЛЮЧЕНА».

Айхьель отстегнул ремни, потянулся и принялся готовить еду.

Айхьель рассчитал курс с большой точностью. Менее чем через десять часов после их прибытия на место какой-то корабль вышел в нормальное пространство недалеко от них. Айхьель послал условный сигнал. В ответ пассажирский корабль изящно снес десятифутовое металлическое «яичко» и немедленно исчез, направившись к месту назначения, отстоявшему от этой точки пространства на много световых лет.

Корабль Айхьеля мгновенно обработал полученный сигнал. Угол, мощность сигнала, эффект Допплера — все было просчитано, чтобы определить курс и расстояние. Чтобы войти в зону досягаемости сигнала слабенького передатчика капсулы, нужно было всего лишь несколько минут полета. Сияющая сфера приблизилась, потом исчезла из поля зрения приборов внешнего наблюдения, когда корабль развернулся, чтобы принять капсулу в шлюзовой отсек. Сработал магнитный захват.

— Иди вниз и выпусти из капсулы специалиста по жучкам, — сказал Айхьель. — Я останусь здесь и послежу за панелью управления — мало ли что может случиться.

— Что мне надо делать?

— Залезай в скафандр и открой шлюз. Сфера сделана почти целиком из тонкого металлического листа, а потому не ищи там вход — просто проделай в этой штуке дырку тем консервным ножом-переростком, который найдешь в инструментах. После того как доктор Морис поднимется на борт, выкини капсулу; только сперва возьми оттуда передатчик и локатор сигналов — они еще могут пригодиться.

Инструмент, которым Брайону предлагалось воспользоваться, действительно походил на гигантский консервный нож. Брандт тщательно ощупал металлическую поверхность там, где решил проделать люк, чтобы удостовериться, что за стенкой ничего нет, потом проткнул тонкий лист и прорезал в оболочке капсулы дыру с неровными рваными краями. Из «яйца» немедленно вылетел доктор Морис, отшвырнув Брайона в сторону.

— В чем дело? — поинтересовался Брайон.

Скафандр доктора не был оснащен переговорным устройством; он не мог ответить и только гневно потрясал кулаками. Затемненные стекла шлема не позволяли увидеть выражение его лица. Брайон пожал плечами и перешел к делу: извлек из капсулы необходимое оборудование, вытолкнул ее из шлюза и загерметизировал шлюзовой отсек. Когда давление в помещении восстановилось, он снял шлем и жестом предложил доктору последовать его примеру.

— Вы — сборище грязных лживых псов! — заявил доктор Морис, когда шлем был снят. Брайон был совершенно потрясен. У доктора Леа Морис были длинные темные волосы, большие глаза и нежные губы, сейчас гневно сжатые. Доктор Морис был женщиной.

— Это вы та жирная свинья, которая задумала весь этот чудовищный фарс? — с угрозой вопросила доктор Морис.

— В рубке, — быстро ответил Брайон, знавший, что иногда трусость бывает лучше доблести, — человек по имени Айхьель. Его так много, что там действительно найдется что поненавидеть — можете этим и заняться. Я только что присоединился...

Он говорил это уже в спину женщине, поскольку доктор Леа вихрем вылетела из шлюза. Брайон поспешил за ней, не желая пропустить спектакль.

— Похитили! Наврали мне, заставили меня против моей воли!.. Не найдется в Галактике суда, который не дал бы тебе самый большой срок, и я буду в полном восторге, когда твою жирную тушу запихнут в одиночную...

— Не стоило им присылать женщину, — проговорил Айхьель, не обращая ни малейшего внимания на гневную тираду. — Я просил, чтобы мне прислали экзобиолога высочайшей квалификации для выполнения сложного задания. Кого-нибудь, кто был бы достаточно молод и силен, чтобы работать в суровых полевых условиях. А наниматели прислали мне самую маленькую девчонку, какую только можно отыскать и которая скиснет под первым же дождичком...

— Ничего подобного! — крикнула Леа. — Женщины выносливее мужчин, это общеизвестный факт, а я в гораздо лучшей форме, чем обычная женщина. Что не имеет ни малейшего отношения к тому, о чем я говорила. Меня наняли для работы в университете на Планете Моллера, я подписала контракт. И тут этот неотесанный болван, корчащий из себя агента фирмы, заявляет мне, что контракт был изменен — «читайте параграф 189, подпункт В» или что-то вроде этого, такая же чушь — и что я должна перейти на другой корабль. Запихивает меня в этот баскетбольный мяч, где дышать нечем, — ни тебе «извините», ни тебе «до свидания», — и выбрасывает меня за борт. Если это не попрание прав личности, то уж я не знаю...

— Переходи на другой курс, Брайон, — перебил ее Айхьель. — Найди ближайшую планету и лети к ней. Нам надо высадить эту женщину и затребовать мужчину, который справится с работой. Мы отправляемся на планету, которая является, несомненно, интереснейшим объектом, о каком только и может мечтать экзобиолог, но нам нужен человек, который сможет выполнять приказы, а не свалится в обморок, как только начнет припекать.

Брайон был в растерянности. Айхьель сам управлял кораблем, и он не имел ни малейшего представления о том, как выполнить такой приказ.

— О нет, ты этого не сделаешь, — заявила Леа. — Так легко тебе от меня не избавиться. Я была первой в группе, чтоб тебе знать, а большинство из остальных пяти сотен студентов были мужчины. Эта Вселенная считается принадлежащей мужчинам только потому, что они сами орут об этом

на каждом перекрестке. Как называется этот райский уголок, куда мы направляемся?

— Дит. Я кратко расскажу об этом мире, как только задам курс кораблю. — Айхьель повернулся к панели управления, а Леа сняла скафандр и отправилась в ванную, чтобы причесаться.

Брайон закрыл рот, внезапно осознав, что стоит с отвисшей челюстью уже некоторое время.

— И это ты называешь прикладной психологией? — спросил он.

— На самом деле не совсем. Она все равно взялась бы за эту работу рано или поздно — поскольку она подписала контракт, пусть и не прочтя то, что было напечатано мелким шрифтом, но только после того, как выплеснула бы все накопившиеся эмоции. Я просто ускорил этот процесс, переключив ее на ненависть к мужскому комплексу превосходства. Большинство женщин, которым удается добиться успеха в тех областях, что традиционно считаются мужскими, ведут себя как настоящие феминистки. Им слишком трудно было пробиться, борясь с этим самым «мужским превосходством».

Он сунул в компьютер карточку с проложенным курсом и сдвинул брови:

— Но в том, что я говорил, была изрядная доля правды. Мне нужен был молодой высококвалифицированный экзобиолог, подходящий для такого задания. Я никогда не думал, что они могут найти для этой работы женщину, а теперь слишком поздно посылать ее назад. Дит — не место для женщины.

— Почему? — спросил Брайон в тот самый момент, когда в дверях снова появилась Леа.

— Заходи, и я покажу это вам обоим, — ответил Айхьель.

Глава 5

— Дит, — заглянув в объемистый файл, начал Айхьель, — третья планета своего светила, эпсилон Эридана. Четвертая планета — Нийорд, запомните это, потому что это очень важный момент. Дит — место, для посещения которого нужна очень серьезная причина и не нужно ни единой, чтобы покинуть его. Там слишком жарко и слишком сухо; температура в умеренных областях редко опускается ниже 100° по Фарен-

гейту[1]. Вся планета — это выжженный камень и раскаленный песок. Вода по большей части находится под землей и практически недоступна, а на поверхности есть только в виде соленых, насыщенных химическими элементами болот. Чтобы ее пить, необходим сложный процесс очистки. Здесь содержатся все данные и цифры: позже вы можете изучить их. Сейчас же я только хочу, чтобы вы поняли, что эта планета настолько негостеприимна и отвратительна, насколько можно себе представить. Так же, как и те люди, которые ее населяют. Вот облик жителя Дита.

У Леа дыхание перехватило, когда на экране возникло трехмерное изображение. И дело тут было не во внешности человека; как биолог, специализирующийся на внеземных формах жизни, она видела и более странные вещи. Ее поразила поза этого человека, выражение его лица — он подобрался словно бы для прыжка, губы его растянулись, открывая в оскале зубы...

— Выглядит он так, словно собирается прикончить фотографа, — заметила она.

— Он чуть это не сделал сразу после того, как был сделан снимок. Как и все обитатели Дита, он испытывает непередаваемую ненависть и отвращение к людям других миров. Впрочем, не без причины. Колония на его планете была основана совершенно случайно во время Раскола. Я не знаю деталей, но в общем картина ясна: история о том, как их покинули, легла в основу мифов и анимистических религий Дита.

По всей вероятности, когда-то здесь активно проводилась добыча полезных ископаемых; этот мир богат рудами и минералами, а добывать их чрезвычайно легко. Но воду можно было получить только в результате дорогостоящего и сложного процесса очистки, а пища в большинстве своем, как я понимаю, доставлялась с других планет. И все было бы хорошо. Но потом колония была забыта, как это произошло со множеством поселений во время Раскола. В войне были уничтожены все записи и отчеты, а транспорты, перевозившие руду, были превращены в военные корабли. Дит был предоставлен сам себе. То, что произошло с людьми, делает честь способностям хомо сапиенс к адаптации. Они сильно изменились. Когда кончились запасы воды и пищи, а сложные механизмы, с помощью которых получали воду, вышли из строя, им

[1] Около 38° по Цельсию. (*Прим. пер.*)

пришлось прилагать героические усилия, чтобы выжить. К тому времени, как последняя установка сломалась, достаточное количество людей уже успело приспособиться к окружающей среде, чтобы раса в целом могла продолжить существование.

Потомки этих людей все еще живут на Дите — только теперь их приспособленность к условиям планеты стала абсолютной. Температура их тела — около ста тридцати градусов по Фаренгейту[1]. В их организме есть специальная клеточная ткань, запасающая воду. И это лишь небольшие изменения в сравнении с тем, что они сделали, чтобы приспособиться к жизни на этой планете. Я не знаю деталей, но отчеты в достаточно восторженной форме отзываются о «развитии симбиотических отношений». Нас уверяют, что впервые хомо сапиенс занял такое положение в биологической системе мира.

— Чудесно! — воскликнула Леа.

— Да?.. — Айхьель одарил ее сумрачным взглядом. — Возможно, с чисто научной точки зрения это и так. Если вам удастся вести там заметки, может, когда-нибудь вы напишете об этом книгу. Я уверен, что все эти изменения морфологии и прочие отвратительные подробности будут весьма интересны вам, доктор Морис. Надеюсь, вы будете не только определять группы крови и восхищаться показаниями термометров, но и сумеете уделить немного времени тому, чтобы изучить малоприятную натуру жителей Дита. Либо мы найдем к этим людям какой-то подход, либо нам придется стоять в сторонке и смотреть, как вся эта планета полетит к чертям!

— Что? Как?! — потрясенно выдохнула Леа. — Уничтожить их? Этот великолепный генофонд? Зачем?

— Потому что они преисполнены ненависти, вот почему! — ответил Айхьель. — Местные горячие головы умудрились захватить некоторое количество примитивных кобальтовых бомб. Они хотят поджечь фитиль и сбросить эти бомбы на соседнюю планету, Нийорд. Ни словом, ни делом невозможно убедить их изменить это решение. Они требуют немедленного признания поражения — и безо всяких условий, иначе... А это невозможно по множеству причин, и наиболее важной из них является та, что жителям Нийорда хочется сохранить эту планету для самих себя. Они пытались достигнуть компромисса, но ничего не вышло. Жители Дита явно намереваются совершить расовое самоубийство. Флот Ний-

[1] Около 55° по Цельсию. (*Прим. пер.*)

орда сейчас находится над Дитом, и на их кораблях достаточно водородных бомб, чтобы превратить всю планету в кучу радиоактивного шлака. Именно этому мы и должны помешать.

Брайон снова взглянул на изображение на экране, пытаясь составить какое-нибудь мнение о человеке на снимке. Босые мозолистые ноги. Единственная одежда — какая-то тряпка, обмотанная вокруг бедер. С плеча свисает что-то, похожее на зеленую лозу. К наборному поясу прикреплено несколько странных предметов — металлических, явно выкованных вручную, и каменных, висящих на кожаных петлях. Единственным узнаваемым предметом был узкий нож необычного вида. Какие-то трубки, колокольчики и камешки, связанные ремешками так, что вся конструкция представляла собой подобие сети. Возможно, эти предметы имели какое-то религиозное значение. Однако ж большинство их выглядело старыми; похоже, они использовались почти постоянно — но *для чего*? Мысль эта пробудила в душе Брайона какое-то неуютное чувство.

— Не могу в это поверить, — наконец сказал он. — Если бы не это экзотическое устройство, можно было бы с уверенностью сказать, что этот низколобый тип вернулся назад в каменный век. Не понимаю, как такие могут представлять какую-либо угрозу другой планете.

— Жители Нийорда считают, однако, именно так — и для меня это весомая причина, — ответил Айхьель. — Они платят нашему Фонду большие деньги, чтобы мы, по возможности, предотвратили эту войну. Поскольку они являются нашими нанимателями, мы должны выполнить их просьбу.

Брайон пропустил мимо ушей эту явную ложь, поскольку ясно было, что объяснение это придумано для Леа. Он только сделал мысленную заметку, чтобы позднее расспросить Айхьеля об истинном положении вещей.

— Вот технические отчеты, — сказал Айхьель, бросая папки на стол. — У Дита есть не только кобальтовые бомбы, но и несколько кораблей, хотя они и не представляют собой реальной угрозы. Бродячий торговец доставил на Дит гиперпространственную пусковую установку, которая может сбросить бомбы на Нийорд, оставаясь на Дите. Это было выяснено, только когда торговец *уже покидал* Дит. Жители Нийорда, люди мирные и гуманные, были, по вполне понятным причинам, весьма встревожены этим фактом и убедили

капитана торгового корабля выложить дополнительную информацию. Вся она здесь. Вкратце эти данные дают возможность определить минимальный срок, за который установка может быть приведена в действие.

— И когда же истекает этот срок? — спросила Леа.

— Через десять дней. Если за это время ситуация в корне не изменится, нийордцы собираются стереть все живое с поверхности Дита. Уверяю вас, они вовсе не хотят этого делать. Но они вынуждены будут сбросить бомбы, чтобы выжить самим.

— Что мне нужно будет делать? — спросила Леа, листая страницы отчета. — Я ничего не знаю о ядерной физике или гиперпространстве. Я — экзобиолог, имеющий дополнительную степень в антропологии. Какую помощь я вообще могу оказать?

Айхьель посмотрел на нее сверху вниз, потер подбородок, зарываясь пальцами в жировые складки.

— Я снова поверил в добросовестность наших вербовщиков, — проговорил он. — Это очень редкое сочетание профессий, даже для Земли. Тощенькая ты, конечно, как цыпленок-недокормыш, но достаточно молода, чтобы выжить, — если, конечно, мы будем за тобой приглядывать.

Он поднял руку, предупреждая сердитые возражения Леа:

— Больше никаких выбрыков. Времени нет. Нийордцы потеряли, должно быть, человек тридцать своих агентов, пытаясь найти эти бомбы. Шесть человек из нашей организации были убиты, включая и моего предшественника, который стоял во главе проекта. Он был хорошим человеком, но, мне кажется, подходил к проблеме не с того конца. Я думаю, что это проблема культурного, а не психического свойства.

— Прокрути пленку еще раз, только подправь настройку, — нахмурившись, посоветовала Леа. — Я слышу только треск разрядов.

— Это очень старая проблема — проблема происхождения. Все имеет свое начало. Если мы сумеем выяснить, почему эти люди так нацелены на самоубийство, мы, возможно, сумеем изменить эти причины. Я вовсе не предлагаю прекратить поиски бомб или гиперпространственного генератора. Мы будем делать все для того, чтобы предотвратить гибель этой планеты.

— Ты умнее, чем кажешься, — признала Леа, складывая в стопку и подравнивая листы отчета. — Можешь рассчитывать

на мое содействие. А теперь — я изучу все это в постели, если кто-нибудь из джентльменов проводит меня в комнату, надежно запирающуюся изнутри. И не зовите меня; я сама позову вас, когда захочу позавтракать.

Брайон не имел понятия, что в этой ядовитой тираде было шуткой, а что нет, и потому ничего не ответил. Он отвел Леа в свободную каюту — она действительно заперла дверь — и отправился искать Айхьеля. Победитель нашелся на кухне, где с жадностью поедал из громадных размеров супницы желе.

— Она небольшого для землянки роста, да? — поинтересовался Брайон. — Она же мне чуть повыше плеча.

— Нет, это норма. Земля — резервуар «усталых» генов. Слабый позвоночник, плохое зрение... Если бы не университеты Земли и не специалисты, которые нам необходимы, я бы никогда не связался с землянами.

— Почему ты не сказал ей правды о вашем Фонде?

— Потому что это тайна — или этой причины недостаточно? — раздраженно пробурчал Айхьель, выскребая остатки желе. — Лучше съешь что-нибудь. Копи силы. Если Фонд хочет хоть что-то сделать, ему нужно сохранять секретность. Если Леа после всего этого вернется на Землю, будет лучше, если она ничего не будет знать о нашей работе. Если же она присоединится к Фонду, у нас будет достаточно времени, чтобы все объяснить ей. Но я сомневаюсь, что ей понравится то, что мы делаем. В особенности потому, что я и сам собираюсь сбросить на Дит несколько водородных бомб — разумеется, если мы не сумеем предотвратить войну.

— Не могу поверить!..

— Ты все расслышал верно. Не таращи на меня глаза — ты выглядишь полным кретином. В крайнем случае лучше я сброшу эти бомбы, чем это сделают нийордцы. Это может их спасти.

— Спасти? Они все будут облучены и умрут! — гневно крикнул Брайон.

— Не жителей Дита. Я хочу спасти нийордцев. Прекрати сжимать кулаки, сядь и скушай-ка лучше этого пирога. Он просто изумителен. Нийордцы — единственное, что имеет значение в данной ситуации. Их планета — воистину благословенный мир. Когда Дит оказался отрезанным, его жители превратились в банду убийц, живущих на болотах. Нийорд по сравнению с ним — просто рай. Там можно жить припеваючи; захочешь есть — протяни руку и сорви плод с дерева. Население планеты невелико, но это интеллигентные и образованные люди. Вместо того чтобы наслаждаться вечным отдыхом, они превратили свою колонию в общество абсолютно нового типа. В основе их цивилизации лежат не технические достижения — когда эту планету снова обнаружили, ее жители даже колесом не пользовались. Они превратились во что-то вроде специалистов по культуре; они всерьез занялись философскими аспектами межличностного общения — тем, на что никогда не хватало времени у машинных цивилизаций. Разумеется, эта планета была просто создана для Фонда Культурных Отношений; мы работали с нийордцами с тех самых пор, как вышли на них. Мы не столь направляли их, сколь защищали от ударов и потрясений, которые могли бы погубить эту новую, еще не окрепшую идею. Но мы не справились со своей работой. Отрицание насилия для этих людей — одна из основ их жизни и мировоззрения. Но если они будут вынуждены взорвать Дит, чтобы выжить самим, нарушив тем самым один из своих важнейших принципов, их философия не вынесет такого удара. Физически они будут продолжать жить, но только как обычная планета, на которой люди грызутся между собой и которая обладает ядерными бомбами, чтобы дать отпор любому, кто вызовет их недовольство...

— Сейчас это похоже на рай, судя по твоему рассказу.

— Не будь таким самодовольным глупцом. Это мир, населенный людьми, которые имеют те же проблемы, как и все мы. Но они научились жить вместе, без насилия и жестокости, а это может когда-нибудь стать жизненно важным для выживания всего человечества в целом. Они стоят того, чтобы позаботиться о них. А теперь иди вниз и займись своим дитским, а заодно почитай отчеты. Со всем этим нужно покончить до посадки.

Глава 6

— Пожалуйста, назовите себя.

Тихие слова, доносившиеся из динамика, никак не соответствовали картине, появившейся на экране. Корабль, оказавшийся на их орбите, недавно, по всей вероятности, был грузовым судном: небольшие доработки привели к появле-

нию орудийной башни, несколько изменившей его очертания. Черное дуло огромной пушки смотрело прямо на них. Айхьель включил канал внешней связи:

— Это Айхьель. Рисунок сетчатки 490-Bj4-67; он также является паролем, по которому меня должны пропустить через вашу блокаду. Вы хотите проверить этот код?

— В этом нет необходимости, благодарю вас. Включите, пожалуйста, ваше записывающее устройство, для вас есть сообщение от Главного-четыре.

— Записываю и отключаюсь, — ответил Айхьель. — Проклятье! Уже возникли какие-то проблемы, а до взрыва четыре дня. Главный-четыре — это наш штаб на Дите. Используя в качестве прикрытия груз на борту, мы можем беспрепятственно приземлиться. Должно быть, в плане возникли какие-то изменения, и мне это совсем не нравится.

На этот раз ворчание Айхьеля таило в себе что-то еще; не прилагая к этому сознательных усилий, Брайон чувствовал ледяное прикосновение предощущения смерти, исходившее от него. Там внизу, на планете, их ждала беда. Когда декодировщик начал распечатывать сообщение, Айхьель склонился над ним, читая каждое новое появляющееся на бумаге слово. Когда сообщение было распечатано полностью, он только фыркнул и отправился вниз на кухню. Брайон вытянул из машины лист бумаги и прочел послание:

АЙХЬЕЛЬ АЙХЬЕЛЬ АЙХЬЕЛЬ ПРИЗЕМЛЕНИЕ В ПОРТУ ОПАСНО ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНА ПОСАДКА НОЧЬЮ КООРДИНАТЫ ПО КАРТЕ 46 J92 MN75 ОТВЕДИТЕ КОРАБЛЬ ВАЙОН ВСТРЕТИТ КОНЕЦ КОНЕЦ КОНЕЦ

Посадка в темноте была вполне безопасна. Она совершается автоматически, а у жителей Дита нет аппаратуры слежения — по крайней мере, предполагалось, что ее нет. Стрелки альтиметра остановились на нуле; это да еле заметная вибрация были единственным, что указывало на мягкую посадку. Все освещение в рубке было выключено, лишь слабо светились шкалы приборов. Инфракрасный экран показывал лишь нагретые солнцем и не успевшие остыть песок и камни. Никакого движения на экране не наблюдалось.

— Мы добрались первыми, — сказал Айхьель, выключая внешние огни и включив свет в рубке. Люди смотрели друг

на друга, щурясь от внезапного света; их лица блестели от пота.

— А что, обязательно, чтобы в корабле было так жарко? — осведомилась Леа, вытирая лоб уже вымокшим носовым платком.

Теперь, когда она осталась только в коротенькой тунике, не доходившей даже до колен, она казалась Брайону еще более хрупкой, чем прежде. Однако же тонкая ткань туники мало что скрывала. Хотя Леа и казалась Брайону миниатюрной, она была в то же время чрезвычайно женственной: высокие полные груди, тонкая талия, широкие крутые бедра...

— Мне, может, повернуться, чтобы ты и сзади на меня поглазел? — ехидно поинтересовалась она. За пять дней Брайон усвоил, что на такого рода колкости лучше не отвечать. Ничего хорошего из этого не выходило.

— На Дите еще жарче, — сказал он, чтобы сменить тему. — Подняв в корабле температуру, мы сможем хоть немного привыкнуть к жаре...

— Теорию я знаю, но потеть от этого не перестаю, — отрезала Леа.

— И это лучшее, что вы можете сделать, — вставил Айхьель.

Он выглядел сейчас как блестящий воздушный шар в шортах. Допив бутылку пива, вытащил из холодильника еще одну:

— Пивка не хотите?

— Нет, спасибо. Боюсь, от него я попросту растаю, и все мои кишки вывалятся наружу. На Земле мы никогда...

— Возьми багаж доктора Морис, — прервал ее Айхьель. — Приближается Вайон — вот его сигнал. Я собираюсь отправить этот корабль на орбиту, пока его не заметили местные.

Когда внешний люк открылся, в лицо им ударил поток сухого и жаркого воздуха, словно язык пламени лизнул лица людей. В темноте Брайон услышал судорожный вздох Леа. Она буквально вывалилась из люка. Брайон осторожно последовал за ней, оберегая свертки и оборудование, которое нес. Песок, раскалившийся за день, жег его ноги даже сквозь подошвы ботинок. Айхьель шел последним, держа в руках пульт дистанционного управления кораблем. Как только они отошли на достаточное расстояние, он поколдовал над пультом, и трап, по которому спустились люди, покидая корабль, убрался внутрь, словно звездолет втянул гигантский язык.

Когда захлопнулся люк, корабль поднялся и медленно поплыл вверх. Он казался тенью, скрывавшей звезды, и тень эта уменьшалась с каждым мгновением. Света звезд хватало, чтобы разглядеть расстилающуюся вокруг пустыню и волны барханов, делавшие ее похожей на окаменевшее море. Через дюну перевалил темный силуэт вездехода и остановился. Айхьель шагнул к машине...

С этого мига события начали разворачиваться с ужасающей стремительностью.

Айхьеля с треском охватило голубое пламя, его кожа мгновенно обуглилась и почернела — в мгновение ока он был мертв.

Электрические разряды еще трещали в воздухе, а Брайон уже падал на песок, роняя ящики и тюки. Он сбил Леа с ног и прижал ее к земле, надеясь, что у нее хватит разума не отбиваться и не пытаться встать. Это было его единственной осознанной мыслью — во всем остальном он действовал чисто рефлекторно.

Снова вспыхнуло холодное электрическое пламя, мгновенно охватившее брошенные Брайоном тюки. На этот раз он ожидал этого и вжался в землю. Во мраке неподалеку от вездехода он увидел короткую вспышку выстрела ионной винтовки. Его собственный револьвер уже был у него в руках. Когда Айхьель выдал ему оружие, он не задавал никаких вопросов — просто сунул его в кобуру, едва удостоив взглядом. Он не мог и думать, что оружие понадобится ему так скоро. Казалось, его рука сама прицелилась и выстрелила туда, где он заметил вспышку. Свист разрывных пуль распорол воздух; они нашли цель — что-то дернулось во мраке и беззвучно упало.

Через миг после выстрела какая-то тяжесть обрушилась на его спину, а шею охватила словно бы огненная петля. Обычно он дрался спокойно, думая только о самой борьбе. Но несколько секунд назад был убит Айхьель — его друг, анвхарец, — и Брайон внезапно ощутил жажду крови, желание причинять боль и убивать.

Человек может совершать множество опасных глупостей — курить, сидя на бочке с порохом, или совать пальцы в розетку. Настолько же опасно — смертельно опасно — пытаться напасть на Победителя Двадцатых.

Двое набросились на Брайона одновременно, но для него это не имело никакого значения. Первый умер мгновенно,

когда руки, подобные стальным захватам, сжали его шею и одним движением разорвали сонную артерию. У второго было время на то, чтобы вскрикнуть, но умер он так же быстро — Брайон попросту придушил его.

Пригибаясь к земле, Брайон быстро пробежал вокруг места схватки с револьвером на изготовку. Однако больше никого не обнаружил. Только когда он коснулся теплой нежной кожи Леа, гнев и ярость отпустили его. Внезапно он ощутил боль и усталость, осознал, что пот течет с него ручьями, а дыхание клокочет в горле так, будто сейчас он задохнется. Брайон упрятал револьвер в кобуру и пробежал чуткими пальцами по голове Леа, нащупав на виске набухающий ушиб. Грудь Леа вздымалась в спокойном ровном дыхании. Должно быть, при падении она ударилась головой. Несомненно, эта случайность спасла ей жизнь.

Мгновенно опустившись на песок, Брайон позволил себе расслабиться, глубоко дыша. Вскоре ему стало лучше — только горло все еще болело. Ощупав шею, он обнаружил тонкую веревку, к которой был привязан какой-то шишковатый предмет. С другой стороны тоже висело что-то тяжелое, а от этих двух предметов и протянулась ниточка боли, опоясывающая горло. Когда Брайон потянул за оба предмета, в его руках оказалась удавка, сплетенная из каких-то волокон, прочных, как тонкая металлическая струна. Когда ее пытались затянуть вокруг шеи Брайона, она рассекла кожу и впилась в плоть — по счастью, неглубоко: разрезать тренированные шейные мышцы оказалось тяжелее. Брайон отшвырнул удавку в темноту.

Теперь он снова мог размышлять и прилагал все усилия к тому, чтобы не думать об убитых им людях. Зная, что это бессмысленно, он все же пошел к телу Айхьеля. Одного прикосновения к обожженной плоти было довольно.

Позади застонала, приходя в себя, Леа. Брайон поспешил к вездеходу, переступив через опаленное тело подле дверцы. С сиденья свешивалось тело водителя, убитого, должно быть, с помощью той же удавки, которая рассекла шею Брайона. Он осторожно положил тело на песок: глаза мертвеца смотрели на него с навеки застывшим в них ужасом, и Брайон опустил ему веки. В вездеходе отыскалась фляга, и он поспешил с ней к Леа.

— Голова... я ударилась головой... — полуобморочным голосом проговорила девушка.

— Это просто синяк, — уверил ее Брайон. — Выпей немного воды, и тебе станет полегче. Ляг. Пока что все закончилось, ты можешь отдохнуть.

— Айхьель умер! — внезапно вскрикнула Леа, потрясенная внезапным воспоминанием. — Его убили! Что происходит?

Она напряглась, попыталась подняться, и Брайону пришлось заставить ее лечь.

— Я тебе все сейчас расскажу, только не пытайся пока встать. На нас напали, убили не только Айхьеля, но и Вайона, и водителя вездехода. Нападавших было трое, они тоже мертвы. Не думаю, что здесь есть еще кто-нибудь, но, если и есть, я услышу их приближение. Сейчас мы немного подождем, пока тебе не станет получше, а потом уедем отсюда на вездеходе.

— Посади корабль!.. — в голосе девушки прозвучала визгливая истерическая нотка. — Мы не можем оставаться здесь одни. Мы не знаем даже, что делать. Айхьель умер, и теперь у нас ничего не выйдет. Нам надо выбраться...

Есть вещи, которые, как бы осторожно их ни высказывали, все равно вызывают шок. И то, что собирался сказать сейчас Брайон, было как раз из таких вещей.

— Извини, Леа, но мы не можем добраться до корабля. Айхьеля убили из ионной винтовки, и пульт управления расплавился. Сейчас это просто кусок металла. Нам придется взять этот вездеход и доехать до города. Попробуй встать — я тебе помогу.

Леа молча поднялась. Когда они побрели к вездеходу, над горами за их спиной взошла красноватая луна. В ее свете Брайон разглядел черную полосу, рассекавшую приборную панель вездехода, и внезапно остановился.

— В чем дело? — спросила Леа.

Моторный отсек вездехода был вскрыт, и означать это могло только одно. Брайон поднял крышку, заранее зная, что он там увидит. Нападавшие действовали быстро и решительно. В тот небольшой отрезок времени, который был им отпущен, они прикончили не только водителя, но и саму машину. Ржаво-красный свет луны освещал порванные провода и разомкнутые контакты. Починить все это было невозможно.

— Думаю, нам придется идти пешком, — сообщил девушке Брайон, стараясь, чтобы его голос звучал не слишком мрачно. — Мы сейчас примерно в ста пятидесяти километрах от города Ховедстад. Нужно суметь...

— Мы умрем. Мы никуда не можем идти. Вся эта планета — одна большая ловушка. Давай вернемся на корабль!

Голос девушки дрожал, видно было, что она на грани истерики.

Брайон не пытался убедить ее, он вообще не стал ничего объяснять. У нее, судя по всему, было сотрясение мозга. Он заставил Леа сесть и отдохнуть, покуда сам готовился — насколько это было возможно — к предстоящей дальней дороге.

Сперва одежда. С каждой минутой в пустыне становилось все холоднее — песок остывал после дневного жара. Леа уже начала дрожать от холода, а потому Брайон извлек из ее чемодана несколько теплых вещей и заставил ее натянуть все это на себя поверх тонкой туники. Больше, в общем-то, и брать было нечего — разве что фляжку из вездехода да аптечку для оказания первой помощи, которую он отыскал там же. Не было ни карты, ни радио. Ориентироваться в этой пустыне можно было исключительно по компасу. Вездеход, разумеется, был оснащен электрическим гирокомпасом, однако теперь пользы от этого устройства не было никакой. Брайон только воспользовался им, чтобы определить, в каком направлении находится Ховедстад (насколько он помнил местоположение города по карте), и обнаружил, что именно в этом направлении идет след вездехода. Значит, машина прибыла прямо из города, и они могут найти дорогу, идя по ее следу.

Время уходило. Брайону хотелось похоронить Айхьеля и людей из вездехода, но ночные часы были слишком драгоценны, чтобы тратить их на это. Поэтому он только затащил все три тела в вездеход, чтобы защитить их от дитских зверей, которые могли бы пожелать полакомиться мертвечиной, запер дверцу и зашвырнул ключ подальше во тьму. Леа за это время успела задремать неспокойным сном, и он легонько тряхнул девушку за плечо.

— Идем, — сказал ей Брайон. — Нам предстоит небольшая прогулка.

Глава 7

Воздух был прохладен, и по слежавшемуся песку идти было бы легко, если бы не Леа. Должно быть, сотрясение мозга сказывалось. Она шла, спотыкаясь, словно в бреду, и все время бормотала о самых мрачных страхах, таившихся в

ее душе, о том, что они заблудятся, никогда не найдут город, умрут от жажды, холода, жары или голода. С этими страхами смешивались и переплетались страхи из прошлого, все еще таившиеся в ее подсознании. Некоторые из них Брайон мог понять, хотя и пытался не слушать бормотание Леа. Страх провалиться на зачете, не получить самую высокую оценку, отстать, страх одинокой женщины в мире мужчин, страх вылететь из школы, стать бездомной бродяжкой, одной из тех, кто отчаянно борется за выживание в многолюдных городах-государствах Земли...

Брайон остановился и взял девушку на руки. Со вздохом она прижалась к его широкой груди и почти мгновенно уснула. Даже обремененный этим дополнительным грузом, он двигался теперь гораздо быстрее. Брайон перешел на самый скорый свой шаг, стараясь пройти как можно больше за оставшиеся ночные часы.

Перед ним оказалась полоса гравия и камня, и здесь Брайон потерял след вездехода. Он не стал его разыскивать. Всю дорогу он наблюдал за звездами и теперь достаточно хорошо представлял себе, где находится север. Полярной звезды в небе Дита не было, но прямоугольник какого-то созвездия явно поворачивался вокруг невидимой точки полюса. Идя так, чтобы эта точка была у него за левым плечом, Брайон мог не сомневаться в том, что движется в верном, западном направлении.

Когда его руки начали уставать, он бережно опустил спящую Леа на землю. Потянувшись и разминая мышцы, прежде чем снова поднять свою ношу, Брайон внезапно ощутил чудовищную пустоту этой пустыни. Он был поражен. Тьма и тишина царили вокруг — только облачко пара от его дыхания нарушало недвижный покой. Как далеко он был от своего дома, от своего народа, от своего мира! Даже созвездия в ночном небе были иными. Он привык быть один, но это одиночество пробуждало в его душе какие-то древние инстинкты, и дрожь, причиной которой был вовсе не холод, пробежала по его спине, так что даже волоски на его шее поднялись дыбом.

Пора было двигаться. Он постарался отогнать мрачные мысли. Осторожно завернул Леа в свою куртку и привязал ее на спину, освободив руки: так идти стало легче. Гравий сменился дюнами, барханами сыпучего песка. Они, как морские волны, казалось, будут тянуться вечно. Подниматься по ним было мучительно, ноги вязли в песке, и не менее мучительным оказывался спуск в ложбину между двумя дюнами, заполненную непроглядным мраком.

Когда небо на востоке начало еле заметно светлеть, Брайон остановился, чтобы определить направление движения прежде, чем угаснут звезды. Он провел на песке одну линию в направлении на север, а вторую — в направлении их движения, потом прополоскал рот глотком воды и сел на песок рядом с неподвижным телом девушки.

Холодные огненные лучи полоснули по небу, стирая с небосклона звезды. Зрелище было настолько великолепным, что Брайон даже забыл об усталости. Должен быть какой-то способ сохранить эту красоту. Пожалуй, лучше всего здесь подойдет четверостишие-катрена, достаточно краткое, чтобы запомнить его, но требующее определенного труда, чтобы вместить в него все ощущения. На Двадцатых он достиг достаточно большого успеха в сложении четверостиший. Это будет совершенно особенным. Нужно будет передать экземпляр Таинду, его наставнику в поэзии.

— Что ты там бормочешь? — спросила Леа, поднимая взгляд на его профиль, казавшийся черным на фоне алого восхода.

— Стихи, — ответил он. — Тише. Минутку.

Для Леа это оказалось слишком после всех опасностей и чудовищного напряжения ночи. Она рассмеялась. Когда он, нахмурившись, взглянул на нее, девушка захохотала еще громче и истеричнее.

Солнце поднялось над горизонтом, неожиданно омыв их теплом. Леа умолкла и с ужасом уставилась на Брайона.

— У тебя горло перерезано! Ты истечешь кровью!

— Не думаю, — ответил он, ощупывая рану в запекшейся крови, кольцом охватывавшую его шею. — Рана неглубокая.

Внезапно, при воспоминании о случившемся этой ночью, его охватила депрессия. Леа не заметила выражения его лица: она сосредоточенно рылась в сброшенном им рюкзаке. Ему пришлось помассировать лицо, чтобы убрать с лица гримасу боли, мучительно искривившую его рот. Воспоминания оказались более болезненными, чем рана. Как легко он убивал! Три человека. Как тонка оболочка цивилизации и как мало отделяет человека от зверя! В бесчисленных схватках он пользовался этими захватами, но никогда — в полную силу. Эти приемы были частью игры, частью Двадцатых. Но когда был убит его друг, это превратило его самого в убийцу. Он не

желал насилия, он верил в святость человеческой жизни — до этого первого испытания, когда он начал убивать без размышлений. Ирония же заключалась в том, что он даже теперь вовсе не чувствовал вины. Да, было потрясение от происшедшей в нем перемены. Но — не более.

— Подними подбородок, — скомандовала Леа, махнув тюбиком с антисептической мазью, который раскопала в аптечке.

Он повиновался, и жидкость обожгла его горло холодом. Сейчас Леа забыла о себе, заботясь о нем. Он смазал антисептиком ее синяк, отчего девушка тихонько взвизгнула и отшатнулась. Потом они оба проглотили таблетки.

— Солнце уже жарит, — заметила она, стаскивая теплую одежду. — Давай найдем какую-нибудь хорошенькую прохладную пещерку или салун с кондиционером и пересидим там день.

— Не думаю, чтобы здесь было что-либо подобное. Только пески. Нам придется идти...

— Я знаю, надо спешить, — прервала она его. — Нечего читать мне лекции. Ты серьезен, как Земной Банк. Расслабься. Досчитай до десяти и начни снова.

Леа говорила без остановки, пытаясь словами заглушить не покидавшую ее тревогу.

— Для этого нет времени. — Брайон медленно поднялся на ноги. Когда он посмотрел на свою схему, а потом на западный край неба, то увидел, что никаких меток, по которым они могли бы ориентироваться, попросту нет. Перед ними были только волны песчаных холмов. Он помог Леа подняться и пошел вперед.

— Погоди секундочку, — попросила Леа. — Куда, ты думаешь, мы идем?

— Вон в том направлении, — показал он. — Я надеялся на то, что тут будут какие-то ориентиры, но их нет. Нам придется идти почти наугад. Впрочем, солнце не даст нам сбиться с курса. А если мы не доберемся до места прежде, чем стемнеет, мы сможем ориентироваться по звездам — это еще лучше.

— И все это на голодный желудок? Как насчет завтрака? Я голодна... и хочу пить.

— Еды нет, — он потряс флягу; воды в ней оставалось на дне. — Воды мало, а она нам еще понадобится.

— Мне она нужна сейчас, — коротко сказала Леа. —

У меня настоящий коровник во рту, и я вся высохла, как бумажный лист.

— Один глоток, — после недолгого колебания сказал он. — Это все, что у нас есть.

Леа выпила этот глоток, прикрыв глаза от наслаждения. Потом он завернул крышку фляги и запихнул ее в мешок, так и не выпив ни капли. Они начали подниматься на первую дюну — и к середине подъема взмокли от пота.

В пустыне не было жизни. Они были единственными существами, которые двигались под этим безжалостным солнцем. Их тени словно бы указывали путь, стелясь перед ними; чем короче становились тени, тем нестерпимее становилась жара. Она наваливалась на Леа невыносимой тяжестью, пригибая ее к раскаленному песку. Волосы девушки слиплись, горячий пот заливал глаза. От яростного света солнца она почти ослепла. Леа опиралась на твердую, словно из камня выточенную руку Брайона, а он упорно шел вперед, не обращая внимания на жуткое пекло.

— Интересно, может, эти штуки съедобны или запасают воду впрок?..

Голос Брайона звучал глухо и, казалось, царапал слух. Леа проморгалась и, прищурившись, взглянула на кожистое образование на вершине дюны. Сложно было сказать, растение это или животное. Размерами оно было с голову взрослого мужчины, сморщенное и серое, как высушенная груша, да к тому же утыканное толстыми колючками. Брайон пнул непонятную штуковину носком ботинка. Им удалось разглядеть что-то белое, толстое, похожее на корень, уходящий в глубь дюны. Потом серая штуковина сжалась, втягиваясь глубже в песок. В тот же миг что-то тонкое и острое вырвалось из складок серой кожи, ударило в ботинок Брайона и мгновенно втянулось назад. На твердом пластике осталась царапина, в которой поблескивали капельки зеленой жидкости.

— Яд, должно быть, — заметил Брайон, зарываясь носком ботинка в песок. — Эта штука слишком злобная, чтобы с ней связываться без особых на то причин. Пошли лучше.

Полдень еще не наступил, когда Леа упала. Она очень хотела идти вперед, но тело ей больше не повиновалось. Тонкие подметки туфель не защищали от раскаленного песка, и ее ноги превратились в сплошную рану. Воздух, который она хватала ртом, как выброшенная на берег рыба, вливался в ее легкие расплавленным металлом, и губы трескались от жара.

С каждым ударом сердца кровь начинала пульсировать в ушибленном виске, пока ей не стало казаться, что ее голова сейчас расколется на части. Она разделась, скинув с себя все, кроме туники, хотя Брайон и настаивал на том, что нужно защищать тело от прямых лучей солнца, и теперь тонкая ткань, пропитанная потом, облепила ее тоненькую фигурку. Она рванула тунику на груди в тщетном усилии вздохнуть. Не было спасения от чудовищного бесконечного жара, и не было спасения в этом адском пекле...

Хотя раскаленный песок немилосердно жег ее ладони и колени, подняться она не могла. Ей пришлось напрячь все свои силы, чтобы не рухнуть на песок. Глаза ее закрывались, перед ними плясали огненные круги.

Брайон, увидев, что она упала, поднял девушку и снова понес на руках, как это было ночью. Прикосновение к ее телу едва не обожгло его руки. Ее кожа стала ярко-розового цвета, туника на груди была разорвана, и обнаженная грудь вздымалась и опадала в такт неровному дыханию. Вытерев вспотевшую ладонь от соленой влаги и налипшего песка, Брайон коснулся кожи девушки и ощутил зловещий сухой жар. Налицо все симптомы теплового удара. Сухая обгоревшая кожа, прерывистое дыхание, температура.

Брайон ничего не мог сделать, чтобы защитить девушку от жары. Он отмерил крохотную порцию воды и влил ей в рот; Леа конвульсивно сглотнула. Брайон мог только продолжать идти к недостижимому горизонту. Увидев небольшую скалу, выступающую из песчаного моря и отбрасывающую короткую тень, Брайон направился туда.

По контрасту с окружающим пеклом песок, защищенный от лучей солнца, казался почти прохладным. Когда Брайон опустил Леа на землю, она открыла глаза и посмотрела на него туманящимся от боли взглядом. Ей хотелось извиниться за свою слабость, но из пересохшего горла не вырвалось ни звука. Ей казалось, что его тело колышется в потоках раскаленного воздуха, раскачиваясь, как дерево в бурю...

Внезапно она широко распахнула глаза; от потрясения на мгновение ее разум прояснился. Брайон действительно шатался. Она осознала, насколько безоглядно полагалась все это время на его силу, казавшуюся неистощимой, а сейчас эта сила была на исходе. Все его мышцы вздулись чудовищными буграми, рот приоткрылся, и этот безмолвный крик был страшнее, чем любой вопль. И тогда Леа закричала, увидев, как закатились его глаза — казалось, он уставился ей прямо в лицо страшными бельмами. Он рухнул на спину, как подрубленное дерево, и обожженная земля, казалось, отозвалась звоном от тяжелого удара. Леа не знала, мертв ли он или только потерял сознание. Она потянула Брайона за ногу, но так и не смогла перетащить в тень его огромное тело.

Брайон лежал на спине под палящим солнцем и потел. Только поэтому Леа и догадалась, что он еще жив. Но что происходило? В багровом тумане, заволакивавшем ее мозг, она пыталась отыскать хоть какое-то объяснение, но ничего подобного припомнить не могла — такого просто не было в ее медицинской практике. Словно внезапно по всему его телу потовые железы пробудились для невероятно бурной деятельности: из каждой поры выкатывались крупные капли маслянистой жидкости, гораздо более вязкой, чем обычный пот. Руки Брайона беспорядочно двигались, и Леа с ужасом увидела, что волоски на его коже шевелятся, словно бы живут сами по себе. Его грудь вздымалась и опадала, все тело сотрясалось от глубокого частого дыхания. Леа могла только сидеть и смотреть сквозь мутно-красную дымку, застилавшую весь мир перед ее глазами, да думать, успеет ли она перед смертью сойти с ума.

Тяжелое дыхание Брайона было внезапно нарушено приступом сильного кашля. Через несколько минут кашель прекратился и дыхание стало легче. Пот все еще покрывал его тело, капли собирались в маленькие ручейки, стекавшие по коже и мгновенно впитывавшиеся песком.

Брайон шевельнулся и перекатился на бок, повернувшись к Леа. Его глаза были широко открыты, и он улыбался.

— Совсем не хотел тебя пугать. Это началось внезапно — не по сезону. Хорошая встряска для моего организма. Теперь я дам тебе немного воды — у нас еще осталась пара глотков.

— Что случилось? Ты так выглядел... и когда ты упал...

— Два глотка, не больше, — предупредил он, поднося открытую флягу к ее губам. — Это просто летнее изменение, вот и все. На Анвхаре это происходит с нами каждый год — конечно, не так стремительно. Зимой, для утепления организма, наши тела запасают подкожный жир, а потоотделение почти прекращается. Происходит также множество внутренних изменений. Когда становится теплее, включается обратный процесс. Подкожный жир исчезает, а потовые железы увеличиваются и начинают постоянную работу — таким об-

разом тело готовится к двум месяцам жары, тяжелой работы и бессонных ночей. Полагаю, что здешняя жара привела в действие процесс летнего изменения.

— Ты хочешь сказать... что ты приспособился к этой кошмарной планете?

— Вроде того. Хотя тут все-таки жарковато. Вскоре мне понадобится много больше воды, а потому мы не можем дольше здесь оставаться. Как ты думаешь, если я тебя понесу, ты выдержишь это солнце?

— Нет, но если я останусь здесь, лучше мне не будет, — легкомысленно заявила Леа, не вполне осознавая, что говорит. — Думаю, надо идти. Надо идти.

Но как только она вышла из тени скалы, солнце снова накатило на нее волной жгучей боли. Она почти мгновенно потеряла сознание. Брайон поднял ее на руки и пошел вперед, но, пройдя несколько шагов, начал ощущать, как вязнут в песке его ноги. Он знал, что силы его на исходе. Он шел все медленнее, и каждая дюна казалась выше предыдущей. Огромные камни и скалы, обточенные песчаными бурями, возвышались над дюнами, и ему приходилось обходить их. У подножия самого крупного из этих монолитов приютилась какая-то растительность, более всего напоминавшая клубок спутанных веревок. Он прошел было мимо, но вдруг остановился, пытаясь ухватить мысль, пришедшую в его раскалывающуюся от жара голову. Что-то было не так. Что-то, чего он не видел ни у одного растения из тех, которые попадались им на пути.

Повернуться и идти — вернее, тащиться — по своим собственным следам было ужасно тяжело. Он остановился и, моргая, уставился на растения, пытаясь понять, что же его насторожило. Некоторые из них были срезаны почти вровень с песком. Не сломаны, а именно срезаны — ножом или каким-то другим острым предметом. Все это заронило в его душу искру надежды. Первый знак того, что на этой адской сковороде есть еще живые люди. К тому же зачем бы ни были срезаны эти растения, они могли пригодиться ему. Может, это пища, а может, и питье. При этой мысли его руки задрожали; он скорее уронил, чем положил Леа в тени скалы. Она даже не пошевелилась.

Нож у него был острый, но за время их пути Брайон сильно ослабел. Тяжело дыша, он с трудом перерезал толстый стебель и, подняв кожистый плод, заметил на конце стебля

капли густой жидкости. Ему пришлось положить ладонь на ногу, чтобы та не дрожала, и долго, бесконечно ждать, покуда не наберется полная горсть сока...

Жидкость была даже прохладной и постепенно испарялась в жарком воздухе. Вне всякого сомнения, в основном это была животворная вода. Но какое-то опасение все-таки шевельнулось в его душе, а потому он не выпил сок одним глотком, а только попробовал его кончиком языка.

Сначала ничего, потом — пронизывающая боль, впившаяся в горло, боль, от которой перехватило дыхание. Его желудок сжался в комок, и Брайона вырвало. Стоя на коленях, пытаясь совладать с болью, волнами накатывавшей на него, он терял драгоценную жидкость, в которой так нуждалось его тело.

Но отчаянье было страшнее боли. Сок растения должен был как-то использоваться. Наверное, существовал способ очистить его от вредных веществ или нейтрализовать яд. Но он, Брайон, чужак на этой планете, умрет много раньше, чем найдет способ это сделать.

Ослабев от судорог, которые все еще сотрясали его тело, он старался не думать о том, как близок был к смерти. Казалось почти невозможным взвалить тело девушки на спину — на мгновение он даже испытал искушение оставить ее здесь, но в то же время, когда эта мысль посетила его, он уже поднял на плечо ее легкое тело, сейчас казавшееся ему налитым свинцовой тяжестью, и снова побрел вперед. Каждый шаг давался с трудом; он возвращался по своим собственным следам, поднимаясь на песчаный холм. Преодолевая чудовищную усталость, он добрался до верха.

И увидел обитателя Дита, стоявшего в нескольких шагах от него.

Оба были настолько изумлены нежданной встречей, что несколько секунд стояли остолбенев, разглядывая друг друга. Первым побуждением каждого из них было желание защитить себя, первым чувством — страх. Брайон сбросил тело девушки на песок и выхватил из кобуры револьвер. Аборигендит сорвал с пояса какую-то трубку и поднес ее ко рту.

Брайон не выстрелил. Мертвый друг развил его эмпатические способности и научил доверять им. Вопреки страху, побуждавшему Брайона нажать на курок, он заставил себя прислушаться к желанию прочесть невысказанные мысли жителя Дита. В его мыслях был страх и ненависть. Но вокруг

них витало сильнейшее нежелание совершать насилие — по крайней мере, на этот раз... — и желание поговорить. Брайон ощутил и понял все это в мгновение ока. Нужно было действовать немедленно, чтобы предотвратить возможную трагедию. Одним движением он отбросил револьвер в сторону. И почти тут же пожалел об этом. Он ставил на кон свою жизнь и жизнь Леа ради возможности, которая могла и не реализоваться. Абориген все еще держал свою трубку у губ, когда револьвер ударился о землю. Он стоял, не шевелясь, размышляя. Потом, как видно, решил последовать примеру Брайона и сунул трубку на место.

— У тебя есть вода? — спросил Брайон, с трудом выговаривая гортанные слова дитского.

— У меня есть вода, — ответил тот. Он по-прежнему не шевелился. — Кто ты? Что вы здесь делаете?

— Мы с другой планеты. У нас произошел... несчастный случай. Мы хотим попасть в город. Вода.

Обитатель Дита посмотрел на лежащую без сознания девушку и принял-таки решение. На его плече висела странная зеленая штуковина, которую Брайон уже видел на стереофотографии. Он снял ее с плеча; зеленый жгут медленно извивался в его руках. Несомненно, это «нечто» было живым, похожим на кусок толстой зеленой лианы в метр длиной. Один конец лианы раскрылся, образовав какое-то подобие цветочного венчика. Дит снял с пояса какой-то крюк и пихнул его в венчик, повернул быстрым движением — и лиана конвульсивно обвилась вокруг его руки. Затем вытащил что-то маленькое и черное, швырнул на землю и протянул руку с извивающимся зеленым существом-лианой по направлению к Брайону.

— Поднеси ко рту и пей, — только и сказал он.

Леа вода была нужна больше, но Брайон выпил первым, так как живой источник воды казался ему подозрительным. Полость, находившаяся за подрагивающими лепестками, наполнялась красноватой водой, шедшей откуда-то изнутри существа или растения. Брайон поднес «голову» к губам и отпил воды. Вода была теплой и отдавала болотом.

Внезапная острая боль вокруг губ заставила его отдернуть голову. Из лепестков высунулись блестящие белые шипы, покрасневшие на концах от его крови. Брайон гневно развернулся к диту — и остановился, увидев его лицо. Вокруг рта дита кожа была иссечена мелкими белыми шрамиками.

— *Ваэда* очень не любит отдавать нам свою воду, но всегда это делает, — сказал дит.

Брайон выпил снова, потом поднес ваэду к губам Леа. Она застонала, не приходя в сознание; ее губы шевельнулись и потянулись к источнику животворной влаги. Когда она напилась, Брайон осторожно вытащил из ее кожи шипы и снова принялся пить. Дит присел на корточки, безучастно взирая на них. Брайон вернул ему ваэду, потом вытащил кое-какую одежду и укрыл ею Леа, чтобы защитить девушку от палящего солнца, и уселся напротив дита в той же позе.

Казалось, дит совершенно нормально чувствует себя в обжигающих солнечных лучах. На его загорелой коже не было и следа пота. Длинные волосы спадали ему на плечи, а ярко-голубые, глубоко посаженные глаза смотрели на Брайона. Единственной одеждой дита был тяжелый килт. Вокруг пояса у него была обмотана сеть с массой мелких предметов из металла и камня, которую Брайон ранее уже видел на фото. Теперь Брайону стало понятно назначение двух предметов из этого набора: трубка, являвшаяся, вероятно, духовым оружием, и специальный крюк, предназначенный для того, чтобы открывать ваэду. Брайон невольно задумался; возможно, у остальных предметов также было какое-то утилитарное назначение. Если же воспринимать их как предметы первой необходимости, а не варварские украшения, то это означает, что обладатель их — вовсе не такой неотесанный дикарь, как кажется...

— Мое имя Брайон. А ты...

— Ты не можешь знать мое имя. Почему ты здесь? Чтобы убивать мой народ?

Брайон заставил себя не вспоминать о прошлой ночи. Убийство. Именно это он и сделал. Но какое-то затаенное ожидание, тень надежды в душе дита заставила его ответить правду:

— Я здесь, чтобы помешать уничтожению твоего народа. Я верю, что войну можно остановить.

— Докажи.

— Отведи меня в Фонд Культурных Отношений в городе, и я докажу это. Здесь, в пустыне, я не могу сделать ничего. Только умереть.

Впервые на лице дита отразились какие-то чувства. Он нахмурился и что-то пробормотал себе под нос. Теперь, когда он вел бой с самим собой, на его лбу выступил пот.

Приняв решение, он встал. Поднялся и Брайон.

— Идемте со мной. Я отведу вас в Ховедстад. Но сперва скажи мне — ты с Нийорда?

— Нет.

Безымянный дит только хмыкнул и, развернувшись, пошел прочь. Брайон поднял на плечо неподвижное тело так и не пришедшей в себя Леа и последовал за ним. Шли они часа два, причем дит шагал очень быстро, и наконец достигли каменной пустыни. Дит указал на самую большую из скал, источенных ветром.

— Жди здесь, — сказал он. — Кто-нибудь за вами придет.

Пока Брайон укладывал девушку в тени скалы, он наблюдал за его действиями, а потом в последний раз протянул ему ваэду.

Уже уходя, дит заколебался и, обернувшись, проговорил:

— Мое имя... Улв.

Брайон сделал все, что мог, чтобы устроить Леа поудобнее, но сделать он мог немного. Если вскоре она не получит медицинской помощи, то умрет. Обезвоживание организма и тепловой удар доконают ее.

Незадолго до заката Брайон услышал вибрирующий звук — это работал двигатель вездехода, приближавшегося к ним с запада.

Глава 8

С каждой секундой шум становился все громче по мере того, как вездеход приближался к ним. Он обогнул остроконечную скалу — явно искали их. Здоровенный транспортер остановился, подняв облако раскаленной пыли, и водитель пинком распахнул дверь.

— Полезайте внутрь — и живо! — скомандовал он. — Жары напустите!

Он явно был готов в любую минуту снова запустить мотор и поглядывал на Брайона с неприкрытым раздражением.

Не обращая внимания на нервного водителя, Брайон осторожно уложил Леа на заднее сиденье и только после этого закрыл дверцу. Вездеход сразу же рванулся вперед. В машине не было холодно, но температура была по меньшей мере градусов на сорок ниже, чем снаружи. Брайон укрыл Леа всей одеждой, какая только нашлась в их рюкзаке: такое внезапное охлаждение стало бы очередным и, возможно, фатальным потрясением для ее организма. Водитель, нависший над рулем и гнавший машину, кажется, на пределе скорости, не сказал им ни слова с тех самых пор, как они забрались в вездеход.

Брайон посмотрел на второго человека, вылезшего из машинного отделения. Человек был тощим и костлявым. В руке он держал оружие, нацеленное на Брайона.

— Кто вы? — спросил он со злостью.

Нечего сказать, прием был более чем странный. Однако же Брайон начал осознавать, что Дит — вообще странная планета. Он сидел не двигаясь, так как не хотел провоцировать тощего, а потому, когда заговорил, голос его звучал тихо:

— Мое имя Брандт. Мы высадились с космического корабля две ночи назад и с тех пор шли по пустыне. А теперь постарайтесь не слишком волноваться и не стреляйте сразу, когда я вам это скажу: Вайон и Айхьель мертвы.

Глаза тощего расширились, водитель же бросил через плечо испуганный взгляд и быстро отвернулся. Пробный удар Брайона достиг своей цели. Можно было предположить, что они действительно работают в Фонде.

— Когда их застрелили, нам с девушкой удалось спастись. Мы пытались добраться до города и связаться с вами. Вы ведь из Фонда, верно?

— Да. Разумеется, — ответил тощий, опуская оружие. Мгновение он остановившимся взглядом смотрел в пространство, покусывая губы. Потом, словно бы в удивлении от собственной невнимательности, снова поднял пистолет. — Если вы действительно Брандт, то мне хотелось бы кое-что узнать. — Свободной рукой он порылся в нагрудном кармане и вытащил желтый листок. — Теперь ответьте мне — если, конечно, можете, — каковы три последних состязания в... — он снова заглянул в бумажку, — в Двадцатых?

— Шахматный финал, стрельба по мишеням из положения лежа и фехтование. А в чем дело?

Тощий ухмыльнулся и засунул пистолет в кобуру, явно удовлетворенный ответом.

— Я Фоссель, — представился он и помахал перед Брайоном бумажкой. — Это пароль Айхьеля — нам это переслали с контрольного пункта нийордцев. Он предполагал, что может погибнуть, и потому передал полномочия вам. Вы теперь главный. Я был заместителем Мерва, пока его не убили. Должен был работать на Айхьеля, а теперь, надо думать, я ваш.

По крайней мере, до завтрашнего дня, пока мы не соберем вещи и не уберемся с этой проклятой планеты.

— Что значит «завтра»? — удивился Брайон. — До начала войны еще три дня, и нам еще нужно кое-что сделать.

Фоссель тяжело рухнул на сиденье, потом так же внезапно вскочил на ноги, вцепившись пальцами в спинку кресла, чтобы сохранить равновесие: машину трясло.

— Три дня, три недели, три минуты — какая разница? — его голос с каждым словом звучал все выше; ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжать, не срываясь на визг. — Послушайте. Вы только что прибыли сюда и еще ничего не знаете. Мне не повезло, что я попал в это чертово логово и был вынужден смотреть на ту мерзость, которую вытворяют аборигены. И пытаться быть вежливым с ними, когда они убивали моих друзей. Да еще эти нийордские бомбардировщики висят над головой, того и гляди кто-нибудь нажмет на пусковую кнопку... Что, если один из тех парней наверху начнет размышлять о своем доме и о кобальтовых «игрушках» здесь, внизу, и скинет бомбу, не дожидаясь срока?

— Сядьте, Фоссель. Сядьте и отдохните, — в голосе Брайона прозвучало сочувствие, но сказано это было приказным тоном. Фоссель качнулся еще раз, потом рухнул в кресло. Он сидел, прижавшись щекой к окну, закрыв глаза, а на виске у него билась голубая жилка, и было видно, как беззвучно шевелятся его губы. Слишком долго он жил в непосильном напряжении.

Общая атмосфера, царившая в здании ФКО, ничем не отличалась от состояния и настроения Фосселя. Врач был единственным, кто сохранял хладнокровие: он немедленно занялся Леа и велел доставить ее в больницу. По всей вероятности, у него было достаточно пациентов и времени раскисать просто не было. Что же до остальных... С того самого момента, как вездеход въехал в гараж, Брайон с головой окунулся в атмосферу уныния. Ощущение это было вездесущим, и не обращать на него внимания было попросту невозможно.

Сразу после еды Брайон отправился в сопровождении Фосселя в бывший офис Айхьеля. Сквозь прозрачные стены он видел сотрудников, спешно пакующих архивы и готовящих их к погрузке на корабль. Теперь, когда Фоссель перестал быть здесь главным, он несколько успокоился. Брайон понял, что ему нужно любыми средствами заработать себе авторитет и заставить людей подчиниться ему, поскольку они, несомненно, немедленно возненавидят его за то, что он собирается сделать.

— Запишите мой приказ, Фоссель.

Письменный приказ всегда более весом.

— Все приготовления к отлету должны быть немедленно прекращены. Все архивы должны быть возвращены в сейфы. Мы останемся здесь ровно столько, сколько позволят нам нийордцы. Если операция окончится неудачей, мы улетим все вместе, когда истечет отведенный нам срок. Мы возьмем только то, что можно унести в руках; все остальное останется здесь. Возможно, вы не понимаете, что мы находимся здесь для того, чтобы спасти эту планету, а не набитые бумагами сейфы.

Краем глаза он заметил, что Фоссель побагровел от гнева.

— Как только это будет отпечатано, принесите приказ на подпись. А также все отчеты о работах, проведенных в рамках этого проекта. Пока все.

Фоссель вышел. Минутой позже Брайон заметил, что сотрудники бросают на него злобные взгляды. Он повернулся к ним спиной и принялся открывать один за другим ящики стола. Верхний оказался пустым, в нем был только один запечатанный конверт, адресованный Победителю Айхьелю.

Брайон задумчиво посмотрел на него, потом вскрыл послание. Внутри находилось письмо, написанное от руки.

Айхьель!

Я получил официальное уведомление о моем освобождении от этой работы. Это известие вызывает у меня только огромное удовлетворение и радость. У тебя больший опыт работы на диких планетах, и ты сможешь найти общий язык с подобными типами. Я же последние двадцать лет специализировался на научных изысканиях, и единственная причина, по которой я был назначен планетарным наблюдателем на Нийорд, в том, что там имелись чрезвычайно благоприятные условия для проверки научных данных. Я — исследователь, а не клерк, и никто никогда этого не отрицал.

У тебя могут возникнуть проблемы с сотрудниками, так как большинство из них были набраны с бору по сосенке просто среди тех, кто оказался под рукой. События развивались настолько стремительно, что мы не успели ничего сделать, чтобы предотвратить их. Мы не можем найти подхода к местным жителям. Это ужасно! Они нарушают все законы! Я применял

к ним распределение Пуассона по десятку разных показателей, но результаты не похожи ни на что, известное нам. Экстраполяции Парето к ним тоже неприменимы. Наши практики не могут даже завязать общение с местными жителями, а двоих убили при попытках контакта с ними. Добраться до правящей элиты практически невозможно, а остальные просто молчат и уходят.

Я собираюсь рискнуть и поговорить с Лиг-магтом: постараюсь убедить его доводами разума. Хотя вряд ли что-нибудь получится. Возможно, ко мне будет применена сила. Здешняя знать весьма склонна к насилию. Если со мной ничего не случится и я вернусь, то ты не увидишь этого письма. В противном случае — прощай, Айхьель. Попытайся добиться больших успехов, чем я.

Астон Мерв.

P.S. А проблема с личным составом такова, что все они презирают дитов. Боюсь, что я не являюсь исключением.

Брайон подчеркнул самые важные моменты в письме. Ему надо было каким-то образом выяснить, что такое экстраполяции Парето, при этом не выдав собственного невежества. Все его подчиненные исчезнут отсюда в пять минут, если узнают, что он в этой работе — зеленый новичок. «Распределение Пуассона» звучало более осмысленно. Этот термин используется в физике для выражения неизменной вероятности события, истинной для любого временного отрезка. Как, например, количество частиц, которое будет излучать кусок радиоактивного вещества за короткий отрезок времени. Судя по тому, как Мерв использовал эти термины в письме, похоже, социологи обнаружили в обществах и группах какие-то сопоставимые характеристики. По крайней мере, на других планетах. Ни один из этих законов не мог быть применен к Диту — они здесь не работали. Айхьель признавал это, и сама смерть Мерва стала тому подтверждением. Брайону захотелось узнать, кто такой этот Лиг-магт, который, похоже, и убил Мерва.

Размышления Брайона были прерваны мягким покашливанием Фосселя. Брайон поднял на него глаза и вытер с лица пот.

— Кажется, ваш кондиционер вышел из строя, — заметил Фоссель. — Мне прислать техника, чтобы он им занялся?

— С ним все в порядке, просто я привыкаю к климату Дита. Вам еще что-нибудь нужно, Фоссель?

Его помощник посмотрел на него с плохо скрытым сомнением. Похоже, ему было сложно поверить в правдивость такого ответа, хотя слова Брайона и были истинной правдой. Он положил на стол небольшую стопку папок.

— Здесь отчеты — все, что нам удалось выяснить о дитах. Немного, но, учитывая антисоциальность этого вшивого мира, больше просто нельзя было сделать...

Внезапно ему в голову пришла какая-то мысль, и он хитро прищурился:

— Кое-кто из наших интересуется историей с тем аборигеном, который связался с вами. Как вы сумели заставить его помогать вам? Нам никогда не удавалось даже поговорить с этими людьми, а вы только приземлились — и вот, один из них уже работает на вас. Нельзя же запретить людям об этом думать, тем более что вы у нас чужой и прилетели только что. В конце концов, это ведь действительно выглядит довольно странно...

Он не закончил фразы, встретив полный холодной ярости взгляд Брайона.

— Я не могу запретить людям думать об этом, но могу запретить обсуждать это вслух. Наша работа заключается в том, чтобы установить контакт с дитами и остановить эту самоубийственную войну. За один день я сделал больше, чем вы все со времени своего прилета. Мне это удалось, потому что я больше подхожу для этой работы, чем вы. Больше никакой информации по этому вопросу никому из вас не будет. Вы свободны.

Побелев от гнева, Фоссель развернулся на каблуках и вышел — чтобы немедленно раструбить повсюду, что новый директор — настоящий тиран. Теперь все сотрудники от души возненавидят его — а именно этого он и добивался. Он не мог рисковать показать свое невежество. Кроме того, возможно, ненависть немного встряхнет их и заставит хоть как-то действовать. Все равно хуже, чем есть, быть уже не может.

Это была громадная ответственность. Впервые с того момента, как он ступил на поверхность планеты, Брайон получил возможность спокойно подумать. Он брал на себя чудовищно много. Он ничего не знал ни об этом мире, ни о силах, задействованных в конфликте. Ситуация на самом деле пугающая. Может, ему надо выбираться отсюда, пока не поздно?

На это мог быть только один ответ — *нет*. Пока он не нашел никого, кто лучше его справился бы с этой работой. Он, похоже, и вправду был самой подходящей кандидатурой. Да и мнение Айхьеля многое значило. Брайон снова почувствовал убежденность этого человека в том, что он, Брайон, может здесь преуспеть...

Ладно, значит, так тому и быть. Если у него и остались сомнения, самым разумным будет попросту забыть о них. Помимо всего прочего, это дело было отчасти личным. Айхьель был анвхарцем и Победителем. За время полета они успели сдружиться. Возможно, такие отношения довольно старомодны, особенно в этой огромной Вселенной — Анвхар, вне всякого сомнения, был невероятно далеко отсюда, — но честь очень важна для человека, который остался один. У него был долг по отношению к Айхьелю, и он намеревался этот долг оплатить.

Приняв решение, Брайон почувствовал себя уверенней. На столе перед ним был интерком; он решительно надавил на кнопку с надписью «Фоссель».

— Да?

Даже по переговорному устройству была слышна неприкрытая ненависть в голосе помощника Брайона.

— Кто такой Лиг-магт? И вернулся ли предыдущий директор после встречи с ним?

— Магт — это титул, означающий приблизительно «знатный» или «лорд». Лиг-магт — местный владыка. Он владеет уродливой грудой камней, по недоразумению называющейся зданием, находящейся за пределами города. Похоже, именно он — глашатай группы магтов, которая ратует за эту идиотскую войну. А что до вашего второго вопроса, могу ответить — и да, и нет. На следующее утро мы нашли у дверей голову директора Мерва с начисто содранной кожей. Мы поняли, кто это, только потому, что доктор опознал мост у него во рту. *Вы это понимаете?..*

Последние слова прозвучали визгливым криком, Фоссель даже не пытался овладеть собой. Судя по его состоянию, весь персонал был на грани нервного срыва. Брайон быстро прервал его:

— Это все, Фоссель. Только передайте еще доктору, что я хотел бы его видеть, и чем скорее, тем лучше.

Он отключил связь и открыл первую папку. Когда объявился доктор, он уже просмотрел доклады и теперь внимательно читал те из них, которые содержали важную информацию.

У доктора Стайна была розовая сияющая лысина во всю голову и окладистая черная борода. Брайону он сразу понравился. Любой человек, у которого хватило решимости и твердости духа, чтобы носить бороду в этом климате, просто обязан был представлять собой приятное исключение из всего того, что Брайону довелось здесь увидеть.

— Как ваша новая пациентка, доктор?

Стайн зарылся в бороду короткопалой пятерней и, немного помолчав, ответил:

— Диагноз: обморок от перегрева. Прогноз: полное выздоровление. Состояние — весьма и весьма удовлетворительное, учитывая обезвоживание организма и обширный солнечный ожог. У нее едва не случился тепловой удар. Сейчас я ввожу ей успокоительное.

— Мне нужно, чтобы завтра утром она встала на ноги и начала помогать мне в работе. Возможно это с помощью стимуляторов или лекарств?

— Возможно, но могут возникнуть осложнения. Это дело случая.

— Что ж, придется с этим смириться. Менее чем через семьдесят часов эта планета может быть уничтожена. Я попытаюсь предотвратить эту трагедию и положу на это все силы, как и любой здесь. Согласны?

Доктор хмыкнул в бороду и оглядел Брайона с ног до головы.

— Согласен, — почти радостно заявил он. — Я — ваш союзник.

— Что ж, вы можете мне помочь прямо сейчас. Я просмотрел список личного состава и выяснил, что из двадцати восьми человек здесь нет ни одного специалиста по естественным наукам — кроме вас.

— Сборище неумытых дилетантов, умеющих только на кнопки нажимать, да высоколобых теоретиков. Все они гроша ломаного не стоят там, где нужна настоящая работа! — Доктор пнул кнопку в нижней части мусорного бачка и с чувством плюнул в него.

— Тогда мне придется полагаться на вас, — сказал Брайон. — Это нестандартная операция, а стандартные приемы здесь просто не проходят. Даже распределение Пуассона и экстраполяции Парето тут неприменимы...

Стайн кивнул, соглашаясь, и Брайон немного успокоил-

ся. Он только что выложил все, что знал о соционике, и, похоже, выложил к месту.

— Чем дольше я вникаю в ситуацию, тем более мне кажется, что это проблема естественно-научная, связанная с адаптацией дитов к этому адскому миру. Может ли это быть как-то связано с их самоубийственным отношением к кобальтовым бомбам?

— Может ли? Может ли? — доктор Стайн быстро прошелся по комнате, заложив руки за спину. — Вы чертовски правы: может. Наконец-то хоть кто-то начал думать, а не просто загонять чертовы цифры в машину, чтобы потом сидеть и задницу почесывать, пока не загорится экран и машина не выдаст результат! Вы знаете, как живут диты?

Брайон покачал головой.

— Здешние идиоты считают, что отвратительно, а я думаю, что восхитительно! Они нашли способы вступить в симбиотические отношения с местными формами жизни и даже установить паразитические отношения. Вы должны понять, что любой живой организм делает все, чтобы выжить. Потерпевшие кораблекрушение пьют собственную мочу, когда начинают нуждаться в воде. Это может вызвать отвращение только у тех, кто никогда не испытывал ни настоящей жажды, ни настоящего голода. Так вот, тут, на Дите, мы видим целую расу потерпевших кораблекрушение.

Стайн распахнул дверцу аптечки:

— От всех этих разговоров о жажде мне захотелось выпить.

Быстрым точным движением он налил в мензурку спирт, развел его дистиллированной водой и приправил какими-то кристалликами из бутылочки. Потом наполнил полученной смесью два стакана и передал один Брайону. Смесь была очень недурна на вкус.

— Что вы имеете в виду, когда говорите о паразитах, доктор? Разве все мы не паразитируем на низших формах жизни? На животных, дающих нам мясо, на овощных культурах и всяком таком?

— Нет-нет — вы не поняли! Я говорил о паразитизме в прямом смысле этого слова. Вы должны понимать, что для биолога нет большой разницы между паразитизмом, симбиозом, мутуализмом, биоценозом, комменсализмом...

— Довольно, хватит! — прервал его Брайон. — Для меня все это — пустой звук. Если именно на этом держится планета, то я начинаю понимать, почему все остальные впали в такое отчаяние.

— Это все только разновидности одного и того же процесса. Вот посмотрите. Возьмем, например, ракообразного, который живет в здешних озерах — он здорово похож на обычного краба. У него большие клешни, к которым присосались анемоны — такие морские животные с щупальцами, неспособные к самостоятельному передвижению. Этот краб размахивает анемонами в разные стороны — они ловят добычу, а он поедает ту, что для анемонов оказывается слишком велика. Это биоценоз — система, в которой два существа живут и работают вместе, однако же каждое из них может жить и само по себе.

Идем дальше: у этого же ракообразного есть паразит, который живет под его панцирем, — деградировавшая форма морского слизняка, утратившая способность к передвижению. Это настоящий паразит, питающийся телом хозяина и ничего не дающий ему взамен. В его внутренностях, в свою очередь, живет простейшее одноклеточное, которое питается непереваренными остатками пищи этого слизняка. Однако же этот крохотный организм не является паразитом, как может показаться на первый взгляд, — это симбиот. Он питается за счет слизняка. Но в то же время выделяет фермент, который помогает слизняку переваривать пищу. Улавливаете картину? Все эти формы жизни находятся в сложном взаимодействии.

Брайон сосредоточенно хмурился, прихлебывая напиток.

— Теперь я начинаю понимать. Симбиоз, паразитизм и все прочее — это только различные варианты одного и того же основного процесса: совместной жизни.

— Точно так. Существовать в этом мире настолько сложно, что конкурирующие формы практически исчезли, а те, что еще остались, чрезвычайно немногочисленны. Выжили взаимодействующие и взаимозависимые — и не только выжили, но и выиграли эту гонку на выживание. Я употребляю термин «формы жизни» намеренно. Большинство существ здесь наполовину растения, наполовину животные, как лишайники в других мирах. У дитов есть существо, которое они называют «ваэда» и используют в качестве фляги для воды во время путешествий. От животного у нее осталась рудиментарная способность к движению, но она использует фотосин-

тез и запасает воду, как растение. Когда диты пьют из нее, эта штука пьет их кровь, которой частично и питается.

— Знаю, — скривился Брайон. — Я из одной такой пил. Видите царапины? Я начинаю понимать, как диты подстраиваются под психотип своего мира, если можно это так назвать, и понимаю, что это могло привести к существенным изменениям в их психике. Как вы полагаете, повлияло ли это на их социальную организацию?

— Еще как! Но, возможно, я злоупотребляю предположениями. Те исследователи, которые сидят наверху, изложат вам ситуацию лучше, чем я; в конце концов, это из их области.

Брайон изучал доклады, касавшиеся социального устройства, но ни один из них не был ему понятен. Они представляли собой массу незнакомых символов и совершенно непонятных диаграмм.

— Прошу вас, доктор, продолжайте, — настаивал он. — Пока что все отчеты показались мне совершенно бесполезными. Там не учтены многие факторы. Вы — единственный человек из тех, с кем я говорил, кто может дать вразумительные ответы на мои вопросы.

— Тогда ладно — но учтите, вы сами напросились. Насколько я это понимаю, здесь вообще нет никакого общества — это просто компания крутых индивидуалистов. Каждый за себя, и каждый получает пищу от других форм жизни этой планеты. Если у них и есть общество, то оно ориентировано на другие формы жизни на планете, а не на других людей. Возможно, именно поэтому вычисления не дают результата. Они разработаны для человеческих сообществ. У этих же людей принципиально иные отношения.

— А как же магты, эти существа высшего класса, которые строят замки и которые заварили всю эту кашу?

— У меня нет этому объяснения, — признал доктор Стайн. — Мои размышления достаточно логичны вплоть до этого момента. Но магты представляют собой исключение, и я не знаю, почему. Они очень сильно отличаются от остальных дитов. Кровожадные, не прислушивающиеся к доводам разума, стремящиеся к войне вместо мира... Они не правители в прямом смысле этого слова. Они взяли власть просто потому, что больше она никому не нужна. Они заключают соглашения на рудные разработки с обитателями других миров, так как только им знакомо понятие собственности: у остальных его просто нет. Возможно, я и ошибаюсь, но если вы выясните, почему они настолько иные, вы найдете и решение наших проблем.

Впервые со времени прибытия на планету Брайон испытал всплеск энтузиазма, к которому примешивалась надежда на то, что эта страшная проблема, возможно, все-таки имеет решение. Он допил свой стакан и поднялся.

— Надеюсь, вы пораньше разбудите свою пациентку, доктор. Я думаю, вы не меньше меня заинтересованы поговорить с ней. Если то, что вы мне сказали, — правда, она вполне может дать нам ключ к ответу. Ваша пациентка, доктор Леа Морис, прилетела с Земли и имеет научную степень по экзобиологии и антропологии, так что голова у нее просто набита нужными нам сведениями.

— Великолепно! — воскликнул Стайн. — Я займусь этой хорошенькой головкой не только потому, что она хорошенькая, но и из-за заключенных в ней знаний, и займусь с особым тщанием. Хотя мы и стоим на грани ядерного уничтожения, у меня впервые появилась надежда, что эта проблема будет решена.

Глава 9

Услышав грохот, стражник, стоявший изнутри у дверей здания Фонда, подпрыгнул и схватился за оружие. Но когда осознал, что звук этот был просто чиханием — хотя так, должно быть, мог бы чихать Гаргантюа, — успокоился. Брайон подошел к нему, сморкаясь в платок и кутаясь в свою куртку.

— Пойду наружу, пока не схватил воспаление легких, — сказал он.

Охранник машинально отсалютовал и посмотрел на экран, показывавший обстановку снаружи. Как только Брайон выскользнул на улицу, тяжелый портал захлопнулся за ним. На улице все еще было тепло после дневного пекла, и анвхарец распахнул куртку с почти счастливым вздохом.

Отчасти это была разведка, а отчасти ему просто хотелось согреться. В здании ему, в общем-то, больше нечего было делать — все уже давно разошлись. Он проспал полчаса и проснулся посвежевшим и готовым к работе. Все отчеты, в каких он только мог разобраться, были читаны и перечитаны уже не раз, покуда он не запомнил их наизусть. Теперь, когда все

спали, он мог использовать свободное время, чтобы познакомиться с главным городом Дита.

Идя по темным улицам, он постепенно понимал, насколько отличался образ жизни дитов от всего, к чему он привык. Название города — Ховедстад — на здешнем языке буквально означало «главное место». Этим он и был — не больше. Городом его делало только присутствие «инопланетников». Вдоль улицы стояли пустые дома с вывесками горнодобывающих компаний, космических транспортных фирм и торговых домов. Ни один из них не был сейчас занят. В некоторых до сих пор горел свет, включаемый автоматически каждый вечер, другие были темны, как жилища дитов, одиноко стоявшие здесь, среди сборных домов инопланетников. Брайон принялся разглядывать тот, что был слабо освещен светом, падавшим из окон «ПЛАВИЛЬЩИКОВ ВЕГИ, ЛТД».

Дом состоял из одной большой комнаты без окон и с земляным полом. Похоже было, что он построен из какого-то плетеного материала и покрыт слоем затвердевшей, как камень, глины. Дверь была открыта, и он уже всерьез думал, не войти ли ему, когда вдруг осознал, что за ним кто-то крадется.

Легкий шорох, почти неслышимый в ночи. В нормальной обстановке Брайон не обратил бы на него внимания, но сегодня ночью он, кажется, чувствовал кожей каждый звук, каждое движение воздуха. Кто-то шел за ним, незримый во мраке. Брайон вжался в стену. Навряд ли это мог быть кто-то, кроме какого-нибудь дита. Брайон внезапно вспомнил об изуродованной голове Мерва, найденной у дверей Фонда.

Айхьель помог ему развить чувство эмпатии, и он попытался с его помощью «дотянуться» до незнакомца. Это было нелегко — Брайон его не видел, а потому ни в чем не мог быть уверен. Действительно ли он «слышал» отклик или ему только показалось? И почему в этом отклике слышалось что-то знакомое? И тут ему пришла в голову мысль.

— Улв, — очень тихо позвал он. — Это Брайон.

И снова вжался в стену, ожидая нападения.

— Я знаю, — так же тихо откликнулся голос в ночи. — Молчи. Иди в том же направлении, в каком и шел.

Сейчас не имело смысла задавать вопросы. Брайон отвернулся и пошел туда, куда ему и приказали. Дома расступились, и вскоре, почувствовав под ногами песок, он понял, что снова оказался в пустыне. Это могло быть ловушкой — он не узнал голоса, незнакомец говорил слишком тихо, однако

приходилось рисковать. Во мраке рядом с ним появилась черная фигура, обжигающе-горячие пальцы слегка коснулись его руки.

— Я пойду вперед. Следуй за мной.

На этот раз голос звучал громче, и Брайон понял, что не ошибся.

Не ожидая ответа, Улв развернулся, и его темный силуэт растворился в ночи. Брайон быстро двинулся следом за ним, и вскоре они уже шли бок о бок по песчаным холмам. Пески перешли в спекшуюся глиняную корку, потрескавшуюся и покрытую глубокими бороздами, наполненными обломками камня. Они пошли вдоль одной из них, вскоре превратившейся в настоящий глубокий ров. Когда они повернули, следуя изгибу рва, Брайон увидел слабый желтый свет, пробивавшийся из отверстия в стене.

Улв опустился на четвереньки и исчез в узкой дыре. Брайон последовал за ним, испытывая растущее напряжение. Пробираясь во мраке вот так, опустив голову, он был донельзя уязвимым.

Туннель был коротким и выходил в комнату или, скорее, небольшой зал. Он услышал шарканье ног и в тот же миг ощутил волну ненависти. Несколько драгоценных секунд ушло на то, чтобы выбраться из туннеля-ловушки, откатиться в сторону и вскинуть револьвер. За эти несколько секунд он вполне мог погибнуть. Дит, стоявший над ним, держал в руках каменный молот с короткой рукоятью, готовясь нанести удар, который наверняка размозжил бы череп анвхарца.

Улв вцепился в запястье дита, пытаясь вырвать молот. Он боролся безмолвно — вообще ни тот ни другой не произнесли ни слова, и единственным звуком в тишине было шарканье их мозолистых ног по песку. Брайон отступил от дерущихся, держа револьвер наготове. Дит следил за ним горящими глазами, но, едва понял, что нападение не удалось, выронил молот.

— Зачем ты привел его сюда? — зарычал он на Улва. — Почему ты его не убил?

— Он здесь для того, чтобы мы могли выслушать то, что он скажет, Джебк. Это тот самый, о ком я тебе рассказывал, тот, которого я нашел в пустыне.

— Мы выслушаем, а потом убьем его, — с безжалостной усмешкой заявил Джебк. Это замечание вовсе не было шуткой — оно было произнесено со всей возможной серьезнос-

тью. Брайон осознал это, но понял и то, что в данный момент никакой опасности для него нет. Он бросил револьвер и впервые огляделся.

Зал был куполообразным, и в нем все еще царила жара. Улв сбросил ткань, в которую заворачивался, чтобы укрыться от ночного холода, и снова завязал ее наподобие килта, подпихнув под пояс-сеть. Он что-то буркнул, и когда Брайон услышал ответ, то впервые заметил, что в зале-куполе находятся еще женщина и ребенок.

Они сидели у дальней стены по обе стороны от кучи каких-то волокнистых стеблей. И женщина, и ребенок были нагими — только свалявшиеся волосы спадали им на плечи. Пояс со вплетенными в него инструментами одеждой считаться не мог, а пояса были и у женщины, и у ребенка. Отложив стебель, который она жевала, женщина раздула огонь, озаривший комнату. На огне стоял глиняный горшок, зачерпнув из которого женщина наполнила три миски для мужчин. Варево пахло омерзительно, поэтому Брайон старался не принюхиваться, да и вообще не дышать, покуда ел. Ел он руками, как и остальные двое мужчин, не проронив ни слова, поскольку и они молчали. Возможно, это было просто привычкой, а возможно, и ритуалом. По крайней мере, у него появился шанс поближе познакомиться с образом жизни дитов.

По всей вероятности, пещера была рукотворной. В затвердевшей до крепости камня глине были отчетливо видны следы применения инструментов, за исключением той части жилища, которая находилась напротив входа. Здесь стена была опутана сетью корней, растущих из пола и исчезающих наверху в земляном потолке. Тонкие корешки были осторожно переплетены вместе и изогнуты так, что образовывали словно бы один толстый корень в центре потолка, толщиной в руку человека. На нем висели четыре ваэды. Прежде чем сесть, Улв повесил туда и свою. Должно быть, ваэда тут же впилась в переплетение корней зубами, поскольку висела она безо всякой поддержки — еще одно звено в дитском жизненном цикле. Похоже, именно корни и были источником той воды, которым ваэда поила своего хозяина.

Брайон почувствовал на себе чей-то взгляд, обернулся и улыбнулся маленькой девочке. Ей было не больше шести лет, но она уже была дитом — дитом во всем. Она не улыбнулась в ответ, выражение ее не по-детски серьезного лица не изме-

нилось. Ее руки и челюсти не прекращали двигаться — она обрабатывала волокнистые стебли, которые положила перед ней мать. Девочка расщепляла их небольшим приспособлением, снимая какое-то подобие кожуры. Кожура очищалась — частично выскребалась другим инструментом, частично пережевывалась. Жесткую корку приходилось отделять долго, а результаты, похоже, не стоили затраченного времени. Наконец было обнаружено что-то маленькое и извивающееся, что девочка немедленно проглотила — и тут же начала обрабатывать следующую порцию волокнистой массы.

Улв поставил на пол свою глиняную миску и рыгнул.

— Я привел тебя в город, как и обещал тебе, — сказал он. — Ты сделал то, что обещал?

— Что он обещал? — спросил Джебк.

— Что остановит войну. Ты ее остановил?

— Я пытаюсь ее остановить, — ответил Брайон. — Но это не так просто. Мне понадобится помощь. Если бы вы помогли мне...

— В чем правда? — резко прервал его Улв. — Я все время слышу разное, и никак нельзя найти правду. Долго, очень долго, всегда мы делали то, что велели магты. Мы приносим им еду, а они дают нам металл и иногда воду, когда нам это нужно. Пока мы делаем так, как они говорят, они не убивают нас. Они живут неправильно, но я получил у них бронзу для инструментов. Они сказали нам, они получат для нас мир у людей с неба, и это хорошо.

— Всегда было известно, что люди с неба злы во всем, и хорошо может быть, только если убивать их, — заявил Джебк.

Брайон уставился на двух дитов, ощущая их неприкрытую ненависть.

— Тогда почему ты не убил меня, Улв? — спросил он. — Тогда, в первый раз, в пустыне, или сегодня, когда ты остановил Джебка?

— Я мог. Но было кое-что и важнее. В чем правда? Можем ли мы верить, как верили всегда? Или мы должны слушать это?

Он швырнул Брайону маленький кусочек пластика — с ладонь величиной, не больше. В углу пластинки виднелась небольшая металлическая кнопка, рядом с которой был отпечатан простейший рисунок. Брайон повернул пластинку к свету и разглядел картинку: рука, сжимающая кнопку большим и указательным пальцами. То было сверхминиатюрное

говорящее письмо. Достаточно было несильно нажать кнопку, чтобы проиграть записанное сообщение. Листок пластика начинал вибрировать, действуя как усилитель.

Хотя голос был тихим, слова можно было разобрать отчетливо. Это был призыв к жителям Дита не подчиняться магтам. Голос объяснял, что магты развязали войну, которая может окончиться только разрушением Дита. Сообщение заканчивалось призывом поднять восстание и захватить арсенал магтов.

— Эти слова — правда? — спросил Улв.

— Да, — ответил Брайон.

— Может, это и правда, — проговорил Джебк, — но мы ничего не можем сделать. Я был вместе с моим братом, когда эти говорилки стали падать с неба. Он послушал одну из них, пошел к магтам и все рассказал. Они убили его. Магты убьют всех нас, если узнают, что мы слушали эти слова.

— А эта штука говорит, что мы умрем, если будем слушать магтов! — крикнул Улв. Его голос сорвался, но не от страха, а от отчаяния, вызванного невозможностью разобраться в диаметрально противоположных точках зрения. До этого момента в его мире существовала своего рода «черно-белая» система ценностей, практически лишенная полутонов.

— Вы можете сделать кое-что для спасения мира, не причиняя вреда ни себе, ни магтам, — сказал Брайон, надеясь привлечь их на свою сторону.

— Ну, говори, — проворчал Улв.

— Войны не будет, если мне удастся связаться с магтами и заставить их прислушаться к моим словам. Вы можете подсказать мне, как говорить с магтами, чтобы убедить их...

— Никто не может говорить с магтами, — вмешалась в разговор женщина. — Если ты скажешь что-нибудь не так, они убьют тебя, как убили брата Джебка. Так что понять их просто. Такие они есть. Они не меняются.

Она снова сунула в рот кусок стебля, который размягчала для девочки. Ее губы были глубоко рассечены и изуродованы годами подобной работы, боковые зубы стерты почти до десен.

— Мор права, — поддержал женщину Улв. — Тебе нельзя говорить с магтами. Что еще можно сделать?

Прежде чем заговорить, Брайон внимательно взглянул на мужчин и подвинулся так, чтобы можно было дотянуться до револьвера, не вставая.

— У магтов есть бомбы, которые уничтожат Нийорд. Если я узнаю, где бомбы, я сделаю все, чтобы их уничтожить и предотвратить войну.

— Ты хочешь, чтобы мы помогали дьяволам с неба против нашего собственного народа! — крикнул Джебк, привставая. Улв усадил его на место и холодно сказал:

— Ты просишь слишком много. Уходи.

— Но вы поможете мне? Поможете остановить войну? — спросил Брайон, понимая, что зашел слишком далеко, но уже не мог остановиться.

— Ты просишь слишком много, — повторил Улв.

— Я увижу тебя снова? Как я могу связаться с тобой?

— Мы найдем тебя, если захотим говорить с тобой, — только и сказал Улв.

Если они решат, что он лжет, он никогда больше их не увидит. Он ничего не мог с этим поделать.

— Я решил, — заговорил Джебк, поднимаясь и набрасывая кусок ткани на плечи. — Ты лжешь, и это все ложь ваших людей с неба. Если я увижу тебя еще раз, я убью тебя.

Он шагнул к туннелю и исчез в нем.

Больше говорить было не о чем. Улв довел его до места, с которого уже были видны огни Ховедстада. Всю дорогу он молчал и исчез во тьме, так и не сказав ни слова. Брайон зябко поежился от ночного холода, поплотнее запахнул куртку и побрел к городу, чувствуя себя совершенно разбитым.

Когда он добрался до здания Фонда, уже рассвело. На входе стоял новый охранник, и ни стук, ни угрозы не могли убедить его открыть, пока вниз не спустился Фоссель, зевающий и подслеповато моргающий спросонья. Он начал было жаловаться, но Брайон резко оборвал его, приказал одеться и немедленно взяться за работу. Сам же Брайон поспешил в свой офис и тут же мрачно выругался: какой-то не в меру усердный тип снова включил кондиционер в его комнате. Когда Брайон выключил его, он заодно извлек из злосчастного устройства несколько деталей, чтобы надолго вывести его из строя.

Когда вошел Фоссель, он все еще зевал, прикрывая рот кулаком.

— Идите и сварите кофе, не то свалитесь на месте, — посоветовал ему Брайон. — Две чашки. Я тоже выпью.

— В этом нет необходимости, — ответил Фоссель, выпрямляясь. — Если вы хотите кофе, я позвоню в столовую.

Он сказал это самым ледяным тоном, на который только был способен с утра.

За всеми волнениями Брайон совершенно позабыл о «кампании ненависти», которую развернул против себя.

— Как угодно, — коротко ответил он, снова входя в роль. — Но в следующий раз, когда вы зевнете, в вашем личном деле появится выговор. Если с этим вам все ясно, можете дать мне краткий отчет об отношениях Фонда с дитами. Как они к нам относятся?

Фоссель поперхнулся и сдержал очередной зевок.

— Полагаю, они воспринимают сотрудников ФКО как простачков. Они ненавидят всех инопланетников. Память о том, как их бросили на произвол судьбы, передается из уст в уста от поколения к поколению. По их примитивной логике, мы должны либо возненавидеть их, либо улететь. Вместо этого мы остаемся. Мы даем им пищу, воду, лекарства и прочие необходимые вещи. Потому они нас терпят. Полагаю, они считают нас полными идиотами и, пока мы им не мешаем, позволяют нам оставаться на Дите.

Он мучительно пытался подавить зевок, и Брайон отвернулся, предоставив бедняге возможность зевнуть всласть.

— А что нийордцы? Что они знают о нашей работе? — Брайон смотрел в окно на пыльные здания, очерченные алым силуэты на фоне яростного восхода пустыни.

— Нийорд — планета-союзник, а потому они полностью информированы обо всех наших действиях. Они обеспечивают нам полную поддержку.

— Что ж, настало время просить о большем. Могу я связаться с командиром флота, осуществляющего блокаду?

— Одну минуту. Я вас соединю.

Фоссель склонился над пультом и набрал номер.

— Вы свободны, Фоссель, — сказал Брайон. — Я хочу говорить с ним один на один. Как зовут командующего?

— Профессор Краффт — он физик-ядерщик. У них вообще нет профессиональных военных, поэтому ему поручили командовать флотом. — Фоссель пошел к дверям, зевая во весь рот.

Профессор-командор был очень стар: седые волосы, сеточка морщин вокруг глаз... Его изображение дрогнуло, пошло полосами, потом прояснилось — связь наладилась.

— Вы, должно быть, Брайон Брандт, — сказал он. — Должен сказать, что мы все весьма сожалеем о том, что ваш друг Айхьель и двое других погибли, оказывая нам помощь. Я уверен, что вы были счастливы иметь такого друга.

— Ну... да, конечно, — ответил Брайон, собираясь с мыслями. Он с усилием припоминал это первое столкновение — теперь его занимала возможная гибель всей планеты. — Очень любезно с вашей стороны вспомнить об этом. Но мне хотелось бы, если это возможно, кое-что выяснить у вас.

— Все что угодно, мы все в полном вашем распоряжении. Однако прежде чем мы начнем разговор, я хотел бы выразить вам благодарность за то, что вы присоединились к нам. Даже если нам все-таки придется сбросить бомбы, мы никогда не забудем, что ваша организация делала все возможное, чтобы предотвратить это несчастье.

И снова слова профессора вывели Брайона из душевного равновесия. Сначала он подумал, что Краффт просто лицемерит, но быстро осознал всю нелепость этой мысли. То, что профессор Краффт был убежденным гуманистом, было совершенно очевидно. Брайон подумал, что теперь у него появилась еще одна причина попытаться покончить с этой войной, избежав разрушений с обеих сторон. Ему захотелось посетить Нийорд и посмотреть, как живут эти люди.

Профессор Краффт терпеливо ждал. Брайон собрался с мыслями и наконец ответил:

— Я по-прежнему надеюсь, что мы сумеем вовремя остановить бойню. Именно об этом я и хотел говорить с вами. Я хочу увидеться с Лиг-магтом, но для этой встречи мне нужен официальный повод. Вы поддерживаете с ним связь?

Краффт покачал головой:

— Нет, не вполне. В самом начале конфликта я послал ему радиопередатчик, чтобы мы могли говорить напрямую. Но он поставил нам ультиматум от имени магтов. Единственное, чего он хотел, — чтобы мы сдались безо всяких условий. Его приемное устройство включено, но он сказал, что ответит только на послание о полной капитуляции.

— Навряд ли он когда-нибудь его получит, — заметил Брайон.

— Такая возможность существовала, — со вздохом сказал Краффт. — Надеюсь, Брайон, что вы понимаете, как нам было тяжело принять решение о бомбардировке Дита. Многие, в том числе и я, голосовали за то, чтобы сдаться. Мы проиг-

рали, но разница в количестве голосов, поданных за оба решения, была минимальна.

Брайон уже начинал привыкать к таким сентенциям.

— Остались ли на этой планете ваши люди? И могу ли я обратиться к ним за помощью? Возможность, конечно, невелика, но если я выясню, где находятся бомбы или пусковая установка, то с помощью отряда я мог бы захватить их.

— В Ховедстаде наших людей больше не осталось — все, кто не эвакуировался, были убиты. Но остались диверсионно-десантные отряды, которые ждут высадки на случай, если бомбы будут обнаружены. У нас есть также специально подготовленные люди, которые пытаются выяснить местоположение бомб. Пока что им это не удалось, а большинство их было убито вскоре после высадки.

Крафft на мгновение умолк; похоже, он колебался.

— Существует еще одна группа, о которой вам следует знать. Наши люди остались еще в пустыне неподалеку от Ховедстада. Официально мы не одобряем их действий, хотя они пользуются большой поддержкой среди населения. В большинстве своем это молодые люди, которые образуют нечто вроде летучих отрядов, убивая и разрушая без особых угрызений совести. Они пытаются обнаружить бомбы, не останавливаясь ни перед чем.

За последнее время эта новость больше всего обрадовала Брайона. Он постарался ничем не выдать свои чувства и заговорил спокойно:

— Не знаю, в какой мере я могу использовать ваше сотрудничество, но не могли бы вы сказать мне, как установить с ними связь?

Крафft позволил себе еле заметно улыбнуться:

— Я дам вам длину их волны. Они называют себя «Армией Нийорда». Когда будете говорить с ними, пожалуйста, окажите мне услугу, передайте сообщение. Ситуация ухудшилась. Одна из команд наших техников зарегистрировала в коре планеты излучение, создаваемое гиперпространственной пусковой установкой. Похоже, диты заканчивают испытания этого устройства раньше, чем мы ожидали. Поэтому срок начала войны перенесен на день раньше. Боюсь, вам осталось только два дня до эвакуации. — В его глазах читалось искреннее сострадание. — Простите. Я знаю, что это намного усложнит вашу работу.

Брайону не хотелось даже думать о том, что он безвозвратно теряет один из трех оставшихся дней — и без того слишком малый срок.

— Вы уже сообщили об этом дитам?

— Нет, — ответил ему Крафft. — Решение было принято за несколько минут до того, как вы со мной связались. Сейчас его передают по радио Лиг-магту.

— Вы можете прекратить передачу и позволить мне передать это сообщение лично?

— Да, могу. — Крафft на мгновение задумался. — Но это означает, что вы идете на верную смерть. Они убивают наших людей без малейших колебаний. Я бы предпочел послать сообщение по радио.

— Если вы сделаете это, то помешаете осуществлению моих планов и, возможно, вовсе разрушите их под предлогом спасения моей жизни. Разве моя жизнь не мне принадлежит? Разве я не волен распоряжаться ею, как хочу?

Впервые за все время разговора профессор Крафft выглядел расстроенным:

— Извините, Брайон. Разумеется, вы можете делать все, что хотите. У меня и в мыслях не было помешать вам.

Он отвернулся и сказал что-то в сторону — слов разобрать было нельзя.

— Передача сообщения прервана. Теперь вся ответственность ложится на вас. Мы всем сердцем желаем вам успеха. Конец связи.

— Конец связи, — сказал Брайон, и экран погас. — Фоссель! — крикнул он в интерком. — Достаньте мне самый лучший и быстрый вездеход, какой только у нас есть, водителя, который знает местность, и двух человек, которые умеют обращаться с оружием и беспрекословно выполняют приказы. Мы наконец собираемся предпринять решительные действия.

Глава 10

— Это самоубийство, — проворчал высокий охранник.

— Для меня, а не для вас, так что вам и беспокоиться нечего, — рявкнул на него Брайон. — От вас требуется только слушать приказы и точно им следовать. А теперь — повторите-ка все еще раз.

Стражник закатил глаза и затянул заунывным голосом:

— Мы остаемся здесь, в машине, и не глушим мотор, а вы

лезете в эту самую кучу камней. Мы никого не впускаем в машину и стараемся никого близко не подпустить и к вам. Мы не входим внутрь, что бы ни случилось, а ждем вас здесь. Без приказа не стреляем, за исключением того случая, когда вы вызовете нас по радио — тогда мы входим туда с автоматами и прочесываем все очередями, и неважно, в кого мы при этом попадем. Это произойдет только в крайнем случае.

— Постарайтесь как-нибудь организовать этот «крайний случай», — сказал второй охранник, поглаживая тяжелый вороненый ствол своего автомата.

— Если вы пустите в ход оружие без моего разрешения, вы за это заплатите, и заплатите головой, — раздраженно проговорил Брайон. — Я хочу, чтобы вы это накрепко запомнили. Вы являетесь группой прикрытия, базой, на которую я могу вернуться. Это моя операция, и только моя.

Он подождал, пока все трое не кивнули в знак согласия, потом чисто машинально проверил, заряжен ли его пистолет — обойма была полной. Глупо было бы идти внутрь без оружия, но он должен был это сделать. Все равно один пистолет его не спасет. Он отложил оружие. Пуговка радиопередатчика на его воротнике давала достаточно сильный сигнал, способный пройти через любые стены. Он сбросил куртку, открыл дверь и вышел в обжигающее сияние полуденного Дита.

Тишина пустыни нарушалась только равномерным гулом двигателя вездехода за его спиной. По обе стороны от него простиралась до самого горизонта бесконечная песчаная пустыня. Неподалеку одиноко стояла цитадель, действительно более всего напоминавшая огромную гору черных камней. Брайон подошел ближе, пристально следя за малейшим движением, которое могло возникнуть у стен. Однако никого не было заметно. Громоздкое сооружение, лишенное какой бы то ни было архитектурной привлекательности, застыло в тяжелом зловещем молчании. С Брайона градом катился пот — и не только жара была тому причиной.

Он обогнул башню, выискивая вход, но, как ни старался, ничего не обнаружил. Обойдя ее еще раз, он обратил внимание на выступы в стене, расположенные таким образом, что, цепляясь за них, можно было забраться наверх. Похоже, ему не оставалось ничего другого, как, карабкаясь по почти отвесной поверхности стены, искать путь внутрь. Брайон тоскливо огляделся, сложил ладони рупором и крикнул:

— Я иду. Я несу послание Нийорда, которое вы так хотели услышать.

Не то чтобы он сознательно врал — просто несколько исказил правду. Ответа не последовало — только свист ветра, и шорох песка, да шум двигателя вдалеке. Брайон полез вверх.

Камень крошился, ему приходилось смотреть, куда он ставит ногу. В то же время Брайон боролся с почти непреодолимым желанием посмотреть вверх, чтобы удостовериться, что оттуда ничего не свалится ему на голову. Но ничего не произошло. Когда он добрался до края стены, пот лил с него градом, дыхание стало тяжелым и хриплым. В поле его зрения по-прежнему никто не появлялся. Он стоял на неровной поверхности стены, которая окружала основное здание; из нее вырастала куполообразная крыша. Темные дыры проходов позволяли попасть внутрь сооружения. Брайон посмотрел вниз, на вездеход, который казался небольшим размытым пятном в бесконечности пустыни.

Пригнувшись, Брайон проник в ближайшую дыру. Вокруг по-прежнему никого не было. Комната внутри казалась созданной буйным воображением сумасшедшего: в высоту больше, чем в длину, с неровными стенами, более походившая на прихожую, в одном конце которой оказалась лестница, в другом же — бездонная черная яма. Сквозь щели и дыры, пробитые в толстой каменной стене, пробивался свет. Брайон решил воспользоваться лестницей. Миновав несколько тупиков и поворотов, он увидел впереди более яркий свет и направился туда. В комнатах, которые он проходил, он видел пищу, посуду, какие-то необычные предметы дитского происхождения — но ни одного человека. Свет впереди становился все ярче, проход расширялся, и наконец Брайон оказался в большом центральном зале.

Зал этот был сердцем странного здания. Все комнаты, проходы и помещения только обрамляли гигантский зал с круто уходящими вверх наклонными стенами, имевший форму усеченного конуса. Потолок отсутствовал, вместо него в вышине сиял ослепительно голубой круг раскаленного неба, и поток света отвесно падал на пол.

В круге света стояла кучка людей, неотрывно глядевших на Брайона.

Боковым зрением Брайон видел остальную комнату — бочонки, ящики, какие-то механизмы, радиопередатчик, узлы, свертки и кучи непонятных предметов... Времени при-

глядеться повнимательнее у него не было. Все его внимание было сосредоточено на людях в длинных одеждах с капюшонами, стоящих посреди зала.

Он нашел врага.

Все, что прежде происходило с ним на Дите, было лишь подготовкой к этой встрече. Нападение в пустыне, бегство, чудовищный жар солнца и раскаленного песка — все это само по себе было прелюдией. Только теперь и начнется настоящая борьба.

Впрочем, ни о чем таком он сейчас не думал. Рефлексы борца заставили его чуть пригнуться, согнуть руки в локтях — он шел осторожно, готовый мгновенно отпрыгнуть в сторону, но все это сейчас не было нужно. Пока что опасность не была явной. Когда он начал обдумывать ситуацию, то остановился в изумлении. В чем дело? Никто из дитов не сдвинулся с места, не издал ни звука. Откуда он вообще знал, люди ли это? Они были закутаны в плащи так, что видны были только глаза.

Однако же Брайон не испытывал сомнений. Несмотря на их молчание, он знал, кто это. Их глаза были неподвижны и лишены какого-либо выражения, но смотрели недобрым, хищным взглядом. Они могли смотреть на жизнь, смерть и раны с тем же отсутствием интереса или сострадания. Брайон понял это все за какую-то долю секунды без единого слова. За то время, пока он делал шаг вперед, он определил, с чем ему пришлось столкнуться. Сомнений в этом быть не могло — по крайней мере, для него, человека, наделенного чувством эмпатии.

От группы молчаливых людей исходила морозно-белая волна безэмоциональности. Эмпат разделяет чувства других людей. Он угадывает их реакцию, ощущая их эмоции: всплеск интереса, ненависть, любовь, желание — поток чувств и движений души, который сопутствует каждой мысли и действию. Эмпат похож на человека, который смотрит на страницы множества книг. Он видит шрифт, слова, абзацы, заключенные в них мысли, даже не прилагая усилий для того, чтобы понять все это.

Как тогда должен чувствовать себя человек, смотрящий в открытые книги и видящий только чистые листы? Есть книги — но в них нет слов. Он переворачивает страницы, листает одну книгу, другую, ищет хоть что-то — но ничего нет. Все страницы пусты.

Такими же были и магты — пустыми, чистыми, лишенными эмоций. Едва ощутимая волна, скорее всего, порождалась нервными импульсами, которые поддерживали жизнедеятельность организма. Больше ничего. Брайон пытался уловить хоть что-то еще, но ничего не находил. Либо у этих людей совершенно отсутствовали эмоции, либо они были способны блокировать его попытки «считать» их — точно сказать он не мог.

На все эти открытия у Брайона ушло всего несколько мгновений. Люди по-прежнему смотрели на него — не шевелясь, не говоря ни слова. Они ничего не ждали от него, их отношение к нему нельзя было назвать заинтересованностью. Любые их слова, любые вопросы были бы излишними — а потому они ничего не говорили. Говорить должен был он.

— Я пришел, чтобы говорить с Лиг-магтом. Кто он? — Брайону не понравился звук собственного голоса — он прозвучал как-то слишком тихо в этом огромном зале.

Один из стоявших сделал легкое движение, чтобы привлечь к себе внимание. Остальные по-прежнему не шевелились. По-прежнему ждали.

— У меня для тебя послание, — Брайон говорил медленно, пытаясь заполнить этими словами пустоту в комнате и в собственных мыслях. Ему нельзя было ошибиться, так как цена ошибки была слишком велика. — Я из Фонда в городе: думаю, это ты знаешь. Я говорил с людьми Нийорда. У них для тебя послание.

Молчание затягивалось. Брайон вовсе не собирался читать монолог. Разглядывание неподвижных фигур не могло длиться вечность. Казалось, что время остановилось, но наконец Лиг-магт заговорил:

— Нийордцы собираются сдаться.

Фраза прозвучала невероятно странно. Брайон прежде никогда не задумывался о том, насколько для речи важны эмоции. Если бы этот человек вложил в свои слова хоть какие-то эмоции, например, произнес бы это с подъемом, это означало бы: «Успех! Враг собирается сдаться!» Но этого смысла фраза не несла.

Если бы предложение было произнесено с сомнением, оно превратилось бы в вопрос: «Собираются ли они сдаться?» Но и эта интонация отсутствовала. Никакого дополнительного смысла фраза не несла — только тот, что заключался в каждом отдельном слове. Она имела интеллектуальную кон-

нотацию, но понять, какую, можно было, только обладая дополнительными знаниями. Они были готовы принять только одно послание с Нийорда. Следовательно, именно это послание и принес Брайон. Если он пришел сказать что-то другое, это «другое» их не интересовало.

Этот факт был жизненно важным для Брайона. Если их не интересовало то, о чем он собирался говорить, тогда он больше не был им нужен. Поскольку он пришел от врагов, он тоже был врагом. Следовательно, он будет убит. Брайон потратил некоторое время на обдумывание ситуации. Логические рассуждения — вот все, на что он мог сейчас опираться. Судя по приему, который ему оказали, он мог говорить с роботами или чуждыми человеку существами.

— Вы не можете победить в этой войне, вы только можете приблизить собственную смерть, — сказал он со всей убедительностью, на какую только был способен, в то же время понимая, что все его усилия тщетны. — Нийордцы знают, что у вас есть кобальтовые бомбы, и они засекли вашу гиперпространственную пусковую установку. Они не могут больше рисковать. Они передвинули срок начала военных действий на целые сутки. Осталось всего полтора дня до того, как будут сброшены бомбы, и вы все будете уничтожены. Понимаете ли вы, что это означает...

— Это послание? — спросил Лиг-магт.

— Да, — ответил Брайон.

Его жизнь спасли две вещи. Он предчувствовал, чем закончится разговор, и одно это заставило его быть настороже. Это и его рефлексы Победителя Двадцатых позволили ему избежать немедленной смерти.

Из каменной неподвижности Лиг-магт мгновенно перешел в яростную атаку. В прыжке он выхватил из складок одежды изогнутый обоюдоострый клинок, который рассек воздух в том самом месте, где только что стоял Брайон.

Времени на то, чтобы сгруппироваться и отпрыгнуть в сторону, у анвхарца не было — его хватило только на то, чтобы упасть на спину. В тот же миг разум его уже включился в битву. Лиг-магт молниеносно нанес удар сверху вниз, но Брайон захватил ногами его ногу и резко дернул вбок, так что тот потерял равновесие и упал.

Они оказались на ногах одновременно — лицом к лицу. Теперь руки Брайона были сцеплены перед грудью — лучшая защита для безоружного от человека с ножом: руки закрывали тело, кисти рук сплелись, готовясь отбить удар, откуда бы он ни был нанесен. Лиг-магт пригнулся, перебрасывая нож из руки в руку, потом ударил Брайона, целя в диафрагму.

Брайону с трудом удалось уклониться от второй атаки. Лиг-магт дрался с невероятной яростью, каждое его движение было выверено до миллиметра, он двигался стремительно, с какой-то механической точностью. Если бы Брайон продолжал защищаться, исход у этого поединка мог быть только один. Человек с ножом должен был победить.

После следующей атаки Брайон сменил тактику. Он подныряул под выпад, стараясь перехватить руку, державшую нож. Боль резанула его предплечье, потом его пальцы охватили запястье, сжали, сдавили, как тиски...

Это было все, что он мог сделать, чтобы продержаться. Жизнь на планете с большей гравитацией и физические упражнения сделали его много сильнее нападавшего. Вся его сила, казалось, переливалась в эту сжатую руку, потому что в ней он держал свою жизнь, удерживая нож, могущий оборвать ее. Все остальное не имело значения — ни то, что дит бил его ногами, ни то, что свободной рукой он пытался дотянуться до лица Брайона и скрюченные пальцы его явно метили вырвать анвхарцу глаза. Жизнь Брайона зависела только от того, насколько сильной будет хватка пальцев его правой руки.

На время противники замерли в неподвижности — Брайону удалось перехватить вторую руку Лиг-магта. Захват был надежным — теперь они, что называется, вошли в клинч, стоя вплотную друг к другу, их лица разделяло всего несколько дюймов. Капюшон слетел с головы дита, открыв лицо, и пустые холодные глаза смотрели сейчас прямо в глаза Брайону. Никаких эмоций не отражалось на его жестком лице; щеку пересекал длинный рубец старого шрама, оттягивавший угол рта и придававший лицу выражение невеселой насмешки — но и это было фальшью, потому что не было никакого выражения на этом лице, хотя сейчас оно должно было быть перекошено от боли.

Брайон побеждал. Его сила и больший вес играли сейчас решающую роль. Диту придется выронить нож, иначе его рука будет попросту сломана...

Но он этого не сделал. С ужасом Брайон понял, что дит вовсе не собирается выпускать нож, что бы ни произошло.

Раздался страшный глухой звук ломающихся костей, и рука дита бессильно повисла плетью. На его лице по-прежнему ничего не отражалось. Парализованные пальцы все еще сжимали нож. Другой рукой Лиг-магт потянулся к нему и начал высвобождать оружие: он готов был и с одной рукой продолжать битву. Брайон ударил по его правой руке ногой и, выбив нож, отбросил его на середину зала.

Лиг-магт сильно ударил Брайона в пах. Он продолжал драться так, словно ничего и не случилось. Брайон медленно отступил на шаг.

— Остановись, — сказал он. — Теперь ты уже не можешь победить. Это невозможно.

Он окликнул остальных, равнодушно следивших за неравным боем.

И тогда Брайон осознал, что сейчас произойдет и что ему придется делать; от этой мысли его затошнило. Лиг-магту была безразлична его собственная жизнь — так же, как безразлична ему была жизнь планеты. Он будет продолжать нападать, что бы ни делал с ним Брайон. Брайону представилась безумная картина — как он сломает этому человеку вторую руку и обе ноги и как тот будет ползти вперед, зубами — единственным оставшимся оружием — пытаясь вцепиться в противника.

Был только один способ покончить с этим. Брайон отклонился, сбросив руку Лиг-магта. Ткань была тонкой, сквозь нее были отчетливо видны очертания тела дита, и Брайон легко определил местонахождение нервного узла.

Это был смертельный удар карате. Брайон никогда прежде не применял его на людях. Он мог рукой разбить толстую доску одним коротким и точным ударом. И сейчас его напряженная рука рванулась вперед, вся сила и энергия его тела сосредоточились в кончиках пальцев, глубоко вошедших в плоть противника.

Он убивал — не случайно, не в приступе ярости. Он убивал — потому что только так и можно было окончить эту схватку.

Дит осел на пол: так оседает в облаке пыли взорванная башня.

Измотанный, весь в крови, Брайон стоял над телом Лиг-магта и смотрел на союзников убитого.

Смерть наполняла комнату.

Глава 11

Брайон стоял перед молчаливыми магтами, и мысли проносились в его голове бешеной круговертью. Пройдет несколько мгновений, и они отомстят за своего вожака — отомстят кроваво и страшно. На мгновение он пожалел о том, что не взял с собой оружие, но быстро отбросил эти мысли. Не было времени для раскаяния и сожаления — он должен был решить, что делать *сейчас*, и решить быстро.

Брайон понял, что они не нападут, пока не будут уверены в том, что Лиг-магт мертв. Только сам Брайон знал, что нанес смертельный удар. И эти сомнения давали ему несколько спасительных мгновений.

— Лиг-магт без сознания, но вскоре придет в себя, — сказал Брайон, указывая на неподвижное тело.

Глаза наблюдателей машинально обратились к тому, на что он указывал, и Брайон начал медленно продвигаться к выходу.

— Я не хотел этого, но он вынудил меня, потому что не хотел слушать доводов разума. А теперь я должен показать вам кое-что еще — то, что, как я надеялся, мне не придется открывать...

Он говорил первое, что приходило в голову, пытаясь, насколько это возможно, отвлечь их внимание. Им должно казаться, что он просто пересекает комнату — именно это впечатление и нужно у них создать. Времени у него хватило даже на то, чтобы оправить одежду и стереть со лба пот. Он говорил — и медленно продвигался к коридору, ведущему из зала.

Он успел одолеть уже половину пути, когда чары рухнули и началась погоня. Один из магтов опустился на колени, коснулся тела Лиг-магта и выкрикнул только одно слово:

— Мертв!

Брайон одним прыжком подлетел к выходу из зала и нырнул в коридор. В стену рядом с выходом ударило сразу несколько зарядов, выпущенных из духовых трубок. Брайон стремительно завернул за угол и понесся по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Магты гнались за ним — молчаливая свора, несущая смерть. У него не было надежды оторваться от них — они нагоняли, хотя он напрягал все силы. Сейчас он мог рассчитывать только на свои ноги и удачу. Стоит ему оступиться на неровных ступенях — и все будет кончено.

Впереди кто-то стоял. Если бы женщина не поспешила, он был бы убит, но вместо того чтобы ударить, когда он пробегал мимо дверей, она с ножом в руках перегородила ему путь — и это была ее ошибка. Не замедляя бега, Брайон упал на руки, поднырнув под клинок, вскочил, сгреб ее в охапку и поднял.

Когда ее ноги отделились от пола, женщина закричала — первый человеческий звук, который Брайон услышал в этом адском муравейнике. Его преследователи были уже совсем близко — и тогда он со всей силой швырнул женщину в них. Магты повалились на пол, и Брайон получил несколько бесценных секунд, позволивших ему добраться до верха здания.

Должно быть, здесь были и другие лестницы и выходы, потому что перед Брайоном оказался еще один вооруженный магт.

Не останавливаясь на бегу, Брайон включил передатчик, прикрепленный к воротнику, и крикнул в него:

— Я попал в переделку! Вы можете...

Охранники в машине только этого и ждали. Прежде чем он успел закончить фразу, пуля впилась в тело магта, он развернулся и рухнул на камни, кровь фонтаном ударила из его плеча. Брайон проскочил мимо и бросился к тропе, ведущей вниз.

— Это я, не стреляйте! — крикнул он.

Должно быть, оба охранника использовали оптические прицелы, так как, пропустив Брайона, сразу же открыли огонь. Пули откалывали куски камня, отскакивая рикошетом от стен. Брайон не стал выяснять, рискнул ли кто-нибудь прорваться сквозь этот шквальный огонь, так как думал о том, как бы поскорее спуститься вниз. Охранникам внизу уже незачем было целиться, и они продолжали поливать верх башни потоками смертоносного металла.

— Не... стрелять! — выдохнул Брайон на бегу.

Водитель ему достался действительно хороший — он невероятно точно все рассчитал, машина достигла подножия башни одновременно с Брайоном, и он прыгнул внутрь на ходу. Никаких приказов было уже не нужно. Он рухнул на сиденье, а вездеход развернулся, вздымая облака пыли, и на скорости направился к городу.

Высокий охранник осторожно вытащил маленькую заострённую стрелу, торчавшую из складок штанов Брайона. Открыл дверцу и с теми же предосторожностями выбросил ее в песок.

— Я знал, что эта штука вас не зацепила, — сказал он, — потому что вы еще живы. Они смазывают стрелы для духовых трубок ядом, который действует в течение двенадцати секунд. Повезло.

Повезло! Брайон только сейчас начал осознавать, насколько ему повезло — он сумел живым выбраться из этой ловушки. И не только живым: он добыл важные сведения. Теперь, когда он больше знал о магтах, само воспоминание о той легкомысленной самоуверенности, с которой он в одиночку и без оружия вошел в их башню, повергало его в дрожь. Мастерство и быстрота реакции спасли его, но без редкостной удачи это не помогло бы ему. Войти его заставило любопытство, а быстрота и дерзость помогли выбраться. Он был измотан и обессилен, но доволен и счастлив. Теперь его знания о магтах начинали складываться в теорию, которая могла объяснить их попытку расового самоубийства. Теперь нужно только время, чтобы теория оформилась...

Боль пронзила его руку, и он подпрыгнул от неожиданности, мгновенно утратив нить рассуждений. Охранник открыл аптечку и сейчас накладывал на его рану антисептик. Рана, нанесенная ножом Лиг-магта, была длинной, но неглубокой. Покуда охранник делал ему перевязку, Брайон дрожал от холода, и как только все было окончено, он поспешно натянул куртку. В кабине гудел кондиционер, успешно понижавший температуру воздуха.

Никаких попыток следовать за машиной не было. Когда черная башня скрылась за горизонтом, охранники расслабились и принялись хвастаться друг перед другом меткостью. Вся их враждебность по отношению к Брайону растаяла без следа, они только что не улыбались ему. Он был первым, кто предоставил им возможность пустить в дело оружие с тех пор, как они попали на эту планету.

Брайон не заметил, как пролетело время, так как всю дорогу размышлял над своей теорией. Теория была совершенно ошеломляющей и в то же время единственной, объясняющей все факты. Он рассматривал ее со всех сторон, но не нашел ни одного изъяна. Возможно, они и были, но сам Брайон их не замечал, поэтому ему нужно было беспристрастное сужде-

ние, которое могло подтвердить или опровергнуть его выкладки. А на Дите был только один человек, достаточно квалифицированный, чтобы сделать это.

Когда он вошел, Леа работала в лаборатории, склонившись над слабеньким бинокулярным микроскопом, и разглядывала что-то маленькое, подрагивающее, лишенное конечностей. Заслышав шаги Брайона, Леа подняла глаза и тепло улыбнулась. Боль и усталость оставили след на ее осунувшемся лице. Кожа, покрытая мазью от ожогов, кое-где потрескалась, а местами напоминала тонкую пенку, образующуюся на закипающем молоке.

— Должно быть, я кошмарно выгляжу, — сказала она, касаясь щеки тыльной стороной ладони. — Похожа на хорошо промасленный, но непрожаренный кусок отбивной.

Внезапно она взяла его руку в свои. Ладошки у нее были теплыми и слегка влажными.

— Спасибо, Брайон, — вот и все, что она сказала. То общество на Земле, в котором она жила, было высокоцивилизованным, и она была приучена обсуждать любую тему без излишних эмоций и стеснительности. Но вот поблагодарить человека за спасение собственной жизни ей было тяжело. Как ни пытайся сформулировать, все равно получается какая-то сцена из старомодной пьесы. Однако и без слов все было понятно.

Глаза у Леа были огромными, темными от расширившихся зрачков — ее буквально накачали лекарствами, чтобы она могла встать на ноги. Но эти глаза не лгали, как не лгали и ее чувства, которые ощущал Брайон. Он не ответил девушке — просто задержал ее руку в своей на несколько мгновений.

— Как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно спросил он. Ему стало неловко от воспоминания о том, что именно он приказал поднять ее с больничной койки в кратчайшие сроки.

— Я должна чувствовать себя ужасно, — ответила она, беспечно взмахнув рукой. — А на самом деле как на крыльях летаю — так меня накачали лекарствами и стимуляторами. Похоже, все нервы у меня в ногах просто отключились — я хожу как на двух надутых шарах. Спасибо, что ты вытащил меня из этой кошмарной больницы и привлек к работе.

Брайону внезапно стало жаль, что он заставил ее так быстро подняться с постели.

— Не жалей! — сказала Леа, казалось, прочитав его мысли (на самом же деле она заметила на его лице виноватое выражение). — Я не чувствую боли. Честно. Правда, временами у меня в голове туманится, но больше ничего. И, в конце концов, я ведь прилетела сюда работать. Честно говоря... нет, я просто передать не могу, как все это увлекательно! Ради этого стоило поджариваться в пустыне!

Она снова повернулась к микроскопу, повертела колесико настройки:

— Бедняга Айхьель был прав, когда говорил, что эта планета потрясающе интересна с точки зрения экзобиологии. Вот это, например, гастропод, очень похожий на *одостомию*, но морфологические изменения, приспосабливающие его к паразитическому образу жизни, столь велики, что...

— Я припоминаю еще кое-что, — прервал Брайон эту лекцию, так как половины сказанного он все равно не понимал. — Разве Айхьель не выражал надежду, что ты будешь изучать и самих дитов, а не только окружение, в котором они живут? В конце концов, проблема в дитах, а не в местных формах жизни.

— Но я ведь и *изучаю* их! — настаивала Леа. — Диты достигли невероятно совершенной формы комменсализма. Они так прочно связаны с другими жизненными формами, что их можно изучать только вместе с окружением. Я сомневаюсь, конечно, в том, что у них столько же внешних изменений, как и у этой маленькой *одостомии*, но уверена, что удастся обнаружить большое количество изменений нервной системы, позволяющих им адаптироваться к окружающей среде. И одна из этих причин, может быть, как раз и объяснит нам их стремление к всепланетному самоубийству.

— Может, это и правда, но я так не думаю, — сказал Брайон. — Сегодня утром я отправился в небольшую экспедицию и выяснил то, что может оказаться гораздо более важным.

Только сейчас Леа заметила его слегка потрепанный вид.

— Я ходил в гости, — начал Брайон, предваряя ее невысказанный вопрос. — Магты ответственны за все эти проблемы, и мне нужно было увидеть их вблизи, прежде чем принимать какие-то решения. Это было не слишком приятно, но зато я выяснил все, что хотел узнать. Они ни в чем не похожи на нормальных дитов. Я сравнивал их. Я говорил с Улвом — с тем дитом, который спас нас в пустыне, — и я его понимаю.

Он во многом не похож на нас — и это естественно, учитывая то, что они живут в этом аду, — но он, несомненно, человек. Магты, лорды Дита, — совершенная противоположность ему. Это самая настоящая банда хладнокровных безжалостных убийц. Они пытались убить меня при нашей встрече — убить безо всякой причины. Их одежда, привычки, жилище, поведение — все совершенно не похоже на жизнь обычного дита. Что более важно, магты холодны и расчетливы, как рептилии. У них нет эмоций, они не умеют ни любить, ни ненавидеть, не испытывают ни гнева, ни страха — ничего. Каждый из них — некая мыслящая машина, начисто лишенная эмоций.

— А ты не преувеличиваешь? — спросила Леа. — В конце концов, ты же не можешь быть уверен. Возможно, их просто воспитывают так, чтобы они не выказывали эмоций. Каждый человек испытывает эмоции, хочет он того или нет.

— Вот в том-то и дело. Каждый человек — кроме магтов. Я не могу сейчас долго распространяться на эту тему, поэтому тебе просто придется поверить мне на слово: даже на грани смерти они не испытывают ни страха, ни ненависти. Это может показаться невозможным, но тем не менее это правда.

Леа попыталась собраться с мыслями.

— Я сегодня плохо соображаю, — созналась она. — Тебе придется меня извинить. Если у этих правителей нет эмоций, это может объяснить нынешнюю патовую ситуацию. Но такое объяснение ставит перед нами больше новых вопросов, чем решает старых. Как они стали такими? Ни один человек не может жить, не испытывая никаких чувств.

— Об этом я и говорю. Ни один *человек*. Мне кажется, что магты вовсе не люди, в отличие от дитов. Мне кажется, они совершенно иные существа: роботы, андроиды... все, что угодно, — только не люди. Мне кажется, что они живут как бы под маской обычных людей.

— Ты это серьезно?

— Я серьезен, как никогда. Я понимаю, тебе кажется, что сегодня утром я слишком сильно получил по мозгам. Но эта концепция — единственная, объясняющая все факты. Ну сама посмотри. Первое, над чем стоит задуматься, — полное безразличие магтов к смерти, их собственной или чьей-то еще. Разве для людей это нормально?

— Нет, но можно найти и другие объяснения, прежде чем

говорить о чуждых формах разумной жизни. Может быть, это какая-то мутация или генетическое заболевание, которое изменило их разум или серьезно повлияло на него.

— Давай не будем слишком уж углубляться в этот вопрос — мне трудно вообще понять и воспринять этих людей. Как быть с полным отсутствием у них эмоций? Или с их манерой одеваться и с той таинственностью, которой они себя окружают? Обычные диты носят что-то вроде юбки-килта, а магты закутываются в плащи с головы до ног. Они сидят в своих черных башнях и выбираются оттуда только группами. Где они хоронят своих мертвых, никто не знает, что делает невозможным их исследование. Во всех отношениях они действуют, как другая раса.

— Допустим на минуту, что эта невероятная идея верна, тогда как они попали сюда? И почему никто об этом ничего не знает?

— Это достаточно просто объяснить, — гнул свое Брайон. — Записей об истории этой планеты не существует. После Раскола, когда горстка колонистов боролась за выживание, инопланетяне могли высадиться и смешаться с ними. Со временем пришельцы, захватившие власть, решили, что лучше держаться обособленно, чтобы никто не заметил их отличия от людей.

— А почему их это должно было волновать? — спросила Леа. — Если они с таким безразличием относятся к смерти, то для них не должно иметь значения ни общественное мнение, ни, скажем, запах тела другого живого существа. Зачем им тогда такой тщательный камуфляж? И если они прибыли с другой планеты, то что же: они утратили все научные знания, которые помогли им сюда добраться?

— Спокойно, спокойно, — ответил Брайон. — Я слишком мало знаю, чтобы даже пытаться предположить, как ответить на большую часть твоих вопросов. Я просто пытаюсь связать теорию и факты. А факты ясны. Магты абсолютно *нечеловечны*. Но нам нужны дополнительные сведения о них.

— Тогда добудь их, — решительно заявила Леа. — Я не говорю, чтобы ты стал убийцей, но ты мог бы, например, раскопать какую-нибудь могилу. Дайте мне скальпель и одного из твоих приятелей, уложенного на стол для вскрытия, и я быстро выясню, что он собой представляет.

Она снова развернулась к микроскопу и склонилась над ним, изучая образчик дитской жизни.

Леа указала ему действительно единственный способ разрубить этот гордиев узел. Диту оставалось жить только тридцать шесть часов, а потому смерть одного существа уже ничего не меняла и никого не тревожила. Брайону нужно найти мертвого магта, а если это не удастся, придется добыть его силой. Хотя для спасителя планеты он и так истребил достаточно ее жителей...

Он стоял позади Леа и задумчиво смотрел на нее. Ему так захотелось обнять ее и ощутить нежность женской кожи...

Засунув руки глубоко в карманы, он быстро пошел к дверям.

— Тебе надо отдохнуть, — сказал он Леа. — Сомневаюсь, что ты найдешь ответ в этих образцах. А я пойду посмотрю, не смогу ли тебе достать образчик поинтереснее.

— Правда может таиться где угодно. Пока ты не вернешься, я все-таки поработаю с тем, что есть, — отпарировала Леа, не отрываясь от окуляра микроскопа.

Под самой крышей здания Фонда находился хорошо оборудованный центр связи. Брайон уже заглядывал сюда во время своего первого посещения. Дежурный оператор сидел в наушниках, закинув ноги на стол и пожирая гигантский сандвич. Увидев Брайона, он вытаращил глаза и попытался вскочить, но Брайон остановил его:

— Сидите, сидите, мне это не мешает. И не делайте резких движений, не то разобьете телефон, или вас током ударит, или бутербродом подавитесь. Посмотрите, можете ли вы организовать мне передачу вот на этой частоте, — он протянул листок бумаги оператору. Это была частота, которую дал ему Краффт и по которой можно было связаться с террористами, называющими себя Армией Нийорда.

Оператор переключил устройство мобильной связи и протянул его Брайону.

— Связь установлена, — пробормотал он.

— Это Брандт, директор ФКО. Выйдите на связь...

Он повторял эти слова, должно быть, минут десять, покуда линия не ответила.

— *Что вам нужно?*

— У меня для вас сообщение чрезвычайной важности, а также мне нужна ваша помощь. Вы хотите, чтобы я передал сообщение по радио?

— *Нет. Ждите — мы свяжемся с вами после захода солнца.*

На этом разговор прервался.

Тридцать пять часов до конца света, а он мог только сидеть и ждать...

Глава 12

Когда Брайон вошел в свой кабинет, то обнаружил на столе две аккуратные стопки бумаг. Только сев за стол и принявшись за первую стопку, он осознал, что в его кабинете чудовищно холодно и что из кондиционера вырывается струя ледяного воздуха. Кондиционер был теперь защищен решеткой из стальных прутьев, а панель управления закрыта и запечатана. Кто-то тут либо слишком туп, либо слишком расторопен. Как бы то ни было, холод стоял жуткий. Брайон несколько раз дернул за решетку, пока она не оторвалась, и, заглянув внутрь, отсоединил один провод и закоротил его. Действие это было вознаграждено серией электрических разрядов и повалившими из злосчастного кондиционера клубами дыма. Компрессор издал рыдающий стон и отключился.

В дверях стоял изумленный Фоссель, принесший очередную стопку бумаг.

— Что у вас тут? — спросил Брайон.

Фосселю с трудом удалось восстановить спокойствие. Он подошел к столу и положил на него принесенные бумаги:

— Это отчеты по контактам с дитами, о которых вы спрашивали. Дополнения к данным, выводы, предположения и прочее.

— А другая стопка? — Брайон указал пальцем.

— Внешняя корреспонденция, запросы, — отвечая, он подравнивал стопки, — ежедневные отчеты, отчеты госпиталя...

Брайон небрежно смахнул стопку со стола в мусорную корзину.

— Другими словами, бюрократия, — заметил он. — Будем считать, что с этим разобрались.

Мало-помалу отчеты отправлялись вслед за первой пачкой туда же, покуда стол не был освобожден полностью. Ничего. Впрочем, именно этого он и ожидал.

Снаружи небо начинало темнеть. Охраннику у входа было приказано впускать каждого, кто спросит директора. Брайон больше ничего не мог сделать до тех пор, пока нийордцы на

него не выйдут. Он чувствовал растущее раздражение. Леа, по крайней мере, хотя бы делом занималась. И Брайон решил пойти пока к ней.

Он открыл дверь лаборатории с каким-то радостным нетерпением, которое мгновенно рассеялось. Ее микроскоп был зачехлен, самой Леа в лаборатории уже не было. «Она ужинает, — подумал Брайон, — или же она в больнице...» Больница находилась этажом ниже, и для начала Брайон отправился туда.

— Конечно, она здесь! — проворчал доктор Стайн. — А где еще, по-вашему, должна быть девушка в таком состоянии? Она и так сегодня слишком много работала. Завтра последний день, и если вы хотите, чтобы она поработала на вас еще, лучше бы вам дать ей поспать ночью. Да и вообще — дайте всем отдохнуть. Я сегодня весь день раздавал транквилизаторы как какой-нибудь аспирин. Тут все на части разваливаются.

— Весь мир разваливается на части. Как дела у Леа?

— После того, что она перенесла, очень хорошо. Идите и посмотрите сами, если не верите мне на слово. У меня еще и другие пациенты есть.

— Вы так беспокоитесь, доктор?

— Еще бы нет! В конце концов, я ничем не лучше других. Мы сидим на бомбе с часовым механизмом, и мне это не нравится. Конечно, я буду выполнять свою работу столько, сколько нужно, но буду рад до чрезвычайности, когда сядут корабли, на которых мы улетим отсюда. Единственная шкура, за которую я действительно испытываю сильнейшее беспокойство, это моя собственная. Хотите, открою вам секрет? Весь ваш персонал думает точно так же. А потому не ждите от них особой активности.

— Я и не жду, — ответил Брайон вслед удаляющемуся доктору.

В комнате Леа было темно, ее озарял только бледный свет луны Дита, пробивающийся через окно. Брайон вошел и тихо прикрыл за собой дверь. Неслышными шагами приблизился к кровати. Леа крепко спала. Дыхание ее было ровным и спокойным.

Ему надо было уходить, но вместо этого он сел в кресло у изголовья кровати. Охрана знала, где его искать, и он вполне мог немного подождать здесь.

Во всем этом мире, находящемся на грани гибели, он на-

конец-то нашел тихий и спокойный островок. Он был благодарен за это. Лунный свет смягчал и сглаживал все вокруг. Лицо Леа в этом свете было прекрасным и юным, кожа казалась гладкой и нежной: в этом чудовищном мире она была совершенно особенным существом, чистым и невинным. Ее рука лежала поверх одеяла, и, повинуясь внезапному импульсу, он взял ее в свои руки. Он сидел и смотрел на простиравшуюся вдали за окном пустыню, чувствуя, как его душу наполняет покой, забыв на время о том, что через сутки вся жизнь на этой планете может погибнуть.

Когда через несколько минут он снова взглянул на Леа, то увидел, что ее глаза широко раскрыты, хотя она и не шевелилась. Сколько времени она уже не спит? Он отдернул руки, внезапно почувствовав себя виноватым.

— Что, начальник присматривает за своими подчиненными, чтобы выяснить, способны ли они будут работать к утру? — спросила она. Она так часто говорила что-то подобное, что сейчас это замечание не звучало так жестко, как прежде. И она улыбалась. Однако же это напомнило Брайону ее колкие замечания о деревенщине с дальних планет. Здесь, может, он и директор, но на Земле он оказался бы всего-навсего неотесанным парнем, здоровенным простаком.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, сознавая, насколько банально звучит эта фраза, и ненавидя себя за это.

— Ужасно. К утру как раз умру. Достань мне яблоко из вазы, ладно? Во рту пересохло, язык как подметка. Интересно, откуда здесь берутся свежие фрукты? Может, это подарок рабочему классу от этих улыбающихся планетарных убийц с Нийорда?

Она тут же откусила кусочек и спросила:

— Ты никогда не хотел слетать на Землю?

— Никогда, — ответил он. — Несколько месяцев назад я не думал даже о том, чтобы покинуть Анвхар. У нас Двадцатые — такая серьезная штука, что, пока принимаешь в них участие, всего остального словно бы и не существует.

— Оставь в покое Двадцатые, — взмолилась Леа. — Я уже наслушалась ваших с Айхьелем разговоров на всю оставшуюся жизнь и знаю о них больше, чем хотела бы. Лучше расскажи про сам Анвхар. У вас есть города-государства, как на Земле?

— Ничего подобного нет. Для своих размеров у Анвхара

очень небольшое население. Больших городов у нас нет совсем.

— А экзобиологи у вас есть? — поинтересовалась Леа. Как и все женщины, она легко переводила любой разговор на себя.

— Думаю, в университетах есть, хотя точно не скажу. И пойми, что, когда я говорю, что у нас нет больших городов, я имею в виду, что и маленьких городов у нас тоже нет. У нас вообще общество организовано по-другому. Основной его ячейкой является семья. Друзья тоже очень важны, поскольку дети рано начинают жить отдельно. Думаю, тут дело в генах: всем нам нравится одиночество. Наверно, это можно назвать благоприобретенной чертой, необходимой для выживания.

— До какого-то предела, — ответила она, деликатно откусывая кусочек яблока. — Если зайти с этим слишком далеко, можно остаться вообще без населения. Нужна все-таки какая-то близость, для продолжения жизни.

— Разумеется. Люди встречаются, как правило, случайно, а потом уже между ними возникает близость...

— Ты что-то не то говоришь, — перебила его Леа. — Либо у меня из-за этих лекарств в голове туман, либо ты слишком путано объясняешь. Во имя Оккама, говори яснее! Возьми, для примера, двух конкретных людей и расскажи мне, что и как происходит.

Брайон глубоко вздохнул. Он был в совершеннейшей растерянности.

— Ну... возьмем, допустим, холостяка — такого, как я. Я жил в доме, принадлежащем нашей семье, в предгорьях Изломанных гор. Летом я присматривал за стадом, но потом, зимой, занимался, чем хотел. Я катался на лыжах и тренировался, готовясь к Двадцатым. Временами я ходил в гости. А иногда ко мне заглядывали люди — дома на Анвхаре находятся далеко друг от друга. У нас даже двери не запираются. Гостеприимство — это закон для всех; принимать в своем доме положено любого. Кто бы ни пришел. Мужчин... женщин... одних или целые компании...

— Кажется, я поняла. На вашей планете-айсберге одинокой девушке было бы тяжело. Ей пришлось бы подолгу бывать одной.

— Только если она сама того захочет. В противном случае она вольна идти куда хочет, и везде ее примут, как велит

закон. Полагаю, это немодно в остальной части Галактики, а на Земле над этим просто посмеялись бы, но платоническая дружба между мужчиной и женщиной на Анвхаре — обычная вещь.

— Звучит невообразимо тоскливо. Но если это так, то откуда же у вас берутся дети?

Брайон почувствовал, что его уши краснеют. Он не знал, поддразнивает ли она его или говорит серьезно.

— Оттуда же, черт побери, откуда и везде! Но люди — не кролики, которые просто встречаются под каким-нибудь кустом. Женщина делает выбор; ее дело — дать понять — заинтересована ли она в замужестве.

— А что, ваши женщины интересуются только замужеством?

— Замужеством или... чем-то другим. Все зависит от самой девушки. У нас на Анвхаре есть особая проблема — возможно, это происходит на каждой планете, где человеческой расе приходится адаптироваться к местным условиям. Не все союзы плодовиты, а процент выкидышей очень велик. В этом нет ничего страшного, но большинство женщин хотят иметь детей именно от своего мужа. И есть только один способ выяснить, возможно ли это.

Глаза Леа расширились.

— Ты что, хочешь сказать, что ваши девушки выясняют, можно ли зачать от мужчины, *до того*, как решают выйти за него?

— Разумеется. Иначе народ Анвхара вымер бы уже несколько сот лет назад. А потому выбирает женщина. Если мужчина ее интересует, она так и говорит. Если же нет, мужчина никогда и не подумает о том, чтобы что-то ей предложить. Конечно, это сильно отличается от обычаев других планет, но такова жизнь на Анвхаре. Для нас это идеально работающая система — что, в конце концов, важнее всего.

— А на Земле все как раз наоборот, — сообщила ему Леа, бросая яблочный огрызок назад в блюдо и тщательно облизывая кончики пальцев. — Полагаю, вы, анвхарцы, описали бы Землю как планету безудержного секса. Мы — полная противоположность вашей системе. У нас слишком много людей для того, чтобы мы чувствовали себя уютно. Контроль над рождаемостью был введен довольно поздно — да и сейчас не все с ним согласны. Не знаю, можешь ли ты себе представить такое. Мир перенаселен. Мужчины, женщины, дети —

везде, куда ни посмотришь, огромные толпы. И все, достигшие зрелости, играют в Великую Игру Любви. Мужчины всегда напористы, а женщины принимают как должное самую чудовищную лесть. На любой вечеринке всегда пара парней дышит тебе в затылок, и мысль у них только одна... В общем, девушка должна держать ушки на макушке.

— Она должна... *что*?

— Это образное выражение, Брайон. Имеется в виду, что нужно все время быть настороже, иначе тебя попросту унесет течением.

— Все это звучит довольно... — Брайон некоторое время взвешивал слово, но ничего лучшего не нашел, — отталкивающе.

— С твоей точки зрения, должно быть, так и есть. Боюсь, мы так привыкли к этому, что воспринимаем все как само собой разумеющееся. Говоря с точки зрения социологии...

Она внезапно остановилась и посмотрела на Брайона. Глаза Леа расширились, рот приоткрылся в безмолвном изумлении: она поняла.

— Я просто дура, — сказала она наконец. — Ты вовсе не говорил о женщинах в целом! Ты имел в виду нечто совершенно конкретное. Ты говорил *обо мне!*

— Пожалуйста, Леа, ты должна понять...

— Да я и понимаю! — она рассмеялась. — Все это время я думала, что ты просто дубина бесчувственная с ледышкой вместо сердца, а на самом деле ты ждал от меня знака в лучшем старомодном анвхарском стиле! Мы бы так и играли по разным правилам, но ты оказался умнее меня и понял в конце концов, что мы должны как-то договориться, найти точку соприкосновения. А я думала, что ты просто законченный старый холостяк...

Она протянула руку, ее пальцы запутались в его волосах: она так давно хотела это сделать.

— Я был вынужден так себя вести, — сказал он, пытаясь не обращать внимания на легкое прикосновение ее руки. — Я о тебе такого высокого мнения, что и помыслить не мог о том, чтобы сделать что-то, что... ну, что могло тебя оскорбить. Заставить тебя обратить на меня внимание, например. Пока я не начал задумываться о том, что могу оскорбить тебя своим равнодушием — я ведь ничего не знал о морали твоей планеты...

— Что ж, теперь ты знаешь, — очень тихо и мягко проговорила она. — У нас мужчины агрессивны и напористы. Теперь, когда я понимаю, в чем дело, мне кажется, что ваши обычаи лучше наших, хотя я еще не во всем разобралась. Так вот, Брайон, ты мне очень нравишься. Ты более мужчина, чем все, кого я когда-либо встречала, — такой огромный, широкоплечий, сильный... Конечно, сейчас не вполне то место и время, чтобы говорить о браке, но мне очень хотелось бы...

Он обнял ее и притянул к себе; она обвила руками его шею. Их губы встретились.

— Осторожнее... — прошептала она. — Ожоги еще не зажили...

Глава 13

— Он не захотел войти, сэр. Просто постучал в дверь и сказал: «Я здесь, сообщите Брандту».

— Ладно, хорошо, — сказал Брайон, запихивая револьвер в кобуру и засовывая в карман запасную обойму. — Я сейчас уйду, но должен вернуться до рассвета. Привезите сюда каталку из госпиталя: когда я вернусь, мне нужно, чтобы она уже была здесь.

Снаружи оказалось темнее, чем он думал. Брайон нахмурился, его рука потянулась к рукояти револьвера. Кто-то выключил весь свет у входа в здание Фонда. Впрочем, света звезд было вполне достаточно, чтобы различить неподалеку темный силуэт вездехода.

— Брайон Брандт? — поинтересовался резкий властный голос. — Залезайте.

Едва Брайон влез в машину, мотор взревел, и вездеход с потушенными фарами рванулся с места. Водитель вел машину ощупью, поскольку в кабине свет тоже не горел. Когда они добрались до вершины холма, водитель заглушил двигатель. С тех самых пор, как Брайон сел в кабину, они оба не обменялись ни единым словом.

Щелкнул переключатель, и на приборной доске зажглись огоньки, в свете которых Брайон сумел разглядеть ястребиный профиль водителя. Когда тот пошевелился, Брайон заметил и то, что он очень мал ростом — то ли несчастный случай, то ли какой-то мутировавший ген был тому причиной, но его спина была странно искривлена, словно он так и ходил, вечно согнувшись и подавшись вперед. Брайон еще

никогда не встречал такого калеку. Это могло объяснить ту боль, которая слышалась в голосе незнакомца.

— Ну что, нийордские умники сподобились сообщить вам, что они урезали срок еще на день? — спросил незнакомец. — Что этому миру приходит конец?

— Да, — ответил Брайон. — Вот почему я прошу помощи у вашей группы. Времени слишком мало.

Незнакомец не ответил — только хмыкнул и, казалось, полностью погрузился в изучение светящегося экрана, проверяя, нет ли за ними слежки.

— Куда мы направляемся? — спросил Брайон.

— В пустыню, — водитель махнул рукой в неопределенном направлении. — В штаб армии. Поскольку завтра вся планета взлетит на воздух, полагаю, я могу вам сказать, что у нас только один лагерь. Там вся наша техника, люди и оружие. Там Хис. Это человек, который нами руководит. Завтра здесь ничего не останется — как и этой проклятой планеты. Какое у вас к нам дело?

— Об этом я буду говорить только с Хисом.

— Как угодно.

Удовлетворившись результатами поиска, водитель снова завел двигатель, и вездеход помчался вперед.

— Мы — армия добровольцев, и у нас нет секретов друг от друга. Только от тех дураков там, дома, которые собираются уничтожить этот мир, — в его словах прозвучала горечь, которую он даже и не пытался скрыть. — Они боролись между собой и откладывали решение так долго, что теперь им остается только совершить убийство.

— По всему, что я слышал, мне казалось, что все наоборот. Вас называют нийордской армией террористов.

— Мы и есть террористы. Потому что мы — армия, и мы ведем войну. Идеалисты на Нийорде поняли это, когда уже было слишком поздно. Если бы они поддержали нас в самом начале, мы взорвали бы все черные замки на Дите, мы искали бы, пока не нашли эти бомбы. Но допустить насилие они не могли. Они не стали даже думать об этом. А теперь они убьют всех и уничтожат все.

Водитель включил подсветку панели ровно настолько, сколько нужно было, чтобы свериться с компасом, и Брайон увидел, что его поза выражает безнадежность.

— Еще ничего не кончено, — сказал Брайон. — Осталось

больше суток, и мне кажется, что я нащупал кое-что, что может остановить войну — не сбрасывая никаких бомб.

— Вы — глава Фонда Культурных Доставок Бесплатного Хлеба и Одеял, верно? Какую пользу вы все сможете принести, когда начнется стрельба?

— Никакой. Но, может быть, мы сумеем отложить стрельбу — или избежать ее. Если вы пытаетесь оскорбить меня, не трудитесь. Меня очень тяжело вывести из себя.

Водитель только хмыкнул и немного замедлил бег вездехода, когда они въехали на плато, покрытое обломками камней.

— Чего вы хотите? — спросил он.

— Мы хотим детально исследовать одного из магтов. Живого или мертвого, все равно. У вас ничего такого не найдется?

— Нет. Мы с ними достаточно часто сражались, но всегда на их территории. И они, и мы несли потери. В любом случае, какая вам с этого польза? Мертвец не расскажет вам, где бомбы или гиперпространственная установка.

— Не считаю нужным это объяснять, раз вы не командир. А может быть, Хис — это вы? — спросил он.

Водитель раздраженно воскликнул и надолго умолк. Наконец спросил:

— Что заставляет вас так думать?

— Назовем это предчувствием. Во-первых, вы не слишком похожи на водителя вездехода. Разумеется, может, ваша армия и состоит только из генералов, но я в этом сомневаюсь. Я также знаю, что для всех нас время почти на исходе. Поездка долгая, и если бы вы просто сидели в пустыне и ждали меня, это было бы пустой тратой драгоценного времени. А если бы вы сами поехали за мной, это дало бы вам возможность решить все еще до прибытия в лагерь. Решить, станете вы мне помогать или нет. Так вы?..

— Да, я — Хис. Но вы тем не менее не ответили на мой вопрос. Зачем вам это тело?

— Мы собираемся препарировать его и хорошенько рассмотреть. Я не думаю, что магты — люди. Они — нечто, живущее среди людей и маскирующееся под людей. Но не люди.

— Скрытые инопланетяне? — Хис произнес эти слова с удивлением и отвращением.

— Возможно. Только вскрытие может дать ответ на этот вопрос.

— Либо вы глупы, либо некомпетентны, — с горечью проговорил Хис. — Должно быть, от дитской жары у вас все мозги спеклись. Я не собираюсь участвовать в этой бредовой авантюре.

— Но вы должны, — возразил Брайон, удивляясь собственному спокойствию. Он чувствовал скрытый интерес этого человека, продолжавшего говорить в прежней оскорбительной манере. — Мне даже не нужно приводить причин. Завтра этот мир погибнет, и не в ваших силах этому помешать. Возможно, моя идея сработает, и вы не можете пренебречь даже минимальным шансом, если говорили сейчас искренне. Или вы — убийца, уничтожающий дитов ради собственного удовольствия, или искренне хотите остановить войну. Ну так что?

— Ладно, вы получите тело, — раздраженно проговорил Хис, резко развернув машину, чтобы обогнуть скалу. — Не то чтобы я верил, что это поможет, но не вижу ничего плохого в том, чтобы убить еще одного магта. Ваша операция впишется в наши планы без проблем. Это последняя ночь, и я отправил все свои группы в рейды. До утра мы прорвемся во все башни магтов, в какие только сможем. Есть шанс, хотя и очень небольшой, что мы что-нибудь раскопаем. Это очень похоже на стрельбу вслепую, но ничего лучше мы сейчас сделать не можем. Мой собственный отряд ждет, и вы можете поехать с нами. Остальные отправились несколько раньше. Мы собираемся напасть на небольшую башню здесь, неподалеку от города. Однажды мы там уже побывали и забрали множество оружия — у них там был арсенал. Есть шанс, что они достаточно глупы, чтобы снова устроить склад там же. Временами кажется, что у магтов вовсе нет мозгов.

— Вы даже не представляете себе, насколько вы правы, — сказал ему Брайон.

Вездеход замедлил движение — они приближались к еще одному небольшому плато, возвышавшемуся над песками пустыни. На камнях вездеход не оставлял следов. На приборной доске мигнул свет. Хис остановил машину и заглушил двигатель. Они выбрались наружу, зябко поеживаясь от ночного холода.

Под сенью скалы царил мрак, и им приходилось на ощупь пробираться меж валунов. Внезапная вспышка света заставила Брайона зажмуриться и прикрыть глаза рукой. Рядом с ним, прямо на земле, помещался тихо гудящий сетчатый излучатель, чья вибрационная «веерная» защита поглощала любое излучение, что создавало светонепроницаемую завесу над впадиной у подножия утеса. Под этим прикрытием, дополнявшимся скальным выступом, стояло три открытых вездехода — больших, бронированных и весьма угрожающе выглядевших. Возле вездеходов, развалившись, сидели люди, которые переговаривались и чистили оружие, но с появлением Хиса и Брайона все разговоры мгновенно смолкли.

— По машинам, — скомандовал Хис. — Будем атаковать по ранее согласованному плану. Телта сюда.

Когда он говорил со своими людьми, голос его немного смягчался. Высокорослые воины Нийорда с готовностью повиновались своему командиру. Многие из них были вдвое выше его, но по его приказу почти мгновенно попрыгали в машины. Они были телом ударного войска Нийорда, а он был его мозгом.

К Хису подкатил широкоплечий плотный человек и небрежно отсалютовал ему. Казалось: он весь с ног до головы увешан какой-то электронной аппаратурой, карманы его оттопыривались от набитых в них инструментов и деталей.

— Это Телт, — представил Хис Брайону подошедшего человека. — Он о вас позаботится. Телт — мой технический эксперт. Он занимается измерениями и проверкой того, что находится в дитских крепостях. Пока что он не нашел никаких следов гиперпространственной установки или радиоактивного излучения, указывающего на местонахождение бомб. Поскольку и он, и вы равно бесполезны, можете объединиться. Воспользуйтесь машиной, в которой мы приехали.

Широкое лицо Телта расплылось в лягушачьей ухмылке:

— Подождите-подождите. Когда-нибудь огонечки замигают, и всем нашим бедам придет конец. Что я должен делать с этим чужаком?

— Обеспечить ему труп — добыть одного из магтов, — ответил Хис. — Доставь труп туда, куда он скажет, а потом вернись сюда.

Хис сдвинул брови и сурово посмотрел на Телта:

— Огоньки когда-нибудь замигают! Несчастный глупец — сегодня наш последний день.

Он развернулся и махнул рукой своим солдатам.

— Я ему нравлюсь, — заметил Телт, навешивая на себя последний прибор. — Иначе бы он меня так не обзывал. Он великий человек, этот Хис. Передай мне счетчик, ага?

Брайон последовал за техником к машине и помог ему погрузить в нее оборудование. Когда из мрака вынырнули большие вездеходы, Телт развернулся и пристроился им в хвост. Они колонной помчались по каменистой местности между скал, пока не выехали в песчаную пустыню. Здесь развернулись в цепь и направились к цели.

Телт что-то хрипло гудел себе под нос. Внезапно он умолк и посмотрел на Брайона:

— А на что тебе нужен мертвый дит?

— Теория, — вяло ответил Брайон. Он подремывал в своем кресле, решив воспользоваться возможностью отдохнуть перед атакой. — Я по-прежнему ищу способ предотвратить гибель Дита.

— Ты и Хис, — с удовлетворением проговорил Телт. — Парочка идеалистов. Пытаетесь остановить войну, которую не вы начали. Они не слушали Хиса. Он сказал им в самом начале, что случится, и он оказался прав. Они всегда думали, что его идеи такие же уродливые, как и он сам. Он называл себя «специалистом по войне». Ха! Военный специалист на Нийорде нужен так же, как специалист по производству льда в аду. Но он действительно лучше всех разбирается в военном деле. Вместо этого во главе армии поставили дедушку Краффта.

— Но ведь теперь Хис руководит армией?

— Тут все добровольцы, но нас слишком мало и у нас слишком мало денег. Всего слишком мало — и слишком поздно, черт побери, чтобы мы могли принести реальную пользу! Я тебе так скажу: мы старались изо всех сил, из шкуры вон лезли. И за все это нас теперь называют палачами и мясниками, — в голосе Телта звучали эмоции, которые он не в силах был подавить. — Они там, дома, считают, что нам нравится убивать. Думают, что мы сумасшедшие. Не могут понять, что мы делаем единственное, что делать действительно нужно...

Он умолк, внезапно дал по тормозам и заглушил мотор. Строй вездеходов остановился. Впереди над дюнами виднелась верхушка черной башни.

— Отсюда пойдем пешком, — сказал Телт, поднимаясь и потягиваясь. — Мы можем немного подождать, поскольку остальные парни пойдут вперед и обработают там все, как надо. Потом мы пойдем внутрь, проверим радиацию и найдем тебе какой-нибудь симпатичный трупешник.

Сперва они шли, потом, когда дюны больше не могли их скрыть, поползли по-пластунски и так добрались до обители магтов. Перед ними двигались темные фигуры, остановившиеся только тогда, когда достигли стен. Они явно решили подняться прямо по валу.

— Удочки забрасывают, — шепотом пояснил Телт. — Они там закрепятся — забросят наверх веревки с помощью реактивных снарядов, смазанных чем-то вроде быстро схватывающегося клея. Потом поднимутся по этим веревкам с помощью специального механизма. Хис его изобрел.

— И мы с тобой тоже так войдем? — спросил Брайон.

— Нет, мы никуда лезть не будем. Я не говорил тебе, что мы здесь уже один раз были? Я знаю, что там и как внутри. — Во время разговора они осторожно продвигались вперед, обходя башню по периметру. — Это где-то здесь...

Громкий пронзительный свист разорвал воздух, и верхушка обители магтов вспыхнула огнем. Позади них застрочили автоматы. Что-то безмолвно свалилось сверху и тяжело ударилось о землю.

— Началась атака! — крикнул Телт. — Теперь нам нужно прорваться — пока все эти ящеры дерутся там наверху.

Он вытащил из мешка какой-то предмет, напоминающий формой тарелку, и припечатал его к стене, где штуковина и прилипла незамедлительно. Телт повернул верхнюю часть «тарелки», что-то включил и жестом показал Брайону — ложись!

— Направленный заряд. Должен просто проделать дыру в стене — но никто не знает, что может произойти на самом деле.

Земля под ногами дрогнула, раздался звук, похожий на удар гигантского кулака в стену. Когда облако пыли и дыма рассеялось, перед ними оказалась зияющая дыра в каменной стене, пробитая силой направленного взрыва. Телт направил луч фонарика в образовавшийся туннель, осветив часть находившегося внутри зала.

— Если кто прислонялся к этой стене, о нем нам можно уже не тревожиться. Однако ж нужно слазить в этот муравейник и выбраться назад прежде, чем сюда спустятся те, что наверху.

Пол был завален обломками, поэтому, пробираясь внутрь, они то и дело спотыкались. Телт освещал дорогу фонариком.

— Подземные залы в скалах. Они всегда устраивают здесь склады...

Из глубины туннеля вырвался дымящийся черный шар и упал им под ноги. Телт только рот разинул от неожиданности, но Брайон уже прыгнул вперед, подцепил шар носком ботинка и пинком отправил его назад в туннель. Телт рухнул на пол рядом с Брайоном в тот самый миг, когда в туннеле вспыхнуло оранжевое пламя взрыва. Осколки градом ударили в стены и потолок.

— Гранаты! — задыхаясь, проговорил Телт. — Они только один раз использовали их раньше — их должно быть немного. Надо предупредить Хиса.

Он включил микрофон переговорного устройства, висевшего у него на спине, и быстро заговорил в него. Внизу что-то зашевелилось, и Брайон выпустил в туннель длинную очередь.

— Им там на крыше тоже достается! Надо убираться отсюда. Иди вперед, я прикрою.

— Я пришел за моим магтом — и не уйду, пока не добуду его.

— Ты псих! Если останешься здесь — считай, покойник!

Телт уже пробирался назад к пролому в стене, когда Брайон выстрелил. Магты появились в зале бесшумно, словно тени смерти. Они бежали молча, бежали прямо на пули, и на их лицах не было ни страха, ни решимости — ничего. Двое умерли мгновенно, третий — раненый, рухнул на пол у ног Брайона. Оставляя за собой алый след, он пополз к Брандту, поднимая нож. Брайон не шелохнулся. Сколько раз можно убивать человека? Да и человек ли это? Разум и тело Брайона противились этому новому убийству, он уже почти готов был сам принять смерть — только бы не убивать снова.

Пули Телта прошили магта, и он наконец застыл в мертвой неподвижности.

— Вот тебе твой покойничек, а теперь бежим отсюда! — хрипло проорал Телт.

Они потащили через дыру мертвого магта, каждый миг ожидая, что смерть ударит им в спину. Однако ж очередного нападения не последовало — только пока они бежали от башни, позади взорвалась граната, да и то слишком далеко, чтобы причинить какой-либо вред.

Один из тяжеловооруженных вездеходов кружил вокруг обители с горящими фарами, непрестанно поливая башню

магтов огнем из тяжелых орудий. Отступающие на ходу прыгали в машину. Телт и Брайон, тащившие за собой труп, с трудом пробирались к машине по сыпучему песку. Телт оглянулся через плечо и перешел на спотыкающийся бег.

— Они нас преследуют! — прохрипел он. — В первый раз они преследуют нас после нападения!

— Наверно, знают, что у нас тело, — ответил Брайон.

— Оставь его... — Телт задыхался. — Все равно... слишком тяжело нести!

— Я лучше тебя оставлю, — резко ответил Брайон. — А ну давай сюда.

Он подхватил тело, закинул на плечо — Телт и не пытался помогать или сопротивляться.

— А теперь прикрывай нас огнем!

Телт не заставил повторять приказ дважды и обрушил град выстрелов на преследующие их черные фигуры. Должно быть, водитель вездехода заметил вспышки выстрелов, потому что развернул машину и направил ее к ним. Вездеход затормозил, взметнув облако пыли, из него потянулись руки, подхватившие Телта и Брайона и потащившие их внутрь. Прежде чем влезть в машину, Брайон перебросил через борт тело магта, взревел мотор, и вездеход помчался во мрак — прочь от черной башни.

— Знаешь, когда я говорил насчет того, чтобы бросить там труп, я типа того... пошутил, — сообщил Телт Брайону. — Ты же ведь мне не поверил, верно?

— Нет, — ответил Брайон, запихивая тело магта к самому борту. — Я подумал, что ты говоришь всерьез.

— Ах-х, — огорченно вздохнул Телт, — ты прямо как Хис. Ты слишком всерьез все воспринимаешь.

Брайон внезапно понял, что его одежда мокра насквозь от крови. При этой мысли его чуть не вывернуло наизнанку, и, чтобы прийти в себя, ему пришлось вцепиться в борт машины. Легко абстрактно рассуждать о том, как добыть труп, но убить человека, тащить его тело, чувствовать, как по тебе течет его теплая кровь, — это совершенно другое. Но магты — не люди, Брайон знал это.

Впрочем, эта мысль его не слишком-то утешала.

После того как они присоединились к остальным вездеходам, ожидавшим их в отдалении, их отряд разделился.

— Каждый отправится в свою сторону, — пояснил Телт, —

чтобы эти твари не могли по следам добраться до нашей базы.

Он прикрепил рядом с компасом листок бумаги и завел мотор.

— Мы опишем в пустыне что-то вроде буквы U и направимся в Ховедстад. У меня тут курс записан. Там я выгружу тебя вместе с грузом и отправлюсь назад в лагерь. Ты на меня до сих пор сердишься за то, что я сказал, а? Нет ведь?

Брайон не ответил. Он пристально вглядывался во мрак.

— В чем дело? — спросил Телт.

— Вон там, — сказал Брайон, указывая на зарево над горизонтом.

— Заря, — пояснил Телт. — У тебя что, на планете дождь все время льет? Ты что, никогда раньше не видел восхода?

— Видел. Но этот последний...

— Помолчи лучше, — проворчал Телт. — У меня от твоих слов мурашки по спине бегут. Я знаю, что их собираются взорвать. Но, по крайней мере, делал все, чтобы избежать этого. Как, ты думаешь, они будут себя чувствовать там, на Нийорде, с завтрашнего дня?

— Может быть, нам еще удастся это предотвратить, — возразил Брайон, пытаясь избавиться от мрачного предчувствия. Единственным ответом Телта было нечленораздельное ругательство.

К тому времени, как они закончили вычерчивать громадную петлю в пустыне, солнце уже взошло. Становилось жарко. Они проехали через цепь низких пологих холмов, предельно снизив скорость. Телт потел и ругался, сражаясь с управлением. Затем они снова выбрались с сыпучей щебенки на песок и, набирая скорость, направились в город.

Как только Брайон увидел Ховедстад, его сердце сжалось от страха. Оттуда поднимался столб черного густого дыма. Если это горело одно из заброшенных зданий, тогда в этом не было ничего страшного, но чем ближе они подъезжали к городу, тем сильнее охватывало Брайона тревожное чувство. Он не смел выразить его словами, но невысказанную мысль выразил вслух Телт:

— Что-то там горит. И в твоем районе — близко от здания вашего Фонда.

Внутри города они заметили первые признаки разрушений. Улицы были завалены обломками, в ноздри бил едкий запах гари. На улицах появлялось все больше и больше

людей — и все они направлялись туда же, куда и Брайон с Телтом. Обычно пустынные улицы Ховедстада теперь заполняли толпы людей — по крайней мере, по меркам Дита это было именно так. По большей части это были диты — их можно было узнать по одежде и обнаженным плечам, но попадались и инопланетники — те, кто еще не успел улететь.

Брайон тщательно обернул труп магта брезентом еще прежде, чем они успели медленно въехать в толпу.

— Не нравится мне все это, — пожаловался Телт, разглядывая людей. — Если бы это не был последний день, я просто развернулся бы да и двинул отсюда. Они знают наши машины — мы достаточно часто на них нападали.

Завернув за угол, он внезапно резко затормозил и замер, разинув рот.

Впереди были развалины. Руины и обломки, покрытые черной гарью, еще дымились, по ним пробегали язычки пламени. В тот самый момент, когда вездеход остановился, с грохотом рухнул кусок уцелевшей стены.

— Это твое здание — это здание Фонда! — вскрикнул Телт. — Они нас опередили и просто взорвали тут все.

Надежда умерла. В лежавших впереди развалинах были погребены тела людей, кто верил в него и доверял ему. Леа... прекрасная, удивительная Леа была мертва. Доктор Стайн, его пациенты, Фоссель — все они. Он заставил их остаться на этой планете, и теперь все они были мертвы. Все. До одного. Мертвы.

Глава 14

Жизнь кончилась. Брайон не ощущал сейчас ничего, кроме отчаяния и боли невосполнимой утраты. Если бы его тело было полностью во власти разума и чувств, он умер бы на месте, потому что в этот миг вся воля к жизни оставила его. Но сердце ритмично билось, а легкие вдыхали воздух, напоенный страшным сладковато-удушливым запахом. Его тело продолжало жить по инерции.

— И что ты будешь делать? — спросил Телт, которого страшное зрелище лишило присущей ему жизнерадостности.

Брайон только головой покачал, с трудом осознавая смысл обращенных к нему слов. Что он может сделать? Что тут вообще можно сделать?..

— Следуйте за мной, — проговорил голос, гортанно выго-

варивающий звуки дитского языка. Прежде чем они оба успели обернуться, говоривший скрылся в толпе, но Брайон узнал его. Это был Улв.

— Разверни машину — вон туда! — Брайон коснулся руки Телта и указал направление. — Только медленно, не привлекая к нам внимания.

На мгновение в его душе возродилась надежда.

— Что происходит? — спросил Телт. — Кто был этот тип, который с нами говорил?

— Местный — вон он там, впереди. Он спас мне жизнь в пустыне, и мне кажется, что он на нашей стороне. В отличие от магтов, он прекрасно понимает, что произойдет с планетой.

Брайон говорил и говорил, пытаясь чем-то заполнить пустоту, царившую в его душе.

Улв шел по улице медленно и спокойно, ни разу не обернувшись. Они следовали за ним на расстоянии, стараясь только не потерять его из виду. Здесь, среди заброшенных домов инопланетников, людей было мало. Улв исчез в одном из зданий с табличкой «LIGHT METAL TRUST LTD». Телт сбавил скорость.

— Не останавливайся здесь, — посоветовал Брайон. — Заверни за угол и там тормозни.

Брайон выбрался из машины и огляделся по сторонам. Вокруг никого не было. Медленно дойдя до угла, он оглядел улицу, по которой они только что проехали. Жаркую, безмолвную. Пустую.

Внезапно открылись ворота склада, и кто-то помахал Брайону рукой. Брайон знаком попросил Телта подъехать ближе и на ходу прыгнул в машину.

— Вон в те ворота — и быстро, пока нас никто не видел!

Машина перевалила через порог и заехала внутрь здания; дверь за ней бесшумно закрылась.

— Улв! В чем дело? Где ты? — крикнул Брайон; его глаза еще не привыкли к полумраку, и он почти ничего не видел. Перед ним возник серый силуэт.

— Я здесь.

— Ты тоже... — Брайон не знал, как окончить фразу.

— Я слышал о нападении. Магты собрали всех нас, чтобы мы помогли им нести взрывчатку. Я пошел вместе со всеми. Я не мог остановить их, а времени на то, чтобы предупредить кого-нибудь в здании, не было.

— Значит, все они мертвы?

— Да, — кивнул Улв. — Все, кроме одного. Я забрал оттуда женщину, с которой ты был в пустыне, — она теперь здесь. Она была легко ранена, когда я выносил ее оттуда.

Чувство облегчения захлестнуло Брайона, смешиваясь с чувством вины. Он не должен был радоваться — ведь все остальные люди, работавшие в Фонде, мертвы. Но в этот миг он был просто счастлив.

— Можно мне ее увидеть? — спросил он Улва. Его охватил внезапный страх. Он боялся, что произошла ошибка, что Улв спас какую-то другую женщину.

Улв провел его через зал. Брайон следовал за ним по пятам, с трудом подавляя искушение поторопить дита. Когда он увидел, что Улв направляется к кабинету, находившемуся в конце зала, он больше не мог сдерживаться и опрометью бросился вперед.

Это действительно была Леа. Она лежала на кушетке без сознания. Лицо ее было влажным от пота, она вздрагивала и стонала, не открывая глаз.

— Я ей дал *совер*, а потом завернул в покрывало, чтобы никто не узнал, — сказал Улв.

Телт уже стоял за ними, заглядывая в двери.

— *Совер* — это наркотик, который они извлекают из одного местного растения, — пояснил он. — Мы часто с ним сталкивались. В небольших количествах он просто заставляет человека отключиться, а в больших — это яд. У меня в машине антидот. Погоди, я сейчас за ним схожу.

С этими словами Телт исчез.

Брайон присел подле Леа и бережно отер ее лицо от грязи и пота. Полукружья под ее глазами казались сейчас черными, тонкое лицо — почти прозрачным, но она была жива, и это было самое главное.

Брайону стало немного лучше, он снова обрел способность мыслить. Оставалась еще работа, которую нужно было сделать. Конечно, после этого, последнего испытания Леа надо бы отлежаться на больничной койке. Но это невозможно. Ему придется силком поставить ее на ноги и заставить работать. Необходимо найти ответ на вопрос о происхождении магтов. С каждой секундой жизнь планеты утекает по капле, как кровь.

— А вот и я, — заявил Телт, с грохотом ставя на пол небольшой, но тяжелый саквояж-аптечку. Он проводил Улва

пристальным взглядом и, когда тот вышел из комнаты, обратился к Брайону: — Хис должен узнать об этом перебежчике. Он может быть полезен как шпион, хотя, конечно, сейчас уже поздно что-либо делать, так что ну это все к чертям.

Он вытащил шприц для подкожных инъекций, по форме напоминающий пистолет, и набрал кодовый номер.

— А теперь — если ты закатаешь ей рукав, я верну ее к жизни.

Телт прижал «дуло» шприца к коже девушки и нажал на «курок». Шприц издал короткий тихий гудящий звук, потом щелкнул и затих.

— Это быстро действует? — спросил Брайон.

— Не тревожь ее несколько минут, и она придет в себя.

В дверях появился Улв.

— Убийца! — прошипел он. В руке он держал духовую трубку и был явно готов выстрелить.

— Он был в машине и видел тело! — закричал Телт и схватился за револьвер.

Брайон одним прыжком оказался между дитом и нийордцем и вскинул руки.

— Остановитесь! Хватит убийств! — крикнул он по-дитски, потом погрозил кулаком Телту. — Только попробуй выстрелить, и я тебе этот пистолет в глотку затолкаю! Я могу, ты знаешь.

Он повернулся к Улву, который замер, не делая попыток поднести трубку к губам. Это был хороший знак — дит все еще сомневался.

— Ты видел тело в машине, Улв. Значит, ты видел и то, что это тело магта. Я убил его сам и готов убить еще хоть сотню магтов, лишь бы спасти планету. Я убил его в честном бою, а теперь хочу изучить его тело. В магтах есть что-то странное, чужое, враждебное — ты и сам это знаешь. Если я смогу выяснить, что это, возможно, мы сумеем заставить их прекратить войну и спасти Дит.

Улв все еще был в гневе, но трубку опустил.

— Хотел бы я, чтобы никаких инопланетников вообще не было! — выкрикнул он. — Хотел бы я, чтобы никто из вас никогда не прилетал сюда. Все шло хорошо, пока вы не появились здесь. Магты были самыми сильными, и они убивали, но они и помогали тоже. Теперь они хотят сражаться с вами, и за это вы хотите уничтожить мой мир. И ты хочешь, чтобы я помог тебе!

— Не мне — себе самому! Вам всем, — устало проговорил Брайон. — Пути назад нет, это единственное, что мы можем сделать. Может, Диту и было бы лучше без инопланетников. А может, и нет. В любом случае об этом сейчас придется забыть. Теперь к добру или к худу, но вы общаетесь с остальной Галактикой. У вас есть проблема, которую нужно разрешить, — и я здесь, чтобы помочь в этом.

Шли секунды — Улв стоял неподвижно, пытаясь разобраться в вопросах, которые задавал себе впервые в жизни. Может ли убийство остановить смерть? Может ли он помочь своим, помогая чужакам сражаться с ними и убивать их? Его мир изменился, и ему это не нравилось. Ему приходилось прилагать громадные усилия, чтобы измениться вместе с миром.

Он коротким резким жестом засунул духовую трубку в петлю на поясе и вышел.

— Для моих нервов это слишком, — заявил Телт, засовывая револьвер в кобуру. — Ты представить себе не можешь, как я буду счастлив, когда весь этот чертов бардак закончится. Даже если планета взорвется, мне будет плевать. Кончился я, хватит с меня.

Он пошел к вездеходу, с опаской поглядывая на прислонившегося к стене дита.

Брайон снова обернулся к Леа. Она лежала с широко раскрытыми глазами и смотрела в потолок. Он подошел к ней.

— Бежали, — проговорила она бесцветным ровным голосом, который говорил Брайону больше, чем любое проявление эмоций. — Они пробежали мимо открытой двери моей комнаты, и я видела, как они убили доктора Стайна. Зарезали его, как животное. Потом один зашел в мою комнату, и больше я ничего не помню, — она медленно повернула голову и посмотрела на Брайона. — Что произошло? Почему я здесь?

— Они... мертвы, — сказал он, — все они. После нападения магты взорвали здание. Ты — единственная, кто выжил. В твою комнату зашел Улв — тот дит, которого мы встретили в пустыне. Он унес тебя оттуда и спрятал в городе.

— Когда мы улетаем? — спросила она тем же ровным голосом, отворачиваясь к стене. — Когда мы улетаем с этой планеты?

— Сегодня последний день. Последний срок — полночь. Крафт пришлет корабль, который подберет нас, когда мы

будем готовы. Но у нас все еще есть недоделанная работа. Я привез тело. Ты его исследуешь. Мы должны выяснить, что там с этими магтами...

— Больше ничего нельзя сделать — только улететь, — голос ее звучал монотонно и уныло. — Я сделала все, что в человеческих силах. Пожалуйста, пусть прилетит корабль, я хочу улететь прямо сейчас.

Брайон прикусил губу в беспомощном отчаянии. Казалось, невозможно пробиться сквозь эту стену апатии. За последние дни Леа пережила слишком большое потрясение, слишком много ужасных событий. Он взял девушку за подбородок и заставил повернуть голову. Она не сопротивлялась. Но в ее глазах стояли слезы, и слезы текли по ее лицу.

— Отвези меня домой, Брайон, пожалуйста, отвези меня домой...

Что ему было делать? Он отбросил с ее лба влажные волосы и заставил себя улыбнуться ей. Мгновения текли все быстрее и быстрее. Нужно было исследовать тело, но он не мог заставлять Леа делать это. Он поискал глазами аптечку и обнаружил, что Телт забрал ее назад в машину. В ней должно быть хоть что-то, что может сейчас помочь Леа, — например, транквилизатор...

...Перед Телтом были разложены какие-то инструменты. Когда в машину залез Брайон, он изучал и расшифровывал записи и показания своих приборов. При появлении анвхарца он вскочил и спрятал записи за спину, но, увидев, кто перед ним, успокоился.

— Я думал, что это тот тип, который торчит там, снаружи, — что это он пришел посмотреть, чего я тут делаю, — прошептал Телт. — Может, ты ему и доверяешь — но я не могу себе этого позволить. Я даже не могу воспользоваться радиопередатчиком. Мне нужно немедленно убираться отсюда! Я должен все рассказать Хису!

— Что ты должен рассказать? — резко спросил Брайон. — Что тут за секреты такие?

Телт передал ему записи показаний приборов:

— Вот, посмотри сюда. Красные вертикальные линии — это пятиминутные интервалы, извивающаяся черная горизонтальная линия означает уровень радиоактивности. Там, где эта линия колеблется — это когда мы ехали к башне, разница в степени нагрева песка и скал.

— А это что за всплеск — вот здесь, посередине?

— А это совпадает с нашим посещением этого кошмарного сооружения! Когда мы пролезали в дыру у подножия башни!

В голосе Телта против воли прозвучал восторг.

— И это означает, что...

— Не знаю. Я не уверен. Мне нужно сравнить эту запись с остальными — там, на базе. Может, это просто камни башни «фонят» — некоторые из этих больших камней имеют высокий естественный фон. Может, там лежали приборы с флюоресцирующими циферблатами. Или, может, там просто одна из тех тактических бомб, которые они уже сбрасывали на нас. Какой-то торговец оружием им их продал, чтоб его.

— Или, возможно, это кобальтовые бомбы?

— Может, и так, — сказал Телт, быстро убирая приборы и инструменты. — Чтобы оставить такой след, достаточно небольшой утечки радиации.

— Почему ты не свяжешься с Хисом по радио и не скажешь ему об этом?

— Я не хочу, чтобы дедушка Крафft об этом услышал. Если я прав, то это наша работа. А мне нужно свериться с прежними показаниями, чтобы выяснить наверняка. Но это стоит рейда, хребтом чую. Давай-ка выгрузим твой трупешник.

Он помог Брайону вытащить из машины громоздкий сверток, потом забрался на сиденье водителя.

— Погоди, — сказал Брайон. — Есть у тебя в аптечке что-нибудь для Леа? Похоже, у нее нервный срыв. Она не в истерике — просто ушла в себя. Не слушает никаких разумных доводов, просто лежит и все время повторяет, что хочет домой.

— Есть тут кое-что, — сказал Телт, открывая аптечку. — Наш медик это называет «синдромом убийства». Нашим ребятам от войны тоже изрядно досталось. Всю жизнь тебя воспитывают в неприятии самой идеи насилия, а тут нужно убивать людей. Парни срываются, сходят с ума — чего только с ними не творится. Доктор эту микстуру и составил. Не знаю, как она работает, но вроде как там намешаны транквилизаторы и что-то еще, влияющее на кору головного мозга. Эта штука полностью блокирует воспоминания за последние десять-двенадцать часов. Чего не помнишь, то тебя и не рас-

страивает, — он передал Брайону запечатанный пакетик. — Как применять, там написано. Удачи.

— Удачи, — откликнулся Брайон и пожал мозолистую руку техника. — Если это действительно окажется похожим на бомбы, сообщи мне.

Он оглядел улицу, чтобы удостовериться, что путь свободен, потом нажал кнопку двери. Вездеход выехал в яростное сияние дня, и вскоре шум мотора затих в отдалении. Брайон закрыл дверь и отправился к Леа.

В пакете оказался одноразовый шприц-капсула. Леа не протестовала, когда Брайон сделал ей укол, только вздохнула и снова закрыла глаза.

Увидев, что она заснула, он втащил в комнату закутанное в брезент тело магта. Вдоль одной стены тянулась длинная широкая скамья — вот на нее-то Брайон и положил труп. Он снял брезент, и мертвые тусклые глаза обвиняюще посмотрели на него.

Своим ножом Брайон разрезал пропитанную кровью одежду магта, под которой обнаружился уже знакомый пояс. Это, впрочем, еще ничего не означало. Брайон отбросил пояс в сторону вместе с тряпками. Теперь перед ним лежало обнаженное окровавленное и простреленное тело.

Судя по внешнему виду, это был человек.

С каждой минутой теория Брайона становилась все более абсурдной. Но если магт не был инопланетянином, как же тогда можно объяснить их полную безэмоциональность? Он не понимал, как это возможно. В этом покойнике просто обязано быть что-то чужое. И на этой шаткой надежде основывалось сейчас будущее планеты. Если окажется, что Телт тоже ошибся и не обнаружил бомбы, надежды не останется совсем.

Когда он снова взглянул на Леа, она все еще была без сознания. Он не знал, сколько продлится кома. Ему необходимо было вывести ее из этого состояния, но он не хотел торопиться. Он с трудом сдерживал нетерпение, так как знал, что нужен минимум час, чтобы лекарство оказало воздействие на организм. Это будет полдень — и до полного уничтожения останется двенадцать часов.

Единственное, что он мог пока сделать, это связаться с Краффтом. Возможно, это были пораженческие настроения, но он хотел убедиться, что они смогут улететь с планеты, если их миссия провалится. Это нужно было выяснить сейчас:

пока не стало слишком поздно. Брайон включил радио и послал вызов. Ответ пришел немедленно.

— Дежурный слушает. Сейчас я соединю вас с командором Краффтом.

И тут же заговорил Крафт:

— Кто вызывает — это кто-то из Фонда? — Голос старика дрожал от возбуждения.

— Говорит Брандт. Со мной Леа Морис...

— Это все? Больше никто не спасся после взрыва, уничтожившего ваше здание?

— Именно так, все, кроме нас... их нет. Нет ни самого здания, ни аппаратуры, и я не могу вызвать наш корабль с орбиты. Вы можете забрать нас отсюда, если возникнет такая необходимость?

— Дайте ваши координаты. Корабль будет отправлен немедленно...

— Немедленно он мне не нужен, — прервал его Брайон. — Не присылайте его, пока я не свяжусь с вами снова. Если есть способ предотвратить уничтожение мира, я его найду. А потому я остаюсь, и если будет нужно, то до последней минуты.

Крафт молчал — слышался только треск разрядов да звук дыхания.

— Таково ваше решение, — проговорил он наконец. — Я буду держать корабль для вас под рукой. Но разве вы не позволите нам прямо сейчас забрать мисс Морис?

— Нет. Она нужна мне здесь. Мы по-прежнему работаем — мы ищем...

— Что вы можете найти такого, что может теперь предотвратить уничтожение? — в голосе Краффта звучали одновременно надежда и отчаяние. Брайону нечем было его успокоить.

— Если мне что-то удастся — вы узнаете об этом. Конец связи.

Он выключил радио.

Леа все еще спала спокойным безмятежным сном, времени до истечения часа оставалось более чем достаточно. Как же использовать это время? Ей нужны будут инструменты и приборы, чтобы исследовать тело. Может быть, он сумеет что-нибудь найти в развалинах здания Фонда. Внезапно ему захотелось посмотреть на них поближе. Может, еще кто-нибудь остался в живых? Он должен это выяснить. Если бы удалось поговорить с людьми, которые там работали...

Улв по-прежнему стоял у стены. Когда Брайон подошел к нему, дит одарил его гневным взглядом, но ничего не сказал.

— Поможешь мне еще раз? — спросил Брайон. — Побудь здесь и присмотри за девушкой, пока меня не будет. Я скоро вернусь.

Улв не ответил.

— Я ищу способ спасти Дит, — добавил Брайон.

— Иди — я присмотрю за девушкой! — в бессильной ярости выдохнул Улв. — Я не знаю, что мне делать. Может, ты прав. Иди. Со мной она в безопасности.

Брайон выскользнул на пустую улицу и быстро пошел, почти побежал к развалинам, которые еще недавно были зданием Фонда Культурных Отношений. Он выбрал другую дорогу — ту, по которой они ехали, направляясь к окраинам города. Оттуда он мог приблизиться к развалинам с другой стороны, чтобы никто не узнал, откуда он пришел. Возможно, магты следят за ним, а он вовсе не хотел привести их к Леа и похищенному телу.

Завернув за угол, он увидел впереди неподвижный вездеход. В его очертаниях было что-то знакомое, возможно, это была та самая машина, на которой приехали они с Телтом, но он не был уверен. Стараясь держаться ближе к стене и осторожно оглядываясь по сторонам, Брайон приблизился к машине. Оказавшись рядом, он убедился — машина была та самая, в которой он ехал прошлой ночью. Но что она здесь делает?

Пыльная улица была тиха и пустынна — словно вымерла, выжженная палящим солнцем. Брайон влез на колесо и дотянулся до открытого окна, ухватившись за раскаленную металлическую рамку стекла. Он подтянулся и уставился на улыбающееся лицо Телта.

Это была улыбка смерти. Его черты расплылись и исказились от действия смертельного яда, а из горла торчала тонкая деревянная стрела.

Глава 15

Брайон отпрыгнул назад и вжался в дорожную пыль. Но на улице по-прежнему царили запустение и тишина. По всей видимости, убийцы Телта уже ушли. Используя корпус машины в качестве прикрытия, Брайон открыл дверь и проскользнул внутрь.

Да, они изрядно потрудились. Контрольная панель была разворочена, на полу горой было свалено разбитое оборудование, а ленты записей были похожи на кишки, вывалившиеся из распоротого живота какого-то механического монстра. Машину уничтожили, как и ее водителя.

Несложно было понять, что тут произошло. Вездеход заметили еще на въезде в город, возможно, те самые магты, которые уничтожили здание Фонда. Они не видели, куда он направился, — в противном случае Брайон уже был бы мертв. Но зато его выследили, когда Телт пытался покинуть город, и остановили самым простым и доступным способом: выстрелив через открытое окно в шею беспечному водителю.

Телт мертв! Потрясение, вызванное смертью этого человека, было столь велико, что Брайон сперва даже не задумался о последствиях, к которым это приведет. Потом он начал понимать. Телт ничего не передавал о своем открытии следов радиоактивного излучения — армия Нийорда об этом не знала. Он боялся использовать радио и хотел передать известие Хису лично и лично показать ему записи. Но теперь записи были уничтожены, а мозг, который мог их проанализировать, — мертв.

Брайон взглянул на развороченный радиопередатчик и, выпрыгнув из вездехода, побежал, петляя, прочь — как можно дальше от машины. Его собственное спасение — а быть может, и спасение Дита — зависело от того, чтобы его не увидели рядом с вездеходом. Он должен связаться с Хисом и передать ему информацию. До тех пор, пока это не сделано, он — единственный инопланетник на Дите, который знает, в какой башне магтов могут храниться бомбы, способные уничтожить мир.

Достаточно удалившись от машины, он замедлил шаг, вытирая пот с лица. Никто не преследовал его. Улицы в этой части города были ему не знакомы, но он ориентировался по солнцу и быстро продвигался в направлении разрушенного здания. На улицах было многолюдно. Заметив инопланетника, некоторые из дитов останавливались и провожали его яростными взглядами. Эмпатия позволяла ему в полной мере ощущать их гнев и ненависть. Кое-кто, казалось, прямо-таки излучал смерть, и он положил руку на рукоять револьвера, проходя мимо них. Двое держали наготове духовые трубки, но, к счастью, в ход их не пустили. К тому времени, как он

завернул за угол очередного дома, Брайон основательно взмок от нервного напряжения.

Впереди виднелись развалины здания. Рядом возвышался серебристый конус космического корабля. Из люка вылезли двое и остановились на границе пожарища.

Под ботинками Брайона захрустели стекла. Двое стремительно обернулись к нему и вскинули ионные ружья. Увидев его явно инопланетную одежду, они расслабились.

— Чертовы дикари! — прорычал один из них. Он явно был с одной из планет с большой силой тяжести — невысокий (его голова едва доходила до плеча Брайону), но широкоплечий и плотный, весь состоящий из мышц и сухожилий. На его рукаве красовалась эмблема, выдававшая в нем оператора корабельного компьютера.

— Сдается мне, их не в чем винить, — ответил второй, с нашивкой интенданта. Черты его лица были другими, но в остальном он был настоящим двойником первого. Должно быть, они были с одной планеты. — Весь этот мир взорвется у них под ногами сегодня в полночь. Похоже на то, что эти бедолаги на улицах наконец поняли, что их ждет. Надеюсь, к тому времени мы уже будем в гиперпространстве. Я видел, как подобное проделали с планетой Эстрада, и вовсе не жажду увидеть это снова. Два таких зрелища за одну жизнь — для меня это чересчур.

Компьютерщик все еще пристально рассматривал Брайона, слегка склонив голову набок.

— Вы хотите покинуть планету? — спросил он. — Мы — последний корабль в порту и собираемся улететь отсюда, как только закончится погрузка. Если вам надо, можем и вас прихватить.

Только невероятным усилием воли Брайон подавил глубочайшую скорбь, наполнившую его душу при виде развалин, ставших братской могилой для десятков людей.

— Нет, — ответил он. — В этом не будет необходимости. Я держу связь с флотом, осуществляющим блокаду. Они должны подобрать меня до полуночи.

— Вы с Нийорда? — поинтересовался интендант.

— Нет, — ответил Брайон рассеянно. — Но у меня проблемы с кораблем.

Тут он осознал, что они оба пристально смотрят на него, и понял, что должен дать хоть какие-то разъяснения.

— Я думал, что смогу найти способ остановить эту войну. А теперь... я не уверен.

Он вовсе не собирался так откровенничать с этими людьми, но именно это занимало все его мысли — и слова вырвались против воли.

Компьютерщик начал было говорить что-то, но его товарищ пихнул его в бок локтем.

— Мы скоро улетаем, мне не нравится, как эти диты на нас смотрят. Капитан приказал нам выяснить причину пожара, а потом убираться отсюда к чертовой матери. Пошли.

— Не пропустите свой корабль, — напутствовал компьютерщик Брайона, направляясь прочь, но заколебался и обернулся. — Вы уверены, что мы ничего не можем для вас сделать?

Все равно жалость ничему не поможет... Брайон постарался справиться с эмоциями и вернуть себе ясность разума.

— Да, можете, — ответил он. — Мне бы пригодился скальпель или любой другой хирургический инструмент, какой у вас найдется.

«Леа это понадобится...» — подумал он. Потом вспомнил послание, которое так и не сумел передать Телт:

— Есть у вас портативный передатчик? Я вам могу за него заплатить.

Компьютерщик исчез внутри ракеты и появился минуту спустя с небольшим свертком:

— Здесь скальпель и магнитные зажимы — все, что нашлось в аптечке. Надеюсь, это вам подойдет. — Он снова полез внутрь и на этот раз вытащил небольшой металлический чемоданчик с портативной радиостанцией. — Возьмите, у него хорошая дальность даже на длинных волнах.

Брайон снова предложил заплатить, но компьютерщик протестующе поднял руку.

— Считайте, это мой взнос, — сказал он. — Если вы сможете спасти эту планету, я готов вам и весь корабль в придачу отдать. А капитану мы скажем, что потеряли передатчик в какой-нибудь заварухе с местными. Верно, ты, денежный мешок? — он ткнул товарища пальцем в грудь; в человеке более слабом так можно было и дырку проделать.

— Слышу и понимаю тебя отлично, — откликнулся интендант. — И как только мы вернемся на корабль, немедленно выпишу счет, это подтверждающий.

Потом они оба скрылись внутри корабля, а Брайону при-

шлось поторопиться, чтобы не попасть под реактивную струю.

Чувство долга — эти люди тоже его испытывали. Осознание этого несколько приподняло настроение Брайона, пока он рылся в мусоре и обломках, выискивая что-либо полезное. Он вспомнил, что часть уцелевшей стены была стеной лаборатории. Раскапывая руины, он разыскал кое-какие инструменты и один небольшой помятый ящичек, уцелевший в пожаре. Внутри находился бинокулярный микроскоп с погнутой правой трубкой и разбитыми линзами. Левый окуляр, судя по всему, еще действовал. Брайон бережно убрал микроскоп назад в ящик.

Он посмотрел на часы. Почти полдень. Придется при исследовании обойтись этим небогатым инструментарием. Он направился назад к складу, чувствуя на себе подозрительные взгляды дитов. Только удостоверившись, что за ним никто не следует, он нырнул в двери здания и запер их за собой.

Войдя в кабинет, он встретился взглядом с испуганными глазами Леа.

— Улыбка друга среди каннибалов! — воскликнула она. — Что случилось? С того самого момента, как я проснулась, вот эта каменная маска, — она указала на Улва, — не произнесла ни слова.

— Ты что-нибудь помнишь? — осторожно спросил Брайон. Он не хотел рассказывать ей слишком много, боясь снова травмировать ее психику. Улв поступил весьма разумно, не разговаривая с ней.

— Если тебе это так интересно, — ответила Леа, — то я очень много что помню, Брайон Брандт. Я не стану углубляться в детали, поскольку местным жителям знать это вовсе не обязательно. Я помню, что заснула после того, как ты ушел. А потом — ничего. Это странно. Я заснула на жесткой бугристой кровати, а проснулась на этой койке и чувствую себя просто ужасно. А тут еще *этот* сидит и пялится на меня. Может, ты все-таки расскажешь мне, что происходит?

Лучше всего было рассказать ей часть правды — детали она может узнать и потом.

— Магты напали на здание Фонда, — сказал он. — Сейчас они разгневаны на всех инопланетников. Ты была еще под действием снотворного, и Улв помог перенести тебя сюда. Сейчас уже миновал полдень...

— Последнего дня? — в ее голосе звучал ужас. — Миру

грозит гибель, а я тут в Спящую Красавицу играю! Кто-нибудь был ранен при нападении? Или убит?

— Было несколько несчастных случаев — и очень много проблем, — ответил Брайон. Нужно было как-то отвлечь ее от этой темы. Он подошел к телу магта и откинул брезент с его лица: — Но сейчас гораздо важнее вот это. Это один из магтов. У меня есть скальпель и кое-какие инструменты — ты можешь провести вскрытие?

Леа села на кушетке, обхватив себя руками; выглядело это так, будто она мерзнет, несмотря на дневную жару.

— Что случилось с теми людьми, кто был в здании? — тихо спросила она. Инъекция стерла ее воспоминания о трагедии, но отголоски напряжения и потрясения остались. — Я чувствую себя такой... разбитой. Пожалуйста, расскажи мне, что произошло. У меня такое чувство, что ты что-то скрываешь.

Брайон сел рядом с ней и взял ее холодные руки в свои. Заглянув ей в глаза, он попытался передать девушке часть своей энергии.

— Это все было ужасно, — сказал он. — Ты была потрясена этим и потому так скверно сейчас себя чувствуешь. Но... Леа, тебе придется сейчас положиться на мое слово. Не задавай больше никаких вопросов. Мы с этим ничего не можем поделать. Но пока что мы можем разъяснить вопрос с магтом. Ты исследуешь тело?

Она хотела было что-то спросить, но передумала. Когда Леа опустила глаза, Брайон почувствовал, что девушка дрожит.

— Что-то тут не так, — проговорила она. — Я знаю. Я полагаюсь на твое слово и не стану задавать вопросов. Помоги мне, ладно, дорогой? Мне кажется, что у меня все кости размягчились, меня ноги не держат.

Опираясь на него, девушка медленно прошла через комнату и приблизилась к телу. Она посмотрела вниз и содрогнулась.

— Я бы не назвала это естественной смертью, — проговорила она, вынимая скальпель из чехла. Улв пристально следил за ее действиями. — Тебе вовсе не обязательно на это смотреть, — сказала она ему на ломаном дитском. — Разве что ты сам этого захочешь.

— Я хочу, — сообщил он ей, не отводя взгляда от тела. —

Я прежде никогда не видел не то что мертвого, но даже раздетого магта.

Он не отводил взгляда от тела.

— Найди мне воды попить, хорошо, Брайон? — попросила Леа. — И расстели под телом брезент. Вскрытие — дело грязное.

Выпив воды, девушка, кажется, почувствовала себя лучше и уже могла стоять, не держась за стол. Она рассекла тело магта пониже грудины. Оно раскрылось, как распахнутая одежда, обнажив внутренности. Улв содрогнулся, но промолчал и от стола не отошел.

Она медленно извлекала внутренние органы. Один раз коротко взглянула на Брайона и снова принялась за работу. Тишина тянулась бесконечно, пока Брайон не выдержал:

— Можешь ты мне сказать, что ты обнаружила? Или ничего?

Его слова, казалось, лишили ее сил. Леа пошатнулась и, отступив от стола, рухнула на кушетку. Ее окровавленные руки бессильно повисли.

— Прости, Брайон, — ответила она. — Ничего, совсем ничего. Есть, конечно, мелкие отличия, органические изменения, которых я не наблюдала никогда прежде — например, у него совершенно чудовищная печень. Но подобные изменения, разумеется, происходят в процессе адаптации хомо сапиенс к жизни в иных мирах. Это человек. Изменившийся, адаптировавшийся — но тем не менее такой же человек, как ты или я.

— Как ты можешь быть уверена? — перебил ее Брайон. — Ты же ведь не исследовала его полностью, верно?

Она покачала головой.

— Тогда продолжай. Другие органы. Его мозг. Посмотри на ткани в микроскоп. Вот! — он подал ей ящик с микроскопом.

Леа уронила голову на руки и всхлипнула.

— Оставь меня в покое, неужели это так трудно сделать! Я устала, мне плохо, меня тошнит от этой проклятой планеты. Пусть они умрут, мне наплевать! Твоя теория — бред, чушь бессмысленная! Признай же это наконец! И дай мне вымыть руки от этой грязи...

Рыдания заглушили ее слова.

Брайон судорожно вздохнул, стоя перед девушкой. Неужели он ошибся? Он не смел даже подумать об этом. Ему

нужно было продолжать. Глядя на ее узкую спину — сквозь тонкую ткань, казалось, можно пересчитать все позвонки, — он чувствовал безграничную жалость — жалость, которой не мог, не имел права поддаваться. Эта хрупкая беспомощная испуганная девушка была его единственной надеждой и опорой. Она должна была работать. Он должен был заставить ее работать.

Айхьель делал это — использовал проецируемую эмпатию для того, чтобы его эмоции могли убедить Брайона. А теперь Брайон должен был проделать то же самое с Леа. Он получил несколько уроков этого искусства, но недостаточно, чтобы быть в нем профессионалом. Тем не менее нужно было попробовать.

Леа нужна была сила. Вслух Брайон сказал только:

— Ты можешь это сделать. У тебя есть силы и воля, чтобы завершить начатое.

Его мозг беззвучно отдал девушке приказ повиноваться и взять его силу.

Только когда она подняла лицо и он увидел, что в ее глазах больше нет слез, Брайон понял, что его попытка удалась.

— Ты будешь продолжать? — тихо спросил он.

Леа только кивнула, поднимаясь на ноги. Она двигалась как лунатик, как марионетка, которую кто-то дергает за невидимые веревочки. Ее сила вовсе не принадлежала ей — все это, к несчастью, напоминало Брайону последний поединок Двадцатых, когда он испытывал то же самое, исчерпав до конца все резервы своего организма. Леа вытерла руки об одежду и открыла ящик с микроскопом.

— Все предметные стекла разбиты, — сообщила она.

— Это сойдет, — сказал Брайон, каблуком выбивая стекло. Осколки со звоном посыпались на пол. Он взял несколько кусочков побольше и разломал их, превратив в грубое подобие квадратов, которые могли подойти к предметному столику. Леа приняла стекла, не сказав ни слова. Она капнула каплю крови магта на импровизированное предметное стекло и склонилась к окуляру.

Дрожащими руками с трудом наладила фокусировку. Щурясь, она изучала образец, один раз немного развернула зеркальце, чтобы поймать падавшие из окна солнечные лучи. Брайон стоял у нее за спиной, стискивая кулаки, заставляя себя подавить волнение.

— Что ты там видишь? — в конце концов не выдержал он.

— Фагоциты, красные кровяные тельца... лейкоциты... похоже, все в норме, — докладывала она монотонным усталым голосом; от усталости у нее слезились глаза.

Брайона охватил гнев — гнев за то, что он потерпел поражение. Но даже потерпев поражение, он отказывался смириться с ним. Он потянулся через плечо Леа и грубо крутанул ручку настройки, дав максимальное увеличение.

— Если ничего не видишь — попробуй так! Я знаю, там что-то есть! Я возьму образец тканей, — он развернулся к препарированному трупу.

Он стоял к ней спиной, а поэтому не видел, как внезапно напряглась Леа, как быстрее, нетерпеливее заработали ее пальцы, налаживая фокусировку. Однако он почувствовал исходившую от нее волну эмоций.

— Что там такое? — спросил он взволнованно.

— Что-то... тут что-то есть, — сказала она, — вот в этом лейкоците. Необычная, но знакомая структура. Я что-то подобное видела раньше, только вот не могу вспомнить, что...

Она оторвалась от микроскопа и в задумчивости тыльной стороной ладони потерла лоб, перемазавшись при этом кровью.

— Я где-то видела это прежде.

Брайон, прищурившись, заглянул в окуляр покинутого микроскопа и разглядел в центре поля какое-то пятно со смутными очертаниями. Когда он навел фокус, очертания стали яснее: белое желеобразное тело одноклеточного лейкоцита. Для него, неспециалиста, ничего необычного в этом не было. Он не знал, как выглядит нормальный лейкоцит, а потому не знал, что в этом лейкоците ненормального.

— Видишь там такие зеленые шарики, держащиеся вместе? — спросила Леа и, прежде чем Брайон ответил, вскрикнула: — Я вспомнила! — В восторге она позабыла даже свою усталость. — *Icerya purchasi*, так это, кажется, называется. Это разновидность кокка — у него внутри были точно такие же штуки.

— И что они означают? Какая тут связь с Дитом?

— Не знаю, — призналась Леа, — просто выглядят они очень похоже. И никогда раньше в человеческих клетках я не видела ничего подобного. В кокках эти зеленые частички разрастаются в подобие плесени и живут внутри тела хозяина. Не паразит, а скорее настоящий симбиот...

Когда до нее дошло значение ее собственных слов, глаза

Леа расширились. Дит был миром, в котором симбиоз и паразитизм приобрели более развитые и сложные формы, чем на какой-либо иной планете. Мысли Леа вертелись вокруг этого факта. Ее руки были сжаты, она смотрела в пространство невидящим взглядом, а за внешней неподвижностью ощущалась бешеная работа мысли.

Брайон и Улв вели себя тихо — смотрели на девушку и терпеливо ждали, к каким выводам она придет. Кажется, наконец все кусочки уложились в мозаику.

Леа разжала руки и вытерла их о юбку. Моргнула. Повернулась к Брайону.

— Здесь где-нибудь есть пила? — спросила она.

Ее вопрос прозвучал так неожиданно. Мгновение Брайон не знал, что ответить. Прежде чем он собрался с мыслями, Леа заговорила снова:

— И лучше, если это будет электропила, иначе у нас уйдет слишком много времени.

Она снова повернулась к микроскопу, и Брайон не стал ее расспрашивать. Улв по-прежнему смотрел на тело магта: он явно не понял ничего из того, о чем здесь говорилось.

Брайон отправился на розыски. На первом этаже ничего не нашлось, и он поднялся по лестнице наверх. Здесь вдоль длинного коридора тянулись ряды комнат; все они были закрыты, включая и ту, на которой висела внушающая некоторую надежду табличка: МАСТЕРСКАЯ.

Брайон ударил плечом в металл двери: та не поддалась. Когда он собрался ударить второй раз, взгляд его невольно упал на часы.

Два часа пополудни. До гибели Дита оставалось десять часов. Нужно было торопиться, но он не решался поднимать шума: кто-нибудь на улице мог услышать. Он быстро скинул рубаху, обернул ее вокруг дула револьвера так, что она образовывала подобие трубы, приставил дуло к замку и выстрелил. Звук выстрела, заглушенный тканью, был скорее похож на негромкий хлопок, который снаружи наверняка не смог бы услышать никто. Звякнул разбитый механизм замка. Дверь открылась.

Когда он спустился вниз, Леа уже стояла возле тела. Он подал ей небольшую циркулярную пилу.

— Это сойдет? Питание от аккумуляторов, а они заряжены почти полностью.

— Великолепно, — отозвалась Леа. — Вам обоим придется мне помочь.

Она перешла на детский:

— Улв, найди место, откуда можно наблюдать за улицей, чтобы при этом тебя никто не увидел. Дай мне знать, когда там никого не будет. Боюсь, эта пила здорово шумит.

Улв кивнул и, отойдя в сторону, забрался на какие-то пустые бочонки в нише — это давало ему возможность озирать улицу через ряд маленьких окошек почти под потолком. Он внимательно осмотрел улицу, потом махнул рукой.

— Стой здесь, сбоку, и придерживай челюсть трупа, Брайон, — скомандовала Леа. — Держи крепко, чтобы голова не тряслась, когда я буду резать. Будет немножко гадко — мне очень жаль, но это самый быстрый способ разрезать кость.

Нож пилы вонзился в череп.

Один раз Улв прервал их работу, призвав к тишине, и сам затаился в тени. Они нетерпеливо ждали, пока Улв не махнул рукой, позволив им продолжать. Брайон держал голову трупа, а пила врезалась в черепную коробку, пока Леа не сделала разрез по всему периметру черепа.

— Все, — сказала девушка, и пила выпала из ее ослабевших пальцев на пол. Прежде чем завершить работу, она немного помассировала руки, восстанавливая кровообращение, потом осторожно сняла черепную крышку, открыв мозг магта яркому свету, падавшему из окна.

— Ты был прав с самого начала, Брайон, — сказала она. — Вот твой чужак.

Глава 16

Улв присоединился к ним, когда они рассматривали мозг магта. Все было так очевидно, что даже он заметил и понял это.

— Я видел мертвых зверей, и я видел мертвых людей с расколотыми головами, но никогда прежде я не видел такого, — сказал он.

— Что это? — спросил Брайон.

— Тот вторгшийся чужак, которого ты искал. Захватчик, — сообщила Леа.

Мозг магта на треть не заполнял черепную коробку — с ним соседствовала аморфная зеленая масса. Она несколько

напоминала мозг, но на зелени виднелись более темные узелки и выступы. Леа взяла скальпель и осторожно кольнула темную влажную массу.

— Она мне напоминает кое-что, что я видела раньше на земле, — сказала девушка. — Зеленая муха — *Drepanosiphum platanoides*: у нее есть необычный орган, называемый псевдова. Теперь, когда я вижу это образование в мозгу магта, мне очевидна параллель. Муха *Drepanosiphum* также имеет большой зеленый орган, только у мухи он занимает половину полости тела, а не голову. Его происхождение долгие годы было загадкой для биологов, они разработали серию сложных теорий, и вот наконец кому-то удалось препарировать его. Псевдова оказалась живым растением, субстанцией, подобной плесени, которая помогает пищеварению зеленой мухи. Она производит энзимы, позволяющие мухе переваривать большое количество сахара, которое та получает из сока растений.

— В этом нет ничего необычного, — озадаченно заметил Брайон. — Внутренняя флора, способствующая пищеварению, есть также у термитов и у человека. Чем от них отличается псевдова?

— По большей части способом размножения. Все остальные представители кишечной флоры попадают в организм извне и остаются там, только пока они нужны. Зеленая муха и эта разновидность плесени находятся в постоянных симбиотических отношениях, которые необходимы для выживания обоих симбиотов. Споры растения находятся в разных частях тела мухи, но они *всегда* присутствуют в яйцеклетках, а следовательно, и в каждом яйце в виде спор. Таким образом, продолжение симбиоза в последующих поколениях гарантировано.

— И ты полагаешь, что эти зеленые шарики в клетках крови магта могут быть чем-то подобным? — спросил Брайон.

— Я в этом уверена, — ответила Леа. — Должно быть, это тот же самый процесс. Вероятно, они находятся во всем теле магта в виде спор. Достаточное количество этих спор попадет в сперматозоиды или яйцеклетки, чтобы обеспечить заражение каждого молодого магта еще до момента рождения. Растет ребенок — растет и симбиот. Возможно, симбиот даже быстрее — поскольку это простой организм. Я полагаю, что к первым шести месяцам жизни ребенка он уже успевает достаточно прочно обосноваться в мозгу.

— Но почему? — спросил Брайон. — Что он делает?

— Я могу только строить предположения, но существует большое количество данных, на основании которых можно сделать выводы о функциях этого симбиота. Готова биться об заклад, что этот симбиот — не простейший организм, а нечто среднее между растением и животным, как и многие формы жизни на Дите. Этот организм слишком сложен для того, чтобы он успел развиться за время, прошедшее после появления на этой планете человека. Должно быть, магты «заразились» им, съев мясо какого-нибудь дитского зверя. Симбиот жил и процветал в новых условиях, он был защищен костью черепа своего долгоживущего хозяина. В обмен на пищу, кислород и удобства жизни этот мозговой симбиот, вероятно, вырабатывает гормоны и ферменты, которые позволяют магтам выжить. Некоторые из выделяемых симбиотом веществ могут способствовать пищеварению, позволяя магтам питаться любыми растениями и животными, какие им только попадаются. Симбиот может также производить сахар, очищать кровь от токсических веществ — и еще много чего. Вероятно, так оно и происходит, поскольку очевидно, что магты на этой планете превратились в доминирующую форму жизни. Они платили за это высокую цену симбиоту, но с точки зрения выживания расы это не имело значения — до последнего времени. Ты заметил, что мозг магта не меньше нормального мозга?

— Но должен быть меньше — иначе как мог этот мозговой симбиот поместиться в черепной коробке? — возразил Брайон.

— Верно, если бы общий объем мозга магта был меньше нормы, тогда симбиот заполнил бы оставшееся место. Но мозг нормальных размеров — только часть его отсутствует, ее поглотил симбиот.

— Лобные доли мозга, — внезапно осознал Брайон. — Эта чертова тварь устроила ему лоботомию!

— И даже более того, — сказала Леа, раздвигая кончиком скальпеля извилины: под серым веществом открылась все та же зеленая масса. — Эти отростки проникли дальше в мозг, но только в сам мозг, мозжечок, насколько я вижу, они не затрагивают. Должно быть, симбиот вмешивался только в высшие функции человеческого мозга, и делал это избирательно. Разрушение лобных долей мозга избавило магтов от эмоций, равно как и от способности к абстрактному мышлению. Должно быть, и то и другое вовсе не способствовало выживанию. Полагаю, до того, как было достигнуто оптимальное равновесие, была масса неудачных мутаций. А окончательный продукт — симбиот, представляющий собой соединение растения-животного-человека, — великолепно приспособлен к выживанию в этом жестоком мире. Никаких эмоций, усложняющих жизнь. Никаких желаний, кроме тех, которые ведут к выживанию. Абсолютная беспощадность — впрочем, человечество и так в этом преуспело, а потому тут и делать-то почти нечего было...

— Но остальные диты, как вон Улв, — они же смогли выжить и без того, чтобы становиться такой тварью. Так почему же магты зашли так далеко?

— В эволюции нет ничего абсолютно необходимого, ты же знаешь, — ответила Леа. — Возможны вариации — и все лучшие, наиболее удачные, продолжают существовать. Можно сказать так: народ Улва выживает, но магты выживают лучше. Если бы не было восстановлено сообщение с другими планетами, полагаю, магты постепенно стали бы доминирующей расой. Только теперь у них не будет такой возможности. Похоже на то, что со своими самоубийственными планами они умудрятся уничтожить обе расы.

— И вот тут я что-то перестаю понимать, — заметил Брайон. — Магты выжили и даже забрались на самый верх здешней эволюционной лестницы. Однако же они — самоубийцы по природе своей. Как же получилось, что они не были полностью уничтожены раньше?

— Как индивидуумы они были просто агрессивны. Они могли напасть на кого угодно и что угодно одинаково жестоко и безэмоционально. По счастью, на Дите нет крупных животных, иначе они давно были бы уничтожены. После того как магты перестали существовать как отдельные личности, их беспощадность обеспечила им выживание как расы. Сейчас же они столкнулись с проблемой слишком сложной для их полуразрушенного мозга. Они похожи на людей с ножами, которые, поубивав всех, вооруженных камнями, не замечают, что сейчас им противостоят люди с винтовками, и продолжают яростно нападать и сражаться, пока все не падут мертвыми.

Это показательный случай абсолютной справедливости сил эволюции. Люди, зараженные этой дитской формой жизни, были доминирующими существами на планете. Существо в мозгу магтов было в те времена подлинным симбиотом, что-то отдававшим, а что-то получавшим, создававшим

союз, где вместе все становились сильнее, чем каждый был по отдельности. Теперь же положение изменилось. Мозг магта не способен осмыслить концепцию уничтожения расы в той ситуации, когда именно это он должен понять, чтобы выжить. А потому теперь эта тварь живет в мозгу не как симбиот, а как паразит.

— И как паразита его должно уничтожить! — прервал ее Брайон. — Больше мы не сражаемся с тенями, — ликовал он. — Мы нашли врага — и это не магты. Просто какой-то отожравшийся солитер, слишком глупый для того, чтобы понять, что он убивает себя. Есть у него мозги, он может думать?

— Очень в этом сомневаюсь, — ответила Леа. — Ему мозг был бы абсолютно не нужен. А потому даже если у него изначально и была способность мыслить, она уже давно исчезла. Симбиоты или паразиты, которые живут в организме, подобно этому, всегда деградируют — у них остается только необходимый минимум функций.

— Расскажите мне об этом. Что это за штука? — вмешался в разговор Улв, тыча пальцем в мозгового симбиота. Он слышал весьма эмоциональный разговор Леа и Брайона, но не понял ни слова.

— Объясни ему, ладно, Леа? Так хорошо, как только сможешь, — сказал Брайон, взглянув на Леа, — и тут увидел, как она измучена. — И сядь, посиди, пока будешь рассказывать: тебе давным-давно уже пора отдохнуть. Я попытаюсь...

Он взглянул на часы — и умолк.

Было уже больше четырех пополудни — у них оставалось меньше восьми часов. Что ему делать? Его энтузиазм угас, едва он понял, что проблема решена только наполовину. Если нийордцы не поймут всю значимость его открытия, бомбы упадут в назначенный срок. И даже если они поймут — будет ли это иметь для них решающее значение? Какая разница? Ведь угроза, представляемая кобальтовыми бомбами, вовсе не станет от этого меньше...

С этой мыслью пришло осознание того, что он вовсе забыл о смерти Телта. Перед тем, как он свяжется с флотом Нийорда, нужно сообщить Хису и «армии Нийорда» о том, что произошло с Телтом и его вездеходом. И о следах радиоактивности. Теперь невозможно свериться с записями и выяснить, насколько вероятно обнаружение бомб, но Хис мог совершить еще один рейс, чтобы проверить эти подозрения.

Переговоры с Хисом не займут много времени, а потом уже можно переговорить и с профессором-командором Краффтом.

Аккуратно настроив передатчик на армейскую частоту, он вызвал Хиса. Ответа не было. Когда он переключил его на прием, то услышал только треск в эфире.

Конечно, был шанс на то, что приемник попросту вышел из строя. Он быстро перешел на частоту своего собственного радио и свистнул в микрофон. От полученного сигнала у него даже уши заложило. Он снова попытался вызвать Хиса — и на этот раз с облегчением услышал ответ.

— Говорит Брайон Брандт. Вы слышите меня? Я хочу немедленно переговорить с Хисом.

Брайон был поражен, когда ему ответил голос профессора-командора Краффта.

— Мне очень жаль, Брайон, но боюсь, что с Хисом говорить уже невозможно. Мы работаем на его частоте, потому ваш вызов передали мне. Хис и его мятежная команда покинула планету полчаса назад и в настоящее время направляется на Нийорд. Вы готовы к отлету? Вскоре будет уже слишком опасно совершать посадку. Даже сейчас мне уже придется искать добровольцев, которые захотели бы лететь за вами.

Хис и его армия улетели! Брайон попытался переварить эту мысль. Он утратил душевное равновесие и не сразу осознал, что уже говорит с Краффтом.

— Если они улетели... что ж, с этим ничего не поделаешь. Я хотел связаться с вами после того, как переговорю с Хисом. Послушайте и попытайтесь понять. Вы должны остановить бомбардировку. Я выяснил ситуацию с магтами, выяснил, чем вызвано их помрачение ума. Если мы сумеем это исправить, то сумеем и предотвратить их нападение на Нийорд...

— А можно их исправить сегодня до полуночи? — прервал его Крафft. Он говорил отрывисто, в его голосе звучал гнев. Даже святой может устать.

— Нет, разумеется, — Брайон сумрачно уставился на микрофон. — Но это не займет много времени. У меня здесь есть свидетельства, которые убедят вас в моей правоте.

— Я вам верю и не видя их, Брайон, — теперь в голосе Краффта больше не было гнева — только усталость и горечь поражения. — Я признаю, что вы, скорее всего, правы. Некоторое время назад в разговоре с Хисом я признал, что он был, скорее всего, прав, когда говорил о своем способе разрешения

дитского конфликта. Мы совершили множество ошибок и, совершая их, истощили лимит времени. Боюсь, это единственный действительно важный в настоящее время факт. Бомбы будут сброшены в полночь — и даже тогда, возможно, будет слишком поздно. С Нийорда уже отправлен корабль — на нем летит человек, который меня сменит. Я превысил свои полномочия, оттянув срок на сутки против того, что мне рекомендовали специалисты. Сейчас я осознаю, что ставил на карту жизнь моей планеты в тщетной надежде спасти Дит. Их нельзя спасти. Они мертвы. Я больше ничего не хочу слышать об этом.

— Вы должны выслушать...

— Я должен разрушить планету — там, внизу, подо мной. И это мой долг. Ничто сказанное вами не сможет этого изменить. Все инопланетники, кроме вас, уже покинули Дит. Я высылаю за вами корабль. Как только он взлетит, я сброшу первую бомбу. А теперь скажите мне, где вы находитесь, чтобы вас могли отыскать.

— Не угрожайте мне, Крафft! — в бессильном гневе Брайон взмахнул кулаком перед радиоприемником. — Вы — убийца, уничтожающий миры, и не пытайтесь корчить из себя что-то иное. Я знаю то, что может предотвратить эту бойню, а вы, видите ли, не желаете меня слушать. И я знаю, где кобальтовые бомбы — в башне магтов, на которую прошлой ночью напал Хис. Заберите эти бомбы, и вам не придется сбрасывать свои!

— Мне очень жаль, Брайон. Я ценю ваши усилия, но в то же время сознаю их тщетность. Я не собираюсь обвинять вас во лжи, но понимаете ли вы, как звучат сейчас ваши слова? Сперва — эффектное открытие причин безумного поведения магтов. Потом, когда это не сработало, вы внезапно вспоминаете, что знаете местонахождение бомб. Самую большую тайну магтов.

— Точно я не уверен, но есть очень большой шанс, что это действительно так, — сказал Брайон, пытаясь укрепить линию обороны. — Замеры уровня радиации, проведенные Телтом, показали, что там что-то есть. Но Телт мертв, его записи уничтожены. Разве вы не понимаете...

Он внезапно умолк, осознав, как размыто и бездоказательно все, что он может сейчас сказать. Это было поражение.

Радио молчало — слышалось только гудение приемника. Крафft ждал, что еще скажет Брайон.

Когда тот заговорил, в голосе его не было ни капли надежды.

— Посылайте ваш корабль, — устало сказал он. — Мы в здании, которое принадлежало «Тресту Легких Металлов» — что-то вроде большого склада. Я не знаю адреса, но уверен — у вас найдется кто-нибудь, кто знает. Мы будем вас ждать. Вы выиграли, Крафft.

Он отключил радио.

Глава 17

— Ты всерьез так думаешь? Насчет того, чтобы бросить все это? — спросила Леа.

Брайон осознал, что она слышала весь его разговор с Крафftом. Он дернул плечом, пытаясь хоть как-то выразить словами свои чувства:

— Мы пытались — и нам почти удалось. Но если они не слушают, что мы можем сделать? Что может сделать один человек против флота, нагруженного водородными бомбами?

Словно бы в ответ на его вопрос зазвучал голос Улва — жесткие слова дитского языка рассекли тишину, как плеть.

— Убить тебя, враг! — прорычал он. — Убить *умедвирк*!

Он с силой выкрикнул последнее слово, и его рука метнулась к поясу. Одним стремительным движением он поднес к губам духовую трубку, и крохотный снаряд впился в уже мертвую плоть существа в мозгу магта. В этом было что-то от сломанного в знак объявления войны копья.

— Улв понимает все это много лучше, чем ты думаешь, — сказала Леа. — Он знает о симбиозе и мутуализме столько, что мог бы читать лекции в любом университете на Земле. Он знает, что такое мозговой симбиот и что он делает. У них есть даже слово для этого — слово, которое никогда не встречалось нам в наших уроках дитского. Жизненная форма, с которой можно жить или взаимодействовать, называется *медвирк*. Та, что работает на разрушение, — *умедвирк*. Он также понимает, что жизненные формы изменяются, и в зависимости от обстоятельств являются *медвирк* или *умедвирк*. Он только что решил для себя, что мозговой симбиот — это *умедвирк*, и собирается уничтожить врага. Так же поступят и ос-

тальные диты, как только он сможет предъявить им доказательства и объяснить, что к чему.

— Ты в этом уверена? — против воли заинтересованно спросил Брайон.

— Совершенно. Проблема выживания решается у дитов не так, как у магтов, но результаты не столь сильно отличаются. Они уничтожат мозговых симбиотов, даже если это будет означать убийство всех магтов, в которых они живут.

— Если это так, то мы не можем улететь сейчас, — сказал Брайон, и едва он произнес эти слова, его осенило, что он должен делать. — Сейчас за нами прилетит корабль. Лети на нем и возьми с собой тело магта. Я не полечу.

— А... где же ты будешь? — потрясенно спросила она.

— Буду драться с магтами. То, что я останусь на планете, гарантирует, что Краффт не сбросит бомбы раньше полуночи. Это означало бы, что он намеренно убивает меня. Сомневаюсь, что его остановит, если я останусь здесь и после «часа ноль», но, по крайней мере, до тех пор он бомбы не сбросит.

— И чего ты добьешься, кроме самоубийства? — взмолилась Леа. — Ты же только что говорил мне, что один человек не может ничего сделать. Что будет с тобой в полночь?

— Я буду мертв. Но все равно я не могу бежать. Не теперь. Я должен делать все возможное до последней минуты, до последнего мига. Мы с Улвом отправимся в башню магтов и выясним, там ли бомбы. Теперь он будет сражаться на нашей стороне. Может, он даже знает о бомбах больше — просто раньше не хотел мне говорить. Мы можем найти поддержку у его народа. Кто-то из них должен знать, где находятся бомбы, поскольку они — коренные жители планеты.

Леа хотела было что-то сказать, но он не дал ей даже рта раскрыть:

— Тебе достанется не менее важная работа. Покажи магта Краффту, объясни ему значение этого мозгового паразита. Попытайся заставить его переговорить с Хисом о последнем рейде. Попытайся убедить его пока не начинать атаку. Я возьму с собой радио и, как только что-то узнаю, свяжусь с вами. Это, конечно, последний шанс, но больше ничего мы сделать не можем. А если мы не будем делать ничего, это будет означать конец Дита.

Леа попыталась возражать, но он не стал ее слушать — только поцеловал и принялся убеждать, что все будет в порядке. Они знали, что так не будет, но не стали даже говорить об этом, чтобы не мучить себя.

Тяжелый рокот сотряс здание, за окнами потемнело — на улицу перед домом опустился корабль. Из люка полезла команда нийордцев — с оружием на изготовку.

Некоторое время Брайону и Леа пришлось убеждать их забрать не только девушку, но и труп. Корабль взлетел. Брайон проводил его взглядом, пытаясь избавиться от гнетущего чувства, что видит и Леа, и этих людей в последний раз.

— Давай-ка выбираться отсюда и побыстрее, — сказал он Улву, забирая передатчик, — пока тут никто не появился, чтобы выяснить, с чего бы это здесь садился корабль.

— Что ты будешь делать? — спросил Улв, пока они шли по улице к окраинам города. — Что мы можем сделать в оставшиеся несколько часов?

Он указал на клонящееся к горизонту солнце. Прежде чем ответить, Брайон переложил передатчик в другую руку.

— Добраться до башни магтов, на которую мы нападали прошлой ночью. Это наш шанс. Бомбы могут быть здесь... Или, может, ты знаешь, где бомбы?

Улв покачал головой:

— Я не знаю, но может знать кто-нибудь из моего народа. Мы поймаем магта, потом убьем его, чтобы все увидели *умедвирк*. Потом они расскажут нам все, что знают.

— Тогда сначала в башню — за бомбами или за магтом. Как быстрее туда пробраться?

Улв сдвинул в задумчивости брови:

— Если ты сможешь вести одну из этих машин, на каких ездят инопланетники, я знаю, где тут в городе их можно найти. Никто из моего народа не умеет ими управлять.

— Я умею — пойдем.

На этот раз им повезло. У первого же вездехода, на который они наткнулись, в замке дверцы торчали ключи. Вездеход работал на аккумуляторах, они были полностью заряжены. Двигался он гораздо тише, чем тяжелые машины с атомным двигателем. Через несколько минут город остался за спиной, и Брайон вывел машину в пески. Впереди солнце медленно погружалось в кровавые волны жаркого закатного марева. Было шесть часов. К тому времени, как они добрались до башни, прошел еще час. Нервы Брайона были натянуты до предела.

Хотя это и было похоже на самоубийство, нападение на

башню принесло ему чувство облегчения. Он двигался, действовал — и ненадолго забыл о бомбах, висящих над его головой.

Нападение, однако же, обошлось без малейших столкновений. Они проникли в башню через главный вход — Улв бесшумно крался впереди. Вокруг никого не было. Пробравшись внутрь, они направились вниз, в нижние комнаты — туда, где приборы зафиксировали всплеск радиации, постепенно понимая, что башня магтов совершенно пуста.

— Все ушли, — проворчал Улв, начинавший принюхиваться в каждой комнате, которую они проходили. — До того здесь было много магтов, но теперь они все ушли.

— Они часто вот так покидают свои башни? — спросил Брайон.

— Никогда. Я никогда прежде не слышал ни о чем подобном. Не могу даже представить, почему они так поступили.

— Ну а я могу, — заявил Брайон. — Они оставили бы свой дом, если бы уносили с собой что-то, что представляет большую ценность. Бомбы. Если бомбы хранились здесь, после нападения они могли перепрятать их...

Внезапно его охватил страх.

— Или они могли унести их отсюда потому, что пришло время доставить их к пусковой установке! Давай выбираться отсюда и как можно скорее!

— Я чувствую воздух снаружи, — сказал Улв, — он идет оттуда, снизу. Этого не может быть, потому что магты не устраивают входы в свои башни так низко.

— Мы тут пробили дыру несколько раньше, может, это она и есть. Ты можешь ее найти?

Когда они завернули за угол, впереди засиял лунный свет, сквозь пролом в стене были видны звезды.

— Она кажется больше, чем была, — заметил Брайон, — как будто магты ее расширили.

Он выглянул наружу и увидел на песке следы чего-то вроде гусениц или колес:

— Похоже на то, что они ее расширили, чтобы протащить здесь что-то большое, и увезли это «что-то» на том, что оставило эти следы!

Они выбрались наружу через пролом в стене и побежали к вездеходу. Брайон резко развернул машину и направил туда, куда вели следы. Это были следы вездехода, а поверх них шел едва заметный неширокий след колес. Брайон выключил фары и повел машину медленнее. Лунный свет был достаточно ярким, чтобы следы можно было разобрать. У них оставалось еще четыре часа. Ведя вездеход одной рукой, Брайон включил радиопередатчик, заранее настроенный на волну Краффта.

Когда оператор опознал его сигнал, Брайон доложил о том, что они обнаружили, и о своих выводах.

— Передайте сообщение командору Краффту. Немедленно. Я не могу ждать разговора с ним — я иду по следу.

Он отключил передатчик и надавил на педаль акселератора. Машина взревела и рванулась вперед.

— Они ушли в горы, — чуть позже сказал Улв: следы по-прежнему вели прямо вперед. — Там пещеры, возле которых, как я слышал, видели много магтов.

Догадка оказалась правильной. Еще не было девяти часов, когда они добрались до гряды холмов, за которыми виднелась темная стена гор, заслонявшая звезды.

— Останови машину здесь, — сказал Улв. — Пещеры начинаются неподалеку отсюда. Там могут быть часовые магтов, и нам нужно подобраться тихо.

Брайон пошел по глубокому следу колес, по-прежнему держа в руке рацию. Улв обшаривал ближайшие окрестности в поисках дозорных, однако ж никого не обнаружил.

К половине десятого Брайон понял, что они слишком рано покинули вездеход. След вел их все дальше и дальше вперед, и конца этой дороге не предвиделось. Они прошли уже несколько пещер (Улв указывал на них Брайону), но след все не прерывался. Время уходило, а конца этому кошмарному пути в ночи, похоже, не предвиделось.

— Впереди еще пещеры, — сообщил Улв. — Иди тихо.

Они осторожно подобрались к вершине холма, как делали уже не один раз, и заглянули вниз, в неглубокую долину. Дно ее было покрыто песком, и лунный свет, под углом падавший на следы колес, превращал их в две четко проведенные черные полосы. Они пересекали долину и исчезали в черном зеве пещеры на противоположной стороне.

Брайон отполз назад и, прикрыв индикаторную лампу рукой, включил передатчик. Улв остался на вершине, наблюдая за входом в пещеру.

— Важное сообщение, — зашептал в микрофон Брайон. — Прошу записать.

Он повторял эти фразы в течение тридцати секунд, следя

за часами, если бы не это, секунды ожидания показались бы ему минутами. Потом отчетливо и ясно сообщил о следах и о пещере, в которую они вели.

— ...Бомбы могут быть в пещере. Я оставлю здесь и включу свой личный передатчик, чтобы вы могли его запеленговать. Второй, более мощный передатчик, я возьму с собой. Если мы не сможем вернуться ко входу, я попытаюсь установить связь изнутри пещеры. Сомневаюсь, что вы его услышите сквозь скалу, но все равно попытаюсь. Конец связи.

Он отключил было передатчик, но, помедлив мгновение, снова включил его.

— Прощай, Леа, — сказал он и на этот раз отключил его окончательно.

Они обошли долину, двигаясь в тени скал, и добрались до входа в пещеру. Впереди не было заметно никакого движения, не было слышно ни звука. Брайон взглянул на часы и помрачнел.

Десять тридцать.

Последний скальный выступ, за который можно было спрятаться, находился в пяти метрах от входа в пещеру. Они уже было собрались преодолеть это расстояние одним броском, но тут Улв внезапно жестом показал Брайону — ложись. Он указал на свой нос, потом на пещеру. Он чувствовал там запах магтов.

Из мрака пещеры появилась темная фигура. Улв среагировал мгновенно. Он встал в рост, поднеся к губам духовую трубку. Раздался тихий свист — магт беззвучно согнулся и осел на землю. Но не успел он упасть, как Улв бросился вперед и нырнул в пещеру. Оттуда раздался приглушенный стон, и все стихло.

Брайон осторожно подошел ко входу, держа на изготовку револьвер. Кто знает, с чем ему придется встретиться внутри? Его мысли прервал донесшийся из мрака шепот Улва:

— Их было только двое. Теперь мы можем идти.

Брести во мраке по пещере было настоящей пыткой. У них не было фонаря, а если бы и был, они не рискнули бы им воспользоваться. На каменном полу следов колес не было видно, и если бы не чуткий нос Улва, они, несомненно, заблудились бы в сходящихся и расходящихся коридорах и ответвлениях. И без того они полностью потеряли ориентацию.

Идти было почти невозможно. Им приходилось ощупывать стены, подобно слепцам. Они спотыкались и падали, их

пальцы были разбиты и кровоточили. Улв шел по запаху магтов; когда запах становился слабее, им приходилось возвращаться по собственным следам и снова идти, но уже в другом направлении.

Еще страшнее было почти физическое ощущение уходящего времени, сводившее с ума. Светящиеся стрелки часов Брайона неумолимо завершали круг.

Без четверти двенадцать.

— Впереди свет, — прошептал Улв. Брайон задохнулся от радости. Медленно, бесшумно они двинулись вперед, пока не остановились на пороге огромного зала с куполообразным сводом, ярко освещенным лампами.

— Что это? — спросил Улв, щурясь и мигая — от внезапного перехода из мрака в ослепительный свет болели глаза.

Брайону пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не закричать:

— Эта клетка с металлическими перепонками — гиперпространственный генератор. Те заостренные серебристые штуковины рядом с ним — какие-то бомбы, вероятно, кобальтовые. Мы нашли их!

Первым его импульсом было послать сообщение по радио, остановить флот, готовый сбросить бомбы на Дит. Но бездоказательное сообщение будет хуже, чем вовсе никакого. Ему необходимо было в точности описать то, что он здесь видел, чтобы нийордцы поняли, что он не лжет. То, что он им скажет, должно полностью совпасть с информацией, которую они уже имели о бомбах и пусковой установке.

Пусковая установка представляла собой резервный блок корабельного гиперпространственного генератора; это было очевидно. Генератор и пульт управления были аккуратно закрыты чехлами. От них к грубому подобию клетки, явно сделанной вручную из переплетенных металлических полос, тянулись толстые кабели. С оборудованием возились три техника. Каких же кровожадных вояк сумели нанять магты на эту чудовищную работу, подумал было Брайон, но тут увидел цепи, сковавшие их шеи, и кровавые раны на спинах.

И все же он не ощущал к ним жалости. Очевидно, за деньги они согласились принять участие в уничтожении другой планеты, но потом взбунтовались, поняв, что это нападение равносильно самоубийству.

Тринадцать минут до полуночи.

Прижимая к груди передатчик, Брайон поднялся на ноги.

Теперь он мог лучше разглядеть бомбы. Их было двенадцать, похожих, словно яйца в одной смертоносной кладке. Они были в два метра высотой — остроконечные, похожие на космолеты. Было очевидно, что это боеголовки ракет, так как на одной из них он увидел шесть стоек, которыми бомба должна была крепиться к ракете-носителю.

Этого было достаточно. Такое описание даст нийордцам возможность понять, что он не лжет, что он действительно нашел бомбы. Как только они поймут это, они отложат бомбардировку Дита и попытаются прежде уничтожить бомбы.

Брайон прошел шагов пятьдесят в глубь тоннеля и остановился за поворотом. Теперь его не было видно и слышно из зала. Осторожно, тщательно рассчитанными движениями он включил передатчик и проверил частоту передачи. Все верно. Потом, медленно и отчетливо, он описал все, что видел в пещере, стараясь сделать так, чтобы его голос звучал бесстрастно — просто излагал факты, избегая всего, что можно было бы посчитать его собственным мнением и оценкой.

Когда он закончил, до полуночи оставалось шесть минут. Он переключил радио на прием и подождал.

Тишина.

Не сразу до его утомленного разума дошло значение этого молчания. Не было ни треска, ни шипения — даже когда он включил звук на полную мощность. Огромные массы земли и камня полностью экранировали связь, поглощая сигналы.

Они не услышали его. Флот Нийорда не знал, что кобальтовые бомбы были обнаружены. Нападение произойдет, как и было запланировано. Уже сейчас бомбовые отсеки были открыты, и водородные бомбы висели над планетой. Через несколько минут будет дан сигнал, держатели разожмутся, и бомбы рухнут на планету...

— Убийцы! — заорал Брайон в микрофон. — Вы не слышали разумных доводов, вы не стали слушать Хиса, не стали слушать ни меня, ни кого-либо иного, кто предлагал бы другой выход, кроме тотального уничтожения. Вы собираетесь уничтожить Дит, *а в этом нет необходимости*! Было множество способов остановить все это. Вы ничего не сделали, а теперь слишком поздно. Вы уничтожите Дит, но это, в свою очередь, приведет к уничтожению Нийорда. Так говорил Айхьель, и я ему верю.

Он поднял приемник над головой и с размаху впечатал его в каменный пол. Потом развернулся и бросился назад к

Улву. Людям на поверхности Дита оставалось жить менее двух минут.

— Они не получили моего сообщения, — сказал Брайон Улву. — Так глубоко под землей радио не работает.

— Значит, бомбы упадут? — спросил Улв, пристально вглядываясь в лицо Брайона, озаренное отсветами бледных ламп в пещере.

— Если не произойдет что-то, о чем мы не знаем, бомбы упадут.

После этого оба умолкли — они просто ждали. Три техника в пещере тоже следили за временем. Они переговаривались между собой и пытались что-то сказать магтам. Но подавленный паразитом разум магтов не видел причин прекращать работу; магты били людей, чтобы заставить их вернуться к работе. И все же это ни к чему не привело. Люди, оцепенев от ужаса, смотрели на стрелки часов, неотвратимо двигавшиеся к двенадцати. Даже магты, как видно, в конце концов осознали значимость происходящего. Они тоже остановились и ждали.

На часах Брайона стрелки сошлись на отметке «12» — сперва часовая, потом минутная. Потом секундная. На десятую долю мгновения они слились. Потом секундная стрелка двинулась вперед.

Брайон не успел даже ощутить облегчения — он с ужасом осознал, что они находятся глубоко под землей: звук и сейсмические волны в толще скалы распространяются не так быстро, а вспышки ядерных взрывов отсюда просто невозможно увидеть. Если бомбы были сброшены ровно в двенадцать, они, находящиеся здесь, внизу, узнают это чуть позже...

Далекий гул наполнил воздух. Мгновением позже под ногами людей содрогнулась земля, лампы в пещере мигнули, а с потолка посыпалась мелкая пыль.

Улв обернулся к Брайону, но тот отвел взгляд. Он знал, что прочтет в глазах дита обвинение, — и не мог вынести этого.

Глава 18

Один из техников с криком бросился куда-то очертя голову. Магт сбил его с ног и бил до тех пор, пока тот не замолчал. Увидев эту расправу, остальные двое вернулись к работе. Руки у них дрожали. Даже если на поверхности планеты не

осталось больше жизни, для магтов это не имело ни малейшего значения. Они будут выполнять то, что запланировано, — упорно и без малейших эмоций.

Техники продолжали работать, но их отношение к происходящему, как видно, менялось. Они были обречены — они *уже* были мертвы. Незримая смерть, радиация, должно быть, уже проникала в пещеру, но у них была возможность отомстить. Они быстро завершили свою работу — с той скоростью и тщанием, которых никогда не проявляли прежде.

— Что делают эти инопланетники? — спросил Улв.

Брайон вздрогнул, пробуждаясь от оцепенения, и посмотрел. Техники взяли колесную тележку и теперь старались перекатить на нее одну из бомб, а затем повезли к клетке генератора.

— Теперь они собираются бомбить Нийорд так же, как Нийорд бомбил Дит. Эта машина особым способом забросит бомбы на другую планету.

— Ты их остановишь? — спросил Улв. В руках у него была смертоносная духовая трубка, а лицо застыло, как маска, лишенная всяческого выражения.

Ирония ситуации едва не заставила Брайона улыбнуться. Несмотря на все, что он делал, пытаясь это предотвратить, Нийорд все же сбросил бомбы на Дит. Сейчас остановить запуск боеголовок было вполне в силах Брайона. Но надо ли ему делать это? Спасать жизни тех, кто убил его? Или лучше вспомнить древнюю кровавую клятву, само эхо которой продолжало разрушать и уничтожать на протяжении многих и многих веков: *«Око за око, зуб за зуб»?* Это было бы так просто. Ему ничего не нужно было бы делать. Счет сравняется, его собственная смерть и смерть дитов будут отмщены...

Зачем сейчас Улву оружие? Собирается убить его, Брайона, если тот попытается остановить запуск боеголовок? Или же Брайон совершенно не понял мысли дита?

— А *ты* — остановишь их, Улв? — спросил он.

Насколько велико чувство долга в человеке? В пещерных людях это чувство пробудилось сначала по отношению к своей семье, потом — к своему племени. Чувство долга росло и крепло, и люди начали сражаться и умирать, отстаивая интересы государств и наций. Может, наступит время, когда чувство долга распространится на все человечество в целом? И более того — на все формы жизни?

И Брайон воочию увидел это: идею, воплощенную не на

словах, а на деле. Когда он задал себе тот же вопрос, что и Улву, он осознал, что ответ на него может быть только один. Он вытащил револьвер, раздумывая только над тем, что ответит сам Улв.

— Нийорд — это *медвирк*, — проговорил Улв, поднимая духовую трубку к губам, и послал маленькую стрелу через пещеру. Она поразила одного из техников, и тот рухнул на пол, не успев даже вскрикнуть.

Выстрелы Брайона разбили панель управления, навсегда уничтожив угрозу Нийорду.

Медвирк, сказал Улв. Жизненная форма, которая помогает жизни других. Она может убить, защищая себя, но по сути своей не является ни убийцей, ни разрушителем. Вся жизнь Улва была опытом взаимозависимости жизненных форм. Он понял суть идеи и дал ответ, игнорируя все словесные сложности, просто и прямо. Он убивал магтов, которые были частью его собственного народа, потому что они были *умедвирк* — против жизни. И спас своих врагов, потому что те были *медвирк*.

Осознав это, Брайон с болью подумал о том, что планета и те люди, которые достигли понимания этого, были мертвы.

Магты в пещере поняли, что их планы рухнули. Безмолвно они бросились вперед, чтобы убить врага — в едином порыве ярости, лишенной эмоций.

Брайон и Улв начали отбиваться. Даже сознавая, что он в любом случае обречен, Брайон не мог сдаться без боя и принять смерть от рук магтов. Для Улва все было гораздо проще. Он просто убивал *умедвирк*. Верующий в жизнь — убивал то, что этой жизни противостояло.

Отстреливаясь, они отступали во мрак. Подсвечивая себе путь фонарями, магты уверенно шли по следу, так как они знали эти пещеры много лучше, чем те, кого они преследовали, а потому попросту окружали их. Брайон увидел впереди огни и заставил Улва остановиться.

— Они знают дорогу через эти пещеры, а мы — нет, — сказал он. — Если мы попытаемся бежать, они просто пристрелят нас. Давай найдем место, где мы смогли бы обороняться.

— Вон там, — Улв махнул куда-то вправо, — есть пещера с одним входом, и она достаточно узка.

— Пошли!

Бесшумно двигаясь, они незамеченными добрались до

пещеры, оканчивавшейся тупиком. Войдя в нее, они спрятались за скальным выступом и принялись ждать.

Они были обречены.

Магт влетел в их пещеру, светя фонарем по сторонам. Луч света прошел над двумя прячущимися — и в тот же миг Брайон выстрелил. Магт упал, но звук выстрела прокатился по пещерам как гром.

Прежде чем в пещеру успел войти кто-либо еще, Брайон выскочил из укрытия и схватил все еще работающий фонарь. Укрепив его в скалах так, чтобы освещал вход, он поспешил назад в укрытие, и оба — анвхарец и дит — приготовились к нападению.

Ждать пришлось недолго. В пещеру вбежали два магта и тут же упали, сраженные пулями. Брайон думал только о том, сколько времени пройдет, прежде чем магты вспомнят о гранатах и бросят одну из них в эту пещеру.

В отдалении раздался невнятный шум и звук взрывов. Брайон и Улв пригнулись в своем укрытии, удивляясь тому, что атака еще не началась. Потом ко входу в пещеру приблизился один магт, но Брайон медлил с выстрелом.

Потому что магт вошел *пятясь*, отстреливаясь от кого-то, кто был перед ним.

У Улва никаких сомнений не было, но его оружие не могло пробить одежду магта. Когда тот повернулся, крохотный снаряд, несущий смерть, мгновенно впился в его предплечье — и магт рухнул на каменный пол бесформенной грудой тряпья.

— Не стреляйте, — донесся снаружи голос, и на свет в облаках пыли и дыма вышел человек.

Брайон изо всех сил стиснул руку Улва, заставив его отнять трубку ото рта.

На человеке, стоявшем сейчас в луче света, был защитный шлем, ботинки на толстой подошве и форма.

Это был нийордец.

Брайон с трудом осознавал то, что видел. Ведь он же слышал, как падали бомбы! И все же здесь был солдат Нийорда. Он никак не мог связать друг с другом эти два факта.

— Вы не придержите еще его руку, сэр, — на всякий случай? — спросил солдат, опасливо глядя на духовую трубку. — Я знаю, что могут сделать такие штуки.

Он вытащил из кармана микрофон и что-то проговорил.

В пещеру ввалилось еще несколько солдат, а позади них шел профессор-командор Краффт собственной персоной. В запыленной боевой форме он выглядел чрезвычайно странно и, пожалуй, достаточно неряшливо; еще более нелепо смотрелся револьвер в его бледной старческой руке с проступающими голубыми венами. С явным облегчением сунув оружие кому-то из стоящих рядом солдат, он поспешил к Брайону и взял его за руку.

— Для меня огромнейшее и искреннейшее удовольствие видеть вас лично, — сказал он. — Как и вашего друга Улва.

— Возможно, вы будете так любезны объяснить, что происходит? — слабо проговорил Брайон. Его охватило странное ощущение нереальности происходящего.

— Мы навсегда запомним вас как человека, который спас нас от нас самих, — сказал Краффт; он (вероятно, к немалому своему облегчению) перестал быть командором и снова превратился в профессора.

— Брайону нужны факты, а не речи, дедуля, — заявил Хис. Искореженная согбенная фигура протиснулась через толпу солдат, и предводитель мятежной армии Нийорда встал рядом с Краффтом. — Проще говоря, Брайон, ваш план удался. Краффт передал мне ваше послание, и как только я услышал его, то развернул свой корабль назад и встретился с командором. Мне очень жаль Телта, но он действительно нашел то, что мы все искали. Я не мог проигнорировать ваше сообщение о следах радиоактивности. Ваша приятельница вместе с тем располосованным трупом прибыла на корабль штаба почти одновременно со мной, и мы все долго разглядывали этот зеленый лишайник в черепушке покойника. Девушка нам очень подробно объяснила, что это такое. Мы уже высаживались на планету, когда получили ваше сообщение о том, что в башне магтов что-то хранилось. Найти вас было несложно, так как мы сразу же запеленговали передатчик, который вы оставили у пещеры...

— Но как же взрывы в полночь? — перебил его Брайон. — Я ведь их слышал!

— Вы и должны были их услышать, — рассмеялся Хис. — Не только вы, но и магты в той пещере. Мы предполагали, что они вооружены и что пещера надежно охраняется. А потому в полночь мы сбросили неподалеку от входа несколько обычных бомб. Этого оказалось достаточно для того, чтобы уничтожить охрану, при этом не устроив завала. Мы надея-

лись также, что магты, находящиеся в пещерах, оставят свои посты и уйдут вглубь, спасаясь от радиоактивного излучения. Так они и сделали. Все сработало просто великолепно. Мы вошли без особого шума и захватили их врасплох. Чистая работа. Тех, которых мы не смогли взять живьем, мы просто прикончили.

— Один из техников, обслуживавших генератор, был еще жив, — продолжил Краффт. — Он рассказал нам, как вы предотвратили бомбардировку Нийорда — вы вдвоем.

Никто из нийордцев ничего не прибавил к его словам — даже циничный Хис. Но эмпатически Брайон воспринимал их чувства — огромное облегчение, благодарность и радость. Он знал, что этого ощущения не забудет никогда.

— Война закончилась, — перевел он Улву, зная, что дит ничего не понял из объяснений. И тут сообразил, что во всей этой истории была одна явная нестыковка. — Вы не могли этого сделать, — проговорил он. — Вы высадились на эту планету *до того*, как получили мое сообщение насчет башни. А это значит, что вы по-прежнему ожидали, что магты будут бомбить Нийорд — и все же высадились?

— Ну, разумеется, — пожал плечами профессор Краффт, удивленный тем, что Брайон не понимает такой простой вещи. — Что же еще мы могли сделать? Ведь магты больны!

Увидев потрясенное и озадаченное выражение, возникшее на лице Брайона, Хис рассмеялся.

— Тут нужно понимать психологию нийордцев, — пояснил он. — Война столь чужда нашей философии, что мы даже слышать о ней не можем. Такова уж наша беда: мы — вегетарианцы в Галактике, населенной плотоядными. Легкая добыча для первого же хищника, который прыгнет на спину. Любая другая планета просто перешибла бы этим магтам хребет и выбила бы из них проклятые бомбы. Мы же валандались с этим так долго, что чуть было не угробили обе планеты. Но этот ваш мозговой паразит заставил нас отступить от края пропасти.

— Я все равно не понимаю, — сказал Брайон.

— Пока не появились вы, мы здесь, на Дите, просто не знали, как подступиться к магтам. Они действительно были для нас чем-то чуждым. Все, что делали они, казалось нам бессмысленным, а все, что пытались сделать мы, не имело на них ни малейшего влияния. Но вы выяснили, что они *больны*, а что делать в этом случае, мы знаем. Мы снова стали единым

целым; по взаимному соглашению армия мятежников снова слилась с остальными силами Нийорда. Сюда уже направляются доктора и медсестры. Уже введен в действие план, позволяющий эвакуировать большую часть населения до тех пор, пока не будут обнаружены бомбы. Планета снова объединилась и работает.

— И все только потому, что магты больны, что они заражены деструктивной формой жизни? — спросил Брайон.

— Именно так, — ответил профессор Краффт. — В конце концов, мы же цивилизованные люди. От нас нельзя ждать, что мы станем воевать, но еще менее вероятно, что мы откажем в помощи больным соседям, разве не так?

— Нет... конечно же, так, — проговорил Брайон, тяжело опускаясь на землю. Он перевел взгляд на Улва, не понимавшего их разговора. Позади дита маячил Хис с самой циничной из своих ухмылочек на лице, должно быть, размышляя о слабостях своего народа.

— Хис, — позвал Брайон, — переведите это все на дитский и объясните Улву. Я этого сделать не рискну.

Глава 19

Дит выглядел сейчас парящим в пространстве золотым шаром, похожим на глобус в классной комнате. Облака не скрывали его поверхности, из космоса Дит казался доброй и ласковой планетой, пристанищем в ледяной тьме космоса. Брайон почти пожалел о том, что он сейчас не там. Он сидел, закутавшись в теплую куртку, и дрожал от холода, размышляя о том, когда его организм сменит летний режим существования на зимний, и надеясь на то, что эта перемена не произойдет так же стремительно, как это случилось на Дите.

Отражение Леа в стекле иллюминатора казалось легким волшебным видением. Она тихо подошла к Брайону — только это отражение да почти бесшумное легкое дыхание указывали на присутствие девушки. Брайон стремительно обернулся и взял ее руки в свои.

— Ты выглядишь намного лучше, — проговорил он.

— Что ж, ничего странного, — ответила она, привычным жестом отбрасывая волосы назад. — Я хорошо отдохнула, валяясь целыми днями в госпитале, покуда ты там внизу развлекался — бегал и стрелял в магтов.

— Нет, мы только усыпляли их газом, — поправил ее он. — Нийордцы больше не могут себя заставить убивать, даже если с их стороны это ведет к потерям. На самом деле, труднее всего им сейчас удерживать дитов, которых возглавил Улв, — они-то как раз убивают всех магтов, которых только видят.

— А что нийордцы будут делать, когда переловят всех магтов?

— Они пока еще не знают, — ответил Брайон. — И не будут знать, пока не увидят, что представляет собой взрослый магт с удаленным мозговым паразитом. С детьми все проще. Если их удается поймать в достаточно раннем возрасте, паразита можно уничтожить прежде, чем он сумеет нанести существенный ущерб.

Леа еле заметно передернула плечами и прижалась к нему.

— Я все-таки еще недостаточно здорова, давай поговорим сидя.

Напротив иллюминатора стоял диван, на котором можно было спокойно сидеть и разглядывать Дит.

— Мне даже представить себе страшно магта, лишенного его симбиота, — сказала она. — Если даже его организм сможет перенести такое потрясение, мне кажется, все, что можно получить в этом случае, — тело, лишенное разума. Мне бы не хотелось стать свидетелем таких экспериментов. Я надеюсь только на то, что нийордцы сумеют найти наиболее гуманное решение.

— Я уверен, что сумеют, — заверил ее Брайон.

— А что будет с нами? — смущенно проговорила она, откидываясь назад, ему на грудь. — Надо сказать, у тебя самая высокая температура тела, с какой мне приходилось сталкиваться. Это совершенно восхитительно.

Это действовало Брайону на нервы. Он не обладал способностью Леа забывать все прошлые ужасы и помнить только о приятном настоящем.

— И что же будет с нами? — спросил он с совершенно не подходящей к случаю властностью.

Леа улыбнулась:

— Ты вовсе не был так нерешителен в ту ночь в госпитале. Кажется мне, я помню еще кое-что, что ты тогда говорил. И что делал. Ты не можешь утверждать, что я совершенно безразлична тебе, Брайон Брандт. А потому я только спрашиваю у тебя то же, что спросила бы любая честная анвхарская девушка. Мы поженимся?

Ему было невероятно приятно держать ее хрупкое тело в объятиях, чувствовать, как ее волосы касаются его щеки. Оба они ощущали и понимали это — и оттого его слова прозвучали еще более жестоко:

— Леа — милая! Ты знаешь, насколько ты для меня важна, но, разумеется, понимаешь и то, что мы никогда не сможем пожениться.

Ее тело напряглось, и она резко высвободилась из его объятий.

— Что?! Ты, здоровенный жирный эгоистичный кусок мяса! Что ты хочешь этим сказать? «Ты мне нравишься, Леа, мы здорово поразвлекались и повеселились, но ты же понимаешь, что ты не из тех девушек, которых везут домой к мамочке?!»

— Леа, погоди, — прервал он ее гневную тираду. — Ты же все понимаешь, зачем говорить такие вещи... То, что я сказал, не имеет ни малейшего отношения к моим чувствам. Но женитьба означает детей, а ты достаточно хороший биолог, чтобы знать, что земные гены...

— Дубина бесчувственная! Неграмотный болван! — крикнула она, с размаху залепив ему пощечину. Он не пошевелился и даже не попытался остановить ее. — Оказывается, ты только и думаешь, что о кошмарных историях насчет «усталых генов» Земли. Ты такой же, как все эти здоровенные тупицы с дальних миров. Я знаю, как вы все смотрите на нас с нашим невысоким ростом, нашими аллергиями и гемофилией и прочими всякими слабостями и болезнями. Вы ненавидите...

— Но я же вовсе не это имел в виду, — потрясенно перебил Брайон. — Это у вас сильные и жизнеспособные гены, а смертельны *мои*. Мой ребенок при родах может умереть. Ты забываешь, это ты — истинный homo sapiens. Я же — недавняя мутация.

Леа замерла, пораженная ужасом. Слова Брайона открыли ей истину, которую она знала, но не позволяла себе вспомнить и осознать.

— Земля — это наш дом, где развивалось человечество, — сказал он. — Последние несколько тысяч лет, возможно, на Земле и правда развивались слабые гены. Но это ничто в

сравнении с сотнями миллионов лет развития самого человека. Сколько новорожденных на Земле доживает до года?

— Ну... почти все. Какая-то доля процента умирает — не могу точно вспомнить, сколько.

— Земля — это дом, — вновь мягко повторил Брайон. — Когда люди покидают дом, они могут приспособиться к самым разным планетам, но им приходится платить за это. И страшная цена — это мертвые младенцы. Удачные мутации выживают, неудачные умирают. Естественный отбор прост и жесток. Во мне ты видишь удачу. У меня есть сестра, она — тоже удача. Но у моей матери было еще шестеро детей, которые умерли в младенчестве. И еще несколько, которых она не доносила до срока. Ты ведь знаешь о таких случаях, не так ли, Леа?

— Я знаю, знаю... — она всхлипывала, закрывая лицо руками; Брайон снова обнял ее, и на этот раз она не стала вырываться. — Я знаю все это как биолог, но я так устала быть биологом, лучшей в группе, равной любому мужчине... Я хочу быть просто женщиной... Ты мне нужен, Брайон, ты мне очень нужен, потому что я люблю тебя...

Она помолчала, вытирая глаза.

— Ты отправляешься домой, да? Назад, на Анвхар. Когда?

— Скоро, — ответил он, чувствуя себя до крайности несчастным. — Анвхар мне снится каждую ночь, я все чаще вспоминаю, что являюсь его частью. Многие поколения анвхарцев страдали и умирали для того, чтобы я мог вот так сидеть здесь... Наверное, с точки зрения логики, странно выглядит то, что я себя чувствую обязанным им. Но я действительно так думаю. Поэтому самое важное для меня сейчас — вернуться на родную планету.

— И я не полечу с тобой.

Она сказала это тоном утверждения, а не вопроса.

— Нет, не полетишь, — ответил он. — Ты не сможешь жить на Анвхаре.

Леа с грустью смотрела в иллюминатор на Дит. Сейчас ее глаза были сухи.

— Мне кажется, где-то в глубине души я знала, что именно так все и закончится, — проговорила она. — Если ты думаешь, что твоя небольшая лекция о колыбели человечества была для меня открытием, то ты ошибаешься. Это просто напомнило мне о тех вещах, о которых меня заставили забыть

гормоны. В некотором роде я ревную тебя к твоей будущей крепкой и сильной жене и счастливым детишкам. Но не слишком. Уже давно я осознала то, что на Земле нет никого, за кого я хотела бы выйти замуж. Да еще эти вечные подростковые мечты о герое из Космоса, который уведет меня в дальнюю даль — и, должно быть, не понимая этого, я связала тебя с этим образом. Теперь я достаточно взрослая, чтобы осознать тот факт, что моя работа привлекает меня больше, чем банальное замужество, и я кончу как фригидная и добродетельная старая дева, у которой будет больше ученых степеней и званий, чем у тебя — рекордов в толкании ядра.

Они оба смотрели на Дит. Планета становилась все меньше и меньше, словно бы сжималась в точку по мере того, как их корабль удалялся от нее, направляясь к Нийорду. Теперь они сидели порознь, не касаясь друг друга. Покидая Дит, они оставляли позади и то, что их связывало. Там они оба были чужаками в чужом мире. На недолгое время их жизни соприкоснулись. И теперь это время было на исходе.

— Ну разве мы не смотримся счастливыми! — фыркнул, подходя к ним, Хис.

— Если вы к тому же сейчас на месте помрете, я просто с ума сойду от счастья, — с горечью бросила Леа.

Хис не обратил внимания на ее ехидство и уселся рядом с ними на диван. С тех пор как он перестал командовать мятежной армией Нийорда, Хис казался много мягче, чем прежде.

— Собираетесь и дальше работать на ФКО, Брайон? — спросил он. — Вы из тех людей, которые нам нужны.

Когда до Брайона дошел смысл последних слов, его глаза расширились от изумления:

— Вы что, из Фонда?

— Так точно, действующий агент, работающий на Нийорд, — отрекомендовался Хис. — Надеюсь, вы не думаете, что все эти канцелярские крысы вроде Фосселя и Мерва действительно представляли нас там? Они только делали записи да создавали прикрытие реальной организации. Нийорд — отличная планета с прекрасными людьми, но нужно осторожно и незаметно направить их, чтобы они не распылялись, а нашли свое место в Галактике.

— В какую грязную игру вы играете, Хис? — сдвинув брови, спросила Леа. — Я уже давно и по многим признакам начала подозревать, что в ФКО есть кое-что, кроме всего

этого добра и света, которых я насмотрелась. Вы что, эгоманьяки, или вам власть нужна, или как?

— Вот-вот, именно это и было бы первым обвинением против нас, если бы о нашей деятельности стало известно всем, — сообщил ей Хис. — Вот почему по большей части мы работаем под прикрытием. Лучший аргумент, который я могу этому противопоставить, — *деньги*. Откуда, как вы думаете, мы можем взять деньги на операцию таких масштабов?

Заметив их растерянные взгляды, он улыбнулся:

— Позже вы увидите наши записи, и тогда никаких сомнений не останется. Правда в том, что наши фонды пополняют спасенные нами планеты. Даже ничтожный процент с доходов планеты представляет собой огромную сумму, а если сложить их вместе, денег будет достаточно, чтобы помогать другим планетам. Добровольная благодарность — прекрасное доказательство пользы нашей деятельности. Людей нельзя заставить, чтобы им нравились наши действия. Они должны во всем убедиться сами. Всегда были те, кто знает о нашей работе и одобряет ее, поддерживая нас в финансовом плане.

— И к чему же вы мне рассказываете все эти сверхсекретные сведения? — поинтересовалась Леа.

— Разве это не очевидно? Мы хотим, чтобы вы продолжали на нас работать. Вы можете назвать любую сумму жалованья — как я и говорил, недостатка в наличных деньгах у нас нет.

Хис взглянул на Брайона и Леа и выдал еще один сокрушительный аргумент:

— Надеюсь, Брайон тоже продолжит на нас работать. Он относится именно к тому типу агентов, которые нам отчаянно необходимы и которых почти невозможно отыскать.

— Скажите только, где подписаться, — сказала Леа. Ее голос снова ожил.

— Конечно, чистым шантажом я это не назову, — улыбнулся Брайон, — но, сдается мне, уж коли вы способны разбираться в планетарной психологии, то что вам стоит двигать людьми, как шахматными фигурками? Хотя вы должны понимать, что в этом случае и стараться особо нечего было.

— Вы подпишете? — спросил Хис.

— Я должен вернуться на Анвхар, — ответил Брайон, — но особой срочности в этом нет.

— Земля, — откликнулась Леа, — и без меня перенаселена...

Планета, с которой не возвращаются

Глава 1

ОДИНОЧКА

Как только маленький кораблик вошел в верхние слои атмосферы, он засветился, словно метеорит. По мере того как нарастало трение, свечение усиливалось, красный свет стал белым. Обшивка из сверхпрочного сплава все-таки не была рассчитана на такую температуру. С носового обтекателя срывались языки пламени — горел металл. Вдруг, когда уже казалось, что огонь вот-вот поглотит корабль, огненное облако прорезало яркое пламя тормозных дюз. Если бы это было неуправляемое падение, корабль наверняка бы разбился. Но пилот знал свое дело, он в последний момент включил двигатели и снизил скорость падения корабля ровно настолько, чтобы температура далее не росла.

Звездолет падал сквозь облака вниз, на покрытую травой равнину, которая теперь приближалась с угрожающей скоростью. Когда фатальный исход казался уже неизбежным, двигатели включились опять, сотрясая корабль перегрузками в несколько *g*. Несмотря на отчаянный рев дюз, корабль врезался в почву с оглушительным треском; посадочные опоры круто выгнулись.

Когда рассеялись тучи пыли и дыма, крохотный лючок на носу обтекателя провалился внутрь и из отверстия медленно выползла головка перископа. Она тихо вращалась, охватывая безлюдный с виду пейзаж: безбрежное море травы и далекие деревья.

Вдали промчалось и скрылось из виду стадо перепуганных животных. Перископ продолжал вращаться, но вдруг замер, уставившись на останки боевых машин, что громоздились поблизости на огромном, изрытом воронками поле битвы.

Зрелище было жуткое. Поле усеивали сотни, а может, и тысячи боевых машин — скрученных, покореженных, смятых страшной, неведомой силой. Могильник простирался почти до горизонта. Перископ покачивался вперед-назад, как бы ощупывая ржавые корпуса, потом втянулся внутрь кораб-

ля, лючок сразу захлопнулся. Прошло несколько томительных минут; с громким скрежетом откинулся люк воздушного шлюза.

Немного погодя в проеме люка появился человек. Его движения были осторожны, дуло ионного ружья подрагивало, словно хобот диковинного животного. Человек был облачен в тяжелый скафандр с ТВ-камерой на шлеме: та являлась основным элементом системы наружного наблюдения. Обводя взглядом окрестности, держа палец на спусковом крючке, он медленно опустил свободную руку и нажал кнопку передатчика на запястье.

— Продолжаю доклад за бортом корабля. Иду медленно, стараюсь восстановить дыхание. Все кости болят. Посадку провел практически в режиме свободного падения. Снижение прошло быстро, но в момент касания перегрузки составили 15*g*. Если меня все же засекли при спуске, то пока последствий не заметно. Буду говорить на ходу. Передача записывается на борту космического крейсера, который находится на околопланетарной орбите, как раз надо мной. Что бы со мной ни случилось, запись сохранится. Я не намерен действовать столь же непрофессионально, как Марцилл.

Он не испытывал угрызений совести оттого, что дал волю чувствам, упомянув в докладе погибшего. Если бы Марцилл соблюдал элементарные меры предосторожности, то остался бы жив. Осторожность осторожностью, но этот осел мог бы подумать и о том, чтобы оставить после себя запись. Но не оставил ничего, совсем ничего, что могло бы хоть как-то прояснить случившееся, ни единого слова, которое сейчас очень бы помогло. Тут Хартиг негодующе фыркнул. Посадка на новую планету всегда опасна, вне зависимости от того, насколько мирно эта планета выглядит. И Сельм-II тут не исключение. Да и выглядит она вовсе не мирно. Для Марцилла то задание было первым. И последним. Он сделал на орбите последнюю запись, в которой указал предполагаемые координаты посадки. И больше ничего. Осел. Больше он на связь не выходил. Вот тогда и было принято решение послать специалиста. Для Хартига это был семнадцатый планетарный контакт. И он собирался использовать весь свой опыт, чтобы этот контакт не стал последним.

— Теперь я понимаю, почему Марцилл выбрал это место. Здесь ничего нет, кроме травы, вокруг открытое пространство. К тому же тут, рядом с местом посадки, было сражение — и не очень давно. Поле боя находится прямо передо мной.

Много разбитых боевых машин различных типов, в прошлом довольно грозных. Я хочу подойти поближе и осмотреть их.

Хартиг закрыл люк и не спеша направился к кладбищу машин, не переставая сообщать, что происходит:

— Машины очень большие, ближайшая ко мне не меньше пятидесяти метров в длину. Она на гусеничном ходу и имеет одну башню с огромным орудием. Оно разбито. Отсюда не видно никаких опознавательных знаков. Хочу подойти поближе. Но честно говоря, не нравится мне все это. С орбиты не удалось заметить ни единого города, не было засечено каких-либо передач или переговоров ни в одном диапазоне. И вот вам поле боя и эти развалюхи! Совсем не игрушечные. Эти штуки — продукт высокоразвитой технологии. И это не фантомы. Вот эта, например, сработана из металла — и тем не менее взорвалась. Я не вижу никаких опознавательных знаков. Попробую заглянуть внутрь. Люков отсюда не видно, но в борту такая дырища — на тракторе въехать можно. Вхожу внутрь. Может быть, здесь есть документы, во всяком случае, должны же быть таблички или надписи на панели управления...

Хартиг замер на месте, ухватившись рукой в перчатке за рваный край пробоины. Неужели послышалось? Осторожным движением прибавил чувствительность внешнего микрофона. Теперь он слышал, как в металлических руинах свистит ветер. И больше ничего. Он послушал еще немного, пожал плечами и повернулся к пробоине в борту машины. Внезапно среди ржавых развалин эхом пронесся металлический лязг. Хартиг развернулся и, рухнув на землю, взял ружье на изготовку.

— Снаружи что-то движется. Пока не вижу, что именно, но слышу вполне отчетливо. Подключаю внешний микрофон к передающей цепи, чтобы записать звук. Он становится все громче, это, похоже, колеса, а может, гусеницы, слышу лязг, скрип. Машина... вот она!

Машина выскочила из-за развалин с оглушительным грохотом. Она была невелика, не более пяти метров в длину, и мчалась вперед с пугающей скоростью. Гладкая, черная, зловещая. Хартиг было прицелился, но тут же снял палец с крючка, заметив, что машина проносится мимо. Та развернулась и поддала ходу.

— Она направляется к моему кораблю! Похоже, меня засекли при посадке. А теперь нащупали то ли радиодетектором, то ли радаром. Включаю бортовую защиту через дистанционный пульт. Как только эта штука войдет в зону поражения — сразу взлетит на воздух... Есть!

Загремели взрывы — бортовые скорострельные орудия изрыгали смертоносный огонь. Почва содрогнулась, в воздух взлетели камни, грязь. Орудия смолкли — стрельба сразу возобновилась, как только машина вырвалась из тучи пыли. Целая и невредимая.

— Да, крепкая штучка и шустрая, ничего, главный калибр ее достанет...

Жуткий грохот потряс землю, грохот проник даже сквозь металлические стены, окружавшие Хартига; медленно осело облако красной пыли. Хартиг выглянул, обмер и произнес бесцветным голосом:

— Мой корабль взлетел на воздух. От первого же выстрела этой чертовой штуки. Наши орудия против нее бессильны. Теперь она поворачивает сюда. Похоже, засекла мой радиопередатчик или тепловое излучение. Отключать передатчик уже не имеет смысла. Она движется прямо на меня. Я стреляю, но безрезультатно. Не видно никаких люков или окон. Вероятно, экипаж использует телевизионную систему обзора. Пытаюсь стрелять по выступающим частям на передке. Надеюсь, это ТВ-камеры или датчики. Но, похоже, ее не остановить...

Раздался взрыв, и звук резко оборвался — радиопередача прекратилась. Высоко на орбите, на космическом крейсере, центр управления автоматически начал поиск радиосигнала, но безуспешно. Потом были проверены все резервные диапазоны. Тоже ничего. С механической дотошностью центр повторил поиск на максимальной чувствительности, но не обнаружил ничего, кроме атмосферных помех. И так в течение двадцати четырех часов с интервалом в один час. Когда программа поиска была выполнена, центр управления автоматически включил радио и прокрутил запись доклада, переданного человеком с поверхности планеты. Закончив передачу, центр перевел все системы в дежурный режим и с нечеловеческим терпением принялся ожидать следующей команды.

Глава 2

ЗАПАХ СМЕРТИ

— Что такое? Случилось что-нибудь? — спросила Леа. Она ощутила плечом, как напряглось тело Брайона. Они лежали на низком диване и расслабленно глядели сквозь иллюминатор на усыпанное звездами пространство. Его могучая

рука обвивала тонкую талию женщины, поэтому Леа сразу почувствовала возникшее в нем напряжение.

— Ничего не случилось, в самом деле ничего. Ты только посмотри, какие цвета...

— Послушай, милый, ты комок мышц! Может, ты и лучший атлет в Галактике, но врун из тебя никудышный. Ведь что-то случилось, а я никак не пойму что.

Брайон замялся, а затем кивнул:

— Рядом кто-то есть, раньше его не было. От него следует ждать неприятностей.

— Я верю в твои телепатические способности. Видела в деле. Знаю, ты можешь улавливать чужие эмоции. Но мы в глубоком космосе, до ближайшего солнца многие световые годы — как может кто-то появиться на борту корабля? — Она запнулась и посмотрела в иллюминатор на звезды. — А, конечно, посадочная капсула. Наверное, кого-нибудь встречаем. Ориентация изменилась. Не видно там крейсера ССП? Наверное, кто-нибудь переправляется с него в капсуле.

— Уже переправился. Он на борту. Идет сюда, к нам. Не нравится мне все это. И человек не нравится — а точнее, то, что он нам несет.

Одним движением Брайон поднялся и, сжав кулаки, развернулся. Несмотря на свои добрых шесть футов роста и триста фунтов веса, двигался он, как кошка. Леа глянула на возвышающуюся перед ней фигуру и почти физически ощутила напряжение.

— С чего ты взял? — спокойно спросила она. — Ты прав, конечно, кто-то прибыл на борт нашего корабля, но, возможно, к нам это не имеет ни малейшего отношения...

— Погиб то ли один человек, то ли двое. И этот, который идет к нам, — от него тоже пахнет смертью.

А вот и он.

Леа в изумлении раскрыла рот, когда услышала, как за ее спиной распахнулась дверь каюты. Она испуганно оглянулась. Послышался громкий шорох и сразу глухой стук. Опять шорох, опять стук. Все громче и ближе. Наконец в проеме показался человек. Он неуверенно оглянулся, заморгал, словно у него было не все в порядке со зрением.

Леа пришлось собрать всю свою волю, чтобы не отвернуться и стереть с лица гримасу невольного отвращения. Человек медленно перевел свой единственный глаз с Леа на Брайона. Затем двинулся вперед, волоча изувеченную ногу,

на каждом шагу пристукивая костылем. Та же неведомая сила, которая изуродовала ноги незнакомца, начисто снесла правую половину его лица. Ее покрывала нежная розовая кожа, пустая глазница была прикрыта повязкой. Не было у него и правой руки, но к плечевому суставу был привит зародыш, который через год обещал превратиться в полноценную руку, а то, что болталось сейчас у его плеча, скорее напоминало детскую ручонку сантиметров тридцати длиной. Худой, скрюченный человек встал рядом с могучим Брайоном.

— Меня зовут Карвер[1], — произнес он, как бы потешаясь над собственным обликом. — Я пришел сюда, чтобы встретиться с вами, Брандт.

— Знаю, — напряжение оставило Брайона столь же внезапно, как и появилось. — Присядьте, передохните немного.

Леа невольно отодвинулась, когда Карвер со вздохом опустился на диван рядом с ней. Она заметила, как он, обливаясь потом и тяжело дыша, выудил из кармана капсулу и бросил в рот. Затем искоса взглянул на нее и кивнул.

— Доктор Леа Морис, — произнес он, — вас это тоже касается.

— ФКО? — спросил Брайон. Карвер утвердительно нагнул голову:

— Фонд Культурных Отношений. Как я понимаю, вы уже сотрудничали с нами?

— Да, но то был экстренный случай.

— У нас что ни случай — то экстренный. Вот и сейчас дело очень серьезное. Поэтому меня и послали встретиться с вами.

— Но почему именно с нами? Мы буквально на днях выбрались с Дита, а там была крутая заварушка. Леа даже заболела. И нам обещали, что передышка будет дольше обычной. В принципе мы согласны и дальше сотрудничать с вами, но именно сейчас...

— Я уже говорил — у нас что ни случай, то экстренный, — голос Карвера звучал хрипло, здоровую руку он зажал между коленями, чтобы унять дрожь. На него явно навалилась боль или усталость — или то и другое вместе, — но он не сдавался. — Я, как видите, только что вернулся со срочного задания, а то сам бы отправился. Если вам будет легче, то

[1] Карвер (carver) — одно из значений этого слова в английском языке «мясницкий нож». (*Прим. перев.*)

могу сообщить, что я полностью осведомлен о ваших приключениях на Дите, отчасти потому и вызвался уладить это дело. Все были чрезвычайно довольны. Но мне не до смеха. Ну что, готовы? — с этими словами он обернулся к Брайону.

— Вы не имеете права заставлять Леа, по крайней мере, сейчас. Я прекрасно справлюсь один.

Карвер отрицательно мотнул головой:

— Вы должны отправиться вдвоем, это оговаривалось специально. Идеальный союз, взаимодополняющие способности...

— Я отправляюсь вместе с Брайоном, — заявила Леа. — Мне уже гораздо лучше. Когда доберемся до места, я буду в норме.

— Очень приятно это слышать. Как вам известно, наша организация является строго добровольной. — На негодующее фырканье Брайона Карвер не обратил ровно никакого внимания, а покопавшись, вытащил из кармана куртки пластиковую коробочку. — Я уверен, что вы осведомлены о том, что наши проекты касаются только тех культур, которые находятся в опасности, и цивилизаций на тех планетах, которые тысячи лет лишены были контактов с остальным человечеством. Мы и близко не касаемся вновь открытых планет — это работа Планетарной разведки. Они идут первыми, а затем передают свои отчеты нам. Это крутая команда, я сам отработал в ПЛАРА четыре года, прежде чем перешел в ФКО. — Тут он мрачно усмехнулся. — Думал, что на новом месте будет полегче. У ПЛАРА возникли проблемы, и они запросили нашей помощи. В таких случаях мы всегда соглашаемся. Вы готовы просмотреть запись?

— Я принесу проектор, — сказал Брайон. Карвер согласно кивнул, не в силах больше говорить.

— Хотите, я что-нибудь закажу для вас? — спросила Леа, когда Брайон вышел из гостиной.

— Да, благодарю, какой-нибудь напиток. Надо пилюлю запить — мне сразу станет лучше. Но никакого алкоголя — пока нельзя.

Делая заказ на компьютере, она чувствовала на себе взгляд чужака, закончила, отложила пульт и резко обернулась.

— Ну, все успели разглядеть? Понравилось?

— Извините. Я и не думал вас обидеть. Так вышло из-за вашей биографии. Никогда еще не видел человека с Земли.

— И что вы ожидали увидеть — две головы?

— Я уже извинился. Знаете, я до того, как покинул родную планету и отправился в космос, считал все эти россказни про Землю обычным религиозным бредом.

— Ну теперь сами убедились, что мы настоящие, только немощные и малокровные. Недокормленные граждане перенаселенной, истощенной планеты. Но так нам и надо — это вы хотите сказать?

— Нет. Хотелось, но не скажу. Империя Земли виновата во многом, но об этом написано в любом школьном учебнике. Да никто этого и не оспаривает. Но теперь это всего лишь история, причем очень древняя история. Меня лично гораздо больше интересует судьба планет, которые откололись после Распада. Пока я сам не увидел, что произошло с некоторыми из них, то и не представлял себе, насколько жестоки и беспросветны бывают такие миры. Человечество в принципе имеет только одну родину — Землю. Вы можете ощущать себя ущербными, потому что перенаселение и ограниченные ресурсы привели к уменьшению физических размеров землян. Но вы родились на Земле, вы — отпрыски Земли. Многие из нас выглядят крупнее и сильнее вас, но лишь потому, что мы были вынуждены приспосабливаться к новым, жестоким мирам. Я привык к этому и даже считал нормой. Но только теперь, когда увидел вас, я осознал, что колыбель человечества существует реально. — Он хитро улыбнулся. — Пожалуйста, не сочтите мои слова за глупость, но когда я вас увидел, то испытал двоякое чувство: облегчения и удовольствия. Как человек, вновь обретший давно забытых предков. Боюсь, я не совсем ясно выразился. В общем, как путешественник, вернувшийся домой после долгих странствий. Я видел, как люди приспособились к жизни на многих планетах. Но, как ни смешно, встреча с вами принесла странное успокоение. Наш родной дом еще существует. Я по-настоящему счастлив встретиться с вами.

— Я верю вам, Карвер, — улыбнулась Леа, — и должна признать, что вы начинаете мне нравиться. Хотя ваш внешний вид оставляет желать лучшего.

Откинувшись, он захохотал и прихлебнул холодного напитка, который появился на столике у его руки.

— Через год вы меня не узнаете.

— Уверена, что так оно и будет. По специальности я биолог и экзобиолог, так что в теории хорошо представляю возможности восстановительного лечения. Через год вы будете

как новый. Но я могу представить это чисто умозрительно, так как впервые вижу этот метод на практике. Мы на Земле люди небогатые, и только очень немногие могут позволить себе столь радикальную регенерацию.

— Это одна из привилегий сотрудников Фонда. Они восстанавливают вас полностью, независимо от тяжести полученных увечий. Вот под этой повязкой у меня через пару месяцев вырастет новый глаз.

— Очень мило. Простите, но лично я предпочитаю не пользоваться привилегиями такого рода.

— Винить вас не могу, просто желаю удачи.

Тут они увидели, что вернулся Брайон с проектором. Он взял у Карвера кассету и вставил в аппарат. Брайон и Леа придвинулись к вспыхнувшему экрану. Карвер откинулся на спинку и просто слушал запись, время от времени прихлебывая напиток. Он уже много раз слышал ее и потому задремал. Но ближе к концу встряхнулся. Голос Хартига на пленке звучал ровно: человек предвидел свой конец, но все-таки старался оставить запись для тех, кто пойдет следом за ним. Пленка закончилась, и экран прояснился. Леа была потрясена. Но когда Брайон повернулся к Карверу, лицо его было бесстрастно.

— И Фонд хочет, чтобы мы отправились на эту планету, на Сельм-II? — спросил он.

Карвер утвердительно кивнул.

— Зачем? Похоже, там больше нужны войска. Солидный вооруженный отряд, который сможет постоять за себя.

— Нет. Вот этого мы как раз и не хотим. Опыт подсказывает нам, что вооруженное вторжение никогда не решает проблемы. Война — это не метод. Война — это убийство. А нам нужна информация, точные и подробные данные. Мы должны узнать, что происходит на этой планете. А для этого нам нужны опытные люди, такие, как вы. Возможно, что на Дит вы отправились без особого желания, оно и понятно, ведь то было ваше первое задание. Но справились вы отлично, сделали то, что специалисты считали невозможным. Нам бы хотелось, чтобы теперь вы применили свои способности на Сельме-II. Что скрывать, это очень и очень опасно. Но ничего не поделаешь — надо.

— А я и не собиралась жить вечно, — ответила Леа и, склонившись над пультом, заказала крепкие напитки. Но напускная веселость не обманула Брайона.

— Я отправляюсь один, — заявил он. — В одиночку мне будет легче управиться.

— Но ты не сможешь, глупая ты гора мышц. Не настолько ты смышлен, чтобы отпускать тебя одного. Или мы идем вместе, или вообще не идем. Только попробуй отправиться один, и я пристрелю тебя, чтобы не вводить людей в пустые хлопоты по доставке твоего тела к месту верной гибели.

Тут Брайон усмехнулся:

— Какая трогательная забота. Ладно, сдаюсь. Твои доводы очень убедительны и логичны, так что лучше нам отправиться вдвоем.

— Прекрасно. — Леа подхватила стакан, вылетевший из приемника, и выпила залпом едва ли не половину содержимого. — Что дальше, Карвер?

— А дальше — самое трудное. Мы должны убедить капитана изменить курс и доставить нас на орбиту Сельма-II. Там нас будет ждать крейсер.

— Чего же тут трудного? — удивился Брайон.

— Я вижу, вам нечасто приходилось иметь дело с капитанами космических кораблей. Они очень упрямы. И в полете обладают всей полнотой власти. Мы не можем заставить его изменить курс, поэтому придется убеждать.

— Я его уговорю, — сказал Брайон, выпрямившись во весь рост. — Мы взялись за это дело, и никакой паршивый космический шоферишка не сможет нам помешать.

Глава 3

ДЕРЗКИЙ ПЛАН

Капитана М'Лута можно было назвать кем угодно, но только не «паршивым космическим шоферишкой». Он и Брайон стояли нос к носу, пожирая друг друга глазами. Оба были мужчины крупные, крепкие и высокие — правда, капитан был чуточку выше. Он был так же мускулист, как и Брайон, и столь же задирист. Они были похожи во всем, за исключением одного: кожа у Брайона отливала бронзой, а капитан был черен, как смола.

— Я уже сказал — нет, — произнес капитан М'Лута, за ровным тоном его голоса скрывался гнев. — А теперь покиньте мостик.

— Мне кажется, капитан, вы не совсем меня поняли. Я обратился к вам с небольшой личной просьбой...

— Отлично. Личная просьба отклонена.

— Но я еще не изложил вам причины...

— Это совершенно излишне. Слышать ничего не хочу. Капитан корабля я. И мне приходится думать и о корабле, и о пассажирах, и о грузе. И кстати, о расписании. Для меня это самое важное. Самое. Ваши люди и так доставили мне немало хлопот со встречей посадочной капсулы. Я пошел на это, так как меня убедили, что случай экстренный. Слава богу, все прошло нормально. Инцидент исчерпан. Вы сами уйдете или вас вышвырнуть?

— Почему бы вам не рискнуть?

Брайон говорил тихо, почти шепотом. Но кулаки его были сжаты, мускулы напряжены, глаза так и пожирали капитана. Но тот глаз не отводил. Карвер прошаркал вперед и с трудом протиснулся между ними.

— Дело зашло слишком далеко, — сказал он. — Пора мне вмешаться, пока ситуация не вышла из-под контроля. Брандт, отправляйтесь к доктору Морис сейчас же.

Брайон тяжело вздохнул и неохотно расслабился. Карвер был прав — но жаль все-таки, что не вышло потасовки. Он резко развернулся и направился к Леа, которая сидела на скамье у переборки. Как только противники разошлись, Карвер здоровой рукой извлек из кармана листок бумаги, взглянул на него и засунул обратно.

— Капитан М'Лута, мы надеялись на ваше добровольное сотрудничество. Но добровольно или нет, вам все равно придется исполнить нашу просьбу...

— Вахтенный! — рявкнул капитан в микрофон. — Возьмите троих людей и быстро на мостик! С оружием.

— Немедленно отмените приказ! — рассердился Карвер. — Включите Сел-связь и вызовите базу. Запросите код Дп-Л.

Капитан резко обернулся и уставился на искалеченного коротышку.

— Откуда вам известен этот код? — вскричал он. — Кто вы?

— Пожалуйста, без лишних вопросов. Свяжитесь с базой и сообщите мое имя — Карвер. Скажите, что я у вас на борту.

Капитан ничего не ответил, лишь тут же отменил приказ и двинулся в радиорубку.

— Что за чудеса? — спросил Брайон у Карвера, когда тот устало плюхнулся рядом.

— Это нокаут, а не чудо. Капитан живет на планете Рудепорт — одной из тех, что многим обязаны Фонду. Населению планеты это, возможно, и неизвестно, однако правительству известно очень хорошо. Они ежегодно выплачивают нам приличную сумму и притом совершенно добровольно.

Брайон кивнул:

— Значит, Рудепорт — одна из тех планет, которым Фонд однажды помог. Мы вытащили их из беды?

— Совершенно верно. Поэтому мы можем просить любой помощи и в любое время. Но только в случае крайней необходимости. Директор тамошнего космопорта извещен о том, что я нахожусь на борту, а также о том, что, возможно, мне придется обратиться за помощью. Директор вечно занят, и ему вряд ли понравится, что его отвлекают по пустякам. Но так или иначе капитан пойдет нам навстречу.

Ждать долго не пришлось. Грохоча башмаками, капитан вернулся на мостик, грозный как туча, и встал перед Карвером. Тот, казалось, не замечал его.

— Кто вы такой, Карвер? Кто позволил вам здесь командовать?

— Вы приказ получили — и будет с вас.

— Нет. По закону только я могу отдавать приказы на этом корабле. И этот закон нарушен. Подорван мой авторитет. А что, если я не подчинюсь приказу?

— Ваше право. Но по возвращении в порт у вас будут определенные неприятности.

— Неприятности? — Капитан мрачно усмехнулся. — Меня спишут с корабля. Навсегда.

— Вы, похоже, дорого цените свое любопытство. Поверьте, капитан, я вам зла не желаю. Но нам просто необходимо туда попасть. Я расскажу вам все, что могу. Эту операцию проводит ФКО. Когда вернетесь, порасспросите свое начальство, что означает это название. Им решать, сколько вам положено знать. Могу лишь добавить, что отклонение от курса совсем не случайно. Погибли люди, и под угрозой еще несколько жизней. Этого довольно, чтобы удовлетворить ваше любопытство?

Капитан звонко стукнул кулаком в ладонь.

— Нет, — ответил он, — не довольно. Но на сейчас хватит, мы сделаем остановку. Но больше я вас видеть не желаю на своем корабле. Никогда. Второй раз я этого не переживу.

— Ваше желание понятно, капитан. Сожалею, что все так вышло.

— Проваливайте. О высадке вам сообщат.

— Не похоже, чтобы вы сильно подружились, — заметила Леа, когда дверь за спиной с грохотом захлопнулась.

Карвер с равнодушным видом устало пожал плечами.

— Пойду к себе в каюту, — сказал он. — Встретимся на высадке.

Для Леа и Брайона приятное путешествие на этом закончилось. Они несколько раз прокрутили пленку, пока не запомнили ее наизусть. Брайон даже позанимался в спортзале, где своей мощью в силовых упражнениях привел тренера в полное замешательство. Леа попыталась отдохнуть и накопить силы. Она не знала, что ждет их на Сельме-II, но, судя по записи, операция обещала быть достаточно опасной. Ожидание было непереносимым, и известие о высадке принесло облегчение. Капитан даже не пришел попрощаться.

— Что теперь? — спросил Брайон, когда все трое выбрались из посадочной капсулы внутри вместительного шлюза крейсера.

— А это вам решать, — ответил Карвер. — С этой минуты считайте, что вы на задании. Вот и командуйте.

— Где мы находимся?

— На орбите Сельма-II.

— Хотелось бы взглянуть.

— В нижнем отсеке есть обсервационный иллюминатор.

Корабль был большой — везде кипела работа. Они миновали машинные отсеки, кладовые, задержались, чтобы пропустить грузовые платформы. Когда наконец вошли в обсервационный отсек, там никого не было. Стоя на прозрачном полу, все трое смотрели вниз. Там проплывала голубая сфера планеты, наполовину освещенная сиянием звезды Сельм — солнцем затерянного в пространстве мира. Брайон пристально разглядывал планету.

— Отсюда она выглядит вполне обычно. Что привлекло к ней такое внимание?

— Все началось со стандартного исследования. Компьютерный анализ архивных записей времен Империи выявил список грузов, отправленных на различные планеты. Большинство из них были уже известны, но не все. Координаты

неидентифицированных планет были переданы в ФКО для разведки и осуществления контакта. Поскольку наблюдения с орбиты не выявили на Сельме-II ни городов, ни других поселений, то его оставили напоследок. Кстати, в эфире не было обнаружено никаких сигналов в обычных диапазонах связи.

— Значит, там нет никаких признаков цивилизации и присутствия людей, кроме следов сражений?

— Да, и это особенно нас заинтересовало. Та куча металлолома, рядом с которой высадились Марцилл и Хартиг, была самой большой из всех обнаруженных. А обнаружено их немало.

— Военная техника — без воинов. А где же люди? Под землей?

— Возможно. Это вам и предстоит выяснить во время экспедиции на планету. Внешне она выглядит довольно привлекательно. Белые шапки на полюсах состоят из снега и льда. Значительную часть поверхности занимает океан. В нем рассыпано множество островов и архипелагов. Единственный большой континент расположен вот тут. Сейчас через него проходит граница дня и ночи. Как видите, он напоминает чашу, потому что по периметру опоясан горными цепями. Отроги гор покрыты лесами, а в средней части континента — обширные травянистые равнины. Много озер, а в центре расположено самое крупное, как раз на линии рассвета, настоящий внутренний океан. Вы сможете рассмотреть все более подробно в записи.

— А как климат?

— Идеальный. По крайней мере, на равнине вокруг озера. В горах довольно прохладно, но внизу тепло.

— Отлично. Прежде всего нам понадобится транспорт. Чем вы располагаете?

— Об этом позаботится руководитель операции. Я полагаю, что удобнее всего использовать спасательную шлюпку. Она невелика, имеет большой запас мощности и способна вместить все необходимое снаряжение. И вооружение у нее неплохое. Наши техники установят самую современную систему вооружения и защиты.

Брайон приподнял брови:

— Похоже, оружие не сильно помогло Хартигу.

— Мы учтем его опыт.

— Вы что-то часто повторяете слово «мы», — заметила Леа, — вы разве полетите с нами?

— Извините. Вы получите любое оружие, какое только пожелаете. Как личное, так и штатное, для шлюпки. Выбирать вам.

— Можно посмотреть перечень? — справился Брайон.

— Об этом позабочусь я, — раздался голос за их спинами.

Обернувшись, они увидели стройного седовласого человека, который неслышно вошел в отсек во время разговора.

— Меня зовут Кларт, я руководитель операции. В мои обязанности входит не только давать советы, но и следить за тем, чтобы вам было доставлено все необходимое. Взгляните на экран компьютера — вот перечень всего, что мы имеем на крейсере.

Перечень был длинный и подробный. Брайон просматривал его вместе с Леа, прикосновением пальца отмечая позиции, которые его интересовали. На столик стали падать распечатки. Брайон взвесил их в руке и глянул вниз, на планету.

— Я принял решение, — произнес он, — и надеюсь, что Леа его одобрит. Шлюпка будет оснащена защитой и новейшим оружием. Мы захватим с собой все, что может нам понадобиться на планете. После того как мы полностью экипируемся, я спущусь на планету один, без единого металлического предмета или прибора. С голыми руками, если угодно. Это самое разумное решение в сложившихся обстоятельствах, не так ли, Леа?

Ответом ему был испуганный взгляд.

Глава 4

ЗА ДЕНЬ ДО ОПЕРАЦИИ

— Я подготовлю список всего необходимого, не откладывая, — произнес Кларт и принялся вводить команды через свой личный терминал. Его спокойствие говорило о том, что любые причуды агентов — дело для него привычное. Леа не разделяла его настроения.

— Брайон Брандт, ты, похоже, рехнулся. Карвер, проследите, чтобы его немедленно посадили под замок.

Карвер согласно кивнул:

— Леа права. Нельзя же, в самом деле, разгуливать безоружным по такой планете. Это чистое самоубийство.

— В самом деле? Много ли помогли оружие и техника тем

двоим, что высадились до меня? Марцилл исчез, но теперь мы легко можем себе представить, что с ним случилось. А что машина-убийца сделала с Хартигом, нам известно совершенно точно. С вашего позволения, я не хотел бы погибнуть, как они. У меня нет и мысли окончить жизнь самоубийством, напротив, я думаю о том, как выжить. Прежде чем принимать решение, обдумайте два факта. Вспомните, как погиб Хартиг. Машина направилась прямо к нему, похоже, она засекла оружие или радиопередатчик. Засекла и уничтожила. Разве не так?

— Так, — сказала Леа, — и это факт номер один?

— Да. Хартиг был обнаружен и уничтожен. Факт второй — животные. Хартиг упомянул о них сразу после посадки. Помните то стадо вдалеке, которое мчалось прочь от места посадки?

— И какая между этими фактами связь? — спросил Карвер.

— Это очевидно, — пояснила Леа. — Животные были целы и невредимы, и боевые машины их не беспокоили. А Хартига они убили. И наш новоиспеченный дикарь хочет уподобиться животному и потихоньку разнюхать обстановку.

— Это сумасшествие, — настаивал Карвер, — я не могу этого позволить.

— Не позволить вы не можете. Ваши полномочия закончились, как только вы доставили нас сюда. Теперь я возглавляю операцию. Леа останется в шлюпке на орбите. Я высажусь один.

— Я беру свои слова обратно, — объявила Леа, — это разумный план, по крайней мере для чемпиона Двадцатых, — и рассмеялась, встретив недоуменный взгляд Карвера. — Вас, видимо, плохо информировали, если вы не знаете, что Брайон — настоящая знаменитость. На его планете, где условия для жизни одни из самых суровых в Галактике, проводятся ежегодные соревнования. Они не только спортивные, но и интеллектуальные. Двадцать различных видов — от фехтования до стихосложения, от тяжелой атлетики до шахмат. Это самые тяжелые соревнования из всех существующих, изнурительная демонстрация физических и интеллектуальных способностей. Насчет деталей можете поинтересоваться у Брайона, я скажу одно: после целого года состязаний определяется только один чемпион. Вообразите себе: атлетические соревнования, в которых принимает участие каждый житель

планеты! Если получилось — попытайтесь представить себе, как должен выглядеть победитель таких соревнований. А если воображение вам отказывает, то взгляните на Брайона. Он один из чемпионов. Что бы ни происходило на Сельме-II, у него есть шансы во всем разобраться. И выйти победителем.

Карвер согнулся и рухнул в кресло, уронив костыль.

— Я верю вам, — произнес он, — однако это ничего не меняет. Как вы уже сказали, с этого момента за весь ход операции отвечаете вы сами. Я выхожу из игры. Могу только пожелать вам удачи. Кларт позаботится о том, чтобы у вас было все необходимое.

— Вот список моих предложений. — Кларт оторвал ленту от принтера. Леа выхватила бумагу из-под носа у Брайона.

— Мне все равно придется прохлаждаться в шлюпке, пока ты будешь внизу, поэтому предоставь заботу о снаряжении мне. Иди потренируйся, поешь стероидов — в общем, подготовься к борьбе. Остальным займусь я.

— Я лучше расслаблюсь, — ответил Брайон, — подготовлюсь к предстоящей операции психологически.

— Прекрасно. Вот этим и займись. Я покажу тебе окончательный перечень перед тем, как заказывать оборудование.

— Нет, не надо. Я полностью полагаюсь на тебя и специалистов. Прошу об одном: постарайся ничего не упустить. Мне понадобится кое-какое специальное снаряжение, но об этом я позабочусь сам. А сейчас мне нужен только детальный отчет об исследовании планеты. И тихое место, чтобы его просмотреть.

— Каюты для вас уже готовы, — сказал Кларт, — вся необходимая информация будет выведена на ваш терминал.

— Прекрасно. А когда будет готово снаряжение?

— Через два, максимум три часа.

— Скажем, через десять. Для начала я хочу выспаться. Как только мы отдохнем и получим снаряжение — сразу погрузимся в шлюпку и перейдем на нижнюю орбиту, чтобы взглянуть на планету поближе. Мне очень интересно, что за животных видел Хартиг.

Брайон крепко спал, но, когда Леа открыла дверь, мгновенно проснулся. Она замерла, привыкая к темноте. Он окликнул ее:

— Входи. Сейчас свет включу.

— Ты что, всегда спишь в одежде? — удивилась она. — И башмаков не снимаешь?

— Это называется создание имиджа собственного тела. — Он взял стакан и отхлебнул воды. — Мне придется провести несколько дней в этой одежде, поэтому она должна восприниматься как часть тела. Тело и хорошая реакция — мое главное оружие, единственная защита. Правда, я решил взять кинжал. Взвесив все, я понял, что пользы от него будет больше, чем риска.

— Какой кинжал? Какой риск? Ничего не понимаю!

— Кинжал из минеральных материалов. Он будет единственным исключением, единственным предметом искусственного происхождения. Вся одежда сделана из растительных волокон, пуговицы вырезаны из кости. Ботинки сшиты из натуральной кожи. Ни кусочка металла и никакого искусственного волокна.

— А как же твои пломбы? — усмехнулась она.

— А так же и пломбы, — Брайон был убийственно серьезен, — заменены керамическими вставками. Чем больше я буду напоминать обычное животное, тем выше степень моей безопасности. Вот почему кинжал — это определенный риск, но хорошо рассчитанный риск.

Он повернулся так, чтобы Леа могла рассмотреть кожаные ножны, висевшие сбоку. Потом вытащил длинный прозрачный клинок.

— Выглядит как стекло. Угадала?

Он отрицательно мотнул головой:

— Это пласталь. Вид силикона, который внешне похож на стекло, но прочнее в сотни раз, потому что молекулы вещества выстроены в один большой кристалл. Сломать его практически невозможно, а лезвие не тупится никогда. Поскольку это силикон, то любой детектор будет воспринимать его как песок. Поэтому я и рискну взять его с собой.

Леа молча смотрела, как Брайон осторожно спрятал кинжал и вдруг скрестил пальцы рук и потянулся, словно гигантская кошка. Она увидела, как играют мышцы под его одеждой, и вдруг поняла, что настоящая сила Брайона — гораздо больше, чем просто физическая мощь.

— Мне кажется, ты справишься, — сказала она. — Я сомневаюсь, что это по силам кому-нибудь другому, во всяком случае в нашей Галактике. Но по-прежнему считаю, что вся затея — чистое безумие, хотя и понимаю, что это единственный способ выяснить, что творится на планете.

К чему невозможно было привыкнуть, так это к молниеносности движений Брайона. Могучие руки обняли ее прежде, чем она поняла, что произошло; они сомкнулись словно стальной обруч. Он быстро поцеловал ее и отступил назад.

— Спасибо. Твоя вера и поддержка сейчас для меня самое важное. Пошли в шлюпку.

Проводы были лишены всякой торжественности. Пока Леа проверяла снаряжение, Брайон переговорил со штурманом, и тот ввел в бортовой компьютер несколько вариантов орбиты. Когда все было проверено и подготовка закончилась, они захлопнули люк. Прозвучал сигнал готовности, и компьютер сразу дал команду; шлюпка отделилась от корабля. Маневровые двигатели развернули ее, ходовые дюзы вспыхнули и понесли их на расчетную орбиту. Сельм-II на обзорном экране становился все больше и больше.

— Ты боишься, — сказал Брайон, накрыв ладонью похолодевшую руку Леа.

— Чтобы понять это, не нужно никакой телепатии. — Вся дрожа, она прижалась к нему. — На бумаге твой план выглядел просто замечательно, но чем ближе мы подбираемся к этой проклятой планете, тем больше я волнуюсь. Два отличных парня, эксперты по контактам, и оба погибли. Вполне возможно, что та же участь ожидает и нас.

— Не думаю. Мы гораздо лучше подготовлены. Благодаря их самоотверженности мы располагаем необходимой для выживания информацией. Нам нечего бояться. Постарайся расслабиться и сохранить свои силы, они еще тебе понадобятся. Сейчас нужно выйти на нижнюю орбиту, провести тщательный осмотр и выбрать место для посадки. А пока нам ничто не грозит.

Тут вмешался компьютер, как бы опровергая его слова:

— В поле зрения летательный аппарат. Его курс пролегает прямо под вами. Показать?

— Да.

На экране вспыхнуло маленькое пятнышко, оно медленно двигалось слева направо.

— Увеличить изображение.

Пятнышко увеличилось и превратилось в металлическую стрелу со скошенными назад крыльями.

— Какая у него скорость? — спросил Брайон. На экран тут же выскочили цифры. — Так, 2,6 маха. Сверхзвуковой самолет, продукт высокоразвитой технологической культуры. При таких скоростях запасы топлива должны быть ограничены. Если мы проследим за ним, то сможем засечь место посадки...

Леа закончила его мысль:

— ...и у нас появится возможность выяснить, что происходит на планете.

— Точно...

Самолет на экране завалился на одно крыло и резко нырнул вниз. В ту же секунду заговорил компьютер:

— Летательный аппарат передает кодированное радиосообщение. Записываю.

Неожиданный взрыв закрыл изображение на экране.

— Что случилось? — спросил Брайон.

— Ракета класса «земля — воздух». Я вычислил ее курс перед взрывом.

Брайон мрачно кивнул:

— Самолет, видимо, тоже ее засек, вот почему он предпринял такой неожиданный маневр.

— А радиограмма — ее послал экипаж?

— Конечно! Если это был самолет-разведчик, то появился он здесь не случайно. Когда они засекли ракету, то предприняли уклоняющий маневр и послали сообщение на базу. И если я не ошибаюсь — вот и ответ.

Брайон указал на белый след, неожиданно появившийся на экране.

— Баллистическая ракета, видимо, нацеленная на наземную пусковую установку. Война все еще продолжается. По крайней мере, теперь известны две точки, где нам делать нечего.

— То есть район пусковой установки — вон там, где сейчас виден взрыв, и то место, откуда стартовала ракета.

— Правильно. Пока не выяснится, что происходит на планете, нам лучше держаться подальше от мест активных боевых действий. Теперь попробуем отыскать животных, о которых упомянул Хартиг. Можно с уверенностью предположить, что они держатся вдалеке от зоны боев и скоплений боевой техники. Корабль Хартига сильно напугал их при посадке. Думаю, они боятся любой техники.

Они нашли животных на восточном берегу гигантского озера, которое для удобства окрестили Центральным морем. При максимальном увеличении электронного телескопа можно было разобрать, что это какие-то травоядные. Похоже, тут водились и хищники, было видно, как несколько животных спасаются бегством, преследуемые по пятам быстрыми и крупными существами. Но как они ни вглядывались, никаких следов цивилизации обнаружить не удалось.

— В этом месте я хочу высадиться, — сказал Брайон. — На равнине, где пасутся стада.

— Что значит «высадиться»? Мы что, не будем сажать шлюпку?

— Нет. Это нежелательно. Ты видела, что произошло с самолетом. Не стоит лишний раз попадать в поле зрения радаров и понапрасну тревожить ракеты. Я рассчитаю баллистическую орбиту, которая выведет меня в расчетную точку.

— Не боишься слегка поджариться в плотных слоях атмосферы?

Брайон улыбнулся:

— Ценю твою заботу. Чтобы этого не произошло, воспользуюсь гравишютом. Я снял со скафандра все ненужные металлические части, даже кислородные баллоны заменил пластиковыми. Маловероятно, что наземные радары смогут меня засечь, к тому же на выбранной местности не видно никаких сооружений. Как только высажусь на поверхность, сразу избавлюсь от гравишюта и ненужного снаряжения.

— Но ты будешь совершенно беззащитен!

— Ну нет. Кроме того, я буду поддерживать с тобой постоянную связь.

— Неужели? Ты что, изобрел пластиковый передатчик?

Шутка Леа прозвучала очень грустно, оттого что в голосе женщины слышалась неподдельная тревога.

— Я воспользуюсь вот этим, — Брайон вытащил из сумки длинные полосы цветной материи. — Пришлось выдумать простой код. Если я разложу полотнища на поверхности, ты без труда заметишь их с орбиты. После посадки я сразу выложу для тебя сообщение. И буду посылать их регулярно по мере продвижения, чтобы держать тебя в курсе событий.

— Но это очень опасно...

— Операция в целом тоже достаточно опасна. Но по-другому ничего не получится. — Он отвернулся и принялся внимательно рассматривать экран, наконец постучал пальцем по изображению. — Я хочу высадиться здесь. Тут равнина переходит в предгорья. И лес неподалеку, а это хорошее укрытие. Если все рассчитано правильно, то спуск придется начинать ночью, а приземлюсь я на рассвете. Затем хорошенько спрячусь и примусь наблюдать. Если эти животные и впрямь окажутся местной формой жизни, то можно будет приступать ко второй части операции.

— И в чем же она заключается?

— В том, чтобы пешим порядком проникнуть в зону боевых действий.

— Только не это!

— К сожалению, это необходимо. От животных о войне много не узнаешь. Ближайшее кладбище военной техники находится всего в сотне миль от места посадки. Это два-три дня ходьбы. Я буду ежедневно отправлять тебе сообщения, при этом все они будут начинаться со знака «Х». Эта форма не встречается в природе, компьютер без труда обнаружит мой знак. А сейчас я хочу поспать. Разбуди меня, пожалуйста, за час до посадки.

Когда Брайон вошел в шлюз, поверхность Сельма-II была погружена во тьму. Все необходимое было запаковано в толстую пластиковую трубу, которую он закинул за спину. Леа смотрела, как он в последний раз проверяет крепления скафандра. Она стиснула руки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Он поднял глаза и, взмахнув рукой, повернулся к выходу, но тут Леа протянула руку и постучала по шлему. Брайон откинул щиток. Спокойствие его лица контрастировало с тревогой на лице Леа.

— Ну? — спросил он.

Она молчала, тишину нарушало только шипение кислородного клапана. Затем поднялась на цыпочки и крепко поцеловала его в губы.

— Я лишь хотела пожелать тебе удачи. Ну, до скорого?

— Конечно. — Улыбнувшись, он опустил щиток. Потом вошел в шлюз и захлопнул за собой дверь. Как только открылся внешний люк, вспыхнула красная лампа. Несколько томительных минут Брайон вглядывался в космическую пустоту и ждал команды компьютера. Едва на щитке вспыхнул зеленый огонек, он рывком выбросился из корабля.

Леа сидела у обзорного экрана, провожая взглядом удаляющуюся фигуру, на которой поблескивали огоньки маневровых двигателей, пока она совсем не скрылась из виду.

Глава 5

В АДУ И БЕЗ ОРУЖИЯ

Брайон падал в черную пропасть ночи. Скорость падения совсем не ощущалась, хотя разумом он понимал, что она нарастает с каждой секундой. Ему казалось, он неподвижно

висит в пространстве в окружении звезд над темным диском погруженной в ночную тьму планеты. Планету окружала светящаяся корона — свет скрытого от глаз солнца рассеивался в атмосфере. На востоке, где уже занимался рассвет, она была поярче. Брайон знал, что, несмотря на кажущуюся неподвижность, он падает по тщательно рассчитанной дуге в четко определенную точку, летит навстречу восходу. За его спиной микрокомпьютер гравишюта отсчитывал секунды, оставшиеся до посадки. Время от времени он чувствовал легкое давление ремней — его падение замедлялось в строгом соответствии с программой. Благодаря многолетним тренировкам он полностью сохранял самообладание, не позволяя страху попусту наполнять вены адреналином. После посадки будет много хлопот, а сейчас есть время поразмыслить. Он отдался на волю движения, погрузившись в состояние спокойной расслабленности, не замечая легких толчков в ремнях, которые постепенно перешли в ровное натяжение. Верхние слои атмосферы мягко коснулись его скафандра. Падение продолжалось.

Резкий свет ударил по глазам, когда солнце вышло из-за горизонта. Брайон пошевелился, разминая затекшие мышцы, — полет подходил к концу. Внизу еще была ночь, хотя здесь, на высоте, солнце уже светило вовсю. Яркий свет внезапно сменился серым сиянием, когда он вошел в мощный слой облаков; Брайон быстро пробил его и полетел вниз, к слабо освещенной равнине.

Пока все спокойно. Ни ракет, ни самолетов. Брайон понимал, что его легко засечь по металлическим деталям снаряжения. Возможно, на экранах радаров уже появилась цель и ракеты разворачиваются в его сторону. Ему отчаянно захотелось очутиться внизу и сбросить предательский гравишют. Подтянувшись на ремнях, Брайон глянул вниз, на травянистую равнину, которая стремительно неслась ему навстречу. Он знал, что падает слишком быстро — но скорость была единственной защитой. Если радары его засекли, то надо как можно быстрее исчезать с их экранов. Вот поэтому необходимо выдерживать режим свободного падения как можно дольше и начинать торможение лишь в последний момент. Твердая поверхность уже почти под ногами — пора!

Резкий поворот ручки — гравишют задрожал от напряжения, ремни подвески больно впились в ноги. Скорость все еще слишком высока — надо добавить мощности. Ремни за-

скрипели от перегрузки. Тряхнуло весьма ощутимо. Ну, теперь — на полную!

Ноги с силой ударились в грунт, он упал и покатился по высокой траве. И несколько секунд лежал, не в силах пошевелиться. Поначалу тело не слушалось.

Чтобы встать на колени, потребовались отчаянные усилия, затем он медленно поднялся на ноги. Теперь надо сделать то, что просто необходимо.

Отстегнутый гравишют тяжело повалился в траву. Брайон сорвал с себя скафандр со шлемом, кислородный баллон. Так, все в порядке. Надо спешить, однако чрезмерно торопиться не следует. Рассвет выдался тусклым, но видно было хорошо. Сейчас надо открыть пластиковый контейнер, вытащить кинжал и сумку, которую он возьмет с собой. Сумка застряла — он рванул покрепче. Хорошо. Пора избавляться от лишних вещей. Надо обвязать ремнями ненужное теперь снаряжение. И проверить все еще раз. Хорошо. Ничего не забыл? Нет, все на месте.

Брайон врубил гравишют на полную мощность, и тот так стремительно рванулся вверх, что сбил его с ног. Он становился все меньше и меньше и наконец исчез совсем. Высоко вверху под лучами солнца ярко блеснул щиток шлема. Но вскоре погас и этот огонек.

Брайон облегченно вздохнул. Он наконец внизу, цел и невредим.

Посадка на планету прошла успешно, и об этом теперь можно забыть. Пора приниматься за дело.

Подняв кинжал, Брайон медленно оглянулся, на ощупь прицепил ножны к поясу, внимательно рассматривая выступающие из тьмы окрестности.

Вокруг была трава. Высокая трава, которая шелестела под утренним ветром, разбегаясь волнами во все стороны. Неподалеку высился каменистый холм, на западе виднелась рощица, дальше начинались предгорья, которые переходили в поросшие лесом горы. Их вершины уже сверкали в лучах восходящего солнца.

Глаза уловили какое-то движение. Там, в стороне озера. Брайон медленно присел, осторожно выглянул из травы. К нему приближалось стадо животных. Замерев, он одними руками нащупал сумку и перекинул через плечо.

Вдруг в вышине раздались пронзительные крики. Брайон вскинул голову и заметил стаю птиц, которые, кружа, опу-

скались в траву неподалеку. Нет, это были совсем не птицы, а какие-то летающие рептилии. Крылья начисто лишены оперения, между тонкими костями натянуты кожистые перепонки, красно-оранжевые шкуры блестели на солнце, большие челюсти утыканы иглообразными зубами. Они снижались с пронзительными криками и исчезали в море травы.

Тем временем пасущиеся животные подошли совсем близко, теперь Брайон мог их рассмотреть. Это тоже были ящерообразные. Их серо-коричневые безволосые шкуры служили идеальной маскировкой на фоне увядшей травы. Они осторожно передвигались на длинных мощных ногах, часто поднимая головы и принюхиваясь широкими ноздрями. Похоже, неподалеку бродили хищники; Брайон уже не сомневался, что те тоже окажутся рептилиями. Стадо насторожилось. Животные перестали жевать и замерли на месте, широко раздувая ноздри. Похоже, приближались какие-то существа. Ящеры почуяли их запах, но в высокой траве пока ничего не было видно. Совсем рядом готова была разыграться вечная драма жизни и смерти.

Вдруг Брайон заметил, что все животные смотрят в его сторону, и тут он понял, что может оказаться не просто зрителем, но одним из участников этой драмы. Может, они просто заметили его? Он пригнулся еще ниже, стараясь укрыться, смутно ощущая поток исходивших от них эмоций. Страх. Страх, который подавил все остальные чувства. Обычно он мог воспринимать только чувства людей и лишь иногда — сильные эмоции животных, а теперь ясно ощущал ужас, охвативший рептилий, и что-то еще, что-то очень сильное...

Выхватив кинжал, Брайон вскочил, развернулся — как раз вовремя, чтобы встретить нечто темное, бросившееся на него этакой торпедой. Страшный визг рвал перепонки. Он нырнул в сторону, но получил сильный удар в плечо, рука сразу онемела и едва не выронила кинжал. Он перекинул оружие в левую руку и увидел, что чудовище уже нависло над ним, разинув пасть, полную огромных блестящих зубов.

Оно обрушилось всем своим весом прямо на подставленный кинжал, распоров себе горло, и рухнуло с предсмертным хрипом, придавив Брайона к земле. Несколько раз конвульсивно дернулось и затихло. Теплая жидкость струилась по руке Брайона, но чья это кровь — его или животного, он не знал. Упершись ногой, он оттолкнул тушу и огляделся — нет ли рядом другого хищника.

Похоже, монстр охотился в одиночку. Тяжело хватая ртом воздух, Брайон встал на ноги. Вокруг все замерло, только мчалось прочь испуганное стадо. Он опустил глаза на перепачканные зеленой — слава богу — чужой кровью руки.

Рядом, вытянувшись, застыла на земле мертвая тварь. Ее метровые, утыканные зубами челюсти были раскрыты, мертвые глаза неподвижно глядели в пространство. Передние лапы хищника были короткими и когтистыми, зато задние — необычайно мощными, что позволяло ему атаковать на огромной скорости. Морщинистая шкура была покрыта бурыми пятнами с фиолетовым отливом.

Мрачные цвета царства теней, подумалось Брайону. Совершенная машина для убийства. Неудивительно, что другие животные так испугались.

Неожиданно Брайон почувствовал смертельную усталость. Он тяжело уселся на тушу зверя, вытер о его шкуру перепачканные руки. А потом отхлебнул воды и долго и тяжело дышал, ждал, когда вернутся силы. Не очень приятное начало — первое же живое существо чуть не убило его. Чуть-чуть, но не совсем. Кинжал был остер и крепок, реакция в порядке. Теперь его врасплох не застанешь.

Как бы там ни было, он находится на планете и пока цел и невредим. Пора действовать дальше. До сих пор он просто боролся за собственное выживание. Сначала надо было обмануть ракеты в воздухе и боевые машины на земле. С этой задачей он справился. И с хищником совладал. Таким образом, первая часть задания выполнена. А сейчас надо сообщить, что все в порядке, и трогаться в путь.

Место было не хуже прочих: далеко от леса и с орбиты просматривается хорошо. Трава была утоптана животными, но достаточно большой и ровной площадки отыскать не удалось. Поблизости находился каменистый холм, там трава не росла. Он взобрался на вершину, открыл сумку, вытащил оттуда сверток с полотнищами. И не смог удержаться, чтобы не взглянуть в синее небо, хотя и понимал, что это бесполезно. Шлюпка была там, на орбите, и хотя он не видел ее, но знал, что Леа наблюдает за ним в электронный телескоп. Улыбнувшись, он широко взмахнул руками, победный жест взбодрил его. Затем принялся раскладывать полотнища.

Сначала «Х», для того чтобы его засек компьютер, если он вышел из поля зрения. Затем остальное сообщение. Код, который он изобрел, был прост и легок для запоминания. «I»

означает, что посадка прошла нормально, правда, Леа может в этом усомниться, если наблюдала его встречу с хищной рептилией. Он на время отошел в сторону, чтобы сигнал был записан, затем добавил полосу и превратил «I» в «Т», сообщив тем самым, что дальше собирается действовать по плану и при первой же возможности выйдет на связь. Утренний бриз усиливался по мере того, как солнце поднималось все выше и нагревало землю, и ему пришлось придавить полотнище камнями.

С вершины холма открывался чудесный вид на окрестности. Травоядные ящеры, набегавшись, успокоились и мирно паслись на берегу озера. Маршрут, который он проложил к ближайшему кладбищу машин, был несложен, надо было просто двигаться на запад, вдоль берега озера, пока не достигнет цели. Простая прогулка, во время которой он сможет осмотреть местность и поближе изучить животных. Пора в путь. Он собрал полотнища и сунул в сумку. Затем, повернувшись спиной к солнцу, двинулся на запад.

В полдень Брайон остановился отдохнуть и перекусить. Сухой паек по вкусу напоминал бумагу, но обеспечивал необходимыми калориями на несколько дней. Запив еду водой, он встряхнул бутылку, чтобы узнать, сколько там осталось. До конца дня хватит, но до захода солнца придется ее наполнить. И обязательно до наступления темноты. Надо еще успеть удалиться от озера и укрыться в скалах или среди деревьев. Повстречавшийся хищник внушил ему уважение к местной фауне. Он спрятал бутылку и пустые обертки в сумку и, встав на ноги, потянулся всем телом.

Поначалу он принял далекий звук за жужжание насекомого, но звук становился все громче и громче. Сообразив, в чем дело, Брайон нырнул в траву. Реактивный двигатель. Работает с перебоями, наверное, барахлит. Самолет появился со стороны солнца — черная точка тащила за собой белый хвост, весь изломанный поворотами, словно пилот постоянно от чего-то уворачивался. Самолет опять изменил курс и прошел прямо над головой, обрушив на землю грохот.

И неожиданно окутался облаком пламени, которое тут же превратилось в белую тучку. Из тучки вылетел черный обломок и упал примерно в километре от Брайона. Врезался в землю, подняв облако пыли, и только теперь ушей достиг звук далекого взрыва.

Брайон медленно поднялся, глядя на оседающую пыль.

Подозрительно близко все произошло. Конечно, это могло быть простым совпадением — или самолет появился здесь не случайно? Нет, это невозможно. Конечно, совпадение. Но если так, то почему при одной только мысли о том, чтобы пойти и осмотреть обломок, накатывает жуткий страх? Инстинкт самосохранения советовал ему держаться подальше. Но он обязан осмотреть обломок. Возможно, там лежит тело пилота. Пыль осела, и равнина снова стала пустынной. Брайон успел засечь направление. И, отогнав прочь сомнения, двинулся вперед.

Воронка выделялась в море травы черным пятном. Брайон приближался с максимальной осторожностью. Последние несколько метров он преодолел ползком. Заглянув через край, увидел на дне покореженный кусок металла. Это было крыло самолета. Никаких опознавательных знаков обнаружить не удалось, даже когда он скатился вниз, на дно воронки. Он быстро обошел вокруг крыла, его поверхность была еще теплой. При ударе куски металла разлетелись во все стороны, Брайон переворачивал их кинжалом один за другим. Его упорство было вознаграждено, когда наконец удалось найти обломок с маркировочной табличкой. И надпись сохранилась!

Одно было плохо. Хотя буквы сохранились хорошо, но слова, разделенные цифрами, были на совершенно незнакомом языке. Расшифровать надпись не представлялось возможным, но и бросить ее тоже нельзя. Он хотел было захватить табличку с собой, но вовремя сообразил, что иметь при себе кусок металла, сколь угодно малый, чистое безрассудство. В конце концов он ножом выцарапал на бутылке для воды копию текста. По крайней мере, будет что показать.

Увлекшись изысканиями, он удалился от озера. Пришлось возвращаться к берегу. У водопоя паслись целых три стада, двигаться надо было осторожно. Запас воды иссяк, уже смеркалось. Делать нечего, пить-то хочется.

Чуть впереди лес спускался на равнину. Похоже, там прятались хищники: стадо, за которым он шел, вдруг охватила паника. Несколько животных бросились в его сторону, он замер на месте, пропуская их. Они в мгновение ока промчались мимо, мощные ноги несли их с сумасшедшей скоростью, сзади едва поспевал молодняк. Последним бежал крупный самец, украшенный огромными рогами. Он угрожающе тряхнул ими в сторону Брайона, но тот стоял не шелохнувшись, и самец пробежал мимо. Когда животные промчались, Брайон последовал за ними по вытоптанным дорожкам, огибая кучи едко пахнущего навоза.

Он медленно продолжал путь, сжимая в руке кинжал, постоянно озираясь и прислушиваясь. Заметив впереди темную тушу, наполовину скрытую травой, он замер на месте.

Головой к нему, распахнув пасть в предсмертном ужасе, лежал мертвый ящер. Убийцы видно не было. Шаг за шагом Брайон осторожно продвигался вперед, пока не убедился, что в траве никто не прячется. Держа наготове кинжал, он обошел тушу. Горло животного было аккуратно перерезано; он не смог бы управиться лучше и своим ножом.

Пораженный зрелищем, он замер. Рана была слишком ровная. Такая же, только крупнее, виднелась и на боку. Даже и не рана, а скорее разрез. Одна из ног чудовища была отрезана. Отрезана очень аккуратно, прямо по суставу. Никакое животное не смогло бы этого сделать ни клыками, ни когтями.

Это могло сделать животное, вооруженное очень острым ножом.

Брайон вгляделся в густую тень небольшой рощицы, стоявшей неподалеку. Неужели за ним наблюдают чьи-то глаза? Неужели на этой планете есть разумная жизнь? Неужели это глаза человека?

Глава 6

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Надо было все обдумать без суеты. Брайон понял это, как только увидел аккуратно разрезанную тушу. Он осторожно спрятал кинжал в ножны и медленно сел на землю, лицом к озеру, ненавязчиво наблюдая за рощей уголком глаза. Единственное, что было видно, как ветер ерошит траву и рябит поверхность озера.

Животное, несомненно, было убито разумными существами. Людьми или инопланетянами, которые разрезали ножами тушу и скрылись, прихватив с собой мясо. Кем бы они ни были, но, заметив его, спрятались среди деревьев. И, похоже, наблюдают оттуда. Он расслабился и попытался вступить в контакт, но телепатия как средство общения на больших расстояниях никуда не годилась: мысли людей хорошо читались лишь тогда, когда находились поблизости, с увели-

чением дистанции чувствительность резко понижалась. Собравшись, он все-таки сделал попытку. Неподалеку было какое-то живое существо. Вот и все, что удалось понять. Ощущение было слишком слабым, чтобы судить наверняка; это могло быть что угодно: инопланетянин, перепуганное животное или человек. Как бы там ни было, но эмоциональный поток был ровным, если расшевелить чувства, то читать их будет намного легче.

Брайон неожиданно подпрыгнул вверх с диким криком. Приземлившись, обошел тушу вокруг, не переставая кричать. Описав полный круг, с довольной улыбкой уселся на землю.

Наверняка рядом кто-то был. Причем не местная рептилия и не иная форма жизни. Это была реакция человека, очень, правда, напуганного прыжками и криками Брайона. Человек был один, мужчина, и он наблюдал за ним, укрывшись за листвой деревьев. Насмерть перепуганный. Внезапные крики пробудили в нем эмоции. Он боялся Брайона.

Невзирая на охвативший человека ужас, необходимо было вступить с ним в контакт. Но как это осуществить? Брайон опустил взгляд на лежащую рядом тушу. Может сработать. Как ни неаппетитно выглядело сочащееся зеленой кровью мясо, для человеческих существ оно, должно быть, съедобно. А в том, что за ним наблюдает человек, сомневаться не приходилось, эмоции были чисто человеческие. И этот человек убил животное ради пропитания, но при появлении Брайона скрылся с единственным куском. Необходимо сделать дружественный жест.

Брайон рассек бедренный сустав и отделил от туши оставшуюся заднюю ногу. Потом поднял ее и, держа перед собой, медленно пошел к деревьям, двигаясь в сторону наблюдавшего за ним человека. Дошел до первого дерева, одним махом срубил толстую ветку, надрезал сухожилие и насадил ногу на сук.

Шаг первый. Если охотник возьмет мясо, это будет означать, что общение в каком-то смысле началось. А пока есть время наполнить бутылку водой. Он добрел до берега по тропинкам, которые протоптали в траве животные, продрался сквозь прибрежную растительность и по пояс вошел в воду. Здесь она была чистой, без мути. Брайон сначала попробовал ее на вкус и только потом наполнил бутылку. Когда он вернулся, солнце уже склонилось к самому горизонту. Стайка летучих ящериц, усевшись на тушу, рвала мясо зубастыми че-

люстями. Заметив его приближение, они неохотно взлетели, издавая пронзительные крики. Прикрыв глаза рукой, он глянул на заходящее солнце. Нога исчезла, но охотник был еще здесь. Теперь оставалось одно — ждать. Но только не рядом с тушей. Это было бы опрометчиво. Ящерицы с пронзительными воплями все еще кружили над головой; они наверняка привлекут сюда более крупных любителей падали. Брайон медленно побрел к роще, направляясь в самый дальний ее конец, подальше от того места, где спрятался охотник, намеренно держась на виду.

С наступлением темноты Брайон почувствовал, что человек уходит в глубь леса, ощущение его присутствия было уже на грани восприятия. Похоже, он хочет уберечься от возможных ночных неприятностей. Брайону их тоже не хотелось. Он разровнял листья под кроной большого дерева и уснул, крепко сжимая в руке кинжал. Сквозь легкий сон он ясно сознавал окружающее. Среди ночи его разбудило какое-то животное. Оно почуяло его присутствие и обошло далеко стороной. Остаток ночи прошел спокойно. С первыми лучами солнца он встал, бодрый и отдохнувший.

Охотник был еще здесь и снова следил за ним. Брайон ощутил всплеск эмоций, когда двинулся из леса на равнину. Страх по-прежнему был силен, но к нему уже примешивалось любопытство.

Ожидание — работа нелегкая. Ближе к полудню Брайону до смерти надоело сидеть и ждать, когда хоть что-нибудь произойдет. Вдали паслись стада, в безоблачном небе все выше поднималось солнце. В полдень он немного перекусил, запивая пищу озерной водой. И от нечего делать принялся слагать поэму об окружающем пейзаже, но это оказалось еще скучнее, чем само ожидание. Потом сам с собой поиграл в уме в шахматы, но на двадцатом ходу черных сбился и бросил эту затею. После полудня Брайон потерял всякое терпение. Охотнику, видимо, нравилось просто лежать в укрытии и наблюдать за ним. Эту забаву пора прекратить. Брайон встал, потянулся, потом развернулся и двинулся в его сторону.

Взрыв страха был так силен и отчетлив, что Брайон смог без труда определить точное место, где спрятался человек, — за огромным стволом поваленного дерева. Он тут же остановился и поднял пустые руки над головой. Паника улеглась, но страх остался, начисто при этом заглушив любопытство, которое заставляло охотника наблюдать весь день. Чувства

смешались, теперь это была смесь жадности и страха. Брайон сделал шаг вперед, и страх тут же пересилил — человек побежал. Когда Брайон подошел к его укрытию, то сразу понял, что означала эта смесь эмоций. Обе ноги остались лежать на месте. Они были слишком тяжелы для беглеца, а потому он их бросил. Брайон, нагнувшись, взял в каждую руку по ноге, легко закинул на плечи и двинулся по следу.

Вскоре стало понятно, что человек направляется через лес в горы. Когда направление прояснилось, Брайон выбрался на равнину, где было легче двигаться, и побежал вдоль леса, чтобы обогнать охотника. Здесь дело пошло намного легче, и, хотя он был нагружен мясом, ему без труда удалось опередить беглеца. Брайон углубился в лес, двигаясь наперерез, и вскоре вышел на звериную тропу, по которой, видимо, и шел охотник. Это было хорошее место для встречи. Он скинул свою ношу и принялся ждать, поглядывая на тропу, отчетливо ощущая приближение человека, его страх и усталость.

Они увидели друг друга одновременно; повинуясь страху, охотник резко выбросил вперед руку. Брайон едва успел увернуться от мелькнувшего в воздухе копья. Острие с силой вонзилось в ствол дерева. Пока Брайон поднимался на ноги, охотник присел и вытащил нож. Не сводя с него глаз, Брайон протянул руку, выдернул копье и бросил на траву. Потом осторожно достал свой кинжал и бросил его рядом с копьем. От охотника исходили волны ужаса. Брайон молча ждал, пока пройдет приступ страха, и только потом заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я не желаю тебе зла. Вот мой кинжал, вот твое мясо. Давай станем друзьями.

Охотник ничего, конечно, не понял, но спокойный тон голоса, похоже, на него подействовал. Продолжая говорить, Брайон снова показал на оружие и мясо и отошел в сторону, держась, однако, в поле зрения охотника. Отойдя на несколько шагов, он остановился и сел, опершись спиной о ствол дерева. Следующий шаг был за охотником. Брайон тихо перебирал его эмоции, ощущая, как страх понемногу отступает перед любопытством. Человек сделал осторожный шаг, потом другой и вышел на середину тропы. Теперь они рассматривали друг друга с одинаковым интересом.

Охотник выглядел вполне по-человечески, однако был худ и низок ростом — он едва доходил Брайону до плеча. Его

длинные волосы были спутаны, грязные пряди спадали на лицо. Одет он был в шкуру ящера, ноги тоже были обмотаны шкурами. Раскрыв от изумления рот, он рассматривал одежду и обувь Брайона. Потом, подбадриваемый голосом Брайона, склонился над оружием. Тот постарался скрыть свои чувства, когда увидел свой кинжал в руке охотника, который крутил его и так и этак, а когда нечаянно порезал палец — страшно перепугался и принялся его сосать, прямо как ребенок. Когда боль и страх немного поутихли, охотник нагнулся и отхватил от ноги ящера изрядный кус мяса.

Брайон почувствовал прилив счастливого удовлетворения, когда увидел, что охотник протянул мясо ему. Он кивнул, улыбнулся и, протянув руку, шагнул вперед. Охотник все же испугался — бросил мясо и отбежал на несколько шагов. Брайон замер на месте, терпеливо дожидаясь, когда тот успокоится. И только потом осторожно, шаг за шагом, подошел и взял мясо. Откусил кусочек, пожевал — вкус был на редкость отвратительный, — улыбнулся и радостно замычал, потирая живот.

Страх практически исчез. Охотник заулыбался в ответ, поначалу несколько напряженно, а потом уже от души, потирая живот и счастливо помыкивая, как бы повторяя во всем Брайона. Контакт наконец состоялся.

Глава 7

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Теперь, когда был установлен дружеский контакт, охотник, похоже, совсем перестал бояться. Брайон ясно чувствовал это, но поверить никак не мог. Хотя человек, стоявший перед ним, выглядел вполне взрослым, его реакции были на удивление детскими. Первый страх перед чужаком полностью уступил место любопытству. И тогда, при первом появлении Брайона, он остался наблюдать за ним, вместо того чтобы спасаться бегством, остался даже на ночь. Страх, потом жадность и снова страх — похоже, он не мог испытывать два сильных чувства одновременно. Совсем как ребенок. Он счастливо лопотал, разглядывая одежду и обувь Брайона, шумно тянул воду из бутылки, пожевал — и с отвращением

выплюнул сухой паек. И проделывал все это по-детски непосредственно.

Он даже не заметил, занятый содержимым сумки, как Брайон неторопливо подобрал кинжал и спрятал его в ножны. Просто не обратил на это внимания. Разглядывание принадлежащих Брайону вещей настолько поглотило его, что он начисто забыл об элементарной осторожности.

Брайон очень скоро понял, что этот человек весьма примитивен, и подтверждение тому — бесхитростное восприятие абсолютно новых для него явлений. Оружие его представляло собой изделия каменного века. Наконечником копья служил острый осколок стекловидной вулканической породы, привязанный к древку грубой веревкой. Нож также был сделан из камня. Шкуры ящеров, служившие ему одеждой, были совершенно не выделаны — об этом нетрудно было догадаться по запаху. Единственным предметом, не имевшим утилитарного назначения, был череп ящера. Этот отвратительный предмет с остатками полусгнившей кожи дикарь нахлобучил на голову в виде шлема.

Когда охотник удовлетворил любопытство, Брайон предпринял первую попытку пообщаться с ним — практически безуспешную. Он долго тыкал в себя пальцем и произносил свое имя, а потом так же долго тыкал пальцем в охотника, издавая при этом вопросительные звуки. И в результате выяснил, что того зовут Вьер. Точнее, Вьр, этакая взрывная группа согласных, начисто лишенная гласных звуков. Имя Брайона охотник произносил как Бран, точнее даже Бррн, опуская гласные. Собственно говоря, этим их общение и исчерпывалось. Вьер вскоре потерял всякий интерес к изучению новых слов, равно как и к обучению Брайона. Круг его интересов был очень ограничен. Желая утолить жажду, он осушил бутылку, пролив большую часть воды на землю. А проголодавшись, невозмутимо согнал мух, отхватил кус зеленого мяса и принялся поглощать его сырым, довольно громко при этом чавкая. Брайон никак не мог понять поведения этого человека.

Вьер вел себя как настоящий дикарь. При этом Брайон чувствовал, что он нисколько не притворяется. Он был именно таким, каким казался: до предела примитивным существом каменного века, начисто лишенным какого бы то ни было воображения. И в то же время на этой планете две армии вели непрерывную войну, используя достаточно сложное вооружение. Вьер в этот расклад никак не вписывался.

Может быть, он просто изгой? Человек, бежавший от войны? Пока не наладится общение, ничего определенного сказать нельзя. Интересно, он один или существует целое племя? Что же делать дальше?

Все решил Вьер. Расправившись с порцией мяса, он спокойно задремал. Словно диковинный зверь, он присел на корточки и сразу уснул. Проснулся он так же внезапно, глянул на небо и пробормотал что-то невразумительное. Похоже, он принял решение. Своим корявым ножом деловито срезал длинную лиану. Затем связал вместе обе ноги и, крякнув, вскинул груз на плечи. Взяв в одну руку нож, а в другую копье, двинулся по тропинке, но вдруг остановился, словно что-то вспомнив.

— Бррн, — произнес он, улыбаясь. — Бррн! Бррн! — Затем повернулся и отправился восвояси.

— Погоди! — крикнул Брайон вслед. — Я хочу пойти с тобой!

Он шагнул было следом — и замер на месте, ощутив волну страха. Вьера прямо колотило от ужаса, даже копье дрожало. Он медленно пошел прочь и снова застыл, когда Брайон вновь попытался последовать за ним. Лицо его исказило отчаяние, на глаза навернулись крупные слезы.

— Да, я вижу, ты не очень хочешь брать меня с собой, — Брайон старался говорить успокаивающим тоном, — но мы еще встретимся. Ты ведь вернешься на эти холмы, а найти тебя совсем нетрудно.

Вьер совсем успокоился, увидев, что на этот раз Брайон не собирается идти за ним. Он направился в глубь леса, потом обернулся и побежал во весь дух, согнувшись под тяжестью мяса. Когда Вьер исчез из виду, Брайон развернулся и отправился в противоположную сторону, на равнину. Он сделал небольшой крюк, чтобы набрать воды, затем пошел по вчерашнему маршруту. Теперь цель была ясна. Поход на места сражений может подождать — чем позже он встретится с противником, тем лучше. Для этого еще будет время, сейчас важнее всего поговорить по душам с Вьером. Вполне возможно, хотя шансы и невелики, что Вьер сообщит ему о войне все, что нужно, и тогда надобность в опасном путешествии и вовсе отпадет.

Он направлялся прямо к воронке, которая ясно выделялась посреди равнины, но остановился примерно в сотне метров от нее. Затем принялся вытаптывать в траве круг,

чтобы разложить сигнальные полотнища. Через несколько минут площадка была готова и можно было выкладывать знаки. Тонкую материю пришлось прижать комками почвы, выброшенными из воронки при ударе обломка о землю. Выложив «Х», он выдержал паузу, сосчитал до ста. За это время бортовой компьютер шлюпки успеет засечь знак с орбиты.

Убедившись, что времени прошло достаточно, Брайон выложил «Х», затем еще раз «Х», а в конце два «I». Закончив сообщение, уселся на траву и, прихлебывая из бутылки воду, стал ждать.

Сообщение было предельно ясным: приземляйся в этой точке. Срочно. Сейчас бортовой компьютер рассчитывает траекторию посадки. Учитывая высоту орбиты, шлюпка сможет сесть через час, максимум через два. Выждав несколько минут, Брайон собрал и спрятал полотнища, оставив знак «Х». Покончив с этим делом, он отошел на четверть километра, уселся на траву и снова погрузился в ожидание. Компьютер работает без погрешностей и посадит шлюпку точно в назначенном месте. Оставаться в этой точке у Брайона не было ни малейшего желания.

Но чем дольше он сидел и обдумывал сложившуюся ситуацию, тем беспокойнее становилось у него на душе. Операция снова вошла в опасную фазу. Шлюпке придется-таки приземлиться, никуда не денешься. Он выбрал для этого самое безопасное место, наиболее удаленное от зоны боевых действий. И вдвойне безопасное, поскольку обломок крыла будет служить помехой для радаров. Если компьютеры отслеживают расположение металлических предметов на местности, то эта точка уже наверняка относится к разряду безопасных. Но все это лишь предположения. В остальном придется положиться на удачу.

Ему нужен был только один прибор. Если поспешить, то можно добежать до шлюпки, отыскать то, что нужно, отправить Леа обратно на орбиту — и уложиться в две минуты. Этого времени должно хватить. А когда шлюпка стартует, нужно спрятать прибор под обломком крыла и скрыться самому. Если утром прибор будет на месте, то можно забирать его и отправляться на поиски Вьера.

Красное солнце уже опустилось в легкую дымку над горизонтом, когда он услышал далекий рокот двигателей. Брайон поднял глаза и отыскал в небе светящуюся точку. Она была много ярче солнца и вскоре превратилась в столб пламени.

Шлюпка приземлилась точно в центре знака «Х», который сгорел почти мгновенно. Брайон уже бежал к ней, хотя двигатели еще не перестали реветь. Как только он оказался у шлюпки, люк шлюза открылся и оттуда выкатился трап. Ухватившись за поручни, Брайон стал карабкаться вверх, в спешке не попадая на ступеньки. Работая руками и ногами, он буквально взлетел к шлюзу. Леа не успела отойти от пульта, как оказалась в его могучих объятиях и получила крепкий поцелуй, прежде чем смогла из них вырваться.

— Я так рад видеть тебя, — заговорил он, одновременно поворачиваясь в сторону кладовки. — Тут довольно интересно, хотя и немного одиноко. Мне нужен эвролингвистический процессор — а, вот он! Пока. Как только я отбегу, немедленно взлетай.

Ему пришлось остановиться, потому что Леа загородила выход. Она горела от негодования.

— Хватит, мой дорогой. Пора поговорить...

— Сейчас не время. Отойди с дороги, тебе надо отправляться на орбиту, нас могут атаковать в любой момент...

— Замолчи. Захвати пульт дистанционного управления. Я буду ждать тебя внизу.

Не успел он ответить, а Леа уже подхватила увесистую сумку и сбежала вниз по трапу. Приказать вернуться? Силой усадить в шлюпку? Попытаться убедить, что это опасно? Голова у Брайона шла кругом, внезапно он понял, что все бесполезно. Видно, на Земле специально выводят упрямцев: уж если она что решила, то никакая сила не заставит ее отступиться. Он подчинился неизбежности, а в глубине души даже обрадовался, что теперь будет не один.

Однако время идет! Одним прыжком он добрался до панели управления и вырвал дистанционный пульт из гнезда — тот автоматически включился. Пристегнул пульт к поясу рядом с ЭЛП, нырнул в шлюз, просто спрыгнул вниз и принялся давить на кнопки. Брайон едва услышал, как захлопнулась внутренняя дверь шлюза и с грохотом втянулся внутрь трап. Он уже мчался прочь.

Леа не стала ждать, сознавая его превосходство в скорости. Хотя она бежала что есть мочи, он мчался в два раза быстрее и вскоре нагнал ее. Не снижая скорости, подхватил на бегу, а когда послышался шум двигателей, рухнул на землю, прикрыв своим телом. Земля задрожала, их окутала туча раскаленной пыли. Леа села, закашлялась, протирая глаза.

— Троглодит несчастный! Ты хоть понимаешь, что чуть не поджарил нас своим скоростным стартом?

— Чуть — не значит совсем. — Он с улыбкой перекатился на спину и, заложив руки за голову, провожал взглядом удаляющийся огонек двигателей шлюпки. Все обошлось, по крайней мере, на этот раз. — Я знал, что у меня в запасе три секунды, чтобы выйти из опасной зоны. Прибавь сюда семь секунд на закрытие шлюза... Все было учтено!

— Очень умно! — С этими словами Леа что было сил ударила его в бок. Носок ботинка просто отскочил, но сам удар доставил ей огромное удовлетворение. Брайон удивленно хрюкнул, перевернулся на живот и вскочил на ноги. Леа сладко улыбнулась.

— Ну вот, наконец мы здесь совсем одни, на чужой планете. Что дальше?

Брайон хотел было возмутиться, но передумал и расхохотался. Она не переставала его удивлять. Он отстегнул от пояса оба прибора.

— У тебя есть что-нибудь металлическое — в том числе в сумке?

— Совершенно ничего. Я тщательно подготовилась к этой экспедиции.

— Очень хорошо. Вон там — заросшая травой яма. Спрячься в ней и жди. Я избавлюсь от приборов и приду к тебе.

Он вернулся к воронке, спрыгнул вниз и, весело насвистывая, осторожно засунул оба прибора под искореженное крыло. Все хорошо. Похоже, посадка прошла без осложнений.

Леа была на месте, когда он пробрался в укрытие и рухнул на траву рядом с ней.

— Может, все-таки расскажешь, что тут происходит? — спросила она.

— Тебе не следовало этого делать. Надо было оставаться в шлюпке.

— Почему? Шлюпка, как ты видел, и сама летает довольно неплохо. А две головы куда лучше одной, особенно сейчас, когда ты нашел аборигенов. А то зачем бы тебе понадобился ЭЛП, не так ли? Но сделанного не воротишь. Я здесь, наша шлюпка на орбите — что дальше?

Тут Леа была права. Сделанного не воротишь — Брайон умел принимать ситуацию такой, какая она есть. Он показал на лесистые холмы, окружавшие равнину.

— Мы останемся здесь до тех пор, пока не убедимся, что все спокойно. Потом двинемся вверх, на холмы, и отыщем того простодушного и грязного дикаря, с которым я повстречался. Если нам повезет, то мы сможем отыскать и его друзей. А когда отыщем, то с помощью ЭЛП поговорим с ними, может быть, они расскажут нам, что происходит на планете.

Глава 8

НЕПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

Вечернюю тишину нарушали только жужжание насекомых да редкие далекие крики летучих рептилий. Брайон понял, что посадка прошла незамеченной, неприятностей не будет, и расслабился. Но как только напряжение спало, навалился жуткий голод — он уже давно ничего не ел. С чувством глубокого отвращения он выудил плитку сухого питания и сорвал обертку.

— Не слишком похоже на бифштекс, правда? — заметив выражение его лица, Леа не удержалась, чтобы не съязвить.

— На этом питании можно прожить очень долго, хотя это и не жизнь. И, пожалуйста, не напоминай мне о бифштексах.

Леа подтянула свою сумку и открыла верхний клапан.

— Я вспомнила о них только потому, что захватила для тебя порцию. — Она невинно улыбнулась, взглянув на ошеломленного Брайона. — Рецепт я вычитала в старинной кулинарной книге. Он рекомендуется участникам зимних гонок, хотя я не совсем понимаю, что это такое. — Она принялась разворачивать большой сверток. — Приготовляется очень просто. Берется целая булка, разрезается пополам, внутрь кладется толстый, горячий, хорошо прожаренный бифштекс и обильно заливается соусом. Потом накрывается сверху второй половинкой булки, и полученный бутерброд слегка сдавливается, чтобы хлеб хорошо впитал соус...

Она протянула огромную булку Брайону, и тот с глухим рычанием схватил ее. Откусил огромный кусок и с блаженной миной принялся жевать.

— Леа, ты просто чудо, — прошамкал он с набитым ртом.

— Я знаю, но все равно приятно, что ты это заметил. А теперь расскажи мне о своем скверно пахнущем дикаре.

Однако Брайон не проронил ни слова, пока не проглотил

добрую треть огромного сандвича. Утолив первый голод, он не спеша прикончил остальное за разговором.

— Он прост как дитя, но вовсе не ребенок. Зовут его Вьер или что-то вроде этого. В первую нашу встречу он был страшно напуган, но, когда мы познакомились поближе, страх исчез совершенно. Это было невероятно. Словно внутри у него щелкнул переключатель эмоций. Потом, когда я хотел пойти за ним, он так расстроился, что даже заплакал. Мне пришлось отпустить его, но, думаю, отыскать Вьера снова не составит труда.

— Может, он слабоумный или изгой?

— Возможно, но вряд ли. Если принять во внимание среду его обитания, то следует признать, что Вьер прекрасно приспособлен к жизни. Он смог выследить и убить травоядного ящера и с удовольствием пообедал сырым мясом. А отправляясь назад к своему жилищу или стойбищу, захватил мясо с собой. Но не стоит гадать попусту. У нас слишком мало фактов, чтобы делать обоснованные предположения. Для начала следует разыскать его, выучить язык, а потом он сам ответит на все наши вопросы.

Брайон глянул на заходящее солнце.

— Это неплохое место для ночевки. Аппаратуру оставим на ночь в воронке, а утром отправимся.

— Мне нравится твой план. День выдался суматошный. — Леа вытащила из сумки спальный мешок и расстелила его на траве. — Тебе, похоже, нравится путешествовать налегке. Но мне не обойтись без небольшого комфорта — без теплой постели, например. Я прихватила несколько сандвичей и для себя. И немного вина в биопластиковой бутылке. Надеюсь, не сочтешь это ненужным излишеством, можешь хлебнуть немного.

— С удовольствием. Я начинаю верить, что Земля и в самом деле колыбель человечества.

— Во всяком случае, женской его половины. Насколько я знаю, ни один мужчина не будет так заботиться о себе.

Спали они хорошо, пока Брайон внезапно не проснулся. Что-то его встревожило, но что — непонятно. Он тихо лежал, глядя на звезды. Основные созвездия он запомнил еще вчера и теперь мог судить о времени по их положению на небе. Сейчас было далеко за полночь, до рассвета оставалось всего несколько часов. Луны видно не было, в системе Сельма-II вообще не было луны, но все вокруг заливал мягкий свет

звезд. Эта солнечная система находилась рядом с центром Галактики, и на небосводе широким поясом горели мириады светил.

Что же встревожило его? Ночь была столь тиха, что ясно слышалось ровное дыхание Леа. Может быть, чужие эмоции? Он прислушался к себе и ощутил что-то едва различимое. На грани восприятия. Человеческие чувства. Одной эмоциональной окраски. Ненависть. Лютая ненависть, и ярость, и жажда убийства. Это был не один человек. Эмоции исходили от нескольких источников.

И сходились на нем.

Брайон медленно перекатился на живот и тихонько встряхнул Леа, а когда она открыла глаза, приложил палец к ее губам и тихо зашептал на ухо:

— Скоро к нам явится веселенькая компания. Собери вещи и приготовься бежать.

Он почувствовал, как напряглось ее тело, когда она приподнялась на локтях.

— Что происходит?

— Пока не знаю. Но чувствую поблизости людей. Они идут сюда. Пока не могу определить, сколько их. Но одно знаю точно — они идут по мою душу и сердца их пылают не любовью. Погоди...

Он сосредоточился, пытаясь выделить личность из переплетения эмоций, призвал на помощь весь опыт, который приобрел, развивая свой особый дар. Он попытался проникнуть в чужую душу. Да, все сходится.

Брайон удовлетворенно кивнул.

— Одна загадка разрешилась. С ними Вьер. Теперь мы знаем, что в холмах он живет не один. Похоже, его племя достаточно велико, вон сколько народу пришло взглянуть на меня.

— Мне показалось, ты говорил, что вы подружились.

— Мне тоже так казалось. Но, по-видимому, все изменилось. Хотелось бы узнать почему — и кажется, мы скоро это узнаем. — Он спокойно встал и потянулся к ножнам. — Ты останешься здесь, пока я с ними не разберусь.

— Нет! — Ее пальцы впились ему в руку. — Ты никуда не пойдешь один, да еще ночью...

— Еще как пойду. Поверь, я знаю, что делаю. — Он мягко отнял ее руку. — Я должен чувствовать себя свободным,

когда встречусь с ними. Может статься, у меня не будет времени заботиться о тебе. Не волнуйся, все будет хорошо.

И он скользнул в полумрак, бесшумно двигаясь в сторону крадущихся охотников. Отойдя подальше от укрытия, он остановился. Теперь эмоции ощущались сильнее. В темноте было человек двенадцать. Возможно, больше. Он подождал, пока в сумраке не проявились темные фигуры — их оказалось около двадцати, — потом резко вскочил на ноги и закричал:

— Вьер! Я здесь. Чего ты хочешь?

Брайон почувствовал, как их волной захлестнул страх. Они замерли, все, кроме одного, которого несла вперед ненависть. Он наступал в одиночку.

Из темноты вылетело копье и вонзилось в землю в метре от ноги Брайона. Ситуация становилась опасной. Он почувствовал, что первый шок проходит и в людях снова закипает ненависть. Один за другим охотники двинулись вперед.

Брайон медленно отступал к озеру, уводя их в сторону от укрытия Леа. По крайней мере, хоть она в безопасности. Собственная участь его не беспокоила. За себя, если они все-таки нападут, он сможет постоять. Тем более если они все такие, как Вьер. В крайнем случае, если придется туго, он просто убежит. Но что толкнуло их на это? Он снова крикнул, чтобы привлечь к себе внимание.

Тут закричала Леа, и он почувствовал, как ее захлестнула паника.

Он рванулся к ней. Перед ним появился человек, потом еще двое. Не снижая скорости, он разметал их в разные стороны. Леа закричала опять, и он увидел людей, которые держали ее, увидел поднятые копья.

Бросаясь в драку, он даже не вспомнил про кинжал — ему вполне хватало кулаков.

В неверном свете звезд завязалась жестокая схватка. В ближнем бою оружие было бесполезно и даже опасно для самих нападавших. Брайон схватил одного из них и швырнул в гущу атакующих, послышались крики. Его кулаки обрушились на тех троих, что держали Леа. Он спрятал Леа за спину, руками отбивая копья, молотил кулаками, словно палицами. Нападающие разлетались от его ударов — и тут в висок ударил первый камень.

Брайон взревел от боли, когда на него обрушился град камней. Тут он впервые заметил женщин за спинами нападавших мужчин. Они были вооружены округлыми камнями и

управлялись с ними очень умело. Брайон ухватил одного из охотников и прикрылся им, как щитом, однако было поздно. Град камней обрушился на голову и шею, но он не успел почувствовать боли, закачался и рухнул, как подрубленное дерево. Последнее, что он запомнил, — крик Леа и ощущение собственной беспомощности перед надвигающейся тьмой.

А потом — суматоха. Мысли спутаны. Чернота, красные пятна боли. Качка, боль в руках, в ногах, в голове. Неясное движение. Опять чернота. Вдруг появились звезды, они почему-то раскачивались перед глазами. Он хрипло позвал Леа. Что она ответила? Не понять. Боль и забытье были ему единственной наградой.

Когда он очнулся, ночь уже отступила от неба, занимался серый рассвет. С трудом разлепив веки, Брайон услышал, как его окликнула Леа. Руки и ноги были, по-видимому, связаны. Он часто заморгал, пытаясь разогнать пятна в глазах. Оказывается, руки и ноги были привязаны кожаными ремнями к длинному столбу. Правая рука была в крови и жутко болела. Он вывернул кисть так, чтобы было видно, и раздраженно рыкнул.

Голос Леа был хриплым от тревоги:

— Ты жив? Слышишь меня? Отзовись, Брайон, ну пожалуйста! Ты можешь двигаться?

Когда он попытался повернуть голову, из груди вырвался невольный стон. Голова была вся в шишках, один глаз заплыл. Здоровым глазом он увидел Леа, лежащую поблизости, крепко привязанную к такому же столбу. Поначалу из горла вырывался только хрип, но в конце концов ему удалось выдавить несколько слов:

— Я... в порядке... полном...

— В порядке! — в ее голосе звенела сердитая слеза. — Ты выглядишь ужасно, весь в крови, побитый. Если бы не твой чугунный лоб, ты бы давно уже погиб. Ох, Брайон... Это было ужасно. Они подвесили нас на столбы, словно туши. И несли всю ночь. Я была уверена, что тебя убили.

Он попытался улыбнуться, но вышла какая-то нелепая гримаса.

— Слухи о моей смерти оказались сильно преувеличены. — Брайон, сколь было возможно, пошевелил руками и ногами. — Синяков много, но переломов, похоже, нет. А как ты?

— Ничего серьезного, так, пара царапин. Они в основном тебя били. Это было так жестоко...

— Хватит. Главное, что живы остались. Лучше расскажи мне, что ты видела по дороге.

— Очень немного. Мы где-то в горах. Рядом с какими-то пещерами, на поляне. Вокруг высокие деревья. Когда мы прибыли сюда, женщины сразу же скрылись в пещере, они до сих пор там. А мужчины спят снаружи, вокруг нас.

— Сколько их всего? Есть ли часовые?

— Мне кажется, восемнадцать... нет, девятнадцать... нет, двадцать. По-моему, все. А часовых не видно. Время от времени они поочередно бегают в лес, видимо, там у них санитарные удобства.

— Звучит обнадеживающе. Дисциплина хромает, как я и думал. Самое время бежать, пока они все спят, а то проснутся, не ровен час, и примутся за нас всерьез.

— Бежать? — Она выразительно дернула связанными руками. — Похоже, тебя слишком крепко треснули по голове. Они забрали твой кинжал, а зубы до ремней не дотягиваются. *Объясни, как мы убежим?*

— Погоди минутку, — спокойно ответил он. Закрыл глаза и стал делать глубокие вдохи.

Сейчас важно успокоиться, собрать воедино всю волю и силы. Он проделывал дыхательные упражнения для тяжелой атлетики; предстоящая задача была ничуть не легче. Тело расслабилось, и тут же заныли все раны и ушибы. Они были пустяковыми, усилием воли он подавил боль. Отлично. Теперь все мышцы под контролем. Глаза его медленно открылись, и он устремил взгляд на сыромятные ремни, державшие его запястья. Мышцы на руках и плечах вздулись.

Леа была поражена. Она видела, как Брайон сначала расслабился, даже лицо обмякло. Глаза отрешенно смотрели на ремни. А потом по его телу волной прокатилось напряжение, огромные бицепсы напряглись, ткань куртки натянулась и треснула по швам. Кожаные ремни заскрипели от натуги, растягиваясь все больше и больше. Его руки, словно механические манипуляторы, расходились в стороны, а лицо при этом оставалось совершенно спокойным.

С легким щелчком лопнул сначала один ремень, потом другой. Руки освободились.

Как только Брайон понял это, на него сразу навалилась усталость. Он закрыл глаза и, тяжело дыша, прислонился к столбу, растирая пальцами рубцы. Там, где ремни врезались

слишком глубоко, раны кровоточили. Однако через минуту он собрался с силами, медленно поднял голову и осмотрелся.

— Отлично, — спокойно сказал он. И по-пластунски пополз по утоптанной земле к Леа, волоча за собой столб, привязанный к коленям. Он осмотрел ее ремни.

— Если ты попытаешься их порвать, то заодно оторвешь мне руки, — заметила она, стараясь не смотреть на его кровоточащие кисти.

— Не волнуйся, это будет совсем не больно.

Он нагнулся, сомкнул зубы на ремнях из невыделанной шкуры и принялся усердно грызть. Они поддались меньше чем за минуту.

— Отвратительный вкус, — отплевываясь, сообщил Брайон.

— Тебе придется показаться дантисту.

Шутка далась ей через силу. Он протянул руку и отвел спутанные волосы с ее лица.

— Мы скоро выберемся, честное слово. Потерпи еще минутку.

Однако он не был так спокоен, как это могло показаться. Было уже совсем светло, их мог заметить случайно проснувшийся человек. Сейчас все решают минуты. Если они без лишнего шума доберутся до леса, то уйдут наверняка. Несмотря на раны, он сможет бежать, и второй раз поймать их будет непросто. Он раздвинул ремни на коленях и просунул указательный палец под самый тонкий из них. Ремень легко лопнул. Остальные он быстро порвал по одному, стряхнул обрывки и медленно сел. Вокруг все спали. Тем же манером Брайон освободил Леа.

— Пора двигать, — прошептал он, подхватил ее на руки и осторожно стал пробираться между телами спящих охотников — осторожно, но быстро, каждую секунду ожидая тревоги. Однако все было тихо. Шесть, семь, восемь шагов — и вот они уже среди деревьев, продираются сквозь кусты.

— Я скоро вернусь. — Он осторожно опустил женщину на траву и, приложив палец к ее губам, не дал возразить. И сразу исчез. А она не знала, смеяться или плакать.

И засмеялась. Ей с трудом удалось подавить истерический хохот, когда Брайон появился вновь с одним из захватчиков на плече. Просто так он сбежать не мог — о нет! Ему надо было взять пленного! Человек слабо, без всякой надежды на успех брыкался. Брайон захватил его без единого звука — зажал жертве огромной рукой рот и просто поднял с земли.

Человек уже едва дышал, лицо его покраснело, глаза вылезали из орбит. Брайон ослабил хватку, и пленник с жадностью втянул воздух. Но прежде чем он успел испустить крик, огромный кулак ударил его пониже уха, и он без памяти рухнул на землю.

Брайон даже не обернулся в его сторону, а подошел к Леа и помог ей подняться.

— Ты идти сможешь? — спросил он.

— Скорее ковылять.

— Постарайся. Когда станет совсем невмоготу, я помогу тебе.

Он легко вскинул пленника на плечо, взял Леа за руку, и они пошли вниз по склону, петляя между деревьями, с каждой минутой удаляясь от стойбища.

Тревоги слышно не было. Наконец-то они были свободны, по крайней мере — на какое-то время.

Глава 9

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОПРОС

Брайон вышел на опушку леса и остановился под большим деревом. Окинул взглядом поросший травой склон, переходящий в пустынную равнину, синие воды Центрального озера, простиравшиеся до самого горизонта. Солнце уже стояло высоко, день был в полном разгаре. Он слышал, как где-то позади, вполголоса ругаясь, продирается сквозь кусты Леа. Хотя он до предела напряг свое сознание, но никаких признаков погони не ощутил.

— Почему бы... нам здесь... не передохнуть, — выдохнула Леа, привалившись рядом с ним к дереву.

— Почему нет? Место для отдыха неплохое. — Женщина обессиленно сползла вниз по стволу дерева. — Насколько я понимаю, за нами пока никто не гонится, а значит, нам ничто не грозит, по крайней мере, сейчас. На равнине мы будем как на ладони. А теперь самое время подумать о том, что делать дальше.

— Для начала сбросил бы этого бородача. — Леа ткнула пальцем в бесчувственного дикаря, болтавшегося у Брайона на плече. — Или ты уже привык таскать его на себе?

Брайон положил свою ношу на опавшие листья.

— Да он совсем не тяжелый. Видишь, весь высох от старости.

— Это лучшее, что ты смог найти?

— Да. Это, похоже, представитель власти, во всяком случае, он был единственным, на ком болталось нефункциональное украшение.

Брайон отодвинул седую бороду и показал ожерелье из выбеленных косточек, висевшее у старика на шее.

— Возможно, он знает намного больше других.

— Ты хочешь сказать, что специально его выбирал, когда вернулся в стойбище?

— Конечно. Ведь это была уникальная возможность.

— Когда-нибудь я, возможно, смогу тебя понять, но только не сейчас. Я смертельно устала, страшно хочу есть и пить. Такое чувство, будто меня ногами пинали. У тебя есть какие-нибудь планы на будущее?

— Весьма обширные. Пока мы шли, было время подумать. Для начала мы должны осознать несколько неприятных фактов. Пропало все наше снаряжение, в том числе вода, пища, мой кинжал...

— А если еще и дистанционного пульта не окажется на месте, ну, там, где ты его спрятал, в воронке, то впору нам обоим покончить счеты с жизнью. Мне как-то не очень хочется вновь оказаться в лапах этих типов...

Сморщив от отвращения нос, Леа нагнулась, чтобы получше рассмотреть пленника.

— Чистый ужас. Кстати, о руках, — не кажется ли тебе, что это паскудное ожерелье сделано из фаланг пальцев?

Брайон утвердительно кивнул:

— И это самое интересное. Вот почему я и тащил его на себе. У меня к нему есть личное дело.

В его голосе внезапно послышались гневные нотки, которых раньше не было, что заставило Леа внимательнее взглянуть на ожерелье. Косточки все были белые, вот только одна темнее других. Нет, не темнее, просто другая. Леа присмотрелась и увидела, что это совсем свежая, перепачканная кровью косточка. Ее осенила внезапная догадка, и она в ужасе уставилась на Брайона. Он лишь угрюмо кивнул в ответ. Затем поднял правую руку так, чтобы были видны оставшиеся пальцы.

Леа охнула:

— Что они с тобой сделали, свиньи! И ты мне ничего не сказал...

— А что толку говорить — все равно уже ничего не поделаешь. Да и рана не очень серьезная, они перетянули обрубок ремешком, чтобы остановить кровь. Интересно, что означает этот обряд? Этот парень просто обязан нам все объяснить. — Брайон закрыл тему взмахом искалеченной руки. — Однако это подождет. Прежде всего необходимо вызвать шлюпку. Надеюсь, наш пульт, как ты говорила, цел и невредим. Без него нам не справиться. Следовательно, надо не мешкая отправляться к воронке и как можно быстрее сажать шлюпку. Потом ты погрузишься и улетишь...

— Без тебя? Тебе что, так полюбилась эта гнусная планета?

— Не особенно. Но надо же выполнять задание. Кроме того, мне не хотелось бы брать на борт шлюпки этого человека.

— Почему? Боишься, что он ее захватит?

— Напротив. После общения с Вьером у меня сложилось впечатление, что этих людей нельзя вырывать из привычной для них окружающей среды. Ничего со мной не случится до твоего возвращения. Пока шлюпка сделает один виток на орбите, ты успеешь приготовить все необходимое по списку, который мы сейчас составим. А потом совершишь посадку и доставишь снаряжение.

— Может, занести в отчет все, что мы успели выяснить?

— Это первый пункт списка. Затем подготовить снаряжение. Ничего не поделаешь, но на сей раз без металлических инструментов нам не обойтись. Я убежден, что лучше не иметь при себе металла, когда придется передвигаться с места на место. Но если обломок крыла никто не тронул, то у нас будет тайник, в котором мы сможем хранить всю металлическую экипировку до тех пор, пока она нам не понадобится.

— Инструменты — это несколько парализующих гранат и пара ружей?

— Именно так я и думал. У меня нет ни малейшего желания провести такую же ночь, как прошлая.

— Поддерживаю от всей души. — Она устало поднялась на ноги. — Если ты готов — пошли. Не очень-то приятно сидеть спиной к лесу.

— Тебе надо проверить свои способности, — отозвался Брайон, вскидывая на плечо все еще бесчувственное тело. — Они уже кинулись в погоню. Я почувствовал это несколько минут назад. Но пока ощущаю только растерянность. Видимо, они еще не вышли на след.

— И ты молчал! Пошли. — Леа вскочила на ноги и кинулась вниз по склону.

Брайон сразу припустил легкой рысью и в несколько шагов догнал ее.

— Я пойду вперед, — бросил он на ходу. — Они могут засечь нас на равнине, поэтому надо вызвать шлюпку как можно скорее.

— Не болтай попусту, лучше пошевеливайся! Я буду держаться за тобой.

Она бежала изо всех сил, но не могла выдержать предложенного темпа. Брайон летел огромными прыжками, направляясь прямо к воронке. Леа постоянно оглядывалась, потом все-таки перешла на шаг, чтобы отдышаться. Она взбежала на пригорок и увидела далеко впереди, как Брайон выбрался из воронки и взмахнул над головой чем-то блестящим. Пульт был на месте.

— Шлюпка пошла на посадку, а погони все еще не видно, — сообщил Брайон, когда она доковыляла до места.

— Никогда я так не... выматывалась, — выдохнула Леа, падая в траву.

Брайон бросил пульт рядом с ней и снова направился к воронке.

— Если дикарь зашевелится — кричи, — сказал он. — Я хочу снять новую копию с маркировочной таблички. Первая пропала, она была нацарапана на бутылке. Когда будешь в шлюпке, занесешь текст в компьютер. — И исчез в воронке.

Леа взглянула на ожерелье на шее спящего старика и содрогнулась. Эти люди — настоящие звери. Отрубить человеку палец! Зачем? Наверное, для них это какой-то ритуал. А Брайон даже виду не подал, что у него болит рука. Потрясающий человек. Надо будет обработать обрубок, чтобы не допустить инфекции, но для этого нужна аптечка. Палец, конечно, отрастят заново, но сейчас главное — снять боль.

— Я переписал все значки на кусок коры, — сообщил Брайон, выбравшись из воронки. — Может, ты их расшифруешь?

Она крутила кору и так и этак, но в конце концов сдалась:

— Это совершенно незнакомый мне язык. Хотя начертание букв что-то напоминает. Может быть, в памяти компьютера что-нибудь есть...

Седовласый пленник открыл глаза, задрожал и с визгом кинулся на четвереньках прочь. Брайон схватил его и сильно

нажал большим пальцем на шею пониже уха. Старик пару раз дернулся и затих.

— Ты видела? — спросил Брайон.

— Что? Как ты его вырубил? Конечно. Отличный приемчик, ты должен меня научить...

— Да нет. На что он смотрел, когда завыл от ужаса? На радиопульт.

— Может, он знает, что это такое?

— Сомневаюсь. Но для него пульт явно имеет какое-то зловещее значение, и надо выяснить — какое. — Брайон повернул голову и прислушался. — Шлюпка снижается. Теперь постарайся запомнить перечень необходимых вещей.

Шлюпка села меньше чем через две минуты. И с этого момента тревога не отпускала Брайона. Даже когда шлюпка с Леа на борту унеслась ввысь. Уже две посадки прошли благополучно — возможно, это означает, что выбранное им место не находится под постоянным наблюдением. Но с каждым приземлением вероятность обнаружения возрастает. Однако место посадки менять нельзя, потому что только племя охотников может помочь разрешить загадку этой планеты. Выбора не было, он выбросил из головы пустую тревогу и взялся за настройку ЭЛП.

Маленькая металлическая коробочка была нашпигована сложнейшими микросхемами. ЭЛП был оснащен голографическим проектором, который формировал трехмерное изображение, оно как бы парило в воздухе над прибором. Сначала появилась наклонная белая поверхность, на которой были написаны рабочие инструкции. Брайон внимательно их прочел и набрал нужные коды. Инструкции исчезли, и возникло изображение Учителя. Он выглядел пожилым человеком, был одет в простой серый костюм и сидел, скрестив ноги. Брайон снова нажал на клавиши, и Учитель сменил костюм на набедренную повязку. В конце концов удалось даже удлинить волосы. Несмотря на то что пленник был куда грязнее Учителя, они были очень похожи.

Брайон с удовлетворением кивнул, рассматривая полученное изображение. Вышло довольно прилично. Прикоснувшись к клавиатуре, он переместил изображение так, чтобы оно закрывало собой проектор. При этом казалось, что его рука погрузилась в обнаженное бедро сидящего человека.

Когда все было готово, его вновь охватило беспокойство, которое исчезло было после старта шлюпки. Но сейчас приходилось думать об остальных членах племени. Пока они не показывались, он не ощущал их присутствия. Медленно шли минуты.

До самого возвращения шлюпки ничего так и не произошло. Брайон встал и приветственно взмахнул рукой.

— Бросай мне снаряжение по очереди, — крикнул он Леа, когда открылся люк. — А потом быстро спускайся.

Это был довольно опасный, но зато самый быстрый вариант выгрузки. Один за другим он ловил тяжелые контейнеры и сваливал их в кучу, а потом принялся перетаскивать в воронку. Леа вскоре присоединилась к нему. Как только они выбрались из опасной зоны, Брайон набрал на пульте команду и послал шлюпку на орбиту. Когда она благополучно скрылась в вышине, они смогли наконец перевести дух. Леа погрозила кулаком далеким холмам.

— Ну что, теперь милости прошу атаковать, если есть желание. Подарки уже готовы! И я с радостью их вам преподнесу. Ни один из вас не стоит и пальца Брайона, слышите, вонючки!

— Разделяю твои чувства. — Брайон накладывал повязку поверх антисептической пены, покрывавшей обрубок пальца. — Однако наш гость, кажется, пришел в себя.

— Я приготовлю поесть, пока ты опробуешь прибор. Попытайся его разговорить.

Обучение на ЭЛП проходило мучительно медленно и с жуткой дотошностью. Активность учащихся была очень важным элементом учебного процесса. Это оказалось главным препятствием, потому что пленник никак не хотел работать, а без его желания было не обойтись. Вернее, он не то чтобы не хотел, а был смертельно напуган.

Брайон почувствовал, что пленник скоро проснется — изменились ритмы мозга. До того как он открыл глаза, ощущались только страх и боль. А затем все затмил невыразимый ужас, подобный тому, который испытал Вьер, когда впервые увидел Брайона. На сей раз было даже хуже, потому что ужас не ослабевал. Как только пленник поднял глаза на Брайона, он сразу завыл и пополз прочь. Брайон удержал его, схватив за колено, страх при этом только усилился. Охотник взвыл и невольно пустил ветры. Глаза его закатились, он потерял сознание. Брайон отправился за аптечкой.

— Не хочешь перекусить? — спросила Леа, когда он спустился в воронку.

— Не сейчас. Он никак не хочет работать, придется сделать укол скопаламина, в таких случаях это рекомендуется.

Легкий укол шприца заставил человека очнуться; Брайон быстро спрятал шприц в карман, с глаз долой. Теперь ужас был блокирован. Охотник неловко пошевелился, потер лицо, подозрительно глядя на Брайона. Тот не шелохнулся, просто сидел и ждал. Он заметил, что человек уставился на изображение Учителя, и ощутил, что ужас отступает и сменяется любопытством. В глазах пленника Учитель был его ровесником, человеком, который изумительно владеет своим телом — он сидел совершенно неподвижно, только грудь его легко вздымалась. Без этой имитации дыхания компьютерный образ сошел бы за статую. Когда удивление охотника усилилось, Брайон голосом подал команду:

— Начинай.

Пленник испуганно глянул на Брайона и снова уставился на изображение, которое стало подавать первые признаки жизни. Учитель улыбнулся, кивнул и протянул руку к коробке, что стояла перед ним на земле. Он вынул оттуда обыкновенный камень.

— Камень, — отчетливо произнес он, — камень... камень.

Каждый раз, произнося слово, фантом кивал и улыбался. Затем вытянул руку с камнем и издал вопросительный звук. Охотник сидел, раскрыв рот, в голове его была полная сумятица.

С нечеловеческим терпением фантом повторил демонстрацию и вопрос. Ответной реакции не было. На третий раз Учитель уже не улыбался. А после того как старик снова не ответил, лицо фантома стало злым, он грозно нахмурился и оскалил зубы, изображая сильную агрессию. Это выражение лица антропологи находили во всех культурах. Пленник отпрянул с испуганным воплем. Когда камень появился вновь, он заикаясь произнес: «Пртр». Фантом улыбнулся, кивнул и сделал одобрительный жест. Процесс обучения пошел.

Брайон потихоньку отодвинулся из поля зрения охотника, чтобы не мешать уроку. Он смотрел, как Учитель переливает воду из сосуда в сосуд, снова и снова, не проливая ни капли.

— Думаешь, получится? — спросила Леа.

— Всегда получалось. Это самообучающаяся программа. Усвоив несколько слов, ЭЛП произносит их, чтобы проверить звучание по реакции партнера. По мере увеличения словарного запаса процесс обучения ускоряется. Вскоре ЭЛП сможет задавать вопросы, сначала элементарные, затем все более и более отвлеченные. Когда старик устанет, компьютер даст ему передохнуть, а в это время будет учить нас.

— То есть гонять по лексике, грамматике, ставить произношение и все такое?

— Именно. А где еда, про которую ты говорила? Следить за стариком не обязательно. Если он что-нибудь задумает, я это сразу почувствую.

После полудня пленник начал клевать от усталости носом. Брайон принес ему воды в деревянной чашке, и он с жадностью ее выпил.

— Как его зовут? — спросил он ЭЛП.

— Его имя Равн. Равн. Равн. Равн. Повторяю: Равн...

— Достаточно. — Брайон повернулся с широкой улыбкой. — Равн, поздравляю тебя с возвращением в человеческую цивилизацию.

Глава 10

ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

— Рана заживает хорошо, — отметила Леа, поворачивая руку Брайона так, чтобы лучше разглядеть обрубок пальца. Он смотрел, как она накладывает антисептическую пасту.

— Арб'т клрм, — буркнул он.

— Если ты хочешь сказать «мне больно», то научись проглатывать конечные звуки, а то аборигены тебя не поймут.

— Довольно противный язык.

— Брайон, в тебе говорит лингвистический изоляционизм. Если рассуждать абстрактно, противных языков не существует...

Подняв палец, Брайон прервал ее и спокойно сказал:

— Только не оборачивайся. Похоже, Равн собрался бежать. Я этого ждал. Пусть немного побегает. Я даже хочу, чтобы он убежал и почувствовал себя свободным. Когда я снова его схвачу, он будет окончательно сломлен и станет совершенно ручным. Тут-то мы его и разговорим. Не хочется давить. Сил у него много, и хорошая встряска ему не повредит.

— Тряхни его разок и за меня. А то он глядит с таким отвращением, будто мы его вареным мясом кормим.

— Видишь ли, он человек иерархического общества.

— Да уж. Для него женщины находятся ниже дна. Ага, он, кажется, уже собрался в путь. Поднялся на ноги, смотрит сюда.

— Отвернись и сделай вид, что ничего не заметила. Я хочу, чтобы у него появилась надежда, а потом я же ее и отниму. Этот стресс сломит его сопротивление.

Равн понимал, что Говорящий Старик не погонится за ним. Он всегда сидит на одном месте. О женщине и говорить нечего. Он боялся только Большого Охотника, который очень сильный. Но бежать надо сейчас, пока Охотник не смотрит на него. Равн чувствовал себя отдохнувшим. И он был Равн, и ноги его были по-прежнему крепки, недаром он столько лет охотился на Мяснух. И всегда догонял их — и теперь убежит от Охотника. Охотник настолько глуп, что даже не смотрит в его сторону. Старик тоже глуп — сидит и не поднимает тревогу. Он медленно скрылся в траве — и побежал! Быстрей! Как ветер, как Мяснуха — теперь его не поймать.

Леа смотрела, как старик бежит по равнине, все дальше и дальше.

— А ты не слишком рискуешь? — спросила она. — Старый черт быстро, однако, бегает. Было бы стыдно упустить его. Чего доброго, ему на помощь придут друзья. Может, они его поджидают?

— Можешь не волноваться. Никто его не поджидает, в этом я уверен. — Брайон глянул вслед беглецу, затем встал, потянулся. — Хорошее дело — спринт. Давненько я не бегал.

Глядя на него, Леа поняла, что волновалась напрасно. Когда Брайон стартовал, она призналась себе, что ничего подобного в жизни не видела. Она совсем забыла, что он чемпион своей планеты по двадцати видам спорта и бег — один из этих видов.

Равн не ожидал ничего подобного. Он было уже грянул победную песнь — ведь был слишком далеко и бежал слишком быстро, чтобы кто-нибудь мог его теперь догнать. Поэтому когда он оглянулся и увидел, что Охотник все-таки погнался за ним, то вскоре лишь рассмеялся и приналег, чтобы увеличить разрыв. Но когда оглянулся опять — Охотник уже сократил разрыв наполовину и темпа не снижал. Равн взвыл от отчаяния, но оторваться не смог. Лес по-прежнему был чересчур далеко, а шаги слышались уже за спиной. Легкие болели, сердце бешено колотилось, и когда тяжелая рука легла на его плечо, он громко вскрикнул и рухнул без чувств.

Брайон без всякой жалости смотрел, как старик воет и корчится. Его сердце учащенно билось после пробежки, и каждый удар отзывался болью в обрубке пальца, настойчиво напоминая о том, что скрючившийся на земле старик ампутировал этот самый палец. Когда он рассмотрел свой палец на грязной шее старика, когда увидел, что тот, ухватившись обеими руками за ожерелье, воет от жалости к самому себе, Брайона охватил такой гнев, что он даже про боль забыл. Старик держался за него так, будто ожерелье давало ему силы.

Как только Брайон заметил это, то понял, что нужно сделать. Он вспомнил, что рваные шкуры и примитивное оружие — единственное, чем обладают эти люди. Ожерелье — совсем другое дело. Оно, должно быть, ценится необычайно высоко и носить его — честь немалая. Отлично. В таком случае он наденет его сам.

Равн завыл еще громче, когда Брайон попытался отнять у него ожерелье, вцепился в него обеими руками. Но перед Брайоном устоять было невозможно. Он с такой силой стиснул кисти Равна, что пальцы у того онемели и медленно разжались. Брайон снял ожерелье с Равна и торжественно надел на себя. Старик прекратил выть и разразился визгливыми угрозами:

— Мое, отдай мне! Это я Равн, мне носить, мое...

Он кричал на своем языке, и Брайон обнаружил, что понимает его довольно хорошо. ЭЛП справился со своей задачей. Брайон отступил назад, взялся рукой за ожерелье и с расстановкой заговорил на том же языке:

— Теперь оно мое. Я Брайон. Пока я ношу его — я Равн.

Если Равн не имя, а титул, то старик его поймет. И тот понял. Визг прекратился, и глаза Равна злобно сузились.

— У людей есть только один Равн. Я. Мое.

Он требовательно протянул руку. Брайон снял ожерелье, но отдавать не торопился.

— Это твое? — спросил он.

— Мое. Отдай мне. Оно принадлежит Равну.

— Что такое Равн?

— Это я. Приказываю тебе — верни его мне. Ты гнилое мясо, ты дерьмо, ты баба...

Брайон одной рукой сдавил шею Равна, подтянул старика к себе вплотную, лицом к лицу, и угрожающе прорычал:

— Ты ругал меня. Ты не смеешь ругать Брайона. Он может убить тебя, если сожмет руку. Вот так.

Тело Равна забилось в агонии, он не мог ни говорить, ни дышать; повеяло смертью.

Брайон встряхнул старика, как куклу, и помахал ожерельем перед его носом.

— Ты расскажешь мне все, что я захочу узнать. Тогда получишь его обратно. Ты понял меня? Скажи да.

— Да... — прохрипел Равн. — Да.

Брайон постарался скрыть чувство торжества. Он сердито швырнул Равна на землю и сел рядом. Его вопросы звучали властно и предполагали незамедлительный ответ. Равн с готовностью отвечал, стараясь ничего не скрывать, голос его охрип, слова путались.

Хватит для начала, подумал Брайон. Он уже собирался вернуть ожерелье, когда заметил свой палец среди других костяшек. Это была часть его тела, и она, видимо, много значила для дикарей, иначе они не отрубили бы палец. Но они не получат его обратно. Брайон ухватил палец и сорвал со шнурка.

— Это мое. Остальное можешь забрать. — Брайон швырнул ожерелье на землю. — Сейчас вернемся на мою стоянку. Ты будешь разговаривать со мной всякий раз, когда я того захочу.

Равн дрожащими руками накинул ожерелье на шею и с готовностью поднялся. Бунт был подавлен. Теперь Брайон был уверен, что старик будет подчиняться беспрекословно. Как только тот отвернулся, Брайон с облегчением выбросил ампутированный палец, который уже отслужил свое.

— Женщина, мы будем есть! — крикнул он на местном языке, подходя с измученным пленником к лагерю. Эти слова и особенно тон, которым они были сказаны, сильно рассердили Леа.

— Эта демонстрация мужского шовинизма означает, что Старый Грязнуля раскололся?

— Конечно, драгоценная моя. — Брайон хитро подмигнул. — Накорми, пожалуйста, нашего друга, а потом я уложу его спать и расскажу тебе все, что удалось узнать.

— Если не возражаешь, мы будем есть порознь. Боюсь, мне никогда не привыкнуть к виду и запаху подгнившего мяса.

— Про это я тоже все выяснил. Давай покорми его, и пусть себе спит. Не думаю, что он будет еще чудить.

Из зарослей травы, где улегся спать Равн, доносился громкий храп. Ноги старика были связаны плетеным ремнем,

конец которого обмотали вокруг вбитого в землю столба — так спокойнее.

— Это первобытные люди, — рассказывая, Брайон методично жевал сухой паек. — Очень примитивные во всех отношениях, со строгой системой табу. Мужчины охотятся и всем командуют...

— Отнюдь не новость в истории человечества.

— Согласен. Но, насколько мне удалось выяснить, это общество разделено практически полярно. Мужчины охотой добывают пропитание всему племени. Пища, как ты уже заметила, употребляется исключительно в сыром виде. Другую принимать запрещено. Приготовленную пищу тоже есть запрещено. Выходить из леса на равнину — запрещено, разрешается выходить только мужчинам, и то для охоты. Мужчины обязаны изготовлять оружие и уметь им пользоваться, но для остальных...

— Понятно. Табу. Ты узнал, зачем они устроили это представление с нашим пленением?

— Все те же табу. Они видели нас у космошлюпки, а машины и любые аппараты — самое строгое табу.

— Похоже, это как-то связано с боевыми машинами.

— Уверен, что так, но это пока все, что мне удалось из него вытянуть.

— А ты не выяснил, что означает костяное ожерелье?

— Надеюсь, что понял все правильно. История довольно сложная, некоторых слов я не знаю, но в общем и целом все выглядит приблизительно так. Каждый мужчина обладает духом, который есть неотъемлемая часть его существа. Как ты уже, наверное, догадалась, женщины и дети духа не имеют. Они просто умирают, как животные, и все. Но частица мужчины остается и хранится у Равна, при этом он считается живым, остается членом племени и подчиняется Равну. Что касается нас, то они собирались совершить ритуальное убийство, потому что мы нарушили табу. Но Равн взял мой палец, чтобы сохранить свою власть надо мной.

— Замечательно. Означает ли это, что где-нибудь в укромном месте они хранят фаланги пальцев всех своих предков?

— Возможно. В сущности, они не отличаются от тех типов культурных цивилизаций, где принято хоронить умерших. Этот обычай даже практичнее. Хранить отдельную фалангу гораздо легче, чем целый скелет.

Леа передернула плечами и, запрокинув голову, взглянула в усыпанное звездами небо.

— И это потомки цивилизованных и культурных людей? Как такое могло случиться?

— Даже не представляю. Пока.

— А какая связь между всей этой военной техникой и аборигенами?

— На сей счет мне тоже ничего не известно. Но я намерен все выяснить. Если окажется, что Равн ничего не знает, или он прикинется, что ничего не знает, тогда придется порасспросить кого-нибудь другого. У них, кстати, могут оказаться какие-нибудь предметы, которые, возможно, помогут раскрыть эту загадку. Все сводится к тому, что нам придется подняться в горы и встретиться с племенем. Там мы узнаем все из первых уст. Они живут на этой планете не одну тысячу лет, поселились здесь, видимо, еще до Раскола. Они могут нам многое рассказать.

— Ты сказал «нам». То есть ты собираешься еще раз рискнуть нашими головами ради того, чтобы посетить стойбище?

— На этот раз риск будет минимальным. — Он показал на оружие. — Потому что мы пойдем туда добровольно и с оружием.

Глава 11

НАВСТРЕЧУ ОПАСНОСТИ

Медленно, единой группой, они брели через равнину к лесистым холмам. Возглавлял группу Равн, сразу за ним шел Брайон, а сзади тащилась Леа с большим узлом за спиной. Она утерла пот со лба и закричала:

— Погодите! Давно пора отдохнуть.

Догнав Брайона, она сбросила узел и со вздохом облегчения уселась сверху.

— Попей воды, — предложил Брайон, — передохни немного.

— Очень любезно, — выпалила она, — и весьма великодушно с твоей стороны разрешить мне попить немного воды, которую я целый день тащу на своей спине.

— Но у нас нет другого выбора, ведь правда? — сладким голосом увещевал Брайон. Но Леа не поддавалась.

— Что значит «у нас», если тащить все приходится мне одной? Я прекрасно знаю все, что ты скажешь: и то, что женщина, словно рабочая скотина, должна выполнять всю тяжелую работу в этом недоразвитом обществе, и то, что ты потеряешь свое лицо, если понесешь хоть что-нибудь. А я ломаю спину и скоро грыжу наживу — хватит потешаться надо мной, скотина бесчувственная!

— Извини. Я хотел бы помочь, но мы скоро уже будем на месте.

— Не так уж и скоро...

Она развернула вонючие шкуры — животное попало на обед Равну два дня назад — и нашарила бутылку с водой. Сделала большой глоток и передала Брайону. Он лишь смочил губы. Поскольку Леа приложилась к бутылке раньше, то для охотника вода стала табу, и Равну ее даже не предлагали.

— Когда будешь прятать воду, достань мне кассету с парализующими гранатами.

Брайон произнес это слишком небрежно. Леа сразу насторожилась:

— Нас ждут неприятности?

Он утвердительно кивнул:

— Они, должно быть, устроили засаду в лесу. Я ощущаю волны ненависти, как в прошлый раз.

— Ну, это им не прошлый раз!

Она передала плоскую коробочку и ободряюще тряхнула головой, Брайон пересыпал в карман пригоршню гранат.

— Ты даже не представляешь себе, как долго я этого ждала!

— Не хотелось бы причинять им зло. Но лучше всего нагнать на них сейчас жуткого страху. Если нам удастся взобраться на самую верхнюю ступеньку социальной лестницы, они ответят на любые наши вопросы. А теперь нужно идти, потому что засада уже близко. Они хорошие охотники и неплохо вооружены, поэтому рисковать не стоит.

Если Равн и знал о готовящемся нападении, то хорошо скрывал это. Он шел все тем же размеренным шагом. Продравшись сквозь кустарник, они вошли в лес. Впереди показалась большая поляна, которую пересекала тропа.

— Стоять! — крикнул Брайон на местном языке, когда они вышли на середину. — Дай мне воды, — приказал он Леа. И, понизив голос, добавил: — Они уже окружили нас и только ждут сигнала. Могут кинуться в любой момент. На всякий случай засунь руки в узел и держись за пистолеты. Если...

В лесной тишине раздался отрывистый воинский клич,

на него отозвались эхом крики охотников — те появились сразу со всех сторон. Равн кинулся было к ним, но Брайон был начеку: один удар кулаком — и старик повалился на землю. Брайон поставил ногу на спину поверженного Равна и принялся швырять гранаты в окружавшие их заросли.

Загремели взрывы. Леа ожидала этого и заранее закрыла уши, но все равно упала на колени, содрогаясь от жуткого грохота. Воинственные крики сменились жалобными стонами поверженных врагов. В наступившей тишине грозно прогремел голос Брайона, который ругался на местном языке:

— Вы грязь! Бабы! Вы дерьмо! Если вы посмеете поднять свои копья, я вас убью! Вы тухлое мясо у меня под ногами — как этот ваш Равн!

С этими словами он сильнее прижал Равна к земле, и тот весьма эффектно завыл. Брайон перехватил инициативу и не собирался ее терять. Он ощущал страх, исходящий от охотников. Один эмоциональный узор показался ему знакомым.

— Вьер! Иди сюда!

Охотник нехотя поднялся и потащился вперед. Он был оглушен взрывами, из носа текла кровь. Брайон взглядом пригвоздил его к месту.

— Кто я?

— Ты Бррн...

— Громче, не слышу!

— Бррн.

— А что это за грязь у меня под ногами?

— Равн.

— И кто я теперь?

— Ты, наверное... Равн над Равном?

Его глаза были широко раскрыты, в них светились благоговение и смирение. Брайон указал на кинжал из пластали, который держал Вьер.

— Что это у тебя?

Вьер взглянул на кинжал и задрожал. Он в ужасе рухнул на колени, пополз вперед и положил оружие к ногам Брайона. Брайон поднял кинжал и сунул в ножны.

— А теперь пойдем, — приказал он и снял ногу со спины Равна. Титул, который ему присвоили, был очень высок — это чувствовалось по реакции мужчин. Страх и агрессивность исчезли, как только Брайон вступил в новую роль.

— Они до сих пор держат оружие. — Леа с подозрением поглядывала на охотников.

— Разоружать их нет необходимости, ведь я стал частью общества.

— А как же я? Понимаю, женщины не в счет. Тащи свой узел и помалкивай. Ну погоди, дай мне только выбраться из этого мужского рая, Брайон Брандт! Ты мне заплатишь за все!

Они взбирались по заросшим деревьями склонам. Брайон держал под контролем чувства охотников. Пока те его признают, он в безопасности. Однако все могло измениться в любой момент и по любому поводу. Но если попытка окажется удачной, то проникнуть в культуру этих людей будет легче легкого. Тем не менее затея была опасная. Но отступать поздно.

Как только агрессивность и ненависть улетучились, охотники один за другим стали куда-то исчезать. До стойбища их провожало всего несколько человек. Они взбирались по крутому склону, пока впереди не показался за деревьями скалистый утес. Его крутой откос был изрыт пещерами явно естественного происхождения. Рядом трудились женщины племени, которые обрабатывали шкуры каменными скребками. Завидев мужчин, они ретировались, подгоняемые пинками седовласой матроны.

— Похоже, это женский вариант Равна. — Леа с интересом наблюдала за происходящим. — Если ты утвердился в качестве вожака стаи охотников, я намерена завоевать приличное положение среди женщин.

Она сбросила узел и последовала за женщинами к пещере, пытаясь криками остановить их. Но они только пуще припустили, все, кроме седовласой. Та развернулась и кинулась на Леа.

— Я тебя убью! Грязная... — провизжала она.

Леа приняла стойку и отвела назад маленький твердый кулак. Как только ее противница рванулась вперед, она изо всей силы нанесла ей удар в солнечное сплетение. Та сложилась пополам, завывая от боли, обхватила живот руками. Леа принялась таскать ее за волосы.

— Заткнись и скажи свое имя, а то я снова тебя ударю.

— Я... Первая женщина.

— Теперь я Первая. А ты теперь Старейшая...

Новоиспеченная Старейшая протестующе завыла, пытаясь оторвать пальцы Леа от своих волос. Равн, проходя мимо, небрежно пнул ее в бок, и вой сорвался на визг.

— Теперь ты Старейшая, — радостно сказал он: зрелище

чужого унижения грело его душу. Он уселся у скалы и громким воплем потребовал еды.

— Какие милые люди, — заметила Леа.

— Настоящие цветы местной культуры, — ответил Брайон, заворачивая передатчик в кусок кожи, перед тем как вынуть тот из узла. — Но система работает и помогает выжить, иначе здесь не было бы этих людей. Я хочу передать на бортовой компьютер сведения о сегодняшних событиях. Надо дополнить наш отчет на случай, если с нами что-нибудь случится...

— Пожалуйста, не расстраивай меня, дорогой. Я верю, что мы выполним задание и останемся живы. Заруби это себе на носу. Займись отчетом, а я пока поговорю с женщинами. Посмотрим, какова их точка зрения на этот гадкий мир.

— Хорошо. Нам нужна любая информация, но задерживаться здесь нет никакой необходимости. У большинства из них паразиты — ты заметила?

— Не заметить было трудно. На них только глянешь, сразу чесаться хочется. Не уходи далеко.

— Я буду рядом. Хочу поговорить с народом. Потолкую с Вьером, раз уж завязал здесь какие-то знакомства. Удачи тебе.

Уже почти стемнело, когда Леа вышла из пещеры. Она угрюмо чесалась. Брайон разговаривал с двумя охотниками, но, увидев выражение ее лица, тут же отослал их и протянул ей пластиковый флакон.

— Я нашел в аптечке атисептик, это хороший инсектицид.

— Давай его сюда! Это не пещера, а насекомоферма какая-то.

Она быстро скинула одежду и опрыскала тело, покрытое красными точками укусов. Пока она натиралась целительным кремом, Брайон обработал одежду. Одеваясь, Леа крикнула:

— Будь лапой, плесни мне двойную порцию водки. Бутылка на дне узла.

— Я, пожалуй, составлю тебе компанию. Трудный выдался денек. Как прошел опрос?

— Прекрасно, если не считать насекомых. Наливай полную, вот так. Господи, как приятно выпить! У женщин здесь своя жизнь, но тоже строго иерархическая, кроме того, они просто кладезь разных историй. У них есть мифы и заклинания на все случаи жизни. Это настоящий устный эпос. В следующий раз обязательно сделаю запись. Это бесценный антропологический материал. А что удалось узнать тебе?

— Весьма немного. Охотники говорили со мной доста-

точно свободно, но только об охоте, о следопытских хитростях. Ну, ты легко можешь себе представить. По другим вопросам они своего мнения не имеют. Это ходячая коллекция табу. Все, что они делают или думают, регулируется строгой системой запретов.

— У женщин то же самое, во всяком случае внешне. Но они легко ускользают в мифотворчество, а эта область запретами не регламентируется. Однако их истории, как мне кажется, не предназначены для мужских ушей. Ты слышал местный миф о сотворении мира?

— Ничего и близко похожего, — покачал головой Брайон.

— Это довольно интересно. Похоже на упрощенное изложение правдивых событий. То, что осталось в памяти людей, но в форме мифа. История гласит, что раньше люди жили, как боги: передвигались по земле без помощи ног, летали по воздуху без помощи крыльев. В те времена люди были испорчены, потому что ценили вещи, сделанные из цкл'т — тебе встречалось это слово?

— Да, я знаю, что оно означает. Металл. По контексту я догадывался, но пришлось пожертвовать одним из подданных, чтобы выяснить наверняка. Я дал ему взглянуть на передатчик, и один только вид поверг беднягу в такой ужас, что он помчался прочь, не разбирая дороги, и в результате со всего маху врезался в дерево.

— Все сходится. Мифы говорят о том же. В древности люди ценили металл и полагали себя богатыми, но настоящие боги сокрушили их и их металлические дома, где они жили, и весь металл, что был у них на службе. Затем боги решили очистить людей и заставили их вести животный образ жизни. И если люди сохранят себя в чистоте, то попадут в цкл'т — здесь будет правильным перевести это слово как «рай». А до тех пор люди должны страдать и соблюдать все табу, и тогда они наверняка попадут в «рай».

— Замечательно! — Брайон вскочил на ноги и заметался, не в силах усидеть на месте от волнения. — Ты просто чудо. Такое раскопать! То, что ты рассказала, полностью объясняет жизнь этих людей. Они — потомки тех, кто бежал от грандиозной бойни. Их предки или потерпели поражение в войне, или были вытеснены пришельцами; так или иначе, им пришлось оставить свои города. Их армия была разбита. А вину за поражение они возложили на богов. Это намного легче, чем признать собственное поражение.

— Прекрасная теория, профессор. — Леа допила водку, облизнулась и налила себе снова. — Я заметила только одно

слабое место. Где же победители? Да и война, по всему видно, продолжается.

— Верно, — Брайон мгновенно успокоился, — об этом я как-то не подумал. На деле мы знаем теперь немногим больше, чем в самом начале.

— Не расстраивайся. Я попыталась проверить нашу теорию о подземных поселениях, а в ответ — только недоуменные взгляды. Если на планете и существует подземная цивилизация, то этим людям о ней ничего не известно.

— Так же, как и нам. Мне кажется, мы зашли в тупик.

— Ты, может, и зашел, Равн над Равном, вместе со своими охотниками, следопытами и прочими мужскими штучками. — Леа очаровательно икнула, прикрыла рот ладошкой и улыбнулась. — А мы, девушки, умеем рассуждать о вещах серьезных, как и пристало более разумным существам. Как я тебе уже говорила, все металлы — табу, а механизмы из металла — самое сильное табу. Мы сами в этом убедились, когда нас схватили за то, что мы находились у космошлюпки. Следовательно, не будет ли логичным предположить, что самое запретное место на планете — то, откуда появляются машины. Ты меня понимаешь?

— Да, конечно. Ты что, хочешь еще выпить?

— Ой, помолчи. Может, нам стоит узнать, откуда появляются машины?

— Конечно, но...

— Никаких «но». Я все знаю. Женщины рассказали мне, как найти это место. Нам остается просто пойти туда — и загадка будет решена.

Она полюбовалась на физиономию Брайона — широко раскрытые глаза, отвисшая челюсть, — потом зажмурилась и спокойно уснула.

Глава 12

ОТКРЫТИЕ

Брайону очень хотелось растолкать Леа и потребовать дальнейших объяснений. Но он сдержался. День выдался утомительным, она, без сомнения, устала. Пряча бутылку с водкой в узел, он заметил, что Леа отпила совсем немного. Выходит, ее и впрямь свалила не выпивка, а усталость. Ночь

стояла довольно теплая, но он все равно заботливо укрыл женщину спальным мешком.

Что она подразумевала под местом, откуда появляются машины? Похоже, Леа говорила о боевых машинах; ведь с момента прибытия на планету они не встретили ни одной машины мирного назначения. Но неужели вся военная техника появляется на поверхности в одном месте? Тем более техника обеих воюющих сторон? Нет, это невозможно. Если такое место и существует в действительности, его, по-видимому, контролирует одна из сторон. Но даже это звучит неправдоподобно. Разве могут все боевые машины той или другой стороны появляться из одной точки? Это возможно лишь в том случае, если вся техника собирается на подземных фабриках. Но тогда следует предположить наличие подземной цивилизации.

А если существует не одна, а две вооруженные группы — обе находятся под землей, в то время как их армии сражаются на поверхности? Но как объяснить все происходящее? Брайон тряхнул головой. Он слишком устал, ничего путного на ум не шло. И все-таки на все эти вопросы *должен быть* ответ, ведь боевые машины и техника существуют.

Брайон встал и осмотрелся. С заходом солнца все замерло. Женщины скрылись в пещере, а охотники расположились на ночь около входа. Он отыскал взглядом Равна, который сидел поодаль, задумчиво перебирая косточки своего ожерелья. Самое время его порасспросить. Равн наверняка кое-что знает о месте, откуда появляются машины.

Сон и спокойствие царили над стойбищем. Любого, кто захочет напасть на Леа, засечь не составит труда — человек будет излучать страх и ненависть. Брайон взглянул на Леа — она крепко спала — и пошел к Равну, пробираясь между спящими.

— Будем говорить, — сказал он. Равн встревоженно поднял голову, сжимая ожерелье. Всплеск удивления быстро сменился лютой ненавистью. С ним надо быть начеку. Всегда.

— Уже поздно. Равн устал. Утром...

— Сейчас.

Голос Брайона звучал холодно; он протянул руку, ухватился за ожерелье и тут же почувствовал охвативший старика испуг.

— Ты будешь делать все, что я скажу. Ты будешь мне повиноваться.

Он отпустил ожерелье и сел. Равн дрожащими руками схватился за свой талисман.

— Кто я? — первым делом спросил Брайон. Равн отвернулся, избегая его взгляда. — Смотреть на меня, ты, кусок грязи. Кто я? Назови мое имя?

Слова выходили из Равна неохотно, они так и сочились ненавистью:

— Ты Равн... над Равном.

— Правильно. А теперь ты будешь отвечать на мои вопросы. Ты видел машины? — Ответом был недовольный кивок. — Хорошо. Какие машины ты видел?

— Про машины говорить запрещено.

— Не запрещается говорить про машины с Равном над Равном. Ты видел машины, которые летают? Ага, видел. Что делают эти машины?

— То, что всегда. Они с громким шумом убивают другие машины, потом погибают сами.

— Ты видел машины, которых не убивают другие машины?

— Машины убивают машины. Они делают так всегда.

Другого ответа у Равна не находилось. По его лицу было видно, что он считает Брайона идиотом, задающим глупые вопросы.

— Итак, все машины убивают машины, — повторил Брайон слова Равна. И ровным голосом продолжал допрос: — А теперь скажи мне — откуда они появляются?

Эти слова произвели неожиданный и сильный эффект. Равн содрогнулся, в одно мгновение страх вытеснил в его душе все остальные чувства.

— Ты скажешь мне! — процедил Брайон, подался вперед и звучно стукнул огромным кулаком о ладонь. — Говори!

Деваться было некуда. Сейчас Равн больше боялся чудовищных кулаков, нежели страшного табу. Он боязливо ткнул пальцем за спину, но Брайону этого было мало. В конце концов Равну пришлось говорить, он начал рассказывать свистящим шепотом:

— Это там. Много дней надо идти. Это там. Место Без Названия.

— Ты был там?

— Только Равн может ходить туда. Старый Равн водил меня, когда я был молодым.

— Но я Равн над Равном, и ты отведешь меня туда. Мы пойдем, как только встанет солнце.

— Это запрещено...

— Запрещено мне отказывать! — Брайон вытянул руку и стиснул морщинистую шею. — Хочешь умереть?

Он старался говорить как можно более злобным голосом. Угроза должна быть настоящей — Равн подчинялся только страху. Не дождавшись ответа, он тихонько сжал пальцы.

Равн неохотно выдавил из себя:

— Мы пойдем... когда встанет солнце.

Этого было достаточно. Брайон отпустил старика и вернулся к Леа. Она спала, тихонько посапывая, и он решил последовать ее примеру. Но ему мешал эмоциональный фон спящего стойбища. Страх и ненависть бурлили в океане чувств. В конце концов он понял, что уснуть не удастся. Брайон лежал на спине, глядя на звезды и настороженно вслушиваясь в окружающее пространство.

Леа проснулась вскоре после рассвета. Он дал ей воды и рассказал все, что удалось выяснить. Она удовлетворенно кивнула:

— В этом что-то есть. Судя по рассказам женщин, такое место существует не только в мифах, но и в реальности.

— Мы должны убедиться в этом. Там наверняка что-то есть. Равн очень не хотел идти туда. Его пришлось долго убеждать. Он боится этого места не меньше, чем меня.

— Как ты думаешь, он случайно не сбежал со страху? Я что-то его не вижу.

Леа была права. Ночью Равн исчез. Когда Брайон поднял на ноги охотников, те удивились не меньше, чем он. Они тщательно обыскали стойбище, некоторые даже осмотрели тропы, разбегавшиеся от стоянки. Но вернулись ни с чем. Равн сгинул без следа.

— Проклятие! — выругался Брайон. — Без него нам не отыскать это место. Надо было привязать его, а сейчас он, наверное, уже далеко.

— Не думаю, — возразила Леа. — Я сильно подозреваю, что он намного ближе, чем тебе кажется.

Она с важным видом принялась размешивать кофейный экстракт в чашке с водой, потом отхлебнула готовый напиток.

— Будь так добра, объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду.

— Спокойно. Спокойно. Криком делу не поможешь, только давление поднимется.

Она кокетливо прихлебывала напиток, пока Брайон кипятился от нетерпения.

— Как славно. Пока вы, мужчины, бегали по всей округе, я

наблюдала за женщинами. Они чем-то сильно напуганы — ни одна из них и носа не кажет из пещеры.

— Может, он спрятался там? Но ведь мужчинам запрещено туда входить.

— Мужчинам запрещено. Но не Равну. У него там даже есть что-то вроде личного топчана. Пойти взглянуть?

— Нет, это слишком опасно. С моим новым титулом я тоже имею право туда входить.

Охотники с интересом следили, как Брайон приблизился к пещере. Женщины в страхе отступили.

— Я Равн над Равном! — прокричал Брайон и, нагнувшись, вошел внутрь.

Он заморгал, чтобы глаза привыкли к полумраку. Пещера представляла собой разлом в скале, около шестидесяти метров глубиной. Из дальнего конца доносился испуганный плач и вой, там сгрудились женщины и дети. Когда Брайон приблизился к ним, они взвыли и шарахнулись в сторону. Все отступили влево. Интересно. Брайон двинулся направо, туда, где в нише была навалена куча вонючих, невыделанных шкур. Кроме шкур — ничего. Но вроде что-то мелькнуло, или показалось? Он присел, запустил руку в зловонную кучу и радостно вскрикнул.

Равн выл и пускал слюни, когда Брайон схватил его за колено, вытащил из-под шкур и бросил на пол. Глядя, как старик корчится, Брайон ощутил легкую жалость. Но только на секунду, пока не задел обрубком пальца о стену. Острая боль привела его в чувство, и он пнул Равна ногой.

— Вставай, грязный трус. Нам сегодня предстоит долгий путь.

Когда Равн наконец объявил, что готов к походу, утро давно прошло. Надо было исполнить ритуалы, собрать еду, взять из тайника костяной браслет. Подгоняемый Брайоном, старик истошил весь запас уверток, неохотно двинулся по тропе — и тут же застыл как вкопанный, заметив, что следом идет Леа. Даже руками замахал:

— Никаких женщин! Женщинам нельзя. Только Равн может идти. Никаких охотников, никаких грязных женщин!

— Эта женщина не пойдет до конца, она несет еду. Она не пойдет с нами в Место Без Названия. Я отошлю ее обратно раньше.

Равн потащился вниз по склону, едва волоча ноги. Леа и Брайон двинулись вслед за ним по тропке, что вилась среди

деревьев. Когда стойбище скрылось из виду, Брайон остановился, забрал у Леа узел и закинул за спину. Она принялась массировать затекшие мускулы.

— Таскать узлы — участь грязных женщин. Как Большой Охотник потащит такой большой узел? Нарушать табу опасно.

— Хочешь получить обратно?

— Ни за что! Вот только бы старый грязный Равн не осерчал.

— Он и так сердит дальше некуда. Я справлюсь с ним, как бы он ни выкаблучивался. Стоит мне хоть немного пожалеть его, как мой обрубок начинает болеть и всякая жалость улетучивается. Когда устанешь — скажи, сделаем привал.

— Я готова идти целый день, было бы кому тащить поклажу.

Сначала они двигались по краю равнины на запад. К полудню предгорье завернуло к северу, в точности повторяя очертания береговой линии Центрального озера. Им оставалось только следовать за естественными поворотами ландшафта. Ближе к вечеру уставший от бессонной ночи Брайон объявил привал. Как и прежде, он посадил Равна на привязь, чтобы тот не сбежал. Приняв меры предосторожности, Брайон спал крепко и без сновидений и утром встал отдохнувшим, готовым продолжать путь.

Так миновало три дня. Они шли по предгорьям, среди редких деревьев, по краю леса. И только вечерами рисковали подходить к озеру, чтобы набрать воды, если за день, по дороге, не попадался ни один ручей. Равн не открывал рта и лишь однажды предостерегающе крикнул, заслышав шум машин. Они залегли в кустах, глядя на следы невидимых на такой высоте самолетов. За теми тянулись белые линии от самого горизонта на север. Это с достаточной степенью вероятности указывало на то, что экспедиция движется в верном направлении. Перепуганный Равн дрожал всем телом.

— Мы слишком близко, слишком близко, — бормотал он. — Нужно поворачивать обратно.

Брайон силой заставил его идти дальше. Но ненадолго. Меньше чем через час Равн остановился и уселся под деревом.

— Что случилось? — поинтересовался Брайон.

— Дождемся темноты, потом спустимся к озеру и обойдем это место, — Равн махнул рукой в сторону торчавшего впереди кряжа.

— Мы пойдем сейчас, — отрезал Брайон. — До заката еще далеко.

— Нельзя. Там, впереди, Святое Место. Туда нельзя идти. Мы должны обойти его. По берегу озера можно идти только ночью.

— Святое Место? Мне нравится это название. Надо взглянуть...

— Нет! Это запрещено! Ты не пойдешь!

Брайон ощутил, что Равна охватил жуткий страх, и этот страх был сильнее страха перед ним, Равном над Равном. Такого раньше не было.

Выхватив нож, Равн с криком бросился в атаку. Брайон шагнул вперед, поставил блок и схватил Равна за запястье, а другой рукой за шею и держал, пока тело не обмякло.

— Он долго будет без сознания, но все-таки придется его связать на тот случай, если мы задержимся.

— Ты хочешь сказать, что мы пойдем осматривать Святое Место?

— Нет, я пойду и посмотрю один. Ты останешься здесь вместе с ним. Старик и вправду не на шутку перепугался. Похоже, там довольно опасно.

Леа возмущенно фыркнула:

— А что на этой планете не опасно? Мы пойдем вместе. Понятно?

Брайон открыл было рот, но тут же спохватился и нехотя кивнул в знак согласия. Он понял, что проиграл этот спор еще до того, как тот завязался.

— Держись рядом. Неизвестно, что там наверху.

Они медленно пробирались сквозь деревья и остановились, выбравшись на относительно пологий, заросший травой склон. До вершины оставалось всего несколько метров. Брайон наклонился к Леа и прошептал:

— Подожди здесь, пока я не разузнаю, в чем там дело. Если все будет в порядке, придешь ко мне. Понятно?

Леа согласно кивнула и присела, укрывшись за стволом большого дерева.

Последние несколько метров Брайон прополз очень медленно, буквально пядь за пядью. На вершине он замер и осторожно поднял голову, осмотрелся, приподнялся и заглянул за край. Затем вскочил и взмахом руки подозвал Леа.

— Порядок! Иди сюда! Посмотри, что мы обнаружили.

Глава 13

ВРАГ ОБНАРУЖЕН

Леа, сгорая от любопытства, вскарабкалась по склону. Что там такое? Равн был страшно напуган, а Брайон стоит на вершине и машет рукой как ни в чем не бывало. Он спустился и подал ей руку, помогая преодолеть последние шаги.

— Смотри, — сказал он.

Внизу громоздились руины какого-то древнего строения. Леа тряхнула головой:

— Это и есть Святое Место? Какие-то развалины. Совершенно ничего страшного.

— На наш взгляд. Но для местных людей это наверняка что-то очень важное. Пойми, это первые строения, которые мы обнаружили на этой планете, и не имеет ни малейшего значения, в каком они состоянии. Я думаю, мы можем подойти поближе.

В развалинах не было ничего, что могло бы представлять опасность. Им было по меньшей мере несколько веков. На земле попадались следы ржавчины — остатки стальных конструкций. Огромные постройки кубической формы были сложены из глиняных блоков и облицованы керамической плиткой. Кое-где плитка отвалилась, и в этих местах стены размыла влага, но в целом конструкции сохранили прочность. Брайон вскарабкался на кучу щебня, чтобы поближе взглянуть на одну из оставшихся стен, пытаясь угадать назначение строения. Он пнул ногой комок грязи и показал на пробоины в стене.

— Как ты думаешь, можно ли предположить, что эти здания были взорваны? Вон там, похоже, воронки. А выбоины на облицовке — видимо, следы осколков.

Леа согласно кивнула:

— Более чем похоже, даже если не принимать во внимание все, что происходит на этой планете. Но что здесь было раньше? Для города площадь маловата, хотя строения довольно крупные.

— Оборудование давно пропало, но я полагаю, что раньше здесь был рудник. Вон те холмы слишком правильной формы — туда, видимо, сбрасывали пустую породу. А вон там — рудничные строения. Самые большие из них похожи на склады. И все взорвано. А люди, похоже, погибли...

— Нет! Не все. Может быть, наши аборигены — потомки этих людей? Тех, которым удалось уцелеть? А иначе почему они называют разрушенный рудник Святым Местом?

— Возможно, хотя наверняка утверждать трудно. Вполне вероятно, что охотники случайно наткнулись на развалины и стали им поклоняться из-за циклопических размеров. Может, Равн нам что-нибудь расскажет.

— Сомневаюсь. Тебе не кажется, что пора его проведать?

— Нам тут больше смотреть нечего. Если он до сих пор не очнулся, ему и незачем знать, что мы тут побывали. Нам еще понадобится его помощь.

Равн уже пришел в сознание. Он смотрел на них ненавидящим взглядом и дотемна двигаться не желал. Он догадался, где они были, темная ненависть в его глазах служила тому доказательством, но поделать ничего не мог. До самых сумерек он просидел без движения, потом встал и, не сказав ни слова, двинулся вниз по склону. Ничего не оставалось, как последовать за ним. Полночи ушло на то, чтобы по широкой дуге обойти Святое Место и вновь подняться в предгорья. Несколько часов, оставшихся до рассвета, они проспали, затем опять тронулись в путь.

На рассвете четвертого дня они остановились у одного из ручьев, что сбегал в озеро, чтобы пополнить запасы воды. Брайон вдруг поднял голову и замер, держа в руках наполовину наполненную бутылку. Леа заметила это движение и собралась было спросить, но он жестом руки предупредил ее вопрос.

— Погоди. Не оборачивайся и не суетись. Не надо привлекать к себе внимание. Мы уже не одни. Там, впереди, какие-то люди. Похоже, они прячутся вон в той роще, выше по склону.

— Они настроены дружелюбно?

— На этой планете? Ну нет. Я догадываюсь, зачем они туда забрались. Они устроили засаду.

— Что будем делать?

— Ничего. Подождем, пока они не приступят к активным действиям, тогда все станет ясно. Если случится заварушка, то обороняться нам лучше здесь, на открытом месте...

Он внезапно толкнул ее, заметив, что из леса вылетела какая-то тень. Длинное копье с глухим стуком вонзилось в землю, прямо у ног Равна. Тот испуганно взвизгнул.

— Ну вот, теперь, я полагаю, с их намерениями все ясно. — Леа указала на темные фигурки, высыпавшие из-за деревьев. — Они выглядят точь-в-точь как соплеменники Равна, а нам уже известно, что это за ребята. Я, конечно, понимаю, что не мне тебе советовать, но не пора ли предпринять что-нибудь этакое, пока они не подошли поближе?

Она старалась говорить беззаботно, но голос ее дрожал. Вид медленно наступающих копьеносцев напугал Леа. С тех пор как они высадились на планету, война здесь не прекращалась ни на минуту.

— Спрячься за дерево, чтобы тебя не зацепило! — крикнул Брайон, вытаскивая кассету с парализующими гранатами. Атакующие были уже близко. Они грозно размахивали копьями и выкрикивали оскорбления. Брайон держал гранаты наготове, подпуская их поближе. На миг все стихло — и тут завопил Равн:

— Я Равн! Я помогу вам!

Он прыгнул в мелкий ручей и, не переставая вопить, зашлепал на другую сторону. Брайон рванулся было за ним, но тут же подался назад. Останавливать его было слишком поздно.

Равн уже бежал по склону, размахивая руками, и кричал:

— Там, сзади, прячутся двое, убейте их, я помогу. Они трогали металл, у них есть машины. Я сам видел. Их надо убить!

Его крики, казалось, подтолкнули копьеносцев вперед, они взвыли. Похоже, они заметили ожерелье и браслет, признали в старике Равна, послушают его...

Внезапно склон взорвался пламенем и дымом, по ветвям, впиваясь в стволы деревьев, зашуршали осколки. Взрыв приподнял Равна, изломал и отшвырнул в сторону. Грохот смолк, наступившую тишину разорвали вопли отступающих воинов. Брайон рухнул на землю, увлекая за собой Леа, и тут второй взрыв обрушил на них целый водопад веток и обломков древесины. На сей раз Брайон различил со стороны равнины звук выстрела и, обернувшись, увидел танк, вставший у ручья. Его длинная пушка, нацеленная в их сторону, вдруг плюнула дымом. Третий снаряд разорвался еще выше, в роще, там, где скрылись дикари.

Обстрел кончился так же внезапно, как и начался. Изрытый склон был совершенно пуст, остался только одинокий труп. Воины исчезли. Потеряв цель, наводчик поводил орудием из стороны в сторону — и танк покатил прочь, на ходу разворачивая башню. Из-под гусениц летела пыль.

— Не двигайся, пока он не скроется, — предупредил Брайон. — Неизвестно, какими детекторами он оснащен. Не знаю, кто управляет этой штукой, но, похоже, аборигенов он не жалует.

— Может быть, это те самые люди, вернее, их потомки, что разбомбили рудник?

— Все может быть... погоди-ка... смотри!

Высоко над ними блеснуло на серебристых крыльях солнце. Всего мгновение назад оба самолета казались лишь крохотными точками, а теперь к земле быстрее звука неслись два грозных стреловидных аппарата. Они мчались друг за другом, нацелившись на одинокий танк. Водитель, похоже, заметил их, танк закрутился на месте, но было поздно. От самолетов отделились черные точки, а сами они резко взмыли вверх. Танк исчез в облаке разрывов, и тут уши разорвал рев турбин. Дым и пыль медленно осели, обнажив закопченный остов танка.

Брайон обнял Леа и почувствовал, что она вся дрожит. Он помог ей подняться.

— Все в порядке, успокойся. Все уже кончилось. Видишь, нас даже не зацепило.

— Как ужасно! Я больше этого не вынесу. Кругом только смерть, война, насилие.

Голос ее прервался.

— Мы знали, на что идем. И сделали свой выбор. Мы обязаны выполнить задание. Исполнить свой...

Она сбросила его руку со своего плеча:

— Ты лицемерная свинья! Грубый, бесчувственный чурбан! Не трогай меня!

Он подчинился, понимая, что сейчас это самое лучшее. Брайон привык к стрессам с детства, ибо жизнь на его родной планете была жестока и сурова, а Леа выросла в сверхцивилизованном мире. Жизнь забросила ее слишком далеко. Надо дать ей время прийти в себя.

В лесу они были в безопасности, сейчас лучше оставаться в укрытии, пока все не утихнет. Он развязал узел и достал водку. Налил стаканчик и протянул Леа. Она молча, с напряженным, бледным лицом взяла и пригубила. Брайон вышел на опушку леса и осмотрелся. Равнина казалась пустынной и безмолвной, только тихо дымился одинокий танк.

— Что будем делать? — спросила Леа.

— Вызовем шлюпку. Ты отправишься на орбиту.

— А здесь можно садиться?

— Нет. Но выбора тоже нет. Я не могу больше подвергать тебя опасности.

Леа вытащила из кармана маленький пластиковый гребешок и принялась расчесывать спутанные волосы.

— Отступать поздновато. Хоть мне это и не нравится, я помню, что вызвалась лететь сюда добровольно. Несмотря на твои уговоры. Но если сама стелила — самой и спать.

— Не стоило тебе ввязываться.

— Чего уж теперь... Для больших и сильных человекообразных мужчин я, конечно, слабый пол, но и у меня есть гордость. Если вспомнить, что творилось на предыдущей планете, то эта — просто рай, да и только. Не пора ли двигать?

Брайон понял, что уговоры сейчас бесполезны. Лучше промолчать. Она знает, что делает, знает, чем рискует и на что идет. Возможно, он сильнее физически, но Брайон прекрасно понимал, что духом она так же крепка, как и он. Или даже крепче. Она пойдет до конца.

— Я хочу взглянуть на танк поближе, — сказал он, дождавшись, когда пожар наконец прекратился.

Леа кивнула:

— Конечно. Там могли остаться записи, документы, да мало ли что еще. Пора заняться серьезным делом. Не все же с охотниками возиться. Пойдем прямо сейчас?

Он тряхнул головой:

— На этот раз никаких «мы». Туда пойдет только один, а тот, кто останется, будет вести доклад по радио. Мне кажется, будет лучше, если ты займешься радио. Я возьму голокамеру и быстренько все сниму. Одна нога здесь, другая там. Поставлю на автоматику, она отстреляет сотню кадров за пятнадцать секунд.

— Я и не думала спорить с тобой. Понятно, что разведку ты проведешь и быстрее, и лучше. Пойдешь сейчас или чуть погодя?

Брайон глянул на небо и кивнул:

— Я думаю, прямо сейчас. Местное воинство достаточно напугано и мешать не будет. Для съемки мне нужен свет, поэтому нет смысла дожидаться темноты. Других танков не видно, самолетов тоже. Хотелось бы обернуться побыстрее, да это и не займет много времени.

Он устремился к танку. Пора было включать радио. Леа вытащила передатчик, стараясь ничего не упустить, изложи-

ла события дня и сразу отключила радиосвязь. Она видела, как Брайон добежал до танка, бросился на землю и замер. Затем пополз и исчез из виду.

Ожидание было мучительно. Хотя она понимала, что местного племени поблизости нет, но невольно прислушивалась к каждому шороху, пытаясь различить шаги. Равнина и небо оставались пустынными. Медленно ползли минуты.

Наконец-то он бежит обратно! Казалось, на свете нет ничего более прекрасного, чем эта огромная, стремительно несущаяся фигура. Брайон протопал по густой траве и помчался к Леа, петляя среди деревьев. Он был весь в поту и тяжело дышал.

— Никогда бы не подумал... — выдохнул он, прислоняясь к дереву.

— Не подумал бы чего? Кто управлял танком?

— Никто. И это самое ужасное. Там было пусто... то есть ни души. Танком управлял робот. Системой ведения огня тоже. Вот кто здесь воюет, по крайней мере с одной стороны. Механическая армия роботов-убийц!

Глава 14

МАШИНЫ-УБИЙЦЫ

Крохотный красный огонек, мигавший на задней панели голокамеры, сменился зеленым — это означало, что видеозапись готова к просмотру. Брайон вынул кассету и вставил ее в приемник проектора, затем нажал кнопку, и на маленькой полянке тут же возникла стена покореженного металла. Изображение до невероятного точно воспроизводило оригинал.

— Этот снимок сделан снаружи танка, — пояснил Брайон и перевел кадр. — А вот что я увидел внутри.

Металлическая стена исчезла, ее место заняло другое изображение — внутренний вид разбитого танка. Снаряд порядком повредил машину, но кое-что можно было разобрать. Брайон указал на клубок проводов и покореженных блоков.

— Передняя панель. Как видишь, никаких водительских кресел. Только кабели, блоки управления. Кабина так забита аппаратурой, что сразу ясно — управление роботизировано. Видишь металлическую трубу? Это казенник орудия. Он проходит прямо через кабину, там, где обычно сидит водитель или наводчик. Но для автоматической системы управления места вполне достаточно.

— Ничего не понимаю. Этого просто быть не может! — воскликнула Леа. — Я всегда была уверена, что роботы не могут причинить людям вреда. В конце концов, существуют законы робототехники...

— На Земле — возможно, но не на окраинах Земной империи. Ты забываешь, что роботы — просто машины и не более того. Они не люди, и антропоморфные критерии к ним не применимы... Они действуют по заданной программе, безо всяких эмоций. Роботов стали применять сразу, как только появилась боевая техника. Для точного бомбометания, для пушечной стрельбы и многого другого. И они выполняли эту работу быстрее и лучше человека. К тому же они не знают усталости. Теперь тебе ясно, почему военные их так любят? История войн периода Раскола полна упоминаний о битвах, в которых сражались исключительно роботы. Такие битвы были крайне дорогостоящими, но, по крайней мере, не смертоносными. Люди могли пострадать только в том случае, если одна из сторон терпела поражение. Но обычно, если автоматическая система обороны планеты подавлялась, население сразу сдавалось.

— Значит, боевые роботы могут спокойно убивать людей?

— А чего им волноваться, они ведь начисто лишены эмоций. Роботы просто выполняют программу. Боевая программа этого танка предусматривала поиск и уничтожение людей. И ты сама видела, как прилежно он исполнил задачу.

— Но программу составляли люди. Значит, они несут ответственность за все убийства?

— Полностью. Это преступники, которых надо судить.

Леа с растущим отвращением смотрела на мелькающие перед глазами кадры.

— Хорошо, что хоть один робот-убийца уничтожен. Возможно, в том и состоит смысл войны. Может быть, пилоты самолетов пытаются остановить роботов?

— Может быть. Но откуда известно, что существуют сами пилоты? А если и самолетами управляют роботы?

— Но это сумасшествие. Две армии роботов воюют на заброшенной планете, подстреливая мимоходом уцелевших людей. В этом нет никакого смысла.

— С нашей точки зрения. Тем не менее это происходит, и отрицать данный факт трудно. Во всяком случае, должно быть такое место, откуда появляется на свет вся эта техника.

— Подземные заводы?

— Возможно. Но мы уже обсуждали эту версию. Сейчас нам нужно отыскать Место Без Названия.

— Не скажу, что меня это сильно печалит, однако Равн погиб, а без него справиться будет тяжело.

— Тяжело, но не невозможно. Нам остается продолжать движение на север, по возможности лесами. Мы уже видели, что будет, если нас обнаружат.

— Может быть, лучше идти ночами?

— Нет. Днем безопасней. Боевые машины оснащены разными радио-, тепло-, инфравизорами и локаторами, которые ночью работают ничуть не хуже, чем днем. А мы полностью зависим от зрения. Мои способности могут уберечь нас от нападения людей, но перед боевой техникой любая телепатия бессильна... Если мы будем идти днем, то, по крайней мере, сможем вовремя заметить опасность.

Хотя опасностей и трудностей не убавилось, без зловещего присутствия Равна путешествие стало намного приятнее. Он погиб как предатель — туда ему и дорога. Они держали путь на север, оставляя Центральное озеро справа. Идти пришлось лесом, параллельно открытой местности. Шли дни, стада ящеров встречались все реже и реже — в этом районе военная активность была значительно выше. Что ни день, в небе кружили самолеты, словно что-то высматривая. Однажды ночью вспыхнул бой: они видели сполохи разрывов за горизонтом, земля сотрясалась от далеких залпов.

На следующий день мимо прокатила колонна техники. Сначала на севере появилась туча пыли, она вздымалась все выше и выше, словно надвигалась песчаная буря, но кругом была травянистая равнина, а не пустыня, к тому же стена пыли приближалась неестественно равномерно.

— Скорее в лес, — приказал Брайон, устремляясь огромными шагами вперед. — Там, чуть повыше, скальный гребень. Нам лучше спрятаться за ним. Камень закроет нас от приборов наведения.

Он зашвырнул узел с вещами за гребень скалы и потащил Леа вверх. Кругом громоздились огромные валуны; они забрались в узкую щель под самым большим камнем. Желая обезопасить себя, Брайон спрятал узел со снаряжением ниже по склону. Потом сложил из камней бруствер, оставив для наблюдения лишь небольшую щель.

— Я слышу их! — воскликнула Леа. — Какой грохот! Вот они!

Впереди пылевой тучи двигалась темная масса, она росла прямо на глазах. Уже различались массивные силуэты огромных боевых машин. Вокруг метались легкие танкетки, прикрывая колонну с флангов. Силы прикрытия развернулись

широко — от берега озера до предгорий. Над укрытием на малой высоте пронеслось звено сверхзвуковых самолетов — Леа от неожиданности припала к земле, и тут же сверху обрушился грохот звукового следа. Армада надвигалась, равнина почернела от техники. Вокруг, насколько хватало взгляда, были одни машины. От рева двигателей болели уши.

Когда прошли основные силы, было уже далеко за полдень; внизу проносились отдельные отряды легких танков, прикрывавших основную колонну.

— Впечатляющее зрелище, — отметила Леа.

— Нечеловеческое. Одни машины. Роботизированные механизмы. Если бы ими управляли водители, я бы почувствовал общий эмоциональный фон даже на таком расстоянии. Но здесь — ровным счетом ничего.

— Может быть, среди этой армады все-таки затерялись несколько человек? Командиры, так сказать?

— Вполне возможно, что я не уловил их присутствия. Но даже если колонной управляла горстка людей, это означает, что девяносто пять — девяносто восемь процентов машин роботизировано.

— Какой ужас...

— Эта война ужасна в принципе. И смертоносна. Мы останемся здесь до утра. Я хочу, чтобы колонна отошла подальше, прежде чем мы снова тронемся в путь. Одно хорошо — теперь точно известно, куда идти.

— Что ты имеешь в виду?

Брайон указал на глубокие колеи, что прочертили равнину.

— Они оставили такой след, по которому можно идти с закрытыми глазами. Мы пойдем в противоположную сторону и выясним, откуда они появились.

— Но это невозможно! Что, если с той стороны будут приходить все новые силы?

— Нет никакой необходимости идти прямо по следу, он виден издалека. Нельзя забывать об осторожности. Мы пройдем вперед ровно столько, сколько необходимо. И не остановимся, пока не выясним, откуда они появляются.

Первые несколько дней проблем не возникало. Но затем идти по следу стало сложнее. Ландшафт изменился. Центральное озеро исчезло из виду. Местность стала более гористой. Холмистое плато прорезали глубокие ущелья и долины. Брайон остановился на крутом склоне, глядя на следы, отчетливо видневшиеся внизу. Они пересекали равнину и исчезали в тесном ущелье.

— Что будем делать? — спросила Леа.

— Немного перекусим и пораскинем мозгами. Полагаю, можно пройти холмами над ущельем.

Она взглянула на крутые скалы и фыркнула:

— Легче сказать, чем сделать.

Леа достала брикет и показала Брайону почти пустой контейнер.

— К тому же у нас заканчивается еда. Как бы там ни было, нам придется или возвращаться, или вызывать шлюпку, чтобы пополнить запасы.

— Ни то ни другое мне не нравится. Мы продвинулись по следу очень далеко. И должны идти дальше. Пополнить запасы не удастся, а сажать шлюпку в районе с таким скоплением боевой техники очень рискованно. Остается только одно...

— Замолчать и тщательно пережевывать пищу. А потом мы сделаем вот что. Вернемся на равнину, вызовем шлюпку и отправимся на орбиту, где будем в полной безопасности. Подробно обо всем доложим и примемся ждать прибытия экспедиционного корпуса.

Брайон отрицательно покачал головой:

— Мы с тобой не имеем права возвращаться, пока не выясним до конца, что здесь происходит. Нам остается только одно: отправиться в ущелье...

— Ты сошел с ума. Тебе что, жить надоело?

— Не думаю. У нас неплохие шансы. Если быстро обернуться туда и обратно, можно успеть до появления новой партии машин.

— Понимаю, к чему ты клонишь. Это будет одиночное самоубийство, не так ли? Помчишься, как ветер, навстречу опасности, размахивая своим прозрачным кинжалом. А я буду сидеть, охранять снаряжение и терпеливо дожидаться твоего возвращения.

— Что-то в этом роде. У тебя есть замечания, дополнения?

— Только одно. Не проще ли пустить себе пулю в лоб прямо сейчас, чтобы избежать лишних хлопот?

Он взял хрупкую ладонь Леа в свою большую руку и ясно ощутил страх и тревогу, крывшиеся за ее словами.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, и не могу винить тебя за это. Но у нас нет другого выбора. Или мы поворачиваем назад — и тогда всю операцию придется начинать заново. Или идем до победного конца. Я думаю, что мы зашли слишком далеко, чтобы взять и все вот так бросить. Я смогу постоять за себя. И я хочу разобраться с этой планетой раз и навсегда.

Спорить было бесполезно. Как только Леа поняла это, ее

душа исполнилась мрачной покорности. Они молча упаковали вещи и двинулись в холмы, прочь от ущелья, и шли, пока не отыскали подходящую стоянку. Над берегом небольшой горной речушки нависала каменная площадка.

— Здесь ты будешь в безопасности. — Брайон протянул Леа скорострельный пистолет. — Держи его под рукой. Если что-нибудь заметишь, стреляй не задумываясь. Здесь нет друзей — только враги: ящеры, машины и даже люди. Я постараюсь предупредить тебя заранее о своем возвращении, так что не бойся, меня ты не подстрелишь.

Впервые за все время выдалась прохладная ночь, видимо, потому, что они были в горах. Им пришлось вместе забраться в спальник, чтобы хоть как-нибудь согреться. Ко всему привычный Брайон заснул почти мгновенно, но к Леа сон не шел. Она долго лежала, разглядывая сквозь кроны деревьев чужое звездное небо, столь непохожее на небо Земли. Дом был так далеко!..

Леа проснулась от легкого прикосновения. Было уже совсем светло. Брайон прятал кинжал в ножны.

— В последнем докладе мы успели передать все самое важное, поэтому радио тебе лучше не включать. Я надеюсь вернуться на четвертый день к вечеру, если считать, что сегодня — день первый. Обещаю тебе: я вернусь, что бы ни случилось. Но если к условленному сроку меня не будет, ты не должна здесь задерживаться. Надеюсь, ты понимаешь, что отправляться вслед за мной, по меньшей мере, глупо. Вернусь я или нет — на пятый день ты должна уходить. Как только доберешься до равнины, сразу вызывай шлюпку и отправляйся на орбиту. Как можно быстрее. Если мы потерпим неудачу, за нами придут другие. Но не забивай себе голову мрачными мыслями. Через четыре дня я вернусь.

Он развернулся и быстро пошел прочь. Она и сказать ничего не успела. Похоже, он хотел уйти именно так. Ей оставалось только смотреть, как крупная фигура Брайона становилась все меньше и меньше, пока не скрылась за гребнем горы.

Глава 15

ЭКСПЕДИЦИЯ В УЩЕЛЬЕ

Никаких разумных причин задерживаться у входа в ущелье не имелось, но разум тут был ни при чем. Брайон в несколько прыжков преодолел последние метры ступенчатого

склона — и замер, вслушиваясь в тишину. По сторонам вздымались отвесные каменные стены, образуя естественный коридор, уходящий в глубь горы. Ущелье просматривалось вперед примерно на полкилометра, а дальше делало поворот. Когда-то его дно было покрыто травой и кустами, но всю растительность давно перемололи с землей. Только у стен сохранилось несколько клочков зелени. Все остальное погибло под безжалостными гусеницами наступающих армад. Машина за машиной вгрызались траками в каменистую почву, пока та не покрылась сплошным кружевом следов. Брайон глянул под ноги и увидел, что стоит на отпечатке трака размером в добрый квадратный метр. И это был лишь один трак гигантской боевой машины, а их — легион. Недавно здесь прошла целая армада, и, возможно, еще одна на подходе. Неужели ему придется встретиться с такой армией в одиночку?

— Да! — гордо воскликнул он и криво усмехнулся.

Шансов на успех было немного, но это были его шансы. И с каждой секундой, пока он стоял здесь, они убывали, а вероятность того, что он встретит в узком ущелье врага, становилась все выше и выше. Брайон побежал вперед.

Стены ущелья проносились мимо, изрытая почва прыгала под ногами. Приблизительно через час пришлось сбавить темп и перейти на шаг, дыхание стало тяжелым. Немного отдышавшись, он взял прежний темп. Ущелье тянулось километр за километром, нисколько с виду не меняясь. Только к полудню стены расступились, и Брайон вбежал в скалистую долину.

Здесь можно было передохнуть. В первый раз он свернул с разбитой дороги и взобрался на лужайку между валунами. Отсюда хорошо было видно, что дорога пересекает долину и исчезает в ущелье с противоположной стороны. Он сделал несколько глотков воды, откинулся на спину и прикрыл глаза. Час на сон, а потом — дальше. На этой высоте было довольно прохладно, поэтому спать лучше днем, а двигаться ночью. Он знал, что легко перенесет такой режим. На его родной планете, на Анвхаре, провизию на долгую зиму заготавливали за короткое лето. Ему часто приходилось проводить без сна по четыре-пять дней, это его не страшило. Трава мягко пружинила, нагретые солнцем стенки валунов излучали тепло и закрывали от ветра. Брайон улегся поудобнее и сразу уснул.

Глаза открылись точно в назначенное время, и он увидел безоблачное небо. Солнце уже скрылось за вершинами гор, в тени похолодало. Дорога внизу по-прежнему была пуста. Он поправил на поясе ножны, сделал маленький глоток воды и отправился в путь.

Ущелье стало шире, но теперь часто поворачивало, что мешало смотреть вперед. Поначалу он замедлял бег и осторожно огибал каждый поворот, но вскоре понял, что зря теряет время. Будь что будет, здесь, в ущелье, от судьбы не уйдешь. Надо поторапливаться, придется положиться на везение.

Дно ущелья стало более ровным — теперь это была скальная порода, вся расцарапанная стальными гусеницами. Он приспособился к ритму бега, дыхание стало ровным и глубоким. Бежалось легко. Обогнув очередной поворот, он увидел впереди, всего в нескольких метрах от себя, боевую машину.

Реакция у нее была вполне боевой. Четырехствольное орудие только что смотрело вверх, но молниеносно развернулось и уставилось прямо на него. Четыре черных жерла он заметил уже в прыжке. Снаряды ударят в спину, эти штуки бьют без промаха...

Он упал и закатился за скалу, удивляясь тому, что еще жив. Ничего не случилось. Орудия почему-то не стреляли.

Брайон лежал и, тяжело дыша, ждал, когда загрохочут гусеницы и танк двинется вперед. Убежать не получится, это понятно. Как же выбраться? А никак: стены ущелья ровные и отвесные. Спасения не было.

Двигатель взревел, но вдруг заскрежетал и стал давать перебои, а затем заглох совсем. Повисла звенящая тишина. Машина не стала его атаковать, но дорогу заблокировала. Почему она остановилась?

Брайон порывисто вздохнул и медленно встал на ноги. На этот раз он уцелел, а что дальше? Дальше что делать? Скоро стемнеет. Может, удастся обойти танк в темноте? Да нет, для машины темнота не помеха; система наведения работает при любом освещении. Повернуть назад? Можно, но это означает конец. Поражение. Такого он себе позволить не мог. Но почему же эта штука не стреляет? Любопытство, как известно, сильнее страха.

Медленно, сантиметр за сантиметром, он подполз к скале. Поднял голову...

И рухнул на спину, увидев жерла четырех стволов. Они опять не выстрелили. Машина явно обнаружила его, но действовать не торопится. Что за кошки-мышки? У нее же нет другой программы, кроме как на уничтожение. Что же делать?

Он выбрал приличный булыжник, хорошенько размахнулся и швырнул, словно гранату. Когда камень ударился о землю, он вскинул голову.

Двигатель взвыл, башня метнулась за камнем, рев повторился, и орудия вновь уставились в лицо Брайону. Машина

уже дважды могла его убить — и до сих пор этого не произошло. Теперь у нее есть третий шанс. Если она сейчас выстрелит, он не услышит даже звука.

Прошла секунда, две, три. Пушки молчали. Собравшись с духом, он вышел из-за укрытия и двинулся к танку. Орудия медленно вращались, держа его на мушке.

Брайон замер, как только взревели двигатели. Танк задрожал, рванулся вперед и застыл на месте. Тут-то Брайон заметил, что танк потерял одну гусеницу и не может двигаться.

Если обойти танк, тот просто не сможет его преследовать! Брайон рванулся вверх по ущелью, кожей ощущая неотрывный взгляд четырех орудий. Когда он поравнялся с танком, пушки вдруг замерли. Башня развернулась, и орудия поднялись вертикально вверх. Брайон остановился и посмотрел на танк.

Казалось, грозная машина потеряла к нему всякий интерес. Похоже, он вышел из зоны слежения системы наведения, и бортовой компьютер вычеркнул его из памяти. Может, стоит задержаться и осмотреть танк?

Это было чистое любопытство. Напряжение и страх пропали, в голову ударило отчаянное безрассудство. Он во что бы то ни стало должен осмотреть танк. И совершенно неважно, что из этого выйдет.

Осторожно, шаг за шагом, Брайон приблизился, но танк никак не реагировал. Он подошел так близко, что мог рассмотреть сварные швы на броне. Оперся ногой о ведущее колесо и взобрался на борт. Наверху, прямо за орудийной башней, был люк с одной ручкой. Брайон на секунду замешкался, затем протянул руку и налег изо всех сил.

Люк распахнулся легко и бесшумно.

Ничего не случилось. Сердце громко застучало, когда Брайон нагнулся и заглянул внутрь. В танке не было ни души. В полутьме поблескивали приборы, загудел и сразу стих сервомотор. Патронные ленты тянулись к затворам орудий. Все было в полной боевой готовности. Так почему же пушки не стреляли?

Ну довольно! Он рассердился на себя за бестолковость. Чем он тут занимается — попусту рискует жизнью? Удалось обойти танк без вреда для здоровья, и ладно. А теперь нужно двигать дальше. Он сердито топнул по обшивке, спрыгнул вниз и, не оглядываясь, помчался вверх по ущелью.

К тем тайнам, на которых зиждется этот смертоносный мир, добавилась еще одна загадка. И ни одну из них не удастся разгадать, пока он не выяснит, откуда появляются армии.

Когда стемнело, Брайон не стал останавливаться: он по-

прежнему бежал. В свете звезд дорогу было видно хорошо. Даже для него это было нелегким испытанием. Пришлось отдохнуть, хотя до рассвета было еще далеко. И опять в дорогу. Он был совсем измотан, когда добрался до устья бокового ущелья. Опустившись на четвереньки, Брайон тщательно осмотрел землю, но никаких следов не обнаружил. Второе ущелье представлялось безопасным. Он забрался повыше, чтобы не быть замеченным снизу, спрятался между двумя огромными валунами и завалился спать.

Позже его что-то разбудило. На небе, от горизонта до горизонта, ярко горели звезды. Из нижнего ущелья не доносилось ни шороха, но вдали затихал звук реактивных двигателей. Ну, это не по его душу. Он снова закрыл глаза, а когда открыл их, небо было уже серым.

Он замерз, устал, все мышцы болели. Вода обожгла рот ледяным холодом, и, сдержав себя, Брайон сделал лишь несколько осторожных глотков.

Мучительно хотелось есть. Но ничего не поделаешь; он решительно пресек предательские мысли о еде. Надо делать дело. Движение согреет его, а голод и жажду можно пережить. Нужно поторапливаться.

Ущелье стало расширяться, Брайон бежал ближе к восточной стене, стараясь держаться в тени. Хоть какая-то защита на случай, если повстречаются танки. Ущелье пошло вверх, одновременно расширяясь, дорога под ногами стала тверже. Это уже была не просто утрамбованная почва пополам со щебнем, а что-то гладкое и ровное. Брайон нагнулся, чтобы рассмотреть ее получше.

Это была расплавленная порода. Причем не бугристая и в потеках, как бывает при вулканических извержениях, а ровная, будто ее сначала расплавили термопушками, затем выровняли.

Дно ущелья было явно искусственного происхождения.

Солнце выбралось из-за горных вершин и поднялось довольно высоко. Оно освещало идеально ровную поверхность дороги. Брайон осторожно шел вперед, поглядывая на отвесные стены. Те были гладкими, без единой трещины до самого конца ущелья.

Ничего. Вокруг только древние стены. А в конце — тупик. Отсюда ущелье начиналось и опускалось на равнину. Узкий коридор с единственным входом.

Но ведь именно из этого коридора вышла механическая армада, в том нет сомнений. Он видел ее собственными гла-

зами, и след привел его сюда. Почему же здесь ничего нет? Невероятно.

Брайон подошел к стене, потрогал ее рукой и в полном отчаянии несколько раз ударил рукояткой кинжала. Самый настоящий камень. Этого никак не могло быть. И именно так было.

Он обернулся, окинул взглядом ущелье и тут заметил черную колонну. Она была не выше двух метров и стояла метрах в десяти от тупика. Брайон медленно приблизился, обошел колонну кругом и только потом дотронулся. Металл, вернее, какой-то сплав. Слегка тронутый временем, потускневший. Надписей никаких. Непонятно, зачем она здесь. Он поскреб поверхность острием кинжала, на закругленной верхушке появилась блестящая царапина. Сунув кинжал в ножны, он ощутил, как в душе закипает ярость.

— Что же это такое? — вскричал Брайон в полный голос. — Что все это значит?!

Звуки, отскакивая от стен, понеслись вниз по ущелью и провалились в бездонную тишину.

Глава 16

ТАЙНА ЧЕРНОЙ КОЛОННЫ

В бессильной ярости Брайон лягнул черную колонну. Раздался глухой звук, ногу пронзила боль — вот, в сущности, и весь результат.

— Да, Брайон, очень эффектно, — вслух прокомментировал он. — Поступок, достойный гомосапиенса. Полегче стало? Теперь, когда ты немного разрядился, а заодно слегка ушиб ногу, не пора ли поразмыслить над этой проблемой? Самое время. Так, что тебе известно? Во-первых, — он загнул палец, — механическая армада вышла из этого ущелья. В этом сомневаться не приходится. Все следы ведут сюда, в это самое место. Никаких других дорог здесь нет. Что позволяет сделать заключение номер два — машины появляются именно здесь, в конце ущелья, в том месте, где ты сейчас стоишь. Скалы и дно ущелья выглядят монолитными, но возможно, что это не так. Надо проверить. А что, если сначала разобраться с колонной? Она сделана из металла, явно искусственного происхождения, и — ставлю сто против одного —

имеет прямое отношение к нашей проблеме. Итак, третье: исследование колонны — задача номер один.

В мозгу крутилась некая мысль. Какая? Когда он лягнул колонну и ушиб палец, произошло что-то странное. Что? Да, конечно, — звук был такой, будто она полая, скорее даже звон, а не просто глухой удар башмака.

Брайон вынул кинжал, взял его за лезвие. Постучал рукояткой по верху колонны, там, где раньше царапал металл. Звук был глухой. Но когда постучал пониже, звук стал звонче. Полая!

Сразу возник вопрос: а что, если эта полая труба с начинкой? Более чем возможно. Надо постараться вскрыть ее, проникнуть внутрь.

Брайон медленно провел пальцами сверху вниз — поверхность колонны была гладкой. Встав на колени, он внимательно осмотрел нижнюю половину, а затем лег на землю, чтобы обследовать самый низ. Похоже, вокруг основания есть паз толщиной с волос. Брайон сильно надавил кончиком кинжала — и тот вошел в металл! Паз был — он огибал колонну. Хотя на первый взгляд колонна уходила в каменное основание, в действительности на поверхности она имела съемную оболочку. Вставая, Брайон краем глаза заметил легкий серебристый блик в полуметре от основания.

Царапина!

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что царапина находилась на краю шлица, который был миллиметров пятнадцати длиной, а вокруг шлица виднелся тонкий кружок.

Головка винта! И довольно большая. А винты существуют для того, чтобы их выкручивать.

У него был единственный инструмент — кинжал, но сойдет и он. Брайон вогнал острие в паз, нажал на ручку. Ничего. Сильнее. Мускулы напряглись, лезвие согнулось. Как бы не сломать. Ну да ладно. Еще чуть-чуть...

С отчаянным скрипом металлический кружок повернулся на пару миллиметров. Брайон прикоснулся пальцем и почувствовал, что шляпка слегка выступает над поверхностью. Теперь, когда винт стронулся, крутить стало легче. Раз, раз — и вот головка вышла уже вся, блеснули первые витки резьбы. Еще немного — теперь можно крутить пальцами. Брайон выкрутил винт, бросил его на землю, потом нагнулся и заглянул в отверстие. Черно, ничего не видно. Но винт был вкручен здесь не просто так. Он должен что-то крепить. Но что?

Брайон поднял было кинжал, чтобы ткнуть острием внутрь колонны, но передумал. Гораздо мудрее пораскинуть для на-

чала мозгами, чем тыкать наугад. Для чего здесь этот винт? Может он закрывать, например, кнопку? Возможно, но маловероятно. А может, он фиксирует верхнюю полую часть колонны? Это больше похоже на правду.

Нагнувшись, Брайон загнал лезвие в паз и попытался приподнять трубу. Та поддалась!

Понемногу раскачивая колонну, Брайону удалось загнать лезвие в паз на целый сантиметр. Теперь труба должна пойти вверх. Оставив кинжал, он присел и плотно обхватил руками тридцатисантиметровую трубу, обнял ее изо всех сил, медленно распрямил ноги.

Пошло дело! Труба оторвалась от земли. Он глянул вниз и увидел, что труба приподнялась на добрых пару сантиметров, но что-то держало ее изнутри. Медленно и осторожно Брайон переместил руки и потянул снова. Мало-помалу он поднял трубу сантиметров на сорок.

Наконец ему удалось захватить кончиками пальцев нижний обрез. Брайон присел на корточки, набрал в грудь воздуха и стал подниматься. Труба скользила все выше и выше и, вдруг освободившись, повалилась на бок.

Брайон отпрыгнул в сторону, труба со всего маху грохнулась о камень. Тяжело дыша, он рассматривал то, что открылось его взору.

В блестящей металлической раме помещался портативный электронный прибор. Тут были и привычные глазу блоки памяти, трансформаторы, преобразователи, густо опутанные проводами. Из распределительной коробки выходил толстый кабель, который опускался вниз и соединялся с массивным корпусом атомной батареи, установленной в самом низу. Это была крупная батарея, при небольших нагрузках она могла прослужить несколько лет. Но для чего предназначен сам прибор?

Почти все его детали выглядели достаточно знакомо. Рассматривая прибор, Брайон услышал легкое гудение. Неужели работает? Он обошел вокруг, и точно — вот они, дисплеи, по которым пробегали колонки цифр. Прекрасно, значит, работает. Но что это за устройство и как оно связано с появлением военной техники?

Брайон нагнулся, подобрал кинжал, отступил назад, окинул взглядом прибор. Полная загадка. Приподняв кинжал, он прицелился, выглядывая, куда бы половчее ткнуть. Но удержался. Так он ничего не добьется.

Может, здесь есть хоть какие-нибудь надписи? Он наклонился, чтобы присмотреться повнимательнее. Внезапно за спиной послышался резкий хлопок взрыва.

Брайон инстинктивно упал, перекатился и выставил перед собой кинжал.

На него глядели трое. Секунду назад этих людей не было.

Все трое были одеты в толстые черные скафандры, на ногах у них были тяжелые черные башмаки. Их лица скрывали поляризованные щитки шлемов. Каждый держал в руках небольшой металлический чемоданчик, но оружия у них, похоже, не было. Они не меньше его были удивлены неожиданной встречей и при виде ножа испуганно отпрянули. Брайон медленно поднялся, сунул кинжал в ножны и сделал шаг к ближайшему из людей. Тот отступил и нажал кнопку на поясе. Раздался резкий хлопок, и человек исчез так же внезапно, как и появился.

— Что здесь происходит? Кто вы? — спросил Брайон.

Двое оставшихся попятились. Вновь послышались хлопки. Они повторялись один за другим, пока не появилась, по меньшей мере, дюжина людей в таких же костюмах.

Но эти были вооружены. Тяжелые винтовки смотрели прямо на него. Брайон замер, стараясь не двигаться, чтобы никого не испугать. Стоявший впереди, с нашивками на рукаве, опустил оружие и коснулся шлема. Щиток откинулся.

— Кто вы? — спросил человек. — И что вы тут делаете?

Глава 17

УБИЙЦЫ

Остальные тоже открыли свои шлемы.

— Сержант, он понимает вас? — спросил один из них.

— А ножичек у него приличный.

— Скажите ему, пусть бросит.

Брайон понимал их достаточно хорошо: они говорили на космоэсперанто. Этот межзвездный язык знали все, в дополнение к родному. Он медленно положил руку на кинжал.

— Я сейчас брошу оружие на землю. Пожалуйста, не стреляйте.

Пока Брайон доставал кинжал, сержант держал его на мушке. Когда нож упал на землю, тот опустил винтовку и подошел ближе. Это был угрюмый человек с раскосыми глазами, плохо выбритый и с бледной кожей.

— Ты не похож на техника из Гонгонга, — произнес он, — костюм не тот. Что ты тут делаешь?

— Об этом я вас хотел спросить, сержант, — отрезал Брайон. — Отвечайте. У меня гораздо больше вопросов к вам, чем...

— Только не ко мне. Не нравится мне все это. — Он крикнул через плечо: — Капрал! Сгоняйте обратно и принесите скафандр, побольше. Доложите обо всем капитану, пусть он поставит в известность Военное управление.

Снова раздался хлопок. Брайон уже понял, что это напрямую связано с появлением и исчезновением людей, будто они двигались с такой скоростью, что разрывали воздух, как молнии. Звания, рапорты, Военное управление — они наверняка имеют отношение к механизированным армиям, что воюют на этой планете. Похоже, что боевая техника появляется здесь тем же манером.

— Это ваши танки и бронемашины находятся на планете, не так ли?

Сержант поднял винтовку.

— Ничего не знаю, мое дело выполнять приказы. А теперь заткнись, пока я не сдам тебя по команде. Если хочешь поговорить — поговори с Разведкой. Там это любят.

Несмотря на нацеленные винтовки, Брайона переполняло чувство победы. Между этими людьми и битвами на планете, несомненно, существует прямая связь. Разгадка была близка, но нужно держать себя в руках. Он внимательно наблюдал, как группа техников занимается наладкой аппаратуры в черной колонне. Они прозванивали блоки и цепи. Похоже, все было в порядке, потому что управились они быстро. Техники спрятали аппаратуру и взялись устанавливать кожух. Покончив с кожухом, они ввернули на место фиксирующий винт, который ему удалось выкрутить. Брайон хотел задать им несколько вопросов, но сдержался. Такая возможность еще будет. Он обернулся на знакомый хлопок. Вернулся капрал со свертком под мышкой.

— Лейтенант приказал доставить его, к приему все готово. Вот скафандр.

Упоминание о приеме прозвучало несколько зловеще, но под дулами винтовок выбирать не приходилось. Как и было приказано, он натянул костюм и наглухо застегнулся. Сержант захлопнул его шлем и нажал кнопку на поясе. Ощущение было настолько необычным, что его трудно передать словами: все изменилось в одно мгновение. Солдаты, ущелье — все пропало, он стоял на металлической платформе. Вспыхнули прожектора, подбежали солдаты. Под присмотром молоденького офицера они сняли с него скафандр.

— Следуйте за мной, — приказал Брайону офицер.

Упираться смысла не было, не тот момент, и он подчинился. Прежде чем его вывели через массивную дверь, Брайон успел заметить огромное сооружение, опутанное толстыми кабелями, изоляторы размером в человеческий рост. Коридор был выкрашен серым, в него выходило несколько дверей. Они остановились у двери с надписью «Отдел 3», офицер открыл ее и жестом приказал Брайону войти. Он вошел, и дверь за ним захлопнулась.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — спокойным голосом предложил человек, который сидел в кресле, метрах в двух от Брайона. Человек был худ, на его остроскулом, бледном лице выделялись глубоко посаженные глаза. Он был одет в серый мундир. Человек улыбнулся Брайону, но то был просто жест, лишенный теплоты и искренности, так, движение лица. Брайон отлично его слышал, несмотря на то, что их разделяла прозрачная перегородка, проходившая посреди комнаты. Брайон сел в кресло — это был единственный предмет обстановки на его половине.

— У меня есть к вам несколько вопросов, — начал Брайон.

— Я вас понимаю. У меня к вам тоже. Давайте попробуем помочь друг другу: я Хегедус, генерал Народной армии Ополе. А вы кто?

— Меня зовут Брайон Брандт. Я так понимаю, что Отдел 3 представляет военную разведку?

— Да. А вы очень наблюдательны. Мы не причиним вам никакого зла, Брайон. Но нам хотелось бы знать, что вы собирались сделать с дельта-бакеном, когда взялись его разбирать.

— А, так вот как называется эта штука?! Я решил его обследовать, поскольку подозревал, что это устройство имеет отношение к военным действиям на Сельме-II.

— То есть вы намекаете на то, что вы некоторым образом шпион?

— А вы намекаете на то, что эта планета может в некотором смысле представлять для шпиона интерес?

— Давайте оставим эти игры, Брайон. Как вам, должно быть, известно, вас обнаружили в важной стратегической точке. Если вы работаете на разведку Гонгонга, то лучше скажите сразу — мы все равно вытащим из вас правду.

— Боюсь, я не понимаю, о чем идет речь. Правду сказать,

я совершенно сбит с толку всем происходящим. Я прибыл на эту планету и сразу попал в самую гущу военных действий...

— Извините, но на этой планете никакой войны нет... — В первый раз на лице Хегедуса проявилась эмоция — страх. — Ах нет, вам, конечно, неизвестно. Вы до сих пор считаете, что находитесь на Сельме-II. Значит, вы не из Гонгонга...

Он, видимо, принял решение и, наклонившись, нажал какую-то кнопку на пульте у кресла. Брайон почувствовал резкий укол и отдернул руку. Но было поздно. Сверкающая игла воткнулась в подлокотник кресла. Он попытался встать, но не смог. Глаза закрылись против его воли. Он провалился в темноту.

Первый день ожидания Леа провела без всякого беспокойства. Было приятно отдохнуть после утомительного перехода, посидеть, опустив ноги в прохладный ручей. Над кронами деревьев проплывали облака; нет-нет да и пролетала стайка ящериц. Сухое питание было безвкусным, но голод утоляло хорошо и отлично отбивало аппетит. Когда солнце село и в воздухе похолодало, она забралась в спальный мешок. Пистолет положила в изголовье, как наказывал Брайон. Она тревожилась о нем, но старалась об этом не думать. Кроны деревьев превратились в темные заплаты на усыпанном звездами небе. Глаза сомкнулись, сон мягко подхватил Леа.

Посреди ночи она проснулась от крика какого-то животного и испуганно схватилась за пистолет. Ей и раньше не раз доводилось слышать крики ночных животных, но тогда они ее не пугали. Потому что рядом всегда был Брайон. Его молчаливое присутствие давало ощущение безопасности. Она могла спокойно спать, зная, что всегда находится под его защитой. А вот теперь его рядом не было. Ей с трудом удалось заснуть, но она просыпалась еще не раз и с тревогой прислушивалась к ночным звукам. В общем, ночь выдалась беспокойная, и по-настоящему выспаться ей удалось только утром.

Остаток дня Леа провела, исправляя и дополняя последний доклад. Бортовой компьютер шлюпки прокручивал запись, а она устраняла неточности и вносила дополнения. И старалась не думать о том, как Брайон пробирается вверх по ущелью, и о том, что будет, если он повстречается с танками.

Вторая ночь прошла не лучше первой — к утру она была совершенно разбита. Леа выкупалась в прохладной горной речке и при помощи гребня попыталась привести волосы в порядок. Сухое питание было отвратительно как никогда,

она попыталась запить его водой и тут заметила какое-то движение среди деревьев. Там кто-то был!

Она дала Брайону твердое обещание, что будет строго следовать его инструкциям, и тут же приступила к исполнению данного слова. Схватила пистолет и выпустила очередь в ту сторону. Разрывными. Когда шум стрельбы стих, послышался голос, который обращался к ней на космоэсперанто:

— Мы ваши друзья...

Последовала вторая очередь. Нет здесь у нее никаких друзей! Спрятавшись за камнями, она наблюдала за суетой в лесу. В глубине чащи что-то противно чавкнуло, рядом послышался взрыв, затем другой. Со всех сторон повалил едкий дым. Она попыталась задержать дыхание, но всему есть предел. Закашлялась, села, улеглась на бок и, все еще покашливая, закрыла глаза. Она лежала безмолвно и неподвижно, когда из леса высыпали люди в противогазах.

Глава 18

КОШМАР МИЛИТАРИЗМА

Брайон моргнул, открыл глаза и уставился в незнакомый потолок. Мысли путались, не сразу удалось вспомнить, что с ним случилось. Ущелье... нет, он дошел до конца ущелья... черная колонна. Потом солдаты, арест, разговор с человеком по имени Хегедус. Что-то произошло... теперь вспомнил: укол, наркотик, а потом... ничего. Осталось только ощущение того, что прошло немало времени. Он огляделся и обнаружил, что лежит на кровати у стены в большой комнате без окон. Был еще стол, кое-какая металлическая мебель, стулья, покрытые той же тканью, что и кровать. Сильно кружилась голова. Когда он попытался сесть, то накатило так, что пришлось ухватиться за кровать. Однако злость тут же вытеснила дурноту. Такое обращение пришлось ему сильно не по нраву. А загадка Сельма-II оставалась по-прежнему загадкой. Он встал и, превозмогая головокружение, подошел к двери, потрогал ручку. Закрыто. Он уже было отвернулся, но тут в дверном замке что-то загудело. Ручка повернулась, и дверь тихо отворилась.

Подняв огромный кулак, Брайон отступил в сторону. Один раз его уже накачали наркотиками. Сейчас они поймут, что второй раз им придется потрудиться. С них причиталось,

и он точно знал, сколько. Дверь распахнулась, он напрягся. Приготовились!

Вошла Леа.

Рука Брайона в растерянности опустилась, когда Леа обернулась к нему.

— Ты в порядке? — спросила она. — Они мне ничего не говорят.

— Ты как тут оказалась? Все-таки пошла следом?

— Да нет, я оставалась в укрытии. Но на второй день после твоего ухода появились солдаты. Они тихо подобрались и сначала обратились ко мне. Я вспомнила твои инструкции и принялась палить, надо признаться, практически наугад. Потом послышались взрывы, повалил дым. Я попыталась было бежать, но, похоже, в дыму был какой-то газ. Помню, как я упала, и все. И только недавно очнулась. Потом пришла женщина и, не говоря ни слова, привела меня сюда. Только я никак в толк не возьму: где это мы и что происходит?

В ее голосе явно слышались истерические нотки, руки были нервно сжаты. Брайон подошел и взял их в свои ладони.

— Не волнуйся, все в порядке. Я знаю не больше твоего, а если больше, то совсем не намного. Я дошел до конца ущелья. Потом появились солдаты, арестовали меня, и я очутился здесь. Не думаю, что нам что-нибудь грозит, у них было достаточно времени, чтобы сделать с нами что угодно. Но кто они и как они нашли тебя? Вот что хотелось бы узнать...

— Сейчас я вам все расскажу, — сказал Хегедус, входя в комнату. — Присаживайтесь, доктор Морис. Вы тоже, Брайон...

— Откуда вы узнали мое имя? — поразилась Леа.

— Ваш приятель нам сказал. Видите ли, мы располагаем достаточно совершенными методиками, наркотическими препаратами, приборами для того, чтобы проникнуть в память любого человека. Метод совершенно безвреден и побочных эффектов не дает. Так мы узнали о вашем задании и о том, где вы дожидаетесь Брайона. И сразу отправились за вами, чтобы избавить вас от тягот пребывания на лоне дикой природы. Нам также стало известно, что вы выполняете особое задание ФКО. Мы сожалеем, что причинили вам такие неудобства, но постараемся это компенсировать.

— Тогда для начала расскажите нам, что происходит на Сельме-II, — предложил Брайон.

— С огромным удовольствием. Для этого я и пришел. Садитесь, садитесь. Может быть, желаете чего-нибудь? Поесть или выпить...

— Ничего. Кроме объяснений...

Терпение Брайона истощилось. Он буквально выпаливал слова. Леа согласно кивнула.

Хегедус уселся напротив, закинул ногу на ногу и положил руки на колено.

— Чтобы объяснить вам все происшедшее, мне придется начать с краткой истории нашей планеты — Арао...

— Значит, мы сейчас не на Сельме-II? — воскликнула пораженная Леа. Хегедус кивнул:

— Вы сейчас находитесь на расстоянии в несколько тысяч световых лет от Сельма-II, в другой солнечной системе, на планете Арао. Как показали архивные исследования, наша планета была заселена одной из последних перед Расколом. Здесь поселились люди, бежавшие от надвигающихся войн. Наши предки желали жить в мире и для достижения этой цели избрали единственно верный путь — упорный труд, самопожертвование...

— Не возражаете, если мы сократим исторический экскурс и перейдем непосредственно к современной ситуации? — перебила его Леа. — Нам всем пришлось пройти через борьбу и самопожертвование.

— Конечно! Извините. Но вступление необходимо. Потерпите пару минут. Как я уже говорил, беглецы захватили два межзвездных крейсера, погрузили все необходимое и отправились в глубокий Космос. Курс был известен только узкому кругу посвященных лиц. Наконец была обнаружена планета — плодородная, незаселенная и далеко за пределами колонизированной части Галактики. Так они попали на Арао, и с тех пор каждый год мы в Ополе празднуем День Поселения... — Он заметил нехороший взгляд Леа и ускорил рассказ. — Но не прошло и века с тех пор, как мы обосновались на самом плодородном из двух континентов нашей обетованной планеты, как внезапно разыгралась трагедия. Целый флот военных кораблей свалился на наши головы, это были остатки космической армады, разгромленной в битве. Они, как и мы когда-то, убегали от ужасов Раскола. Возник конфликт, который унес множество жизней, принес неисчислимые страдания и разруху. Хотя наши противники были лучше вооружены, имели численное преимущество, в конце концов победил разум и взаимное уничтожение было остановлено, воцарился мир. Пришельцы согласились поселиться на Гонгонге, втором материке, расположенном в другом полушарии планеты. С тех пор мы так и жили.

Теперь перейдем к дням сегодняшним. Несмотря на то что мы разделили планету и жили достаточно мирно, извест-

ная напряженность в отношениях сохранялась. Мы, первопоселенцы, чувствовали себя в каком-то смысле побежденными и ограбленными и опасались, что в один прекрасный день гонгонгцы нападут опять и уничтожат нас окончательно. Хоть я и не одобряю политику Гонгонга в целом, но могу понять, почему они продолжали вооружаться. В конце концов, их было значительно меньше и они чувствовали себя виноватыми за вторжение. Но это уже история, перейдем, пожалуй, к сегодняшней ситуации...

— Давно пора, — буркнул Брайон.

— Потерпите, пожалуйста. Есть планета Арао, плодородная и благополучная. Теплый океан омывает два континента, населенные счастливыми потомками двух групп переселенцев. Все было бы прекрасно, если бы не те исторические события, которые я уже вкратце изложил. Именно по этим причинам военные бюджеты обеих стран достигли астрономических размеров, промышленность в основном производит вооружение, а большую часть общества составляют военные. Война и угроза войны отравляли наше сознание. И война вполне могла разрушить этот рай, если бы не был изобретен дельта-преобразователь массы. Конечно, честь изобретения принадлежит ученым Ополе, но шпионы Гонгонга украли изобретение. И тем не менее ДПМ стал нашим спасителем, потому что отодвинул угрозу войны от нашей планеты.

— И подсунул этот подарочек другим людям! — воскликнул Брайон. — Я начинаю понимать, к чему вы клоните.

— Вы очень проницательны, хотя догадаться теперь совсем нетрудно. ДПМ — это разновидность ССП, которым оснащены все межзвездные корабли. Корабли совершают прыжки в сверхсветовом пространстве. Мы осуществляем то же самое при помощи ДПМ...

— Но при этом вы можете обойтись без корабля — был бы только приемник, бакен, который возвращает материю в прежнее состояние! — Брайон хлопнул себя по лбу. — Эта черная колонна и есть дельта-бакен, установленный вашими людьми. Стоит кораблю установить такую штуку на сколь угодно далекой планете, и вы сможете обходиться без кораблей.

— Совершенно верно. Это был великий план. Корабли-разведчики отправились на поиски подходящей планеты. Наконец был обнаружен Сельм-II, идеальный театр военных действий. Огромные равнины для танковых баталий. Единственная форма жизни — примитивные ящеры, но наши боевые компьютеры запрограммированы так, чтобы ящеры не страдали. Людей нет...

— Ваши разведчики ошиблись, — поправила его Леа. — На планете есть люди!

Хегедус пожал плечами:

— Произошла небольшая ошибка.

— Для вас — возможно. Но не для тех бедолаг, которые гибнут ни за что ни про что в вашей безумной войне.

Пораженный внезапной догадкой Брайон повернулся к Леа:

— Помнишь, мы обнаружили разрушенный рудник, который аборигены почитают как Святое Место? Теперь все понятно. Когда эти воинствующие подонки отправили на Сельм-II свою боевую технику, там был горняцкий поселок. Но эти нелюди так спешили затеять драку, что просто не заметили рудник, в результате прилетели бомбардировщики и разбомбили его. А те, кто выжил, учились жить рядом с чужой войной и преуспели в этом. Выжили, но при этом образовалась тупиковая культура по типу концентрационного лагеря. Огонь под запретом — чтобы не привлекать внимания боевых роботов. Металл под запретом — его легко обнаружить. Никаких постоянных поселений — их легко уничтожить. Все, что мы узнали, напоминает кошмар. — Брайон повернулся к Хегедусу. — Вам придется за многое ответить.

Хегедус кивнул:

— Мы это понимаем. Изучив вашу память, мы узнали реальную обстановку на Сельме-II и, естественно, сожалеем, что причинили столько зла местным жителям. К сожалению, время нельзя повернуть вспять. Что случилось, то случилось, тут уж ничего не поделаешь. Но мы гарантируем им мирное будущее. Приказ о полном прекращении боевых действий уже отдан. Война на Сельме-II окончена. Самолеты стоят на аэродромах. Боевая техника замерла навсегда. Не будут больше рваться бомбы, стрелять орудия...

— Очень мило с вашей стороны, — съязвила Леа. — Но как быть с бедными аборигенами? Вы хотите бросить их в том жутком состоянии, в которое они попали по вашей милости?

— Конечно. Мы бы могли предпринять определенные шаги, чтобы помочь им, если бы не присутствие Фонда. Ваша организация достаточно богата и создана именно для этих целей. Я уверен, что аборигены только выиграют от вашего присутствия на планете.

— А вы тоже выиграете? — спросил Брайон. — Вы хоть понимаете, насколько разорительна и с экономической точки зрения безумна ваша бесконечная война?

— Что вы несете? — сердито воскликнул Хегедус, впервые утратив выдержку. — Вы говорите совсем как член пар-

тии Мира: «Производство должно работать на потребителя, а не на войну; больше хороших товаров; свободные профсоюзы...» Все это мы уже слышали. Грязная болтовня. Всякий, кто произносит такие речи, есть враг нашего общества и должен быть уничтожен. Партия Мира объявлена вне закона, ее членам — место в лагерях. Армия — мать свободы, потеря бдительности — преступление...

Он даже вспотел и, запыхавшись, умолк.

— Ой-ой-ой, — сладко пропела Леа, — мы, кажется, задели вас за живое. Похоже, люди начали уставать от дремучей военной тупости...

— Молчать! — вскричал Хегедус вне себя от гнева. — Вы находитесь в военном учреждении. Хоть вы и не граждане нашей страны, но за предательские речи вас могут сурово наказать. Все, что вы говорили до сих пор, вам прощается по незнанию. Но предупреждаю: далее вас будут наказывать. Понятно?

— Понятно, — спокойно отозвался Брайон. — В дальнейшем мы постараемся воздержаться от высказывания собственных мыслей. Примите наши извинения. Мы не со зла, а по незнанию, уверяю вас.

Леа собралась было возразить, но вовремя сообразила, куда клонит Брайон, и промолчала. С ополоумевшим воякой спорить бесполезно. Такие, как он, воспринимают окружающий мир как большую казарму. Взвейтесь — развейтесь, за Родину и Отечество; пуля-дура, штык-молодец — и так без конца. Этим миром правят генералы, и они свои кресла добровольно не оставят. Тут-то до обоих и дошло, что на самом деле они — пленники. И попусту дразнить своих тюремщиков — равносильно самоубийству. Слова Брайона прозвучали в унисон ее мыслям:

— Поскольку вы прекратили войну на Сельме-II, то, вероятно, продолжите ее где-нибудь еще?

Хегедус кивнул, достал из кармана платок и промокнул вспотевший лоб:

— По отчетам разведки, уже выбрана другая планета. В настоящий момент воюющие стороны ведут переговоры на самом высоком уровне о том, какие шаги следует предпринять, чтобы перенести военные действия на эту планету.

— Значит, здесь мы больше не нужны, — заметил Брайон. — Я полагаю, нам следует вернуться на Сельм-II.

Хегедус глянул на него и отрицательно покачал головой:

— Вы останетесь здесь. Военные власти сейчас рассматривают ваше дело.

Глава 19

КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ

— Какое отношение к нам имеют ваши военные власти? — спросил Брайон.

Хегедус уже взял себя в руки.

— Перестаньте, Брайон. Минуту назад я вам все объяснил. Наша страна находится в состоянии войны. И живет по военным законам. Вы были арестованы в стратегической зоне, где пытались разрушить важный военный объект. Скажите спасибо, что мы цивилизованные люди и не пристрелили вас на месте.

— А меня почему задержали? — спросила Леа. — Ваши головорезы сначала обстреляли меня газовыми снарядами, а потом похитили. По-вашему, именно так поступают цивилизованные люди?

— Именно. Особенно когда вы шпионите в зоне боевых действий. Однако не будем ссориться. Считайте, что вы наши гости. Почетные гости, поскольку вы первые представители иных миров, ступившие на нашу планету. При всех политических разногласиях Гонгонг и Опале полностью сходятся в одном вопросе. Это полный запрет на межпланетные контакты. Наши страны нашли здесь убежище от разрушительных войн времен Раскола. Галактическое сообщество не может предложить нам ничего полезного.

— Войны закончились несколько тысяч лет назад, — возразил Брайон. — Вы, часом, не рехнулись?

— Нисколько. Нас вполне удовлетворяет нынешнее положение. Нам ничего не нужно от остального мира. Однако внешнее влияние может создать трудности и вызвать к жизни вредные политические движения, которые могут разрушить нашу счастливую жизнь. Такая игра сулит нам только проигрыш. Поэтому мы проводим изоляционистскую политику. А теперь... извините меня: дела. Сержант!

Дверь тут же распахнулась, вошел сержант, грохоча тяжелыми ботинками, и встал по стойке «смирно». Брайон сразу узнал это суровое лицо настоящего солдата. Это был тот самый сержант, который командовал захватившим его отрядом. Хегедус пошел к двери:

— Пока я не вернусь, с вами побудет сержант. Обращай-

тесь к нему по любым вопросам. Вы, должно быть, проголодались.

Упоминание о голоде повергло Брайона в такой шок, что он едва заметил, как Хегедус вышел из комнаты. Ощущение было такое, будто он не ел целую неделю. Последнее время он и не вспоминал о еде, но сейчас голод терзал его, как дикий зверь, даже желудок грозно зарычал.

— Сержант, может, принесете нам поесть?

— Да, сэр. Чего бы вы хотели?

— Бифштексы на этой планете найдутся?

— Мы не дикари — конечно, найдутся. И даже пиво...

— На двоих, пожалуйста, — добавила Леа. — Прекрасно. Хоть на время можно забыть о сухом пайке.

Сержант кивнул и пробормотал что-то в нашлемный микрофон. Брайон чувствовал, как в желудке бурлит целый океан желудочного сока. Появился солдат с огромным подносом, поставил его на стол и исчез. Брайон и Леа набросились на еду.

— В жизни не ел таких бифштексов, — промычал Брайон с набитым ртом.

— И пиво не хуже, — со вздохом добавила Леа, осушив стакан. — Вам бы надо возить сюда туристов с вегетарианских планет — показать им, что значит настоящая еда.

— Да, мэм, — ответил сержант, глядя прямо перед собой.

— Может быть, пивка? Присоединяйтесь, — предложил Брайон.

— На службе не могу, — ответил сержант, уставившись в стену.

— Сержант, а чем вы занимались до армии? — после первого штурма Леа деликатно расправлялась с остатками еды. Брайон искоса глянул на нее и одобрительно кивнул.

— Я в армии всю жизнь.

— А ваши родные? Тоже в армии или бьются на трудовом фронте...

Вопрос прозвучал вполне невинно, но сержант был начеку. Он скосил глаза ровно настолько, чтобы одарить Леа свирепым взглядом, и опять уставился в стену.

— На службе посторонние разговоры запрещены.

Вот и весь разговор. Но от Леа было не так просто отделаться.

— Понятно. Но про войну-то можете рассказать? Какое участие лично вы принимаете в боевых действиях?

— Это военная тайна. Каждый житель Арао принимает участие в войне. И по телевизору каждый день показывают,

целый день, очень интересно. Народ даже делает ставки. Очень увлекает.

— Могу себе представить, — сказал Брайон. Что-то он уже читал в одной книжке по древней истории, там было что-то о хлебе и зрелищах.

— Не подумайте, что я что-то вынюхиваю, если это военная тайна — можете не отвечать. Но интересно знать: неужели обе стороны используют одну и ту же линию ДПМ для доставки техники на Сельм-II? Ту самую, по которой меня сюда доставили?

Сержант сверлил его взглядом, не зная, на что решиться.

— Это не тайна. Стороны пользуются одной системой. Так удобнее следить за равновесием сил на театре военных действий.

— А что же мешает одной из сторон — противнику, конечно, — сделать засаду и уничтожить ваши войска в момент высадки?

— Нейтральная зона, сэр! Это знает всякий, кто смотрит телевизор. Кодированный радиосигнал блокирует все оружие в радиусе тридцати километров от дельта-бакена. Зона свободна от боевых действий.

— Теперь понятно, — сказал Брайон. — Когда я поднимался вверх по ущелью, то наткнулся на танк с порванной гусеницей. Но в остальном он был совершенно исправен. Танк навел на меня орудия, но так и не выстрелил. Это что — уже была нейтральная зона?

— Похоже на то, сэр. В радиусе тридцати километров оружие не стреляет. Больше никаких вопросов! — рявкнул сержант.

Разговор был окончен. Дальше обед проходил в полном молчании. А когда закончился, появился Хегедус. Сержант отдал ему честь, развернулся и вышел.

— Надеюсь, обед вам понравился...

— Довольно! — в голосе Брайона зазвучали сердитые нотки. — Хватит пустой болтовни. Говорите, что вы там решили.

Хегедус позволил себе маленькое удовольствие: прежде чем ответить, он подошел к креслу и сел. Затем закинул ногу на ногу, тщательно разгладил на брюках складку:

— Я принес хорошие вести. Вы причинили нам немало неприятностей и еще больше хлопот, но мы люди терпеливые. Мы не убиваем гонцов, приносящих дурные вести. Принято решение немедленно вернуть вас на Сельм-II. Там вы

получите все ваше снаряжение, и служебная машина доставит вас на равнину, откуда вы сможете вызвать свой корабль. Это будет единственная действующая машина на планете, так что вам нечего опасаться. Как только вы покинете машину, ее тоже отключат. Дельта-бакен будет разрушен сразу после вашей транспортировки. На этом контакт с планетой Сельм-II закончится. Навсегда.

— Вы нас просто отпускаете? — Леа это потрясло, такого поворота событий она никак не ожидала.

— А почему бы и нет? Я же говорил — мы не дикари. Вы выполняли свой долг, а мы свой. Вы не причинили нам никакого зла — да уже и никогда не сможете.

— А если все-таки сможем? Допустим, мы известим галактическое сообщество о вашей планете, и сюда прилетят отряды наших...

Хегедус холодно улыбнулся, заметив, как Брайон сокрушенно покачал головой:

— Не так это просто. Если не невозможно. В нашей Галактике миллионы, миллиарды звезд. Как мы обнаружим эту солнечную систему? У нас нет никакой зацепки — мы даже не видели солнца и не знаем, какого оно типа. У нас нет никаких шансов. Как только будет разрушен дельта-бакен, контакт с Арао прекратится. Навсегда. Если только они сами не захотят возобновить связь с сообществом.

— На это надеяться не стоит, — заметил Хегедус. — А в остальном все, что вы сказали, — истинная правда. Мы не хотим вашего вмешательства и никогда его не допустим. Как лицо официальное, я не хочу вспоминать о ваших подрывных речах в духе партии Мира, но как частное лицо, я прекрасно знаю ваши настроения. Вашему псевдоблаготворительному Фонду не удастся проникнуть на нашу планету и разрушить нашу счастливую жизнь. Мы не позволим вам подстрекать наших рабочих и диссидентов. Нам наша жизнь нравится. Мы не хотим ничего менять. Однако пора. Чем меньше вы будете знать, тем счастливее мы будем. Сержант!

— Сэр! — сержант в ту же секунду распахнул дверь.

— Приказываю вашему отделению немедленно доставить этих двоих в транспортную зону. И никаких разговоров с задержанными.

— Слушаюсь, сэр!

В отделении было восемь хорошо вооруженных солдат. Они с грохотом и топотом ввалились в комнату, под окрики

сержанта выстроились в боевой порядок и взяли ружья на изготовку. До сих пор Леа сдерживалась, но топот и крики вывели ее из себя:

— Идиоты! Вы самые тупые...

— Молчать! — зарычал сержант и потащил ее к двери, держа на мушке Брайона, который инстинктивно рванулся на помощь. — Выполняйте приказы, и все будет хорошо. Вперед... марш!

Оставалось только подчиниться. Брайон взял Леа за руку и почувствовал, что она вся дрожит — от ярости, понятно, не от страха. Он чувствовал то же самое. Полное отчаяние. Как бы ни хотелось, изменить уже ничего нельзя. Их отправят на Сельм-II. Живыми или мертвыми. А безумная война будет продолжаться, пока не истощатся ресурсы планеты.

Они шли, и каждый шаг гулко отдавался в длинном металлическом коридоре. Четыре солдата впереди и четыре сзади. Сержант, зловещий Цербер, держался на шаг позади.

— Неужели ничего нельзя сделать?! — в отчаянии воскликнула Леа.

— Ничего. Не терзайся попусту. Мы сделали все, что могли. Война на Сельме-II окончена, население планеты будет взято под опеку.

— А как же население этой планеты? Неужели жизнь этих людей будет навсегда отравлена военным кошмаром?

— Не разговаривать! — рявкнул сержант так громко, что заболели уши. — Слушать мою команду! Смотреть только вперед! Пошевеливайтесь!

И снова заговорил, но на этот раз тихим шепотом, едва различимым за грохотом ботинок:

— Мы не все такие, как Хегедус. Он генерал. Он вам этого не скажет. У нас в армии шесть тысяч генералов. И зарабатывают они побольше, чем сержанты. Не оборачивайтесь, иначе мы пропали. Ваша комната прослушивалась, и я все слышал. В коридоре микрофонов нет. Осталось несколько секунд. Людям вроде меня приходится идти либо в армию, либо на завод. И никакого мяса. Вы ели генеральские бифштексы. Это надо прекратить. Может, вы сможете нам помочь. Расскажите о нашей беде. Объясните им, что нам нужна помощь. Очень.

В конце коридора показалась большая дверь, которую охраняли двое солдат.

— Слушайте, — прошептал сержант, — Брайон Брандт,

повернитесь ко мне и скажите что-нибудь, прежде чем мы войдем в эту дверь. Я вас толкну. Держите руку на уровне груди... давайте!

Брайон сделал шаг, другой. Чего он хочет? Может, это ловушка Хегедуса? Они уже были возле двери. Может, все это придумано для того, чтобы погубить их?

— Давай же! — прошипела Леа. — Давай, или я сама это сделаю!

— Вы не имеете права вышвыривать нас с планеты таким образом! — вскричал Брайон, обернувшись.

— Закрой пасть! — заорал сержант и с такой силой ударил Брайона в грудь, что тот повалился на спину. — Поднимите его. Тащите внутрь! Женщину тоже!

Грубые руки подхватили их, протащили сквозь дверь в огромное помещение и бросили на помятый металлический пол. Солдаты отступили, подняли винтовки.

— Надевайте, — приказал сержант, когда техники принесли черные скафандры.

Они молча оделись, застегнулись, опустили щитки. И вот они остались одни на металлической платформе.

Брайон поднял на прощание руку, и тут...

Светило солнце, они стояли на скале. Раздался взрыв. Брайон резко обернулся — дельта-бакен превратился в груду дымящихся обломков. Он выбрался из скафандра и помог Леа.

— Что произошло? — спросила она, как только освободилась от шлема.

— Вот что он мне дал, — ответил Брайон, медленно разжав руку.

У него на ладони лежал скрученный клочок бумаги. Он медленно развернул его и, увидев ряд наспех нацарапанных цифр, улыбнулся.

— Я догадываюсь, что это такое, — сказала Леа.

— Правильно, галактические координаты. Положение звезды относительно навигационного центра. Звезда, солнце...

— Вокруг которого вращается планета Арао! Теперь сотрудникам ФКО придется потрудиться, чтобы создать социальную систему, при которой людям на Арао будет жить легче, чем сейчас.

— Тут любое изменение будет во благо. Я хочу сам заняться этим делом. Для меня это будет наслаждением.

— Ты хотел сказать «для нас»? Конечно, на это уйдут

годы, но я обещаю быть терпеливой. Потому что мне очень хочется посмотреть на физиономию Хегедуса, когда мы войдем к нему в кабинет.

Солнце висело над ущельем, его лучи играли на блестящей обшивке небольшой машины на гусеничном ходу. Когда они подошли, двигатель заурчал, машина мягко задрожала.

— Последняя машина на планете, — с этими словами Брайон захлопнул дверцу, и они покатили вперед.

На одном из сидений лежала коробка с экипировкой. Все было в целости и сохранности. Леа вынула передатчик и вручила его Брайону:

— Вызывай шлюпку. Да поскорее, хочется, чтобы она нас уже ждала, когда мы выберемся из этого проклятого ущелья. Я по горло сыта этой планетой, да и другой тоже.

Когда ущелье выплеснулось на равнину, их взорам предстала серебряная игла космошлюпки. Машина остановилась, двигатель смолк.

Впервые за несколько веков стих шум сражений. Война закончилась.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА. Роман
Перевод с английского Л. Жданова 5

СПЕЦИАЛИСТ ПО ЭТИКЕ. Роман
Перевод с английского В. Быстрова. 153

МИР СМЕРТИ. Роман
Перевод с английского А. Захаренкова 279

ЛИНКОР В НАФТАЛИНЕ. Рассказ
Перевод с английского П. Киракозова 425

ПЛАНЕТА ПРОКЛЯТЫХ. Роман
Перевод с английского Н. Васильевой. 443

ПЛАНЕТА, С КОТОРОЙ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ. Роман
Перевод с английского П. Жукова 593

Литературно-художественное издание

Гарри Гаррисон

МИР СМЕРТИ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редакторы *Л. Усачева, Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *М. Мазалова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Хамнбатлеба*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 13.03.2007.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 36,96.
Тираж 4000 экз. Заказ № 7396.

ISBN 978-5-699-09066-2

9 785699 090662 >

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Гарри

ГАРРИСОН

H. Harrison

ISBN 978-5-699-11850-2

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА